Герои подполья

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга о славных подпольщиках, героически боровшихся с фашистскими захватчиками на временно оккупированной советской земле в годы Великой Отечественной войны.

Авторам книги пришлось проделать большую кропотливую работу: изучить архивы — сохранившиеся письма, протоколы, донесения, листовки, газеты, документы противника, провести множество бесед с участниками или очевидцами событий, тщательно проверить по крупицам собранные факты.

Книга «Герои подполья» по сравнению с ранее изданной литературой даёт более широкое представление о подпольной борьбе советских патриотов с фашистскими захватчиками.

По–разному написаны статьи книги. Но главная её задача безусловно решена. Авторам удалось собрать интересный материал и на его основе воссоздать волнующую картину деятельности сотен подпольных организаций и групп, изумительного мужества и самоотверженности героев подполья.

Каждая статья книги раскрывает специфику, конкретные местные условия подпольной борьбы в какой-то одной области, республике или в городе. Взятые вместе, они освещают деятельность подпольщиков почти на всей подвергавшейся временной оккупации советской территории. Столь широкое освещение деятельности подполья является определённым вкладом в научную разработку истории народной партизанской борьбы в тылу фашистских захватчиков.

В центре внимания книги — советские люди, поднявшиеся на борьбу с фашистами, их внутренний мир, чувства и побуждения.

- Герои подполья.
  - СЛОВО О ГЕРОЯХ ПОДПОЛЬЯ
  - В БИТВЕ ЗА ОТЕЧЕСТВО
  - ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ
  - В МОГИЛЕВЕ НА ДНЕПРЕ
  - ВРАГ ПРОСЧИТАЛСЯ
  - НАРОДНАЯ ГВАРДИЯ
  - СТРАНИЧКИ ТЕХ ЛЕТ
    -
    - У МИХАИЛА ИВАНОВИЧА КАЛИНИНА
    - РОВЕНСКОЕ ПОДПОЛЬЕ
    - ПОДПОЛЬЕ В РАЙОННЫХ ЦЕНТРАХ И СЕЛАХ
    - ПОДПОЛЬНЫЙ ОБКОМ ДЕЙСТВУЕТ
    - ПАРТИЗАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

        - НАША ПОДПОЛЬНАЯ ПРЕССА
        - ПУЗНЕНСКАЯ ТРАГЕДИЯ
        - ПОМОЩЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КП(б)У
        - ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА
        - ГЕРОИ СЛАВНОЙ ЭПОПЕИ
        - КОНЕЦ ВРАЖЕСКОЙ ОККУПАЦИИ
    - В ОДЕССКИХ КАТАКОМБАХ
    - СОЛДАТЫ КИЕВСКОГО ПОДПОЛЬЯ
    - НА ПОДСТУПАХ К ГОРОДУ ЛЕНИНА
    - ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ
    - ЭТО БЫЛО В ОРЛЕ
    - В ПРЕДГОРЬЯХ КАВКАЗА
    - ФОТОГРАФИИ
        - ГЕРОИ МИНСКОГО ПОДПОЛЬЯ
        - ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ
        - «НАРОДНАЯ ГВАРДИЯ»
        - ПОДПОЛЬЕ РОВЕНЩИНЫ
        - В ОДЕССКИХ КАТАКОМБАХ
        - БОЙЦЫ НЕВИДИМОГО ФРОНТА
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112

- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156

- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200

- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244

- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288

- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332

- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376

- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420

- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464

- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508

- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549

Герои подполья.
О борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.
Выпуск первый

СЛОВО О ГЕРОЯХ ПОДПОЛЬЯ

Дорогой читатель!

Перед тобой книга о славных подпольщиках, героически боровшихся с фашистскими захватчиками на временно оккупированной советской земле в годы Великой Отечественной войны.

В книге нет ничего выдуманного. Вся она построена на действительных фактах, полна примеров мужества и самоотверженности, которые волнуют сердца, закаляют волю, зовут к подвигам во имя величия и процветания социалистической Родины.

Деятельность подполья — одна из наиболее славных страниц в летописи всенародной партизанской борьбы в тылу фашистских оккупантов. Однако она ещё недостаточно изучена и освещена в нашей печати.

Писать о подполье очень трудно. Дело в том, что подпольщики Действовали в особых условиях: в населённых пунктах, где свирепствовал кровавый фашистский режим, размещались воинские гарнизоны, карательные и разведывательные органы противника. Это требовало от подпольных организаций тщательного соблюдения конспирации, исключало ведение ими какой-либо документации.

Многие подпольщики погибли в борьбе с оккупантами. Очевидцев и свидетельств их деятельности осталось мало.

Авторам книги пришлось проделать большую кропотливую работу: изучить архивы — сохранившиеся письма, протоколы, донесения, листовки, газеты, документы противника, провести множество бесед с участниками или очевидцами событий, тщательно проверить по крупицам собранные факты.

Книга «Герои подполья» по сравнению с ранее изданной литературой даёт более широкое представление о подпольной борьбе советских патриотов с фашистскими захватчиками.

По–разному написаны статьи книги. Но главная её задача безусловно решена. Авторам удалось собрать интересный материал и на его основе воссоздать волнующую картину деятельности сотен подпольных организаций и групп, изумительного мужества и самоотверженности героев подполья.

И это привлекло к книге читателей. Первый её выпуск был издан в 1965 году, второй вышел в свет в 1968 году. За короткий срок оба выпуска быстро разошлись. В 1970 году они были изданы вновь. Но и это издание было вскоре раскуплено читателями. Однако спрос на книгу далеко не удовлетворён. В

издательство и книжные магазины поступают многочисленные запросы на оба выпуска книги. В связи с этим вниманию читателей предлагается новое издание первого и второго выпусков книги «Герои подполья». При подготовке этого издания учтены советы читателей и рецензентов, внесены необходимые уточнения и изменения.

В рецензиях, опубликованных газетами и журналами, в письмах читателей даётся высокая оценка книги.

«Я, испытавший на себе нашествие проклятых фашистов, — пишет в Политиздат из города Хмельник Винницкой области И. Л. Новиков, — не читал, а «глотал» книгу…

Все названные в книге люди (и ещё больше не названных) — это Иваны Сусанины. Их никто не тянул в партизанские отряды и в подпольные организации. Они поднимались на борьбу добровольно и били чем попало проклятых захватчиков».

Бывший комиссар 10–й Калининской партизанской бригады Н. М. Варкасов пишет: «От имени бывших партизан 10–й Калининской партизанской бригады и от себя лично приношу благодарность за книгу «Герои подполья». Важное значение этой книги состоит в том, что в ней впервые освещаются дела бойцов «незримого фронта». Для нас, бывших партизан, особенно приятно, что имена подпольщиков — наших боевых братьев — появляются в печати. Имена их должен знать наш народ».

Интересно с точки зрения подхода к теме следующее пожелание Н. М. Варкасова: «Хотелось бы, чтобы авторы и издательство создали капитальный труд о борьбе с захватчиками населения оккупированной фашистами советской территории. Ведь это были честные советские люди, беззаветно преданные своей любимой Советской Родине. Они отдавали партизанам последний кусок хлеба, последнюю ложку соли, последнюю одежду и обувь. Вместе с партизанами они переживали все ужасы фашистского разбоя, всячески помогали партизанам…»

Пожелание, разумеется, справедливое. Надо заметить, что в книге «Герои подполья» большое внимание уделяется освещению разносторонней помощи населения партизанским отрядам и подпольным организациям, его борьбе за срыв экономических, политических и военных мероприятий фашистских оккупантов.

Каждая статья книги раскрывает специфику, конкретные местные условия подпольной борьбы в какой-то одной области, республике или в городе. Взятые вместе, они освещают деятельность подпольщиков почти на всей подвергавшейся временной оккупации советской территории. Столь широкое освещение деятельности подполья является определённым вкладом в научную разработку истории народной партизанской

борьбы в тылу фашистских захватчиков.

Научный интерес представляют имеющиеся в статьях обобщения и выводы, касающиеся проблемы в целом — состава, организации, способов и методов деятельности подполья, взаимодействия подпольных организаций и партизанских формирований. Большого внимания в этом отношении заслуживает заключительная статья В. Е. Быстрова «Подпольный фронт» (она помещена во втором выпуске книги). В ней сделана серьёзная попытка рассмотреть основные аспекты темы, определить характерные особенности и направления деятельности подпольных организаций и групп, показать её в качестве неразрывной составной части народной партизанской борьбы против фашистских оккупантов, раскрыть руководство подпольем со стороны Коммунистической партии и её органов в тылу врага.

В центре внимания книги — советские люди, поднявшиеся на борьбу с фашистами, их внутренний мир, чувства и побуждения. И это большая заслуга авторов. «Настоящий патриот, — писал из фашистского застенка один из зачинателей минского подполья, И. Х. Козлов, — тот, кто смело смотрит в глаза смерти. Не надо слез. Не надо отчаяния. Наша кровь не прольётся даром.

Крепитесь, крепитесь, не бойтесь и не отчаивайтесь!

Эх! Жить чертовски хочется! Мстить этим варварам — вот что нужно делать. Ну, если бы мне удалось… Можете представить вы, с каким бесстрашием… я бы уничтожал этих гадов ядовитых, а ведь два года назад боялся зарезать курочку.

Жить! Жить! Вот как хочется! Да не прятаться за спину товарищей, а с оружием в руках в ежедневной борьбе с ненавистными шакалами — в этом вся прелесть и вся цель жизни. Жить для Родины, для русского свободолюбивого народа, бороться за честь и свободу его — в этом вся прелесть жизни, это в данный момент идеал жизни»[1].

И. Х. Козлов был художником. Самым мирным трудом до войны занималась руководительница феодосийского подполья Н. М. Листовничая — заведовала детскими яслями. Из книги видно, что такими же простыми советскими людьми были все подпольщики. Рабочие, крестьяне и интеллигенты, коммунисты и беспартийные, они поднимались на борьбу и становились бесстрашными героями, движимые безграничной любовью к Советской Родине.

Авторы показывают трудности, которые пришлось преодолевать подпольщикам. Они не скрывают того, что подпольщики допускали ошибки: ведь в борьбу с опытным в подавлении подполья врагом вступили в большинстве своём

совершенно неискушённые в этом деле люди. Многие герои подполья погибли в схватках с фашистами, в застенках гестапо. Но на смену павшим приходили другие патриоты, накапливался опыт, вырабатывались навыки и методы подпольной деятельности. Подполье превращалось в массовую и весьма эффективную форму партизанской борьбы в тылу фашистских захватчиков, оно выросло в неодолимую силу.

Авторы раскрывают весь этот Сложный, изобилующий примерами мужества и героизма процесс становления и развёртывания подпольной борьбы.

В книге широко освещается политическая работа подпольщиков, показывается деятельность подпольных типографий, рассказывается о содержании подпольных газет и листовок, о способах распространения подпольной печати.

В каждой статье говорится о боевой Деятельности подпольных организаций — о смелых диверсиях, дерзких операциях По уничтожению оккупантов и их пособников, о чрезвычайно опасной работе подпольщиков во вражеских оккупационных учреждениях.

Авторы уделили большое внимание разоблачению оккупационного режима, кровавого «нового порядка», насаждавшегося гитлеровцами на советской земле. Без этого нельзя понять сложности и особенностей подпольной борьбы советских патриотов против фашистских захватчиков, раскрыть величие подвигов героев подполья.

В книге приводятся многочисленные факты зверств, издевательств захватчиков над советскими людьми. Факты эти потрясают и заставляют задуматься над многим. Как могло случиться, что не один, не сотни, а многие тысячи немцев расстреливали, вешали, истязали безоружных людей, в том числе стариков, женщин и детей? Почему могли совершаться эти леденящие душу зверства? На эти вопросы можно дать лишь один ответ: это прямой результат растления людей империализмом. Об этом же свидетельствуют зверства, которые творят американские агрессоры во Вьетнаме, израильские захватчики на оккупированной части арабских земель. И в этом отнюдь не проявляются Национальные черты американцев или евреев, так же как в зверствах фашистов не проявлялись национальные черты немецкого народа.

Мы ведь знаем и других немцев — Эрнста Тельмана, немцев — бойцов интернациональных бригад во время антифашистской войны в Испании, десятки тысяч замученных гитлеровцами немецких антифашистов. И в советском партизанском движении (это показано в книге) участвовали немецкие антифашисты.

Империализм ради своих классовых целей готов пойти на любые преступления против человечества. Вся история империализма убедительно подтверждает это. Поэтому разоблачение злодеяний немецко-фашистских захватчиков — это разоблачение всего империализма, его человеконенавистнической сущности.

Сейчас буржуазные историки и политики усиленно распространяют версию о том, что в злодеяниях гитлеровцев–повинны лишь нацистская партия и её карательные органы, а не гитлеровская армия и её генералитет, которые будто бы были лишь слепым орудием в руках клики Гитлера и вели только боевые действия на фронте. Эта фальсификация преследует далеко идущие цели, В ФРГ ещё не перевелись реваншисты. Они надеются ещё пересмотреть итоги второй мировой войны, вновь призывают к походу на Восток, к борьбе с «мировым коммунизмом»: Среди реваншистов немало бывших гитлеровских генералов и офицеров, занимающих ныне руководящие посты в будесвере ФРГ и НАТО. Морально реабилитировать германский милитаризм, притупить бдительность народов к бывшим гитлеровцам и их сторонникам в вооружённых силах ФРГ и НАТО — такова цель, которую преследуют фальсификаторы истории.

Но от фактов не уйти. А они показывают, что немецко–фашистская армия во главе с её генералами творила такие же бесчинства, что и эсэсовские головорезы. Это убедительно показано на большом фактическом материале статей П. Р. Шевердалкина, А. В. Котова, Е. Н. Шамко, И. Я. Омельяненко, М. Г. Скляднева и А. П. Шаповала.

Борьба советских людей в тылу фашистских захватчиков была ярким выражением неразрывной дружбы народов СССР. Наряду с массовым террором оккупанты пытались духовно растлить население оккупированной советской территории, отравить его прежде всего ядом национализма. В этом им активно помогали украинские, белорусские, латышские, литовские, эстонские, молдавские и другие–националисты. В статьях П. Ф. Штараса, А. М. Черненко, А. А. Коренева, А. К. Рашкевица, Р. Я. Луми и других приводится большой фактический материал, раскрывающий прямое соучастие националистов в преступлениях фашистских захватчиков, показывающий их истинную сущность как злейших врагов подлинных национальных интересов народа.

Одна из сильных сторон обоих выпусков книги «Герои подполья» — показ партийного руководства подпольем. Авторы широко освещают авангардную роль коммунистов и их верных помощников — комсомольцев, раскрывают работу партийных органов, начиная от ЦК ВКП(б) и кончая подпольными райкомами

партии, по руководству подпольными организациями и партизанскими отрядами, всеми формами партизанского движения в тылу фашистских захватчиков.

Авторы подчёркивают, какую огромную роль в развёртывании партизанской борьбы с оккупантами сыграли директивное письмо СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года, постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» от 18 июля 1941 года, приказ наркома обороны И. В. Сталина «О задачах партизанского движения» от 5 сентября 1942 года. В статьях П. Т. Тронько и П. М. Овчаренко, В. Е. Лобанка, Н. И. Макарова, В. С. Давыдовой, А. А. Кузняева и других авторов рассказывается, как практически реализовались положения этих документов.

Все дальше з прошлое уходят годы Великой Отечественной войны. Но справедливо говорят: подлинно великое ещё лучше познаётся на расстоянии. Спустя более четверти века после того, как отгремели последние залпы войны, мы отчётливо видим величие свершённого советским народом подвига, его исторической заслуги Перед всем человечеством.

Мы вновь и вновь обращаем свои взоры к тем, кто в тяжёлую годину фашистского нашествия в кровопролитных боях на фронте и в тылу захватчиков, в самоотверженном труде на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах, в лабораториях и конструкторских бюро добыл нам великую победу, отстоял независимость Советской Родины, обеспечил нашему народу счастье свободной жизни, возможность идти дальше по пути строительства коммунизма.

* * *

В первом выпуске книги «Герои подполья» публикуются статьи о подпольной борьбе в Минске, Витебске, Могилеве, Литве, в Львовской, Ровенской, Одесской, Киевской областях Украины, в Орле, Ленинградской, Калининской областях, Краснодарском крае РСФСР. Эти статьи написаны авторским коллективом в составе: В. Е. Быстрова (руководитель-составитель), В. А. Бегмы, С. А. Вольского, В. С. Давыдовой, Г. П. Иванова, А. А. Кузняева, В. Е. Лобанка, Н. И. Макарова, М. М. Мартынова, П. М. Овчаренко, П. Т. Тронько, А. М. Черненко, П. Р. Шевердалкнна, П. Ф. Штараса.

Кандидат исторических наук А. Котеленец

В БИТВЕ ЗА ОТЕЧЕСТВО

В. С. Давыдова, *кандидат исторических наук*

На седьмой день Великой Отечественной войны, 28 июня 1941 года, передовые части немецких танковых армий, а за ними отборные части СС ворвались в Минск. 1100 дней свирепствовал в столице Советской Белоруссии кровавый фашистский режим. Его сущность была цинично определена Герингом: «В интересах долговременной экономической политики все вновь оккупированные территории на Востоке будут эксплуатироваться как колонии и при помощи колониальных методов».

Постоянный военный гарнизон Минска насчитывал до 5 тысяч солдат и офицеров. В городе размещалось более 100 различных военных организаций и частей тыла группы армий «Центр»[2]: штаб корпуса по охране тыла группы армий «Центр», отдел фашистской контрразведки «Абвер», управление полиции безопасности и СД, военная комендатура, штаб по борьбе с партизанским движением, многочисленные части СС, охранная полиция, жандармерия. Кроме того, в городе размещались воинские части, прибывавшие с фронта или отправлявшиеся на фронт, численность которых иногда доходила до 50–60 тысяч человек. Здесь же находился генеральный комиссариат Белоруссии во главе с ярым фашистом гаулейтером Вильгельмом Кубе, гебитскомиссариат, городской комиссариат, Центральное торговое общество «Остланд», имперское дорожное управление и другие учреждения оккупантов.

Вся эта огромная машина насилия и грабежа была направлена на порабощение и уничтожение советских людей, разграбление Минска и Белоруссии.

Положение в Минске ярко охарактеризовал один из активных участников партийного подполья И. К. Кабушкин в письме к своим родным от 20 сентября 1942 года: «…мы здесь переживаем все трудности… Нашему гневу нет предела и не будет, пока все гитлеровцы не найдут смерть на нашей земле. Вы не можете себе представить все ужасы хозяйничанья гитлеризма под видом так называемого «нового европейского порядка». Зверства, погромы и разрушения — вот к чему сводится весь этот порядок. Людей избивают, детей убивают, терзают и насилуют женщин. Виселицы украшают парки, центральные улицы, дороги… Гестапо днём и ночью хватает людей, скручивает руки колючей проволокой и бросает в тюрьмы, где расстреливает. С военнопленными

поступает так же зверски… Вот один факт. В Минске есть парк культуры и отдыха, напротив него в недостроенных постройках находится лагерь военнопленных. Их там избивали, морили голодом, даже воды не давали досыта и результат — за 6 месяцев прошлого года 18 тысяч человек было брошено в ямы друг на друга…»[3]

Об изуверских методах порабощения советских людей свидетельствуют и сами оккупанты. В начале июля 1941 года в предместье Минска был создан концентрационный лагерь, куда фашисты согнали более 140 тысяч военнопленных и причисленных к ним мужчин из местного населения. Докладывая о положении в этом лагере смерти рейхслейтеру Розенбергу, министериальный советник Дорш 10 июля 1941 года писал: «Пленные, согнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят… По отношению к пленным единственно возможный язык слабой охраны, сутками несущей бессменную службу, —-это огнестрельное оружие, которое она беспощадно применяет…»[4]

Такие же кровавые дела творились в созданном оккупантами еврейском гетто, где томилось до 80 тысяч человек. Всего в Минске и его окрестностях захватчики уничтожили около 400 тысяч советских граждан[5]. И каждый раз истребление советских людей сопровождалось чудовищным изуверством. Фашистские палачи жгли на кострах живых людей, истязали обречённых перед казнью.

«Люди плачут, а мы смеёмся над слезами»[6], — писал к себе в «фатерланд» обер–ефрейтор Иоганн Гердер. Тысячи жителей города были угнаны на каторжные работы в Германию.

Чудовищные злодеяния! Но не менее чудовищно то, что есть «судьи», склонные иначе оценивать эти преступления. В мае 1963 года в ФРГ закончился длившийся восемь месяцев процесс по делу бывших ответственных сотрудников полиции безопасности и СД 6 Минске эсэсовцев Хойзера, Вильке, Шлегеля, Освальда, Хардера И др. В обвинительном заключении, подтверждённом исчерпывагощимй доказательствами, указывалось, что бывший заместитель начальника минского СД Хойзер виновен в убийстве 30 356 человек. Вместе с Хардером он привязывал свои жертвы к столбам, обливал их горючим и сжигал живыми. Его сообщники творили столь же гнусные злодеяния. Шлегель уничтожил 5280, Внльке — свыше 3000, Федер — 1920 советских граждан и т. д. И это далеко не полный перечень преступлений фашистских извергов. Тем не менее «беспристрастный» суд счёл возможным сохранить жизнь преступникам; несмотря на негодование

мирового общественного мнения, суд ограничился весьма мягким наказанием убийц[7].

Население было обречено на голодную смерть. Оно не снабжалось ни продовольствием, ни предметами первой необходимости, ни топливом; систематически грабилось с помощью всевозможных налогов и поборов. Под силой оружия и угрозой голодной смерти советские граждане вынуждены были работать на предприятиях, обслуживавших нужды гитлеровской армии.

Труд на этих предприятиях ничем не отличался от труда каторжников. Допрошенный впоследствии советской следственной комиссией технический руководитель мастерской фирмы «Требец» Ф. Райтцук показал: «Я, как представитель фирмы «Требец» в Минске, утверждаю, что советских граждан… оккупационные власти направляли работать в принудительном порядке… Представители фирмы жестоко эксплуатировали советских граждан, заставляли даже стариков работать по 10–12 часов за малую плату, били и плохо кормили. Хозяин фирмы — Борман лично избивал советских людей, работавших у него»[8].

В городе был установлен жестокий полицейский режим. Передвижение жителей по улицам города и за его пределы разрешалось только в строго установленное время и по специальным пропускам. Систематически проводились массовые облавы и обыски.

Для выполнения наиболее грязных дел гитлеровские оккупанты привезли в своём обозе из Германии белорусских буржуазных националистов. Национал–фашисты Акинчиц, Островский, Козловский, Ивановский, Гадлевский из кожи лезли вон, чтобы выслужиться перед своими хозяевами, были их прямыми соучастниками в чудовищных злодеяниях и преступлениях, совершенных на белорусской земле.

Весь оккупационный режим в Минске, как и на всей захваченной фашистами советской территории, был направлен на то, чтобы поставить советских людей на колени, убить в них волю к сопротивлению, превратить их в своих рабов.

Но расчёты гитлеровских поработителей потерпели крах. Трудящиеся столицы Белоруссии, не страшась фашистской расправы, смело и самоотверженно выступили на борьбу против немецко–фашистских захватчиков и их «нового порядка», за свободу и независимость своей социалистической Родины. Во главе этой беспримерной битвы стояли коммунисты.

* * *

Партийное и комсомольское подполье в Минске начало создаваться в первые месяцы оккупации по инициативе оставшихся в городе коммунистов. Большинство из них прошло большую жизненную школу, получило крепкую политическую закалку в предвоенные годы. Для них не было вопроса: как вести себя в этой чрезвычайно трудной и сложной обстановке. Призыв партии к развёртыванию всенародной борьбы с оккупантами был для них боевой директивой. Они создавали подпольные партийные и комсомольские группы, в состав которых входили и беспартийные патриоты. Вначале объединялись, как правило, друзья, товарищи, знакомые, хорошо знавшие друг друга по довоенной работе или учёбе и целиком доверявшие друг другу.

Одна из первых подпольных партийных групп возникла (июль — август 1941 года) на Минском железнодорожном узле. В неё вошли бывший начальник паровозного депо станции Минск коммунист Ф. С. Кузнецов, машинисты и железнодорожные рабочие А. Д. Балашов, О. С. Куприянова, К. А. Павленко, Е. К. Горица, И. И. Иващенок и другие. В это лее время по инициативе коммунистов белорусской конторы «Главнефтесбыта» возникла партийная подпольная группа сотрудников государственных учреждений в Октябрьском районе города. В её состав вошли К. Д. Григорьев, И. П. Казинец, В. К. Никифоров, советский офицер Г. М. Семенов. В районе Комаровки сложилась группа, в которую вошли коммунисты С. И. Заяц (Зайцев), С. К. Омельянюк (отец), В. С. Омельянюк (сын), А. В. Калиновский, Н. А. Шугаев, И. М. Тимчук. Рабочий коммунист К. И. Трус и культработник 3–й Советской больницы О. Ф. Щербацевич организовали подпольную группу по спасению из лазарета военнопленных раненых солдат и офицеров Красной Армии.

Преподаватели и студенты Белорусского юридического института объединились в подпольную группу, в которую вошли коммунисты М. Ф. Малаковнч, М. Б. Осипова, А. А. Соколова, а также М. Столов и Р. М. Бромберг. Коммунисты, оказавшиеся в гетто, вскоре создали подпольную партийную группу в составе М. Л. Гебелева, М. М. Пруслина, Х. М. Пруслиной, Н. Л. Фельдмана, З. М. Окуня, Э. Родовой (комсомолка). Наряду с этими группами в разных районах города возникают и действуют подпольные группы, созданные по инициативе коммунистов А. Ф. Арндта, Н. Г. ДемиДенко, А. А. Маркевича, М Л. Екельчика.

С первых дней оккупации Минска медицинские работники М. М. Владысик, Е. Ф. Зязнн, В. М. Гуринович, В. Ф. Рубец, А. А. Мохова, А. И. Сидорович, А. С. Ананьева, профессор Е. В. Клумов включились в активную борьбу против гитлеровцев. Они переодевали выздоравливающих советских воинов, обеспечивали

их документами и выводили из лазаретов, оказывали медицинскую помощь раненым, скрывавшимся у жителей Минска, накапливали на конспиративных квартирах медикаменты, перевязочные материалы.

Видную роль в создании минского подполья сыграли многие командиры и политработники Красной Армии. Это были воины, стойко сражавшиеся на подступах к столице Белоруссии и в самом городе. Часть их, в том числе и раненые, оказалась в окружении и нашла убежище у патриотов Минска. В дальнейшем они приняли участие в подпольной борьбе. В их числе следует отметить батальонного комиссара Б. Г. Бывалого, политрука В. М. Бочарова, младшего лейтенанта И. К. Кабушкина, старшего лейтенанта А. Макаренко, полковника В. И. Ничипоровича, майора И. З. Рябышева, бригадного комиссара Н. И. Толкачева.

Первоначально подпольные группы не были связаны между собой. Состав их был неустойчивым. Объединяющего общепартийного центра в городе ещё не было, и группы действовали самостоятельно. Один из организаторов подполья, И. П. Казинец, в декабре 1941 года писал: «На протяжении почти шести месяцев мы создавали актив из проверенных коммунистов. Имея солидную массу боеспособных товарищей, мы несколько раз пытались создать партийную группу, которая бы повела агитмассовую работу среди населения Минска. Частично работа проводилась, но твёрдое руководство на сей день отсутствует»[9]. В то же время стоявшие перед подпольщиками задачи и вся обстановка настоятельно требовали объединения и координации действий подпольщиков, централизованного руководства их работой.

Коммунист И. П. Казинец и его товарищи взяли на себя инициативу по созданию городского подпольного партийного центра. В конце ноября—начале декабря 1941 года на конспиративной квартире по улице Луговой, 5 (ныне 34), было проведено совещание представителей некоторых подпольных групп. Полагая, что в Минске действует строго законспирированный подпольный горком партии, с которым ни одной группе пока не удалось установить связь, совещание образовало временный партийный орган, назвав его «дополнительный партийный комитет» (допартком). На самом же деле в силу быстрого захвата Минска вражескими войсками партийные органы не сумели оставить подпольного горкома партии. Позже, когда стало ясно, что подпольного горкома партии в городе нет, допартком стал именоваться городским партийным комитетом (ГПК). В состав городского партийного комитета на этом совещании были избраны и позднее введены

К. Д. Григорьев, С. И. Заяц (Зайцев), И. П. Казинец, Г. М. Семенов, В. С. Жудро. Секретарем городского комитета единодушно был избран И. П. Казинец.

Это был замечательный советский патриот, стойкий солдат партии. Нелегким был его жизненный путь. Родился Исай Павлович в 1910 году в Батуми в семье рабочего. В 1919 году его отца — руководителя партизанского отряда — зверски зарубили шашками белогвардейцы. В семье осталось пять сирот. Исай воспитывался в детском доме, а уже с 1926 года начал трудовую деятельность в качестве ученика слесаря в «Главнефтесбыте» города Батуми. В этой системе Исай Павлович работал в Калинине, Горьком и Белостоке. В июне 1940 года он был избран секретарём первичной парторганизации Белостокской конторы «Главнефтесбыта», где и проработал до начала Великой Отечественной войны.

В первые дни войны он вместе с товарищами по работе и частями Красной Армии отступал на восток. Но, как и тысячи других советских людей, уйти от быстро катившейся фашистской лавины не смог. Так он оказался в оккупированном врагом Минске, где вскоре установил тесные связи с руководителем Белорусской конторы «Главнефтесбыта» К. Д. Григорьевым и В. К. Никифоровым и с ними начал организацию подпольных групп. Вспоминая о своём боевом друге, К. Д. Григорьев писал: «В страшное время больших потрясений и величайших испытаний человеческого духа среди развалин Минска нашёлся человек, который… разорвал мрак неизвестности, внушил людям веру в победу, показал им яркие звёзды Кремля. Отыскал и связал в единое целое более 20 партийных подпольных групп. Организовал регулярную работу подпольной типографии, распространял нелегальные газеты и листовки… Находил способы проникать в концентрационные лагеря и устраивать побеги заключенных…»

Сам Константин Денисович Григорьев был одним из руководителей подполья. Он родился в 1895 году в Петрограде, с 14 лет стал работать сначала учеником слесаря, а затем фрезеровщиком па металлических заводах города. С 1917 по 1923 год находился в Красной Армии, откуда перешёл на руководящую работу в систему «Главнефтеебыта» в Казани. В 1919 году Константин Денисович был принят в партию. После окончания в 1936 году Нефтяной промакадемии имени Кирова в Баку, работал управляющим Белорусской конторой «Главнефтесбыта». Война застала К. Д. Григорьева в Минске, где он вместе с И. П. Казинцом и другими коммунистами с первых дней стал организовывать подпольные группы в Октябрьском районе города. На протяжении

всего периода оккупации Минска К. Д. Григорьев мужественно боролся против фашизма.

Совещание представителей подпольных групп обсудило организационную структуру городской партийной организации, разработанную И. П. Казинцом. В основу организационного построения её был положен принцип звеньев (десяток). Они образовывались исключительно на основании личного знакомства и рекомендации. Звенья возглавлялись секретарями, поддерживавшими связь с комитетом только через его представителей или уполномоченных. Каждый представитель комитета направлял работу нескольких звеньев.

Члены этих звеньев в помощь себе создавали комсомольские группы[10].

И. П. Казинец писал: «Структура нашей организации должна быть следующей:

1. Комитет — 3 человека.
2. Звеньевые организации — не более десяти человек.
3. Комсомольские группы в составе до пяти человек (включая и беспартийных, при условии: комсомольцев 3 и беспартийных 2 человека)… Дополнительный городской партийный комитет должен быть в глубоком подполье, строго засекречен, и каждый из его членов должен быть под псевдонимом. Звеньевые организации допарткома находятся в подполье и знают только своего секретаря по псевдониму, который связан с представителем допарткома…» 15 декабря 1941 года городской партийный комитет постановил: «Разработанную структуру провести в жизнь»[11].

Члены комитета, руководители звеньев и многие подпольщики взяли себе подпольные клички: И. П. Казинец — Славка, Победит, К. Д. Григорьев — Катай, Г. М. Семенов — Жук.

Уже к 25 декабря 1941 года было создано 12 партийных звеньев и 6 комсомольских групп. Руководителями партийных звеньев были В. К. Никифоров (Тимофеев), Калейник (Андрей), Н. Юрков (Пижон), И. Новаковский (Полевой), Ю. Каминский (Грешный). Комсомольскими группами руководили С. А. Благоразумов (Быстрый), Малый (не расшифровано)[12].

О развёртывании организованной борьбы на предприятиях и в учреждениях города вскоре стало известно врагам. В «Сообщениях полиции безопасности и СД из восточных областей № 10 с 1 по 28 февраля 1942 года» по этому поводу говорится: «… (коммунисты) пытаются создать коммунистические ячейки, являющиеся исходным пунктом для интенсивной антигерманской пропаганды.

Множество таких ячеек было выявлено на важных военно-

хозяйственных предприятиях: на Минской электростанции, радио и приборостроительном заводе, на обувной фабрике, в плодоовощтресте в Минске. Планомерно проводимая подрывная работа должна была вызвать массовую забастовку…»[13].

В начале января 1942 года городской партийный комитет установил тесные связи с комаровской подпольной группой и ввёл в свой состав одного из организаторов группы—С. И. Зайца (Зайцева). Это был скромный коммунист, прошедший суровую жизненную школу. Девятилетним мальчиком С. И. Заяц начал работать. Он был чернорабочим, батрачил у кулаков, а в 1924 году стал мастером–стеклодувом на заводе «Пролетарий» в Минске. В 1929 году С. И. Заяц вступил в партию и вскоре был избран секретарём парторганизации завода «Пролетарий». Накануне Отечественной войны он работал заведующим земельным отделом исполкома Минского райсовета. С первых дней оккупации Минска С. И. Заяц вёл активную борьбу с захватчиками.

Непосредственные контакты горпартком установил также с подпольной группой железнодорожного узла и Военным советом партизанского движения (ВСПД), который был создан ещё в сентябре 1941 года. В него входили командиры, политработники, бойцы Красной Армии, пришедшие из окружения или бежавшие из фашистского плена. ВСПД ставил своей задачей организацию партизанского движения в окрестностях Минска. В него входили Г. Адамович, И. Адамович (Боб), А. Ф. Арндт, Н. Ф. Герасимович, Г. Глухов, Е. Горица, И. Демин, Л. Д. Драгун, Н. Е. Иванов, Н. И. Иванов, И. М. Никитин, П. С. Алейчик, В. А. Соловьянчик, Н. И. Толкачев и другие[14].

В марте — апреле 1942 года фашистские карательные органы нанесли серьёзный удар по минскому партийному подполью. В застенки гестапо были брошены сотни подпольщиков. Однако разгромить подполье, которое по характеру было народным, они не Смогли.

Избежавшие провала подпольщики с ещё большей силой развернули организаторскую, агитационно–массовую и политическую работу.

В начале мая 1942 года на одной из конспиративных квартир состоялось совещание актива подпольщиков. На совещании присутствовали М. Л. Гебелев, Н. А. Голубовская, К. Д. Григорьев, И. К. Ковалев, Д. А. Короткевич, В. К. Никифоров, В. С. Омельянюк, В. И. Сайчик, К. И. Хмелевский и другие — всего 14 человек. Сохранились весьма интересные документы совещания, которые раскрывают содержание обсуждавшихся на нём вопросов, показывают деловой, критический характер его работы.

Совещание обстоятельно рассмотрело итоги деятельности партийного подполья за полгода. Оценивая организационное построение подполья, совещание пришло к выводу, что оно не вполне соответствовало условиям борьбы при фашистском режиме. Основной недостаток организационной структуры состоял в том, что она не обеспечивала прочных связей подпольщиков с рабочими коллективами важнейших предприятий города. В принятом совещанием положении «Организационные принципы и структура подпольной парторганизации» говорилось: «Шестимесячный опыт работы подпольной организации КП(б)Б показал, что территориальный принцип построения первичных парторганизации (т. н. «десятки») не даёт возможности охвата влиянием партии основных кадров рабочих и трудовой интеллигенции, готовых к борьбе с немецкими оккупантами. Прежняя структура не дала возможности связаться с основными, с точки зрения наших военных задач, предприятиями города»[15].

Особое внимание было уделено выяснению причин мартовского провала. Главной из них, по мнению совещания, была слабая конспирация. Суровой критике подвергался Военный совет партизанского движения, который вообще пренебрегал правилами конспирации. В состав руководящего ядра входило недопустимо большое количество людей (до 30 человек), все они часто собирались вместе.

ВСПД издавал письменные приказы и размножал их в большом количестве. В штабе Военного совета проводилось дежурство. Эти и другие грубые нарушения конспирации привели к тому, что значительное количество членов организации было лично знакомо друг с другом, знало о всех делах и планах ВСПД. Все это облегчало проникновение вражеской агентуры в среду подпольщиков–военнослужащих.

Учитывая ошибки и промахи в прежней работе, совещание решило коренным образом перестроить структуру подпольной партийной организации. Основой подпольной парторганизации становилась производственно–территориальная ячейка в составе не более пяти человек, работавших на данном предприятии или в учреждении. На одном и том же предприятии могло создаваться несколько ячеек, но при соблюдении общего для всех правила — независимость ячеек друг от друга. Возглавлялись ячейки секретарями и направлялись в своей работе кустовыми (зональными) комитетами через связных. Для руководства кустовыми комитетами предусматривалось организовать районные подпольные комитеты в составе трёх человек. Руководящим органом всей городской подпольной партийной

организации положение определило городской партийный комитет в составе пяти человек.

Работа всех звеньев организации (включая ячейки) строилась по отраслевому (функциональному) принципу: агитация, диверсия, разведка и т. д.[16] Это давало возможность подпольщикам сосредоточиться на выполнении определённых задач, накапливать и совершенствовать навыки в работе. Особое внимание обращалось на вопросы конспирации. В положении «Организационные принципы и структура подпольной парторганизации» были также строго определены условия встреч подпольщиков, содержания конспиративных квартир, ведения документации.

На совещании были приняты решения об усилении связей с партизанскими отрядами, о создании типографии и издании подпольных газет и листовок, о расширении влияния среди рабочих заводов имени Октябрьской революции, «Большевик», «Ударник», имени Мясникова, радиозавода, фармацевтического и других предприятий.

Особое значение совещание придавало мерам по установлению связи с Центральным Комитетом Компартии Белоруссии и ЦК ВКП(б).

Были разработаны также меры по обеспечению подпольщиков необходимыми для проживания в городе документами (паспортами, аусвайсами и другими), установлению в городе радиоприёмников и организации приёма передач московского радио[17].

Совещание избрало городской подпольный комитет КП(б) Белоруссии. В состав его вошли Д. А. Короткевич, В. К. Никифоров, В. С. Омельянюк, И. К. Ковалев (Невский, Иван Гаврилович)[18]. На совещании было решено организовать пять подпольных райкомов партии: Заводской, Октябрьский, Советский, Железнодорожный и в гетто. Каждому члену городского партийного комитета поручалось создать подпольный райком и повседневно помогать ему в работе.

Таким образом, майское совещание актива минских подпольщиков утвердило новые организационные принципы подполья, избрало Минский подпольный комитет, наметило ряд организационных мероприятий по развёртыванию в городе борьбы против немецко–фашистских захватчиков.

Вскоре в городе начали действовать подпольные районные комитеты партии. Заводской подпольный райком возглавлял Н. Е. Герасименко, Советский — Н. А. Шугаев, Октябрьский — К. И. Хмелевский, а после перехода последнего в горком -— Н. К. Корженевский, гетто—М. Л. Гебелев, Железнодорожный — И. И.

Матусевич.

Под руководством городского и районных комитетов партии за май —сентябрь 1942 года коммунисты–подпольщики создали широкую сеть подпольных партийных и комсомольских организаций на заводах имени Мясникова, имени Октябрьской революции, «Большевик», «Красная заря», «Беларусь», радиозаводе, в типографии, на ГЭС-2, мясокомбинате, кирпичных заводах, хлебозаводе «Автомат», нефтебазе, маслозаводе, тарном заводе и на других предприятиях и в учреждениях.

В подавляющем большинстве эти организации строились на базе подпольных групп, возникших ещё в 1941 году.

Окрепли подпольные группы в районах Комаровки, Сторожевкн, парке имени Челюскинцев, по Червенскому тракту (ныне улица Маяковского), в посёлках Пушкинском, Грушевском, имени Коминтерна, Болотной станции и других[19].

Для того чтобы подпольщики могли закрепиться и развернуть активные действия в оккупированном городе, наводнённом многочисленными карательными органами, городскому партийному центру первого и второго составов необходимо было решить целый ряд новых, чрезвычайно сложных вопросов.

Прежде всего остро встал вопрос об обеспечении подпольщиков всевозможными документами, необходимыми для проживания в городе: паспортами, аусвайсами, пропусками для передвижения в комендантский час и для выхода за пределы города. Для этого следовало организовать изготовление различных печатей, штампов,, фотографий для документов. Дело усложнялось тем, что оккупационные власти в целях выявления подпольщиков часто изменяли документацию для горожан. Поэтому в оккупационном аппарате необходимо было иметь своих людей, которые бы доставали бланки документов, оттиски печатей и штампов, предупреждали бы о готовящихся изменениях документов, а также о многочисленных облавах.

По заданию подпольщиков в бюро пропусков Минского городского комиссариата с этой целью устроился комсомолец З. З. Гало (Зорик, Максим). Он систематически снабжал подпольщиков бланками пропусков, образцами печатей и подписей фашистских начальников на документах.

Для учёта населения города и введения паспортного режима в городском комиссариате было создано заявочное бюро. Оно ведало обменом и выдачей паспортов, пропиской жителей. Там же находилась картотека адресного стола. Подпольщикам чрезвычайно важно было проникнуть в это учреждение. По заданию подпольщиков Л. Д. Драгун устроилась в адресный стол, а В. А. Соловьянчик — в отдел прописки и выписки. Через них

участники подполья получили возможность доставать оформленные паспорта, прописываться в городе, менять адреса. Они сообщали подпольщикам о лицах, чьими адресами интересовались фашисты, запутывали картотеку и другую документацию[20].

По заданию Минского комитета КП(б)Б весной и летом 1942 года значительную работу по обеспечению подпольщиков документами проводил В. И. Сайчик (Батя, Старик, Дед). Большую помощь в снабжении документами подпольщиков и военнопленных, спасённых из лагерей, оказывала А. Ф. Веремейчик, которая через Г. И. Зубкова, П. Г. Климовича, И. П. Климовича (работали в горуправе), Н. С. Мохнача (работал на бирже труда) доставала бланки различных удостоверений, паспортов, аусвайсов.

Одновременно было организовано изготовление документов сат мими подпольщиками. Большого мастерства достиг в этом художник И. Х. Козлов. В его квартире по улице Комаровской, 55 (ныне улица имени Варвашени), изготовлялись документы для. подпольщиков, военнопленных, бежавших из лагерей, партизанских связных, разведчиков. Искусно изготовлял печати и подделывал подписи И. Адамович (Боб). Изготовление документов производилось также подпольщиками гетто.

Важной задачей был подбор конспиративных квартир. Многие подпольщики нигде не работали, имели фальшивые документы и поэтому должны были часто менять местожительство. Нужны были квартиры для совещаний подпольщиков, приёма связных партизанских отрядов, для хранения оружия, бумаги, медикаментов. Их предоставляли с риском для жизни советские патриоты, принимавшие активное участие в работе подполья.

Еще в первые дни войны центр Минска был разрушен и сожжён варварскими бомбардировками. Большинство явочных квартир сосредоточивалось на окраинах Минска — в районах Комаровки, Сторожевки, Серебрянки, товарной станции, парка имени Челюскинцев. Там, в старых, покосившихся от времени домах, городской партийный комитет проводил свои заседания: по улице Луговой, 5, где проживал член подпольного комитета Г. М. Семенов, по улице Проводной, 24, у К. С. Каминской, по Червенскому тракту (ныне улица Маяковского), 75, и в других квартирах. Члены подпольной парторганизации железнодорожного узла собирались у Ф. С. Кузнецова по улице Чкалова, 26. Коммунисты Октябрьского района проводили совещания у секретаря подпольного райкома партии Н. К. Корженевского по улице Совхозной, 32. Центром заводского

подпольного райкома партии была квартира секретаря комитета Н. Е. Герасименко по улице Немига, 25, кв. 5. По улице Советской, 20, в помещении аптеки была организована конспиративная квартира аптечной подпольной группы, которую возглавлял комсомолец Г. Г. Фалевич, казнённый фашистами 15 сентября 1942 года[21].

Не менее трудной на протяжении всего времени существования подполья была организация снабжения продуктами питания участников подполья, их семей, семей партизанских связных. Ведь фактически население города продовольствием не снабжалось. Подпольщики устраивали своих людей на работу в продовольственные учреждения оккупантов, на склады и в меру своих возможностей добывали там продукты питания. Так, ещё в сентябре 1941 года в подотдел распределения и нормирования хозяйственного отдела Минского городского комиссариата, который ведал распределением продовольственных и хлебных карточек, устроился на работу подпольщик доцент Т. А. Зарубин. Работая в этом отделе, а затем заведуя конторой по выдаче карточек, Т. А. Зарубин с помощью своих товарищей систематически снабжал подпольщиков продовольственными и хлебными карточками. Это требовало много смелости, изворотливости, находчивости.

Гитлеровцы не раз проверяли деятельность конторы, но всё сходило благополучно. В городском комиссариате были люди, сочувствовавшие подпольщикам. Они иногда подсказывали, как лучше оформлять документы, чтобы не провалиться. Большую помощь в выполнении этого ответственного задания оказывали члены семьи подпольщиков Обламских[22].

В 1942 году было налажено изготовление продовольственных карточек в подпольной типографии. Так, например, карточки печатались в типографии, в доме Вороновых, по улице Шорной, 9. Кроме того, через В. И. Сайчика, Б. Пупко, М. М. Воронова подпольщики иногда доставали карточки прямо из типографии Дома печати, где они изготовлялись фашистской администрацией.

По продовольственным карточкам жители Минска получали незначительное количество хлеба и некоторые другие эрзац–продукты. Жители буквально голодали. Недаром подпольщики изготовили клише с надписью: «Долой гитлеровские сто грамм, да здравствует советский килограмм», которым штамповали различные фашистские объявления. Карточки же важны были для подпольщиков и как своего рода документы для подтверждения легальности существования.

* * *

Все подпольные группы начали свою деятельность с развёртывания массово–политической работы среди населения города. Значение её в начальный период войны было особенно велико. Оглушенные лживой фашистской пропагандой, удручённые отступлением Красной Армии, многие оставшиеся в городе люди растерялись, не верили в возможность победы над врагом, а те, кто стремился к борьбе, не знали, с чего начать. Следовало поднять моральный дух населения, внушить людям веру в победу, в возможность и необходимость борьбы в условиях вражеской оккупации, подсказать им пути и методы этой борьбы. Много усилий приложили подпольщики к тому, чтобы разыскать и установить радиоприёмники, начать слушать передачи московского радио. Уже в июле — августе 1941 года на многих конспиративных квартирах был организован приём сводок Совинформбюро, хотя хранение радиоприёмников каралось расстрелом. Сводки размножались на машинке или переписывались от руки и широко распространялись среди населения Минска.

Одним из первых в городе организовал прослушивание московского радио В. С. Омельянюк. Он установил у себя на квартире по улице Чернышевского, 11 (ныне 31), радиоприёмник, принимал сводки Совинформбюро, организовал их размножение и распространение в городе. Руководитель подпольной группы на кирпичном заводе № 2 Н. И. Зехов спрятал радиоприёмник в стене заводской сушилки. Здесь он принимал сообщения Совинформбюро, а члены подпольной группы Н. И. Кузнецов, Н. К. Рудаковская, А. И. Кудринкий и другие размножали их и распространяли среди рабочих кирпичных заводов и населения[23].

Прием передач московского радио организовал у себя на квартире по улице Луговой, 34, Г. М. Семенов. Члены подпольной группьГ работников госучреждений К. Д. Григорьев, И. П. Казинец, В. К. Никифоров организовали размножение принимавшихся по радио сводок типографским способом. В бывших казармах и конюшнях 7–й Самарской кавалерийской дивизии, в треугольнике улиц Первомайской, Пулихова, Захарова, гитлеровцы организовали лагерь для гражданского населения. Там нашли убежище и многие военнослужащие. В конце июля 1941 года полковник В. И. Ничипорович установил связи с некоторыми военнослужащими, и по его заданию в Одном из бараков П. Ф. Казимиров установил радиоприёмник и начал принимать передачи московского радио. За сводками приходил

или сам В. И. Ничипорович, или его товарищи. Размножались сводки уже силами подпольной группы[24].

Волнующие, радостные сообщения о начале разгрома немецко-фашистских войск под Москвой вызвали огромный патриотический подъем у минских подпольщиков. В это время они организовывали городской подпольный партийный центр. Исторические победы под Москвой и возникновение городского партийного комитета подняли массово–политическую работу на новую ступень, позволили придать ей более широкий и организованный характер. Уже на своём первом заседании, 15 декабря 1941 года, комитет подробно обсудил вопрос об улучшении политической работы. Было решено к 25 декабря выпустить листовку с материалами об итогах пяти месяцев войны, с изложением результатов героической битвы под Москвой.

Городской партийный комитет умело направлял политическую работу среди населения. Трижды, 5, 21 и 28 января 1942 года, этот вопрос обсуждался на заседаниях комитета. Особое внимание обращалось на выпуск листовок, разоблачающих пропаганду оккупантов и их прислужников — буржуазных националистов.

Героические усилия были предприняты к тому, чтобы быстрее создать в городе подпольную типографию. По поручению комитета коммунист Н. И. Иванов (Подопрйгора) вместе со своими товарищами И. С. Удодом, К. Х. Трошиным, М. С. Полонейчиком вынесли из немецкой типографии «Прорыв» большое количество русского шрифта и другие материалы.

С большим риском для жизни они, спрятав шрифты в карманах, рубахах, под ремнями, смело проходили через пост охраны типографии. На улице в условленном месте их встречала Г. В. Суслова с маленькой дочерью, и подпольщики передавали ей материалы. Она прятала пакетики со шрифтом в муфту, карманы пальто или сумку и приносила домой на Садово–Набережную, 18, где складывала в тайники из торфа, хранившегося в сарае. Подобным же образом доставлялись типографские материалы и на квартиру к С. А. Гордеи. Оттуда связные переносили их в подпольную типографию по улице Островского[25]. Для этой же типографии оборудование доставлялось подпольщиками В. И. Сайчиком, М. М. Вороновым, М. П. Вороновым из типографии Дома печати. Часть шрифта была доставлена из гетто. Ответственным за работу типографии был коммунист М. Б. Чипчин, бывший технический директор типографии Дома печати.

В конце декабря 1941 года подпольная типография наладила

выпуск периодического листка «Вестник Родины». В нём рассказывалось о разгроме немецко–фашистских войск под Москвой. Здесь же было отпечатано «Обращение к гражданам и гражданкам временно оккупированных немецко–фашистскими захватчиками территорий» от имени командования 208–го партизанского отряда и большое количество разных наименований листовок[26]. Отпечатанные в типографии листовки распространялись не только в Минске, но и в его окрестностях, доставлялись в партизанские отряды.

В одном из донесений фашистской охранки сообщалось, что городским партийным комитетом, «по известным до настоящего времени сведениям, партизанам было доставлено около 3 тысяч листовок»[27].

Параллельно с городским подпольным комитетом большую агитационную работу проводила группа коммуниста А. А. Маркевича. Вначале члены этой группы —А. А. Маркевич, В. Иванов, Л. Г. Флейшер, А. С. Ананьева — переписанные от руки сводки Совинформбюро и составленные ими самими листовки расклеивали на дверях домов, на витринах магазинов на Комаровском рынке, разбрасывали по Логойскому тракту и в других местах. К 24–й годовщине Октября члены группы на стенах заводов имени Октябрьской революции, имени Мясннкова и радиозавода написали краской антифашистские лозунги. В декабре 1941 года группа смастерила примитивный шапирограф и наладила регулярный выпуск сводок Совинформбюро и подпольной газеты «Патриот Родины»[28]. Появление подпольных газет и листовок оказало огромное воздействие на население города. Люди убедились, что в городе действует партийное подполье, услышали от него правду о положении на фронте и в советском тылу, страстные призывы к борьбе с захватчиками.

На майском совещании 1942 года рассматривался вопрос об издании газеты и другой подпольной литературы. В принятом положении «Об организационных принципах и структуре подпольной организации» говорилось, что один из членов подпольного городского партийного комитета «руководит агитмассовой работой, являясь одновременно ответственным редактором всех изданий горкома. Под его руководством работает группа журналистов и художников»[29].

Решением комитета ответственными за налаживание приёма радиопередач из Москвы, выпуск газеты и листовок, а также организацию устной агитации были утверждены В. С. Омельянюк и В. К. Никифоров[30].

Минский подпольный комитет решил издавать газету на белорусском языке под названием «Звязда». Этот выбор не был

случайным. Зародившись в огне революционных битв июля 1917 года, газета белорусских большевиков «Звязда» почти четверть века несла широким трудящимся массам Белоруссии большевистское слово и пользовалась большой популярностью в народе. Ее страстные призывы мобилизовывали трудящихся на штурм буржуазно–помещичьего строя, разгром белогвардейцев и интервентов, на строительство социализма. Избрав для своей газеты старое название «Звязда», минские подпольщики как бы подчёркивали, что она будет продолжать славные боевые традиции печати белорусских коммунистов.

Душой издательского дела минских подпольщиков стал Владимир Степанович Омельянюк. Журналист по призванию и профессии, стойкий коммунист, В. С. Омельянюк всю свою кипучую ненависть к фашистским поработителям, свою великую веру в победу советского народа вложил в листовки, воззвания, газету «Звязда». Он часто говорил: «Пулей можно убить одного фашиста, а меткое печатное слово разит сотни». В тяжёлые дни начала мая 1942 года, когда трупы казнённых фашистами боевых товарищей висели на улицах и площадях Минска, Владимир Степанович в квартире А. Я. Цитович от имени подпольщиков писал: «Мы знаем, что близок день нашего освобождения от немецко–фашистского гнёта. Мы никогда не забудем и не простим фашистам мук и крови белорусских людей. Мы никогда не забудем ни комиссара 405–го партизанского отряда Сашу Макаренко, ни члена Минского горкома КП(б)Б Васю Жудро, ни сотни других, может быть безвестных, бойцов, честно погибших за освобождение своей Родины. Они погибли со словами пламенной Долорес Ибаррури в сердце: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». С этим девизом борется весь белорусский народ. И белорусский народ никогда не покорится фашистским каннибалам. Через бури невзгод и страданий, через страшные дни немецко–фашистского хозяйничанья пройдём мы к лучшему будущему. И тогда вновь возродятся на белорусской земле прекрасные города, заработают фабрики и заводы, зацветут колхозные сады, песни польются над полями и реками нашей страны. Так было. Так будет»[31].

В. С. Омельянюк организовал приём по радио материалов из Москвы, сбор сведений о боевых делах партизан. Им было написано большое количество листовок, передовая статья в первом номере газеты «Звязда», отредактированы все материалы этого номера.

Газету набирали нелегально в типографии Дома печати. Наборщики Борис Пупко и Михаил Свиридов на глазах врагов набирали отдельные статьи и заметки. Затем гранки по частям

переносились в молочных бидонах, солдатских котелках на квартиру Вороновых по улице Шорной, 9, подпольщиками С. А. Благоразумовым, Б. Б. Гофман, М. М. Вороновым, В. И. Сайчиком. Верстал газету Михаил Воронов. Здесь же, на квартире Вороновых, «Звязда» была отпечатана тиражом более 2 тысяч экземпляров. В печатании газеты принимали участие отец и сын Вороновы, Е. Лысаковская, Т. Трофимкж и его жена Д. Трофимюк.

«Звязда» — орган Минского подпольного комитета КП(б)Б — вышла в свет в мае 1942 года. В верхнем правом углу её было написано: «Товарищи! С сегодняшнего дня Минский горком КП(б)Б возобновляет издание своего органа — газеты «Звязда». Пишите в газету о жизни партизанских отрядов, о боевой их деятельности, об отдельных партизанах, проявивших себя в борьбе с немецко–фашистскими оккупантами. Редколлегия».

Передовая статья первого номера газеты «Шире партизанскую борьбу» (автор В. С. Омельянюк) излагала задачи партизанского движения.

«Партизан! — говорилось в статье. — Ты видишь, на фронт тянутся немецкие эшелоны, гружённые солдатами, боеприпасами, техникой. Взрывай железнодорожное полотно, мосты, пускай под откос составы — этим ты облегчишь наступление Красной Армии. Видишь телефонный кабель — рви его, этим прервёшь связь и внесёшь замешательство в среду врага!

Ты слышишь, по твоей стране шагают солдаты и офицеры гитлеровской грабьармии! Уничтожай их, как бешеных псов! Родина только тогда вздохнёт свободно, когда на её земле не останется ни одного оккупанта.

Ты слышишь, как плачут твои дети, жена, мать. Это подлые предатели вместе со своими фашистскими хозяевами издеваются над ними. Уничтожай эту погань — полицейских, волостных старшин, управских чиновников — пусть платят за свои злодеяния своей кровью!

Будь мужественным в борьбе! Время расплаты приближается. Отомсти за муки своего народа!

Добивайся того, чтобы ни один немецкий приказ не выполнялся там, где ты находишься!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует победа!»

Газета обращалась к партизанам, но эти призывы относились в первую очередь к подпольщикам, действовавшим в Минске, в городах и рабочих посёлках.

Газета поместила информацию об учреждении нового боевого ордена — Отечественной войны, сводку Совинформбюро о положении на фронтах, сообщения о боевых действиях

белорусских партизан. Вторая страница газеты открывалась обращением народного поэта Якуба Коласа «Заря освобождения занимается над Белоруссией». Он писал: «Белоруссия, родная, советская земля! Ты вновь слышишь раскаты страшной грозы. Вновь содрогаются леса и просторы твоих полей от гула орудий, от грохота танков и рёва самолетов… На запад идёт Красная Армия, железной метлой выметает дикие орды озверелого фашизма».

Появление в оккупированном городе газеты «Звязда» произвело огромное впечатление. Это был луч света во мраке фашистской ночи. Издание газеты в оккупированном городе явилось настоящим подвигом. Это — свидетельство могучей силы минских подпольщиков, их политической зрелости, необычайной находчивости, упорства, неиссякаемой энергии. «Звездочка» — ласково стали называть её минчане. Они с нетерпением ждали очередных номеров газеты.

После выхода первого номера произошло большое несчастьё: 26 мая 1942 года при выполнении боевого задания был убит фашистами В. С. Омельянюк.

На место павшего товарища в городской комитет был введён секретарь Октябрьского подпольного комитета К. И. Хмелевский, один из организаторов минского партийного подполья. В комитете ему были поручены заведование особым отделом и организация диверсий. Обязанности же заведующего отделом агитации и пропаганды комитета были поручены В. К. Никифорову.

И как бы в ответ врагам на убийство В. С. Омельянюка первый номер «Звязды» был переиздан и в начале июня снова вышел в свет. В нём была помещена только новая сводка Совинформбюро. Однако в дальнейшем на пути издания газеты встретилось много новых непредвиденных трудностей. Вскоре в типографии Дома печати был схвачен фашистами и расстрелян наборщик Б. Пупко. Подпольщикам не хватало бумаги, красок. За квартирой Вороновых началась слежка. Нужно было срочно предпринимать меры к оборудованию подпольной типографии на новом месте. На поиски наборщика, конспиративной квартиры для типографии, шрифтов, верстаток, кассы, бумаги, краски и т. д. ушло почти два месяца. Второй номер «Звязды» вышел в августе, третий и четвёртый — в сентябре 1942 года.

Типография была оборудована в комнате подпольщика А. С. Гришина, который проживал у Т. Е. Яковенко, по улице Издательской, 10. Газету набирал коммунист Х. М. Александрович. «Вместо реала был раздвижной стол, — вспоминает Х. М. Александрович. — На каждый типографский

знак были сшиты мешочки, которые раскладывались на столе в порядке наборной кассы, шрифт раскладывался по мешочкам, и после этого производился набор. Верстка газеты и листовок производилась на металлической гранке. После правки корректуры набор заключался в гранку и укреплялся деревянными планками, после чего газету начинали печатать»[32]. Печатуым станком служила табуретка, на которой укреплялась гранка с набором газеты. Для накатки краски сделали валик, обтянутый клеёнкой, а для тисканья другой валик обтянули бумагой, сукном и материалом. Для получения оттисков лучшего качества каждый лист бумаги слегка смачивался водой. Так откатывали сначала одну полосу, сушили её в этой же комнате на верёвке, затем процесс повторялся с другой полосой. Это был тяжёлый и опасный труд. Воздуха не хватало, испарения от типографской краски разъедали глаза, усталость валила с ног. Но комсомольцы Сергей Благоразумов, Мария Рынкевич и Клавдия Фалдина успевали за ночь откатать вручную несколько сот экземпляров. Тираж каждого номера был 2–3 тысячи.

Выход газеты в августе и сентябре всполошил фашистскую контрразведку. Над квартирой по Издательской улице нависла угроза провала. В связи с этим набор четвёртого номера газеты был перенесён на квартиру подпольщика П. К. Ходасевича по улице 3–я линия, 26, и там же отпечатан.

Редактирование и литературную обработку материалов второго — пятого номеров «Звязды» проводили коммунисты–подпольщики В. С. Казаченок, А. А. Корпусенко и Я. М. Савицкая. Они работали под руководством заведующего отделом пропаганды и агитации Минского подпольного комитета — ответственного редактора подпольных изданий В. К. Никифорова.

Второй номер «Звязды» вышел под заголовком: «Партизаны и партизанки! Беспощадно уничтожайте кровавых гитлеровских бандитов!

Братья и сестры — белорусы! Вместе с партизанами помогайте Красной Армии быстрее освободить свою Родину! Организовывайтесь в партизанские отряды! Смерть немецким оккупантам!»

В передовой статье этого номера «Провал планов Гитлера» говорилось о том, что Красная Армия второй год ведёт битву с сильным и коварным врагом один на один, что она выстоит в этой битвё и недалёк тот день, когда снова погонит врага на запад от берегов Во лги. В газете подчёркивалось большое значение борьбы трудящихся на оккупированной врагом советской земле для достижения победы. В заметке «Боевые эпизоды одного партизанского отряда» рассказывалось об

успешных действиях партизан против карателей в Дзержинском районе Минской области. В газете были помещены также «Вести с фронтов» и иностранная хроника.

В третьем номере газеты было опубликовано письмо одного из активных организаторов партийного подполья на Минском железнодорожном узле в 1941 году — Ф. С. Кузнецова, ушедшего в партизанский отряд, когда над ним нависла угроза ареста. Обращаясь ко всем железнодорожникам Минского узла, он писал: «Товарищи рабочие! Не работайте на врага. Не помогайте ему вести войну против вашей Родины и убивать ваших братьев, сыновей и дочерей, которые на фронтах и в тылу врага проливают дорогую нам кровь за наше Лучшее будущее, за счастье наших детей. Бросайте работу! Идите в партизанские отряды, выводите из строя паровозный парк, водокачки, оборудование депо, этим самым вы ускорите гибель врата…

Не бойтесь кровавой расправы гитлеровских палачей. Никогда не сломить им боевого духа наших советских граждан. Смело бейте врага, чтобы после освобождения нашей земли мы гордо могли сказать: «Мы, железнодорожники, честно выполнили свои обязательства перед Родиной»».

Этот призыв нашёл широкий отклик среди рабочих–железнодорожников.

В газете давалась довольно широкая информация о положении на фронтах, событиях в советском тылу, о боевых делах белорусских партизан и подпольщиков, зарубежная хроника.

Сохранились рукописи пятого, невышедшего номера «Звязды». Нельзя без волнения читать пожелтевшие от времени статьи и корреспонденции, написанные подпольщиками В. С. Казаченком, А. А. Корпусенко, Я. М. Савицкой. Страстным призывом и глубокой верой в окончательную победу над захватчиками звучит статья «Раздавим поганую фашистскую гадину!». В очередной номер газеты были подготовлены четыре заметки о боевой деятельности партизан: «Сокрушительный удар», «Из ста — ни одного», «В эту ночь», «Врага бьём метко, без промаха». В статьях «Земельная реформа — это крепостничество» и «Германия — страна помещиков» вскрывалась антинародная политика оккупантов в деревне, пытавшихся насадить на советской земле крепостнические порядки. А. А. Корпусенко подготовила статью, разоблачавшую гнусное лицо пособников оккупантов, прямых соучастников их чудовищных преступлений — белорусских буржуазных националистов Ф. Акинчица, Р. Островского, В. Козловского, В. Ивановского и других. Будучи в прошлом агентами польской дифензивы, Ф. Акинчиц, В.

Козловский, Р. Островский ещё до начала второй мировой войны стали агентами гестапо. На деньги гестапо В. Козловский издавал фашистские листовки на белорусском языке. Ф. Акинчиц, В. Козловский, Р. Островский, В. Ивановский, В. Тумаш и другие были подобраны гитлеровцами и привезены из Берлина и Варшавы в Минск. Статья пригвождала к позорному столбу националистов, помогавших фашистам насаждать на белорусской земле «новый порядок».

В подпольной типографии наряду с выпуском газеты систематически печатались листовки. В течение лета было выпущено более 10 наименований листовок. Минский комитет КП(б)Б обратился со специальной листовкой к крестьянам, призывая прятать хлеб, не давать зерно и скот оккупантам. В листовках «Братья белорусы» и «Дорогие братья и сестры» подпольный комитет разоблачал, с какой целью создавали оккупанты так называемый «Белорусский корпус самообороны», ещё раз вскрывал антинародную деятельность белорусских националистов. В листовках комитет призывал патриотов уничтожать шпионов и предателей, шире развивать подпольную п партизанскую войну в тылу врага.

К распространению «Звязды» и листовок привлекался широкий круг подпольщиков и партизанских связных. Подпольщики–коммунисты В Ф. Матюшко и А. А. Корпусенко превратили свою квартиру по улице Добролюбова, 1, в своеобразную подпольную экспедицию по распределению подпольной литературы. В её распространении активно участвовали подпольщики М. И. Батурина, Г. В. Будай, А. Ф. Веремейчик, А. С. Гришин, М. П. Рынкевич, В. Ф. Рубец, Л. Г. Флейшер, А. А. Маркевич, П. Н. Хмелевский, П. М. Цветков, Х. М. Пруслина, А. А. Езувчик, М. Б. Осипова и многие другие Подпольщйки–железнодорожники И. И. Иващенок, Ю. Ю. Крыживец, Ф. К. Живалев и другие доставляли газету в Оршу, Барановичи и другие города Белоруссии, где передавали её подпольщикам. Газета и листовки минских подпольщиков распространялись в районных центрах, сёлах и деревнях Дзержинского, Заславльского, Логойского, Смолевичского, Червеньского, Руденского, Пуховичского и других районов.

Вместе с коммунистами в проведении массово–политической работы участвовали комсомольцы. Они распространяли подпольную литературу на предприятиях, в учреждениях, кинотеатрах, казармах вражеских формирований. Часто комсомольцы по собственной инициативе выпускали листовки и антифашистские карикатуры.

Вся массово–политическая работа минских подпольщиков

была направлена на то, чтобы развернуть широкое патриотическое движение против оккупантов, расшатывать и подрывать тыл фашистской армии, организовать срыв всех экономических, политических и военных мероприятий оккупационных властей.

В начале зарождения подполья (июль — ноябрь 1941 года) подпольные группы собирали оружие, боеприпасы, медикаменты в городе и в местах сражений Красной Армии. Всё это концентрировалось на конспиративных квартирах.

Одним из направлений боевой деятельности было вызволение советских воинов из фашистского плена. В пригороде Минска Масюковщине размещался крупный лагерь военнопленных — шталаг 352. В городе было 22 его филиала, крупнейшие из них размещались по Пушкинской улице, на заводе имени Октябрьской революции, по Логойскому тракту в расположении бывшего военного городка. Для раненых военнопленных были использованы помещения бывшего Политехнического института, клинического городка и 2–й больницы. За колючей проволокой в невыносимо тяжёлых условиях находилось много тысяч бойцов и командиров Красной Армии. Подпольщики и многие патриоты — женщины, дети и старики — ежедневно, рискуя жизнью, приносили военнопленным пищу, доставляли в лагеря документы и гражданскую одежду для тех, кто готовился к побегу.

Организаторами побегов во многих случаях были подпольщики. Так, медицинская сестра В. Ф. Рубец снабжала выздоравливающих советских воинов документами, которые мастерски изготовлял И. Х. Козлов Освобожденных военнопленных В. Ф. Рубец переправляла к своей сестре М. Ф. Калашниковой и к И. Х. Козлову. Коммунисты Н А Голубовская и И. И. Русович за июль — август 1941 года спасли 48 советских военнопленных. Значительную помощь оказывали военнопленным советская патриотка М. П. Евдокимова и её сыновья — пионер Борис и комсомолец Гвидо. Ребята носили военнопленным в лагерь по Пушкинской улице пищу, были связными при выводе военнопленных, многие из которых находили у М. П. Евдокимовой приют и материнскую ласку. Подпольная группа К. И. Труса и О. Ф. Щербацевич организовала побеги большой группы военнопленных командиров Красной Армии из госпиталя, располагавшегося в бывшем Политехническом институте. Подпольщики передали в госпиталь бланки паспортов, фотоаппарат и необходимые материалы для изготовления фотографий, а также явки в городе. На конспиративных квартирах в семьях О. Ф. Щербацевич и её

сестры Н. Ф. Янушкевич бежавших переодевали в гражданскую одежду. Большинство военнопленных переправлялось к партизанам или уходило к линии фронта. Некоторые оставались на подпольной работе в городе.

Однако вскоре недалеко от Минска гитлеровцам удалось схватить участников группы. По предательству гнусного изменника Б. Рудзянко вскоре были арестованы руководитель группы К. И. Трус, О. Ф. Щербацевич, её 16–летний сын Володя, Н. Ф. Янушкевич, П. Ф. Янушкевич и другие подпольщики. Отважно вели себя в застенках полевой тайной полиции советские патриоты. «Тяжелые это были дни, — вспоминает колхозница С. Е. Каминская, находившаяся в камере вместе с О. Ф. Щербацевич. — С утра и до ночи их водили на допросы и к ночи, избитых, истекающих кровью, бросали к нам в подвал. Однажды я склонилась над Ольгой, говорить она уже не могла, только шептала: «Кто останется в живых, отомстите врагу за наши муки, за наших братьев и сестёр. Бейте врага, не давайте ему прохода, подрывайте все его движения на каждом шагу… Победа будет за нами, хотя нас и не будет в живых…»»

26 октября 1941 года фашисты повесили на улицах Минска 12 патриотов, в их числе К. И. Труса, О. Ф. Щербацевич, её сына Володю, Н. Ф. Янушкевич. Казнь была совершена руками палачей 2–го Литовского карательного батальона, состоявшего из ярых фашистов. Этот батальон под командованием А. Л. Импулявичюса уничтожил много советских людей. За свои злодеяния Импулявичюс объявлен военным преступником. Но фашистский изверг нашёл убежище в США, где до сего времени скрывается от справедливого возмездия.

Большую работу по вызволению советских воинов из лагерей смерти проводила группа А. А. Маркевича, которая за первые месяцы войны организовала вывод из плена более 40 человек. Участница этой группы коммунистка А. С. Ананьева вынесла из лазарета, расположенного на Подлесной улице, депутата Верховного Совета РСФСР, бригадного комиссара, коммуниста с 1920 года Николая Ивановича Толкачева. Накануне войны Н. И. Толкачев был комиссаром 85–й стрелковой дивизии. В конце июня 1941 года в бою с немецко–фашистскими войсками он получил тяжёлое ранение в обе ноги и в бессознательном состоянии был захвачен в плен и доставлен в лазарет. Медицинские работники А. А. Мохова, А. И. Купрещенкова вернули Н. И. Толкачева в строй бойцов против оккупантов. До апреля 1942 года он возглавлял отдел пропаганды Военного совета партизанского движения.

Руководствуясь указаниями Коммунистической партии,

минские подпольщики сочетали свою боевую деятельность с борьбой партизан. Летом и осенью 1941 года для установления контактов с партизанами неоднократно направлялись связные в Логойский, Руденский, Дзержинский, Червенский и другие районы Минской области. Так, в сентябре 1941 года комаровской подпольной группе удалось наладить постоянную и прочную связь с действовавшим в Логойском районе партизанским отрядом «Мститель» (командир В. Т. Воронянский). В дневнике боевых действий этого отряда записано: «С 1 по 25 сентября… Доставка советских листовок из Минска… Ноябрь — декабрь… В этот период комиссар Макаренко устанавливает связь с Минским городским комитетом партии и Военным советом партизанского движения. Подготавливается пополнение из числа железнодорожников и рабочих минских предприятий…»[33].

В дальнейшем связи с этим партизанским отрядом ещё больше укрепились. Партийный комитет систематически отправлял в отряд бежавших из плена и скрывавшихся в городе бойцов и командиров Красной Армии, рабочих заводов и железнодорожников, а также оружие, медикаменты, боеприпасы. За ноябрь 1941 года — апрель 1942 года в отряд прибыло 9 командиров Красной Армии и более 130 рабочих минских предприятий и железнодорожного узла[34]. Минские рабочие составили костяк этого боевого отряда. Во второй половине 1942 года отряд перерос в прославившуюся боевыми делами партизанскую бригаду «Народные мстители», позднее названную именем её командира В. Т. Воронянского.

В ноябре 1941 года подпольная группа гетто установила связи с партизанскими отрядами под командованием А. Д. Сергеева и И. П. Покровского, действовавшими в Руденском районе. Во второй половине декабр–я 1941 года из Минска на автомашине радиозавода в партизанские отряды А. Д. Сергеева и Н. П. Покровского были вывезены 19 патриотов, в основном командиры Красной Армии[35]. 31 декабря эти отряды объединились в один отряд, который позже стал именоваться 208–м партизанским отрядом (в честь 208-й мотопехотной дивизии). Командиром отряда стал активный участник минского подполья полковник В. И. Ничипорович, комиссаром — секретарь Руденского РК КП(б)Б Н. П. Покровский. До марта 1942 года минское подполье имело тесные контакты с этим отрядом, неоднократно направляло ему из города пополнение (рабочих заводов, военнослужащих). 20 января городской партийный комитет передал отряду значительное количество медикаментов, перевязочных материалов, мыла, рукавиц. Вскоре отряд получил от подпольщиков и котлы для варки пищи.

Тесный контакт с 208–м отрядом поддерживал и Военный совет партизанского движения. Так, во второй половине февраля 1942 года на явочной квартире начальник разведки отряда И. З. Рябышев получил от ВСПД листовки, ящик ручных гранат, пишущую машинку, тёплые вещи (шерстяные носки, перчатки, ватники)[36].

Весной и летом 1942 года в связи с бурным ростом партизанского движения на всей оккупированной территории Белоруссии Минский подпольный комитет КП(б)Б принял энергичные меры к укреплению партизанских отрядов и бригад, действовавших в окрестностях Минска. С этой целью в начале мая 1942 года подпольный комитет направил в Дзержинский и Узденский районы Минской области командира Красной Армии коммуниста Н. М. Никитина. Ему удалось объединить возникшие здесь мелкие партизанские группы в отряд, а затем создать бригаду. Н. М. Никитин проявил себя смелым и способным командиром. До ноября 1942 года бригада под его командованием провела более 70 крупных боевых операций[37]. По указанию подпольного комитета партии весной 1942 года в Дзержинском районе был создан антифашистским комитетом отряд под командованием батальонного комиссара С. А. Рыжака. Этот отряд вскоре вырос в партизанскую бригаду[38].

12 августа 1942 года представители Минского подпольного комитета прибыли в отряды «Мститель», «Буря» и другие. С их участием было проведено совещание командного состава отрядов. Оно приняло решение образовать три партизанские бригады: «Дяди Коли» (командир П. Г. Лопатин), «Дяди Васи» (командир В. Т. Воронянский) и «Старика» (командир В. С. Пыжиков)[39]. В сентябре 1942 года по указанию подпольного горкома из четырёх партизанских отрядов, действовавших в Заславльском и Логойском районах, была создана партизанская бригада «Штурмовая»[40]. В крупные боевые единицы были объединены мелкие партизанские отряды, связанные с Минским комитетом КП(б)Б, и в районах Ракова, Ивенца, Мира, Столбцов[41].

Уже в июле 1941 года минские подпольщики начали совершать отдельные диверсии, направленные на подрыв боеспособности гитлеровской армии. Через Минск проходили важнейшие коммуникации и линии связи между войсками группы немецких армий «Центр» и Германией. И именно по этим наиболее важным для противника объектам подпольщики наносили свои удары.

Вспоминая о первых боевых операциях, один из участников минского подполья, Б. Г. Бывалый, писал: «Один из моей группы приходит ко мне и говорит, что есть возможность… перерезать

связь, потому что она никем не охраняется. Мы даём пару человек, и они пошли выполнять. Николай Байкаш помог связаться с некоторыми железнодорожниками… которые помогли нам сделать аварию, разобрали рельсы на подъездных путях, и там разбился товарный немецкий состав. В другом случае за Минском самодельную мину устроили, подорвали железнодорожное полотно, и маневровый паровоз с тремя вагонами потерпел аварию»[42]. Аварии на железной дороге совершались и посредством лап, которыми выдёргивали костыли, скреплявшие рельсы.

С образованием городского партийного центра диверсионная деятельность подпольщиков усилилась. Основной упор делался на подрыв вражеского железнодорожного транспорта. Подпольщики–железнодорожники А. Д. Балашов, М. Ю. Бури–Буримский, И. В. Гомельский, Е. К. Горица, Ф. К. Живалев, И. И. Иващенок, А. И. Корсеко, Ю. Ю. Крыживец, И. И. Матусевич, А. А. Островский, К. А. Павленко, Н. Ф. Шкляревский и другие насыпали песок в буксы паровозов и тендеров, замораживали цилиндры, ремонт паровозов производили кое-как, лишь бы сбыть с рук. В ряде случаев всячески затягивали ремонтные работы. В декабре 1941 года коммунисты–подпольщики Ф. К. Живалев и М. Ю. Бури–Буримский вывели из строя две водокачки и водонапорную сеть. В результате весь Минский железнодорожный узел около десяти дней оставался без воды. Гитлеровцы вынуждены были гонять паровозы на заправку на реку Свислочь, что задерживало движение эшелонов. 50 паровозов были заморожены[43].

Широкое развитие с первых дней оккупации Минска получил саботаж мероприятий оккупантов. Эта форма массовой борьбы с захватчиками приобрела активный характер. Всюду: на железнодорожном узле, на заводах и фабриках — рабочие портили продукцию, сырье, выводили из строя оборудование, ломали инструменты, выносили или приводили в негодность готовые изделия. Так, на фабрике имени Крупской работницы прокалывали изготовлявшиеся там парашюты. Работавшие на лесопильном заводе В. Я. Филимонов и его товарищи десятки раз выводили из строя пилораму и сожгли девять моторов. С хлебозавода «Автомат», обслуживавшего вражескую армию, рабочие ежедневно выносили больше тонны хлеба. С дрожжевого завода «Красная заря» было унесено свыше 20 тонн крахмала. Систематически выносилась готовая продукция и сырье с кожзавода «Большевик».

Вдохновленные разгромом немецко–фашистских войск под–Москвой и последующим наступлением Красной Армии,

подпольщики планировали значительное расширение своей боевой деятельности. Уже на первом заседании городского партийного комитета 15 декабря 1941 года И. П. Казинец говорил: «В основном наша задача сводится к тому, чтобы город Минск и его окрестности в нужный момент были освобождены от немецкой оккупации ещё до прихода Красной Армии. Желательно работу построить так, чтобы Красная Армия прошла путь от Борисова до Минска без сопротивления…»[44]

Более обстоятельно этот вопрос обсуждался на расширенном заседании городского партийного комитета 5 января 1942 года. «В данное время Красная Армия одерживает победы на всех фронтах. Для того чтобы помочь нашей родной Красной Армии, —говорил в своём выступлении И. П Казинец, — следует особо торопиться с выполнением поставленной задачи. Комитет требует усиленно заняться приобретением оружия. Шире повести работу в районах. Усилить агитмассовую работу с населением»[45].

Горком обязал подпольные группы усилить сбор оружия и боеприпасов. Каждый подпольщик должен был приобрести личное оружие, иметь медикаменты и тёплую одежду. В городе готовилось восстание, которое могло иметь успех, поскольку при приближении Красной Армии возникли бы растерянность и паника в стане врагов. Но подпольщикам не удалось осуществить свои планы.

Как видно из «Сообщения полиции безопасности и СД № 9» за январь 1942 года и приказов комендатуры охраняемых областей Белоруссии от 5, 8 и 15 января 1942 года, советские военнопленные с помощью минских подпольщиков готовили восстание в лазаретах №№ 1, 2, 3, расположенных в клиническом городке, Политехническом институте и Институте физкультуры, а также в лагерях, находившихся на территории бывшей сельскохозяйственной выставки и на заводе имени Октябрьской революции.

По этому смелому и дерзкому плану намечалось вывести из строя телефонную связь, атаковать комендатуру охраняемых областей Белоруссии, здания охранной полиции, окружного комиссариата, штаба танковых войск, аэродром «Восток», 1–й лазарет, все лагеря военнопленных, завод имени Октябрьской революции. Заранее были составлены карты города и его, окрестностей, на которых указывались военные объекты врага. В ряде пунктов было собрано оружие, которое хранилось в канализационных трубах. Была подготовлена ударная группа из 300 человек, установлена связь с партизанами, которые должны были поддержать восставших. Восстание было назначено на 4 января 1942 года[46].

Однако в конце декабря 1941 года гитлеровцам через своих агентов удалось раскрыть планы подпольщиков. Начались массовые аресты. Напуганные масштабами подготовлявшегося восстания, фашистские власти с 5 по 15 января 1942 года объявили Минск на положении «боевой готовности». Основания для этого были веские. Как официально заявила комендатура охраняемых областей Белоруссии, если бы агентуре не удалось раскрыть заговор, то «восстание удалось бы на 100 процентов»[47]. Гестаповцы арестовали более 400 военнопленных, изъяли свыше 400 винтовок, много пулемётов, ручных гранат.

С невероятной жестокостью фашистские палачи расправились с советскими патриотами. Кроме массовых арестов 18 января 1942 года они расстреляли свыше 1000 военнопленных при транспортировке их из лагеря к товарной станции. Трупы убитых трое суток валялись на Пушкинской и Советской улицах. Затем их сложили в штабеля в парке имени Челюскинцев, где они находились несколько недель[48]. Но эти жесточайшие репрессии не остановили патриотов. Борьба в городе продолжалась с новой силой.

Важное место в деятельности минского партийного подполья занимала разведывательная работа. Подпольный горком партии первого и второго составов стремился охватить разведкой всё более или менее важные объекты противника. Во втором составе горкома разведывательной работой руководил Д. А. Короткевич, направлявший деятельность широкой сети разведчиков. Было установлено систематическое наблюдение за движением воинских эшелонов на фронт и с фронта. Подпольщики собирали подробные сведения о численности, вооружении и изменении состава воинских частей в гарнизоне города, держали под наблюдением части, прибывавшие в Минск. Большая работа была проделана по разведке расположения и характера военных объектов в городе: оборонительных сооружений, аэродромов, военных складов и баз, системы связи внутри города, а также с Берлином и фронтом. Собранные сведения направлялись в партизанские отряды, а через них командованию Красной Армии для оперативного использования.

Значительную помощь оказывали минские подпольщики советским разведчикам, действовавшим в Минске. Например, в 1942 году более восьми месяцев в городе находилась группа советских разведчиков, возглавляемая С. К. Вишневским (Смелый, С. К. Владимиров). В неё входили радист Е. Ф. Мельников (Таран) и В. А. Павлович. В контакте с этой группой работали связной ЦК КП(б)Б Н. М. Бортник (П. М. Гриб) и другая группа советских разведчиков во главе с Л. А. Барсуковским. Разведчики имели

связь с Минским подпольным комитетом КП(б)Б. При помощи советских патриотов супругов П. Р. и П. А. Ляховских, Д. А. Максимова, матери и дочери Лисецких, О. И. Кухто, супругов А. Д. и М. Т. Загорских они прочно обосновались в городе. Подпольщики предоставляли разведчикам конспиративные квартиры, обеспечивали их необходимыми документами, продовольственными карточками, помогали собирать сведения о противнике.

В мае 1942 года через эту группу советских разведчиков подпольщики сообщили в ЦК Компартии Белоруссии о существовании в Минске подпольного горкома партии, о его деятельности в оккупированном городе[49].

Летом 1942 года разведчики неоднократно передавали в Москву сведения о передислокации частей противника, их вооружении и действиях в районе Минска. Значительная часть этих сведений была собрана подпольщиками. Когда возникла угроза провала группы Вишневского, подпольщики переправили разведчиков и сотрудничавших с ними патриотов в партизанскую бригаду «Штурмовая».

Таким образом, весной и летом 1942 года минская городская подпольная организация значительно расширила связи с трудящимися города, вовлекла в борьбу большое количество советских патриотов, повысила эффективность всей своей деятельности. Значительно была укреплена материально–техническая база подполья.

В сентябре 1942 года через связных А. А. Езубчик и Х. М. Пруслину Минскому подпольному комитету удалось установить непосредственную связь с Минским подпольным обкомом КП(б)Б, базировавшимся под Минском в партизанском соединении. Однако начавшиеся в конце сентября 1942 года аресты прервали деятельность подпольного комитета.

Как уже указывалось выше, Минск в период немецко–фашистской оккупации был центром сосредоточения всевозможных карательных, разведывательных и контрразведывательных органов гитлеровского государственного аппарата. Вся огромная машина подавления, полицейского сыска, физического уничтожения населения была направлена к ликвидации всякого сопротивления оккупантам. Активные же действия партийного подполья в Минске, все расширявшееся его влияние на трудящихся города, вооружённая борьба партизанских отрядов, дислоцировавшихся вокруг Минска, вызывали бешенство карательных органов. В связи с этим по всевозможным каналам в подполье засылалась агентура, устанавливалась постоянная слежка за патриотами, проводились облавы по городу,

многочисленные налёты на квартиры жителей и обыски, систематически менялся паспортный режим в городе, устраивались различные провокации.

Минский городской подпольный центр первого и второго составов вёл борьбу с вражеской агентурой. Дважды, 21 и 28 января 1942 года, этот вопрос обсуждался на заседаниях городского подпольного комитета. Было принято решение об уходе горкома в глубокое подполье, перемене местожительства членов горкома. Для связи с подпольными организациями были выделены специальные уполномоченные — В. К. Никифоров, И. Л. Белановский[50].

Только за лето 1942 года с санкции подпольного комитета в Минске было уничтожено 13 гитлеровских агентов[51]. Но подпольщики не могли полностью противостоять действиям изощрённого в подавлении подпольной борьбы врага. Они только лишь приобретали опыт подпольной деятельности, овладевали необходимыми навыками конспирации. Имела место и некоторая недооценка сил фашистских карательных органов, а в ряде случаев и беззаботность.

При помощи агентуры и хитросплетённых провокаций гитлеровцам удалось дважды, в марте и сентябре 1942 года, нанести тяжёлые удары по партийному подполью.

Еще в сентябре 1941 года отдел фашистской разведки «абвер» заслал в минское подполье матёрого агента Б. Рудзянко, который продолжительное время выдавал подпольщиков фашистам. Только после войны были вскрыты его преступные действия, и он, попав на скамью подсудимых, был полностью изобличён в предательстве и по приговору суда расстрелян.

Фашистская агентура засылалась по линии «абвера», управления полиции безопасности и СД, полевой тайной полиции. В марте 1942 года начались массовые аресты советских патриотов в городе. Полному разгрому подвергся Военный совет партизанского движения. Его руководители И. И. Рогов, И. Н. Белов, П. И. Антохин (Сергей), попав в руки фашистов, изменили Родине, стали на путь сотрудничества с оккупантами. Вскоре были арестованы секретарь городского партийного комитета И. П. Казинец, члены комитета С. И. Заяц (Зайцев) и Г. М. Семенов, десятки активных участников партийного подполья и Военного совета партизанского движения. Всего, по данным фашистских документов, в марте — мае 1942 года было арестовано 404 человека.

Гитлеровцы жестоко расправились с арестованными подпольщиками. В отчёте полиции безопасности и СД № 5 от 28 мая 1942 года сообщалось: «9.5.42 г. в городе Минске было

публично казнено через повешение 28 участников партизанской организации Белоруссии. В тот же день был расстрелян ещё 251 человек из числа партизан… В Минске была проведена кампания против террористической группы на железной дороге, в ходе которой было арестовано 126 человек»[52].

На улицах и скверах Минска фашисты повесили И. П. Казинца, Г. М. Семенова, Н. Ф. Герасимовича, М. Л. Екельчика, П. С. Алейчика, Е. К. Горицу, А. Корсеко, И. С. Ковалевского, депутата Верховного Совета РСФСР бригадного комиссара Н. И. Толкачева и многих других. Погибли в фашистских застенках Г. Глухов, А. А. Арндт, И. Адамович, Н. Г. Демиденко, С. И. Заяц (Зайцев), Н. И. Иванов, И. Демин, Е. Н. Ревинская, М. Б. Чипчин и многие другие герои подполья.

Однако разгромить подполье фашистам не удалось. Оно продолжало действовать, вновь и вновь набирало силы и непрерывно наносило удары по гитлеровским оккупантам.

Второй, ещё более сильный удар по минскому партийному подполью враги нанесли в сентябре — октябре 1942 года. В ночь на 26 сентября 1942 года полиция безопасности и СД арестовала 21 подпольщика, в их числе В. К. Никифорова. Вслед за этим в фашистские застенки были брошены все члены Минского подпольного комитета: Д. А. Короткевич, К. И. Хмелевский, И. К. Ковалев[53], секретари городских райкомов партии: Н. Е. Герасименко, Н. А. Шугаев, И. И. Матусевич, Н. К. Корженевский; активные подпольщики: А. Ф. Арндт, Е. М. Баранов, И. Л. Белановский, С. А. Благоразумов, Богданов, Воронов М. П. (отец), Воронов М. М. (сын), С. М. Гапоненко, Т. Герасименко и её дочь И. Герасименко, А. М. Гук, А. Н. Дементьев, С. Дубровский и его жена И. Дубровская, Е. Думбро, Н. И. Зехов, И. И. Иващенок, Н. М. Качан (с семьёй), И. Х. Козлов, А. Кушелевич, Н. И. Наркевич, Л. Е. Одинцов, А. В. Пашко, И. Ф. Подобед, В. Ф. Рубец, Г. П. Сапун, С. В. Сержанович, П. Н. Хмелевский, П. К. Ходасевич и его семья (жена и двое сыновей), П. М. Цветков, Н. Т. Цветкова, П. И. Чиркун, А. Ф. Ширко, Е. А. Шуйская и другие.

Следователи СД Адольф Ведекинд, Кох, Фрониг и другие гитлеровские палачи–садисты пустили в ход самые изощрённые пытки. Арестованных нещадно били, выкручивали им руки, пропускали через них электрический ток, устраивали самые чудовищные провокации. Но советские патриоты мужественно переносили истязания. Можно привести немало примеров удивительной стойкости и героизма, которые проявили подпольщики в фашистских застенках. Сохранились волнующие свидетельства их изумительного мужества, беспредельной преданности Родине и Коммунистической партии. Об этом

свидетельствуют записки К. И. Хмелевского, В. Ф. Рубец, И. Х. Козлова, С. В. Гринвальда–Мухи, Г. Г. Фалевича своим товарищам и родным, оставшимся на воле.

В одной из записок В. Ф. Рубец писала своей сестре М. Ф. Калашниковой: «Не горюй, родная! Будем все вместе. Взойдет и наша звезда когда-нибудь. Не кланяйся, не лей слез, пусть наши враги не видят их, держи голову выше. Видишь, сколько раз они меня одну похоронили: нас не так легко убить и похоронить, мы ещё живем… Не горюй и не плачь обо мне. Не пугайся моих слов, нужно быть ко всему готовой… Верь, что будет ещё счастье»[54].

Пламенной любовью к Родине, священной ненавистью к фашистам, страстной мечтой о жизни для борьбы с захватчиками проникнуто письмо от 27 декабря 1942 года коммуниста–подпольщика И. Х. Козлова, текст которого приведён в предисловии сборника.

О мужестве членов Минского подпольного комитета партии Д. А. Короткевича и К. И. Хмелевского рассказал впоследствии находившийся с ними в одной камере подпольщик Г. П. Сапун: «С декабря 1942 года по J3 марта 1943 года я с ним (Д. А. Короткевичем) всё время сидел в одних камерах—10, 13 и 87–й — до отправки меня в концлагерь… В тюрьме он вёл себя бодро и всегда твердил, что мы ещё, ребята, поживём. У него была какая-то особая уверенность в жизни. Уныния он просто не знал. Вел себя выдержанно и вполне прилично. Он говорил: «Сколько меня ни мучили, но выжать ничего не выжали. Вот почему они меня так всегда при допросах избивали»[55].

А вот рассказ Г. П. Сапуна о К. И. Хмелевском: «Хмелевский был один из лучших товарищей, которых я знал из работников комитета. Он был всесторонне развит, политически грамотен, выдержанный, идейно преданный коммунизму, логичен и последователен во всём. В самые тяжёлые минуты он умел для каждого найти слова утешения. Сам также никогда не унывал. Я помню, что, когда меня отправляли на транспорт, при прощании он мне вторично сказал: «Помни, ни одна женщина, ни один ребёнок никогда не укажут на меня пальцем и не упрекнут, что они страдают через меня»[56].

Много участников подполья, в том числе А. Ф. Арндт, Е. М. Баранов, И. Л. Белановский, С. А. Благоразумов, М. П. Воронов, М. М. Воронов, семья Н. Е. Герасименко, Н. И. Зехов, семья Н. М. Качан, И. Х. Козлов, Д. А. Короткевич, И. И. Матусевич, Л. Е. Одинцов, В. Ф. Рубец, К. И. Хмелевский, А. Ф. Ширко, погибло в страшных муках в душегубках, на виселицах или у тюремной стены от фашистской пули. Лишь некоторым из них с помощью

оставшихся в городе подпольщиков и партизан удалось вырваться из лап фашистских палачей и вновь включиться в борьбу с захватчиками. Многие подпольщики погибли в Освенциме, Равенсбрюке, а некоторым удалось перенести все ужасы гитлеровских лагерей смерти и дождаться прихода Красной Армии.

Бросив в фашистские застенки сотни подпольщиков, гестаповцы ликовали. Но уже 6 ноября 1942 года в «Сообщении полиции безопасности и СД № 28» им пришлось доложить: «Вечером 21 октября неизвестные лица расклеили в 300 местах города Минска плакаты, отпечатанные ротаторным и типографским способом, содержащие обычные угрозы против фашистов и призывы к белорусскому народу поддержать партизан и совершать акты саботажа. Благодаря срочно принятым мерам плакаты в тот же день были сорваны»[57]. Это было делом рук оставшихся на свободе подпольщиков Х. М. Александровича, Е. В. Афнагеля, И. К. Кабушкина, В. С. Казаченка, П. К. Калейникова и В. И. Сайчика. Они составили, отпечатали и распространили в Минске листовку «К населению Белоруссии», призывавшую пополнить ряды подпольщиков и ответить на кровавый фашистский террор усилением борьбы с оккупантами. Листовка была издана от имени Минского комитета КП(б)Б и командования Н–ской партизанской бригады.

* * *

После сентябрьского провала 1942 года подпольный городской партийный центр в самом Минске больше не восстанавливался. К осени 1942 года на всей оккупированной врагом советской территории широкое развитие получило партизанское движение. Под влиянием выдающейся стойкости Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны пламя всенародной войны в тылу врага разрасталось с необычайной силой. В этих условиях руководство подпольной борьбой в Минске могло уже осуществляться подпольными партийными органами, находящимися вне города — в расположении партизанских отрядов, а также командованием партизанских бригад и отрядов. Это имело ряд преимуществ: во–первых, обеспечивало регулярную связь этих органов с советским тылом, своевременность получения ими задач и передачи информации о противнике[58]; во–вторых, давало возможность партийным органам более оперативно координировать деятельность партизан и подпольщиков, направляя её на обеспечение

эффективных ударов по врагу; в–третьих, в гораздо большей степени гарантировало сохранность руководящих партийных органов и ценных кадров подпольщиков.

Уцелевшие от арестов минские подпольщики через партизанских связных установили непосредственные контакты с подпольными райкомами партии и партизанскими бригадами и по их заданиям продолжали наносить удары по врагу. Среди них можно назвать коммунистов М. И Батурину, А. Ф. Веремейчик, А. А. Езубчик, М. Ф. Малакович, М. Б. Осипову, А. И. Серову, В. Д. Шатько, В. К. Шикавко, комсомольцев З. З. Гало, И. К. Кабушкина, Н. А. Кедышко, профессора Е. В. Клумова и многих других.

Исключительно большое значение для развёртывания подпольной борьбы, выработки её тактики и повышения эффективности ударов подпольщиков имели решения V пленума ЦК КП(б) Белоруссии, состоявшегося 26–28 февраля 1943 года в Москве. Пленум обсудил вопрос «Об обстановке и задачах работы партийных органов и партийных организаций в оккупированных районах Белоруссии». Поставив задачу расширить партизанское движение и усилить массово-политическую работу среди населения, пленум вместе с тем дал чёткую установку о формах организации и содержании работы партийного подполья в городах. «Пленум ЦК КП(б)Б, — говорилось в решении, — ставит задачу перед партийными организациями и партизанскими отрядами, расположенными вокруг, — решительно усилить проникновение в города»[59]. Пленум ЦК предупреждал подпольные партийные органы Против создания в городах широких по составу подпольных партийных организаций, так как они подвержены опасности провала в крупных масштабах. ЦК рекомендовал вести работу в городах силами небольших, глубоко законспирированных групп или даже одиночек, имеющих строго ограниченные связи. Каждая группа и каждый подпольщиК. одиночка должны были выполнять только определённые задачи по разведке, диверсиям, агитации и пропаганде.

Выполняя решения V пленума ЦК КП(б)Б, подпольные партийные организации и партизанские отряды, находившиеся вокруг Минска, стали усиленно проникать в город.

Большую работу в Минске в этот период проводили Минский, Борисовский и Слуцкий межрайкомы партии; Дзержинский, Логойский, Смолевичский, Червеньский и другие райкомы партии; партизанские бригады; 1, 2 и 3–я Минские, «Разгром», «Беларусь», «Пламя», «Штурмовая», «Смерть фашизму», «Красное знамя», «Дяди Коли», № 300 имени Ворошилова, «Народные мстители» имени Воронянского, № 200 имени Рокоссовского; спецотряды: С. А. Ваупшасова (Градова), «Димы», С. И. Казанцева

и другие.

Как видно из сохранившихся документов, в сентябре 1943 года секретари Минского подпольного обкома КП(б)Б В. И. Козлов и И. А. Вельский поставили перед ЦК КП(б)Б вопрос о создании Минского подпольного горкома партии. 6 октября 1943 года ЦК Компартии Белоруссии согласился с этим предложением[60]. 26 октября начал действовать Минский подпольный горком КП(б)Б, базировавшийся при спецотряде С. А. Ваупшасова. В его состав вошли: С. К. Лещеня (Савельев)—секретарь горкома, Г. Н. Машков — секретарь ГК по пропаганде, командир спецотряда С. А. Ваупшасов и комиссар отряда И. М. Родин (Гром).

На основе решений V пленума и указания ЦК КП(б)Б от 21 сентября 1943 года Минский подпольный горком партии поставил перед подпольщиками новые задачи: организовать на всех предприятиях и в учреждениях города диверсионные и повстанческие боевые группы с задачей проведения диверсий и сохранения предприятий и учреждений города при отступлении немцев. «Имеющимся в городе диверсионным и повстанческим группам, — указывалось в постановлении горкома, — наряду с проведением диверсий, уничтожением складов и техники противника, в связи с приближением фронта поставить новые задачи по вопросу захвата и сохранения техники врага, сохранения оборудования заводов, зданий, предприятий и учреждений города»[61]. Горком обращал особое внимание на необходимость наблюдения за минированием таких важных объектов, как вагоноремонтный завод имени Мясникова, станкостроительный завод имени Октябрьской революции, радиозавод, кожзавод «Большевик», хлебозавод «Автомат», электростанция, железнодорожная станция, Дом правительства, Окружной дом Красной Армии, клинический городок, здание Академии наук БССР и другие.

Перед подпольными группами была поставлена другая важная задача — организация спасения мирного населения города от истребления и угона в фашистское рабство.

Представители партийных органов и партизан совместно с избежавшими ареста подпольщиками создали в городе десятки подпольных групп и десятки конспиративных квартир, складов материально-технических средств (оружия, боеприпасов, взрывчатки) и подпольной литературы. Только связные спецотряда Градова организовали в городе более 120 конспиративных квартир.

Подпольный горком партии и партизанские отряды имели в городе прочную опору среди всех слоёв населения. Минчане никогда не забудут светлое имя пламенного советского патриота

профессора Евгения Владимировича Клумова. С 1921 года жизненный путь Евгения Владимировича был связан с Минском. Здесь Е. В. Клумов стал кандидатом медицинских наук и доцентом, а в феврале 1939 года—• профессором. Тысячам минчан вернул здоровье Е. В. Клумов, спас их от смерти Во время оккупации города гитлеровцами Е. В. Клумов работал в бывшей 1–й больнице. Он сразу же включился в борьбу с захватчиками. Многих раненых подпольщиков и партизан профессор вернул в строй бойцов, многим помог бежать из-под фашистской охраны. Профессора Е. В. Клумова знали в подполье под кличкой Самарин. В одном из донесений подпольщиков из Минска в сентябре 1943 года о Е. В. Клумове говорится: «Самарин. Пламенный борец с фашистскими захватчиками. Включился в активную борьбу с начала 1942 года. Очень много медикаментов передал в распоряжение народных мстителей. Обслуживал четыре отряда. Полностью оборудовал два полевых госпиталя. Через Е. В. Самарина можно было достать самые дефицитные и самые важные медикаменты»[62].

Осенью 1943 года гитлеровцы арестовали Е. В. Клумова. Угрозами, пытками и посулами гестаповцы пытались склонить крупного специалиста и уважаемого в городе человека на свою сторону. Но все домогательства фашистов патриот отверг с презрением. 11 февраля 1944 года профессор Е. В. Клумов и его жена Г. Н. Клумова были замучены в душегубке.

Следует отметить патриотическую деятельность медицинских работников Минска: врачей М. М. Владысика, В. И. Гудына, Л. М. Кашечкиной, М. А. Кирзон, Н. И. Мельникова, В. И. Павлович, М. Г. Пилипушко, С. А. Прилуцкого, А. И. Плавинской, В. К. Шикавко, медсестёр Ю. И. Семашко, А. И. Сидорович, фармацевта Л. Ф. ГустарниК. Лариной и многих других. Постоянно рискуя жизнью, они лечили больных и раненых подпольщиков и партизан, регулярно снабжали партизанские отряды медикаментами, хирургическим инструментарием, перевязочными средствами. Коммунистка врач А. И. Плавинская, кроме того, была организатором диверсионных групп на Минском железнодорожном узле. Она собирала сведения о движении эшелонов и укреплениях противника в городе[63].

Одной из важнейших задач подпольных групп продолжала оставаться политическая работа среди населения города. Борисовский, Дзержинский, Логойский, Смолевичский, Слуцкий и другие подпольные райкомы партии и комсомола наладили в подпольных типографиях издание газет и листовок. Отсюда в Минск на конспиративные квартиры доставлялись листовки «Вести с Родины», сводки Совинформбюро, краткие сообщения о

боевых делах партизан. Подпольщики распространяли их среди населения, подбрасывали служащим оккупационных учреждений, оставляли в кинотеатрах. Трудно было с бумагой, типографской краской, шрифтами. Всем этим снабжали типографии в значительной мере минские подпольщики, имевшие широкие связи в городе. Листовки печатались на разноцветной бумаге, разными шрифтами. Но они были дороги патриотам, вселяли в них бодрость, укрепляли их волю к борьбе.

Кроме изданий местных партийных органов в Минск систематически засылались газеты «Звязда» (орган ЦК и Минского подпольного обкома КП(б)Б), «Чырвоная змена» (орган ЦК и Минского подпольного обкома ЛКСМБ), а также поступавшие из советского тыла газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Совецкая Беларусь», «Раздавім фашыскую гадзіну», большое количество плакатов и листовок.

Минский подпольный горком КП(б)Б развернул работу по укреплению и расширению связей с населением. С этой целью решено было начать издание новой подпольной газеты — «Минский большевик»[64].

Вскоре горком наладил регулярный выпуск газеты, а также листовок, специальных выпусков «Вести с фронтов», «Вести с Советской Родины». Уже с ноября 1943 года в Минске стали систематически распространяться подпольные издания Минского горкома партии. «Более 70% газеты «Минский большевик» и листовок засылались в Минск, — вспоминает редактор А. Д. Сакевич. — Газеты и листовки в городе распространяли созданные горкомом партии подпольные группы на 79 промышленных предприятиях и в учреждениях города. Партизанские связные тт. Лукерчик, Кедо, Шидловская, Воробьев и другие, проявляя находчивость и смелость, доставляли подпольную литературу в Минск. Газета и листовки перевозились по железной дороге вместе с немецкой почтой, на подводах в мешках с картошкой, мукой, зерном, в тюках сена или соломы. Для перевозки литературы в зимнее время были изготовлены пустотелые полозья крестьянских саней»[65].

С ноября 1943 года по июнь 1944 года вышло 25 номеров газеты «Минский большевик» общим тиражом около 10 тысяч экземпляров.

Первый номер газеты вышел 2 ноября 1943 года под аншлагом: «Трудящиеся Минска! Отдадим все силы на борьбу с немецким фашизмом!» В передовой статье «Все силы и средства на помощь Красной Армии» газета призывала: «Трудящиеся Минска! Поднимайтесь на борьбу против немецких захватчиков!

Поджигайте неприятельские склады, выводите из строя предприятия. Бейте фашистов так, чтобы во веки веков не поднялись они, чтобы вечно жил могучий и свободолюбивый белорусский народ в дружной семье народов СССР!»

В газете сообщалось, о массовом расстреле жителей района Комаровки в сентябре 1943 года, об уничтожении 150 детей в находившемся на Надеждинской улице детдоме, о разрушении и разграблении захватчиками материальных и культурных ценностей Минска, о каторжном режиме на предприятиях города.

С большой радостью встретили минчане номер, посвящённый 25–й годовщине образования БССР. Он начинался призывом: «Трудящиеся Минска! Умножим удары по врагу, приблизим день нашего освобождения от немецких захватчиков!» В номере были помещены заметки: «Удары по врагу», «Боевые дела железнодорожников», «Патриоты Минска», «Смерть фашистским сообщникам» и другие, в которых рассказывалось о боевых делах подпольщиков и патриотизме минчан.

Выпускались специальные номера газеты, обращённые к различным группам населения, партизанам и подпольщикам. Например, номер от 12 января 1944 года был посвящён молодёжи. «Молодежь Минска! Отдадим все свои силы, всю энергию, способность и волю на скорейший разгром немецких захватчиков!» — призывала газета. В заметках «Боевые успехи молодёжи», «Взорвали 50 тонн бензина», «Дружным залпом из засады» рассказывалось о героизме и боевом мастерстве молодых подпольщиков и партизан.

Газета имела широкое хождение в народе. В самом Минске было много распространителей подпольной печати. «Лучшими подпольщиками по распространению литературы в городе, — говорится в отчёте Минского подпольного горкома КП(б)Б, — являются: Воробьев Костя — комсомолец, живёт в Минске, Воронков Максим — член ВКП(б), доставляет литературу, Воронкова Анна, Исаев, Гуринович Миша, Гуринович Вера, «Анка» и др.»[66].

Действенность большой политической работы подпольщиков в городе подтверждается фактом массового ухода трудящихся города в партизанские отряды. За три года оккупации из столицы Белоруссии в партизаны ушло более 10 тысяч человек[67]. В некоторых бригадах и отрядах Минской области более 30 процентов было рабочих и служащих Минска. Например, в партизанской бригаде «Буревестник» 33 процента составляли минчане[68]. В партизанском отряде «За Советскую Белоруссию» бригады имени Фрунзе было 67 процентов минчан.

Под воздействием устной и печатной агитации подпольщиков

на сторону партизан переходило большое количество солдат из равного рода изменнических формирований, дислоцировавшихся в Минске и его окрестностях.

Широкая массово–политическая работа велась среди солдат и офицеров противника. Дело это было очень трудным и опасным. Но тем не менее подпольщики находили возможности установления связей с антифашистами. При их помощи более 100 солдат (словаков, поляков, югославов, немцев, австрийцев, бельгийцев, французов и др.) ушло из Минска в партизаны, чаще всего с оружием в руках, а некоторые группы даже на автомашинах. Они активно боролись против гитлеровцев в партизанских бригадах имени Фрунзе, «Дяди Коли», «Штурмовая», «Народные мстители» имени Воронянского, «Железняк».

Вот что рассказывает о своём уходе к партизанам Франтишек Липтак[69]: «Через несколько дней весь наш отряд перевели в Минск. Связь с партизанами была прервана. Снова связаться с ними мне удалось лишь в октябре 1943 года. Помогли девушки Женя и Роза, жившие в Пушкинском посёлке города Минска. У Жени в партизанском отряде находились два брата.

К партизанам мы собирались втроём: Матей Ваярский из Плавецкого Штвртка, младший сержант Йозеф Гарин из Рыбарполья, что недалеко от Ружемберка, и я. О подготовке перехода договорились ночью на квартире у Жени, где кроме нас было ещё трое местных жителей. Мы решили, что лучше всего совершить побег на грузовике на рассвете перед побудкой, которая всегда была в 6 часов утра. Так и сделали. Погрузили на машину канистры с бензином, несколько мешков сахару, оружие и патроны. Младший сержант Гарин выписал путевой лист до городка Заславля… В Минске нас ждала Женя в условленном месте (около электростанции или мельницы, теперь уже не помню). Она села к нам в машину…»[70].

Боевой славой покрыл себя в рядах партизан Зигмунд Касецкий, поляк из Варшавы. З. Касецкого вывели из Минска в мае 1943 года связные партизанской бригады «Буревестник». Он принимал участие во многих боях и погиб в бою 5 июня 1944 года.

Большую роль играла подпольная печать в разоблачении фашистской пропаганды, оккупационного режима гитлеровцев, творимых ими преступлений на советской земле. Она вскрывала преступную антинародную природу белорусских буржуазных националистов, создававшихся ими профашистских националистических организаций.

Летом 1943 года оккупанты объявили об организации «Союза

белорусской молодёжи» (СБМ). Задачей этого союза являлся «отрыв белорусской молодёжи от Востока и приобщение её к арийскому Западу». Исполнителями этой грязной затеи были буржуазные националисты. Минский, Дзержинский, Руденский, Логойский и другие подпольные райкомы партии и комсомола под руководством подпольного обкома КП(б)Б развернули широкую кампанию по срыву этой провокации оккупантов. В Минске было распространено большое количество газет, листовок и плакатов, раскрывавших истинную сущность СБМ. «Юноши и девушки, братья и сестры… — говорилось в листовке Минского подпольного обкома комсомола. — Не вступайте в фашистскую организацию «Союз белорусской молодёжи». Везде и всюду вскрывайте гнусную фашистско–людоедскую сущность этой организации! На фашистскую провокацию ответим новой волной партизанского движения, ростом рядов народных мстителей. Все, как один, идит–е в партизанские отряды и активной борьбой приближайте час своего освобождения!»[71]

Молодежь называла СБМ «смертью белорусской молодёжи» и ещё активнее включалась в борьбу с оккупантами. Как и вся белорусская молодёжь, юноши и девушки Минска с презрением отвергли все попытки втянуть их в фашистскую организацию.

Ярким проявлением высокого патриотизма населения Минска и действенности массово–политической работы подпольщиков явился срыв попыток гитлеровцев создать так называемую «белорусскую краевую оборону». В начале марта 1944 года созданная оккупантами «белорусская центральная рада» объявила приказ о мобилизации: все мужчины призывных возрастов под угрозой смертной казни должны были явиться на службу в «краевую оборону». Фашисты преследовали этим гнусную цель: высвободить свои войска для фронта, а против белорусских партизан использовать самих белорусов, развязать братоубийственную войну.

ЦК КП(б)Б и правительство БССР по радио и через печать обратились к населению временно оккупированных районов Советской Белоруссии. В обращении раскрывалось истинное назначение «белорусской краевой обороны», разоблачался фарс с созданием «центральной рады». ЦК КПБ и правительство республики призывали население Белоруссии не поддаваться на очередную провокацию оккупантов и их верных слуг — белорусских буржуазных националистов, всеми силами и средствами срывать мобилизацию. «Скрывайтесь, не являйтесь на сборные пункты, — говорилось в обращении. — Идите под защиту партизан. Вступайте в ряды партизан. Мстцте немецким людоедам за пролитую кровь и слезы белорусского парода, за

уничтожение наших сел и городов, за разорение и разграбление домашних очагов, за убийства ни в чём не повинных женщин, детей, стариков, за угон наших братьев и сестёр в немецкое рабство»[72].

Минский подпольный горком партии провёл большую работу среди населения по срыву фашистской затеи. В городе были широко распространены обращение ЦК КП(б)Б и правительства БССР, газета «Минский большевик». «Минчане! — призывала газета. — Не являйтесь на мобилизационные пункты, уходите в партизанские отряды. Помните! Кто попадёт в лапы фашистов, тот никогда не вернётся в родную Белоруссию… Активней помогайте нашей освободительнице, наступающей Красной Армии».

Мобилизация в «белорусскую краевую оборону» в Минске, как и во всей Белоруссии, была сорвана.

Население Минска активно откликалось на все призывы подпольщиков. В апреле 1943 года в центральной и подпольной печати была опубликована телеграмма Минского подпольного обкома партии в ЦК КП(б)Б о сборе средств в фонд обороны страны. В ней сообщалось, что трудящиеся Минска и Минской области собрали 3 с лишним миллиона рублей деньгами и облигациями, 2810 рублей золотыми монетами, множество золотых и серебряных вещей на строительство самолётов «Партизан Минска», «Партизан Слуцка», «Партизан Борисова»[73]. Только одна из подпольщиц Минска, коммунистка А. Ф. Веремейчик, собрала в городе 55 тысяч рублей деньгами и облигациями.

Массово–политическая работа, проводившаяся коммунистами в оккупированном Минске, носила многосторонний характер. Смело, мужественно патриоты–подпольщики несли в массы большевистскую правду, укрепляли веру советских людей в победу над врагом. Все это способствовало успешному развёртыванию боевой деятельности, помогало вовлекать широкие массы трудящихся в активную борьбу против гитлеровских оккупантов.

В 1943–1944 годах резко повысилась и эффективность боевой деятельности подпольщиков. Этому в значительной степени способствовало и то, что улучшилось снабжение боевых групп материально-техническими средствами. Партийные органы и партизанские бригады, имевшие связь с советским тылом, систематически снабжали подпольщиков специальными подрывными устройствами и взрывчаткой.

Главным объектом боевой деятельности подпольщиков продолжал оставаться Минский железнодорожный узел. Наряду с

группами, созданными ещё в 1941 — 1942 годах, здесь возникли десятки новых диверсионных групп.

По поручению командования бригады «Народные мстители» на железнодорожном узле в 1943 году работало несколько диверсионных групп. В их состав входило около 15 человек — В. Д. Шатько (Огнев), З. З. Гало, Н. И. Чирко, В. Д. Панин, А. И. Солтанов, А. Г. Русак и другие[74]. Одну из этих групп возглавлял воспитанник рабочего коллектива завода имени Октябрьской революции коммунист В. Д. Шатько. Скромно, строго официально сообщил он командованию отряда имени Суворова о произведённых группой диверсиях: «2 апреля 1943 года установлены в Минске 3 мины на состав с бензином… Взрыв произошёл через 4 часа, то есть в 20 часов, между Талькой и Верейцами… Пока его (эшелон) не растянули, сгорела почти половина состава, и движение задержано на 18 часов». 21 мая 1943 года В. Д. Шатько и его товарищи на станции Минск заминировали вражеский эшелон с авиабомбами, замаскированными соломой. В эшелон подпольщики заложили четыре магнитные мины с шестичасовым заводом. Взрыв произошёл, когда состав прибыл на станцию Руденск. Взрывом и возникшим пожаром был уничтожен эшелон с авиабомбами и сгорел стоявший рядом состав с горючим[75]. 31 мая эта же группа установила мины на цистерны с горючим. Мины взорвались на станции Талька, в результате чего сгорело 3 цистерны[76].

В конце июля 1943 года В. Д. Шатько был арестован и замучен в фашистских застенках.

Интересны боевые операции диверсионной группы «Дяди Вани» (фамилия руководителя не установлена). Одна за другой следовали диверсии на железнодорожном узле. 21 июня подпольщики установили мины в составе поезда № 1124. При взрыве возник пожар, уничтоживший 3 цистерны с горючим и вагон, нагруженный бочками с оружейным маслом. 24 июня взорвались 2 мины в поезде № 1012. В воздух взлетели баллоны с кислотой, погруженные на 2 платформы. 27 июня в поезде № 9163 взорвалось 4 мины: взрывом уничтожены 4 вагона со снарядами. 4 июля члены группы установили мины в составе с горючим. В результате возникшего от взрывов пожара сгорело 23 цистерны по 16 тонн каждая.

Диверсионная группа под руководством З. З. Гало менее чем за месяц (с конца августа до половины сентября) 1943 года заминировала 7 эшелонов, идущих к линии фронта. В пути следования в воздух взлетело и было уничтожено пожарами 20 цистерн с горючим, 4 вагона с воинским снаряжением и одно

зенитное орудие[77].

По заданию второй Минской партизанской бригады подпольщики, рабочие депо станции Минск, в июле —августе 1943 года вывели из строя и недодали по графику 155 паровозов, взорвали 2 паровоза[78].

Смело действовали на Минском железнодорожном узле комсомольцы–подпольщики. Так, члены подпольной группы «Андрюша» Н. А. Кедышко, Л. Домбровский и Л. Ярош в тёмную октябрьскую ночь 1943 года в районе Могилевской улицы подложили мину под железнодорожный вагон. В районе товарной станции вагон взлетел на воздух[79]. Члены комсомольской организации «Зубилкин» (секретарь Виля Гудович) 5 марта 1943 года на товарной станции сожгли 3 платформы с горючим[80]. Ряд диверсий совершила комсомольская организация, секретарём которой была Галина Сасина. В 1943 году в составе организации активно действовали Александр Садовский, Владимир Лазарчик и связанные с ними подпольщики Людмила Величко, Ольга Лавринович, Иван Шакалов. Замечательным патриотом был минский подпольщик Анатолий Левков (Толик Маленький). 3 марта 1943 года он организовал взрыв железнодорожных платформ с горючим на станции Минск. Вот что говорилось об этой операции в сообщении полиции безопасности и СД от 14 мая 1943 года: «В Минске выявлена группа из трёх человек… которые объединялись, чтобы заняться саботажем и совершать террористические акты. Как установлено, эта группа убила зондерфюрера генерального комиссара с целью завладеть его пистолетом[81]. Кроме того, на счету этой группы нападение на железнодорожный состав, гружённый бочками с бензином, совершенное 3 марта 1943 г. в Минске. Эта тройка, надев нарукавные повязки с надписью «Служащий немецких железных дорог», проникла на территорию вокзала и установила в одном из вагонов мину с часовым механизмом. Ввиду дефекта мина взорвалась преждевременно, и загорелось три вагона. Благодаря срочному вмешательству железнодорожного персонала указанные три вагона были отцеплены и отведены на запасной путь. В результате остальной груз был спасён. При этом было уничтожено 60 тысяч литров бензина»[82].

А. Левков был смелым и инициативным, одним из первых участников подполья. Он выполнял различные поручения подпольного центра: собирал оружие, организовывал побеги советских военнопленных, занимался разведкой. По заданию подпольного комитета вместе с Л. Лихтаровичем уничтожил гестаповского агента, после чего в июле 1942 года ушёл в партизаны. Но по поручению командования отряда он продолжал

выполнять специальные задания в Минске. Взрыв железнодорожных цистерн с горючим на станции Минск был очередным и последним заданием, выполненным Толиком Маленьким. После этой операции он зашёл на одну из конспиративных квартир, но там оказалась вражеская засада. В завязавшейся перестрелке А. М. Левков был тяжело ранен, схвачен фашистами и погиб в их застенках.

Диверсионная деятельность подпольщиков на Минском железнодорожном узле непрерывно нарастала. Только во второй половине 1943 года подпольщики–железнодорожники, по далеко не полным данным, совершили 50 крупных диверсий[83]. Было взорвано и выведено из строя большое количество паровозов, цистерн и другого подвижного состава, уничтожено много горючего, военной техники, различного снаряжения и живой силы врага.

По–боевому действовала на Минском узле диверсионная группа «Удар», связанная с партизанским отрядом «Знамя» бригады «Разгром» (руководители группы С. Э. Эрдман и Н. И. Афанасьев). 1 февраля 1944 года заместитель командира отряда по разведке указывал в докладной записке, что группа «Удар» проводит многочисленные диверсии. Группа умело использует мины[84].

Концентрируя внимание на развёртывании диверсионной деятельности на железнодорожном узле, минские подпольщики вместе с тем систематически производили диверсии и на других важных объектах города, устраивали взрывы и поджоги на предприятиях и в учреждениях. В воздух взлетали казармы, воинские штабы, автомашины, горели склады продовольствия и воинского снаряжения.

Дважды сильные взрывы потрясали вагоноремонтный завод имени Мясникова. Один из них произвела 1 июля 1943 года подпольная группа инженера Г. Н. Краснитского, работавшая по заданию спецотряда Градова. В группу входили Г. Н. Подобед, В. С. Глинский и И. А. Вислоух. Дело это было очень трудным и опасным. С конспиративной квартиры подпольщика Велимовича инженер Г. Н. Краснитский и слесарь Г. Н. Подобед доставили на охранявшийся эсэсовцами завод взрывчатку, магнитные мины, взрыватели, детонирующий шнур. Все это спрятали токари В. С. Глинский и И. А. Вислоух. Рано утром 1 июля В. С. Глинский, Г. Н. Подобед и И. А. Вислоух установили заряды в механическом цехе завода. Г. Н. Подобед поджёг связанные с бикфордовым шнуром концы строп, после чего группа благополучно скрылась с завода. Взрывом были уничтожены ценные станки и другое оборудование механического цеха,

разрушены наружная стена и крыша колёсного цеха. Механический цех завода вышел из строя[85].

16 сентября 1943 года подпольщик Б. А. Маньковский по заданию командования 3–й Минской партизанской бригады подложил мину в паровой котёл отопления подъёмного домкрата на заводе имени Мясникова. Взрывом мины это оборудование было выведено из строя более чем на месяц[86].

Много оборудования, готовой продукции было испорчено подпольщиками на радиозаводе. Только в начале 1943 года было выведено из строя 15 комплектов отремонтированной радиоаппаратуры к самолётам, 1 аппарат управления слепыми полётами и 2 мотора.

Активно действовала на радиозаводе подпольная комсомольская организация «Танюша» (секретарь Полина Кудрявцева). За 10 месяцев 1943 года члены группы — комсомольцы–подпольщики испортили 16 радиостанций для самолётов и несколько сот радиоламп.

Под неусыпным вниманием минских подпольщиков находились городские электростанции. Это были особо тяжёлые объекты для диверсий: фашисты установили там очень хитрую и сложную систему охраны. Но подпольщики проникали и туда. Так, в июне 1943 года взорвалась мина на ГРЭС-2. Ее заложил рабочий Л. А. Примаков (Лаврен) по заданию командования партизанского отряда «Беларусь». В результате взрыва были уничтожены решётки топки, что вызвало простой электростанции на семь часов[87]. Вторично ГРЭС-2 была потрясена взрывом 30 октября 1943 года. Мину вместе с толом под паровые котлы подложил подпольщик И. Буцевич. Взрыв повредил два паровых котла.

По заданию спецгруппы Центрального и Белорусского штабов партизанского движения, возглавлявшейся С. И. Казанцевым, в октябре 1943 года подпольщики К. Р. Волчек и А. Тарлецкий организовали взрыв генераторов на минской ГРЭС-1. Но взрыв произошёл раньше срока, и исполнители диверсии были схвачены фашистами. После мучительных пыток 25 декабря 1943 года фашисты повесили К. Р. Волчка недалеко от электростанции, а Анатолия Тарлецкого расстреляли[88].

Много боевых дел на счету у подпольной группы, действовавшей на заводе имени Октябрьской революции, где фашисты организовали ремонт танков. Члены группы О. С. Дубровская, Р. Шеряй, О. Рак, военнопленные В. Петрунин, А. Нырко, Л. Рожков и другие организовали сбор оружия, боеприпасов, медикаментов, оказывавшихся в танках, доставленных на ремонт. Через подпольщиков З. З. Гало и

В. Д. Шатько группа была связана с отрядом имени Суворова бригады «Народные мстители» и систематически переправляла партизанам патроны, мины, гранаты, части пулемётов, пулемётные ленты, ракетницы, машинное масло, аккумуляторы и медикаменты. Группа похитила и доставила в отряд два пулемёта[89]. Диверсии дополнялись саботажем рабочих, ремонтировавших танки.

На хлебозаводе «Автомат» систематически совершала диверсии группа «Андрюша», возглавлявшаяся Н. Кедышко. Подпольщики вывели из строя 4 электромотора, конвейер для подачи теста, тестомешалку, тестовыбрасыватели. Выпечка хлеба для гитлеровских воинских частей неоднократно задерживалась. В гараже завода комсомольцы сожгли три автомашины[90].

Диверсии производились на вулканизационной фабрике (было сожжено здание фабрики, караульное помещение немецкой охраны, боеприпасы и 35 тонн резины), а также на маслозаводе и других предприятиях Минска.

Минские подпольщики проникали и на военные базы и склады противника. Так, в начале марта 1943 года минский подпольщик В. Т. Бабенко заминировал нефтебензосклад в предместье Минска — Красном Урочище. Пожаром, возникшим при взрыве, было уничтожено 400 тысяч литров авиабензина, 4 вагона, нагруженных бочками с машинным маслом, 150 бочек керосина и автомашина. В январе 1943 года на территории стеклозавода подпольщики сожгли склад с воинским обмундированием.

Несмотря на хорошо организованную охрану аэродрома, как чрезвычайно важного военного объекта, подпольщики проникли и туда. Осенью 1943 года на аэродроме смело действовала глубоко законспирированная подпольная группа спецотряда С. А. Ваупшасова, которой умело руководил К. И. Мурашко. В группу входили З. Н. Василевская, Капустин, Г. В. Циркун, А. П. Никитина, П. В. Оперенко, О. М. Фелитар. 12 декабря 1943 года на аэродроме было совершено сразу четыре диверсии. Подпольщики Оперенко и Капустин заминировали цистерны с горючим — были уничтожены 3 цистерны. Подпольщики З. Н. Василевская и А. П. Никитина заминировали помещение авиаштаба на Центральном аэродроме. Взрывом было убито 15 и ранено 7 гитлеровских офицеров. Одновременно был взорван интернат лётного состава и проведена диверсия в столовой. Взрывом в интернате было убито 40 и ранено 30 фашистских лётчиков. Несколько ранее, 30 октября 1943 года, члены группы Оперенко и Капустин подложили магнитные мины в моторную часть фашистских самолётов, одну в «Мессершмитт», который

взорвался над Минском после взлёта, другую — в «Юнкере», взорвавшийся над Радошковичами[91].

Наряду с диверсиями подпольные группы уничтожали наиболее зверствовавших фашистов и их прислужников. Многие высокопоставленные гитлеровские чиновники и офицеры нашли свою смерть в Минске от рук отважных подпольщиков.

Так, 10 июня 1943 года была уничтожена верхушка минского областного руководства оккупантов. 60–летняя Д. Д. Корсакевич–Гамбург, узнав о том, что из города в направлении Слуцка собирается выехать на машинах большая группа гитлеровских чиновников, немедленно сообщила об этом командованию партизанского отряда «Буревестник». Между Шацком и Уздой партизаны устроили засаду и решительным ударом разгромили следовавших по дороге фашистов[92].

Об этой операции 2 июля 1943 года газета «Правда» в заметке «Белорусские партизаны уничтожают гитлеровских оккупантов» писала: «Стокгольм, 1 июля (ТАСС). Гитлеровская газета «Минскер цайтунг» сообщает, что 10 июня белорусскими партизанами были убиты немецкий «областной комиссар» Людвиг Эренлейтер, «правительственный инспектор» Генрих Клозе, начальник областной жандармерии обер–лейтенант Карл Калла, обер–вахмейстер Вальтер Погарелль, обер–вахмейстер Карл Зандфос, старший жандарм Карл Вундерлих, обер–вахмейстер Август Штрассер, а также гитлеровские «хозяйственные руководители» Франц Так, Фриц Шульце и Гюнтер Бенневиц. Газета признает, что страх перед партизанами заставляет многих гитлеровцев бежать из Белоруссии».

Не ушли от народного гнева многие непосредственные организаторы злодеяний в Минске, эсэсовские офицеры управления полиции безопасности и СД. 6 сентября 1943 года в столовой СД во время банкета раздался мощный взрыв. Это было делом рук подпольщиц, молодых девушек Ульяны Козловой и Капитолины Гурьевой, работавших в столовой официантками по заданию спецотряда С. А. Ваупшасова. Взрыв был произведён 20 килограммами взрывчатки, заложенной в печь столовой[93]. Вот что рассказывал об этом взрыве перешедший на сторону Красной Армии капитан 52–й немецкой дивизии Ганс Шмидт:

> «В конце августа я вместе с группой офицеров из резерва был направлен на Восточный фронт. По независящим от меня причинам я задержался на несколько дней в Минске. 6 сентября неизвестные взорвали офицерскую столовую — казино. После взрыва

я лично осматривал разрушения, которые произошли. Из-под развалин было извлечено 30 убитых и 50 тяжело раненных немецких офицеров. Многие офицеры получили контузии и лёгкие ранения»[94].

В ответ на эту операцию подпольщиков оккупанты расправились с совершенно невинными людьми. 8 сентября по городу было расклеено объявление: «За совершенное 6 сентября 1943 года при помощи взрывчатых веществ покушение на учреждение командира полиции безопасности и СД Белоруссии и прочие планировавшиеся за последнее время покушения, которые были своевременно предотвращены, взято сегодня, по взаимному согласию с господином генеральным комиссаром Белоруссии, 300 заложников среди населения гор. Минска, которые будут расстреляны.

Командир полиции безопасности и СД Белоруссии
Др. Исэльгорст»[95].

Но на фашистский террор подпольщики отвечали новыми боевыми делами. Через неделю, 14 сентября, подпольщики спецгруппы М. А. Шпака (находившейся при партизанском отряде имени Калипина) уничтожили офицеров авиаштаба немецкой лётной группы № 31537, размещавшегося по Академической улице. Руководил операцией коммунист С. А. Романовский. По его заданию работавшая в столовой штаба уборщицей подпольщица В. С. Чернова (бывшая студентка Политехнического института) заложила в обеденном зале мины. Взрывом было уничтожено 30 гитлеровцев[96].

6 октября 1943 года раздался мощный взрыв в кинозале «Soldatenheim», находившемся в бывшем здании Дома Красной Армии. Эту диверсию совершили подпольщики Н. Митько, О. О. Масловский и партизанская связная Т. Синица по заданию спецгруппы С. И. Казанцева. Мину заложили в последних рядах стульев зрительного зала, с расчётом, чтобы взрыв произошёл во время сеанса. «В этот же вечер советские самолёты сделали налёт на Минск, — рассказывается в отчёте об этой операции, — по объявленной тревоге сеанс был прерван, зрители стали расходиться, и в этот момент произошёл взрыв мины. Имеются значительные жертвы. Выбежавшие из театра солдаты и офицеры попали под бомбы нашей авиации, начавшей бомбить город. Несколько бомб упало как раз возле Дома Красной Армии. Получилось весьма интересное совпадение»[97].

В течение длительного времени многие подпольные и партизанские группы охотились за генеральным комиссаром Белоруссии гауляйтером Вильгельмом Кубе. Этот кровавый палач белорусского народа жил в постоянном страхе перед нависшим над ним возмездием. Кубе окружил себя усиленной охраной. Ездил он на разных машинах, часто менял маршруты поездок. Но возмездие все же пришло. Служившая у гитлеровского сатрапа горничной Е. Г. Мазаник подложила магнитную мину с часовым механизмом в кровать Кубе. Мина взорвалась в 2 часа ночи, когда Кубе спал. Активное участие в проведении этой операции принимали подпольщики Н. П. Дрозд, М. Б. Осипова и партизанка Н. В. Троян. За её выполнение Е. Г. Мазаник, М. Б. Осипова и Н. В. Троян удостоены звания Героя Советского Союза.

В октябре 1943 года спецотряд «Юрия» (командир Э. С. Куцин) начал подготовку уничтожения злейшего врага белорусского народа — начальника полиции безопасности и СД, а после ликвидации Кубе, генерального комиссара Белоруссии Готтберга. В Минске была создана подпольная группа, в состав которой вошли Н. П. Моисеева, М. П. Чижевская, Лиля Чижевская (дочь), Е. М. Зубкович и другие. Но накануне диверсии гитлеровцам удалось раскрыть и схватить участников группы. После зверских пыток в застенках СД 25 декабря 1943 года Лиля Чижевская, М. П. Чижевская и Надя Моисеева были повешены в пригороде Минска — Лошице.

Карающая рука народного гнева настигла и многих прислужников оккупантов — главарей белорусских буржуазных националистов. 7 марта 1943 года партизаны А. Л. Матусевич, Г. Н. Страшко и А. П. Прилепо (все они раньше жили в Минске) въехали на машине в центр города, к дому, где проживал один из ярых буржуазных националистов — Акинчиц, открыто подвизавшийся на службе в СД. А. П. Прилепо остался в машине, а А. Л. Матусевич и Г. И. Страшко поднялись на третий этаж, где была квартира предателя. По пути они перерезали телефонные провода. Затем, когда на их стук вышел Акинчиц, Матусевич выстрелом из пистолета убил его. Смельчаки быстро спустились вниз, на той же машине благополучно выехали из города и вскоре прибыли в свой партизанский отряд[98].

13 декабря 1943 года в коридоре здания редакции фашистской «Беларуской газэты» выстрелом из нагана был убит её редактор Козловский. Исполнителями этой дерзкой операции были И. В. Шнигир и К. И. Немчик — члены спецгруппы «Мститель». И. В. Шнигиру удалось добраться до базы группы, а К. И. Немчик был схвачен фашистами. Гитлеровцы зверски пытали советского патриота, несколько раз обливали бензином и

жгли его тело. Не добившись от него никаких показаний, фашисты расстреляли К. И. Немчика.

6 декабря 1943 года был уничтожен матёрый главарь белорусских национал–фашистов, бургомистр Минска, председатель буржуазнонационалистических организаций «Рады доверия» и «Белорусского научного товарищества» Ивановский. Эту операцию совершили члены спецгруппы «Мститель» А. А. Каминский и Е. И. Кунцевич. Проведена она была исключительно смело. А. А. Каминский и Е. И. Кунцевич среди белого дня в самом городе вскочили в пролётку, в которой ехал Ивановский, и предложили ему следовать к партизанам. Ивановский стал сопротивляться. Тогда партизаны уничтожили его. Захватив пистолет и портфель Ивановского, они благополучно прибыли на базу группы[99].

Уничтожение оккупантов и их буржуазно–националистических пособников подпольщики и партизаны рассматривали как прямой ответ на призыв партии — создать невыносимые условия для фашистов на захваченной ими советской земле. И оккупанты вместе с прислужниками трепетали. Всюду их поджидала смерть. Подпольщики истребляли их прямо на улицах города. В подпольной организации «Андрюша» была создана специальная группа, которая, по неполным данным, истребила в Минске более 50 оккупантов и их пособников. Группу возглавляли члены штаба организации Л. Домбровский и Л. Ярош[100].

Ярким примером беззаветного мужества, верности идеалам нашего народа может служить деятельность минского подпольщика и партизанского разведчика комсомольца Ивана Константиновича Кабушкина. Он был известен в минском подполье как Жан, Бабушкин, Александр, Назаров.

И. К. Кабушкин родился в 1915 году в деревне Малаховцы Барановичского района Брестской области, в семье белорусского крестьянина. Семья эвакуировалась в том же году в Казань. После окончания школы до 1936 года Иван работал водителем трамвая в Казани. Здесь он вступил в комсомол. Большую школу И. К. Кабушкин прошёл в рядах Красной Армии. Здесь он окончил курсы младших лейтенантов. В первые дни войны И. К. Кабушкин попал в фашистский плен и оказался в одном из лагерей Минскй. Бежав из плена, он сразу же, летом 1941 года, вступил в смертельную схватку с врагами. Во главе небольшой группы таких же смелых, как и он, патриотов Кабушкин совершал дерзкие налёты на вражеские военные объекты, уничтожал гитлеровцев и их пособников. С ноября 1941 года по 4 февраля 1943 года по заданию Минского подпольного партийного центра

и командования партизанских отрядов отважный подпольщик выполнял специальные задания разведывательного и диверсионного характера. С мая 1942 года Жан возглавлял оперативную группу Минского подпольного комитета КП(б)Б по уничтожению агентов фашистской разведки, провокаторов и представителей оккупационных властей.

И. К. Кабушкин люто ненавидел фашистов, и у него ни разу не дрогнула рука, когда перед ним был враг. Клятвой звучат слова из его письма: «И пока я буду видеть, пока буду слышать, пока кровь моя будет течь по жилам — буду бить, буду уничтожать врагов!»[101] Жана хорошо знали партизаны 208–го отряда, бригад «Дяди Коли», «Народные мстители» имени Воронянского, «Старика», «Смерть фашизму» и другие. Он добывал для партизан оружие, боеприпасы, медикаменты, проводил большую работу по разложению минской полиции, вражеских националистических формирований. При его непосредственном участии много советских воинов было вызволено из лагерей военнопленных и переправлено в партизанские отряды.

Будучи незаурядным и смелым подпольщиком, И. К. Кабушкин принимал активное участие в издании и распространении подпольной литературы среди населения Минска и его окрестностей. При его участии в октябре 1942 года во время массовых арестов подпольщиков был организован выпуск листовки «К населению Белоруссии». 23 октября ночью Жан лично расклеивал листовки по улицам Революционной, Интернациональной, Островского, Володарской и на здании минской тюрьмы.

Гестаповские ищейки охотились за Жаном, как за крупным советским разведчиком, с осени 1941 года. В поисках отважного подпольщика участвовали полиция безопасности и СД, жандармерия, вся их агентура. Однако И. К. Кабушкин долгое время уходил от преследования. Он обладал прирождёнными качествами разведчика: умело изменял свою внешность (перекрашивал волосы, часто менял одежду), в разных районах города имел конспиративные квартиры.

Нередко Жан заводил вражеских агентов в развалины и там расправлялся с ними.

4 февраля 1943 года фашистам удалось схватить И. К. Кабушкина при выполнении им боевого задания на конспиративной квартире по Академической улице. В тюрьме СД его подвергали жестоким пыткам: избивали, морили голодом, 14 дней не давали воды. Но ничто не сломило железной воли и мужества славного бойца подполья. Сохранились записки

И. К. Кабушкива из застенков СД своим друзьям по подполью. «Родные! Итак, луч опять осветил мою «келью», — писал он в одной из записок в апреле 1943 года подпольщице А. К. Янулис. — Я рад, что вы живы. Да, настроение несколько ухудшилось. Как тут веселиться, в один день сели все мои, я — десятый. Ведь все мои родные, пойми! Если Миля[102] опять будет там в бригаде «Старика»), пусть от меня передаст пламенный большевистский привет Б. Г.[103] и бате главному…[104] Пусть передаст: умру, а подлецом не буду! Ну, в отношении меня — затишье. Я полагаю так, что нового они не добились, все пытки не увенчались успехом, и решили, видимо, 1 Мая вывесить как «подарок» для народа. Ну, пойми, как иначе? Ведь ни одного человека они не получили, а против меня материал с 1941 года, и довольно-таки солидный. А как мне поступить? Ведь я решил твёрдо всю свою жизнь посвятить борьбе с врагами всего прогрессивного человечества, за народ, за Родину… Всё сделаю и делаю, только чтобы никто не пострадал. Ну, ты что-то молчишь в отношении Родины, дай знать о ней…[105] Тревоги слышу, и для меня это большой и приятный концерт… Крепко всех целую»[106].

Попытка товарищей организовать побег И. К. Кабушкину не увенчалась успехом. Бесстрашный патриот погиб в фашистских застенках как герой, как верный сын советского народа.

О необычайно широком размахе боевой деятельности подпольщиков и партизан Минска с тревогой говорили и писали сами оккупанты. Любопытно в связи с этим привести сообщение газеты «Minsker Zeitung» от 24 июня 1943 года. «На кладбище в Минске, — писала она, — уже похоронено более 1 600 немцев, павших от рук партизан».

Минские подпольщики, воодушевлённые героическими победами Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны, усиливали удары по врагу, особенно на коммуникациях, проводили большую разведывательную работу, срывали планы и мероприятия гитлеровцев по строительству оборонительных рубежей, укреплению города, минированию промышленных объектов и зданий в городе, вывозу оборудования предприятий и учреждений. Десятки разведывательных донесений поступало в это время через связных в партизанские отряды, спецгруппы, подпольные партийные органы.

Минский подпольный горком партии с помощью подпольных райкомов, партизанских бригад и, в частности, спецотряда «Градова» за ноябрь 1943 года — январь 1944 года создал на предприятиях и учреждениях города 79 боевых групп (3–5 человек), в которые вошло 326 человек. Боевые группы действовали на станкостроительном заводе имени Октябрьской

революции, вагоноремонтном имени Мясникова, на Минском железнодорожном узле (10 групп), кожзаводе «Большевик», мясокомбинате, электростанциях, на центральном аэродроме. Горком партии имел свои глаза и уши почти на 50 предприятиях и в фашистских учреждениях города. 25 июня 1944 года газета «Минский большевик» сообщала: «Только за последнее время в городе проведено более 60 диверсионных актов, в результате которых убито и ранено 356 офицеров, 244 солдата, 1 генерал и 92 прочих прихвостня Гитлера. Подорвано 2 самолёта Ю-88, 2 склада с горючим, 6 бензоцистерн, 5 паровозов, более 20 автомашин и т. д.»

Боевые подпольные группы проводили большую работу по организации спасения населения от истребления и угона в фашистское рабство. С ноября 1943 года по январь 1944 года из города и его окрестностей в партизанскую зону было вывезено 1 050 семей[107].

Стремительное развёртывание Красной Армией Белорусской операции летом 1944 года привело к тому, что несколько гитлеровских дивизий попали в Минский котёл, были перемолоты и пленены.

3 июля 1944 года столица Белоруссии Минск была освобождена доблестной Красной Армией от немецко–фашистских захватчиков.

Минские подпольщики во время отступления захватчиков из города внимательно следили за минированием предприятий и зданий в городе. С приходом советских войск они помогали сапёрам в разминировании заводов, фабрик, железнодорожного узла, крупных сооружений и зданий города, складов и продовольственных баз. При помощи минских подпольщиков были сохранены многие предприятия и сооружения города. А. В. Цинкевич совместно с М. М. Ступиным 3 июля 1944 года разминировали склад боеприпасов немецкого Восточного фронта, в котором находилось много снарядов, бомб, патронов, гранат, взрывчатки. Все это было передано в качестве трофеев частям Красной Армии. «Несколько уцелевших крупных зданий враг заминировал и подготовил к взрыву, — пишет в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. — Их удалось спасти только благодаря тому, что передовые части Красной Армии, ворвавшиеся в Минск, быстро установили контакт с местными подпольщиками и немедленно разминировали Дом правительства, здание ЦК КП(б)Б и Окружной дом офицеров. Всего в городе после его освобождения сапёры обезвредили около 3 тысяч авиабомб, сняли более 300 фугасов и более 1000 различных мин и «сюрпризов»[108].

Три с лишним года патриоты Минска не на жизнь, а на смерть бились с фашистскими оккупантами. Несмотря на тяжёлые потери, которые несло минское подполье, патриоты под руководством коммунистов продолжали бороться и внесли свой достойный вклад в завоевание нашей победы. Коммунисты шли в авангарде трудящихся Минска в их священной борьбе против гитлеровских захватчиков.

* * *

За особые заслуги, стойкость и героизм, проявленные в борьбе против немецко–фашистских захватчиков, Президиум Верховного Совета СССР присвоил высокое звание Героя Советского Союза посмертно организаторам и руководителям минского подполья — Ивану Константиновичу Кабушкину, Исаю Павловичу Казинцу, Николаю Александровичу Кедышко, Евгению Владимировичу Клумову и Владимиру Степановичу Омельянюку. 57 активных участников подполья награждены высокими правительственными наградами. Медицинская сестра Виктория Федоровна Рубец посмертно награждена орденом Ленина, отважный подпольщик Анатолий Максимович Левков и коммунист Николай Александрович Шугаев — орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени награждены А. А. Арндт, С. А. Благоразумов, З. З. Гало, Н. Ф. Герасимович, К. Д. Григорьев, М. Л. Гебелев, Л. Д. Драгун–Пастревич, Н. П. Дрозд, М. П. Евдокимова, В. С. Жудро, С. И. Заяц, И. И. Иващенок, И. Х. Козлов, И. И. Матусевич, В. К. Никифоров, М. П. Рынкевич, Г. П. Сапун, Г. М. Семенов, Н. И. Толкачев, К. И. Трус, К. И. Хмелевский, Г. Г. Фалевич, В. Д. Шатько, О. Ф. Щербацевич и многие другие. Большая группа минских подпольщиков награждена медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

В дни празднования Дня победы портреты руководителей и активных участников минского коммунистического подполья выставляются на аллее Героев наряду с портретами наиболее прославленных Героев Советского Союза — воинов Красной Армии и партизан. Минчане украшают эти портреты букетами цветов и венками. Тысячи людей приходят сюда, чтобы поклониться пламенным советским патриотам, отдавшим свою жизнь за свободу и счастье любимой Родины. Ряду улиц Минска присвоены имена мужественных подпольщиков: И. Казинца, И. Кабушкина, Д. Короткевича, Е. Клумова, З. Гало, Н. Кедышко, В. Омельянюка и других.

Бойцы подполья знали, что они отдают свою жизнь за Родину. Воскресший из руин и пепла Минск стал одним из наиболее красивых и благоустроенных городов страны. Это лучший памятник патриотам, не знавшим страха в борьбе за идеалы коммунизма.

ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ
В. Е. Лобанок, *Герой Советского Союза*

Когда ворвавшиеся в Витебск фашисты попытались проникнуть на завод стройдеталей, их встретили выстрелы. Это восемнадцатилетний боец заводской охраны Леонид Барановский посылал по врагам пулю за пулей. В этот же день жители Витебска видели, как фашисты вели на расстрел белокурого паренька, а работницы завода передавали последние слова Леонида: «До последней капли крови буду защищать родной завод!»

До последней капли крови… Эти слова как нельзя лучше характеризуют самоотверженную борьбу витебских подпольщиков против фашистских оккупантов.

Захватчики и не ожидали от витебчан покорности. Им уже пришлось иметь с ними дело. Только на строительстве круговой обороны вокруг Витебска было занято 45 тысяч его жителей. За короткий срок они опоясали город траншеями, противотанковыми надолбами и другими оборонительными сооружениями. Немало фашистских вояк уничтожили здесь воины Красной Армии, витебские народные ополченцы и бойцы истребительных батальонов.

С остервенением вымещали гитлеровские головорезы свою злобу на захваченном ими ценой больших потерь Витебске. Они мучили, расстреливали и вешали советских людей, сжигали их на кострах, умерщвляли в душегубках. Как установлено Государственной чрезвычайной комиссией, за время оккупации Витебщины захватчики убили и замучили на территории области 151421 советского гражданина и 92 891 военнопленного Красной Армии, 68 434 человека были угнаны на каторгу в Германию. В Витебске и области гитлеровцы разрушили около 12 тысяч предприятий и социально–культурных учреждений, в том числе крупнейшие в Белоруссии станкостроительные заводы, трикотажную и обувную фабрики, 18 электростанций и подстанций. Фашистские громилы уничтожили 205 больниц, 1076 школьных зданий, 11 научных учреждений, 4 библиотеки, 3 музея, 1130 зданий театров, кино и клубов, 378 детских учреждений и 46 483 общественные постройки в колхозах, памятники древней русской архитектуры — Покровский собор и 8 церквей, построенных в XI-XII веках. Они вывезли в Германию или уничтожили 51 335 сельхозмашин, тракторов, локомобилей, 185 625 голов крупного рогатого скота, 103 908 лошадей, огромное

количество мелкого скота, хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Общие потери, нанесённые оккупантами народному хозяйству области, исчисляются в 25 258 770,8 тысячи рублей (в старом исчислении)[109].

Люто свирепствовала коричневая чума в Витебске. Так называемый «новый порядок» фашистские варвары насаждали массовым террором, пытками и виселицами, страшными издевательствами над женщинами, детьми, стариками. Жители города были посажены на нищенский паек, которого едва хватало, чтобы не умереть с голоду. Прекратилось трамвайное и автобусное движение, вместо электричества появились керосиновая лампа и лучина. Замерла культурная жизнь. С отвращением население читало появившуюся на здании кинотеатра «Спартак» надпись «Только для немцев». В Витебске, Орше, Полоцке и в других городах области оккупанты создали лагеря смерти для военнопленных и населения, где от голода и эпидемических болезней ежедневно умирали сотни людей. Изо дня в день гитлеровцы творили своё чёрное дело. Вот что рассказывает о витебском лагере военнопленных житель Витебска С. И. Юпатов: «Ежедневно фашисты расстреливали в этом лагере не менее 200— 250 человек. Зимой 1942 года, проходя по Полоцкому шоссе, я видел, как немцы вывозили в поле большие группы бойцов и офицеров Красной Армии и расстреливали их. Тех, кто оставался в живых и пытался вылезти из ямы, фашисты спихивали обратно и здесь же зарывали живыми»[110]. Очевидица фашистских зверств в Витебске К. П. Евдокимова вспоминает: «Моя квартира расположена вблизи кирпичного завода № 5. Почти ежедневно около 4 часов утра немцы приводили из фельдкомендатуры группы людей, обречённых на смерть, на территорию завода. В числе расстрелянных были и женщины с грудными детьми на руках. Сама видела, как немцы расстреливали невинных подростков в возрасте 10–12 лет. Перед смертью их заставляли раздеваться донага. С тех, кто сопротивлялся, фашисты насильно стаскивали одежду»[111].

Нельзя без содрогания читать свидетельство М. И. Прохоровой: «В начале июля 1941 года, — пишет она, — я шла в селение Журжево. В двух километрах от Журжева я видела донага раздетых людей, поставленных на краю огромной ямы. Фашистские людоеды из пулемётов расстреливали их. Одна из женщин, раненая, вырвалась из ямы и пыталась убежать. Фашист догнал её, автоматом ударил по голове. Когда она упала, он несколькими выстрелами убил её. Детей бросали в ямы живьём, некоторых малышей фашистские душегубы хватали вдвоём за ноги и разрывали их тельца на части. Над местом расстрела

стояли вопли и стоны истекающих кровью и гибнущих людей. Когда их засыпали землёй, образовывалось кровяное месиво. Сотни людей в страшных муках ворочались в ямах. После зарытия земля ещё долго вздрагивала. Через несколько дней я видела торчащие из земли руки и ноги, а земля была потрескавшаяся. Видно было, что люди умирали мучительной смертью, пытаясь вырваться из-под тяжести насыпанной на них земли»[112].

К чему стремились захватчики, совершая свои гнусные злодеяния? Была в этом и общая цель — предусмотренное гитлеровским планом «Ост» истребление русского, белорусского и украинского народов. Но была и другая, так сказать, ближайшая цель. Фашисты пытались парализовать волю советских людей к борьбе, посеять среди них страх, сознание невозможности сопротивления гитлеровской оккупации. Но, как и на всей временно захваченной врагом советской земле, фашистам пришлось пережить в Витебске жестокое разочарование. Буквально каждый день на них обрушивались всё более ощутимые удары: кто-то вывел из строя паровозный круг на железнодорожной станции, от мины, подложенной коммунистом Большаковым, взлетела на воздух трансформаторная будка кожзавода. Проходит время, и разлетается на куски вместе с гитлеровцами вражеская автомашина. Это неизвестные патриоты заложили мины на Суражском шоссе. Неуловимыми оказались люди, взорвавшие несколько немецких самолётов на аэродроме. Витебчане в глубокой тайне с гордостью передавали друг другу весть о дерзновенном подвиге двух подростков — мальчика и девочки, подорвавших в самом городе мост через Витьбу. В своих многочисленных, полных угроз приказах населению фашисты были вынуждены признать, что многие горожане при налётах советской авиации подают световые сигналы, указывая ей военные объекты, что в городе получили широкое распространение листовки и сводки Совинформбюро.

Беспокойство захватчиков имело все основания. С самого первого дня вражеской оккупации в Витебске развернулось и неуклонно нарастало народное сопротивление фашистским поработителям. Организаторами его были коммунисты, комсомольцы и беспартийные советские патриоты.

Особенностью этой борьбы было то, что в Витебске действовали заранее подготовленные подпольные организации и группы. Выполняя указания ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Б, Витебский обком партии с самого начала войны вёл подготовку к партизанской борьбе. Для оказания помощи в область приезжали секретари ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, В. Г. Ванеев, И. И. Рыжиков. Так, 4 июля 1941 года в помощь Витебскому обкому

партии прибыла направленная ЦК КП(б)Б группа руководящих партийных работников Белоруссии во главе с секретарём ЦК КП(б)Б В. Г. Ванеевым. Совместно с этой группой обком провёл совещание секретарей горкомов и райкомов партии, на котором были обсуждены конкретные мероприятия по организации партизанских отрядов и подполья. Обком КП(б)Б создал подпольные городские и районные комитеты партии, которые развернули работу по подбору коммунистов и беспартийных патриотов в подпольные организации. Задача эта чрезмерно осложнялась тем, что наиболее способные к перенесению трудностей подполья ушли в армию.

Особое внимание было уделено комплектованию подполья в областном центре — в Витебске. Необходимо было сделать все, чтобы враг не смог использовать для своих нужд созданную за годы Советской власти мощную промышленность города. В Витебске было оставлено свыше 50 подпольных организаций и групп, объединявших более 700 патриотов. Обком и горком партии особое внимание обратили на конспирацию: подпольные организации строились по принципу замкнутых цепочек. Это означало, что руководителя подпольной организации (группы) могли знать не более двух–трёх подпольщиков. В свою очередь каждый член подпольной группы имел связь лишь с двумя–тремя товарищами. Горком партии осуществлял связь с подпольными организациями через глубоко законспирированных лиц. Такая организация гарантировала подполье от больших провалов даже в случаях, когда фашистам удавалось обнаруживать его отдельные звенья.

Подбор руководителей подполья осуществлялся непосредственно секретарями обкома и горкома партии. 6 июля 1941 года в обком партии были вызваны многие партийные работники. Каждый из них был приглашён на индивидуальную беседу с В. Г. Ванеевым и секретарём обкома КП(б)Б И. А. Стуловым. Затем состоялось совещание отобранных для подполья партийных работников. Был обсуждён конкретный план ближайших действий, установлены явки, пункты встреч, способы связи подпольщиков с партизанами, места тайных складов оружия, пропагандистских материалов, медикаментов и т. д. Места явок для встреч с членами центра были назначены в Поддубье Витебского района, в городе Сураже, в Лиозненском, Оршанском, Бешенковичском районах, в деревне Встречки Велижского района и в деревне Слобода Понизовского района Смоленской области.

Широкая сеть подпольных явок была создана в Витебске. Одна из них помещалась в 1–м Пожарном переулке, в доме

одного из организаторов подполья, председателя фабкома обувной фабрики «Красный Октябрь» коммуниста З. С. Балашева, другая — в Безымянном переулке, в доме бывшего директора мебельной фабрики коммуниста Е. Л. Иванова. Местом встреч подпольщиков были квартиры работника облисполкома А. Е. Белохвостикова, А. С. Стояковой, П. И. Гауберг, М. Я. Мартышунаса, М. К. Оскер, Ф. М. Шалаевой, О. С. Свечкиной и многих других патриотов. В доме бывшего шофёра облисполкома Петрова подпольщики хранили оружие, накапливали тол для диверсий. Таким образом, захватчики встретились в Витебске не только со стихийными партизанскими действиями населения, но и с организованным подпольем.

Для организации подполья в Витебске были оставлены секретари Железнодорожного райкома партии И. Г. Григорьев, Б. К. Семенов и другие коммунисты. Григорьев и Семенов обошли намеченные ранее явочные квартиры, проделали некоторую работу по установлению связей с оставленными в городе подпольщиками, дали первые задания организациям и группам. И не успели фашисты обосноваться в городе, как начались диверсии, стали бесследно исчезать вражеские солдаты и офицеры. Одну из диверсий осуществил сам И. Г. Григорьев вместе с руководителем подпольной группы А. Е. Белохвостиковым. Заложив на железной дороге Витебск — Лосвида доставленную партизанами мину — чемодан с 20 килограммами тола, они вставили в него взрыватель от гранаты–лимонки и к чеке взрывателя прикрепили шнур в несколько десятков метров. Когда показался большой состав с вооружением, Белохвостиков по сигналу Григорьева дёрнул за шнур. Изуродованный паровоз, 7 разбитых в щепы вагонов, более 30 убитых гитлеровцев и большое количество исковерканной вражеской военной техники — таков результат этой диверсии.

Переходя из организации в организацию, с одной явки на другую, Григорьев нередко попадал в облавы, но каждый раз удачно совершал побеги и вновь с неиссякаемой энергией отдавался подготовке очередных диверсий, выпуску листовок, налаживанию связей с населением. По инициативе Григорьева в городе уже после его оккупации было создано несколько новых подпольных групп: группа Белохвостикова, комсомольско–молодёжная группа на железнодорожном узле во главе с комсомольцем Н. П. Красовским, группа комсомольцев на аэродроме, возглавлявшаяся комсомольцем Елецким, и другие.

Работать в городе И. Г. Григорьеву и Б. К. Семенову было очень трудно, так как их знали многие жители Витебска. В связи с этим Семенов в декабре 1941 года, а Григорьев в мае 1942 года

вышли из Витебска. В дальнейшем они сражались с врагом в составе партизанских формирований.

Центральным Комитетом и Витебским обкомом КП(б)Б принимались меры по усилению руководства партизанской борьбой в зоне Витебска и самом городе. Сюда посылались представители ЦК и обкома партии для налаживания связи с подпольем, оказания ему помощи. В марте 1942 года, решением ЦК КП(б)Б в советской прифронтовой полосе была создана витебская группа обкома партии и облисполкома во главе с И. А. Стуловым. В мае 1942 года бюро обкома партии выделило специальный «Витебский куст», ответственным организатором которого был утверждён В. Р. Кудинов. Вскоре В. Р. Кудинов был назначен ответственным организатором обкома партии по городу Витебску.

7 апреля 1942 года был создан Витебский подпольный горком партии, взявший на себя руководство подпольной борьбой в городе. В состав горкома вошли В. Р. Кудинов (секретарь горкома), Б. К. Семенов и М. И. Маценко. Базировался горком партии в расположении партизанской бригады М. Ф. Бирюлина, комиссаром которой был В. Р. Кудинов.

Создание подпольного горкома весьма положительно сказалось на деятельности подпольных организаций в городе. Она стала значительно эффективней и целеустремлённей. При всём многообразии задач, которые ставил горком перед подпольными организациями, главными были: 1) проведение боевой работы (сюда входили диверсии, уничтожение фашистов и их приспешников, сбор сведений о противнике и передача их командованию партизанских формирований и частей Красной Армии); 2) организация массовой политической агитации среди населения; 3) разложение вражеского оккупационного аппарата (полиции, управ, войсковых формирований и т. д.).

В зависимости от состава, опыта и других обстоятельств подпольные организации и отдельные их члены специализировались на выполнении одной из этих задач. Но каждая из них в тон или иной мере выполняла все задачи, стоявшие перед подпольщиками, и прежде всего вела агитационную работу среди населения. Агитация в условиях жесточайшего оккупационного режима была основной формой связи подпольщиков с широкими массами советских людей. Она позволяла, с одной стороны, сохранять необходимую конспирацию организаций, так как осуществлялась главным образом при помощи листовок, а с другой стороны, давала возможность подпольщикам направлять борьбу населения против захватчиков, мобилизовывать его на срыв мероприятий

оккупационных властей. Именно благодаря агитационной работе подпольщиков население не только было хорошо осведомлено о положении на фронтах и в советском тылу, в массе своей не поддавалось фашистской пропаганде, но и знало, что нужно делать для наиболее успешной борьбы с оккупантами.

Многие подпольные организации начинали свою деятельность с агитационной работы. Так, например, начала работать комсомольско–молодёжная группа под руководством комсомольца В. А. Козловского. Перед войной Козловский был внештатным председателем комиссии по военно–физкультурной работе Первомайского райкома комсомола в Витебске. Когда в город пришли фашисты, он устроился диспетчером на электростанцию. Комсомолец страстно рвался к борьбе, но не знал, с чего начать. Случай свёл его с секретарём Железнодорожного райкома партии Григорьевым. Хорошо узнав юношу, Григорьев поручил ему создать из надёжных друзей комсомольско–молодёжную подпольную группу для распространения листовок.

Однажды Козловский пригласил к себе в гости тех из своих товарищей, кому больше всего доверял. Молодые патриоты быстро нашли общий язык, но всех беспокоило одно: с чего начать? Тогда Козловский развернул перед ними свёрток с листовками обкома партии. В них говорилось: «…пролитая кровь белорусских сыновей и дочерей, чёрные пепелища городов и сел, издевательства над женщинами, тысячи убитых и искалеченных людей — вот следы пребывания фашистских палачей на нашей родной белорусской земле…

Разве мы можем терпеть так дальше! Все, как один, поднимайтесь на священную войну…

Бейте, уничтожайте немецких оккупантов и их прислужников всеми средствами и везде, где б они ни появлялись!

Вступайте в ряды народных мстителей–партизан! Помогайте Красной Армии уничтожать фашистских захватчиков!..»[113]

Козловский передал группе первое задание: распространять листовки. Вскоре листовки появились на заборах, в церквах, на базаре, в лагере военнопленных. Гестаповцы сбивались с ног в поисках подпольщиков. Но никому и в голову не приходило, что этим опасным делом столь искусно занимаются дежурный диспетчер электростанции Козловский и его друзья — вчерашние школьники.

Юные подпольщики собрали из старых частей радиоприёмник и слушали по вечерам сообщения из Москвы, а по утрам распространяли их по городу при помощи листовок и устно. Им активно помогала мать Владимира — Е. Д. Козловская.

Она разбрасывала листовки на базаре, дежурила на улице, когда на чердаке своего дома сын и его друзья слушали радио и писали листовки с сообщением Совинформбюро.

Вслед за агитационной работой начались и боевые действия. Козловский взорвал в городе две трансформаторные будки, подложил магнитную мину к немецкому танку. Он же подготовил взрыв трансформаторной подстанции. Осенью 1942 года мужественный комсомолец В. А. Козловский и его отец А. Д. Козловский трагически погибли. Но его друзья продолжали борьбу: выпускали и распространяли листовки, которые нередко появлялись в полицейских управах. Подпольщики изготовили штампы со словами: «Смерть немецким оккупантам!». И вскоре пламенные слова боевого призыва партии стали появляться почти на каждом распоряжении захватчиков населению.

Активно вели массовую агитационную работу и другие подпольные организации и группы. Политическая агитация подпольщиков была весьма эффективной. Она не только разоблачала грабительский «новый порядок» и поднимала честных советских людей на священную борьбу против захватчиков, но и служила важным средством разложения войск противника, полиции и других вражеских формирований. Так, работавший на станции Витебск подпольщик А. Кривицкий распространял доставлявшиеся партизанами листовки комитета «Свободной Германии» на немецком языке. Сначала Кривицкий положил несколько листовок на железнодорожном полотне. Проходивший по пути немец поднял листовку, настороженно посмотрел по сторонам и спрятал её. После этого подпольщик стал действовать смелее. Встретив однажды того же немца, он подал ему листовку и пожаловался:

— Не понимаю, о чём пишется.

— Гут, гут, — сказал немец, взяв листовку. Прочитав её, он разъяснил: — Тут пишут о том, что скоро будет свобода, а Гитлеру капут.

Подпольщики сумели разъяснить немецким офицерам Августу Юзефу и Вилли Рингенману истинный смысл войны и склонить их к переходу в партизанский отряд. Август Юзеф согласился выполнить задание подпольного горкома партии — собрать подробные данные о немецком гарнизоне Витебска. Для этого он попросил три дня. Но случилось неожиданное. Начальник штаба партизанского отряда, в который после выполнения задания должен был быть доставлен Август Юзеф, попал в засаду и погиб. В его сумке была обнаружена записка о предстоящем побеге немецкого офицера. А. Юзеф был расстрелян гитлеровцами[114].

Юная подпольщица Г. Ляхота организовала побег работника шифровальной службы немецкой воинской части чеха Лайдо, который дал весьма ценные сведения о противнике. Подпольщица комсомолка Д. Спиридонова подбрасывала листовки и советские газеты на дорогу, по которой обычно ходили полицейские, и видела, что некоторые из них подбирают «крамольные» материалы. Однажды на квартиру связанной с подпольщиками женщины зашли два полицейских и спросили:

— Читали сводку Совинформбюро?

Хозяйка ответила, что ничего запрещённого она не читает. Ответ полицейских был неожиданным:

— Хорошо, мы принесём.

Вскоре они принесли газету «Витебский рабочий» и прочли «несведущей» хозяйке сообщение о положении на фронте. В результате дальнейшей беседы с хозяйкой оба полицейских изъявили желание перейти к партизанам и по заданию подпольщиков склонили к этому тринадцать полицейских[115].

Много внимания подпольщики уделяли агитационной работе среди личного состава сформированных гитлеровцами вспомогательных частей. В них служили изменники советского народа — всякого рода уголовный сброд, бывшие кулаки, лавочники и т. д. Но некоторая часть личного состава вспомогательных частей состояла из советских военнопленных — людей, которые не смогли вынести голод и издевательства в лагерях, смалодушничали, согласившись служить оккупантам. Многие же из них шли на это, чтобы при удобном случае бежать и продолжать борьбу с ненавистным врагом. Фашистская пропаганда всячески запугивала солдат вспомогательных частей, внушала им, что для них путь к своим отрезан, что всех перебежчиков партизаны и советские органы расстреливают. Горком партии поставил перед подпольщиками задачу разоблачать эту фашистскую клевету и вместе с тем разъяснять солдатам вспомогательных частей, что их служба врагу — тягчайшее преступление перед Родиной, что они могут и должны искупить свою вину борьбой с захватчиками. Необходимо было помочь всем стремившимся найти пути этой борьбы.

Благодаря агитационной работе подпольщиков многие солдаты вражеских вспомогательных частей нередко с оружием в руках переходили к партизанам. В этой работе, как и вообще во всей своей массово–политической деятельности, витебские подпольщики широко использовали газеты и листовки, доставлявшиеся им партизанами. Вот одна из таких листовок, изданная Витебским обкомом партии:

«Казакам и солдатам сформированных немцами частей.

Обманом и угрозами немецко–фашистские захватчики завлекли вас в свои сети…

Мы говорим вам прямо и открыто: находясь в рядах воинских частей, служащих немцам, вы делаете большое преступление перед Родиной…

Однако вы можете получить от Советской власти прощение и восстановить честь патриотов нашей Родины себе и своим семьям, если немедленно уйдёте от немцев и будете честно служить советскому народу… Благоразумно поступили товарищи из 825–го батальона, сформированного немцами из военнопленных. Они 21 февраля, перебив всех немцев, установили связь с партизанами, и все 1016 человек со всем своим вооружением—680 винтовками, 130 автоматами, 24 пулемётами, 8 миномётами и 6 орудиями — перешли на сторону партизан и вместе с нами беспощадно громят проклятых гитлеровцев. Не верьте фашистским брехунам о том, что партизаны и Красная Армия расстреливают всех тех, кто перешёл на их сторону.

Партизаны и Красная Армия примут вас и сохранят вам жизнь, а вы вместе с нами, как равные, будете бороться против общего врага»[116].

Эта листовка была широко распространена подпольщиками в Витебске и сыграла большую роль в разложении вспомогательных формирований и полиции. Благодаря проведённой витебскими подпольщиками разъяснительной работе на сторону партизан перешёл 125–й вспомогательный батальон, состоявший из 800 пленных советских бойцов и командиров; из немецкой воинской части ГПК.535 бежали все 26 причисленных к ней советских военнопленных[117]. Большое количество обманутых захватчиками советских людей бежало к партизанам мелкими группами и в одиночку.

Подпольный горком партии большое внимание уделял организации побегов советских военнопленных. Подавляющая масса их рвалась к борьбе и представляла собой весьма ценное пополнение для партизан. Подпольщики находили самые различные способы связи с пленными советскими воинами и помогали им выбраться из неволи. Так, в августе 1943 года при помощи подпольщиков с фанерного завода бежало 57 военнопленных. Перед побегом они подожгли заводской цех. 22 сентября 1943 года был организован побег 51 советского военнопленного из немецкого строительного батальона. Вместе с ними бежали распропагандированные подпольщиками немцы, чехи и поляки — всего 21 человек. Причем немцы перед побегом похитили у своих офицеров оружие и пришли с ним к

партизанам[118].

Часто подпольщикам достаточно было переслать военнопленным план побега и маршрут дальнейшего движения, и беглецы группами и в одиночку, направляемые в пути подпольщиками и населением, прибывали в зону действия партизанских формирований.

Среди подпольщиков было немало подлинных энтузиастов своего дела — организаторов побегов и проводников жителей Витебска и военнопленных к партизанам. Много инициативы в организации побегов витебчан и военнопленных проявил, например, подпольщик Я. Валькович. Однажды в подпольном горкоме партии его в шутку спросили:

— Когда ты пойдёшь в партизаны?

— Когда выведу к ним сотни три, тогда и сам пойду, а пока и здесь много боевой работы.

Подпольный горком партии был тесно связан с партизанами. Были установлены надёжные явки и пункты встреч, через которые в бригаду Героя Советского Союза М. Ф. Шмырева, в бригады М. Ф. Бирюлина, Д. Ф. Райцева переправлялись патриоты, желавшие с оружием в руках бить захватчиков, а также разведывательные данные и разного рода документы врага. Только в августе — октябре 1943 года в бригаду М. Ф. Бирюлина было переправлено из Витебска более 100 человек. В свою очередь партизаны снабжали подпольщиков газетами и листовками, оружием, минноподрывными средствами[119].

Обеспокоенные положением в городе, фашистские власти наряду с усилением репрессий в отношении населения систематически укрепляли оккупационный режим. Вход в Витебск и выход из него гражданскому населению разрешался только по специальным пропускам. Неоднократно производилась перерегистрация паспортов: вначале в паспорте делалось описание примет его владельца, затем через некоторое время проставлялся штамп «Проверено». Осенью 1942 года во время очередной перерегистрации делались отметки «Просмотрено». Согласно полицейскому часу появление гражданского населения на улицах запрещалось под страхом расстрела с 17 часов вечера до 5 часов 30 минут утра. В это время нельзя было посещать даже соседей: каждый житель должен был находиться только у себя дома. Приезжие могли ночевать у местных жителей лишь с разрешения полиции. Почти каждую ночь в домах, а днём на улицах, базарах и т. д. происходили массовые проверки документов и облавы. Подпольщиков на каждом шагу подстерегала смертельная опасность, но побеждали мужество, беззаветная преданность Родине, делу партии.

Подпольный горком постоянно ориентировал подпольные организации и группы на расширение боевой деятельности. Диверсии, уничтожение оккупантов и их прислужников, сбор разведывательных данных о противнике приобретали всё более широкий и организованный характер. Вот несколько примеров этой деятельности.

В октябре 1942 года группа подпольщиков во главе с Щукиной заложила мины на железной дороге Витебск — Орша. Взрывом были разбиты паровоз и 32 вагона с продовольствием и разным имуществом. Вскоре на участке железной дороги Витебск — Залучье подпольщики также подложили мины. Гитлеровцы обнаружили их. При разминировании произошёл взрыв — шесть вражеских солдат были убиты. В этом же месяце на мины, заложенные подпольщиками недалеко от городского вокзала, наскочил воинский эшелон с горючим — в воздух взлетело 30 цистерн с авиационным бензином.

Почти с первых дней вражеской оккупации Витебска активно действовала комсомольско–молодёжная группа, в которую входили В. Богданова, А. Гогуля, его сестра Ольга, П. Гурии, И. Ерофеев, А. Иващенко, О. Иотко и её брат Ваня, В. Лопухов, его сестра Ганя, М. Тарасов, К. Шутов и другие. Возглавлял группу рабочий Ф. К. Мехов. Работая под руководством спецгруппы НКВД БССР «Неуловимые», молодые подпольщики вели агитацию среди населения города, собирали данные о движении поездов и грузах, перевозимых врагом по железной дороге. А. Гогуля и К. Шутов выкрали у важного фашистского чиновника оружие и очень ценные документы.

До встречи с группой Мехова А. Гогуля действовал в одиночку. Он выслеживал вражеских военнослужащих и убивал их. Частым «исчезновением» солдат и офицеров были крайне обеспокоены оккупационные власти. Озадачены были и подпольщики. Они-то знали, что в большинстве случаев это не их рук дело. И когда руководитель подпольной группы познакомился с отважным патриотом А. Гогулей, стало ясно, почему так часто «пропадают» гитлеровцы. «К сожалению, это никакая не организация, а я, я один давлю гадов, — с грустью признался Андрей Мехову. — Что подпольная организация есть, об этом я догадывался. Из листовки, поднятой на улице, узнал. Был момент, когда, кажется, на след напал, да не зацепился… Вот и стал драться, как могу».

В декабре 1942 года большинство членов группы были схвачено гитлеровцами и расстреляно.

Избежавшие ареста Ф. Мехов, Д. Тарасов, И. Иотко и некоторые другие члены группы продолжали наносить

оккупантам ощутимые удары.

Отважно действовала группа подпольщиков, ядром которой были коммунисты И. К. Оскер, Киршин, Любченко, Торопин, Михайлов и Федотова. Подпольщики привлекали к своей деятельности комсомольцев и несоюзную молодёжь. Еще в ноябре 1941 года члены этой группы подорвали мост через реку Витьбу, в результате чего движение по нему было приостановлено на несколько дней. Группа вела большую работу по сбору сведений о расположении войск противника в городе. Она дважды, в январе и октябре 1943 года, составляла подробный план Витебска с нанесением на него всех вражеских военных объектов, дислокации воинских частей и т. д. К последнему варианту плана было дано подробное (на 80 страницах) описание военных объектов и частей противника, расположенных в городе и его окрестностях. Оба плана подпольный горком партии передал находившемуся в советском тылу Витебскому обкому КП(б)Б.

Гестаповцам удавалось наносить тяжёлые удары по подпольной группе. Ими были схвачены и после зверских истязаний расстреляны коммунисты Михайлов и Федотова. Но их боевые друзья продолжали действовать. Те, кому угрожал арест, уходили к партизанам. А на их место становились новые патриоты. В 1942 году группа насчитывала до 20 человек.

Постоянным местом встреч витебских подпольщиков в 1942 году был дом № 6 по 17–й Городокской улице, в котором жила Е. И. Тичинина. На квартире этой смелой и мужественной женщины подпольщики организовали курсы по изучению минноподрывного дела.

Гестаповцам удалось нащупать эту явку. Но не дремали и подпольщики. Предупрежденные об опасности, они успели скрыться за полчаса до прихода фашистов. Последним досталось лишь 20 килограммов тола.

Незаметным, как бы обособленным на берегу Западной Двины, стоял домик по 7–й Куйбышевской улице. Никто не подозревал, что под крышей этого дома собирались подпольщики. Хозяйка этого дома 68–летняя А. С. Стоякова была одним из активных бойцов подпольной группы. Не раз она спасала жизнь многим связным, не боялась ни днём, ни ночью выполнять самые сложные задания. В корзине с огурцами или капустой переносила по городу мины, доставляла в условленные места газеты и листовки. Нередко под такой маскировкой корзина заполнялась взрывчаткой. В конце концов фашисты выследили отважную подпольщицу. Они жестоко издевались над ней, избили до полусмерти. Но Анна Степановна стойко перенесла пытки. Она погибла от рук гестаповских палачей, которые так и не добились

от неё показаний.

За мужество и стойкость в борьбе с гитлеровскими захватчиками А. С. Стоякова посмертно награждена орденом Отечественной войны.

Тщетны были усилия гестаповцев лишить подпольщиков приюта у населения. Патриотов, готовых пойти на смертельный риск — предоставить свои жилища для нужд подпольщиков, в городе было много, После провала явок на Городокской и Куйбышевской улицах подпольщики обосновались на Городокском шоссе в доме Леонида Чистобаева.

Подполье росло. Появлялись новые группы. Одна из них состояла из медицинских работников. Возглавляли её К. С. Околович, Р. Ф. Махнов и М. Л. Мурашко. Медики–подпольщики спасли жизнь тяжелораненому начальнику штаба стрелкового корпуса полковнику П. Н. Тищенко, танкисту К. А. Галасьеву, лётчикам Шоторашвили и Лагунову. Пренебрегая опасностью (за ранеными был установлен строгий надзор), подпольщики перехитрили оккупантов. Выздоравливающих советских воинов они снабдили необходимыми документами и переправили к партизанам.

На квартире бывшего бухгалтера фабрики «КИМ» М. А. Кузнецовой подпольщики организовали своеобразный «паспортный стол», где обрабатывались паспорта, взятые у сельских жителей, находившихся на излечении в туберкулёзной больнице. Под видом документов больных, выписываемых из больницы, медицинские сестры Г. К. Вишневская, Т. И. Пилат, Л. А. Полянина делали в городской управе соответствующие отметки в этих паспортах. Такие паспорта были надёжными документами. подпольщики–медики снабдили ими многих своих боевых товарищей. Они спасли немало советских людей от угона в Германию, выдавая им справки о «болезнях». Подпольщикам и связным, которым грозила опасность, выдавались справки с указанием, что такой-то житель сельской местности после лечения в туберкулёзной больнице возвращается домой.

Большую помощь оказывала подпольная группа медработников партизанам. Она снабжала их медикаментами, медицинскими инструментами, перевязочным материалом.

Группа занималась и разведкой. Например, К. С. Околович и М. М. Кирюхина помогли советским разведчикам собрать, установить и нанести на карту места расположения в Витебске вражеских штабов, воинских частей, оборонительных сооружений, зенитных батарей и складов с боеприпасами. Эти важные сведения были переданы командованию Калининского фронта.

Еще летом 1941 года по инициативе Н. Я. Нагибова, шеф–

повара ресторана станции Витебск, возникла подпольная группа, которая затем превратилась в довольно крупную организацию. Активное участие в ней принимали старый чекист Е. И. Хмелев, П. С. Смирнов, И. Е. Якимов и его жена Я. С. Якимова, жена Нагибова Т. С. Щукина, Н. А. Ляховский и другие патриоты.

В начале своей деятельности группа большое внимание уделяла работе по вовлечению населения, прежде всего молодёжи, в подпольную борьбу против оккупантов. Затем группа приступила к активным боевым действиям. Ее члены вели разведку, собирали оружие и взрывчатку. На одной из конспиративных квартир Н. Я. Нагибов организовал обучение подпольщиков диверсионному делу. Отсюда, получив некоторую подготовку, люди уходили на практику, на боевые дела: взрывать мосты и эшелоны, склады и другие вражеские объекты.

Особенно активизировалась деятельность группы после встречи Н. Я. Нагибова в мае 1942 года с ответственным организатором Витебского обкома партии В. Р. Кудиновым. Во время встречи Нагибов был официально утверждён командиром диверсионно–разведывательной группы. Руководство выделившимися вскоре самостоятельными группами во главе с П. С. Смирновым и Н. А. Ляховским партийные органы стали осуществлять через Н. Я. Нагибова.

Н. Я. Нагибов и его товарищи провели много крупных боевых операций. В декабре 1942 года ими были совершены две диверсии на железной дороге: одна — в черте города, вторая — вместе с партизанами отряда М. Ф. Бирюлина на перегоне Витебск — Городок. В результате под откос полетели в первый раз паровоз и 12 вагонов, во второй — ещё 5 вагонов воинского эшелона противника. Такие операции проводились неоднократно.

Подпольщики Витебска, в том числе и члены группы Н. Я. Нагибова, выслеживали и убивали захватчиков и их пособников. Дело было поставлено так, что каждый день в городе истреблялось несколько фашистов. Развернутый подпольщиками террор наводил ужас на оккупантов. Вспоминая об этом, Нагибов рассказывает: «Немцы часто говорили, что живёшь здесь как на вулкане. В сто раз легче на фронте, чем в этом городе, где из-за угла могут убить в любую минуту»[120].

Серьезно мешал деятельности подпольщиков и партизанских связных паспортный отдел городской полиции. Он взял на учёт всех жителей Витебска, и полиция легко устанавливала появление в городе каждого нового человека. Подпольный горком партии поставил перед подпольщиками задачу запутать полицейский учёт. Исполнители этого задания нашли остроумный способ его выполнения. Несколько подпольщиков во

главе с В. И. Вяловой под видом посетителей пробрались в паспортный отдел и подложили в печь 3,5 килограмма тола. От взрывателя они протянули и замаскировали шнур, к концу которого привязали бутылку с ярлыком «Водка». Вскоре после их ухода в паспортном отделе произошёл взрыв. Были разрушены внутренние стены здания, убито два полицейских и чиновник. Учетные документы превратились в груду макулатуры. Позже стало известно, что взрыв произошёл из-за того, что один из полицейских попытался прикарманить «забытую» кем-то «водку».

26 ноября 1942 года отважные патриоты совершили в Витебске дерзкую операцию: средь бела дня они привели в исполнение народный приговор над предателем Родины А. Л. Брандтом — сыном заместителя бургомистра города, казнённого партизанами ещё раньше. До войны А. Л. Брандт работал преподавателем русского языка в витебской средней школе № 1. С приходом оккупантов он стал редактором фашистского листка «Новый путь». Изменник Родины всячески поносил советский строй, предавал советских людей, писал клеветнические статьи о партизанах и подпольщиках. Операция по уничтожению гнусного предателя была организована спецгруппой НКВД БССР «Неуловимые». Задача была чрезвычайно трудной. Брандт жил в центре города, где всегда было много гитлеровцев.

Квартира предателя охранялась полицейскими. Во всём городе свирепствовал строжайший полицейский режим: в Витебске в это время было объявлено военное положение.

Выполнение задания по уничтожению Брандта было поручено членам спецгруппы В. Ф. Кононову и И. П. Наудюнасу. Пробравшись в Витебск, чекисты осторожно выследили Брандта и разработали детальный план операции. К его выполнению Кононов и Наудюнас через свою знакомую Е. С. Мазикову привлекли проживавших в Витебске патриотов М. Г. Стасенко и Е. Г. Филимонова. Было решено, что самое удобное время для убийства Брандта — утренние часы, когда он идёт в редакцию. Утром 26 ноября 1942 года вся группа направилась к квартире Брандта. На улице Стеклова она разделилась. Согласно ранее намеченному плану Наудюнас и Стасенко пошли к дому Брандта, чтобы убить его при выходе из квартиры. Кононов и Филимонов остались на перекрёстке улицы Стеклова и Пролетарского бульвара, с тем чтобы в случае преследования Стасенко и Наудюнаса забросать фашистов гранатами и дать возможность товарищам скрыться. Всё шло по плану: увидев выходящего из дома Брандта, Стасенко пошёл ему навстречу. Поравнявшись с предателем, Стасенко в упор, на расстоянии двух шагов,

выстрелил из пистолета. Брандт замертво упал. После выстрела Стасенко свернул на Авиационную улицу и побежал. Пустившегося за ним полицейского с одного выстрела убил Наудюнас. На Стекловой улице подпольщики подняли переполох. Чтобы отвлечь внимание от исполнителей народного приговора, они вместе с полицейскими кричали: «Держите их!» И пока гитлеровцы с полицейскими возились у трупов Брандта и полицая, все участвовавшие в операции скрылись и благополучно добрались до партизанского отряда М. Ф. Бирюлина.

Через несколько дней фашистская газетёнка «Новый путь» поместила некролог, в котором указывалось, что «очередной жертвой пал Александр Львович». Здесь же сообщалось, что 10 месяцев назад, 30 января 1942 года, был убит его отец — Брандт Л. Г., заместитель бургомистра города. Это сообщение напугало фашистских холуёв. Они увидели, что даже такие привилегированные прислужники оккупантов не защищены от народного гнева.

Значительный вклад в подпольную борьбу в оккупированном врагом Витебске внесла группа подпольщиц под руководством замечательной дочери белорусского народа В. З. Хоружей.

Вера Захаровна прожила всего 39 лет. Вся её сознательная жизнь — это беззаветное служение Коммунистической партии, своему народу. В 1920 году семнадцатилетней девушкой Вера вступила в комсомол и добровольно ушла сражаться с бандами генерала Булак-Балаховича. В декабре 1921 года она уже член большевистской партии. После окончания Центральной совпартшколы Хоружая работала в ЦК комсомола Белоруссии, была редактором комсомольской газеты «Малады араты», вела воспитательную работу среди бывших беспризорников.

В феврале 1924 года Вера Захаровна перешла на подпольную комсомольскую работу в Западную Белоруссию. Вскоре она была избрана секретарём ЦК комсомола и членом ЦК Коммунистической партии Западной Белоруссии, членом ЦК комсомола Польши. 15 сентября 1925 года польской полиции удалось арестовать революционерку. Семь лет провела Хоружая в тюрьме, но и за тюремной решёткой она продолжала борьбу. Ее «Письма на волю» учили революционеров мужеству. В 1930 году они были изданы (а затем несколько раз переизданы) в СССР. «… С каждой строки, — писала о «Письмах» Н. К. Крупская, — смотрит на нас человек сильной воли, убеждённый революционер, борец за рабочее дело…» За заслуги в революционном движении трудящихся Западной Белоруссии Президиум ЦИК БССР в 1930 году наградил Хоружую орденом Трудового Красного Знамени. Осенью 1932 года Хоружая в

соответствии с договорённостью между правительствами СССР и Польши об обмене политзаключёнными прибыла в Советский Союз.

Война застала Веру Захаровну на партийной работе в Пинске. Она страстно рвалась в бой. «Тяжелая и сильная, как звериная лапа, скорбь хватает за душу, — писала в те дни Хоружая в своём дневнике, — жгучая злость буйным пламенем обжигает сердце: наши ушли, и наши города, наши шахты и наши деревни, наши поля и сенокосы— вся наша светозарная Беларусь в руках лютого, злого врага. На превращённых в руины площадях стоят виселицы. По разрушенным нашим улицам ходят ненавистные люди с автоматами, и каждый шаг их болью откликается в моём сердце. Это мою душу они топчут подкованным сапогом, утюжат гусеницами танков, рвут снарядами, бомбами, минами мою душу, мою Беларусь».

Вера и её муж — партийный работник С. Корнилов ушли к партизанам. Осенью 1941 года штаб партизанского отряда направил её через линию фронта в ЦК КП(б)Б с донесением о деятельности отряда.

Выполнив задание, Вера Захаровна поехала к родственникам в Пермскую область, где у неё родился сын, названный Сергеем в честь погибшего отца–партизана. Но как ни тяжело было расставаться с детьми (у неё была ещё дочь Анна), Хоружая настояла, чтобы был использован её опыт подпольной борьбы. 24 августа 1942 года ЦК КП(б)Б направил её во главе специальной группы на подпольную работу в Витебск.

Перебравшись к партизанам, Вера Хоружая и её подруги С. С. Панкова, Е. С. Суранова, А. Ф. Ермакович, Е. Д. Иванова, А. П. Иванькова и М. Ф. Исакова в начале октября проникли в оккупированный Витебск. Накануне они получили адреса более 100 явочных квартир и сведения о надёжных людях, могущих оказать им помощь и поддержку. Используя эти сведения, Хоружая установила связь с более чем 20 витебскими подпольщиками и создала из них разведывательно–боевую группу.

Пять недель работала Хоружая в Витебске. За это время она передала для командования Красной Армии много ценных сведений о противнике.

Большой интерес представляют письма Хоружей о борьбе населения Витебска против захватчиков. «Дорогие друзья мои! — писала Вера в своём первом донесении. — Вчерашней ночью на станции «нечаянно» столкнулись два состава. На лесозаводе то и дело портятся станки, выполняющие самые срочные заказы военным организациям. На строительстве укреплений

обваливается земля и давит немца-конвоира»[121]. По данным группы Хоружей и других действовавших в городе подпольных организаций, советская авиация часто и эффективно бомбила важные военные объекты захватчиков в Витебске. Сообщая об этих бомбардировках и об отношении к ним местных жителей, Хоружая писала: «Только что кончилась воздушная тревога — налёт советских самолётов. Не знаю ещё, каковы результаты бомбардировки, но видно, как полыхают в трёх местах пожары и беспрерывно рвутся снаряды: бомба попала в склад боеприпасов на аэродроме. Тревога началась в сумерках в 6 часов и окончилась только в 9–м… Мы стоим во дворе, напряжённо всматриваемся в небо. Всем существом слушаем гул моторов. «Летите, летите, мои родненькие, бейте их проклятых, бейте сотнями, — взволнованно мечтает соседка. — Дай бог вам счастья, удачи…»»[122]

Группа Хоружей, как и все другие подпольщики, пользовалась активной помощью населения. Явкой группы Хоружей была квартира в доме № 4 на Тракторной улице. В одной половине этого дома жила семья Антоновых, во второй — семья Воробьевых. Обе эти семьи— М. И. Воробьева, её сын Василий, жена сына Агафья, С. Д. Антонов, его жена Зинаида Семеновна, их дочь Валя — выполняли поручения Хоружей, устанавливали связи, собирали сведения о противнике. «Эти чудесные люди, — писала Хоружая, — непоколебимы в своей ненависти к врагу и в своей любви к Родине. Что бы с ними ни случилось, они всегда останутся советскими патриотами»[123].

Между тем обстановка в городе всё более осложнялась. Всюду рыскали гестаповские ищейки. В конце концов им удалось напасть на след подпольной группы Хоружей и с помощью предательницы арестовать её членов. В ход были пущены обещания, угрозы, пытки. Но фашистским истязателям ничто не помогло. На допросах Вера вела себя твёрдо, не назвала своего настоящего имени и не дала никаких показаний. Так же стойко держались на допросах и другие подпольщики: семья Воробьевых, Евдокия Суранова, Софья Панкова и другие. Но одна из арестованных, Васильева, не выдержала пыток. На очной ставке с Хоружей на вопрос гестаповцев: «Кто это?» — она ответила: «Вера». Кроме того, фашисты обнаружили одно из писем Веры. Трое суток занимался его расшифровкой гитлеровский выкормыш Петров. Фашисты поняли, что в их руках один из руководителей подполья. На Хоружей и её друзьях был испытан весь арсенал гестаповских зверств.

4 декабря 1942 года фашисты расстреляли Марию Игнатьевну и Василия Воробьевых, Зинаиду Семеновну и ещё одну женщину,

вероятно, Болдачеву. После нечеловеческих пыток гестаповцы беспощадно расправились и с остальными участниками подпольной группы. Но и до настоящего времени не выяснено, где и когда казнили Веру Хоружую (по документам — Корнилова Анна Сергеевна), Софью Панкову (по документам — Засько Антонина Сергеевна), Евдокию Суранову (по документам — Петровская Мария Васильевна). В одной из камер бывшего застенка гестапо обнаружено несколько чуть видимых букв: «Хору…». Не означают ли эти буквы начало фамилии отважной подпольщицы?

Здесь, в этом тёмном подвале, всё вопиет о пролитой крови патриотов, об их жестоких страданиях и мучениях, о страшных пытках, которые совершали гитлеровские садисты над советскими людьми. На потолке и стенах подвала сохранились надписи, сделанные подпольщиками в последние минуты их жизни. Любовью к Родине, преданностью коммунистическим идеалам, неукротимой ненавистью к врагам пропитана каждая буква, каждое слово этих надписей. В одной из камер написано: «Рая Щерякова, 1925 года рождения. Хочу жить, но погибаю. Меня расстреляют». Комсомолку Раю Щерякову фашисты схватили с поличным — с листовками. Девушку жестоко пытали, пытки сменялись обещанием сохранить жизнь, если она выдаст товарищей. Но отважная подпольщица молчала. Взбешенные фашисты расстреляли патриотку.

А вот другие трагические надписи: «Пирогов Владимир, прибыл 11/II 1943 года, убыл 19 навечно. Жалко мне жизнь. Прощай, Родина»; «Евсеенко Вера, Березкина Люда, 18 лет, 6 сентября расстрел»; «Эдуард Гребеньков, расстрелян 27/II 1943 года»; «Блинов Игорь Моисеевич, г. Москва, расстрелян за шпионаж».

Отсюда увели на казнь Веру Хоружую. За активное участие в революционной деятельности и проявленный героизм в борьбе против фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая 1960 года Вере Захаровне Хоружей посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Она также посмертно награждена орденом Красного Знамени. Улица в Витебске, на которой в годы войны жила Вера Хоружая, теперь носит её имя. В застенках гестапо, где томились народная героиня и другие отважные патриоты, создан филиал областного краеведческого музея.

На смену павшим приходили новые бойцы. Подпольная борьба в Витебске разгоралась.

Отважно действовала группа подпольщиков под руководством коммуниста Т. А. Морудова. Оказавшись на занятой

врагами территории, Морудов стал искать пути борьбы с захватчиками. В Старом Селе, находящемся под Витебском, он встретился со своим другом А. С. Бобровским, в прошлом работником республиканской конторы Госбанка. Патриоты по ночам слушали сообщения советского радио, переписывали их от руки и распространяли среди населения. Вскоре им удалось установить связь с разведчиком спецгруппы Красной Армии Н. А. Шлаковым. По его заданию Т. А. Морудов перебрался в Витебск. Было решено создать разведывательную группу. Очень пригодились знания и опыт Шпакова. Он разработал шифр для письменных донесений, установил пароли для явок, методы связи.

Вскоре стала складываться и сама подпольная группа. В неё вошли: Н. Ф. Лынченко, комсомольцы Э. В. Барановская и А. Е. Словас, Л. П. Цыганова, а также бежавшие из плена М. Е. Станкеев, Г. Н. Озеров и другие. Станкееву было поручено разведать укрепления гитлеровцев на левобережной части Витьбы и за городом по Смоленскому шоссе до деревни Вороны. Он устроился рабочим на хлебозаводе и вместе с двенадцатью другими рабочими ездил в лес заготавливать дрова. Для этой цели ему был выдан полицией пропуск для передвижения по городу и в его окрестностях. Вскоре Станкеев обнаружил доты и дзоты, о расположении которых было сообщено командованию партизанских формирований и советских войск. Работавшие на заготовке дров рабочие активно помогали ему. В августе 1942 года Станкеев был неожиданно арестован. Причиной ареста послужила записка, найденная гитлеровцами у рабочего–подпольщика Козлова, пытавшегося перейти к партизанам. В ней Козлов писал Станкееву: «Убери мою сестру Тамару, и мы с тобой встретимся в условленном месте». Что означали эти слова, так и не выяснено. Козлов знал обо всех участниках группы рабочих, ездивших в «лес за дровами» и собиравших там гранаты и патроны для партизан. Но он никого не выдал и умер в невыносимых муках.

Не имея улик против Станкеева, фашисты после нескольких недель допросов отправили его в лагерь военнопленных, расположенный в Витебске. Связавшись с действовавшей в лагере подпольной группой, он узнал, что гитлеровцы готовят для переброски в советский тыл шпионов и диверсантов из числа предателей. Вражеские лазутчики были хорошо вышколены, переодеты в форму советских офицеров, снабжены комсомольскими билетами и другими документами. Станкееву удалось связаться с городскими подпольщиками. Они передали сведения о готовящейся выброске вражеских агентов командиру

партизанской бригады М. Ф. Бирюлину, который сообщил об этом по радио советскому командованию. Фашистским лазутчикам была подготовлена достойная встреча.

Стремясь собрать больше сведений о противнике, подпольная группа устраивала своих членов на различные работы у оккупантов. Г. Н. Озеров стал работать стрелочником на железнодорожной станции. До войны он жил в Москве. Сражаясь в отряде московских ополченцев, Озеров в начале войны попал в плен. Из лагеря ему помогла освободиться работница витебской фабрики «КИМ» подпольщица Н. Ф. Лынченко, выдавшая его за своего родственника Стройкова Геннадия Дмитриевича. Озеров (Стройков) собирал ценные сведения о движении воинских эшелонов противника, которые доставляла партизанам Н. Ф. Лынченко. По два–три раза в неделю совершала она походы к партизанам. Вместе с разведывательными данными приносила им бланки паспортов, удостоверений и пропусков, а также немецкие штампы и печати. Это давало возможность обеспечивать направлявшихся в город партизан надёжными документами. Квартира Н. Ф. Лынченко была местом встреч подпольщиков. Для маскировки живший у неё «родственник», подпольщик Озеров, стал ремонтировать резиновую обувь. Каждый раз, когда требовались очередные сведения о противнике, связные получали задание «снести подклеить галоши».

Связными подпольной группы были также дети Н. Ф. Лынченко— Николай, Дина и Эмма. Дети были достойны своей матери и задания выполняли с мужеством и отвагой. В тяжёлую минуту, когда гестаповцы, применяя жестокие пытки, грозили их расстрелять вместе с матерью, если они не расскажут о подпольщиках, они молчали, не выдав врагу никого.

Активную разведывательную работу вёл сцепщик вагонов А. Е. Словас. До войны он работал дежурным по станции Витебск. За допущенные аварии он был осуждён и заключён в лагерь. Но когда над Родиной нависла угроза, он отбросил в сторону «обиды». Возвратившись в израненный Витебск, Словас устроился работать сцепщиком вагонов на железнодорожной станции и стал искать возможности бороться с врагом. Здесь он встретился с Озеровым. Когда они хорошо узнали друг друга, Озеров поручил Словасу собрать сведения об укреплениях гитлеровцев в районе от деревни Гришаны до Юрьевой Горки, Данные, полученные Словасом, через партизанскую бригаду М. Ф. Бирюлина были переданы в Москву.

Командованию партизанских формирований и советских войск нужны были точные сведения о движении эшелонов на оршанском направлении. Сведения эти необходимо было

передавать три раза в неделю — в воскресенье, среду и пятницу. Это задание также было поручено Словасу. Но для его выполнения нужно было перейти работать с Орловского в Ленинградский парк станции Витебск. Дав взятку табельщику немцу Мезингеру, Словас добился перевода. Здесь он вскоре организовал небольшую, но активную подпольную группу из железнодорожников и с её помощью собирал сведения о вражеских перевозках.

Однажды на станции остановился состав. На его платформах было уложено прессованное сено. Словасу показалась странной кладка тюков. Осмотрев состав, он установил, что захватчики везут замаскированные от воздушной разведки пушки и танки. Когда во время бомбёжки станции советскими самолётами гитлеровцы попрятались в щели, подпольщики подожгли вражеский эшелон. В ноябре 1942 года группой Словаса было пущено под откос 16 вагонов и паровоз. В начале 1944 года Словаса угнали в Австрию, где впоследствии он был освобождён советскими войсками.

Активным членом подпольной группы была жена советского офицера Л. П. Цыганова, действовавшая под кличкой Галя. Война застала её с двумя детьми в Витебске. Голод вынудил женщину пойти работать на хлебозавод. Это оказалось очень выгодным для подпольщиков. В городе был один хлебозавод. Зная нормы выдачи хлеба немецким военнослужащим, Галя определяла численность воинских частей как в городе, так и проезжавших через него. Полученные сведения подпольная группа регулярно передавала партизанам и командованию советских войск.

Гестаповским ищейкам удалось напасть на след отдельных членов группы. Были арестованы и подвергнуты жесточайшим истязаниям Н. Ф. Лынченко и Г. Н. Озеров. Ни одним словом не обмолвились они о своих товарищах и гордо приняли смерть от рук фашистских палачей. В октябре 1943 года во время массовых облав были арестованы многие другие члены группы, в том числе и её руководитель Т. А. Морудов. Тогда подпольную группу возглавила Э. В. Барановская. За время своей деятельности группа передала партизанам и советскому командованию ценные сведения о многих вражеских воинских частях, их штабах и планах, об их размещении, перевозках по железной дороге, об укреплениях противника. В работе группы кроме указанных выше подпольщиков активное участие принимали М. Н. Барановская, Т. Ломакевич, П. А. Белезнов, П. Пепеляева, Н. Тейлова, Л. Пепеляева, Е. Ковалева и другие.

Руководители партийного подполья и командование партизан хорошо знали отважную подпольщицу–разведчицу

Е. С. Спиридонову (Пирожкову), воспитанницу комсомольской организации фабрики «КИМ». Бесстрашная Дуся, как её называли подпольщики, надёжно обеспечивала связь витебских подпольщиков вначале с оперативночекистской группой «Неуловимые», а позднее с разведывательными группами Ю. С. Рудакова и М. Р. Ефимова. Не раз она смотрела смерти в глаза, обмораживала ноги, скрываясь в снегу от фашистов, но всегда выполняла ответственные задания. Бывали случаи, когда Дуся приходила в город измученной, больной, с высокой температурой, и нередко уже через день она снова уходила в лес, неся партизанам сведения о противнике.

Вот только несколько эпизодов из работы отважной патриотки.

Однажды недалеко от деревни Зароново Е. С. Спиридонову с корзинкой в руках, в которой под ягодами и яйцами она несла в город магнитные мины, остановили двое фашистов. Они забрали яйца и стали копаться в ягодах. Не дожидаясь, когда гитлеровцы доберутся до мин, она из пистолета убила их наповал. В другой раз Спиридонова несла от партизан тол для подпольщиков в мешке с картофелем. Ее нагнала грузовая машина с эсэсовцами. Не растерявшись, Спиридонова, попросила подвезти её до города. Ей уступили место в кабине, а мешок забросили в кузов, и он под «охраной» оккупантов благополучно был доставлен в Витебск.

Боевые задания Спиридонова часто выполняла со своим отцом Степаном Ивановичем. Подходя к городу, её отец притворялся слепым, брал в руки посох. Под видом проводника «слепого» Дуся приносила в город оружие и взрывчатку. Большую работу проводила Спиридонова по вовлечению в подпольную работу советских людей.

Созданная при её активном участии подпольная группа на восстановленном оккупантами фанерном заводе всячески саботировала производство продукции, портила станки и оборудование, распространяла листовки, доставляла партизанам оружие и боеприпасы. Когда к лету 1942 года были выведены из строя почти все агрегаты завода, большинство членов группы во главе с её организатором Г. И. Пушкаревым были переправлены Спиридоновой в партизанский отряд. К партизанам пришли также директор, главный бухгалтер, старший механик и кассир завода с кассой.

Ощутимые удары по оккупантам наносила подпольная группа, возглавлявшаяся коммунистом А. Е. Белохвостиковым. Накануне войны Белохвостиков окончил Минский институт народного хозяйства, работал в Гомеле, а затем в Витебске инженером–плановиком в облисполкоме. С самого начала

вражеской оккупации города Александр Ефимович включился в активную борьбу с захватчиками и создал одну из первых подпольных групп в Витебске. В её состав входили В. Н. Пахомов, М. Е. Белохвостикова, Н. С. Бобров, М. А. Романенко, И. Ф. Безбогин, Л. И. Хрипач, А. Д. Шапуров, К. С. Щупликова, П. С. Шлякова и другие.

Группа А. Е. Белохвостикова в ноябре 1941 года совершила нападение на штаб гитлеровцев, располагавшийся недалеко от вокзала, в здании школы. На операцию вышли А. Е. Белохвостиков, И. Ф. Безбогин, Л. И. Хрипач, М. А. Романенко. Вооружившись автоматами и финками, подпольщики незаметно подползли к часовому и уничтожили его. И тут же пламя разорвало ночную темноту. Один за другим раздались разрывы гранат, заработали автоматы. Подпольщики ворвались в здание. Ошеломленные гитлеровцы стали в панике выскакивать через окна, но замертво падали, скошенные огнём автоматов. Так же внезапно, как и появились, подпольщики скрылись. Оккупанты долго искали виновников, но тщетно. А по городу прошёл радостный слух: «Бьют наши фашистов, здорово бьют».

В ночь на 22 февраля 1942 года при налёте советской авиации на Витебск член группы Н. С. Бобров, заранее пробравшись в район Смоленского рынка, выпущенными ракетами указал лётчикам на скопление автомашин и другой техники врага. Бомбовый удар был нанесён точно: всю ночь горели машины и рвались боеприпасы.

Для связи партизан с витебскими подпольщиками Белохвостикову было поручено открыть частную мастерскую по ремонту жестяной посуды. Сюда часто стали приходить «посетители». Мастер встречал их вопросом–паролем:

— Что принёс?

— Ведра. Вот починить нужно.

— Очень хорошо, сейчас починим.

— Только прошу быстрее это сделать.

Требовавшие «срочной починки» ведра были наполнены толом, минами, листовками. В обратный путь «отремонтированные» ведра направлялись с посылками для партизан: с медикаментами и донесениями о противнике и его намерениях.

Весной 1943 года тайной полевой полиции «ГФП-703» удалось заслать в подпольные группы, в том числе и в группу Белохвостикова, которую гитлеровцы считали центральной, провокаторов. В апреле— мае 1943 года фашисты арестовали 72 подпольщика. Десятки из них после зверских мучений были расстреляны, в том числе А. Е. Белохвостиков, его сестра Мария и

другие члены группы Белохвостикова.

У руководства группой стала П. С. Шлякова (Паулина), которая, даже по признанию гитлеровцев, умело продолжала дело. Ее ближайшими помощниками были комсомолка В. А. Александрова, И. Ф. Безбогин, В. Н. Пахомов, К. С. Щупликова. Однако фашистам удалось снова напасть на след некоторых подпольных групп. Летом и осенью 1943 года в Витебске было арестовано более 60 подпольщиков, большинство из которых были расстреляны, а часть заточены в спецлагеря СД или направлены на каторгу в Германию. В числе расстрелянных была и Паулина — П. С. Шлякова.

Еще в феврале 1943 года была арестована (и вскоре расстреляна) таинственная Катя—А. Виноградова, признанная гитлеровцами опасным и весьма квалифицированным шпионом. Она прибыла из партизанского отряда Бирюлина в Витебск для продолжения там подпольной работы.

Аресты продолжались. Гитлеровцам стали известны факты исчезновения из военных складов оружия и боеприпасов, осведомлённость партизан о маршрутах карательных экспедиций, дислокации германских войск в окрестностях Витебска, исчезновение бланков строгой отчётности. Серьезное беспокойство у них вызывали диверсии и организованный населением саботаж мероприятий оккупационных властей.

На ноги был поставлен весь имевшийся в городе разведывательный аппарат, мобилизованы так называемые «ловцы партизан» — маскировавшиеся под патриотов изменники Родины. Фашистская разведка установила тщательное наблюдение за складом военного трофейного вооружения. На этот склад подпольщики устроили «работать» своих людей: Н. Винокурова, П. Иванова, В. Лукьяненко и К. Меньшикову, — с помощью которых было вывезено партизанам много оружия и боеприпасов. Наблюдение ничего не дало вражеским разведчикам. Подпольщики работали умело. Тогда гитлеровцы использовали предателей Родины, которые, выдав себя за партизанских связных, получили из рук подпольщиков значительное количество оружия и боеприпасов. Подпольная группа была разгромлена.

Но репрессии обрушивались не только на подпольщиков. С неимоверной жестокостью гитлеровцы издевались над всем населением города. Малейшее неповиновение влекло за собой тюрьму и расстрел. В застенках гестапо мучили и убивали всех, кого подозревали в сочувствии Советской власти или кто хоть словом выразил недовольство оккупационными порядками. Для устрашения населения в городе постоянно стояли виселицы, на

которых казнили патриотов.

Тела казнённых с прикреплёнными к ним надписями «партизан», «повешен за неповиновение», «саботажник» не разрешалось снимать по нескольку дней.

Согласно документам фашистских оккупационных властей, в июне 1942 года в прежде цветущем городе, насчитывавшем до войны 174 тысячи жителей, осталось только 39 107 человек[124]. Голодом, пытками и расстрелами, изнурительным трудом фашисты стремились уничтожить население города, подавить его сопротивление. Молодых витебчан угоняли в Германию на каторжные работы в шахтах, на подземных фабриках оружия и боеприпасов. Оттуда никто не возвращался. В найденном недавно донесении немецкой полиции в Витебске говорится, что каждую неделю из города отправлялся эшелон с людьми в Германию. По документам захватчиков значится, что только с 1 мая по 1 августа 1942 года из Витебска на фашистскую каторгу было угнано 5 039 человек[125]. Лишь иногда проскальзывали через цензуру полные ужаса и отчаяния письма обречённых.

Уповая на эффективность кровавого режима кнута и виселицы, оккупанты в своих газетах и объявлениях неоднократно сообщали об «уничтожении коммунистов и их пособников». Но это было самообманом. Витебчане, как и все советские люди, бились с врагом насмерть, и никакое усиление фашистского террора не могло сломить их волю к борьбе. В неё включались все новые подпольные группы, действия которых отличались смелостью и дерзостью. Вот некоторые примеры.

…12 октября 1943 года по просёлочной дороге из Витебска на полном ходу мчится лимузин. В нём едут капитан, командир немецкого батальона и унтер–офицер. Около деревни Тетерки они увидели группу людей, одетых в немецкую форму. Машина останавливается. К ней подбегают переодетые в немецкую форму подпольщики Куколев, Салеев, Чайка, Писарский и партизан Загорский.

— Руки вверх!

Унтер–офицер покорно поднимает руки, что-то болтая о своей невиновности. Капитан же, выскочив из машины, пытается сопротивляться. В это время на дороге показались ещё две немецкие автомашины. Медлить было нельзя.

— Пристрелить фашистов! — приказывает Загорский.

Уничтожив капитана и его спутника, подпольщики разбили машину и побежали в лес буквально на глазах у подъезжавших гитлеровцев. Последние вначале не поняли, почему от них бегут люди в немецкой форме. А когда разобрались, то было уже поздно. Фашистам осталось лишь выпустить несколько

автоматных очередей по скрывшимся за деревьями патриотам.

Через несколько дней эта же группа подпольщиков подорвала на минах восемь вражеских автомашин с солдатами.

…В ноябре 1943 года подпольщик рабочий Н. Жигунов пришёл к своему другу В. Иванову. С ним была среднего роста миловидная девушка с длинными толстыми косами.

— Знакомься! Наше пополнение.

Это была А. Ж–аврид, имевшая уже немалый опыт подпольной работы. По поручению партизан она побывала в одной из подпольных групп, а теперь должна была помочь группе Н. Жигунова активизировать диверсионную деятельность. Тут же договорились об очередной операции. Нужно было заложить мины в составы на станции Витебск. Жаврид предложила план:

— Я буду приносить вам еду. В свёртках будут спрятаны мины.

На другой день девушка появилась с кастрюлями и тарелками около вагонного депо, где работали подпольщики. Н. Жигунов надёжно спрятал принесённые ею мины. Вскоре в вагоны пяти воинских составов было заложено одиннадцать мин–магниток с увеличенными зарядами. Составы подорвались в пути. Было уничтожено большое количество боеприпасов и обмундирования, убито несколько десятков ехавших в классных вагонах фашистских офицеров.

Однажды на станцию Витебск прибыл состав с вооружением, предназначенным к отправке на фронт. «Этот состав нельзя упустить», — решили подпольщики. Взорвать эшелон было поручено группе во главе с В. Ивановым. Состав усиленно охранялся. Но подпольщикам повезло: на станцию совершили налёт советские самолёты. Охрана состава попряталась. Этим и воспользовались Иванов и его друзья. Они подложили под один из вагонов четырехкилограммовую мину. В результате взрыва и последующего затем пожара было уничтожено большое количество вооружения. В октябре 1943 года эта же группа заложила мины в мост по шоссейной дороге недалеко от станции Залучье. Взрыв вывел мост из строя почти на две недели.

Направляя боевую деятельность подпольщиков, горком партии вместе с тем большое внимание уделял усилению массово–политической работы среди населения, разоблачению лживой фашистской пропаганды. Подпольные организации увеличивали выпуск листовок, используя для их распространения самые разнообразные приёмы и способы. Листовки неизменно появлялись на заборах, столбах, стенах домов, в различных оккупационных учреждениях.

Особенно активно вела агитационно–массовую работу

подпольная молодёжная группа в составе комсомолки Л. Березкиной (руководитель), её брата Николая, З. Васильевой, Н. Воробьева, Н. Захарова, В. Корнешонка, Е. Волчка. Юные патриоты установили связь с партизанами, действовавшими в районе населённых пунктов Поддубье, Кроты и Мануки. По заданиям командования партизанской бригады «Алексей» они проводили диверсии, добывали бланки и документы в учреждениях оккупантов. От партизан группа получала листовки и распространяла их в городе. Сводки Совинформбюро Лидия и Николай Березкины переписывали от руки. Эти вырванные из тетради четвертушки бумаги люди находили в сумках, возвращаясь с базара, в карманах пальто, на заборах и стенах домов. На портретах Гитлера, которые развешивались повсюду в городе немецкими пропагандистами с надписью «Гитлер— освободитель», патриоты подрисовывали разные карикатурные детали и вместо слова «освободитель» писали «душитель». Вездесущий паренёк Е. Волчок с восторгом сообщал: «И в других районах делают такие же надписи. С нас берут пример».

Масштабы подпольной работы расширялись, в неё включались все новые патриоты. В связи с этим остро стоял вопрос о снабжении подпольщиков подлинными документами. И за это дело взялась группа Л. Березкиной. В начале 1942 года Л. Березкина и З. Васильева запаслись рекомендацией одного из полицейских и были приняты на работу в столовую фельдкомендатуры. Вскоре они нашли возможность похищать бланки паспортов и других документов. Наряду с добычей бланков и документов юные подпольщики собирали сведения о вражеских частях, приобретали для передачи партизанам медикаменты и табак. Из штаба партизанской бригады было передано: «Действуете хорошо. Но нужна чрезвычайная осторожность. Берегитесь шпионов и предателей».

Предупреждение было обоснованным. Группа вовлекла в свою работу беспартийных патриотов Н. П. Захарова и его жену. Они оказывали всяческое содействие подпольщикам, предоставляли им свою квартиру для конспиративных встреч. На эту квартиру нередко заходил А. Белячиц, намеревавшийся, как он говорил, «связать свою судьбу» с Л. Березкиной. Девушка благосклонно относилась к ухаживаниям Белячица и делилась с ним многими тайнами. Летом 1942 года подпольщики получили задание изучить возможность взрыва здания, в котором размещались комендатура, жандармерия, почта и радиоузел. Вечером 6 сентября Л. Березкина и З. Васильева принесли от партизан шесть мин и много листовок. На следующий. день девушки зашли на радиоузел к подпольщику Воробьеву. В момент, когда они

передавали ему мины, все трое были арестованы. Одновременно гестаповцы провели обыск на квартире Н. Захарова, где обнаружили четыре мины и листовки. Захаров также был арестован.

В тот же день были схвачены гитлеровцами другие участники группы—-комсомолец В. Корнешонок и Е. Волчок. Устроившись наборщиками в типографии, они вошли в доверие к начальству и часто оставались на работе после 6 часов вечера, что было запрещено. Подпольщики печатали и распространяли листовки, привлекая к этому и других молодых людей, работавших в типографии.

Юноши и девушки были подвергнуты диким пыткам. Но палачи ни на один вопрос не получили ответа. Ранним утром 22 сентября 1942 года жители были потрясены зрелищем: трупы юношей и девушек висели на виселице, сооружённой гитлеровцами на Смоленском рынке.

Подпольщики были преданы гнусным изменником Родины Белячицем. В мае 1941 года Белячиц был призван в армию, откуда в начале войны дезертировал. Возвратившись в Витебск, он вскоре был завербован вражеским разведорганом «абвер-318». Прикинувшись влюблённым в J1. Березкину, предатель вызнал состав подпольной группы и выдал её. В дальнейшем Белячиц окончил фашистскую разведшколу и 20 августа 1944 года на самолёте был заброшен в тыл Красной Армии. 23 августа он был арестован и по приговору суда расстрелян.

Несмотря на отдельные провалы, мастерство подпольщиков росло. Направляя партизанскую борьбу в городе, подпольный горком партии уделял большое внимание проникновению подпольщиков в учреждения захватчиков. Это позволяло подпольщикам не только иметь официальное разрешение на жительство (что само по себе было очень важно), но и разрушать вражеский аппарат изнутри, наносить более чувствительные удары по оккупантам, быть в курсе их дел и намерений. Так, например, коммунисты И. И. Оноприенко и И. М. Кузнецов, работавшие в немецком учреждении шофёрами, собирали и доставляли в подпольный горком партии различные сведения, привозили подпольщикам тол от партизан. В жилищное управление Витебска устроился подпольщик М. Лосянов. Он снабжал подпольщиков и партизан документами, оформлял им прописку в городе. Работница типографии коммунистка М. Н. Коптелова распространяла среди населения листовки, передала партизанам три ящика патронов, три винтовки, автомат и револьвер, похитила у оккупантов важные секретные документы и передала их подпольному горкому партии. Комсомолка

В. В. Худолей работала в хозяйственной части комендатуры города. Она выведывала намерения врага, сообщала о них партизанам. Ею был составлен план части города с нанесением на нём вражеских военных объектов. Комсомолка Г. А. Крастина, работавшая уборщицей на электростанции, выкрала у гитлеровцев и доставила в подпольный горком партии противогаз нового выпуска. В другой раз по заданию партизан она в здании управы похитила карту с нанесёнными на ней важными для оккупантов объектами. Смелым, отважным подпольщиком был П. А. Беленев — шофёр продовольственного отдела городской управы. Он умело распространял листовки, использовал свои «служебные» поездки для сбора сведений о военных объектах противника.

Подпольщица Э. В. Барановская (Гуго) работала сначала в штабе фашистской военно–строительной организации «ТОДТ», а затем в конторе гарнизонного овощного склада. Она сообщала советскому командованию о возводившихся гитлеровцами укреплениях, точные сведения о численности вражеских войск, расположении их штабов.

Много мужества и отваги проявила девятнадцатилетняя подпольщица комсомолка Т. Ломоносенко. Для маскировки она поступила в хоровой кружок так называемого народного дома, созданного оккупантами для идеологической обработки молодёжи в фашистском духе. В июне 1942 года под носом у гитлеровцев девушка организовала побег из полевой комендатуры шести советских военнопленных. Беглецы на автомашине «оппель» благополучно прибыли к партизанам. Через некоторое время отважная патриотка вместе с подпольщицами Л. Матвеевой и Е. Колобановой, договорившись с шофёром-военноплепным, организовала побег на автомашине ещё одной группы советских военнопленных, работавших на аэродроме. Комсомолка Матвеева, работая по заданию подпольной организации в швейной мастерской на аэродроме, добывала сведения о наличии самолётов, составила план аэродрома и передала его партизанам.

Руководитель подпольной группы коммунист И. А. Бекишев устроился на аэродром в качестве электромонтёра. Он добывал ценные сведения о наличии самолётов и вооружения на аэродроме, устраивал смелые диверсии. Установив летом 1943 года связь с действовавшей здесь группой В. Н. Орловского, подпольщики начали работать совместно. Ими было заминировано бомбоубежище, куда прятались гитлеровцы во время налётов советской авиации. Взрывом было уничтожено много фашистских лётчиков. В июле-—августе 1943 года

подпольщики заминировали два самолёта. Один из них взорвался над городом и врезался в землю перед немецкой комендатурой, другой — в нескольких километрах от Витебска над деревней Шевардино.

Удары подпольщиков по оккупантам становились всё более ощутимыми. Понимая, что одной из причин эффективности действий подпольщиков являются их широкие связи с партизанами, оккупанты усилили меры по пресечению этих связей. Они установили вокруг Витебска усиленные контрольные посты, оплели его колючей проволокой. У всех приезжавших в город тщательно проверялись документы и всё, что они везли с собой. Особенно усилились эти меры после того, как у связной подпольной группы Н. Я. Нагибова А. Якимовой (Бойкой) в мешке с картофелем был обнаружен тол, который она везла от партизан городским диверсионным группам. После этого случая проникновение связных в город и из него приобрело характер боевых операций. Через некоторое время после провала Бойкой Н. Я. Нагибов, его жена Т. С. Щукина и И. Е. Якимов возвращались от партизан в город. Как только они подошли к контрольному пункту, навстречу им вышел полицейский и потребовал документы. Он долго всматривался в них, а затем распорядился:

— Идемте со мной!

Нельзя было терять ни одной секунды. Нагибов выстрелом из нагана убил полицейского и вместе с товарищами набросился на охрану контрольного пункта. Перепуганные полицейские, считая, что на них напала разведка наступающих партизан, начали разбегаться. Воспользовавшись этим, скрылись и ранее задержанные полицией люди, среди которых была одна подпольщица. Преследуя полицейских, удиравших с криками «Партизаны наступают», Нагибов и его друзья побежали в город. По дороге они встретили немецкий обоз, забросали его гранатами и скрылись.

Но как бы ни складывалась обстановка, связь подпольщиков с партизанами не прерывалась. Ее осуществляли смелые, решительные патриоты — связные партизан и подпольщиков. Одной из них была Т. П. Суторман (Димерза), действовавшая под кличкой Бессарабка. До войны она работала буфетчицей в торговых организациях Витебска, хорошо знала расположение города, имела много знакомых. Бессарабка доставляла партизанам от подпольщиков сведения о противнике, бланки различных документов. Через неё партизаны не раз переправляли подпольщикам взрывчатку. Однажды, спрятав тол в корзине с огурцами и капустой, подпольщица отважилась перейти мост, охраняемый немецкими патрулями.

— Документы, — потребовал патруль.

Проверяя паспорт, гитлеровец с силой толкнул ногой корзину. Она не перевернулась. Боясь, что такая тяжесть покажется часовому подозрительной, Суторман сумела отвлечь его внимание и благополучно доставила тол подрывнику Большакову, работавшему машинистом на железной дороге. Позже она много раз в корзине, замаскированной овощами, доставляла подпольщикам от партизан магнитные мины.

Вместе с Суторман активно работала А. М. Козлова. Устроившись по заданию подпольщиков в немецкие хозяйственные учреждения, она имела надёжные документы и часто ходила к партизанам, принося оттуда взрывчатые вещества и литературу. Патриотками было отправлено к партизанам много советских людей.

Сложно было организовывать побеги пленных советских воинов. Не менее трудно было укрыть их и переправить к партизанам. Однажды при помощи Суторман из лагеря совершили побег семь советских военнопленных и укрылись в подвале её дома. Нужно было переправить их к партизанам. Но как? Город был окружён контрольными постами и засадами. В это время Суторман постигло большое горе — умерла её мать. Два дня она ходила к разным чиновникам, пока за взятки не получила место для похорон матери на городском кладбище. На третий день семь переодетых советских военнопленных, идя за гробом, перешли через мост, где находился контрольный пост, и ночью были уже в расположении партизан.

Подпольщики действовали на всех участках растерзанного врагом города. Их становилось всё больше. Непосильная задача хотя бы кратко осветить деятельность всех подпольных групп, подпольщиков-подрывнкков, распространителей листовок, связных. Многое можно было сказать об активной группе П. К. Крылатых, о подпольщиках В. Кузнечике, А. Иващенко, А. Лопухове, П. Турине, Л. Эдмане, действовавших на железнодорожной станции, о замученном гестаповцами подпольщике Г. Я. Данилове, бесстрашной связной С. Пискуновой, тринадцатилетнем герое–подпольщике Ване Ерофееве, сумевшем обмануть гестаповцев и бежать из их застенка накануне казни, — о многих и многих замечательных патриотах, самоотверженно сражавшихся с фашистскими оккупантами в составе витебского подполья. Нельзя обойти и семьи подпольщиков. Их отцы и матери, жены и дети, по сути, тоже были подпольщиками.

Невозможно описать все примеры мужества и героизма, проявленных витебскими подпольщиками. Презрев смерть, они

ежедневно, ежечасно совершали подвиги, ставшие их обычным, будничным делом.

С самого начала вражеской оккупации широко развернулась подпольная борьба в окрестностях Витебска, а также в других населённых пунктах Витебской области.

В Витебском сельском районе одной из первых начала действовать подпольная молодёжная группа В. С. Кулагиной. В неё вначале входили сестры Кулагиной Мария и Анна, Н. Азеуш и его сестра Нина, Г. Юпатов, Иван и Феня Юпатовы, братья Петр и Афанасий Юпатовы. По заданию командования партизанского отряда М. Ф. Бирюлина группа собирала оружие и боеприпасы, вела агитационную работу среди населения.

Группа установила тесную связь с молодёжью соседних деревень Лужесно и Подберезье — Е. Грунтовым и его сестрой Аделиной, О. Грунтовым, сёстрами Зиной и Таисией Гвоздевыми и другими юношами и девушками, входившими в самостоятельные подпольные группы. Сельские подпольщики наладили контакт с подпольем Витебска, поддерживали связь со спецгруппой НКВД «Неуловимые» и армейской спецгруппой Ю. С. Рудакова. Молодые патриоты собирали разведданные о противнике, выполняли обязанности связных, доставляли в город листовки.

После создания Витебского подпольного горкома партии В. С. Кулагина стала его связной и одновременно начальником агентурной разведки одного из отрядов 1–й Белорусской партизанской бригады. Умело используя свою подпольную сеть, В. С. Кулагина собирала ценные данные о расположении вражеских частей, складов боеприпасов и горючего в Витебске, оборонительных сооружений противника вокруг города. При выполнении заданий подпольного горкома партии В. С. Кулагина часто приносила витебским подпольщикам тол, взрыватели, магнитные мины, газеты и листовки, а по возвращении уводила в партизанские отряды военнопленных и жителей города. Она разведала и собрала важные сведения о строительстве гитлеровцами аэродрома возле Яновичей.

…Старое Село — небольшое пристанционное селение в 20 километрах от Витебска. Но и отсюда по врагу наносились разящие удары. Подпольную организацию в Старом Селе возглавил учитель местной средней школы П. К. Ляховский. Он привлёк к борьбе с оккупантами старосту села А. И. Шпакова, учителя И. Голубовского, бывших qsoНХ учеников А. Мителева, З. Богданову и других. Организация быстро росла. Вскоре в неё вошли коммунисты А. С. Бобровский и Я А. Голубовский, преподаватель Витебского педагогического института

А. М. Испенков.

Старосельские подпольщики имели радиоприёмник и регулярно записывали сводки Совинформбюро, распространяя их затем в рукописном виде в близлежащих сёлах. По примеру городских подпольщиков они наклеивали на объявлениях и распоряжениях захватчиков листовки со словами: «Смерть немецким оккупантам!»

Главным в работе старосельских подпольщиков была разведка.

Сведения о враге собирали подпольщики С. Гувененков, работавший дежурным на железнодорожной станции, и К. Богданов, устроившийся к гитлеровцам переводчиком. Связь с партизанами поддерживала ученица девятого класса Старосельской средней школы шестнадцатилетняя А. Скуратова (Быхаленко). Пренебрегая опасностью, она всегда своевременно доставляла им собранные сведения. По заданию подпольщиков Скуратова устроилась на работу в штаб немецкой части в местечке Летцы. Здесь ей удалось получить много интересующих партизан сведений. Вместе со своей подругой Р. Туманович она похитила в штабе пачку бланков паспортов. П. К. Ляховский переправил их к партизанам[126].

Деятельность старосельских подпольщиков приобрела ещё большую эффективность после того, как из советского тыла самолётом была переброшена разведывательно–диверсионная группа во главе со студентом Московского авиационного института Ю. С. Рудаковым. Кроме руководителя, в её состав входили И. И. Байдак и А. А. Бибикова. Группа была хорошо подготовлена для борьбы и тылу врага, имела радиопередатчик. Она быстро обросла надёжными людьми, связалась с подпольщиками Старого Села и развернула активную разведывательную деятельность. Особенно активно работал бежавший из плена уроженец Старого Села студент Московского авиационного института Н. А. Шпаков. С Рудаковым он был хорошо знаком по совместной учёбе в институте.

Наличие радиопередатчика позволяло своевременно передавать сведения командованию Красной Армии. В Витебске и его окрестностях по заданию группы Рудакова работали десятки патриотов подпольщиков–одиночек: учитель Стрелищанской начальной школы П. Быков, староста деревни Соржища М. Телепов, бургомистр Стрелищанской волости Матусевич и многие другие.

Группа Рудакова быстро росла. Наряду с разведывательной деятельностью она активно занималась диверсиями. В деревне Слобода Рудаков организовал вооружённый отряд, в который

вошли Е. П. Варченко, И. Бонкарев, В. Сапошнев и другие местные жители. Отряд разгромил вражеские продовольственные склады в деревнях Полтево, Ганковичи, Летцы. Подпольщики сожгли около 400 тонн заготовленного оккупантами сена, большое количество предназначенного для отправки в Германию леса. В Летцах оккупанты восстановили маслодельный завод. Но как только на нём накапливалось достаточное количество масла, подпольщики сообщали об этом партизанам, которые по ночам врывались на завод и забирали его продукцию.

Активно действовали подпольщики врач Р. Ф. Махнов и медсестра М. А. Гончарова, работавшие в Летчанской больнице. Они переправляли к партизанам медикаменты и перевязочные материалы, организовывали побеги выздоравливающих пленных советских воинов, помещали в больницу под видом заболевших тифом предназначенных к угону в фашистскую каторгу юношей и девушек.

Широкое подполье было создано Полоцким райкомом партии (секретарями были Новиков, Петров). Наиболее эффективно действовала подпольная организация в самом Полоцке, в которую входили С. *Я* Артемьев, Я. Х. Сташкевич (впоследствии командир партизанской бригады), В. В. Жиганов, Е. Г. Рыжик, Н. Иванов, Мание, Миндалев, Л. Т. Волкова и другие. Она была построена по принципу цепочки, состоявшей из звеньев — отдельных групп подпольщиков. Это давало возможность действовать внезапно и скрытно. В случае же провала какой-либо из групп цепочка обрывалась и фашисты не могли напасть на след всей организации. Артемьев взял себе кличку Ася, состоявшую из начальных букв его фамилии, имени и отчества.

Сколько ни бились фашисты, но всего подполья они не раскрыли. Каждое звено–группа вело свою работу по определённому заданию. Так, группа Миндалева устанавливала связи с попавшими в плен советскими воинами, организовывала их побеги и переправку в партизанские отряды. Много отваги проявила подпольщица Л. Т. Волкова, организовавшая переход к партизанам большой группы попавших в плен советских военных врачей. Группа Пашкевича принимала сводки Совинформбюро, перепечатывала их на пишущей машинке и распространяла среди населения.

Группа Маниса вела разведывательную работу. В июле 1942 года она установила большую концентрацию вражеских войск на станции Полоцк, о чём партизаны немедленно по радио сообщили в Москву. Советские самолёты, по данным подпольщиков, совершили налёт на станцию. В результате было разбито три эшелона с живой силой и техникой врага. Фашисты

объявили в городе двухнедельный траур в связи с похоронами убитых.

Дружно действовала группа «Бесстрашных», в состав которой входило 13 человек, в основном воспитатели полоцкого детского дома, —М. С. Форинко, А. А. Шаева, В. А. Седловский, В. С. Латко, В. В. Булах, Н. П. Ванюшин и другие. «Бесстрашными» они были названы за исключительное мужество, с которым они заботились о воспитанниках, оставшихся на их попечении. Группа спасла от гибели 190 детей. Подпольщики тайком доставали для них продукты и одежду, а в сентябре 1943 года перевезли их в деревню Бельчицы, расположенную недалеко от партизанской зоны. 18 февраля 1944 года группе «Бесстрашных» удалось переправить всех детей и воспитателей детского дома к партизанам бригады имени Чапаева.

Одной из наиболее сильных была группа Самородкова, действовавшая на железной дороге. В неё входило 42 человека. Подпольщики совершали диверсии на железной дороге, бесстрашно нападали на врага днём и ночью. Однажды на станции Громы они подорвали 2 паровоза и 10 вагонов с боеприпасами. Но вскоре Самородков был выдан провокатором. При обыске у него нашли список членов группы. В результате все они были схвачены фашистами и зверски замучены. Сам Самородков покончил жизнь самоубийством в полоцкой тюрьме. После гибели Самородкова и его товарищей на железнодорожном узле была создана новая группа во главе с Асташевой.

Полоцкие подпольщики имели своих людей в различных учреждениях оккупантов. По их заданиям работал бургомистр города Петровский, через которого подпольщики узнавали о намерениях врага, получали и переправляли к партизанам медикаменты, муку, соль и другие продукты.

Враг продолжал наносить удары по полоцкому подполью. Вслед за группой Самородкова гитлеровцам в середине 1942 года удалось арестовать Петровского, Миндалева, Пашкевича и других. Миндалев и Петровский, не выдержав зверских пыток, покончили самоубийством, но не выдали своих товарищей. Остальные подпольщики были расстреляны. В ноябре 1942 года гестаповцы арестовали активных руководителей полоцкого подполья Ф. Н. Матецкого и его жену Н. И. Матецкую. Более трёх недель томились узники в фашистском застенке, подвергаясь жесточайшим пыткам. Ничего не добившись, гитлеровцы на рассвете 24 ноября 1942 года вывезли Матецких и ещё шестерых патриотов на расстрел. Стрелявший в Н. И. Матецкую фашист только ранил её. Она упала в яму, потеряв сознание. Придя в себя, Матецкая долго лежала под песком, ожидая ухода

фашистов. Затем, выбравшись из могилы и убедившись, что все её товарищи мертвы, скрылась в лесу. Босая, в одном белье, она в холодную ноябрьскую ночь добралась до посёлка Лозовка, откуда верные люди на следующий день переправили её к партизанам.

Активно боролись с врагом подпольщики Лепеля. Подпольную организацию здесь возглавил коммунист С. Г. Барановский. Начав свою деятельность с октября 1941 года, организация за короткий срок выросла с 10 до 50 человек. Барановский и некоторые другие подпольщики работали в типографии гитлеровцев, где, поминутно рискуя, печатали листовки. Выданные провокатором, многие члены организации были расстреляны. Вырваться на волю удалось лишь некоторым подпольщикам. Среди них была совсем ещё юная А М. Парфенчук. Она вынесла зверские пытки. Не имея улик, гестаповцы в конце концов отпустили девушку. Но патриотка не устрашилась виденного в тюрьме и с ещё большей энергией продолжала борьбу. В дальнейшем её несколько раз арестовывали и приговаривали к смертной казни. Но каждый раз ей удавалось освободиться. В последний раз Парфенчук была арестована в августе 1943 года. Вместе с подпольщицей Талюш она несла от партизан в Лепель листовки. После зверских истязаний гестаповцы решили расстрелять подпольщиц. Вырыв поблизости от тюрьмы яму, они вывели на расстрел 16 человек. Расстреливали в две очереди. Сначала заставили влезть в яму восемь человек. Расстреляв их, фашисты приказали влезть в яму остальным. Среди них была и Парфенчук. Но в момент, когда дула автоматов уже были направлены на людей, прибежал посыльный с распоряжением вернуть Парфенчук в тюрьму: жандармский генерал требовал её в Витебск. На допросе у генерала Антонина не могла вымолвить ни слова — так она была измучена пытками. Генерал приказал направить её в санитарный барак. Там девушка пполежала восемь дней, прежде чем к ней вернулась речь.

Врачами в бараке работали советские военнопленные. Однажды ночью, напоив спиртом постового, они положили на её кровать труп только что умершей девушки, а Парфенчук перенесли на место умершей. Через некоторое время врачи помогли подпольщице бежать в лес.

На Оршанском железнодорожном узле и в городе отважно действовали подпольные группы, созданные прославленным героем Отечественной войны К. С. Заслоновым. До войны Константин Сергеевич работал начальником паровозного депо станции Орша. Эвакуировав оборудование депо, паровозы и вагоны на восток, он на последнем паровозе покинул Оршу.

Вскоре К. С. Заслонов и его друзья, работавшие в депо имени Ильича в Москве, обратились с просьбой разрешить им сформировать партизанский отряд из железнодорожников. Просьба патриотов была удовлетворена. В августе— сентябре 1941 года будущие партизаны прошли краткосрочные курсы, организованные Смоленским обкомом партии в Вязьме. В ноябре 1941 года Заслонов с группой машинистов прибыл в оккупированную врагом Оршу. Устроившись на железнодорожном узле, подпольщики стали собирать силы. Уже к концу декабря ими была установлена связь с Оршанским подпольным райкомом партии и партизанами, создано несколько диверсионных групп.

Важным обстоятельством являлось то, что подпольщикам удалось обмануть оккупантов и войти к ним в доверие. К. С. Заслонов был назначен начальником русских паровозных бригад Оршанского депо. Он присматривался к друзьям и врагам, осторожно вовлекал проверенных людей в подполье, продуманно распределял их по паровозным бригадам.

Под руководством К. С. Заслонова подпольщики изготовляли так называемые угольные мины: взрывчатка покрывалась угольной пылью с клейким веществом. Внешне эти мины были похожи на обычные куски угля. Их подбрасывали в угольные ямы, в тендеры паровозов. Попадая в топки, мины взрывались и выводили паровозы из строя. Чаще всего это случалось в пути. Кроме того, подпольщики широко практиковали замораживание системы водоснабжения паровозов, переставляли стрелки и сталкивали встречные поезда, поджигали станционные сооружения. Позже подпольщики стали получать через партизан и магнитные мины. Это давало возможность минировать составы с выбором — именно те эшелоны, которые везли на фронт под Москву живую силу, технику и боеприпасы.

Деятельность оршанских подпольщиков–железнодорожников была исключительно эффективной. Только за три месяца боевой деятельности заслоновцы организовали 98 крушений вражеских эшелонов, вывели из строя и повредили более 200 паровозов[127]. Были уничтожены сотни вагонов и цистерн с горючим, большое количество вражеской военной техники.

Подпольщики строго соблюдали конспирацию. Вначале гитлеровцы не могли понять причины столь частых аварий паровозов, относя эти аварии за счёт суровой русской зимы и «низкого качества советской техники». Но взрывы происходили и на доставленных через некоторое время из Германии немецких паровозах. Гестаповцы начали настоящую охоту за диверсантами. Однажды был арестован К. С. Заслонов. Но отсутствие улик и

выдержка патриота на время отвели от него подозрения. Однако за ним была установлена строгая слежка. Убедившись, что многим из них угрожает арест, К. С. Заслонов и его друзья 25 февраля 1942 года покинули Оршу.

Недалеко от города, в районе деревни Логи, заслоновцы создали партизанский отряд «Дяди Кости». Вскоре он вырос в прославленную бригаду белорусских партизан. Враги содрогались при одном упоминании имени Константина Заслонова. А на Оршанском узле продолжали действовать оставленные заслоновцами диверсионные группы. Обрастая новыми патриотами, они продолжали выводить из строя паровозы и станционное хозяйство, устраивали пробки на узле, взаимодействуя с партизанами, проводили крушения воинских эшелонов.

С первых дней войны активно действовала подпольная комсомольско–молодёжная организация в посёлке «Осинторфа» Оршанского района, возглавляемая С. Шмуглевским. Еще до прихода врага коммунисты и беспартийные активисты во главе с директором «Осинторфа» Г. Г. Омельченко создали в лесу базу и ушли в партизанский отряд. Но в посёлке остались комсомольцы и несоюзная молодёжь. Они страстно рвались к борьбе с захватчиками.

Юные патриоты во главе с С. Шмуглевским незаметно уходили в лес, собирали и тщательно прятали оружие и боеприпасы. 10 августа 1941 года они собрались на первое подпольное собрание. Секретарем (командиром) был избран С. Шмуглевский. В организацию вошли П. Климович, Евгений и Михаил Теленченко, В. Огурцов, Н. Молохович, Н. Климович, А. Молохович, Г. Третьяков, Людмила и Вера Букатик, М. Макаренко, В. Бугаева, В. Янович, В. Березовский, Н. Прокопенко, Е. Недосенко. О создании организации узнал раненый политрук, коммунист Е. Р. Вильсовский, скрывавшийся в семье Букатика. Через членов организации Веру и Людмилу Букатик он связался с подпольщиками и стал направлять их деятельность.

Комсомольцы–подпольщики уничтожали телефонные линии, срывали попытки оккупантов начать торфоразработки, ломали машины. Они рассказывали населению правду о боевых действиях на фронте, прятали бежавших из фашистского плена советских бойцов и командиров. На объявлениях и распоряжениях немецких властей жители «Осинторфа» все чаще читали сделанный штампом боевой призыв «Смерть немецким оккупантам!».

Активную борьбу развернули юные подпольщики против предателей. Особыми издевательствами над советскими людьми

отличались бургомистр Трублин, начальник полиции Скварчевский и писарь Пикарь. Подпольщики решили уничтожить фашистских прислужников. Установив, что. предатели часто устраивают в здании управы попойки, подпольщики сделали засаду. Поздно вечером 29 августа 1941 года С. Шмуглевский, П. Климович и М. Теленченко, вооружённые ручным пулемётом, спрятались в пустом доме, мимо которого должны были идти подгулявшие бургомистр и его дружки. Когда предатели приблизились, С. Шмуглевский скомандовал: «Огонь по врагу!» Писарь Пикарь был убит наповал, начальник полиции Скварчевский тяжело ранен. Бургомистру Трублину удалось убежать.

Взбешенные гитлеровцы на второй день прислали в посёлок карательный отряд. Фашисты ходили по квартирам, производили повальные обыски и при малейшем подозрении арестовывали невиновных людей. На квартире у Теленченко им удалось найти пулемёт. Гестаповцы схватили Михаила и Евгения Теленченко и отправили их в гестапо. Юноши выдержали жестокие пытки. Они никого не выдали. 20 сентября 1941 года патриоты были расстреляны.

Из этой операции подпольщики извлекли уроки. Более тщательно стали они проводить подготовку операций и конспирацию своих действий. Организация была перестроена. Во главе её стал штаб, в состав которого вошли С. Шмуглевский, В. Огурцов и Л. Букатик. Было установлено правило: вновь принимаемые в организацию не должны знать, кто в неё входит. После проверки на боевых делах в ряды подпольщиков были приняты М. Прудников, Н. Великосельский, Г. Еременко, М. Пахоменко, З. Варламова и другие.

Деятельность подпольщиков значительно активизировалась. Они всячески срывали мероприятия гитлеровцев по восстановлению торфопредприятия. В январе 1942 года группа в составе Н. Молоховича, В. Огурцова и Г. Третьякова сожгла торфонасосный кран, четыре электромотора и другое оборудование. 24 февраля 1942 года подпольщики организовали побег 31 советского военнопленного из лагеря, который был расположен в посёлке № 4. Они переправили беглецов в лес, где было спрятано оружие. Вооружившись, советские воины влились в партизанский отряд.

Смелую операцию провели подпольщики в начале 1942 года. В марте в посёлок прибыл на отдых потрёпанный под Москвой немецкий полк. Штаб подпольной группы поручил С. Шмуглевскому и П. Климовичу уничтожить барак № 10, где размещались гитлеровцы. Темной ночью, когда фашисты спали,

ребята подползли к бараку, закрыли на запор дверь и подожгли его с двух сторон. В нижнем белье, с криками и воплями выскакивали гитлеровцы через окна, спасаясь от бушующего пламени. В результате 12 фашистов получили тяжёлые ожоги, сгорела значительная часть оружия, боеприпасов и обмундирования полка. Гитлеровцы были вынуждены перевести полк в другое место.

Через некоторое время после этой операции С. Шмуглевский и Е. Нефедова возле деревни Озерцы встретились с партизанами-заслоновцами. Вскоре в лесу близ деревни Щеки Дубровенского района с юными подпольщиками беседовал прославленный командир партизанской бригады К С. Заслонов. Он поставил перед ними задачу развернуть работу по разложению гарнизона вражеской вспомогательной части, состоявшей из советских военнопленных, собирать сведения о численности вражеских войск и их передвижении, учитывать характер грузов и количество эшелонов, проходивших по железной дороге Орша — Смоленск. Выполняя задание К. С. Заслонова, подпольщики осенью 1942 года подготовили к переходу на сторону партизан большой отряд солдат немецких вспомогательных частей во главе с офицером Я. Г. Лебедем. В бригаду К. С. Заслонова прибыло с полным вооружением 117 человек. К концу зимы 1942/43 года под влиянием подпольщиков начался массовый уход личного состава вспомогательных частей к партизанам. В феврале 1943 года в посёлке взлетели на воздух склады боеприпасов, было убито около 40 гитлеровских солдат и офицеров. Это солдаты вспомогательных частей сделали прощальный «подарок» фашистам и ушли в 16–ю Смоленскую партизанскую бригаду.

После этого партизаны снабдили комсомольцев–подпольщиков взрывчаткой и дали задание провести ряд диверсионных актов. Подпольщики взорвали железнодорожный мост между Белгрэс и «Осинторфом», сожгли склад на станции Осиновка и совершили некоторые другие диверсии.

Для «наведения порядка» в «Осинторф» в конце февраля 1943 года прибыл специальный уполномоченный гестапо барон фон Шпавке, назначенный зондерфюрером «Осинторфа» и прилегающих районов. Подпольщики сообщили партизанам 16–й Смоленской бригады, что 12 марта Шпавке собирается посетить водонапорную станцию. У самого полотна железной дороги партизаны сделали засаду. Вскоре показался мотовоз с тремя платформами, на которых находилось более 60 гитлеровцев. Когда мотовоз подошёл совсем близко к засаде, партизаны открыли по платформам огонь. Беспорядочно отстреливаясь, фашисты бросились бежать. Зондерфюрер был убит. В этой

схватке партизаны уничтожили 50 гитлеровцев, взорвали водонапорную станцию, которую оккупантам пришлось восстанавливать около двух месяцев.

Напуганные действиями подпольщиков, оккупанты создали в «Осинторфе» гестаповскую комендатуру. Однако юные патриоты продолжали борьбу. И только в сентябре 1943 года, когда возникла явная опасность ареста подпольщиков, все они — 50 человек — по указанию командования партизанского соединения ушли к партизанам. Руководитель подполья С. Шмуглевский стал комиссаром партизанского отряда.

Отважно сражались за Родину комсомольцы «Осинторфа». Но не всем им было суждено дожить до полной победы над врагом. В боях за Родину отдали свои жизни В. Огурцов, *Л.* Букатик, И. Еременко, Н. Прокопенко, Н. Нольберт, Н. Молохович, Г. Третьяков, М. Пахоменко, Михаил и Евгений Теленченко.

Замечательным примером мужества в борьбе с фашистскими захватчиками является героическая деятельность обольской подпольной комсомольско–молодёжной организации «Юные мстители». Организатором и руководителем её была работница витебской фабрики «Знамя индустриализации» Фруза (Ефросинья) Зенькова.

Получив от Сиротинского подпольного райкома партии задание создать в районе обольского гарнизона подпольную организацию, Зенькова привлекла к подпольной работе комсомольцев М. Дементьеву и В. Езовитова. На первом собрании руководителем организации была избрана Зенькова, а сама организация названа «Юные мстители». Затем в организацию были приняты девятиклассник И. Езовитов, М. Лузгина, Н. Азолина, З. Лузгина, В. Шашкова, ленинградская школьница З. Портнова. Когда в организации было 10 человек, состоялось второе собрание. Юные подпольщики решили достать радиоприёмник и организовать распространение сводок Совнформбюро, уничтожить телефонную связь между Полоцком и обольской комендатурой, достать для проведения диверсий тол. Вечером в этот же день члены организации встретились с группой партизан и приняли присягу.

С этого времени организация развернула активные действия. Партизаны снабжали её минами и всем необходимым для диверсий. Однажды из партизанского отряда передали задание: хотя бы на неделю вывести из строя железную дорогу Полоцк — Витебск. Для этого нужно было взорвать водокачку, которую гитлеровцы охраняли круглосуточно. Выполнить задание вызвалась Н. Азолина, работавшая переписчицей в немецкой комендатуре. На следующий день, сославшись на головную боль,

она ушла с работы. С сумочкой в руках, в которой лежала мина, девушка спустилась к реке Оболянке и направилась вдоль берега в сторону водокачки. Часовой остановил её, но, узнав переписчицу из комендатуры, разговорился с ней. Воспользовавшись тем, что часового позвали в здание водокачки, девушка быстро заминировала её. 3 августа, через сутки после минирования, произошёл взрыв, в результате которого водокачка вышла из строя на две недели. Затем последовали обрывы проводов на станции Оболь, на торфозаводе, у деревни Глушанино, поджог склада с хлебом. Юные подпольщики увели и переправили к партизанам коров из организованной оккупантами общины, собирали сведения о противнике, распространяли листовки. Организация быстро пополнялась новыми членами. Чтобы легче было конспирироваться-, некоторые подпольщики устроились на работу на кирпичный завод, торфозавод, льнозавод, в офицерскую столовую.

Летом 1943 года подпольщики подорвали машину с приезжавшим к обольскому коменданту важным гитлеровским чиновником из Витебска, взорвали льнозавод, электростанцию, машинное отделение кирпичного завода, мотовоз и экскаватор на железной дороге, несколько эшелонов с горючим и боеприпасами. На их счету много подорванных автомашин на шоссейной дороге и других боевых операций.

Длительное время оккупантам не удавалось напасть на след организации. Помог им гнусный изменник Родины, провокатор Гречухин. До войны он был школьным товарищем подпольщика В. Езовитова. Ему удалось втереться к Езовитову в доверие и по его предложению летом 1943 года вступить в организацию. Постепенно Гречухин разузнал все о подпольщиках и выдал их врагу. Избежали ареста только А. Борбашов, которого не знал Гречухин, и находившаяся в отъезде Ф. Зенькова. Гитлеровцы подвергли патриотов жестоким пыткам и 5 ноября 1943 года расстреляли.

Еще до ареста членов организации подпольщица З. Портнова в связи с провалом её подруги И. Давыдовой была направлена вместе с сёстрами Марией и Надей Дементьевыми в партизанский отряд. Обеспокоенное арестом подпольщиков, командование партизанского отряда поручило Портновой проникнуть в гарнизон, выяснить причины провала, установить новые связи. Комсомолка, выполнив задание, возвращалась назад, но на окраине деревни Мостище её арестовали. У Зины был паспорт на имя Марии Козловой. Гестаповцы согнали население деревни для опознания девушки. Девушку знали многие, но предателей не оказалось. Подпольщицу выдал тот же Гречухин. Начались пытки

и допросы, сначала в Оболи, а затем в гестаповском застенке в Горянах. Во время одного из допросов Зина схватила со стола пистолет и в упор выстрелила в фашиста, выбежала в коридор, вторым выстрелом убила спешившего на выстрел офицера, бросилась в окно, метко выстрелила по часовому и побежала к Двине. Ее стал нагонять другой часовой, Зина спряталась за куст и направила на гитлеровца парабеллум. Осечка…

Страшно издевались фашисты над Зиной. Ей выкололи глаза, отрезали уши, загоняли под ногти иголки, выкручивали руки и ноги. Мужественная ленинградская школьница стойко выдержала все пытки и умерла смертью героя.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1958 года Ефросинье Савельевне Зеньковой и Зинаиде Мартыновне Портновой присвоено звание Героя Советского Союза. Многие их боевые товарищи награждены орденами.

Подпольная борьба нарастала в каждом городе, в каждом населённом пункте Витебщины. Своей самоотверженной борьбой витебские подпольщики нанесли оккупантам огромный ущерб. Они истребили большое количество фашистских солдат и офицеров, уничтожили много вражеской военной техники. Подпольщики систематически снабжали командование партизанских формирований и советских войск ценными сведениями о противнике, помогали тысячам патриотов перебраться в партизанские отряды, вели широкую агитационномассовую работу среди населения и вражеских войск, разлагали полицию и вспомогательные формирования противника. Они морально и физически изматывали захватчиков, не давали им покоя ни днём, ни ночью, вынуждали стягивать для «поддержания порядка» в «тыловых городах» большие массы войск и полиции, содержать многочисленные карательные учреждения.

В одной статье невозможно рассказать о всех подпольных организациях и группах, действовавших на Витебщине. Факты, которые приведены здесь, лишь небольшая часть того, что было сделано витебскими подпольщиками. Но и они убедительно свидетельствуют о высокой эффективности их деятельности. Источников этой эффективности много. Это прежде всего руководство подпольной борьбой со стороны партийных органов, которые во многих случаях заранее создали подпольные организации и руководили их деятельностью. Во главе подпольных групп и организаций, на наиболее ответственных и опасных участках борьбы стояли коммунисты и комсомольцы. Важным обстоятельством было то, что витебские подпольщики теснейшим образом были связаны с партизанскими

формированиями. Взаимодействие партизан и подпольных организаций неизмеримо повышало их возможности в борьбе с врагом, позволяло наносить по нему целеустремлённые, разящие удары.

Успехи витебских подпольщиков стали возможны благодаря всенародной помощи. Трудящиеся постоянно пополняли ряды подпольщиков и партизан. Можно без преувеличения сказать, что в партизанской борьбе с оккупантами участвовала подавляющая часть населения Витебщины, а подпольные организации и партизанские формирования были авангардом всенародного партизанского движения.

До последней капли крови бились с оккупантами бойцы витебского подполья. Многие из них сложили свои головы в этой борьбе, стяжав себе бессмертную славу.

В дни, когда советский народ отмечал 20–летие своей великой победы над фашистской Германией, в числе награждённых орденами и медалями СССР появились славные имена ещё 175 подпольщиков Витебщины.

В МОГИЛЕВЕ НА ДНЕПРЕ

А. А. Кузняев, *кандидат исторических наук*

Гитлеровские захватчики были убеждены, что Могилев они возьмут с ходу. Но им сразу же пришлось разочароваться. 12 июля 1941 года противник с тяжёлыми боями вышел к ближайшим подступам города и здесь был остановлен частями Красной Армии и народного ополчения. С 16 по 25 июля Могилев героически сражался в условиях полного окружения. И когда 26 июля фашистам ценой огромных потерь удалось ворваться в город, то он оказался далеко за линией фронта. Но, как и на всей занятой гитлеровцами советской земле, спокойного тыла захватчики здесь не получили. Массовый срыв населением мероприятий оккупантов, активная деятельность подполья очень скоро убедили фашистов, что взять советский город — это ещё не значит покорить его.

Подготовка к подпольной борьбе началась в Могилеве ещё до оккупации его противником. К сожалению, времени для этого было крайне недостаточно. В течение июля, уже в обстановке непосредственных боев под Могилевом, обком и горком партии стали подбирать и готовить к подпольной деятельности коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов, создавать из них подпольные организации, намечать явочные квартиры и пароли. Под руководством партийных органов готовили комсомольско–молодёжное подполье обком и горком комсомола. Вражеское вторжение прервало эту работу. Становление подполья происходило уже в обстановке ожесточённой борьбы с захватчиками.

В административном отношении Могилев и Могилевская область были отделены оккупантами от Белоруссии и включены в зону армейского тыла. Вся власть на местах принадлежала немецким военным комендантам, наделённым неограниченными полномочиями. Пуля и виселица были основными орудиями их «управления». Сразу же начался массовый террор против населения. Тысячи советских людей были расстреляны, повешены, умерщвлены, заключены в лагеря смерти, угнаны на каторжные работы в Германию. Осенью 1941 года по приказу и под руководством гестаповского офицера капитана Прибба в душегубке, устроенной в одной из комнат Могилевской психиатрической лечебницы в Печерске, фашисты удушили отработанным от автомашин газом около 1200 больных этой лечебницы.

С особой жестокостью фашисты относились к пленным советским воинам: морили их голодом, изнуряли непосильной работой, держали под открытым небом под дождём и в морозы, расстреливали ослабевших. Только за зиму 1941/42 года в Могилеве погибло несколько десятков тысяч советских военнопленных.

Расстрелы мирных граждан и военнопленных продолжались в течение всего периода вражеской оккупации города. В 1943 году лишь в местах массовых казней, в пригородных сёлах Пашково и Полыковичи, было расстреляно 43 тысячи военнопленных и гражданских лиц, в том числе много детей, стариков и женщин[128]. В городе систематически проводились облавы. Захваченных во время облав людей насильственно угоняли в Германию или оставляли на принудительных работах в Могилеве и его окрестностях. Уклонение от принудительного рабского труда угрожало расстрелом или заключением в концлагерь. Самой мягкой карой за невыход или опоздание на работу была мучительная и издевательская процедура: людей связывали, прикрепляли на груди доску с надписью «Саботажник» и на целый день сажали в витрины разбитых магазинов[129].

Во время карательных акций фашистов против населения в первые же дни оккупации существенный урон понесло и городское подполье. Сказались вынужденная поспешность организации подполья, отсутствие у его участников опыта конспирации. Секретари горкома партии Л. Й. Хавкин и А. И. Морозов, которым поручалось возглавить подполье, были схвачены вступавшими в город гитлеровцами и вместе с военнопленными угнаны в лагерь.

Вследствие этого могилёвское подполье с самого начала вражеской оккупации оказалось без руководства, без связей с партизанами и командованием частей Красной Армии. Многие из оставшихся на подпольной работе попали в лапы гестапо, часть из них скрылась в окрестных деревнях. По сути дела, подполье в Могилеве пришлось создавать заново. Его организаторами стали коммунисты, комсомольцы, беспартийные активисты. Изощренному в подавлении подполья противнику, всей системе фашистского террора они противопоставили свою беззаветную преданность социалистической Родине, делу Коммунистической партии. И если первоначально не хватало опыта, то выручали мужество, смекалка, организованность, активная поддержка населения.

В числе зачинателей подпольной борьбы в городе стали железнодорожники. Они ставили своей целью срывать работы по восстановлению Могилевского железнодорожного узла и всячески

саботировать мероприятия фашистов на железной дороге. Организаторами их борьбы были оставшиеся по заданию горкома партии секретарь партбюро Могилевского железнодорожного узла, член горкома партии Н. Т. Горбачев и кузнец–молотобоец коммунист Г. С. Матвеев.

В 1941 году на железнодорожном узле образовали подпольную группу коммунисты П. И. Белько — бывший чекист, а перед войной директор Лунинецкого лесозавода, прибывший в Могилев с документами на Г. И. Анисовича, и студент Московского института инженеров железнодорожного транспорта О. В. Горошко — житель Могилева. В районе станции Могилев-1 организовались группы под руководством коммунистов В. И. Пудина и П. А. Анисимова, бывших железнодорожных инспекторов Г. С. Трактатовой и О. Н. Живописцевой. Одну из групп на узле создал коммунист И. С. Малашкевич. В неё вошли инженер С. М. Шакуро, рабочий станции Могилев С. С. Воронович–Сагалин, рабочий пути Н. И Малашкевич, дежурный по станции Могилев Овсянников. Подпольная группа была создана в Высоцком и Старо–Водвянском сельсоветах Шкловского района (И. Ф. и Ф. Ф. Исаевы, В. Пятков, шофёр В. С. Малашкевич и другие).

В августе — сентябре 1941 года возникли подпольные группы на предприятиях. Одну из них создал бывший секретарь парторганизации механик Могилевского хлебокомбината М. М. Евтихиев. Поступив работать слесарем в хлебопекарню, он привлёк к подпольной деятельности рабочих пекарни и жителей города — Ф. Коженова, С. Зайцева, Ю Диденко, М. Чугреева и других. На авторемонтном заводе подпольную группу в составе пяти человек организовали электромонтёр В. И. Батуро и бухгалтер Н. И. Харкевич.

Сильную подпольную группу организовали бывший работник конторы «Заготскот», партизан гражданской войны А. И. Шубадеров, шофёр конторы «Рыбсбыт» В. П. Станкевич, шофёр «Союзтранса» И. В. Русов. Вскоре в неё вошли бывший заведующий базой «Главмясомолснаб» Д. И. Пицуков, бывший следователь Могилевской районной прокуратуры М. А. Павлов, работник авторемзавода А. Е. Пынтиков, советский офицер комсомолец Г. Коростелин.

В организации подполья приняли участие комсомольцы и несоюзная молодёжь. Секретарь горкома комсомола П. Ф. Воложин установил связь с отдельными комсомольцами. Но долго оставаться в городе не мог, так как полевая жандармерия напала на его след. 19 августа 1941 года он вынужден был уйти из Могилева. Активную комсомольско–молодёжную группу

создали комсомольцы С. С. Соболевский и И. Неведомский. Впоследствии она влилась в подпольную группу, организованную коммунистами на фабрике искусственного волокна.

Организаторами подполья были врачи, преподаватели и учителя. Под руководством кандидата медицинских наук коммуниста М. П. Кувшинова образовалась подпольная группа в Могилевской больнице. В неё вошли врачи К. А. Влагина, С. М. Мормулевский и другие медицинские работники.

Видною роль в создании и деятельности могилевского подполья сыграй оставленный в городе для подпольной работы преподаватель могилевской средней школы № 24 К. Ю. Мэттэ[130].

Уроженец деревни Боровляны Минского района Казимир Юльянович Мэттэ в 1931 году окончил Ленинградский педагогический институт и работал преподавателем в Минске. В 1933 году по клеветническому доносу был репрессирован. Но незаслуженная обида не сломила Казимира Юльяновича. После реабилитации с 1936 года он работал в школах Могилева, отдавая все свои силы воспитанию детей и молодёжи в духе пламенного советского патриотизма.

К. Ю. Мэттэ хорошо знал многих преподавателей могилевских школ и пользовался среди них большим авторитетом. В условиях подполья он шёл к тем из них, в ком был твёрдо уверен. Вначале в группу К. Ю. Мэттэ вошла учительница школы № 14 Е. И. Веремейчик, с осени 1941 года — учительница школы № 7 О. Н. Карпинская, бывший военрук школы № 24 В. П. Харитонов и его жена Мария Леонтьевна, муж Е. И. Веремейчик С. Л. Климентович, жена К. Ю. Мэттэ Софья Фелициановна, дочь О. Н. Карпинской комсомолка Таня Карпинская, окончившая в 1941 году среднюю школу.

Впоследствии Е. И. Веремейчик писала: «В 1941 году… я начала искать людей, которые остались в оккупации и не могут примириться с таким положением. Хотелось с кем-то своим поговорить, поделиться по душамі И вот встречаю К. Ю. Мэттэ, которого я знала по работе… От души рада была этой встрече… Мы, т. е. я, тов. Мэттэ и мой муж Климентович, обменялись мнениями и крепко решили лучше умереть в борьбе с врагом, чем попасть в его лапы, ничего не делая… С этого момента, т. е. с августа месяца 1941 года, мы начали работу против фашистских захватчиков»[131].

Вспоминая о встрече с учителем–патриотом А. П. Заустинским, К. Ю. Мэттэ писал: «Вскоре после оккупации немцами города я встретил его во дворе школы № 3. Немцы заняли его квартиру, а самого его выбросили в школьный сарай

для дров. В разговоре со мной Заустинский иронически отозвался о фашистских «освободителях» и спросил меня, знаю ли я стихотворение Пушкина «Клеветникам России». Я ответил, что знаю, но на память не помню. Тогда он приглушённым, но страстным голосом прочитал отрывок из стихотворения:

Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Слушал я тогда и думал: «Вот как Пушкин приходит к нам из своего далека»»[132].

Осенью 1941 года К. Ю. Мэттэ познакомился с находившимся в Могилеве бывшим преподавателем Гомельского лесотехнического института П. И. Крисевичем. С большой душевной теплотой отзывается о нём и его семье К. Ю. Мэттэ. Он писал, что Крисевичи были «замечательной советской семьёй. Отец — рабочий, мать — член Могилевского горсовета, активистка по работе среди женщин; младший сын сражался в рядах Красной Армии». П. И. Крисевич не был призван в армию по состоянию здоровья (одна нога почти не действовала) и принял предложение секретаря горкома партии А. И. Морозова остаться на подпольной работе в Могилеве. Он стал ближайшим помощником К. Ю. Мэттэ в организации подпольных групп.

Активное участие в создании подпольных групп приняли советские военнослужащие, оказавшиеся в силу различных обстоятельств в оккупированном врагом Могилеве. Одну из групп возглавил уроженец Могилева командир разведывательного батальона 279–й мотострелковой дивизии коммунист В. Д. Швагринов. Попав в окружение, он в сентябре 1941 года пробрался в родной город, где включился в подпольную работу, проводимую скрывавшимися здесь советскими офицерами В. А. Смирновым, Н. А. Жуковым, Г. Е. Востриковым, П. Т.

Костелевым.

Активная подпольная группа действовала в военном госпитале, где находились тысячи раненых советских воинов. Этот госпиталь не мог быть эвакуирован во время отступления Красной Армии. Пб приказу командования с ранеными остались начальник госпиталя В. П. Кузнецов, врачи А. И. Паршин и Ф. И. Пашанин, средний и младший медицинский персонал.

Чтобы не брать на себя заботу о раненых советских бойцах, оккупанты терпели существование госпиталя. Но они тщательно проверяли состав раненых и больных, выискивая командиров, политработников, коммунистов и комсомольцев. Всех их ожидала страшная судьба — расстрел или заключение в лагеря смерти. Рядовые бойцы должны были после выздоровления направляться в лагеря для военнопленных. Зная об этом, медицинские работники под руководством В. П. Кузнецова до прихода гитлеровцев уничтожили «истории болезней» на всех офицеров, коммунистов и комсомольцев. В течение одной ночи были составлены новые «истории болезней», согласно которым в госпитале находились лишь «беспартийные рядовые солдаты» (главным образом тяжелораненые) и «лица из числа гражданского населения». Таким образом было спасено от расправы большое количество офицеров, коммунистов и комсомольцев. Выздоравливавшие выписывались из госпиталя под видом гражданских лиц, что избавляло их от помещения в лагеря для военнопленных.

В этом же госпитале организовал подпольную группу советский офицер–политработник коммунист И. Г. Гуриев. Оказавшись в окружении, он 12 июля во главе группы бойцов пробрался в осаждённый Могилев и принял участие в его обороне. Здесь он снова был ранен и помещён в госпиталь. «Находясь в госпитале, — писал позже И. Г. Гуриев, — я стал изучать и подбирать преданных людей для работы среди раненых. В октябре 1941 года была создана группа». В неё вошли старший лейтенант В. Васильев, врач Б. И. Бурмистров, шофёр П. М. Иванов, медсестры Е. Евдокименко, А. Зубович, С. Федеева, а несколько позже—друг И. Г. Гуриева по армии, проживавший нелегально в Могилеве радиотехник Генрих Захарян.

С госпиталем была связана подпольная группа, состоящая из военнослужащих и местных жителей под руководством П. А. Пехотина. Коммунист Пехотин был начальником штаба 649–го стрелкового полка 210–й мотодивизии. Вырвавшись из плена, он выдал себя за часового мастера и открыл часовую мастерскую. С ним были связаны военнослужащие М. Метелкин (Коровин), А. Рожков и некоторые местные жители. С помощью работников

госпиталя Зубкова, Безрученко, Иваночкина, Тарелкина они организовали вывоз спрятанного в госпитале оружия на. кладбище, где его хранил сторож «дядя Вася»[133].

Отсутствие опыта нередко вело к провалу подпольных групп и действовавших в одиночку подпольщиков. 27 ноября 1941 года были схвачены фашистами организаторы подполья на железнодорожном узле Н. Т. Горбачев и Г. С. Матвеев. По доносу резидента фашистской разведки Степанова[134] в ноябре 1941 года была раскрыта подпольная группа в военном госпитале во главе с В. П. Кузнецовым. 17 ноября врачи–подпольщики были публично повешены на городской площади.

Но в городе продолжали возникать все новые подпольные группы. О некоторых из них известно лишь из захваченных советскими войсками вражеских документов. Так, в «Сообщении из занятых восточных областей полиции безопасности и СД» за октябрь 1941 года в Берлин доносилось, что «в Могилеве расстреляно 18 человек, которые являлись политическими функционерами и политруками. У них было найдено оружие». В сообщении за ноябрь 1941 года говорилось, что под Могилевом «удалось своевременно раскрыть организацию, которая перед собой ставила задачу создавать партизанские отряды, обеспечивать информацией уже существующие партизанские группы, а также руководить предусмотренными оперативными группами по совершению актов саботажа. Руководителем этой организации был советский лейтенант». В этом же донесении сообщалось что в Могилеве «за коммунистическую агитацию расстреляно четверо русских. В тот же день было ликвидировано три русских человека, которые пытались создать подпольную коммунистическую организацию и уже приобрели себе оружие. По приговору полевого суда было расстреляно пять русских партийных работников»[135].

Особенно активно работала по расширению подпольной сети группа К. Ю. Мэттэ. Руководители группы умело конспирировали свою деятельность. Было решено вновь создаваемые группы строить по принципу цепочек. Руководитель цепочки был связан со всеми подпольщиками, а они не знали друг друга, имели дело только с руководителем и двумя другими подпольщиками. Многие члены цепочек в свою очередь создавали свои цепочки. Например, в цепочке Е. И. Веремейчик состояли привлечённые ею к подпольной работе учительницы А. Веселова, Т. И. Саперова, В. Борисова и библиотекарь школы № 1 (фамилия не установлена). С. Л. Климентович организовал три цепочки. Большую работу по расширению подпольной сети проделал П. И. Крисевич. К началу 1942 года в его цепочку входили учительницы школы № 7

С. В. Каманская и Т. И. Шабанская, учительница школы № 11 М. К. Гвоздырева, учитель В. П. Шелюто, врач И. Т. Прибыток, учительница школы № 8 Е. Н. Лотоцкая, уборщица этой же школы Ф. Г. Девятченок, лесничий Любужского лесничества В. Л. Лустенков. Члены группы Крисевича В. П. Шелюто и В. Л. Лустенков создали свои цепочки. Так, в цепочку В. П. Шелюто входили активный участник подполья художниК. преподаватель Д. И. Дервоедов, член партии С. Э. Файнцайг, работавшая до войны культработником на фабрике искусственного волокна, и другие. В цепочке В. Л. Лустенкова состояли коммунист П. П. Балашенко, с которым имел непосредственную связь К. Ю. Мэттэ, и работники Любужского лесничества.

В сети подпольных групп и цепочек, созданных К. Ю. Мэттэ, активную деятельность развернули комсомольцы и несоюзная молодёжь города. Уже в конце 1941 года бывший ученик К. Ю. Мэттэ И. М. Лысикович организовал подпольную группу, в которую вошли комсомольцы Г. Д. Родионов и его шурин М. М. Фролов. В дальнейшем в их цепочку включилось много комсомольцев и несоюзной молодёжи не только города, но и его окрестностей.

Члены группы К. Ю. Мэттэ В. П. Харитонов и его жена М. Л. Харитонова создали цепочку, в которую вошли военнослужащий–окруженец В В. Стрижевский, управдом А. И. Бойко.

Некоторые подпольные группы строились по звеньям. Например, действовавшая в военном госпитале группа И. Г. Гуриева делилась на звенья по три человека. Каждый знал только членов своего звена.

Радостная весть о разгроме фашистских войск под Москвой ещё более активизировала подполье. В феврале 1942 года И. Г. Гуриев, выйдя из госпиталя, организовал в городе вторую группу, в которую вошли Г. М, Бойко, ставший вместе с Гуриевым руководителем группы, Г. Ндирадзе, Н. И. Пширкова, П. Минченко, Т. Огородникова.

Значительно расширилась сеть подпольных групп на железной дороге. В подпольную работу здесь включились участник обороны Могилева младший лейтенант коммунист Я. И. Степченко, коммунист Бакшин, дорожный мастер Г. В. Тамков, мастер связи коммунист В. М. Процкий, железнодорожные рабочие С. В. Позолотин, П. Борский, комсомольцы Г. П. Дорошенко, В. П. Храменков, чертёжница Н. М. Луговцова. Выросли группы И. М. Лысиковича, В. П. Харитонова и другие. На костеобрабатывающем заводе

действовали связанные с группой В. Д. Швагринова комсомольцы Ю. К. Линкус (Липшиц), Д. Д. Иванов, В. И. Тарвид и О. Г. Рожун, бухгалтер управления полиции А. А. Иванова и другие. В городе и его окрестностях по инициативе коммунистов и комсомольцев возникали все новые и новые подпольные группы.

К весне 1942 года в Могилеве уже действовала разветвлённая сеть подпольных групп, связанных с К. Ю. Мэттэ. Он установил и поддерживал постоянный контакт с руководителями самостоятельно действовавших подпольных групп: О. В. Горошко, И. Г. Гуриевым, В. Д. Швагриновым, В. П. Шелюто, М. П. Кувшиновым, А. И. Шубодеровым и другими.

Расширение и укрепление связей между подпольщиками создали условия для объединения весной 1942 года многих подпольных групп в общегородскую подпольную организацию, называвшуюся «Комитетом содействия Красной Армии». В её создании большую роль сыграла газета «За Родину» (с осени 1942 года она стала называться «За Советскую Родину»), которая выходила в Могилеве по инициативе К. Ю. Мэттэ с апреля 1942 года за подписью: «Комитет содействия Красной Армии».

Население восприняло появление листовки–газеты как возникновение в городе подпольного руководящего центра. Это ещё больше воодушевило патриотов, вызвало у них стремление связаться с «центром» и работать под его руководством. Но под «Комитетом содействия Красной Армии» разумелась сама организация в целом. «Многие считали, — писал впоследствии К. Ю. Мэттэ, — что «Комитет содействия Красной Армии» является руководящим органом подпольной организации, но это не соответствует действительности, так как сама подпольная организация называлась «Комитет содействия Красной Армии»»[136]. Каждый подпольщик, входивший в организацию, считался членом «Комитета содействия Красной Армии».

В ходе объединения складывалось и руководящее ядро организации. Оно состояло из руководителей наиболее крупных подпольных групп. В него входили К. Ю. Мэттэ, О. В. Горошко, И. Г. Гуриев, П. И. Крисевич, М. П. Кувшинов, В. Л. Лустенков, И. М. Лысикович, А. И. Рослов, В. П. Харитонов, С. М. Шакуро, В. Д. Швагринов, В. П. Шелюто, А. И. Шубодеров и другие.

В целях конспирации связь руководящего ядра организации с руководителями подпольных групп осуществлял К. Ю. Мэттэ. Со многими из них он поддерживал личные контакты, с другими был связан через П. И. Крисевича, И. М. Лысиковича, А. И. Рослова, В. П. Харитонова и других подпольщиков. Через К. Ю. Мэттэ руководители подпольных групп получали задания командования партизанских отрядов. Подпольные группы имели также

самостоятельные связи с партизанами и передавали им оружие, боеприпасы, переводили к ним людей, получали от них отдельные задания, совершали диверсии, вели политическую работу среди населения.

По неполным данным, только организация «Комитет содействия Красной Армии» объединяла до 400 человек[137]. Но наряду с этой организацией в городе действовали и другие подпольные группы и подпольщики–одиночки, не связанные с «Комитетом».

Подполье в Могилеве росло и крепло. С лета 1942 года Могилевские псдпольщики установили прочные связи с командованием партизанских формирований и частей Красной Армии.

Большая работа была проделана подпольщиками по созданию конспиративных и явочных квартир. Одной из важных конспиративных квартир в 1941 — 1943 годах был дом по ул. Гражданской, 66, принадлежавший О. Н. Карпинской. Здесь часто встречались члены руководящего ядра «Комитета содействия Красной Армии». В этом доме было организовано печатание на пишущей машинке листовок, хранение оружия, медикаментов. Явочными квартирами были и дома Г. С. Трактатовой в районе станции Могилев, О. Н. Живописцевой и других подпольщиков. В переулке имени Чернышевского в доме Г. Д. Родионова собирались подпольщики группы Лысиковича.

По согласованности с К. Ю. Мэттэ и другими подпольщиками В. П. Харитонов добился от городских властей разрешения открыть на Быховском рынке ларёк писчебумажных товаров. Этот ларёк стал местом встреч подпольщиков, средством легального добывания бумаги, копировки и других необходимых для подпольной печати предметов. Вместе с тем ларёк давал средства на подпольные нужды.

Приобретение средств вообще было одной из серьёзных забот подпольщиков. Немало денег, а также продовольствия подпольщики получали через своего человека в торгово–продовольственном отделе горуправьі Н. И. Костюшко. Большую материальную помощь оказывало подпольщикам население. В 1942 году для нужд подпольных организаций был проведён сбор денег среди жителей города.

Много было сделано по обеспечению подпольщиков документами для легального проживания в городе, въезда и выезда из него. Часть подпольщиков работала в оккупационных учреждениях. Используя своё положение, они добывали необходимые документы. Так, подпольщица Л. Живописцева весной 1942 года, работая в управе на заполнении немецких

бланков к паспортам, похитила целую пачку таких бланков с печатью. Таким же путём по заданию подполья добыл несколько десятков чистых бланков немецких удостоверений в Хрепелевской волостной управе А. И. Рослов. С помощью подпольщиков Н. Луговцовой и Н. Соколова руководителю железнодорожной группы О. В. Горошко удалось достать из стола начальника управления Могилевского отделения дороги, немецкого генерала, печать и сделать оттиски на удостоверениях личности[138].

Процесс организационного становления подполья сопровождался развёртыванием активной политической и боевой деятельности подпольных групп. Каждая из них, как правило, начинала свою работу с агитации. На первых порах подпольщики собирали сбрасываемые советскими самолётами листовки «Вести с Советской Родины», переписывали их от руки и распространяли среди населения. Группа С. С. Соболевского сначала срывала фашистские плакаты и приказы, а затем стала писать на них свои лозунги. Например, на плакате «Гитлер—освободитель» подпольщики дописывали: «от работы и хлеба». В сентябре 1941 года подпольщики отремонтировали имевшийся у С. С. Соболевского радиоприёмник. Запрятав его в надёжное место, они стали ежедневно принимать сведения из Москвы, записывать сводки Совинформбюро и на основе этих материалов составлять листовки. К концу 1941 года группа С. С. Соболевского написала и распространила около 150 листовок[139].

Радиоприемники сумели раздобыть и многие другие подпольные группы — Швагринова, Харкевича, Гуриева, Малашкевича. Два радиоприёмника было у группы К. Ю. Мэттэ, которыми ведал П. И. Крисевич. Вскоре группа добыла пишущую машинку, что позволило печатать листовки в большом количестве.

Сильным оружием в разоблачении пропаганды оккупантов были листовки, составлявшиеся на основе сводок Совинформбюро «В последний час». Подпольщики сообщали в этих листовках о разгроме гитлеровских войск под Москвой, под Ростовом–на–Дону, под Тихвином. Но особенно популярной была газета «За Родину», изданием которой «Комитет содействия Красной Армии», по существу, возобновил выпуск газеты «За Родину», выходившей в Могилеве во время его обороны в июле 1941 года. Этим как бы подчёркивалось, что город не покорился, что борьба продолжается. Рассказывая о популярности, которой пользовались листовки и газета «За Родину», К. Ю. Мэттэ впоследствии писал: «Нередки были случаи, когда люди, читая нашу листовку, плакали от радости, ибо они получали хоть маленькую весточку с Советской Родины, к ним обращались свои

люди, жившие в таких же условиях, как и они, внушали им надежду, уверенность в победе, призывали к совместной борьбе против общего врага — немецких захватчиков»[140].

С самого начала агитационная работа подпольщиков приобрела боевой, наступательный характер. Так, газета «За Родину» в апреле 1942 года писала, что фашисты, считающие себя «освободителями», в первую очередь «освобождают» тысячи советских людей от жизни. «На наших глазах, — говорилось в газете, — десятки тысяч военнопленных погибли от голода, тысячи мирных жителей расстреляны и брошены в тюрьму, зверски уничтожены трудящиеся–евреи. Потом нас освободили и освобождают от яиц, масла, кур, поросят, крупного скота и хлеба. Большая часть лошадей угнана в «подводы», из которых ни одна не вернулась, да и хозяева не все возвращаются. Начинают «освободители» освобождать нас и от мужского населения…»[141] В статье «Наш Первомай» (1942 год) газета показывала, что такое «истинный гитлеровский социализм». Это значит, говорилось в газете, что «я работаю, а ты пользуйся и господствуй». Под флагом национал–социализма, разъясняла газета, фашизм защищает наиболее гнусные формы господства империалистической буржуазии, проводит политику уничтожения и порабощения народов СССР[142].

В каждом номере газеты «За Родину» содержались пламенные призывы к усилению борьбы с фашистскими оккупантами. «Крестьяне, рабочие, трудящаяся интеллигенция! — писала газета «За Родину» р. апреле 1942 года. — Вступайте в партизанские отряды, организуйте новые отряды! Докажем всему советскому народу, что и мы не проспали горячих дней, что и мы умеем бить и умеем мстить за поруганную честь нашей Родины, за массовые расстрелы и виселицы, за издевательства, за погибших в немецких лагерях пленных красноармейцев, за все оскорбления, нанесённые оккупантами нашему национальному чувству, за всё, что накипело в наболевшей груди!»[143].

Интересным был ноябрьский номер газеты. Вышел он под общим заголовком «Мы победим» и рассказывал об огромных успехах советских людей в социалистическом строительстве за 25 лет Советской власти. Заканчивалась статья словами, выражавшими твёрдую уверенность в победе Красной Армии: «Братья и сестры наши, находящиеся по ту сторону фронта, мы глубоко уверены, что придёт время, и мы с вами вместе будем праздновать победу над озверелым фашизмом»[144].

Первоначально, в апреле — мае 1942 года, газета «За Родину» печаталась в количестве 300 экземпляров. В июне «Комитет содействия Красной Армии» раздобыл гектограф, и выпуск газеты

сразу удвоился. Она издавалась два–три раза в месяц. Тираж её достигал 800 экземпляров Всего же с апреля 1942 года по март 1943 годэ было выпущено 25 номеров. Общий тираж их составил 10 тысяч экземпляров[145].

Газета и другие агитационные материалы «Комитета содействия Красной Армии» печатались на квартире О. Н. Карпинской. Машинисткой была Таня Карпинская. Нередко в течение ночи она отпечатывала по 200–300 экземпляров различных материалов. Ей помогали мать и двоюродная сестра Тани — Женя Слезкина. В начале 1942 года к печатанию листовок была привлечена подпольщица Г. А. Козлова. Делала она это прямо на работе — в городской управе. Так продолжалось до её ареста в декабре 1942 года. Патриотка с исключительной стойкостью вела себя на допросах, сумела сообщить на волю, кто её предал, и мужественно приняла смерть от гестаповских палачей. Листовки на гектографе печатали подпольщики Д. И. Дервоедов, В. П. Шелюто и другие.

Газета «За Родину» широко распространялась по городу, проникала во все учреждения, в полицейские формирования, доставлялась подпольщиками в Могилевский, Шкловский, Белыничский и Березинский районы области. Распространение агитационных материалов всегда было сопряжено со смертельным риском и требовало от подпольщиков много смекалки и дерзости. Листовки раздавались доверенным лицам по принципу «прочитал — передай другому», расклеивались на домах и заборах, разбрасывались на базарах, в кино, церквах. Подпольщик Н. А. Лихунов впоследствии писал: «Неоднократно мною расклеивались листовки в здании и на здании управления бургомистра Могилевского района, в здании городской управы, на стенках хлебных магазинов в районе ст. Могилев-1, разбрасывались в зрительном зале и фойе городского театра, на базаре, около кинотеатра и в других общественных местах».

Смело распространял листовки комсомолец Л. Лорченко. Одну из листовок он наклеил под портретом Гитлера у парадного входа пересыльного пункта отправки молодёжи в Германию. В канун 7 ноября 1942 года вместе с другом В. Балло прикрепил на стене сгоревшего дома между вторым и третьим этажом плакат с поздравлением советских людей с 25–й годовщиной Великого Октября. Использовал он и такой способ: клал листовки в коробки со спичками и продавал их на базаре. Однажды Лорченко выменял у немецких солдат на яйца 50 коробок спичек, вложил в них листовки и за полцены сбыл «дефицитный товар» спекулянту Жбану, имевшему свой ларёк. «Товар» разошёлся быстро. Но вскоре бесследно исчез и спекулянт.

Оригинальный способ переноски листовок придумал Д. И. Дервоедов. Подпольщики носили их в портретах немецких офицеров, которые мастерски рисовал Дервоедов. «Между двумя полотнами портрета, — вспоминает подпольщик В. А. Смирнов, — мы укладывали листовки, которые я доставлял через весь город, минуя вражеские патрули, в места назначения… Останавливает патруль, требует документы. Лезешь в карман, и в это время с портрета спадает обвёртка. Портрет привлекает внимание патрулей, его рассматривают, что-то спрашивают, говорят между собой, внимание к проверке документов ослабевает, затем раздаётся «гут, гут», возвращаются документы, и я свободно следую дальше». С большим риском и самопожертвованием переносила листовки, а иногда и мины ближайшая помощница К. Ю. Мэттэ — его жена Софья Филициановна. Часто она брала своего грудного сынишку, закутывала его в пелёнки и одеяльце, между которыми клала листовки или мины, и бесстрашно шла с ним по намеченным явкам — к Крисевичу, Могилевец–Чулицкой, Карпинской, Лысиковичу, Заустинскому, Кувшинову и другим.

Подпольщики срывали многие агитационные мероприятия оккупантов. Так, например, весной 1942 года в Могилеве повсеместно были расклеены портреты Гитлера с надписью «Гитлер — освободитель». Подпольщики из группы Гуриева Е. Евдокименко и Г. Ндирадзе за одну ночь на портретах зачеркнули слово «освободитель» и написали слово «душитель». После этого портреты фашистского фюрера на улицах города больше не появлялись.

Агитационная работа подпольщиков играла большую роль в мобилизации масс на борьбу с захватчиками, укрепляла веру населения в победу Красной Армии. «С течением времени, — писал в своём отчёте К. Ю. Мэттэ в 1943 году, — большая часть населения совсем перестала верить немецким сводкам, а, наоборот, высмеивала их»[146].

Подпольщики неуклонно расширяли свои связи с партизанскими формированиями. Уже с весны 1942 года на всей оккупированной фашистами территории Белоруссии, включая и ближайшие к Могилеву районы, оперировали партизанские отряды и группы. В Белыничском районе развёртывал боевую деятельность отряд под командованием Н. Д. Аверьянова, в Могилевском районе — отряды под командованием К. М. Белоусова, М. И. Абрамова, Г. К. Павлова. В июне 1942 года эти отряды связались с отрядом полковника В. И. Ничипоровича, действовавшего в Кличевском районе и имевшего связь с командованием Западного фронта. Тогда же под командованием

В. И. Ничипоровича создался Кличевский оперативный центр по руководству партизанскими формированиями в Могилевской области.

Еще в марте 1942 года с отрядом К. М. Белоусова связался руководитель подпольной группы А. И. Шубодеров через работника бывшей Гуслищанской МТС И. Е. Буякова. 1 мая с Шубодеровым на автомашине выехали из города к Буякову секретарь Кричевского райкома партии И. П. Станкевич (он проживал в городе у своего брата В. П. по болезни) и М. А. Павлов. В дальнейшем И. П. Станкевич, назначенный комиссаром отряда Н. Д. Аверьянова, установил с подпольщиками более широкие связи.

В конце мая 1942 года по заданию С. С. Соболевского подпольщик И. Неведомский связался с партизанским отрядом К. М. Белоусова. В июне к К. М. Белоусову прибыли для связи по заданию К. Ю. Мэттэ подпольщицы Е. Слезкина и С. В. Каманская. Осенью 1942 года была установлена связь с десантной группой майора Наумовича, действовавшей в Могилевском и Белыничском районах.

С установлением связей с партизанами, а затем через майора Наумовича с командованием Западного фронта деятельность «Комитета содействия Красной Армии» и Могилевского подполья в целом приобрела ещё большую целенаправленность.

Важным направлением работы подпольщиков стала непосредственная помощь партизанам. Они добывали и доставляли в партизанские отряды оружие и боеприпасы, медикаменты, продукты и одежду, направляли им из города пополнение. Сбор оружия и боеприпасов подпольщики начали ещё в первые дни вражеской оккупации Могилева, в конце июля 1941 года. Например, комсомольцы С. Соболевский, И. Неведомский и А. Дмитриев ещё в первые дни прихода гитлеровцев в город спрятали 3 винтовки, 14 гранат, 3 нагана, 4 ящика патронов. Группа И. Г. Гуриева собрала разными путями 3 пулемёта, 10 винтовок, большое количество боеприпасов и медикаментов. Подпольщику С. В. Шуйскому обманным путём удалось добыть из немецкого склада 18 винтовок и 11 автоматов, а В. В. Стрнжевский по заданию руководства «Комитета содействия Красной Армии» разыскал склад тола в районе Любужа, оставленный частями Красной Армии. По свидетельству В. Д. Швагринова, член его группы Ю. Линкус (Липшиц) добыл 2 ручных пулемёта, В. Тарвид — 5 винтовок и 1 ручной пулемёт, В. А. Смирнов — 9 винтовок, 3 пистолета, 5 тысяч патронов, 2 ящика гранат, 2 ящика тола. Сам В. Д. Швагринов достал 2 автомата, несколько винтовок и даже миномёт[147]. Всего с весны 1942 года

по март 1943 года подпольщики Могилева только через «Комитет содействия Красной Армии» передали партизанам: 1 ротный миномёт, около 500 мин и разных снарядов, 2 станковых пулемёта и свыше 50 ручных пулемётов, более 500 винтовок, 40 автоматов и 200 килограммов тола, свыше 100 тысяч разных патронов, 300 наганов и пистолетов, 1000 гранат и 1000 запалов. За это же время подпольщики передали партизанам 100 компасов, 7 пишущих машинок, более чем на 500 тысяч рублей медикаментов, хирургических инструментов, большое количество кожевенных товаров, табаку, мыла[148].

Особенно остро ощущался в партизанских отрядах недостаток соли. Поэтому добычу соли подпольщики приравнивали к добыче оружия. Они скупали её у спекулянтов, получали на складах оккупантов. Так, подпольщица Е. Альшаник сумела получить через заведующего немецким складом 30 пудов соли. Ей удалось связаться с начальником и другого немецкого склада — офицером Рудольфом Вебером, чехом по национальности. Через него подпольщики трижды получали на этом складе соль — всего около 80 пудов. Вебер передал И. С. Малашкевичу также автомат, две винтовки и бинокль. Соль отпускалась для партизан и со склада на Комсомольской улице по запискам заведующего торгово–продовольственным отделом городской управы подпольщика Н. И. Костюшко. Всего с весны 1942 года по март 1943 года Могилевские подпольщики доставили партизанским отрядам свыше 20 тонн соли[149].

Переправка собранного оружия, боеприпасов и продовольствия в партизанские отряды была очень сложным делом. Оккупанты тщательно проверяли всех, кто выходил из города. Подпольщики широко использовали специально изготовленные ими арбы с двойным дном. Только узкому кругу было известно, что Иван Неведомский, а иногда Онуфрий Кононов и Антонина Малашкевич в обыкновенных на вид арбах перевозили партизанам оружие, боеприпасы, медикаменты. Никто не подозревал, что пожилая женщина — К. Е. Новикова, которая часто ходила по городу с корзинкой, носила в ней под продуктами патроны. На окраине города она передавала их своему сыну М. Я. Новикову, а он — партизанам. А. И. Шубодеров и В. П. Станкевич неоднократно вывозили из города оружие и боеприпасы на немецких автомашинах.

Почти все подпольные группы подбирали и переправляли в партизанские отряды пополнение. Только группа С. Л. Климентовича организовала побег к партизанам 67 советских военнопленных, работавших на фабрике искусственного волокна. Вместе с ними с оружием ушли и

конвоиры полицейские. Другая группа направила к партизанам 28 человек из казачьей части, сформированной гитлеровцами для борьбы с партизанским движением. Около 15 человек вывел к партизанам подпольщик А. Ф. Денисенко. Подпольщик В. И. Лусто переправил в партизанские отряды 36 советских военнопленных, использовавшихся оккупантами на различных хозяйственных работах. Всего с весны 1942 года по март 1943 года в партизанские отряды было направлено около 200 человек. Многим из них выдавались рекомендации: «Товарищ (далее следовали фамилия, имя и отчество. — *Авт.)* является членом организации. Он принимал активное участие в борьбе с немецкими захватчиками и своей работой принёс большую пользу Советской Родине. Организация просит командование десантно–партизанскими отрядами принять его в свой отряд и оказать доверие в деле, касающемся нас. Если потребуются дополнительные сведения, то дошлём особо.

«Комитет содействия Красной Армии»»[150].

Одним из важнейших направлений деятельности могилевских подпольщиков был сбор сведений о противнике для командования партизанских формирований и частей Красной Армии. Они следили за передвижением воинских частей противника по железной дороге и в самом городе, устраивались на работу в оккупационные учреждения и там узнавали о планах врага, об укреплениях вокруг города. Так, подпольщица Г. А. Козлова была секретарём медицинского отдела городской управы. Таня Карпинская по заданию «Комитета содействия Красной Армии» поступила на работу учётчицей в торгово–продовольственный отдел городской управы, а затем была диК. тором радиоузла. А. А. Иванову подпольщики устроили бухгалтером в могилёвское управление уголовно–розыскной полиции и СД. А. И. Шубодеров работал в Могилевской районной управе и занимался машинно–тракторными мастерскими. Некоторые подпольщики устроились на хозяйственные работы в немецкие воинские части, а М. И. Азаренок и М. М. Назарова — уборщицами в здании гестапо.

Группа В. Д. Швагринова разделила весь город на зоны. Каждый член группы вёл наблюдение за закреплённой за ним зоной. Член группы В. А. Смирнов, устроившись на хлебозаводе пекарем, устанавливал нумерацию и наименование воинских частей, которые получали хлеб с завода, отмечал их прибытие и убытие. Наиболее ценные и достоверные данные о противнике и его намерениях доставляла подпольщица А. А. Иванова, работавшая бухгалтером в управлении полиции. Она составляла списки личного состава управления розыскной полиции и СД,

предупреждала подпольщиков о готовившихся арестах и т. д. На основании поступавших от членов группы данных подпольщики Смирнов и Костелов составляли подробные схемы дислокации немецких воинских частей и учреждений.

Широкую разведку движения вражеских эшелонов через Могилев, огневых точек и всей системы укреплений вокруг города вела группа подпольщиков–железнодорожников. Подпольщики устроили на работу в управление отделения дорог Н. М. Луговцову и Н. А. Соколова, которые систематически снимали копии с карт и чертежей, где наносили места огневых точек и оборонительных укреплений фашистов.

Столь же активно вели разведывательную работу и другие подпольные группы. Добывавшиеся подпольщиками сведения передавались руководству «Комитета содействия Красной Армии» и через него командованию партизанских формирований.

Кроме того, Могилевские подпольщики в 1942–1943 годах имели возможность передавать данные разведки непосредственно штабам армий Западного фронта. В июне 1942 года от штаба 10–й армии прибыли в город с явкой к В. П. Станкевичу советские разведчицы Г. М. Карманникова, Н. Колохова и В. Кудинская. Подпольщики помогли им собрать необходимые данные, снабдили картой–схемой Могилева с нанесёнными на ней вражескими военными объектами и помогли выбраться из города[151]. С декабря 1942 года по июнь 1943 года в Могилеве находились с рацией разведчицы Красной Армии М. Зотова (Вера) и А. Анисимова. Рация М. Зотовой была установлена на квартире подпольщика М. Я. Новикова, проживавшего в Чапаевском посёлке. Руководство «Комитета содействия Красной Армии» регулярно передавало Новикову через его жену Марию Петровну и мать Ксению Ефимовну сведения для передачи по рации в штаб фронта. По данным подпольщиков 25 мая 1943 года был произведён массированный налёт советской авиации на военные объекты в Могилеве. В результате многие из них были разрушены.

Собранные подпольщиками сведения регулярно передавались через партизанские отряды также уполномоченному ЦК КП(б)Б по Могилевской области И. М. Карловичу. В дальнейшем эти сведения систематически поступали в Центральный и Белорусский штабы партизанского движения. Так, например, 11 февраля 1943 года Центральный штаб партизанского движения радиограммой запросил у командира Кличевского оперативного центра сведения об оборонительных сооружениях в Могилеве и вокруг него в радиусе 8–10 километров. «При первой возможности, — говорилось в радиограмме, — выслать схему или

карту с нанесением оборонительных сооружений и объяснительную записку»[152]. Уже к 13 февраля «Комитет содействия Красной Армии» передал партизанам «Сведения о размещении некоторых укреплений по Днепру в районе г. Могилева», а 17 февраля послал им «Сведения об укреплениях на правой стороне Днепра по состоянию на 16 февраля 1943 года»[153].

Широкий размах приобрела боевая деятельность подпольщиков. Особенно интенсивно она велась на железной дороге. В конце 1941 года комсомолка Н. В. Черепанова на станции Могилев-1 развинтила рельсы — паровоз с тремя вагонами потерпел крушение. В августе 1942 года подпольщик С. В. Шумский поджёг на станции Могилев воинский эшелон. Сгорели три вагона с оружием и боеприпасами. Летом того же года на станции Могилев-2 подпольщики И. Г. Гуриев, Г. М. Бойко, П. И. Ралдугин и Г. А. Захарян подожгли другой воинский эшелон. Через некоторое время Г. М. Бойко на той же станции прикрепил мину под раму платформы с танком. Взрывом было повреждено несколько платформ и вагонов. Тем же летом О. В. Горошко и Г. В. Томков среди бела дня подожгли пакгауз, в котором хранились различные приборы, оборудование и документация, а П. И. Белько–Анисович поджёг паровозное депо, где в это время находилось шесть паровозов. В конце 1942 года члены этой же группы заморозили на станции водонапорные колонки. Оккупанты вынуждены были гонять паровозы за водой в Шклов и на другие станции. Диверсии на железной дороге совершались беспрерывно. Там почти ежедневно происходили взрывы, пожары, крушения.

Систематические диверсии совершались на предприятиях, работавших на гитлеровскую армию. Так, на фабрике искусственного волокна подпольщики в 1942 году поломали и залили серной кислотой оставшееся оборудование, повредили подземный кабель, сожгли водоумягчительную станцию, дважды выводили из строя котлы ТЭЦ[154]. На той же фабрике летом 1942 года подпольщик С. Л. Климентович вместе с работавшими там военнопленными во время чистки котла засыпал в его трубы соду. В результате котёл вышел из строя. Подпольщики М. М. Евтихиев и В. А. Смирнов срывали работу по выпечке хлеба для немецкой армии. Монтер П. Минченко из подпольной группы Гуриева неоднократно выводил из строя трансформаторную будку. На шорной фабрике подпольщики портили кожу и изготовляли недоброкачественную продукцию. Группа А. И. Шубодерова вывела из строя 30 тракторов, использовавшихся на ремонте дорог, портила оборудование тракторных мастерских,

уничтожала или передавала партизанам бензин.

Важнейшими объектами диверсионной деятельности подпольщиков являлись склады с горючим, боеприпасами и техникой. В ноябре 1942 года подпольщик А. Ф. Денисенко поджёг склад горючего и гараж с автомашинами на Первомайской улице, 90. В результате было уничтожено 15–20 тонн бензина, 12 автомашин, 2 трактора, один средний танк, склад шин для автомашин и много другого военного имущества. В декабре подпольщик В. Готвальд, работавший оружейником в немецкой школе офицеров, установил мину на складе боеприпасов, находившемся на первом этаже школы. В результате взрыва было разрушено перекрытие между первым и вторым этажом. В январе 1942 года подпольщик М. М. Евтихиев организовал поджог квартир немецких офицеров в районе хлебозавода.

Смелую операцию провели летом 1942 года подпольщики Г. Востриков и В(А. Смирнов. В центре города, на Первомайской улице, размещался штаб немецкой воинской части. Востриков и Смирнов наблюдали за ним из полуразрушенного здания на противоположной стороне улицы. Просматривая подходы к штабу, они обратили внимание на телефонный кабель. Он тянулся к штабу мимо дома, из которого вели наблюдение подпольщики, и был закреплён на его стене около лестничной клетки. Кабель под углом через улицу спускался во двор штаба, где был закреплён за столб в центре навеса, а от него тянулся в дом. «Мы придумали, — вспоминает В. А. Смирнов, — пустить по кабелю подвеску, которая на роликах должна была доставить во двор штаба головый заряд. В то время мы располагали всего лишь шестью шашками по 400 граммов. В три из них для верности вставили по взрывателю. В один из вечеров, когда стемнело, мы выполнили свой план. Подвеска сработала хорошо, взрыв произошёл в гуще автомашин. Взрыв был очень сильным, и нам показалось, что там на месте что-то ещё взорвалось от детонации»[155].

На следующий день штаба уже не было, а на его месте валялось 5 обгоревших машин.

Подпольщики уничтожали гитлеровцев прямо на улицах города. В августе 1942 года Ф. П. Даниленко и М. М. Фролов убили двух немецких офицеров на Виленской улице.

Большую работу вели подпольщики по разложению полиции и других вспомогательных формирований оккупантов. Зимой 1942/43 года фашисты начали усиленно призывать молодёжь к вступлению в так называемую «русскую освободительную армию» (РОА). В Могилев прибыл сам «глава» этой «армии», гнусный предатель Родины Власов. «Комитет содействия Красной Армии»

выпустил и распространил листовку с разоблачением РОА. 28 февраля 1943 года по распоряжению коменданта в зале кинотеатра «Чырвоная зорка» было созвано собрание населения. Подпольщики разбросали в зале около 100 листовок с сообщениями о разгроме фашистских войск под Сталинградом. Несколько листовок попало на стол президиума. Воспользовавшись замешательством, подпольщик Г. Захарян незаметно наклеил на спину полицейскому карикатуру «Гитлеру–душителю капут!». Подпольщик Захаренко сорвал радиопередачу доклада немецкого майора из зала кинотеатра[156]. В результате собрание, по сути, было сорвано. Провалилась и вся кампания по вербовке населения в РОА.

В районе Полыковичского шоссе в Могилеве размещался полицейский батальон, состоявший в основном из насильственно мобилизованных людей, проживавших в районах Могилевской области. Подпольная группа А. И. Рослова развернула в этом батальоне политическую работу. Подпольщик Н. А. Лихунов вместе с родственниками солдат проникал в расположение батальона и распространял там листовки. Вскоре в батальоне образовалась подпольная группа из пяти человек. За короткое время она увеличилась до 14 человек. Возглавлял группу насильно мобилизованный в полицию комсомолец Н. С. Матюшин. Группа срывала мероприятия командования, доставала и передавала подпольщикам гранаты и патроны, вела подготовку к переходу личного состава батальона к партизанам. Когда батальон был направлен в карательную экспедицию, подпольная группа и с нею ещё 27 человек с полным вооружением перешли к партизанам[157].

Подпольщики Н. А. Рыжков, М. С. Мазников, И. И. Гоноров под руководством представителя партизан М. А. Павлова подготовили разгром пашковского гарнизона противника. 65 партизан из 6–й партизанской бригады в ночь на 11 февраля 1943 года скрытно подошли к посёлку. С помощью подпольщиков был снят караул и внезапным нападением уничтожен весь командный состав гарнизона — 38 немецких офицеров. Находившийся в гарнизоне полицейский батальон почти в полном составе (250 человек) со всем вооружением перешёл на сторону партизан. Это вызвало у немецкого командования недоверие к остальным двум батальонам. Они были разоружены и расформированы[158].

Подпольщики успешно вели агитационную работу среди австрийских солдат и офицеров. Группа подпольщиков на авторемонтном заводе сумела распропагандировать значительное число солдат австрийской части, снабдила их большим количеством листовок на немецком языке для проведения

агитационной работы против гитлеровцев на фронте.

Среди австрийцев были активные антифашисты — член Австрийской компартии унтер–офицер Фридрих Пиетцка и солдат Отто Никель. Ф. Пиетцка сам настойчиво искал связей с подпольем. Он стал посещать квартиру руководителя подпольной группы на авторемзаводе Харкевича.

Получив сообщение об этом, комиссар партизанского отряда № 600 И. П. Станкевич поручил подпольщикам проверить искренность Пиетцки. Порученные задания были им выполнены, и Фридрих Пиетцка активно включился в деятельность подполья. На квартире подпольщика Батуро он вместе с Отто Никелем писал листовки для солдат и офицеров своей части. Они добыли и передали для партизан 3,5 пуда взрывчатки, 25 гранат, 3 пачки подрывных капсюлей, бикфордов шнур, много патронов и бинтов[159].

Когда часть, в которой служили Пиетцка и Никель, получила назначение передислоцироваться в другое место, они ушли в партизанский отряд. Вспоминая об этом, Пиетцка писал, что 17 марта 1943 года он покинул своё подразделение и направился в условленное место — на базар. Вслед за ним пошёл и Отто Никель. «И вдруг, —писал Ф. Пиетцка, — мы увидели Леонова. Переодетый в крестьянскую одежду, с мешком за плечами, он медленно прошёл около нас и направился к выходу. Мы — следом. Как было условлено, в черте города мы должны были «конвоировать» товарища Леонова. Конвоируя, я держал на изготовку автомат, Отто — револьвер и гранаты. Быстро шагая, мы прошли западную часть города, и тут я заметил, что, кроме Леонова, впереди идут ещё несколько человек… К вечеру мы подошли к лесу… Скоро мы впервые увидели партизанского часового с красной лентой на шапке и ручным пулемётом в руках»[160].

Деятельность подпольщиков приводила в неистовство захватчиков. С первых же дней оккупации в городе действовала зондеркоманда СД-8. Ей фактически была подчинена городская полиция, созданная фашистами из изменников. Однако сил зондеркоманды СД-8 и полиции явно не хватало. Подполье росло. Удары его по захватчикам становились все ощутимее. В связи с этим в июне 1942 года оккупанты сформировали действовавший под руководством зондеркоманды СД-8 специальный орган для борьбы с подпольем — управление государственной уголовно–розыскной полиции и СД во главе с изменниками Родины Лазаренко и Чернявским[161]. В этот орган были подобраны матёрые враги советского народа, изощрённые садисты. Захватчики не брезговали даже уголовниками, поручая им охрану

своих «государственных интересов». Весь этот сброд, облечённый «доверием немецкого командования», ревностно занимался своим черным делом. Для поощрения изменников был издан секретный приказ, объявлявший вознаграждение по нескольку тысяч марок за поимку каждого активного члена «Комитета содействия Красной Армии»[162].

Для выявления и ликвидации «Комитета содействия Красной Армии» была создана специальная группа. В неё вошли от СД Кульман, Елена Босс и следователь Костин.

Преследование подпольщиков усилилось. В августе 1942 года с помощью агентов гестапо и провокаторов оккупанты раскрыли подпольную группу, возглавляемую В. Морозовым. В «Сообщении из занятых восточных областей» полиция безопасности и СД от 28 августа 1942 года доносила в Берлин: «Обезврежено 54 коммуниста-функционера, агентов НКВД и саботажников»[163].

В октябре 1942 года оккупантам удалось раскрыть подпольную группу на фабрике искусственного волокна с помощью агента полиции безопасности и СД Гельман. До войны он работал на фабрике заведующим инструментальной. Изменник втёрся в доверие к отдельным подпольщикам и установил имена руководителей подпольной группы — С. Д. Гусакова и С. С. Соболевского, а также некоторых её активных членов. 9 октября 1942 года Гусаков, Соболевский и около 15 человек других подпольщиков были арестованы. Вскоре в руки гестаповцев попали связанные с этой группой подпольщики Д. И. Дервоедов, Г. А. Козлова, Деревяжкин, Зверев, Соловьева и другие. Арестованных жестоко пытали: содержали в наполненных водой подвальных помещениях, подвешивали за руки, связанные за спиной, избивали до потери сознания, насильно заставляли после избиений пить густой солёный раствор. Патриоты мужественно вынесли нечеловеческие муки и погибли как герои.

Оставшиеся на воле подпольщики прилагали все усилия к тому, чтобы вызволить своих товарищей из фашистского застенка. В «Комитете содействия Красной Армии» строились всевозможные планы. Был принят вариант, предложенный В. И. Барчуком, работавшим в тюрьме слесарем–водопроводчиком. Для операции был выбран день рождества. Вечером 24 декабря 1942 года В. И. Варчук, вооружившись двумя пистолетами и молотком, беспрепятственно вошёл в тюрьму. На первом этаже в дежурной комнате пили вино трое гитлеровцев. Под предлогом осмотра водопроводных труб Варчук попросил пропустить его на второй этаж, где находились камеры заключённых. В это время двое пьяных полицейских с помощью заключённых, в числе которых был подпольщик Н. В. Марков,

раздавали баланду. В. И. Варчук передал ему пистолет. Улучив момент, Варчук молотком убил полицейских. Забрав у них наганы и ключи, Варчук и Марков открыли двери ближайших камер. Находившиеся в них подпольщики открыли другие камеры, а Варчук и Марков спустились на первый этаж, где дежурили гитлеровцы. Уничтожив их, Варчук и Марков вместе с прибежавшими С. Гусаковым, С. Соболевским, Н. Галушкиным и другими подпольщиками стали сжигать следственные документы. Барчук дал команду выходить всем из тюрьмы. Оказавшись на свободе, узники стали разбегаться в разные стороны. Но тут случилось неожиданное. Поскользнулся Марков. У него случайно получился выстрел из автомата. Он был услышан в воинской части, размещавшейся рядом с тюрьмой. Фашисты поднялись по боевой тревоге и организовали погоню. Часть бежавших была схвачена и расстреляна. Барчуку, Соболевскому, Гусакову, Маркову и другим удалось добраться до партизан[164].

Взбешенные этой дерзостью, гестаповцы с ещё большим остервенением ринулись на поиски подполья. В связи с угрозой провала в декабре 1942 года ушли в партизанские отряды члены «Комитета содействия Красной Армии» А. И. Шубодеров и В. П. Станкевич, в январе 1943 года — В. Д. Швагринов. В. А. Смирнов и некоторые другие подпольщики.

До конца 1942 года оккупантам не удалось нанести сколько-нибудь серьёзный ущерб городскому подполью. И лишь после того как они буквально наводнили город опытными агентами и провокаторами, в декабре 1942 года ими были схвачены Г. П. Савкин из группы А. И. Шубодерова, П. Зохан из группы В. П. Шелюто, в январе 1943 года — Г. Ндирадзе из группы Гуриева, в феврале — Шутов, Г. Захарян, И. М. Лысикович и другие. Аресты усилились. В марте 1943 года были схвачены Г. Коростелин, А. Е. Пынтиков. 8 марта 1943 года были арестованы Г. Д. Родионов, М. М. Фролов, его мать и отец, О. Н. Карпинская и её дочь Татьяна.

Но и в фашистских застенках подпольщики продолжали мужественную борьбу с оккупантами. За несколько дней до смерти И. М. Лысикович передал из тюрьмы записку, адресованную матери: «Мама, не плачь. Мы все идём за Родину»[165]. Георгий Родионов и Михаил Фролов при обмене белья сумели передать родным записку, в которой сообщили, кто их предал. Незадолго перед казнью Г. Д. Родионов в переданной жене записке просил: «Рая, в сарае под плитой лежат карандаши, забери». В этом месте Раиса Злобина, жена Г. Д. Родионова, нашла 8 гранат, 2 пистолета, 1 ящик патронов, капсюли, бинокль. Все это она передала партизанам.

Стойко держались О. Н. Карпинская и её дочь Татьяна. Как позже показал на следствии бывший немецкий переводчик Р. Г. Вертенбергер, мать и дочь Карпинские подвергались следователями Кульманом и Костиным жестоким избиениям. Таню Карпинскую неоднократно подвешивали за руки. Карпинские не сказали ни слова карателям даже тогда, когда на их квартире была обнаружена пишущая машинка, а на чердаке — несколько шашек тола. Ольгу Николаевну фашисты привозили домой, чтобы на месте уличить её в причастности к подполью. Очевидица этого факта соседка Карпинской З. П. Круптова–Кирпиченко позже рассказывала: «Она была без обуви, без платка на голове. Одета в платье, от которого остались одни лохмотья. Оно с трудом закрывало тело. Карпинская Ольга была очень худой, вид измученный, усталый»[166].

М. Ю. Мэттэ с большим уважением отзывался о Карпинских. Особенно высоко ценил он работу Татьяны. «Комсомолка Таня Карпинская, — писал он, — в процессе работы стала образцом преданности, работоспособности, выдержки и ума. Она принесла своей работой неоценимую пользу нашей Родине»[167].

Мужественно вёл себя в тюрьме Генрих Захарян. Стойко выдерживая пытки, он не переставал заботиться о товарищах на воле. Лизе Евдокименко, которая приносила ему пищу, он передал свои часы, на которых выцарапал предупреждение: «Казбек, Старухи берегись. Уходи. Не бойтесь». Это письмо было адресовано И. Г. Гуриеву, носившему кличку Казбек. Г. Захарян предупреждал друга в отношении его соседки, которую считал агентом гестапо. Фашисты прострелили Г. Захаряну обе руки разрывными пулями, голым бросали в ледяной подвал. Но каждый раз патриот говорил им: «Вы меня можете убить одного, но всех не убьёте, нас очень много». 6 марта 1943 года Генрих Захарян мученически погиб[168].

Угроза ареста нависла и над И. Г. Гуриевым. Но прежде чем уйти к партизанам, он со своей группой провёл дерзкую операцию по уничтожению немецкой охраны госпиталя и уводу в партизанский отряд медицинского персонала и способных двигаться раненых советских бойцов. «В 11 часов вечера 13 марта 1943 года, —писал впоследствии И. Г. Гуриев, — мы уничтожили охрану госпиталя, забрали её оружие, боеприпасы и ушли в партизаны… Мы увели с собой в партизаны медицинский персонал и ходячих раненых. Тогда вместе с нами прибыло в партизаны человек 70–80»[169]. Оккупационные власти в «Сообщении из занятых восточных областей» № 52 за март 1943 года вынуждены были доложить в Берлин: «В городе Могилеве проводится большая пропаганда среди служащих полиции и

национальных легионов. В результате этой пропаганды в госпитале военнопленных гор. Могилева вспыхнуло восстание, в ходе которого 1/4 часть немецкой охраны была зверски убита. 41 человек русских, работавших в госпитале в качестве врачей, фельдшеров, рабочих и сторожей, бежали в партизаны»[170].

В начале марта 1943 года в связи с угрозой ареста вынуждены были уйти к партизанам К. Ю. Мэттэ и большинство других членов «Комитета содействия Красной Армии». Но это не ослабило подпольной борьбы могилевских подпольщиков. Теперь руководство этой борьбой стало осуществляться из партизанской зоны, что ещё больше связывало подполье с партизанскими формированиями.

К. Ю. Мэттэ находился в партизанском отряде № 600, действовавшем в Могилевском районе. В контакте с командованием отряда (командир Г. Ф. Медников, комиссар И. П. Станкевич) он продолжал руководить подпольными группами в городе. По его заданию в город систематически ходили связные Т. Л. Громыко и И. А. Козлова.

* * *

Решения V пленума ЦК КП(б)Б, который состоялся 26–28 февраля 1943 года в Москве, вдохновили партизан на новые боевые дела. Пленум подвёл некоторые итоги партизанского движения в Белоруссии за полтора года и определил дальнейшие задачи партийного руководства этим движением. В решениях пленума особое внимание было обращено на необходимость улучшения организации подпольной борьбы в городах, рабочих посёлках и на железнодорожных станциях. Перед партийными организациями и партизанскими отрядами была поставлена задача решительно усилить проникновение в крупные населённые пункты. Вместе с тем пленум предупреждал от попыток создавать в городах слишком широкие подпольные организации, которые в большей мере подвержены опасности провала. В решениях пленума рекомендовалось практиковать в городах работу подпольщиков–одиночек и небольших, глубоко законспирированных подпольных групп, направляемых соответствующим уполномоченным парторганов. Пленум указал также на необходимость развития оправдавшего себя на опыте принципа функционального построения подпольной работы, то есть когда каждый подпольщик выполняет только свою задачу. «Только при этих условиях, — отмечалось в решении пленума, — у людей могут появиться глубокие навыки, выработаться техника

борьбы и могут появиться настоящие виртуозы своего дела»[171].

12 апреля 1943 года ЦК КП(б)Б образовал Могилевский подпольный обком партии. Его секретарём был утверждён Д. С. Мовчанский, работавший до войны вторым секретарём Могилевского обкома партии.

Подпольный обком КП(б)Б с самого начала своей деятельности уделял серьёзное внимание подпольной работе в Могилеве. Была установлена личная связь с К. Ю. Мэттэ, продолжавшим возглавлять подпольную сеть в городе. Секретарь обкома партии Д. С. Мовчанский 23 апреля 1943 года писал в ЦК КП(б)Б: «С городом Могилевом имеются большие связи через товарищей Станкевича и Мэттэ»[172].

В Могилеве до лета 1943 года действовали подпольные группы «Комитета содействия Красной Армии» под руководством О. В. Горошко, А. П. Заустинского, А. Г. Зоциева, А. А. Ивановой, М. П. Кувшинова, В. И. Лусто, С. М. Шакуро и других. Однако поддерживать связь с этими группами становилось все труднее. Фашистские контрразведывательные органы наносили все новые удары по подполью. Начавшиеся в марте 1943 года массовые аресты подпольщиков развернулись с новой силой весной и летом 1943 года.

1 мая 1943 года подпольщица С. В. Каманская, прибыв в партизанский отряд № 600, доложила об аресте гестаповцами П. И. Крисевича, заменившего в городе К. Ю. Мэттэ. В дальнейшем произошли ещё более печальные события. 4 мая 1943 года был арестован завхоз городской больницы Бабаев (он же Запольский). Ему были известны некоторые подпольщики и их связи. Испугавшись угроз, Бабаев пошёл на предательство. 9–10 мая по его показаниям были арестованы врачи М. П. Кувшинов, С. А. Мельник, С. В. Мормулевский, К. А. Влагина, заведующая кухней больницы А. Петрова, кухарка Е. Лемешкова, группа рабочих–подпольщиков. Выполнив своё гнусное дело, Бабаев вышел на свободу.

В мае 1943 года фашистам удалось раскрыть подпольную группу в Любуже, руководимую В. Л. Лустенковым. Вместе с ним было арестовано 17 человек. Из них 10 человек, в том числе В. Л. Лустенков и П. П. Балашенко, были замучены в тюрьме. В это же время в руки гестаповцев попали ближайшие помощники П. И. Крисевича — связная с партизанами и с К. Ю. Мэттэ С. В. Каманская, а также Т. И Шабанская и М. А. Цыбулькина. Вскоре в тюрьму были заключены дети Шабанской и Цыбулькиной. Летом 1943 года потерпели провал подпольные группы железнодорожников. Фашисты арестовали О. Н. Живописцеву, О. В. Горошко, Бакшина, П. В. Дракова, В, М

Процкого, Г. В. Томкова, В. П. Храменкова, Н. В. Черепанову. Были арестованы подпольщики Антиошко, С. Н. Борисенко, А. П. Заустинский и его жена, мать П. И. Крисевича Елена Даниловна, В Магденко, Э. К. Мазникова, А. Ф. Могилевец–Чулицкая, К Чулицкая, М. Я. Новиков и его мать К. Е. Новикова, И. Т. Прибыток, Радкевич, А. В. Романова, В. Г. Хмельницкий и другие.

Гитлеровцы обрушили на арестованных весь арсенал своих самых изощрённых истязаний. Сын подпольщицы Т. И. Шабанской Э. М. Шабаиский (ему было тогда 15 лет), находившийся в тюрьме вместе со своим восьмилетним братом Эрнстом, впоследствии рассказывал: «Почти все арестованные возвращались с допросов избитыми. Некоторых арестованных с допросов приносили, так как они от избиений не могли самостоятельно идти»[173]. Большинство подпольщиков с исключительным мужеством переносило пытки. А. Ф. Могилевец–Чулицкая на допросе плюнула в лицо фашистскому следователю и бросила в него чернильницу, Э. К. Мазникова, схваченная гестаповцами с двумя грудными детьми–близнецами, после изуверских истязаний погибла вместе со своими детьми[174].

Вот что показал бывший следователь СД Семенюк. Он вёл следственное дело К. Чулицкой и при допросах нередко прибегал к помощи палача Мусиевского, имевшего кличку «многоистязатель». На йытках присутствовал и сам шеф Лазаренко. «Началось с обыкновенной четырёхгранной резины, — писал в своих показаниях Семенюк. — Это не помогло. В ответ на вопрос: «Думала перейти к йартизанам?» — звучало глухое «нет». Так длилось до потери сознания Чулицкой. А когда её привели в чувство, шеф бросил Мусиевскому: «А ты попробуй парашют». «Парашют» — человека привязывают за руки, скрученные за спиной, и подвешивают. В том случае, если человек не скажет того, чего добивается следователь, он висит до тех пор, пока не потеряет сознание. Чулицкая вопреки ожиданию не говорила «да» и не теряла сознания. «А ну давай затяжной», — подзадоривал Мусиевского Лазаренко. Мусиевский обнимал жертву и висел вместе с ней. Чулицкую сняли с верёвки едва живую, но желанного «да» она не произнесла». Семенюк далее писал, что после этого дело Чулицкой с месяц было без движения. Затем Лазаренко приказал продолжать «допросы». Двое полицейских, говорится в показаниях Семенюка, посадили Чулицкую верхом на спинку стула и начали тянуть её вниз за руки. Душераздирающий крик Чулицкой не остановил полицейских[175].

Никого не выдав палачам, Каролина Чулицкая погибла в застенках гестапо.

Никакие пытки не сломили мужественную подпольщицу О. Н.

Живописцеву. Она была схвачена гестаповцами вместе с младшей дочерью—13–летней Диной и 65–летней матерью. Избежала ареста лишь её старшая дочь Аза, отважная разведчица, за которой долгое время охотились фашисты. С уважением вспоминают свою боевую соратницу оставшиеся в живых Могилевские подпольщики. «Живописцева Ольга Николаевна и её семья были расстреляны в застенках гестапо, — пишет в своих воспоминаниях бывший подпольщик П. С. Бирюков. — Ольга Николаевна погибла как герой, как патриот, не сказав ни слова врагу, не склонила своей головы, она высоко пронесла свою честь как славная патриотка своей Родины… Все те, кто знал и имел счастье работать вместе с Ольгой Николаевной Живописцевой, чтят её светлый образ, и я склоняю свою голову перед героиней белорусского народа»[176].

Около 100 участников Могилевского подполья было уничтожено фашистами. Татьяна Карпинская, Клавдия Влагина, Мария Цыбулькина, Ольгерд Горошко и многие другие были умерщвлены в душегубках. Вместе с ними в душегубках погибли партизанские связные Тамара Русова, Вера Владыко, Мария Чепик, Барановская с двумя малолетними детьми, Нина Аверко также с двумя малолетними детьми[177].

Арестованный подпольщик (он работал в городе по заданию партизанского отряда № 600) С. И. Пилунов в мае 1944 года писал в Белорусский штаб партизанского движения о своих наблюдениях за погрузкой заключённых в душегубки. В тюрьме были две такиё машины. Каждая из них делала по три–четыре рейса днём и столько же ночью, увозя каждый раз по 50–60 человек. По свидетельству С. И. Пилунова, в 20–х числах сентября 1943 года в 16–17 часов за один рейс были погружены в душегубку 86 человек из 51–го батальона РОА во главе с командиром бывшим капитаном Бондаренко, арестованных за попытку перехода к партизанам. «Таким же путём происходило дело и в остальных наблюдавшихся мною случаях, — писал С. И. Пилунов, — Помню, в частности, что в ночь с 3 на 4 октября 1943 года «разгружали» тюрьму от группы женщин с детьми. Хотя вследствие темноты наблюдать было нельзя, я и другие определили происходившее на тюремном дворе по крику и плачу женщин и детей»[178].

В один из таких рейсов летом 1943 года в душегубку попали дети Т. Шабанской, Эрнст и Эдуард, сын М. А. Цыбулькиной Всеволод. Правда, их, как малолетних, палачи решили пощадить и выбросили из душегубки. Впоследствии Эрнст, Эдуард и Всеволод рассказывали, что, когда дверь машины закрылась, некоторые люди плакали, кричали в отчаянии. Но большинство

пело «Интернационал»[179]. Мужественно и гордо шли на смерть за Родину советские патриоты.

Мученическую смерть приняли многие сотни подпольщиков. Погибли активные участники подпольных групп, созданных ещё в 1941—начале 1942 года, в их числе и члены руководящего ядра «Комитета содействия Красной Армии». Они с честью выполнили свой патриотический долг перед Советской Родиной. Многие же подпольщики, избежавшие ареста, были вынуждены уйти в партизанские отряды.

С арестом П. И. Крисевича и других активных подпольщиков, а также с уходом в партизанские отряды К. Ю. Мэттэ, В. Д. Швагринова, И. Г. Гуриева и других «Комитет содействия Красной Армии» практически перестал существовать. Но на смену героям встали другие бойцы. Борьба продолжалась.

В отличие от первоначального построения по цепочкам, могилёвское подполье с лета 1943 года стало строиться по иному принципу. Создавались подпольные группы по два–три человека, причём группы не знали друг о друге и действовали только по конкретным заданиям партийных органов и командования партизанских отрядов. Такое построение гарантировало подполье от крупных провалов. Другая положительная черта в строительстве подполья — подпольные группы создавались для выполнения определённых функций: разведка, агитация, боевые операции. Соответственно подбирались люди, наиболее способные к выполнению этих заданий.

С весны и лета 1943 года в Могилеве имели свои группы подпольщиков 61, 113, 121, 122 и 600–й партизанские отряды. Подпольщики проникали на работу во многие учреждения и на предприятия оккупантов. Они действовали на железной дороге, аэродроме, хлебозаводе, труболитейном заводе, в немецких столовых и складах, в различных отделах городской управы. Могилевский подпольный райком партии имел в городе группу из девяти подпольщиков. Один из них был устроен в гестапо, двое — в контрреволюционную организацию «Союз трудового солидаризма». Активно действовала в Могилеве группа подпольщиков, работавшая по заданиям командования Красной Армии. Она собирала ценные сведения о передвижении воинских частей и грузов через станции Могилев — 1, 2, 3.

Большую работу по созданию новых подпольных групп в Могилеве проделал Могилевский подпольный обком комсомола. В июле 1943 года его уполномоченным по Могилеву был утверждён активный подпольщик С. С. Соболевский. Он неоднократно ходил в город и налаживал там связи с комсомольцами и несоюзной молодёжью.

Однако первоначально и новые методы организации подполья не всегда приносили пользу. Созданием подпольной сети в городе занимались многие партизанские отряды, партийные и комсомольские органы. И часто получалось так, что по одному и тому же заданию на одном объекте работали разные группы, не зная друг о друге. Это приводило к излишним затруднениям и неоправданному расходованию сил. К примеру, только на ТЭЦ работали 11 групп от разных партизанских бригад и отрядов.

13–14 сентября 1943 года состоялось областное совещание секретарей подпольных райкомов партии и комсомола, командиров, комиссаров, секретарей партийных и комсомольских организаций партизанских отрядов и бригад. Совещание обсудило вопрос о состоянии подпольной работы. Одним из существенных недостатков в этом деле, как отмечалось на совещании, являлась децентрализация в руководстве работой подполья. Было обращено также внимание на то, что подпольщики слабо соблюдают конспирацию и это приводит к частым провалам. В соответствии с рекомендацией областного совещания Могилевский подпольный обком КП(б)Б 15 сентября 1943 года принял решение возложить руководство всей подпольной работой в Могилеве на Могилевский подпольный райком партии[180].

Могилевский райком КП(б)Б базировался в Могилевском районе при партизанском отряде № 113. Секретарем его был вначале В. И. Подоляко, с августа 1943 года — И. П. Станкевич, имевший вместе с К. Ю. Мэттэ широкие связи с могилевскими подпольщиками (К. Ю. Мэттэ работал секретарём издававшейся райкомом газеты «Партизанская правда». Заведующим подпольной типографией был А. И. Шубодеров). Не ослаблял своего внимания к подпольной работе в Могилеве и подпольный обком КП(б)Б.

В результате предпринятых мер эффективность деятельности могилевских подпольщиков значительно повысилась. Особое внимание было уделено усилению политической работы среди населения. Обком и Могилевский райком партии, обком и райком комсомола регулярно переправляли в город через связных листовки со сводками Совинформбюро и издававшуюся Могилевским подпольным райкомом КП(б)Б газету «Партизанская правда». Кроме того, Могилевский подпольный райком КП(б)Б только в сентябре 1943 года переслал в Могилев 30 экземпляров брошюры «Два года Отечественной войны», 35 экземпляров газеты «Партизанская правда», 40 экземпляров листовок «Вести с Советской Родины», 15 экземпляров журнала «Раздавим

фашистскую гадину», 43 экземпляра других листовок и воззваний[181]. Могилевский подпольный райком комсомола в июле 1943 года сообщал в подпольный обком ЛКСМБ: «За июль месяц комсомольские организации распространили на территории района и в городе Могилеве 600 экземпляров газеты «Партизанская правда», 700 экземпляров листовок к населению, молодёжи и сводок Совинформбюро… Райкомом выпущена листовка к молодёжи города Могилева и Могилевского района — 200 экземпляров»[182].

Усилилась и боевая деятельность подпольщиков. Вот некоторые факты. В августе 1943 года с помощью двух магнитных мин, полученных от партизан, подпольщики взорвали смонтированную на автомашине передвижную немецкую радиостанцию. Двумя другими минами в это же время были взорваны трансформаторный киоск и дизельная установка. 15 сентября на станции Могилев-1 подпольщики сожгли вагонное депо. Сгорел находившийся в нём вагон с секретными документами противника. В тот же день сгорело четыре цистерны бензина. 18 сентября подпольщики Ф. М. Пятненков, Н. Безрученко и прибывший к ним партизан П. С. Бирюков явились к немецкому чиновнику городской управы обер–лейтенанту, с которым Ф. М. Пятненков имел служебные связи. Улучив момент, они уничтожили фашиста и его переводчика. В этом же месяце подпольщики убили помощника начальника гестапо.

Были случаи, когда оккупантов уничтожали местные жители. Так, осенью 1943 года могилевские девушки Н. В. Морозова и В. Г. Мотуз договорились между собой уйти в партизаны. Но у них не было оружия. В один из вечеров девушки познакомились с четырьмя немецкими офицерами и пригласили их в дом В. Г. Мотуз, где в это время находился партизанский связной Н. Зайцев, представленный фашистам братом В. Г. Мотуз. Гитлеровцы сняли оружие и стали танцевать с девушками. Один из них вскоре ушёл. Н. Зайцев убил из пистолета двух фашистских офицеров, а третьего убила Н. В. Морозова. С трофейным оружием и документами офицеров смельчаки ушли в партизанский отряд.

Подпольщики сорвали попытку белорусских буржуазных националистов организовать в Могилеве для борьбы с большевизмом «Белорусскую самопомощь» и «Союз белорусской молодёжи».

Во второй половине сентября 1943 года части Красной Армии, развивая наступательные операции, вступили на белорусскую землю. В ноябре линия фронта находилась от Могилева в 60 километрах. Вдохновленные успехами Красной

Армии, могилевские подпольщики, действуя в тесном контакте с партизанами, усилили удары по врагу. Партизаны окружили Могилев сплошным огненным кольцом. Используя данные подпольщиков, они пускали под откос воинские эшелоны, нападали на автотранспорт, громили расположенные вокруг города гарнизоны противника, совершали боевые операции в самом городе. Так, 19 октября С. С. Соболевский поручил подпольщице Н. Зайцевой договориться с начальником пожарной охраны Могилева о выводе из города пожарных машин. После некоторых колебаний он дал на это согласие. И тогда группа партизан во главе с С. С. Соболевским инсценировала в пригородном селе большой пожар — было подожжено гумно с соломой. На «тушение» пожара из Могилева выехали все пожарные машины. В условленном месте их поджидали партизаны. 25 октября бойцы 600–го партизанского полка проникли в Могилев и вывезли на автомашине 14 советских военнопленных, работавших в немецком госпитале. Подпольщики А. Ермаченок и С. Спичакова на станции Могилев миной взорвали цистерну и пять платформ.

Напуганные успехами Красной Армии, дерзкими операциями партизан и подпольщиков, оккупанты стали лихорадочно возводить вокруг Могилева укрепления. 28 ноября 1943 года вечером в городе по радио было передано объявление: «Большевики стянули вокруг города Могилева на расстоянии 50 километров многочисленные силы. Могилеву грозит прямая опасность. Все трудоспособное население от 14 до 65 лет должно выйти на рытье окопов. Невыход будет караться по законам военного времени».

На исстрадавшееся население обрушились новые бедствия. Сооружая укрепления в самом городе, оккупанты сносили дома, сжигали целые улицы. Утром 29 ноября 1943 года фашисты предупредили население предместья города — Луполово и некоторых улиц города Могилева об оставлении ими своих домов до 12 часов дня. После этого специальные команды стали поджигать Луполово и пять улиц города. «В результате этого в городе поднялась поголовная паника, — сообщали партизанам подпольщики. — Население сжигаемых кварталов с шумом и плачем тащило на руках детей, вещи и толпилось на улицах города»[183]. Гитлеровцы спалили районы города — Подниколье, Мышаковку и все дома по правому берегу Днепра. «Конечно, все население не в состоянии было выбраться, — сообщалось в другом донесении подпольщиков, — много осталось детей, стариков. Все они были сожжены».

Но оккупанты видели, что никакие укрепления их не спасут.

5 декабря было объявлено об эвакуации из Могилева сотрудников учреждений и трудоспособного населения.

Бежали из города и карательные органы захватчиков — зондеркоманда СД-8 и другие подразделения. Когда же линия фронта стабилизировалась, в Могилев прибыл новый карательный орган — зондеркоманда СД-7Б. Ему усердно служили предатели Родины из так называемой «стражи безопасности» (ЗИВА). Немало советских патриотов погубили фашистские палачи и их холуи. Массовыми арестами, расстрелами, виселицами они надеялись хоть в какой-то мере привести население в покорность, ослабить деятельность партизан и подпольщиков.

Но ничто не останавливало патриотов. Население активно срывало все мероприятия оккупантов, подпольщики и партизаны наносили по врагу всё более разящие удары. Ни одно мероприятие захватчиков в городе не ускользало от всевидящего ока подпольщиков. Они сообщали партизанам сведения об оборонительных сооружениях в городе, о движении через него воинских частей и военных грузов. В Могилев регулярно доставлялись газеты и листовки подпольных партийных органов. Подпольщики продолжали получать от партизан магнитные мины. Но теперь, накануне освобождения, они не взрывали здания и оборудование (их нужно было сохранить), а направляли свои удары на вражеские эшелоны, склады боеприпасов, автотранспорт. Усилились совместные операции партизан и подпольщиков вокруг Могилева.

23 июня 1944 года началось генеральное наступление Красной Армии в Белоруссии. 27 июня советские войска с ходу ворвались в Могилев. В течение последующих двух дней советские войска очистили от захватчиков всю область.

* * *

Давно уже отгремели последние залпы Отечественной войны, залечены нанесённые ею раны. Но советский народ никогда не забудет своих героев. Многие подпольщики Могилева за героизм и отвагу награждены орденами и медалями. Высокого звания Героя Советского Союза удостоен посмертно комсомолец Леонид Дмитриевич Лорченко. Посмертно награждены орденом Ленина Ольга Николаевна Карпинская, орденом Красного Знамени Анна Александровна Иванова, орденом Отечественной войны I степени Ольгерд Викторович Горошко, Ольга Николаевна Живописцева, Генрих Александрович Захарян, Татьяна Романовна Карпинская,

Павел Иванович Крисевич, Макар Павлович Кувшинов, Анелия Феликсовна Могилевец-Чулицкая, а также ныне здравствующие Казимир Юльянович Мэттэ, Василий Павлович Станкевич и недавно умерший Сергей Сергеевич Соболевский.

Но самая лучшая награда живым и мёртвым — это наша жизнь, свобода социалистической Родины, строящей коммунизм.

ВРАГ ПРОСЧИТАЛСЯ

П. Ф. Штарас, ***старший научный сотрудник Института истории партии при ЦК КП Литвы***

Начало Великой Отечественной войны застало Советскую Литву в разгаре острой классовой борьбы. Трудящиеся массы— литовские рабочие, трудовое крестьянство, прогрессивная интеллигенция, установившие в июле 1940 года в республике Советскую власть, с воодушевлением строили новую жизнь. Но враги трудового народа — остатки свергнутой буржуазии, кулаки и прочие контрреволюционные элементы не сложили оружия. Объединившись в буржуазно–националистические организации, они развернули подрывную антисоветскую деятельность. Самая большая из этих организаций — «Фронт литовских активистов» — была создана в ноябре 1940 года в Берлине. Один из её организаторов бывший военный атташе буржуазной Литвы в фашистской Германии гестаповский агент Шкирпа после нападения гитлеровцев на СССР откровенно заявлял, что «Фронт» создан и действует под эгидой гестапо и абвера. «Фронт активистов» имел свой центр в Германии, откуда по заданиям гитлеровской разведки засылал на территорию Литвы шпионов и диверсантов ещё до начала войны.

Война не ликвидировала и не ослабила классовую борьбу, а, наоборот, обострила её, придала ей специфический характер. Недобитая литовская буржуазия, кулачество и другие националистические, контрреволюционные элементы видели в гитлеровском вторжении единственную возможность вернуть себе былое политическое и экономическое господство. Еще до войны запродав себя фашистской Германии, они составили «пятую колонну» Гитлера в Литве. И как только оккупанты ступили на литовскую землю, буржуазные националисты создали марионеточное «литовское правительство» Шкирпы— Амбразявичюса и с остервенением принялись за кровавые дела.

Набивая себе цену перед оккупантами, «Фронт активистов» 15 октября 1941 года направил Гитлеру меморандум, в котором говорилось: «Когда началась борьба с большевиками, литовский «Фронт активистов» создал правительство Литвы, которое, несмотря на большие трудности, решило ряд организационных задач, без чего движение немецких войск по Литве было бы затруднённым». Сказано ясно и откровенно: литовские

буржуазные националисты действительно постарались вовсю, чтобы облегчить гитлеровцам оккупацию Литвы. Только в течение нескольких месяцев хозяйничанья в республике оккупанты и молодчики из «Фронта активистов» убили свыше 130 тысяч коммунистов, комсомольцев и беспартийных советских патриотов. Они стремились уничтожить всех, кто участвовал в осуществлении социалистических преобразований, проводившихся после установления в Литве Советской власти.

Буржуазные националисты ждали награды — власти и возвращения отнятых у них народом богатств. Однако, упоённые своими победами, гитлеровские захватчики и не помышляли удовлетворять «законные чаяния» местной буржуазии. Они предпочитали единолично грабить литовский народ. Все национализированные Советской властью предприятия гитлеровцы передали не прежним владельцам из числа литовской буржуазии, а немецким предпринимателям. В сельской местности на лучших землях стали селиться немецкие колонисты. Литовские крестьяне сгонялись с этих земель, у них отбирали скот, семена, инвентарь. Только осенью 1942 года в Литву прибыло 16 300 таких грабителей–колонистов. В конце 1941 года оккупанты издали закон, которым объявлялось, что земля и все природные богатства Литвы переходят в собственность немецкой фирмы «Остланд–компани»[184]. Это была первая пощёчина литовской буржуазии. Другой пощёчиной явилось лишение литовской буржуазии даже видимости политической власти. Через 43 дня после образования марионеточного «литовского правительства» гитлеровцы ликвидировали его. В административном отношении Литва вместе с Латвией, Эстонией и частью Белоруссии была включена в состав рейхскомиссариата «Остланд» с центром в Риге. Литва, как и другие части рейхскомиссариата, получила статут генеральной области, состоявшей из шести округов. Генеральный комиссар области, окружные комиссары и все важные чиновники назначались из немецких фашистов.

С лакейской угодливостью отнеслась литовская буржуазия ко всем этим мерам. Разглагольствуя о «судьбах нации», литовские буржуазные националисты обходили молчанием планы фашистских захватчиков о физическом уничтожении литовского народа. Касаясь этих планов, орган имперского руководства войск СС газета «Дас шварце корпс» 20 августа 1942 года в статье «Германизировать ли?» с потрясающим цинизмом писала: «Наша задача заключается в том, чтобы германизировать Восток не в прежнем смысле этого слова, г. е. не в том, чтобы побудить живущих там людей усвоить немецкий язык и немецкие законы, а

в том, чтобы населить Восток людьми с подлинно немецкой, германской кровью». И далее: «Вот почему вновь завоёванное пространство должно быть заполнено немецкой кровью и немецкой жизнью, но отнюдь не онемеченными людьми»[185]. Малые народы, говорилось в статье, должны исчезнуть, «как капля воды на раскалённом камне».

Литовские буржуазные националисты, как их коллеги по национальной измене в Латвии и Эстонии, не только не воспротивились этим людоедским замыслам Гитлера, но и помогали захватчикам в их осуществлении. В звериной ненависти к своему народу, избравшему Советскую власть и социализм, они готовы были пойти на любую национальную измену.

Захватчики широко использовали услуги буржуазных националистов в подавлении литовского народа. С этой целью был создан институт так называемых генеральных советников, состоявший из буржуазных националистов во главе с генералом буржуазной армии Литвы немецким шпионом П. Кубилюнасом. На местах у власти были оставлены назначенные «правительством» Шкирпы—Амбразявичюса начальники уездов, полиции, волостные старосты и другие чиновники. Весь этот аппарат получил демагогическое название «самоуправления».

Зная многовековую ненависть литовского народа к немецким поработителям, гитлеровцы использовали марионеточное «литовское самоуправление» в качестве исполнительного органа для проведения своей грабительской и террористической политики.

Захватчики и их националистические прихвостни полагали, что за год Советской власти идеи социализма не успели глубоко проникнуть в сознание литовского народа, что поэтому его можно будет одурманить ядом антисоветской и националистической пропаганды, воспитать в духе покорности «новому порядку».

В этом же направлении действовало и реакционное духовенство. Через несколько дней после вражеской оккупации Литвы архиепископ и митрополит Сквирецкас, епископ Бризгис, генеральный викарий Шаулис выступили со специальным обращением к литовскому народу. «Доверьтесь немцам, которые идут освобождать Европу», — говорилось в этом обращении. Гитлеровские холу# в рясах — епископы Райнис и Бризгис, многие ксендзы в своих проповедях призывали население поддерживать оккупантов, благословляли мобилизацию литовской молодёжи в гитлеровскую армию. А многие «слуги господни» не довольствовались проповедями в пользу захватчиков. Рядом с крестом они вешали автомат и в буквальном смысле крестом и мечом участвовали в уничтожении своего

народа. Во многих местах, например, в Ариогале, Андренишкисе, Утена, Молетай, ксендзы возглавляли штабы буржуазных националистов. Особенно отличились своими зверствами во время оккупации ксёндз Мажейка (Швенченский уезд), ксёндз Сенкус (Биржайский уезд), ксёндз Жвинис (Тракайский уезд). Ксендзы Плаукис, Грнгайтис, Катинас, Декснис и другие возглавляли так называемые «специальные суды», выносившие смертные приговоры всем, кто противился оккупантам.

Главным средством, на которое более всего полагались фашисты, был массовый террор. Они оплели Литву густой сетью карательных органов — гестапо, службы безопасности и СД, зондеркоманд, охранных полицейских батальонов «самозащиты», состоявших из бывших шаулистов[186] и членов других буржуазных организаций. Всей тяжестью фашистский террор обрушился на рабочих и беднейшее крестьянство. Оккупанты понимали, что именно эти социальные слои представляли главную опасность для их господства. Они закрыли многие предприятия, продукция которых не требовалась для войны. Численность рабочих резко сократилась. Многие из них — бывшие деревенские бедняки — вновь вернулись в деревню и попали в кабалу к кулакам. Нищетой, голодом, террором фашисты рассчитывали придавить рабочих и деревенскую бедноту, ослабить их волю к борьбе. За время оккупации Литвы гитлеровцы и литовские буржуазные националисты уничтожили 700 тысяч советских граждан, в том числе более полумиллиона местных жителей. Они сровняли с землёй 21 деревню и несколько сот хуторов.

Но несмотря на все зверства, оккупанты не смогли сломить волю трудящихся. Литовский народ сам установил Советскую власть, добровольно вошёл в братскую семью народов СССР, избрал своё будущее — социализм и коммунизм. И за это будущее, за родную Советскую власть он готов был биться до конца. И как ни изощрялись захватчики и их буржуазно–националистические прихвостни, как ни увещевали литовский народ «духовные отцы», литовские рабочие, трудовое крестьянство, прогрессивная интеллигенция пошли за коммунистами и под их руководством поднялись на смертный бой с фашистскими захватчиками.

В связи с быстрой оккупацией противником территории республики ЦК КП(б) Литвы не смог перевести на подпольное положение партийные организации. Однако литовский народ не остался без руководства партии. Перед началом войны Компартия Литвы насчитывала 4625 коммунистов. Почти половина из них (две с лишним тысячи) и около 12 тысяч комсомольцев остались

на территории республики, оккупированной врагом[187]. Среди них была большая часть низового актива: секретари волкомов партии и парторги волостей, председатели волисполкомов, секретари волкомов комсомола. Многие коммунисты и комсомольцы в первые же дни фашистской оккупации погибли от рук буржуазных националистов и гестаповцев. Но многим удалось уйти в подполье. Они встали во главе партизанского движения, были организаторами первых подпольных групп и партизанских отрядов.

Наиболее массовой формой партизанской борьбы трудящихся Литвы против фашистской оккупации, получившей сразу же широкий размах, стал срыв мероприятий оккупантов. Рабочие всячески срывали выполнение производственных заданий на предприятиях: не выходили на работу, портили оборудование и продукцию. Например, на Шяуляйской нефтебазе осталось после отступления Красной Армии 10–11 тысяч тонн горючего и смазочных материалов. Когда в город ворвались оккупанты, рабочие нефтебазы П. Пучкус, И. Монтвидас и А. Лявданский открыли резервуары и выпустили горючее и смазочные материалы в канаву, выходившую в реку Вийолку[188]. Рабочие сапожной артели «Аулас», обслуживавшей нужды гитлеровской армии, выпускали бракованную обувь. Только при одной проверке было обнаружено 800 пар негодных сапог[189].

Активно боролись с захватчиками и крестьяне. Они уклонялись от поставок оккупантам продуктов, уменьшали посевы, саботировали распоряжения властей. Фашисты отвечали на это свирепыми репрессиями. Например, в первые же дни оккупации они сожгли деревню Аблинга в Клайпедском районе и расстреляли 48 её жителей.

Уже в июле 1941 года в Литве стали возникать подпольные группы. Одну из них, состоявшую из коммунистов и комсомольцев, создал в Алитусском уезде А. Ражанаускас. Это был стойкий коммунист, имевший большой опыт подпольной борьбы в буржуазной Литве. Подпольщики разрушали телеграфную и телефонную связь противника, совершали диверсии, укрывали советских воинов–окруженцев, поднимали население на срыв мероприятий оккупантов. Так же действовали и другие подпольные группы.

ЦК КП(б) Литвы, находившийся в Москве, развернул энергичную работу по созданию подполья и партизанских отрядов на территории республики. Руководствуясь постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу вражеской армии», Центральный Комитет КП(б) Литвы разработал план организации партийного руководства

партизанским движением на территории республики, которая была разбита на 10 межуездных районов: Вильнюсский, Каунасский, Шяуляйский, Жемайтийский, Мариямпольский, Утенский, Алитусский, Паневежисский, Расейнский и Тракайский. Партизанское движение в каждом районе должны были возглавить межуездные комитеты партии. ЦК КП(б) Литвы чётко определил их задачи:

«1) Восстановление и организация деятельности подпольных партийных организаций;

2) организация и руководство партизанским движением;

3) организация диверсионной работы, в первую очередь на коммуникациях врага;

4) информационно–осведомительная работа о положении в Литве военных, экономических и политических мероприятиях немцев»[190].

Работа по созданию межуездных комитетов партии возлагалась на местных коммунистов и организаторов, направлявшихся из советского тыла. Уже в июле и начале августа 1941 года ЦК КП(б) Литвы создал из партийных и советских работников шесть организаторских групп, по шесть–семь человек в каждой, и направил их в основные города и уезды Литвы: Каунас, Шяуляй, Мариямполе, Укмерге, Рокишкис, Алитус. Группы проделали тяжёлый и опасный путь из Калинина до районов своей деятельности, где сразу же приступили к созданию подполья и партизанских отрядов.

Видную роль в развёртывании подполья, всего партизанского движения в Литве сыграли присланные в Каунас А. Вилимас, А Слапшис, А. Годляускас, А. Навицкас и другие коммунисты. Они установили связи со многими коммунистами и комсомольцами, создали подпольные группы на крупных предприятиях города: среди железнодорожников, сотрудников государственных учреждений, в 1, 4 и 9–й гимназиях, в еврейских гетто, художественной артели «Дайле», а также в каунасских пригородах — Шанчяй, Жалякальнис и Сенаместис.

Закладывая основы каунасского подполья, коммунисты–организаторы провели совещание представителей подпольных групп, на котором были обсуждены директивы ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 29 июня и постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года. Совещание решило расширить подполье, вовлекая в него беспартийных активистов, всемерно развёртывать другие формы партизанской борьбы.

В соответствии с решением совещания был создан партизанский отряд под командованием коммуниста П. Сименаса. Уже 5 сентября 1941 года он совершил налёт на

большой склад, расположенный в пяти километрах от Каунаса. Перебив охрану, партизаны подожгли помещения, в которых находилось большое количество продовольствия, предназначенного для отправки в Германию. В ночь на 6 сентября отряд напал на два речных транспорта с зерном, отобранным у литовских крестьян. Оба транспорта были потоплены. Вечером 3 декабря на окраине Каунаса партизаны обстреляли взвод вражеских солдат, убив двух и ранив четырёх гитлеровцев.

Успешно начали действовать и подпольные группы. Железнодорожники портили механизмы и котлы паровозов; рабочие предприятий приводили в негодность оборудование и продукцию. В течение двух месяцев каунасские подпольщики уничтожили несколько складов и 29 гитлеровцев. Активно шла организация подполья в уездах. В Мариямпольском уезде подпольная группа была создана коммунистом К. Петрикасом, в Тельшяйнском уезде — коммунистом А. Мильвидасом.

Первые шаги подпольщиков сопровождались тяжёлыми потерями. Фашистам удалось разгромить тельшяйнскую, мариямпольскую и некоторые другие подпольные группы. Геройской смертью пал руководитель мариямпольских подпольщиков К. Петрикас. Окруженный гитлеровцами и полицейскими, он семь часов вёл неравный бой. Расстреляв все патроны, мужественный коммунист взрывом последней гранаты лишил себя жизни. В Каунасе гестаповцам удалось захватить организаторов подполья А. Вилимаса и А. Слапшиса. Оба они вступили в ряды революционного движения ещё в буржуазной Литве, активно боролись в подполье, несколько лет томились в тюрьме. За короткий срок своей деятельности в оккупированной гитлеровцами Литве они проделали большую работу по организации партизанского движения.

13 декабря 1941 года фашисты повесили А. Вилимаса, А. Слапшиса. Гибель этих опытных организаторов была большой утратой для подпольщиков.

Но на место павших становились новые бойцы. Подполье неуклонно набирало силы. Так, в Паневежисе и Паневежисском уезде действовавшие здесь ранее подпольные группы в ноябре 1941 года объединились в единую подпольную организацию имени одного из основателей Коммунистической партии Литвы — Каролиса Пожелы. Организацией руководили коммунисты во главе с бывшим инструктором Паневежисского уездного комитета КП(б) Литвы П. Вайчунасом. Вскоре она насчитывала 200 коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов. Подпольщики печатали и распространяли листовки, собирали оружие, освобождали людей, вывозимых на каторжные работы в

Германию.

В своих ежемесячных отчётах в Берлин гестаповцы все чаще вынуждены были сообщать о действиях паневежисских подпольщиков. В одном из отчётов говорилось: «Под руководством начальника филиала полиции безопасности Зальцмана направлялись 1 марта немецкие и литовские сотрудники полиции с целью ареста в один из дворов Паневежиса. В перестрелке были ранены трое немецких и один литовский сотрудник. Начальник филиала умер от полученных ранений. Другой немецкий сотрудник также получил опасное для жизни ранение. Сопротивлявшийся бандит (так гитлеровцы называли партизан и подпольщиков. —Я. *Ш.)* был убит».

В мае 1942 года организация была разгромлена гестаповцами. К сожалению, подробности её деятельности до сих пор не установлены. Имеются лишь некоторые документы в архивах и признания оккупантов, свидетельствующие о большой работе, проделанной организацией имени К. Пожелы. Так, в одном из архивных документов говорится: «Паневежисская партийная организация встречает бежавших из лагеря военнопленных, направляет их в отряды и многих провожает до Белоруссии… Многих военнопленных парторганизация вооружает винтовками, гранатами и снабжает боевыми припасами.

Парторганизация доставила в лагерь военнопленных два ящика гранат, чтобы военнопленные могли перебить стражу и выйти из лагеря»[191]. А вот другое свидетельство — объявление паневежисского окружного комиссара о расстреле арестованных членов организации имени К. Пожелы. В нём говорилось: «Чрезвычайный суд в Каунасе вынес смертный приговор 48 лицам… В пятницу 5 июня 1942 года утром смертный приговор был приведён в исполнение. Полиции удалось выследить и ликвидировать террористов, которые проводили разрушительную работу, направленную против немецких войск и населения Литвы. Нарушение снабжения, нападения на крестьян, подготовка к взрыву важных военных предприятий… помощь русским военнопленным в побеге и присоединению к террористическим бандам, а также другие насильственные акты являются преступлениями, которые можно пресечь лишь путём применения смертной казни»[192].

Сильные удары по оккупантам наносили подпольщики Каунаса. Особой активностью здесь отличалась подпольная организация, которой руководил коммунист П. Малинаускас. Ядро её составляли коммунисты и комсомольцы. Среди них был опытный подпольщик П. Зибертас, проведший свыше 20 лет в тюрьмах буржуазной Литвы. Организация составляла и

распространяла листовки, каждая из которых начиналась словами: «Пусть фашистский оккупант найдёт себе могилу на литовской земле!» В городе часто раздавались взрывы и выстрелы. Это подпольщики уничтожали вражеские объекты, гитлеровцев и их прислужников. В конце 1941—начале 1942 года подпольщики вывели из строя три работавших на гитлеровскую армию деревообрабатывающих завода. Один из них, на Ионавской улице, сгорел до основания. В феврале 1942 года комсомольцы — члены организации взорвали два вагона с боеприпасами. Много гитлеровцев погибло. В это же время подпольщики уничтожили склад трикотажных изделий и бросили гранаты в казармы вражеской воинской части.

Но вскоре гестаповцам удалось нанести сильный удар по организации. В их руки попало 37 подпольщиков. В их числе был и П. Зибертас. Гестаповцы делали все, чтобы склонить его к предательству. Они рассчитывали на впечатление, которое могла бы произвести измена старого революционера на литовский народ. Но никакие истязания не сломили волю коммуниста, депутата Верховного Совета Литовской ССР П. Зибертаса. Взбешенные его стойкостью, фашисты отправили подпольщика в IX форт городской крепости, превращённый оккупантами в фабрику смерти. Здесь П. Зибертас был расстрелян. Бежавший впоследствии из форта товарищ П. Зибертаса по камере передал последние слова героя–революционера: «Будьте непоколебимы! Наше дело правое! Если останешься в живых, расскажи партии и народу, что я умираю как большевик. Расскажи о моей смерти и передай, что я до конца остался верным большевистской партии»[193].

В городе Шяуляе под названием «Штаб А 4–х» активно действовала подпольная организация, созданная коммунистом Й. Любаускасом. В неё входило 35 человек. Подпольщики составляли и распространяли листовки, помогали побегам советских военнопленных, уничтожали гитлеровцев и их прислужников. На одном из совещаний подпольщиков в декабре 1941 года было решено вызволить из плена большую группу советских воинов и организовать партизанский отряд. Организация проделала большую работу. Было собрано оружие, создан партизанский лагерь в лесах Скайсгирской волости. Однако гитлеровцам удалось напасть на след подпольщиков. В июле 1942 года в схватке с фашистами почти все члены организации погибли.

Большие потери несли подпольщики Каунаса. 12 февраля 1942 года за организацию поджогов вражеских объектов, антифашистскую агитацию и мобилизацию населения на срыв

мероприятий оккупантов были расстреляны 42 каунасских коммуниста–подпольщика[194]. В марте гестаповцы произвели обыск на пивоваренном заводе. Обнаружив большое количество листовок, оружия и взрывчатки, они арестовали до 150 рабочих, в их числе и некоторых подпольщиков. Большинство арестованных было расстреляно. В сентябре гитлеровцы расстреляли ещё 180 патриотов.

Несмотря на репрессии, силы подпольщиков росли. Огромную роль в этом играла помощь ЦК КП(б) Литвы, проводившего большую работу по засылке на территорию республики организаторов подполья и партизанских отрядов.

В марте 1942 года во вражеский тыл были переброшены самолётами две оперативные группы ЦК КП(б) Литвы во главе с секретарём ЦК КП Литвы И. Мескупасом–Адомасом, которому было поручено «организовать центр подпольной партийной работы в Литве»[195]. В состав групп входили партийные работники П. Паярскнс, Ю. Дашкаускас, Т. Тамулявичюс, С. Волковичюс, А. Клейнерис, С. Шклерюс, А. Вильджюнас, М. Войтенка, В. Моцкус, А. Яцовскис, секретарь ЦК ЛКСМ Литвы И. Ицковичюс–Рихардас, инструктор ЦК ЛКСМ Литвы К. Эльяшевас и другие. Среди них было немало опытных подпольщиков, в течение многих лет боровшихся за счастье трудового народа в буржуазной Литве. Руководитель группы И. Мескупас–Адомас начал путь революционера в 1924 году. Семнадцатилетним юношей он вступил в комсомол, после фашистского переворота в Литве работал секретарём Каунасского райкома комсомола. Осенью 1927 года он был арестован. В 1929 году в каунасской тюрьме Мескупас–Адомас был принят в ряды Компартии Литвы. В 1931 — 1933 годах Мескупас–Адомас работал в Германии, занимаясь изданием и транспортировкой в Литву партийной литературы. В 1933 году он был арестован гитлеровцами и три недели подвергался пыткам в Берлине, а затем более 10 месяцев находился в заточении в тильзитской тюрьме. Вырвавшись в 1934 году из рук немецких фашистов, мужественный коммунист включился в подпольную работу в качестве секретаря ЦК комсомола Литвы. С 1935 года Мескупас–Адомас — член ЦК КП Литвы. В 1935 году он принимал участие в работе VII конгресса Коммунистического Интернационала, представлял комсомол Литвы на состоявшемся в том же году в Москве VI конгрессе Коммунистического Интернационала Молодежи. В Москве он участвовал в работе II пленума исполкома МОПР и был избран в состав президиума исполкома. В 1938 году И. Мескупас–Адомас был избран членом Политбюро и Секретариата ЦК КП Литвы. Но вскоре был арестован. Всего Мескупас–Адомас находился в

тюрьмах и концлагерях около шести лет.

После установления Советской власти в Литве Мескупас–Адомас работал вторым секретарём ЦК КП Литвы, был избран депутатом Верховных Советов СССР и Литовской ССР.

Когда фашистская Германия напала на СССР, пламенный революционер — на переднем крае борьбы. В письме к семье 27 сентября 1941 года он писал: «Каждый обязан принять активное участие в этой борьбе и внести в неё максимум того, что он может. Надо быть там, где можешь быть более всего полезным в борьбе против злейшего врага человечества — нацизма. Смерть не раз уже стояла перед моими глазами, и я никогда не поколебался. Если придётся отдать жизнь за дело партии, за рабочий класс, я это с гордостью сделаю»[196].

Закаленным бойцом подполья был активный участник Октябрьской революции П. Паярскис. Убежденным большевиком вернулся он летом 1918 года в родной Купишкис, где участвовал в установлении Советской власти. Во главе отряда коммунистов–красноармейцев боролся с белогвардейцами. После того как иностранные интервенты и литовская буржуазия потопили в крови Советскую власть в Литве, П. Паярскис остался в подполье. В 1933 году военный суд приговорил его к восьми годам каторжных работ. В результате обмена политзаключёнными между СССР и Литвой П. Паярскис летом 1935 года выехал в Советский Союз.

Такими же испытанными борцами–подпольщиками, закалёнными в битвах с литовской буржуазией, были А. Клейнерис, М. Войтенка, И. Ицковичюс, С. Шклерюс, В. Моцкус, А. Яцовскис. Они страстно стремились к борьбе с врагом. И. Мескупас–Адомас 10 февраля 1942 года писал в ЦК КП(б) Литвы: «Необходимо принять все меры к тому, чтобы моя группа была направлена в Литву. Это особенно важно в настоящий момент, когда фронт приближается к Литве. Если в ближайшее время не удастся отправиться самолётом, то необходимо идти пешком»[197].

Прибыв на место, обе группы развернули работу — одна в Южной, другая в Северной Литве.

В апреле 1942 года ЦК КП(б) Литвы принял решение отобрать для работы во вражеском тылу 200 человек из состава 16–й Литовской стрелковой дивизии и 200 человек из эвакуировавшихся в восточные районы литовских коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов. Будущие подпольщики и партизаны прошли специальное обучение, после чего мелкими группами забрасывались на территорию Литвы. Каждая группа была хорошо вооружена и снабжена рацией. Только до ноября

1942 года в Литву было переправлено 200 человек — 107 коммунистов, 61 комсомолец и 32 беспартийных активиста[198].

26 ноября 1942 года был создан Литовский штаб партизанского движения во главе с первым секретарём ЦК КП(б) Литвы А. Снечкусом. Штаб проделал большую работу по подготовке и засылке в Литву кадров подпольщиков и партизан, координации деятельности подпольных организаций и партизанских отрядов.

Благодаря проделанной местными коммунистами и организаторскими группами работе уже к лету 1942 года во всех установленных ЦК КП(б) Литвы десяти районах действовали межуездные комитеты партии. Под их руководством в 17 из 23 уездов Литвы работали подпольные партийные организации[199], объединявшие более 382 членов партии. Это позволило позднее создать подпольные комитеты партии непосредственно в уездах. Так, в феврале 1943 года ЦК КП(б) Литвы утвердил Тракайский уездный комитет партии в составе М. Афонина (секретарь), Ф. Пушакова, И. Никитина, Т. Мончюнскаса, Й. Молеюса (позже в состав укома был введён И. Чулада). Под руководством укома партии в первой половине 1943 года в ряде волостей были созданы подпольные парторганизации, в которых насчитывалось до 70 членов. К концу 1943 года в уезде было уже 27 подпольных парторганизаций, объединявших 117 коммунистов[200].

Волкомы партии были созданы в Аукштадварисе, Тракае, Эйшишкесе, Лентварисе, Вевисе, Жасляе, Валкининкае. В волостях Рудишкес и Жежмаряй, где первоначально, не было подпольных партийных организаций, работали выделенные укомом партии парторганизаторы.

С первых дней вражеской оккупации большую работу вела подпольная партийная организация Алитуса. 9 февраля 1943 года ЦК КП(б) Литвы образовал Алитусский подпольный уком партии в составе В. Сакалаускаса, И. Прокапаса и Ю. Григониса. Вскоре под его руководством действовало уже 10 партийных организаций, объединивших 54 коммуниста.

Боевая подпольная партийная организация работала в Шяуляй и Шяуляйском уезде. Секретарем Шяуляйского подпольного укома КП(б) Литвы был Ю. Бащюлис, членами — П. Саткаускас, Й. Валюкас, П. Ивошкус, П. Домкус и Б. Брачас. В течение лета и осени 1943 года уком партии создал 15 подпольных организаций и групп, объединивших 75 человек, в том числе на заводе «Батас» действовало восемь партийных групп, в которых было 40 коммунистов[201].

Быстро росла партийная организация Паневежиса. Секретарем Паневежисского укома партии был Ю. Паплаускас,

членами — А. Виленишкис, П. Пранявичюс и другие. Уком охватывал своей деятельностью Шедувскую, Науяместскую, Крекенавскую, Трошкунскую, Шимонисскую, Купишкскую и Вешинтайскую волости. В его распоряжении имелась типография, печатавшая листовки и воззвания к населению. Укомы партии были созданы также в Мариямпольском, Расейнском и во многих других уездах республики.

Одновременно была проделана большая работа по, укреплению подпольных партийных организаций, улучшению их структуры и методов их деятельности. Литовские коммунисты помнили указание В И. Ленина о том, что «при широком составе организации невозможна строгая конспирация»[202]. Это подтверждал и опыт подпольной деятельности в условиях буржуазной Литвы. Партийные органы и организаторские группы ЦК КП(б) Литвы создавали численно небольшие подпольные организации. Так, например, Каунасский горком и уком партии (в него входили Л. Соломинас, Ф. Кругляков, Б. Билис, П. Рибаковас, В. Урбанавичюс) создали 32 подпольные парторганизации с общим числом 138 коммунистов. В Вильнюсе и Вильнюсском уезде организаторская группа ЦК КП(б) Литвы (В. Сенкевич, А. Кунигенас, В. Запольский, Б. Тиминскас, Г. Мойсеенко и другие) создала в городе 26 небольших подпольных групп, объединявших 87 коммунистов.

В связи с тем что посланные в марте 1942 года на территорию республики две оперативные группы вскоре почти полностью погибли, ЦК КП(б) Литвы в апреле 1943 года направил в тыл врага новую оперативную группу во главе с М. Шумаускасом и Г. Зиманасом[203]. Сложен был её путь. Группа была доставлена самолётами на партизанский аэродром в Белоруссии и отсюда с боями прошла 300 километров к лесам возле озера Нарочь. Здесь она оборудовала базу. Имея радиостанцию, группа поддерживала постоянную двустороннюю связь с ЦК КП(б) Литвы и Литовским штабом партизанского движения. Ее бесперебойно обеспечивали радисты — комсомольцы. А. Мурников и В. Уогинтас.

Оперативная группа развернула активную работу по укреплению подполья и партизанских отрядов. Ее члены М. Шумаускас, Г. Зиманас, Д. Роцюс и другие, как уполномоченные ЦК КП(б) Литвы, непосредственно на местах оперативно решали вопросы деятельности подпольных организаций, координации её с задачами партизанских формирований и нуждами Красной Армии.

Благодаря мерам, предпринимавшимся ЦК КП(б) Литвы, подполье окрепло, деятельность его стала значительно

эффективнее. Одновременно из советского тыла продолжали прибывать новые организаторские группы. В отчёте о своей деятельности с сентября 1942 года по август 1943 года ЦК КП(б) Литвы писал: «За прошедший год ЦК КП(б) Литвы провёл ряд мероприятий по подготовке к дальнейшему продвижению в Литву организаторов партийной и партизанско–диверсионной работы в тылу врага и по усилению связей и руководства подпольными большевистскими организациями в Литве… В такие решающие места, как Каунас, Вильнюс, Шяуляй, люди направляются систематически. Отправка людей в основном производится из бывших партийных, советских и комсомольских работников…»[204] Только за семь месяцев 1943 года ЦК КП(б) Литвы послал в тыл врага 20 организаторских групп.

Наряду с созданием в тылу врага партийных органов ЦК КП(б) Литвы и местные партийные организации проводили большую работу по созданию комсомольских органов. В Каунасе и его пригородах уже в 1942 году действовало 17 подпольных комсомольско–молодёжных организаций. Для руководства ими в августе 1942 года был создан Каунасский горком комсомола. В него вошли М. Мартинайтис, П. Штарас (секретари), И. Красаускас, М. Вилкаускас и В. Петраускас. Всего в городской комсомольской организации было 85 членов[205]. В помощь горкому в 1943 году ЦК ЛКСМ Литвы направил в Каунас группу организаторов. На заседании городского и уездного комитетов комсомола была обсуждена деятельность подпольных комсомольских организаций, намечены конкретные мероприятия по дальнейшему развёртыванию комсомольско–молодёжного подполья в городе и уезде. В состав горкома и укома комсомола были введены Герои Советского Союза Ю. Алексонис, Г. Бориса, А. Чепонис. На одном из очередных заседаний горком и уком комсомола приняли решение издавать газету «Комъяунолис» («Комсомолец»). Комсомольцы–подпольщики Каунаса регулярно сообщали командованию Красной Армии о сосредоточении на железнодорожной станции воинских эшелонов врага и т. д.

Еще в конце 1941 года в Расейнском уезде возникла крупная подпольная организация, объединившая 87 комсомольцев. Руководил организацией комитет в составе й. Тейшеркиса, Й. Савицкаса и Г. Стошкевичюте. Окрепли и значительно выросли подпольные комсомольские организации в Вильнюсе, в Швенченском, Утенском, Зарасайском, Биржайском, Рокишкском и других уездах. В большинстве случаев подпольными комсомольскими организациями руководили укомы комсомола. «Уездные комитеты комсомола организованы в 14 уездах», — писал в своём отчёте в 1943 году ЦК ЛКСМ Литвы.

Большую роль в создании и укреплении комсомольско–молодёжного подполья сыграли направленные ЦК ЛКСМ Литвы организаторские группы. В одном из своих отчётов ЦК ЛКСМ Литвы писал: «В 1942 году было послано в 15 уездов по одной комсомольской группе, что составило 92 человека ответственных комсомольских работников. В 1943 году были направлены группы ещё в 4 новых уезда и даио подкрепление в те уезды, которые нуждались в помощи. С начала 1943 года послано ещё 58 ответственных комсомольских работников. За два года послано на территорию Литовской ССР 150 человек и охвачено 19 уездов» (из 23)[206].

Силы комсомольско–молодёжного подполья быстро росли. Так, комсомольская организация Швенченского уезда в 1943 году выросла до 100, Каунаса — до 138, Расейнского уезда—-до 150 человек. Значительно выросли подпольные комсомольские организации в Вильнюсском и Тракайском уездах.

Для улучшения руководства комсомольско–молодёжным подпольем и усиления работы с молодёжью в партизанских отрядах решением ЦК КП(б) Литвы от 28 июля 1943 года была создана оперативная группа ЦК ЛКСМ Литвы во главе с секретарём ЦК Й. Мацявичюсом. Она находилась вместе с оперативной группой ЦК КП(б) Литвы в районе озера Нарочь.

Создание в тылу врага руководящих партийных и комсомольских органов, укрепление и рост местных подпольных партийных и комсомольских организаций значительно усилили деятельность подпольщиков. Одним из её важнейших направлений была помощь партизанам. Подпольщики собирали сведения о противнике, переправляли к партизанам патриотов, стремившихся к активной вооружённой борьбе с захватчиками, добывали для партизан оружие, взрывчатку, медикаменты. Например, каунасские подпольщики к 1943 году установили тесные связи с партизанскими отрядами, действовавшими в Кедайнском, Тракайском, Мариямпольском и Укмергском уездах. Нередки были случаи, когда подпольные группы, обрастая активом из местного населения, реорганизовывались в партизанские отряды. Так, действовавшая с конца 1941 года в Расейнском уезде комсомольская организация (в ней было 87 человек) стала в 1942 году ядром партизанского отряда «Мститель»[207]. Оставшиеся в подполье комсомольцы во главе с укомом комсомола поддерживали с отрядом тесную связь. На базе ряда подпольных организаций Тракайского уезда укомом партии в 1943 году было создано три партизанских отряда: «За Родину», «Свободная Литва», «Освободитель».

Широкий размах приобрела боевая деятельность подпольных

организаций. 29 апреля 1942 года каунасские подпольщики пустили под откос воинский состав с живой силой. Катастрофа приняла такие размеры, что гитлеровцам пришлось в течение недели ликвидировать её последствия. Комсомольцы–подпольщики Каунаса в октябре 1942 года подожгли фабрику, изготовлявшую сборные бараки для гитлеровской армии; на подъездных путях фабрики «Майстас» перевели стрелку и столкнули поезд с вагонами, стоявшими на запасном пути. Во время воздушной тревоги они подожгли на железнодорожной станции три вагона с воинскими грузами. С 1942 года в Вильнюсе активно действовала подпольная организация во главе с коммунисткой С. Мадейскер и комсомольцами А. Кунигенасом и В. Сенкевичем. Члены организации подожгли воинский склад, взорвали несколько паровозов и железнодорожный состав.

С досадой оберштурмбанфюрер Крис докладывал своему начальству о случае, происшедшем 23 марта 1942 года, во время налёта советской авиации на Вильнюс: «…достоин особого внимания факт, подмеченный многими немецкими сотрудниками в различных наших отделениях города: красными светящимися пулями были поданы с земли сигналы нападающим самолётам, которые после этого метко сбрасывали свои бомбы».

Подпольные организации в борьбе против оккупантов и их пособников прибегли и к террору. В Каунасе, Вильнюсе, Шауляй и других городах были созданы боевые тройки, специально занимавшиеся истреблением врагов. И нередко не возвращался в свою часть фашистский офицер, прекращал своё грязное дело гестаповский агент.

В Вильнюсе боевые тройки возглавлял член подпольного горкома партии М. Корабликов. Под его руководством уничтожались гитлеровцы и местные фашисты, совершались крупные диверсии: были выведены из строя городская электростанция, железнодорожное депо и другие предприятия.

В течение всего времени вражеской оккупации литовские подпольщики одной из своих главных задач считали политическую работу в массах. Через газеты, листовки и устные беседы они разоблачали фашистскую пропаганду, антинародную сущность мероприятий оккупантов, предательство буржуазных националистов, освещали успехи Красной Армии и партизан, указывали массам конкретные пути борьбы с захватчиками.

Особенно усилилась политическая работа подпольщиков в массах после образования руководящих партийных центров, имевших типографии и непосредственно связанных с советским тылом. Оперативная группа ЦК КП(б) Литвы в 1943 году начала издавать газету «Партизан Литвы», оперативная группа ЦК ЛКСМ

Литвы — газету «Потомок Грюнвальда». Газеты выпускали и многие укомы партии, например, Биржайский уком партии — газету «Борец свободы», Тракайский — «Партизанский клич», позже «Тракечю шукис» («Призыв тракайцев»). Резко возрос выпуск подпольщиками листовок и обращений к населению. Их активно распространяли комсомольско-молодёжные группы. Комсомольцы–подпольщики Каунаса и некоторых других городов сделали штампы «Смерть немецким оккупантам!» Неизменно появляясь на объявлениях и приказах захватчиков, эти надписи ободряюще действовали на население, приводили в неистовство оккупантов. Гитлеровцы потеряли самообладание, когда однажды, в 1943 году, в передачу фашистского радио на литовском языке вдруг ворвались слова: «Смерть немецким оккупантам!» Это начала работать коротковолновая радиостанция каунасских подпольщиков. Ее оборудовал по заданию Каунасского горкома партии комсомолец Ю. А. Алексонис. Подстраиваясь на каунасскую волну, подпольная радиостанция регулярно передавала сводки Совинформбюро, фельетоны, высмеивавшие гитлеровцев и их сообщников, рассказывала о зверствах захватчиков. Оккупанты не могли даже запретить населению слушать эти передачи: они велись на волнах передач фашистского радио. Жители Каунаса называли подпольную радиостанцию «Голосом правды».

Большую помощь подпольщикам и партизанам в политической работе среди населения оказывали ЦК КП(б) Литвы и политические органы Красной Армии.

В феврале 1942 года в Москве было возобновлено издание органа ЦК КП(б) Литвы газеты «Тиеса». В мае политорганами Северо–Западного фронта начали издаваться газета «За Советскую Литву» и листовки на литовском языке. Газеты и листовки сбрасывались на территорию республики с самолётов. Только 16 декабря 1942 года лётчики Северо–Западного фронта распространили по маршруту Шяуляй — Каунас — Утена 245 тысяч газет и листовок[208]. Всего же в 1942 году (главным образом подпольщиками и партизанами) в Литве было распространено 52 издания ЦК КП(б) и ЦК ЛКСМ Литвы в количестве 650 тысяч экземпляров. Кроме того, 489 тысяч экземпляров листовок было выпущено на литовском языке Политуправлением РККА, большая часть которых также была распространена в Литве[209].

ЦК КП(б) Литвы широко использовал радио для связи с литовским народом и мобилизации его на борьбу с захватчиками. Московские радиостанции систематически передавали подготовленные литовской редакцией обзоры и статьи на

политические темы, специальные выпуски для рабочих и крестьян, молодёжи и женщин. По радио выступали руководители Компартии и правительства Литовской ССР, учёные, деятели литературы и искусства, передовики производства, бойцы и командиры литовского соединения Красной Армии. Только за 10 месяцев 1942 года состоялось 163 таких выступления[210].

26 апреля 1942 года в Москве состоялся митинг представителей литовской общественности, 31 мая — представителей литовской молодёжи, 6 декабря — второй митинг литовской общественности. Принятые на этих митингах обращения через печать и радио были широко обнародованы в Литве, сыграли большую роль в мобилизации литовского народа — на борьбу с захватчиками. «Сейчас и в будущем, — говорилось в обращении митинга от 26 апреля 1942 года, — Отчизна будет ценить каждого патриота по тому, как он борется против фашистской оккупации»[211].

Огромная политическая работа подпольщиков и партизан среди населения, успехи Красной Армии оказывали всё большее воздействие на литовский народ. Правда, этот процесс в различных слоях населения протекал по–разному. Рабочие, крестьяне–бедняки, батраки и передовая часть интеллигенции сразу же, с самого начала вражеской оккупации, включились в активную борьбу с захватчиками. Непролетарские же слои населения и среднее крестьянство, напуганные террором и временными успехами гитлеровских войск, первоначально оказывали оккупантам лишь пассивное сопротивление. Но в середине 1943 года наступил коренной перелом в сознании и этих слоёв населения. Активная борьба с оккупантами как в городах, так и в сельской местности стала приобретать массовый, всенародный характер.

В этих условиях перед партийными органами с ещё большей остротой встала задача расширения связей с народом. Необходимо было, сохраняя строгую конспирацию, организовать массы, придать их борьбе целеустремлённый характер. Одной из форм такой связи стали антифашистские организации. Они состояли в основном из беспартийных патриотов, но возглавлялись коммунистами и действовали под руководством подпольных партийных органов. При этом соблюдалась строгая конспирация. Члены антифашистских организаций, за исключением их руководителей, не знали о составе и местонахождении парторганизаций и партийных органов.

Антифашистские организации стали возникать уже в начале 1942 года. Являясь связующим звеном между глубоко законспирированными партийными организациями и

трудящимися массами, они вели большую агитационную работу, организовывали срыв мероприятий оккупантов, помогали партизанам.

Крупная антифашистская организация была создана в Вильнюсе. В начале 1942 года старый коммунист поляк Я. Пшевальский сплотил вокруг себя группу из членов бывшей Компартии Западной Белоруссии М. Корабликова, А. Мажуца, Веры и Ромуальда Огоновских и других. Вскоре они создали нелегальную организацию «Союз активной борьбы», имевшую целью организовать на борьбу с оккупантами антифашистов польской национальности. В вильнюсском гетто подпольную группу создали бывшие члены Компартии Западной Белоруссии И. Витенберг, С. Мадейскер, Б. Шершневский, Х. Боровская и другие. Вскоре Я. Пшевальскому удалось наладить связь с этой группой. Одевшись так, как гитлеровцы заставляли одеваться евреев, он проходил в гетто и участвовал в совещаниях подпольщиков.

В это время активную деятельность по собиранию антифашистских сил развернул инженер коммунист Ю. Витас. Это был замечательный советский патриот, мужественный борец партии.

С начала 1919 года, связав свою судьбу с Коммунистической партией, Витас участвовал в партизанском движении в Алитусском районе. Во время боев частей Красной Армии с объединёнными силами контрреволюции он неоднократно проникал в расположение врага, вёл пропагандистскую работу среди вражеских солдат. Потом Витас боролся с буржуазным строем в подполье, в 1921 году за революционную работу в буржуазной армии был арестован. Ему грозил военный суд и расстрел. Но суд и казнь не состоялись: мятежный солдат бежал. Вскоре по решению ЦК Компартии Литвы Витас уехал в Москву, где учился в университете национальных меньшинств Запада, затем в Электромашиностроительном институте. Успешно закончив учёбу, Витас работал на различных предприятиях в Дзержинске, Орле, Курске, Ленинграде. После свержения буржуазной режима в Литве Витас вернулся в родной край. До войны он работал председателем Вильнюсского горсовета. Оставшись в оккупированной врагом Литве, Витас побывал в Алитусе, Укмерге и Каунасе, где создал несколько антифашистских групп. Возвратившись в Вильнюс, он сколотил вокруг себя группу патриотов.

24 февраля 1943 года в Вильнюсе был образован антифашистский комитет. В его состав вошли Ю. Витас (секретарь), В. Лабанаускас, А. Булота, В. Казлаускас и другие.

Комитет принял решение называть созданную антифашистскую организацию «Союзом освобождения Литвы». Сплачивая антифашистские силы в городе, Ю. Витас установил связь с Я. Пшевальским, возглавлявшим группу антифашистов–поляков, а через него —с антифашистской группой в гетто. 8 мая 1943 года все три организации объединились в единую городскую антифашистскую организацию.

Одновременно был создан подпольный Вильнюсский горком КП(б) Литвы. Первым секретарём его был избран Ю. Витас (дядя Юозас). В состав комитета вошли Я. Пшевальский (Янковский), М. Корабликов (Володя), И. Витенберг (Леон), Б. Шершневский (Иодайтис), В. Казлаускас[212]. За короткое время горкому партии удалось создать большую, широко разветвлённую антифашистскую организацию, насчитывавшую около 500 человек. Ядро её составляли 120 коммунистов[213]. В целях конспирации организация была построена по принципу не связанных друг с другом троек и пятёрок. Под руководством горкома партии организация развернула активную деятельность.

Я. Пшевальскому было поручено руководить агитационно–массовой работой. На его квартире была оборудована нелегальная типография. Шрифт для неё похитил из типографии «Аушра» рабочий типографии подпольщик И. Ковальский. От имени антифашистских организаций горком партии выпускал две газеты. На литовском языке от имени «Союза освобождения Литвы» издавалась газета /«Тевинес фронтас» («Фронт Родины»), на польском языке от имени «Союза польских патриотов» (так позже стал называться «Союз активной борьбы») — газета «Штандар вольносци» («Знамя свободы»). Кроме того, подпольщики издавали листовки на литовском, польском, русском и немецком языках.

Вильнюсские подпольщики–антифашисты проводили большую боевую работу. Активно действовали боевые тройки, уничтожавшие гитлеровцев и их приспешников, совершались диверсии. Члену подпольного горкома партии М. Корабликову удалось связаться с партизанами оперативной группы ЦК КП(б) Литвы, действовавшими в районе озера Нарочь, и с партизанскими соединениями в РуднинК. ской пуще. Подпольщики собирали для партизан сведения о противнике, переправляли им пополнение — добровольцев–патриотов.

Секретарь подпольного горкома партии Ю. Витас упорно работал над укреплением антифашистских организаций. Один из участников подполья в Вильнюсе — А. Булота впоследствии писал: «Ю. Витас неустанно работал над расширением деятельности организации, с тем чтобы охватить всю территорию

Литвы, особенно территорию за Неманом, которую он считал нашим слабым местом. Всегда бодрый и энергичный, он сам брался за организацию транспортировки литературы, оружия и людей. Нередко он садился на велосипед и с поддельными документами и пистолетом в кармане ехал В Каунас, Укмерге или Алитус»[214].

Однако гестаповцам удалось заслать в антифашистскую организацию своего агента. Начались массовые аресты. 19 июня 1943 года был арестован Ю. Витас и после жестоких пыток зверски убит.

Героическая деятельность Юозаса Томовича Витаса достойно отмечена Родиной. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

29 сентября 1943 года каунасская фашистская газета «Атейтис» со злорадством сообщила о раскрытии в Вильнюсе тайной коммунистической организации, которой руководил Дядя Юозас — Ю. Витас. Но на смену павшим героям приходили новые патриоты — в этом и состояла неодолимость народной борьбы с оккупантами. В конце июля 1943 года ЦК КП(б) Литвы принял решение, обязавшее подпольную оперативную группу ЦК (Г. Зиманаса) обеспечить руководство вильнюсским подпольем через оставшихся на воле членов Вильнюсского подпольного горкома партии, кооптировав в его состав новых членов. 10 августа 1943 года на совещании в РуднинК. ской пуще был создан новый Вильнюсский подпольный горком партии. Первым секретарём его был избран М. Мицейка, вторым — Я. Пшевальский, членами — М. Корабликов, А. Мажуц, С. Мадейскер и А. Сушинскас.

Новый подпольный горком партии укрепил антифашистские организации, принял меры к улучшению конспирации. Представителем в «Союз освобождения Литвы» был утверждён член горкома А. Сушинскас, представителем в «Союз активной борьбы», реорганизованный в «Союз польских патриотов», — второй секретарь горкома партии Я. Пшевальский.

Среди рабочих города Вильнюсский подпольный горком партии образовал новую организацию — профсоюзную. В ноябре 1943 года профсоюзные организации были созданы на 12 предприятиях, а через месяц горком партии имел связь уже с 64 предприятиями и начал издавать профсоюзную газету на польском языке «Звензковец» («Профсоюзник»), Основные задачи профсоюзных организаций состояли в защите интересов рабочих, в политической агитации среди них и мобилизации рабочих на срыв мероприятий оккупантов. Рабочие активно откликались на призывы этих организаций. Вильнюсские железнодорожники

однажды так поставили в депо паровоз, что он в течение двух с половиной часов задерживал 40 паровозов, предназначенных для очередных рейсов[215]. Широко практиковались и диверсии. Делалось это так. При поставке паровозов в промывной ремонт их загоняли в депо, открывали люки и быстро пропускали через котлы горячую воду. В результате в котлах появлялись незаметные на глаз трещины. Во время рейсов паровозы выходили из строя. Так же обстояло дело и на других предприятиях. Срыв заданий, порча инструментов и оборудования, «случайные» аварии, невыход на работу стали массовыми явлениями. Чтобы пресечь их, оккупанты принимали суровые меры, вплоть до расстрела. Но срыв работ на предприятиях не прекращался.

Активная антифашистская организация, называвшаяся «Союз борьбы против фашизма», действовала в 1942–1943 годах в Каунасе. В её руководящее ядро входили рабочие О. Вайвадене и В. Чибилис, коммунисты врач Э. Куторгене, И. Мустейкис, В. Чепинскас, народный художник—резчик по дереву Ю. Лауринкус и другие. Всего в организации было около 200 человек. Она издавала газету «Кова» («Борьба»), которая распространялась в городе и его окрестностях. В дальнейшем организация стала называться «Антифашистский союз Литвы». Действовала она под непосредственным руководством Каунасского горкома партии. Подпольщики–антифашисты распространяли листовки, собирали сведения о противнике, организовывали срыв работ на предприятиях. В июле 1943 года гестаповцам удалось раскрыть организацию и арестовать 50 человек. Остальные её члены благодаря предпринятым подпольным горкомом партии мерам были переправлены к партизанам и с оружием в руках продолжали борьбу с захватчиками.

В каунасском гетто действовала антифашистская организация, созданная коммунистами М. Ланайте, М. Рафасом, М. Шерманасом, Е. Шмуйловасом и комсомольцами Е. Пянко, М. Рубинсонасом и другими.

Постепенно члены антифашистской организации включались в деятельность партийной и комсомольской организации гетто, а также города. Большие потери фашисты понесли в июле 1943 года, когда членами антифашистской организации каунасского гетто был взорван оружейный склад в V форте. Во время взрыва погибли выполнявшие это задание члены организации комсомолец М. Лурье и Ф. Парадас.

Антифашистская организация каунасского гетто организовывала побеги патриотов из гетто в партизанские отряды. Большую помощь подпольщикам оказал заведующий

детскими яслями врач П. Баублис. Вместе с медицинскими сёстрами Е. Уборявичене, П. Витоните и другими работниками яслей он приютил около 30 детей евреев, ушедших из гетто в партизанские отряды.

Направляемые подпольными партийными органами, активно работали антифашистские организации в Шяуляе, Паневежисе, Утене, Кедайняе, Мариямполе, Швенченисе и других уездах. Подпольщики-антифашисты Сувалки развернули среди крестьян работу под лозунгом: «Не дадим утвердиться на нашей земле–кормилице немецким кровопийцам! Уничтожайте колонистов, сжигайте их хозяйства!»

Прямым результатом политической работы подпольщиков, растущей активности трудящихся в борьбе с захватчиками явился все усиливавшийся массовый срыв мероприятий оккупантов. Фашистская пропаганда трубила о «добровольном» наборе рабочих для германских предприятий на оккупированной территории Литвы. Но официальные документы оккупантов говорили о другом. 25 мая 1942 года генеральный комиссар Литвы Рентельн издал приказ о насильственной отправке крестьян на работы в Германию. В приказе говорилось: «Крестьяне, которые по тем или иным причинам подверглись репрессиям, должны быть направлены в трудовые лагеря или же в Германию для несения трудовой повинности. Ни в коем случае нельзя оставлять их на свободе в генеральном округе Литвы (даже после отбытия ими Срока лишения свободы)»[216]. О принудительных методах вербовки рабочей силы свидетельствует и приказ начальника полиции безопасности и СД «Остланда» от 16 ноября 1942 года: «Рейхсфюрер СС приказал 3 ноября 1942 г. брать в плен все излишнее и трудоспособное население в районах действий банд, оккупируемых и прочесываемых нами. Они должны быть направлены в Германию в качестве рабочих. Я предлагаю направить соответствующие указания командирам, с тем чтобы самым срочным образом докладывать мне о количестве захваченной рабочей силы после каждой проведённой операции прочёсывания»[217].

Так же обстояло дело и с «добровольным» выполнением крестьянами установленных захватчиками поставок сельскохозяйственной продукции. Крестьяне всячески срывали их. Гитлеровцы отвечали на это жестокими репрессиями. Областной комиссар Вильнюсского округа в 1943 году писал генеральному комиссару в Каунасе: «О саботаже поставок. После того как в начале декабря 1942 г. был повторно опубликован в форме плаката ясный и недвусмысленный приказ ко всему сельскому населению о поставках и было указано на то, что на виновных в

его невыполнении будут наложены строжайшие взыскания, в начале февраля, когда положение с поставками хотя несколько и улучшилось, но все же оставалось отнюдь не удовлетворительным, я был вынужден в целях обеспечения снабжения фронта и тылового населения дать приказ о расстреле лиц, явно саботирующих обязательные поставки. 40 подобных саботажников было расстреляно службой безопасности в различных административных округах, причём расстрел производился немедленно, тут же на месте»[218].

Тысячи литовских крестьян за невыполнение поставок были согнаны с земли, отправлены на каторжные работы в Германию, заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря. В одном только Укмергском уезде в 1943 году за несвоевременную поставку лошадей было осуждено на каторжные работы от трёх до пяти лет более 200 крестьян[219].

Но репрессии не достигали цели. Сопротивление крестьян оккупантам усиливалось и все чаще перерастало в более активные партизанские действия: крестьяне жгли хлеб колонистов, выгоняли их из деревень и хуторов.

Несмотря на растущее сопротивление литовского народа, гитлеровцы пытались использовать его молодёжь в борьбе с Красной Армией. Трудно сказать, что родило эту бредовую идею. Видимо, крикливая кучка буржуазных националистов представлялась захватчикам большинством литовской нации. Да и дела на фронте были чрезвычайно плохи. Красная Армия, разгромив гитлеровские армии под Сталинградом и на Кавказе, продолжала наносить врагу сокрушительные удары. Пушечного мяса у фашистов становилось всё меньше.

5 апреля 1943 года в Каунасе для выражения «воли литовского народа» состоялась созванная оккупантами конференция литовских буржуазных националистов и реакционного духовенства. Конференция направила верноподданническое послание Гитлеру и призвала литовскую молодёжь вступать в гитлеровскую армию. Но этот «глас народный» повис в воздухе. Вербовочные пункты в эсэсовские легионы пустовали. Лишь небольшое число кулацких сынков согласилось служить в этих легионах.

Убедившись в провале своих планов «добровольного» набора литовцев в эсэсовские легионы, оккупанты распространили на Литву пресловутую «тотальную мобилизацию». В феврале — марте 1943 года была объявлена регистрация молодёжи 1919–1924 годов рождения. В вывешенныхг повсеместно объявлениях говорилось: «Кто уклонится от явки на комиссию по мобилизации, семья того будет расстреляна, а имущество

сожжено»[220].

Но литовский народ не дрогнул перед этими угрозами. Он шёл за Коммунистической партией. В городах и сёлах из рук в руки ходили листовки с призывом ЦК КП(б) Литвы. В нём говорилось: «Над нашим народом нависла смертельная опасность. Гитлеровцы хотят, чтобы вы клали свои головы за них, чтобы вы шли воевать против Красной Армии, сражающейся за уничтожение немецких захватчиков и освобождение нашей Литвы.

Не давайте себя запугивать и все, как один, отказывайтесь вступать в ряды гитлеровской банды».

И как ни изощрялись оккупанты, как ни увещевали молодёжь буржуазные националисты и «духовные пастыри» — реакционное духовенство, попытка создать литовские эсэсовские легионы с треском провалилась. В то же время росли силы партизан — в их ряды шли те, кому угрожала мобилизация в гитлеровскую армию.

Рассвирепевшие гитлеровцы прибегали к «санкциям». Новая волна террора и репрессий прокатилась по Литве. Захватчики пытались уничтожить литовскую интеллигенцию, не без оснований полагая, что лучшая её часть активно участвует в борьбе против «нового порядка». Только в марте 1943 года в концлагеря было заключено более 60 литовских деятелей науки и искусства. Но наиболее тяжёлые удары обрушились на рабочих и крестьян. На предприятиях прошли массовые аресты, в сельской местности свирепствовали карательные отряды, уничтожавшие целые деревни вместе с их населением. Однако все это лишь ожесточало народ, толкало его к более активной борьбе с оккупантами.

Усилили свою деятельность гестапо и другие карательные органы оккупантов. Они хватали и бросали в тюрьмы и концлагеря каждого, кто хоть в малейшей степени вызывал у них подозрение. Но и в фашистских застенках патриоты продолжали мужественную борьбу.

Сейчас весь мир знает о подвиге узников IX форта Каунасской крепости. Страшную славу стяжал себе этот форт. Здесь было расстреляно гитлеровцами около 80 тысяч советских людей. Сжигать трупы фашисты заставляли советских военнопленных и арестованных подпольщиков Каунаса. Все они со временем тоже подлежали расстрелу. Эта команда смертников, закованная днём в кандалы, охранялась 35 автоматчиками–эсэсовцами. Казалось, что о побеге бессмысленно думать. Даже если бы удалось обмануть охрану, то на пути беглецов оказался бы огромный ров и шестиметровая каменная стена. И все же побег состоялся.

Зачисленные в команду смертников патриоты не пали духом.

Они создали подпольную комсомольскую организацию и комитет освобождения. Тщательно были обдуманы различные варианты побега, собрано все необходимое для его осуществления.

В ночь на 25 декабря 1943 года, когда перепившаяся по случаю рождества охрана ослабила бдительность, смертники вскрыли все камеры форта. Опасным был путь от каземата до туннеля. Ночью выпал снег, и на его фоне часовые сразу же могли обнаружить людей. Но и эта возможность была предусмотрена комитетом освобождения. Заранее из отдельных клочков было сшито большое белое покрывало. Двое беглецов держали покрывало за концы, а под ним проползали все остальные. Пробежав по туннелю, смельчаки по снегу скатились в ров. И здесь последнее, но самое тяжёлое препятствие — шестиметровая стена. Узники сделали лестницу из нарезанных кусков одеял и досок, принесённых с собой. Прихватив её конец, один из комсомольцев с огромным трудом забрался на стену. Начался подъем. Участник побега, М. Курганов, впоследствии так описывал этот самый тяжёлый момент операции: «Колышется деревянная лестница под тяжестью. Беглец то оторвётся, то вновь ляжет на стену. Лестница трещит, трещат доски, верёвки, которые их связывают, все трещит, но дюжит… Надеюсь, дотянет до нас. И вдруг треск: какое-то звено лопнуло, лестница легла на стену, но пока держит. Выноси, дорогая! Теперь лезть значительно труднее — почти совсем вертикально. Все торопятся… Теперь мой черёд. Лезу. Взгляд вверх, на кручу освобождения, она ещё далеко, а ступени уже почти уходят из-под ног. И оборвётся — и я один внизу, на растерзание врагу. Но отгоняю эти мысли. Товарищи никогда не покинут в беде. Вот и лестница выдержала. Спасибо!..

И сразу же надо цепляться руками за вторую, верёвочную лестницу, она идёт вверх по покатой насыпи. Без неё немыслимо было подняться на такую кручу. Медленно, едва перемещая руки и ноги, ползу вверх. На этот раз благополучно взбираюсь и падаю в объятия Саши (один из организаторов побега. — *Ред.)*. Здесь и остальные члены боевого центра. Они ждали меня, как сигнала о полном успехе побега. Остальные группы уже далеко, их уже не видно. Мы обнимаемся, жмём руки… Ушли»[221]. 64 человека избавились в эту ночь от фашистского ада и неминуемой смерти.

И как бы ни были заняты организаторы побега сложными подготовительными делами, они не отказали себе в удовольствии посмеяться над гестаповскими тюремщиками. Покидая каземат, они нарисовали на двери одной из камер огромный кукиш перед лицом фашистского офицера.

Массовый побег из IX форта вызвал огромный переполох в стане врага. В Каунас примчались эсэсовские генералы из Риги и

даже из Берлина. Во все стороны полетели телеграммы с приказом во что бы то ни стало найти беглецов. В Центральном государственном архиве Литовской ССР недавно обнаружена радиограмма № 843 от 28 декабря 1943 года, направленная начальнику полиции РокишК. ского уезда. В ней говорилось: «Всеми имеющимися средствами искать, так как задержать их (беглецов. — *Ред.)* очень важно». И действительно, беглецы были очень опасны для гитлеровцев, как очевидцы творившегося в IX форте массового истребления людей.

Но поймать смельчаков фашистам не удалось. Одна из групп беглецов быстро связалась с каунасскими подпольщиками и уже 26 декабря составила акт обо всём виденном в форте смерти. Этот акт партизаны отряда «Смерть оккупантам», действовавшего в окрестностях Каунаса, переправили в начале 1944 года в Южный обком КП(б) Литвы, который самолётом доставил его в Москву. Так мир узнал о чудовищных преступлениях фашистов в IX форте. А бывшие смертники влились в партизанские отряды.

К началу 1944 года народная партизанская борьба в Литве против гитлеровских захватчиков и их буржуазно–националистических пособников приобрела ещё больший размах, в ней участвовали в той или иной формё уже все слои трудящихся. А это в свою очередь требовало усиления партийного руководства борьбой масс, деятельностью партизанских отрядов и подпольных организаций.

6 января 1944 года ЦК КП(б) Литвы принял решение «Об организации подпольных областных комитетов КП(б) Литвы». В нём говорилось:

«1. В связи с трудностями обеспечения непосредственной связи ЦК КП(б) Литвы со всеми городскими и уездными подпольными большевистскими организациями создать на временно оккупированной территории Литовской ССР два областных подпольных комитета КП(б) Литвы:

а) Южный подпольный областной комитет КП(б) Литвы (города Вильнюс, Каунас и прилегающие к ним уезды: Шакяйский, Каунасский, Тракайский, Вильнюсский и остальные уезды к югу от перечисленных выше);

б) Северный подпольный областной комитет КП(б) Литвы (города Шяуляй, Паневежис и остальные уезды Литвы).

2. Предоставить обкомам право непосредственного приёма в партию в тех городах и уездах, где ещё не созданы подпольные партийные комитеты.

3. Наряду с повседневным руководством подпольными партийными комитетами и через них партизанскими отрядами, группами, а также массовыми антифашистскими организациями

предоставить обкомам право издания газет, листовок и воззваний к населению от имени обкома и от имени ЦК КП(б) Литвы с предварительным согласованием основных вопросов.

4. В случае непредвиденного прекращения связи с ЦК КП (б) Литвы предоставить временно обкомам право действовать по всем вопросам от имени подпольного ЦК КП(б) Литвы»[222].

В состав Северного обкома КП(б) Литвы вошли М. Шумаускас (первый секретарь), С. Апивала (секретарь Швенченского подпольного укома) и Й. Мацевичюс (секретарь ЦК ЛКСМ Литвы). Первым секретарём Южного обкома КП(б) Литвы был утверждён Г. Зиманас, членами — М. Мицейка (секретарь Вильнюсского горкома и укома), М. Афонин (секретарь Тракайского укома), В. Сакалаускас (секретарь Алитусского укома)[223].

Областные комитеты КП(б) Литвы проделали большую работу по укреплению действовавших и созданию новых партийных органов. Так, Южный обком организовал новые укомы партии: ВилкавишК. ский (секретарь В. Беляускас), Шакяйский (секретарь А. Грибас), Укмергский (секретарь Й. Чулада). Северный обком направил группу работников в Телыияйский уезд и создал Жемайтийский межуком партии, в задачу которого входило руководство партизанской борьбой в Телыняйском, Клайпедском и Кретингском уездах. Секретарем Жемайтийского межукома партии был утверждён Ю. Мотузас, членами— А. Вайткус, А. Бальсис. В середине 1944 года на территории Литвы действовало 20 укомов партии (в конце 1943 года было 14 укомов).

В свою очередь укомы широко развернули работу по созданию волостных комитетов. К моменту освобождения Литвы на её территории действовало 29 волкомов КП(б) Литвы[224]. «Первое, что мы считаем необходимым, — это создание своей организационной сети с крепкими уездными и волостными центрами, — писал 5 марта 1944 года в отчёте ЦК КП(б) Литвы член Южного обкома партии М. Афонин. — В основном эта задача теперь решена, но ещё требуется качественная отшлифовка и некоторая замена более качественными людьми. Активизация организации — вот один из вопросов, который мы ставим перед руководящими товарищами. Создание инструкторского аппарата при руководящих органах показало свою положительную сторону. Мы теперь имеем возможность чаще бывать в организациях, давать им инструктаж и получать важные информации»[225].

Несмотря на большие провалы в 1943 году, значительно выросли парторганизации Вильнюса, Каунаса, Шяуляя. После провала в вильнюсской организации осталось 26 членов партии, а

в 1944 году она снова выросла до 80 членов. Каунасская партийная организация с 80 человек в начале 1944 года выросла к июлю до 150 членов, шяуляйская — с 58 до 95 членов[226]. В тракайской уездной патрорганизации до начала войны было 11 первичных парторганизаций со 105 коммунистами[227], а в июне 1944 года в уезде действовало 37 подпольных парторганизаций, объединявших 162 коммуниста[228].

Быстро ррсли подпольные парторганизации и в других уездахз в Рокишкском уезде, было создано 19, Алитусском—13, Расейнском — 9? Утенском — 14, Швенченском — 7, в Мариямпольском — 8 подпольных партийных организаций. Это знаменательно! Люди шли в партию в условиях фашистской оккупации, кровавого террора, когда не только принадлежность к партии, но просто выраженное недовольство захватчиками каралось смертью!

ЦК КП(б) Литвы принял также меры по усилению комсомольского подполья. В феврале 1944 года были созданы Северный и Южный областные комитеты ЛКСМ Литвы. Они возглавляли 18 уездных и городских комитетов комсомола, объединявших 236 подпольных комсомольских организаций[229]. В борьбе с фашистскими захватчиками закалялись и мужали сотни замечательных комсомольских руководителей. Неутомимыми организаторами молодёжи в подполье были секретарь Южного подпольного обкома комсомола Ю. Олекас, боровшийся в тылу врага с августа 1942 года, секретари укомов комсомола: Утенского — Л. Бакутис и Рокишкского — А. Кайрялис, погибшие в схватках с врагом, секретарь Расейнского подпольного укома комсомола И. Тейшерскис, секретарь Швенченского укома комсомола В. Худоба, секретарь Вильнюсского подпольного укома С. Мадейскер. Литовский народ глубоко чтит память организаторов каунасской молодёжи, членов Каунасского городского и уездного комитетов комсомола Героев Советского Союза А. Чепониса, Г. Бориса, Ю. Алексониса, отдавших свои молодые жизни делу победы над фашистскими захватчиками.

Под руководством партийных организаций в городах и деревнях росли антифашистские организации. 6 января 1944 года ЦК КП(б) Литвы принял решение «О создании массовых антифашистских организаций на временно оккупированной территории Литовской ССР». В решении говорилось: «Предложить всем подпольным комитетам КП(б) Литвы усилить работу по созданию массовых (народных) антифашистских организаций и активизации их деятельности, направленной на срыв всех мероприятий оккупантов, проводимых в стране, и использовать

их для отрыва тех масс, которые находятся под влиянием националистических и шовинистических организаций»[230].

Исходя из этих задач, укомы партии в начале 1944 года создали новые подпольные антифашистские комитеты и организации: Утенский уком организовал 15, Укмергский—17, Швенченский — 10, Шяуляйский — 5, Кедайнский — 3 антифашистских комитета. Всего в 1944 году в антифашистских организациях, действовавших в Литве, руководимых укомами и горкомами КП(б) Литвы, насчитывалось около 3 тысяч активных антифашистов–подпольщиков.

Особенно хорошо была поставлена работа в антифашистских организациях Вильнюса («Союз освобождения Литвы», «Союз польских патриотов»), В этих организациях боролись против оккупантов около 200 патриотов. Обе организации распространяли листовки, выпускали газету «За вольносць» («За свободу»), организовывали побеги и переправляли к партизанам советских военнопленных, содержавшихся в Антокольском лагере, В тесном контакте с этими организациями продолжали действовать антифашисты вильнюсского гетто. При помощи городских подпольщиков ими был организован побег из гетто 300 человек, которые влились в партизанские отряды.

С 15 по 18 февраля 1944 года в Вильнюсе состоялся съезд организаций «Союза польских патриотов», в котором приняли участие 27 представителей из разных уездов Литвы, а также из Белоруссии (г. Лида). Среди участников съезда были Я. Пшевальский, С. Федецкий, К. Намысловский, В. Борисевич, М. Жеромска, Р. Богданенко и другие поляки–антифашисты.

Съезд разработал практические задачи дальнейшей деятельности «Союза польских патриотов» в Литве. В принятой резолюции отмечалось, что целью организации является вооружённая борьба с фашистскими оккупантами. Резолюция обязала членов союза шире вовлекать население в партизанские отряды и подполье, усиливать срыв работ в сельском хозяйстве, на заводах и железных дорогах.

Особое внимание в резолюции было обращено на необходимость усиления политической работы среди населения по разоблачению польских буржуазных националистов в Литве, действовавших по директивам лондонского польского эмигрантского правительства. Резолюция заклеймила действия вооружённых банд польских националистов, которые установили связь с оккупантами, получали от них оружие, боеприпасы, медикаменты, помогали им уничтожать советских людей, подавлять партизанское движение.

Резолюция заканчивалась поздравлениями создаваемому в

СССР Войску Польскому, Красной Армии, Центральному правлению «Союза польских патриотов». Отпечатанная в газете «Штандар вольносци» («Знамя свободы»), резолюция съезда была широко распространена. Она сыграла большую положительную роль в мобилизации польского населения Литвы на борьбу против оккупантов и польских буржуазных националистов.

Но хорошо налаженной деятельности вильнюсского подполья был нанесён тяжёлый удар. В мае 1944 года было арестовано около 130 подпольщиков. Многие из них были расстреляны.

Среди расстрелянных был Я. Пшевальский — коммунист с 1932 года, один из первых организаторов борьбы против фашистских захватчиков в Вильнюсе. Особые заслуги принадлежат Я. Пшевальскому в деле организации подпольной типографии в Вильнюсе, в выпуске листовок и газет. С мая 1943 года Я. Пшевальский работал секретарём Вильнюсского горкома КП(б) Литвы, руководил его агитационной и организационной работой, создавал профсоюзы, организовывал диверсии, подбирал людей в партизанские отряды.

Тяжелой утратой была гибель Г. Глезерите. Шесть лет она провела в тюрьмах в годы буржуазной диктатуры в Литве. В июне 1943 года Г. Глезерите из Москвы была направлена в тыл врага и в течение года прошла пешком многие сотни километров, была в Каунасе, Вильнюсе и в других городах. Всюду она разыскивала оставшихся на оккупированной территории коммунистов и комсомольцев, создавала новые подпольные организации. Г. Глезерите сумела пробраться в еврейские гетто в Каунасе и Вильнюсе, помогла многим патриотам бежать в партизанские отряды. В мае 1944 года гестапо выследило подпольщицу в Вильнюсе. Во время преследования, не желая сдаться, Г. Глезерите застрелилась.

В марте 1944 года гестаповцы напали на след каунасских подпольщиков. В течение трёх недель было арестовано 36 коммунистов и около 30 партизанских связных. Фашистам удалось выследить и убить секретаря городского и уездного комитета партии Ф. Кругликова, члена комитета А. Керснаускаса. 9 мая был арестован секретарь подпольной партийной организации художник Б. Жяконис. На допросе в гестапо он с гордостью заявил: «Да, я коммунист».

Удары врага временно ослабили, но не разбили подполье Каунаса и Вильнюса. Подпольщики не дрогнули перед террором и продолжали мужественно сражаться. Южный обком КП(б) Литвы принял меры для пополнения состава Вильнюсского и Каунасского горкомов и укомов партии.

ЦК КП(б) Литвы и работавшие в тылу врага партийные

органы, как и прежде, большое внимание уделяли распространению в Литве политической литературы. Всего за время вражеской оккупации на территории республики было распространено 134 воззвания общим тиражом 7,5 миллиона экземпляров, из них 2 миллиона газет, 48 политических брошюр тиражом 580 тысяч экземпляров и 170 тысяч экземпляров другой литературы, изданной центральными органами. Кроме того, газеты и большое количество листовок издавали партийные и комсомольские органы на местах. «Население расхватывает нашу литературу», —сообщал Литовскому штабу партизанского движения секретарь Северного обкома КП(б) Литвы М. Шумаускас. «Выпуск нашей газеты и полученная литература из центра являются хорошим делом в воспитании наших людей… Обращаем внимание на распределение и распространение нашей литературы»[231], — писал 8 апреля 1944 года в ЦК КП(б) Литвы член Южного обкома партии М. Афонин.

Все эти и другие предпринятые ЦК КП(б) Литвы и местными партийными органами меры обеспечили рост и укрепление подпольных партийных, комсомольских и антифашистских организаций, усилили их влияние на массы. В условиях вражеской оккупации, безудержного кровавого террора подпольные партийные организации действовали как ведущая сила народа, и народ во всём следовал за коммунистами.

Авторитет Коммунистической партии в народе неизмеримо возрос. Этого не видели и не хотели видеть лишь оккупанты и местные фашисты — буржуазные националисты. Они ещё надеялись использовать литовский народ в своих целях. В начале 1944 года гитлеровцы попытались вновь втянуть литовский народ в братоубийственную войну. Был разработан гнусный план борьбы с литовскими партизанами при помощи самих литовцев. Эту миссию взял на себя старый палач литовского народа генерал Плехавичюс, согласившийся организовать так называемый «местный отряд» для борьбы с партизанами. Подпольные партийные организации развернули широкую работу среди населения под боевым призывом ЦК КП(б) Литвы: «Всячески мешайте организации оккупантами новых бандитских шаек, так же как прошедшей зимой вы помешали им завербовать литовцев в эсэсовские легионы!»

И подлая затея оккупантов с треском провалилась. «Народом», на который они рассчитывали, оказалась кучка буржуазно–националистических отщепенцев, окружённая всенародной ненавистью. То, что удалось наскрести в «местный отряд» из буржуйских и кулацких сынков, представляло собой жалкий сброд, не способный сколько-нибудь серьёзно вести

борьбу с партизанами. Отряды Плехавичюса отличались главным образом расправами с безоружным населением. Лишь в апреле 1944 года они сожгли деревни Кернаве и Гумбас вместе с их жителями — стариками, женщинами и детьми. Злодеяния отрядов Плехавичюса ещё раз показали, что буржуазные националисты являются матёрыми врагами народа, готовыми ради своих корыстных интересов на любое преступление против нации, вплоть до уничтожения её лучшей и большей части рабочих, крестьян, прогрессивной интеллигенции.

Деятельность подпольных партийных, комсомольских и антифашистских организаций в 1944 году была направлена на оказание всемерной помощи наступавшей Красной Армии и партизанским формированиям. ЦК КП(б) Литвы конкретно руководил подпольем. Только в январе — апреле 1944 года Бюро ЦК. КП(б) Литвы пять раз обсуждало вопросы, связанные с работой подпольных партийных и комсомольских организаций[232]. На первый план теперь выдвигались вопросы, связанные со сбором сведений о противнике, отправкой к партизанам пополнения (оно резко увеличилось: к партизанам стремились все, кто был способен носить оружие), дезорганизацией деятельности оккупационного аппарата, нарушением управления вражескими войсками. Подпольщики были глазами и ушами партизанских формирований, а нередко вместе с ними проводили боевые операции.

Вдохновляя и организуя трудящиеся массы, подпольщики добились такого размаха борьбы населения на срыв мероприятий оккупантов, что у последних уже не хватало сил для его подавления. Стояли многие предприятия, резко ощущалась нехватка рабочих на транспорте. Массовая борьба рабочих усиливалась диверсиями подпольщиков. Например, в Вильнюсе в начале января 1944 года подпольщики взорвали электротрансформатор, в результате чего в городе двое суток не было электричества. В феврале они подожгли авторемонтные мастерские, где сгорело 60 отремонтированных машин[233].

Активно продолжали действовать боевые тройки. Во многих подпольных организациях количество их значительно увеличилось. Боевые тройки совершали диверсии на предприятиях и на транспорте, уничтожали линии телеграфной и телефонной связи, терроризировали оккупантов и их прислужников. Только в течение одного дня в Вильнюсе ими было уничтожено 13 патрулей, проверявших документы у населения[234].

Смелую операцию по уничтожению гитлеровцев провели комсомольцы–подпольщики города Швенчениса. Население

обратилось к подпольщикам с просьбой отомстить кровавому палачу Олю —фашистскому комиссару Швенченского уезда, который 19–20 мая 1942 года руководил уничтожением 500 местных жителей. По его приказам в городе систематически проводились массовые облавы, аресты, расстрелы. Северный обком партии поручил осуществить казнь фашиста комсомольцам. Городские подпольщики–антифашисты (А. Гуйга и другие) произвели необходимую разведку. 24 марта в город под видом крестьян на двух санях въехала группа комсомольцев из партизанского отряда «Жальгирис». Ехали они открыто: везли подарки самому комиссару уезда. Часть подпольщиков заняла посты на улице, а комсомольцы С. Андрюкайтис и В. Дварионас с мешком подарков вошли в помещение уездного комиссариата. Смешавшись с людьми, явившимися сюда с подношениями в надежде откупиться от посылки на каторжные работы, оба комсомольца подошли к кабинету уездного комиссара. И как только Оль вышел в коридор, раздался выстрел. С фашистским палачом было покончено. Вторым выстрелом был убит его заместитель Гейнеман. Воспользовавшись суматохой, подпольщики скрылись.

С приближением Красной Армии непосредственно к границам Литвы ЦК КП(б) Литвы разработал чёткий план деятельности подпольщиков во время освобождения территории республики от захватчиков. Были предусмотрены меры по мобилизации трудящихся на активное противодействие оккупантам, угонявшим население и вывозившим народное добро в Германию. ЦК КП(б) Литвы предложил подпольным организациям подготовить места для укрытия людей, стоянки для скота, создать во всех населённых пунктах специальные группы для борьбы с вражескими факельщиками и экспедиторами имущества[235].

Когда Красная Армия вступила в Литву, подпольщики вышли на улицы. Они обстреливали отступавшие через города и другие населённые пункты вражеские части, внося в них растерянность и панику, уничтожали команды факельщиков, сообщали советским частям сведения о движении и расположении вражеских войск, проводили советских воинов в тыл гитлеровцев.

* * *

Героическая деятельность подпольных, партийных, комсомольских и антифашистских организаций Литвы нанесла большой ущерб захватчикам. Наряду с подпольными

организациями под руководством партийных органов разящие удары по врагу наносили партизанские формирования. Но они были лишь частью народа, поднявшегося на партизанскую борьбу с захватчиками. Главный итог борьбы советских патриотов на оккупированной фашистскими захватчиками территории Литвы состоит в том, что подпольщики и партизаны пользовались безграничной поддержкой всего трудового народа. В этом заключался источник их силы и непобедимости. В этом состоял и основной просчёт оккупантов и литовских буржуазных националистов, рассчитывавших использовать литовский народ в своих гнусных целях.

Литовский народ в годину тяжёлых испытаний ещё раз своей героической борьбой, многочисленными жертвами подтвердил свою преданность Советской власти, великой ленинской партии.

НАРОДНАЯ ГВАРДИЯ

А. М. Черненко, ***кандидат исторических наук***

Исключительно сложной и во многих отношениях поучительной была партизанская борьба против фашистских захватчиков на Львовщине.

Со времени воссоединения её с УССР и до нападения гитлеровской Германии на СССР прошло менее двух лет. Но за этот короткий срок на западноукраинских землях были осуществлены важнейшие социалистические преобразования: проведена национализация крупной промышленности и банков, помещичьих, монастырских и других частных крупных земельных владений. Крестьяне получили в бесплатное пользование более одного миллиона гектаров пахотной земли. Все это наряду с большой политической и организаторской работой партии и государства способствовало утверждению в западных областях Украины социалистических производственных отношений, социалистической идеологии.

Вместе с тем остатки разбитых эксплуататорских классов яростно сопротивлялись проведению социалистических преобразований, вели злобную антисоветскую пропаганду. Бывшие владельцы предприятий, торговцы, кулаки, реакционная часть интеллигенции группировались вокруг организации украинских буржуазных националистов, деятельность которых инспирировалась и материально обеспечивалась разведывательными органами фашистской Германии.

Напав на Советский Союз, гитлеровские захватчики надеялись, что украинские националисты поведут за собой значительную часть населения Украины. Но они жестоко просчитались.

В ночь на 30 июня 1941 года Красная Армия вынуждена была оставить Львов. Вскоре захватчики оккупировали всю Львовскую область. Но с ликованием их встретили только вылезшие из своих нор разного рода «бывшие» — те, кого Советская власть лишила возможности эксплуатировать трудящихся. Рабочие же, трудовое крестьянство, прогрессивная интеллигенция рассматривали фашистское вторжение как величайшее бедствие и искали пути борьбы с ненавистным врагом.

Оккупанты, чтобы запугать трудящихся, прибегли к массовому террору. Уже в первые дни оккупации только во Львове гитлеровцы расстреляли 250 учителей, около 400

советских и профсоюзных работников, более 5 тысяч советских граждан[236]. Массовое уничтожение советских людей проводилось также в Дрогобыче, Золочеве, Сокале, Яворове, Желкве, Городке, Бродах, Раве–Русской и в других городах и населённых пунктах области. Особенными зверствами при проведении этих акций отличился батальон «Нахтигаль» («Соловей»), состоявший из эсэсовцев и украинских буржуазных националистов. Одним из главарей этого батальона был палач и садист Оберлендер, ставший впоследствии боннским министром. Под его непосредственным руководством выделенные из состава батальона «особые группы» уничтожали советских работников, прогрессивную интеллигенцию, евреев и поляков. Одним из кровавых злодеяний, учинённых бандитами Оберлендера во Львове, было уничтожение большой группы выдающихся учёных и деятелей культуры, и в их числе профессора Казимира Бартеля — почётного академика нескольких зарубежных академий наук, писателя Тадеуша Бой-Желенского — автора многочисленных литературных произведений[237].

Подобно батальону Оберлендера, массовое уничтожение населения в Дрогобыче проводили фашистские молодчики, которыми командовал эсэсовец Ландау[238]. При его непосредственном участии были казнены тысячи советских граждан.

Оккупанты покрыли Львовщину густой сетью концлагерей. Только в двух из таких лагерей смерти, в «Цитадели» (Львов) и Яновском лагере, было уничтожено более 400 тысяч военнопленных и мирных советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей[239].

Особенно усиливался массовый террор во время наездов во Львов гитлеровских сатрапов. Так, в августе 1942 года перед приездом во Львов Гиммлера было уничтожено не менее 55 тысяч жителей города[240]. Всего же, по неполным данным, во Львове и Львовской области за три года оккупации фашистские захватчики уничтожили свыше 550 тысяч советских граждан[241].

Одним из актов надругательства захватчиков над национальными чувствами населения Западной Украины явилось отторжение её от Украины и создание из Львовской, Тернопольской, Дрогобычской и Станиславской областей дистрикта[242] Галичина, который указом Гитлера в августе 1941 года был включён в состав Польского генерал-губернаторства[243].

Захватчики установили на Львовщине рабские порядки. Часть предприятий они возвратили бывшим владельцам из числа украинских националистов, а лучшую и большую часть отдали понаехавшим из Германии немецким капиталистам. Колхозы и

совхозы были разграблены. На их землях оккупанты создали 214 немецких помещичьих фольварков, где была введена настоящая барщина: крестьяне обязаны были работать в этих хозяйствах бесплатно. Свыше 325 тысяч человек гитлеровцы вывезли на каторжные работы в Германию[244].

Оккупанты нанесли колоссальный ущерб народному хозяйству Львовщины. Общая сумма убытков, причинённых ими промышленности, транспорту, сельскому хозяйству и культурно–просветительным учреждениям области, составила более 7 миллиардов рублей (в старом исчислении)[245].

Население было лишено самых элементарных прав. В учреждениях, кинотеатрах, трамваях пестрели объявления: «Только для немцев». Во всех учреждениях «государственным» языком был объявлен немецкий язык.

Оккупантам усердно служили украинские буржуазные националисты. Вместе с захватчиками они остервенело истязали «свою родную» Украину. Как и во всех западных областях республики, на Львовщине развернули деятельность ОУН (Организация украинских националистов), УПА (Украинская повстанческая армия), УЦК (Украинский центральный комитет) и другие буржуазно–националистические организации.

Националистические «вожди»: Бандера, Стецко, Мельник, Кубийович и другие, несмотря на внутренние разногласия и грызню между собой, провозгласили «соборну самостийну Украину» и создали своё «правительство» во Львове во главе со Стецко.

Однако это «правительство» вскоре было распущено гитлеровцами. Опьяненные успехами, они рассчитывали сами управиться с украинским народом и не намерены были терпеть даже видимость самостоятельности запроданцев. Гитлер разогнал «правительство» Стецко. Но и после этого «борцы за самостийность» продолжали верно служить оккупантам. Они выполняли для своих арийских господ грязную работу — подвизались в качестве предателей и палачей советских патриотов, вели разнузданную националистическую пропаганду, направленную на то, чтобы разорвать братскую дружбу украинского народа с великим русским народом и всеми другими народами Советского Союза. В этом же направлении действовали и польские буржуазные националисты. Гнусную роль пособников оккупантов играло и реакционное католическое и униатское духовенство, имевшее сильное влияние на население.

Однако при всех этих неблагоприятных условиях партизанское движение на Львовщине началось буквально с первых дней вражеской оккупации.

И ничто: ни разнузданный террор оккупантов, ни демагогическая пропаганда буржуазных националистов, ни увещевания «духовных отцов» — католического и униатского духовенства — не могло остановить народной борьбы с захватчиками, изменить её характер. С самого начала она приобрела ярко выраженную социалистическую направленность: борьба велась не только против захватчиков и их звериного «нового порядка», но и за восстановление Советской власти.

Наиболее массовой формой партизанского движения на Львовщине была борьба населения за срыв мероприятий оккупантов. Рабочие уклонялись от работы на предприятиях, крестьяне — от поставок сельскохозяйственной продукции и явок на панщину в немецкие фольварки. Эти действия приняли столь широкий размах, что захватчики перешли к массовым арестам[246]. Но репрессии только усиливали борьбу трудящихся с «новым порядком».

С первых же дней вражеской оккупации начались и вооружённые выступления патриотов. Уже 10 августа 1941 года Совинформбюро сообщило о большой активности партизанского отряда, состоявшего из рабочих Львова. За четыре недели отряд провёл 10 боев, уничтожив более 200 гитлеровцев, 8 танков, 25 автомашин, 12 лёгких и тяжёлых пушек и много оружия. Другой партизанский отряд напал на передвижную базу, ремонтировавшую танки. Партизаны повредили более 10 восстановленных танков, взорвали 5 автомашин с запасными частями для танков, 7 автомашин с патронами для танковых пулемётов, цистерну с бензином и 5 бочек со смазочными маслами.

Документы противника, относящиеся к первым месяцам оккупации Львовщины, свидетельствуют о многочисленных актах террора против гитлеровцев и их прислужников, о диверсиях на транспорте и предприятиях. Одной из форм борьбы с врагом, к которой прибегали патриоты, были антифашистские надписи, появлявшиеся на стенах домов. Уже осенью 1941 года оккупанты вынуждены были с тревогой сообщить начальству о «массовом распространении большевистских листовок» на территории Львова и области.

К сожалению, имена многих патриотов, превративших Львов, находившийся в глубоком тылу вражеских войск, во «фронтовой город», ещё не установлены. Но их подвиги во имя свободы Советской Родины навсегда останутся в народной памяти.

Однако в начальный период партизанская борьба на Львовщине была недостаточно организованной, что объясняется отсутствием партийного руководства. Патриоты действовали

разрозненно, многие из них вообще не знали, с чего начать и как конкретно бороться с оккупантами.

ЦК КП(б) Украины предпринимал энергичные меры, чтобы обеспечить партийное руководство партизанским движением в западных областях республики. В 1941 году с этой целью через линию фронта было направлено 800 коммунистов–организаторов. Часть из них должна была действовать на Львовщине, в том числе группа под руководством секретаря Глинянского РК КП(б) У Львовской области П. А. Рюма. Несколько позже на Львовщину были посланы группа во главе с секретарём Железнодорожного РК КП(б)У Львова Шунько, 2 августа партизанский отряд из 15 человек под командованием Ф. И. Захарова, 5 августа группа в 22 человека во главе с Зайцевым. Однако всем им не удалось пробиться на территорию Львовской области.

Неудачными были попытки организаторских групп проникнуть на Львовщину в 1942 и 1943 годах. Так, 10 декабря 1943 года ЦК КП(б)У принял решение командировать в Львовскую область своего уполномоченного с группой ответственных работников. Была сформирована группа во главе с начальником Львовского штаба партизанского движения М. А. Рудичем, работавшим до войны секретарём Львовского обкома партии. Она была высажена в районе деятельности партизанского соединения под командованием Н. Н. Попудренко. Сформированный здесь партизанский отряд во главе с М. А. Рудичем двинулся на территорию Львовской области. Но гитлеровцам удалось блокировать его. В дальнейшем отряд М. А. Рудича, как и ранее посланные на Львовщину организаторские группы, действовал в других областях республики.

И все же организация, которая смогла возглавить партизанскую борьбу народных масс Львовщины против оккупантов, была образована. Ее создали оставшиеся по разным причинам во вражеском тылу члены ВКП(б), бывшие члены Компартии Польши (КПП) и Компартии Западной Украины (КПЗУ), члены созданной в январе 1942 года Польской рабочей партии, комсомольцы, окруженцы и бежавшие из плена советские военнослужащие.

Отдельные подпольные группы и партизанские отряды возникли на Львовщине ещё осенью 1941 года. Зимой 1941/42 года во Львове и районах области активно действовало несколько подпольных групп во главе с коммунистами и комсомольцами. Они вели агитационную работу, совершали диверсии, собирали силы, искали связи друг с другом. Весной и летом 1942 года ряду подпольных групп удалось установить контакты между собой и

создать единую организацию, названную «Народной гвардией».

Непосредственными организаторами и руководителями «Народной гвардии» были Н. Д. Березин, И. П. Вовк, Ф. А. Гаевский, В. А. Грушин, А. Т. Дацюк, И. В. Дубас, И. П. Курилович, К. Курилюк, И. Г. Матвеншин, С. А. Макивка, П. П. Перчинский, А. П. Полубяк, Е. Г. Цибрух.

Душой организации был замечательный советский патриот коммунист В. А. Грушин. До войны он работал директором конвертнобеловой фабрики во Львове. Из-за болезни Грушин не смог эвакуироваться. С первых дней оккупации Львова он начал объединять патриотов в подпольную организацию. Вместе с Грушиным активное участие в создании и руководстве «Народной гвардии» принимал львовский рабочий коммунист А. П. Полубяк. На путь революционной борьбы он вступил ещё до воссоединения западных областей с СССР и 11 раз арестовывался польской охранкой. Сразу же после захвата гитлеровцами Львова Полубяк, используя свой опыт нелегальной работы, развернул активную деятельность по сплочению львовских рабочих на борьбу с оккупантами и украинскими националистами.

Уроженец Волынской области комсомолец Н. Д. Березин до войны заведовал учебной частью Львовского политехнического института. С приходом оккупантов он создал несколько подпольных кружков и стал одним из организаторов «Народной гвардии», в которой возглавлял агитационную работу. Это был человек исключительной работоспособности. Он писал листовки, редактировал и организовывал их печатание. И то, что не смогли сделать охотившиеся за подпольщиком гестаповские ищейки, свершили подлые предатели: Н. Д. Березин погиб от рук польских националистов в день освобождения Львова Красной Армией.

Активным участником «Народной гвардии» был семнадцатилетний львовский рабочий комсомолец Ф. А. Гаевский. Общий любимец подпольщиков, он всегда был на наиболее опасных участках борьбы. Ему принадлежит большая заслуга в привлечении молодёжи в «Народную гвардию».

Среди организаторов и руководителей «Народной гвардии» было немало бывших членов Компартии Западной Украины: А. П. Полубяк, Е. Г. Цибрух, К. Пелехатый, С. А. Макивка и многие другие. Как истинные коммунисты, они видели свой долг в борьбе за независимость социалистического Отечества, отдав этому делу все свои силы, а многие из них и жизни.

Большую помощь в 1942 году и особенно в 1943 году оказывал «Народной, гвардии» Центральный Комитет Польской рабочей партии. «При организации подпольной боевой организации «Народная гвардия», — вспоминает её активный

член И. П. Курилович, — много помогала Польская рабочая партия, которая не только посылала на Львовщину и в другие западные области Украины своих представителей, но и помогала материально и техникой». Об этом же пишут другие участники «Народной гвардии» — В. Варягина и С. Проц. В 1942 году Фаддей Гаевский по заданию руководства организации несколько раз ездил в Варшаву, где установил тесные связи с польскими коммунистами[247].

На состоявшейся в апреле 1965 года в Москве международной конференции, посвящённой 20–летию победы над фашистской Германией, генерал бригады, профессор Академии генерального штаба Войска Польского Станислав Оженцкий, выступая с докладом, отметил, что в 1942 году по заданию ЦК ППР Якуб Сливка установил связь с львовским коммунистическим подпольем и оказал ему помощь в налаживании работы[248].

В своей деятельности «Народная гвардия» руководствовалась установками ВКП(б) по развёртыванию партизанской борьбы. Народногвардейцы слушали передачи советского радио, в том числе адресованные партизанам и подпольщикам. Но положение осложнялось отсутствием двусторонней связи с советским тылом, что лишало получения конкретных советов и помощи. Однако руководство «Народной гвардии» проявило достаточную политическую зрелость, умение и инициативу, для того чтобы проводить правильную политическую линию организации, найти наиболее приемлемые в конкретных местных условиях структуру и методы её деятельности.

Руководящим центром «Народной гвардии» являлся Военный совет. Был разработан и принят устав организации, а также текст присяги. Согласно уставу, членом организации мог быть каждый патриот, стремившийся к борьбе с оккупантами. «Украинские патриоты, — говорилось в уставе, — вместе с другими народами помогут Красной Армии уничтожить немецких захватчиков в нашей стране. Каждый мужчина и женщина не имеет права оставаться в стороне в то время, когда злейший враг народов физически уничтожает советский народ, разрушает культуру, топчет наши земли».

Устав и присяга подчёркивали социалистический характер деятельности «Народной гвардии». Текст присяги гласил: «Я сын (дочь) украинского народа клянусь, что мужественно и до последних сил буду бороться за свободу народа и за освобождение моей Советской Родины, братских славянских народов из-под гитлеровского ига.

Клянусь, что, подчиняясь руководству партизанским движением западных областей Украины, буду безотказно

исполнять приказы и доверенные мне боевые задания, не отступая ни перед какой опасностью.

Клянусь хранить организационно–боевую тайну и не предать её даже под самыми страшными пытками, смело разоблачать предателей, которые будут разглашать тайну.

Клянусь, что буду бороться за освобождение Советской Отчизны вплоть до окончательной победы.

Смерть немецким захватчикам!»[249]

Присягу принимал персонально каждый член подпольных групп и партизанских отрядов.

Организационной основой «Народной гвардии» были секции двух родов: оперативно–боевые и технические. Каждая секция состояла из пяти человек. Военный совет утвердил редакционную коллегию подпольных изданий, разделил Львов на четыре района и создал районные группы во главе с комендантами.

В сельских районах области «Народная гвардия» создала боевые группы. Так, по заданию Военного совета комсомолец И. Дубас организовал боевые группы в Красненском и Золочевском районах, коммунист О. Путько создал подпольную группу в Рава–Русском районе. Боевые подпольные группы «Народной гвардии» были в Городокском, Нестеровском, Винниковском, Бродовском, Камянко-Бугском, Бусском и других районах области[250].

«Народная гвардия» распространяла свою деятельность на Львовскую, Станиславскую, Тернопольскую и Дрогобычскую области, то есть на все области, которые гитлеровцы включили в дистрикт[251]. Крупные группы «Народной гвардии» были в Дрогобыче, Бориславе, Самборе (Дрогобычская область), в Тлумаче, Косове и Коломые (Станиславская область), в Зборовском и других районах Тернопольщины. Особенно сильной была группа в Дрогобыче. Она возникла осенью 1941 года и насчитывала больше 100 человек. Группа имела свои отделы в сёлах Стебник, Колпец, Добривляны, Волоща, Летня, Далява, Ясениця–Сольная, Опари, Выпучки и других. Руководителями групп были М. Петрив, В. Коцко, О. Коцко, В. Катериняк и другие.

Энергично действовала группа «Народной гвардии» в Самборе. Ее организаторами и руководителями были старый член КПЗУ, депутат Народного собрания Западной Украины И. В. Сераковский, старый член КПЗУ, опытный подпольщик В. Д. Кузьмяк, Б. Кармазин, В. Герич, Г. Крамар, С. Гринаш. Группа распространяла свою деятельность и на ряд сел района: Рогизно, Раково, Верховцы, Биличи, Берестяны и другие. В Станиславе действовала группа «Народной гвардии», в которую входили Н. Ф. Чередарчук, И. Н. Дупляк, Д. М. Порохняк, Д. Довбуш и другие.

В Золочеве, Городке, Красне, Винниках, Рава–Русской и в других городах Львовской области были созданы комсомольско–молодёжные группы, ставшие составными частями «Народной гвардии». Отмечая роль молодёжи в деятельности «Народной гвардии», ЦК ЛКСМУ писал, что в «Народной гвардии» «комсомольцы и молодёжь, которых было большинство, были наиболее активными, решительными и деятельными подпольщиками».

На территории Львовской области кроме «Народной гвардии» действовали и другие подпольные и партизанские группы. Но все они так или иначе были связаны с «Народной гвардией», получали от неё литературу, газеты, листовки. В ноябре 1941 года одну из таких групп создал коммунист А. К. Кундиус. До войны он работал хирургом в Рава–Русском военном госпитале. Попав в плен, он вскоре сбежал и создал подпольную группу, развернувшую уже зимой 1941/42 года активную боевую деятельность на территории Золочевского, Олесского и Поморянского районов Львовщины. С помощью Кундиуса была создана группа подпольщиков в селе Кондратово Краскенского района. В октябре 1942 года коммунист В. Я. Дорожко, работавший до войны заведующим районным отделом народного образования, и коммунист Й. Ф. Головченко создали подпольную организацию «Визволення Вітчизни», действовавшую на территории Глинянского и Перемышлянского районов. В Каменко-Бугском и Бусском районах с апреля 1943 года активно вела борьбу партизанская группа «Патриоты славян». Ею командовал младший лейтенант П. И. Попов, которому народногвардейцы помогли бежать из плена.

Всего в «Народную гвардию» входило 600 человек. Это были люди разных возрастов, партийные и беспартийные, рабочие, крестьяне, интеллигенты. Три четверти организации составляли украинцы, остальные были русские, поляки и представители других национальностей. Всех их объединяла горячая любовь к Советской Ро дине, жгучая ненависть к фашистским поработителям.

…В селе Любиче жила бедная крестьянская семья Путько. С установлением Советской власти в семью пришло счастье. Но война разрушила его. Гитлеровцы угнали в Германию мужа П. А. Путько, а через некоторое время замучили её брата — секретаря сельской комсомольской организации. Женщина осталась одна с двумя малолетними детьми. Но это не остановило патриотку. П. А. Путько удалось установить связь с подпольщиками и вступить в члены «Народной гвардии». Она была известна в организации как Парася-партизанка. П. А. Путько

выполняла важные поручения организации: была хозяйкой конспиративной квартиры, обеспечивала явки, распространяла нелегальную литературу, хранила оружие и медикаменты.

Связал с «Народной гвардией» свою судьбу и доктор медицинских наук доцент З. К. Билинский, поляк по национальности. Он был убеждённым интернационалистом. В 1935 году Билинский был в Советском Союзе в качестве делегата XV Международного конгресса физиологов. С первых же дней фашистской оккупации Львова Билинский — активный участник подполья. Он оказывал медицинскую помощь раненым и больным подпольщикам и партизанам, собирал среди интеллигенции Львова средства в фонд «Народной гвардии», писал статьи для подпольных газет, переводил листовки и сообщения Совинформбюро на немецкий язык для распространения их среди солдат противника. Во всём этом Билинскому активно помогала его жена. Уже после освобождения Львова, 8 февраля 1945 года,. З. К. Билинский был злодейски убит из-за угла националистическими бандитами.

Но не только по своему составу, а и по широким связям с различными слоями трудящихся «Народная гвардия» была подлинно народной организацией. Установление связей с народными массами, руководство их борьбой — это, пожалуй, наиболее трудная задача для каждой подпольной организации. В условиях же западных областей Украины эта сложность усугублялась наличием среди населения социальных слоёв, поддерживавших захватчиков, — кулаков и части националистически настроенной интеллигенции, распространявших своё влияние на наиболее отсталую часть трудящихся. Необходимо было так построить деятельность подполья, чтобы оно, с одной стороны, было как можно надёжнее законспирировано, максимально гарантировано от проникновения в него вражеской агентуры, буржуазно–националистических и неустойчивых элементов, а с другой стороны, имело бы широкие связи в народе. И «Народная гвардия» успешно решила эту задачу. Используя опыт КПЗУ, она сплотила вокруг своих организаций широкий актив так называемых «симпатиков». Институт «симпатиков» явился связующим звеном «Народной гвардии» с трудящимися. «Симпатики» формально не входили в отряды и группы «Народной гвардии», часто не знали их местонахождения, состава и руководителей, не принимали присяги. Группами и в одиночку они работали под руководством подпольщиков, которые через своих представителей давали «симпатикам» задания по распространению газет и листовок, сбору средств в фонд

«Народной гвардии», наблюдению за учреждениями и действиями оккупантов и буржуазных националистов. Такая организация работы обеспечивала строгую конспирацию «Народной гвардии» и давала ей возможность оказывать своё влияние на население. «Симпатиков» было значительно больше, чем подпольщиков. Институт «симпатиков» был своеобразным фильтром, через который отбирались лучшие, проверенные в борьбе с захватчиками патриоты для пополнения подпольных групп и партизанских отрядов.

За короткое время «Народная гвардия» стала подлинным руководителем и вдохновителем партизанской борьбы трудящихся западных областей Украины против фашистских оккупантов. Раскрывая теснейшие связи «Народной гвардии» с массами, её роль как организатора партизанского движения, подпольная газета «Боротьба» в статье ««Народная гвардия» как организатор борьбы» писала: «Народная гвардия» создана самим народом. Из самого народа вышли первые бойцы «Народной гвардии». Поэтому «Народная гвардия» живёт везде там, где идёт борьба с немецкими оккупантами. Крестьяне, которые уклоняются от работы, не сдают контингентов (налогов. —Ред.), юноши и девушки, которые не хотят работать на Гитлера, урядники, которые саботируют распоряжения оккупационных властей, рабочие и производственники, которые портят и уничтожают продукты, — все эти люди являются естественными резервами «Народной гвардии»… «Народная гвардия» координирует эти усилия, придаёт им организованный характер… делает борьбу є оккупантами делом сознательности, поднимает эту борьбу на более высокий уровень. «Народная гвардия» направляет отдельные стихийные проявления народного сопротивления на путь организованного всенародного восстания»[252].

В своей деятельности «Народная гвардия» придавала первостепенное значение политической работе среди населения. Она имела свою базу марксистско–ленинской литературы. Это в значительной степени облегчало идеологическую работу организации, помогало массовой агитации среди трудящихся. Большое воздействие на население оказывали сбрасывавшиеся с самолётов листовки и обращения Коммунистической партии и Советского правительства, ЦК КП(б) У, обкомов партии, комсомола и Львовского областного Совета депутатов трудящихся. Они вселяли новые силы в сердца советских людей, поднимали их на активную борьбу с захватчиками.

Вскоре после организации «Народная гвардия» начала выпускать свои листовки. Вот одна из первых:

«Граждане! Наступил час расплаты, вставайте к бою с захватчиками за волю народа, за родной край!

В тяжёлые оковы заковал наш народ проклятый немец. Наши лучшие земли забрал себе немецкий пан, но обрабатывать их вынужден наш крестьянин в ярме тяжелейшей панщины. Тысячи тысяч юношей и девушек — цвет и надежду народа — загнал оккупант на каторгу в Германию, на заводы, фабрики и шахты. Там теряют они свои молодые жизни от непосильного труда и голода.

В час, когда враг начинает задыхаться в завоёванной Европе, вставайте на священную борьбу против врага…»[253]

А вот листовка, направленная против украинских буржуазных националистов. Она выпущена во время стремительного наступления Красной Армии, когда большая часть Украины и её столица Киев были освобождены от оккупантов. В листовке говорилось:

«Граждане! Мы призываем, убеждаем, но также и предостерегаем. Помните все те, которых оглушил, вскружил голову фашистский дурман, которые встали на путь содействия ОУН–овским преступлениям, — Красная Армия не за горами и нет той силы, которая бы остановила её победоносный поход. За пытки и издевательства над мирным населением будете отвечать перед Народным Судом вы: и те, кто приказывал, и те, кто выполнял или содействовал преступлению. Везде найдёт вас и накажет справедливый Народный Суд.

9 марта 1944 года.

Военный Совет Орг(анизации) Партизан (ского) Движения в западных областях Украины»[254].

Листовки «Народной гвардии» распространялись среди населения по–разному. Как сообщалось в рапортах командиров 1–го, 2–го, 3–го и других участков Львова, листовки разбрасывались и раздавались в местах скоплений людей, расклеивались на домах и заборах. На предприятиях подпольщики имели

специальных людей, которые вели разъяснительную работу среди рабочих, распространяли среди них подпольные газеты и листовки. С каждым днём листовок и их читателей становилось всё больше — вести об успехах Красной Армии доходили до широких масс населения Львова и Львовщины.

Действенной формой массовой агитации было помещение на видных местах лозунгов и призывов. Вот некоторые из них: «Смерть фашистам!», «Вступайте в ряды «Народной гвардии»!, «Смерть слугам оккупантов!» Много подобных надписей сделала во Львове боевая группа, которой руководил И. Вовк. Только в декабре 1943 года группа Вовка три раза расклеивала возле казарм гитлеровцев прокламации с обращением к немецким солдатам, в которых говорилось о неминуемом поражении Германии.

В одном из полицейских рапортов сообщалось о том, что на улице Городецкой на доме № 35 появилась надпись: ««Аллее ферлорен», — загт дер фюрер» (««Все потеряно», — говорит фюрер»). Против дома остановился трамвай, пассажиры успели прочесть надпись. 15 сентября 1943 года на ограде Лычаковского кладбища большими буквами на немецком языке было написано: «Долой Гитлера!», «Немцам капут!» Надписи были сделаны вдоль всей улицы Петра и Павла. Антифашистские листовки и надписи, появлявшиеся все в большем количестве, приводили в неистовство оккупантов. Их газеты пестрели угрозами по адресу «большевистских агитаторов» и тех, кто их слушает.

С середины 1942 года «Народная гвардия» начала подготовку издания подпольной газеты. Уже в ноябре она выпустила два номер а «Информационного бюллетеня». С 1 декабря 1942 года по 1 декабря 1943 года вышло семь номеров газеты «Голос свободы»[255]. Систематически газеты «Народной гвардии» стали выпускаться с весны 1943 года. 1 марта 1943 года вышел первый номер газеты «Боротьба» на украинском языке. Она издавалась по 25 ноября 1943 года, а затем вместо неё стала выходить газета «Партизан». С весны 1943 года по лето 1944 года выходила ещё одна газета на украинском языке — «Новини дня». Одновременно «Народная гвардия» наладила выпуск этих газет на польском языке. Всего за весь период деятельности «Народной гвардии» ею было издано около 90 номеров газет, из них более 50 на украинском языке и более 30 на польском[256]. Каждый номер газеты заканчивался словами: «Прочитай и передай другому». И в каждой газете было обращение к читателям: «Сдавайте средства в боевой и печатный фонд «Народной гвардни»!» Тиражи отдельных номеров газет достигали более 1000 экземпляров[257].

Газеты имели «Почтовый ящик», в котором сообщалось о

сборе средств и бумаги на подпольную печать. Из этих сообщений видно, что печать «Народной гвардии» пользовалась большой поддержкой и авторитетом у населения Львовщины. Так, в № 19 газеты «Новини дня» сообщалось, что 9 человек сдали для нужд подпольной печати 2810 злотых и 10 килограммов бумаги, в № 28 говорилось, что 16 человек сдали для той же цели около 3000 злотых. Подобные сообщения содержались почти в каждом номере.

Печатались газеты на стеклографе и гектографе. Издательской деятельностью занимались народногвардейцы А. Гапа, Ф. Гаевский, Н. Березин, В. Сергованец, П. Якубович и многие другие. С большим трудом народногвардейцам удалось создать типографию. Работавшие на Львовском паровозо–вагоноремонтном заводе подпольщики под носом у администрации сделали плиту и другие части стеклографа. Потребовалось пойти на большой риск и проявить немало выдумки, чтобы вынести все это с завода. Много сил было затрачено на то, чтобы раздобыть шрифт. Статьи и заметки для газет писали В. Грушин, Н. Березин, С. Макивка, К. Пелехатый и другие.

Исключительно сложным и опасным делом было распространение подпольных газет. Подпольщики раскладывали их по почтовым ящикам жилых домов, расклеивали на стенах домов, распространяли на заводах и фабриках, разносили по костёлам, базарам и другим людным местам.

Вот несколько выдержек из газет «Народной гвардии», позволяющих судить о их содержании. В № 1 газеты «Партизан», выпущенном 25 ноября 1943 года, передовая статья «Две годовщины» отмечала, что население западных областей Украины встречает 26–ю годовщину Великого Октября и четвёртую годовщину воссоединения западноукраинских земель с Советской Украиной в обстановке ожесточённой борьбы с захватчиками. Далее в статье говорилось: «И наши молодые ещё опытом партизанские отряды западных областей Украины вносят свою часть в дело полного освобождения Советской Родины. В день великой годовщины вместе со всеми гражданами нашего необъятного Советского Союза мы подхватываем победоносный призыв ЦК ВКП(б): «Да здравствует 26–я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, которая сбросила власть интервентов в нашей стране и провозгласила мир между народами всего мира!»»[258].

В этом же номере содержалась информация о праздновании 26–й годовщины Великого Октября в Москве, помещена статья о целях и задачах партизан Львовщины. 15 декабря 1943 года

газета «Партизан» опубликовала статью, в которой проводилась параллель между изгнанием немецких захватчиков с территории Советской Украины в 1918 году и тем, как Красная Армия выбрасывает фашистских оккупантов с украинской земли в 1943 году. В номере от 3 февраля 1944 года газета сообщила о разгроме гитлеровцев под Ленинградом. Такие же боевые материалы печатались в газетах «Боротьба», «Новини дня» и в других.

Большое внимание в газетах «Народной гвардии» уделялось разоблачению украинских буржуазных националистов. Националистические банды, выполняя задания оккупантов, зверски расправлялись с советскими людьми, выдавали захватчикам патриотов, вели оголтелую антисоветскую пропаганду, пытались отравить ядом национализма трудящихся–украинцев. Вместе с немецкими карателями националисты зимой 1942 года сожгли село Бовдуры, где убили 38 и тяжело ранили 49 крестьян[259]. Сообщая об этих злодеяниях, газета «Партизан» писала: «Банды украинских националистов, выполняя приказ гестапо, которое самостоятельно уже не имеет возможности провести кровавую расправу, вероломно истязают активных людей нашего народа, борцов за дело освобождения нашей Родины из-под ига захватчика. Банды украинских националистов пытаются нападать и на отряды славных украинских партизан. Страшными являются преступления этих ублюдков — страшное будет наказание. Наш народ с огнём выжжет эту кровавую гитлеровскую язву на теле нашего народа. Националист — это вернейший союзник оккупанта, только опаснее, ибо действует под маской. Нужно сорвать с него эту маску и уничтожить его без милосердия…»[260] Характеризуя отношение трудящихся–украинцев к националистам, газета «Боротьба» подчёркивала, что националисты — жалкая кучка отщепенцев, подавляющее же большинство народа Галичины идёт по пути «общей судьбы со всем 40–миллионным украинским народом»[261].

Печать «Народной гвардии» систематически разоблачала антинародную деятельность униатской церкви и её главы митрополита Шептицкого, пытавшихся гнусной игрой на религиозных чувствах верующих толкать их к поддержке «нового порядка», к сотрудничеству с захватчиками.

Весной 1943 года оккупанты вместе с украинскими националистами приступили к осуществлению подлой провокации. Они задумали заставить население Галичины с оружием в руках бороться с Красной Армией. С этой целью было решено создать дивизию СС «Галичина». В неё пошли полицаи, кулаки, уголовники и другие отбросы общества. Но предателей

было мало. Для успеха своей грязной затеи оккупанты сделали ставку на западноукраинскую молодёжь. За обработку её взялись националисты, пустившие в ход все средства: посулы, увещевания, угрозы. И все же формирование дивизии шло крайне медленно. В этом немалая заслуга Львовских подпольщиков. Они развернули большую разъяснительную работу в массах, показали трудящимся истинное назначение дивизии СС «Галичина». В листовке «К украинскому народу», выпущенной «Народной гвардией» 6 апреля 1943 года, разъяснялось, что дивизия «Галичина» формируется для пополнения фашистских войск на фронте, для борьбы с советскими народами, в том числе и с украинским народом[262]. Через газету «Боротьба» «Народная гвардия» обратилась к тем, кто по несознательности пошёл в дивизию, со словами Т. Г. Шевченко: «Памъятайте, недолюдки, матiр катувати». Газета писала: «Пусть опомнится каждый и вместо того, чтобы идти в дивизию, пусть идёт в лес и бьёт врага–немца».

Молодежь отвечала на насильственную мобилизацию усилением борьбы с оккупантами. Сообщая о нарастании этой борьбы, газета «Боротьба» 23 июня 1943 года рассказала о том, что в Старом Самборе жители напали на старосту, который принуждал молодёжь вступать в фашистскую дивизию. В этом же номере сообщалось, что никто из жителей села Нижние Устрики, несмотря на жестокие репрессии, не согласился идти в дивизию СС[263].

Даже националисты вынуждены были признать провал своей попытки втянуть западноукраинскую молодёжь в братоубийственную войну. В одном из своих документов они писали, что «сформирование Галицкой дивизии поставило в один фронт против творческой работы позитивного лагеря украинства (против украинских националистов. — *А. Ч.)* всех его врагов: большевиков, поляков и украинский лагерь… Все эти силы… повели сильнейшую кампанию против дивизии и её добровольцев»[264]. Так что добровольцев в дивизии было совсем немного. Многие молодые люди оказались в ней по малодушию, испугавшись угроз. В большинстве же случаев только путём облав гитлеровцам удавалось насильственно рекрутировать украинскую молодёжь в «добровольческую» дивизию «Галичина». Поэтому при первом же столкновении с частями Красной Армии солдаты дивизии разбегались или сдавались в плен.

Дивизия СС «Галичина» была разгромлена Красной Армией в боях под городом Броды Львовской области.

В западных областях Украины, особенно в городах, было много польского населения. Поэтому важной задачей своей

политической работы в массах «Народная гвардия» считала разоблачение польских буржуазных националистов. Последние вели гнусную политику. Создавая видимость борьбы с фашистскими оккупантами, они на деле пособничали им, проводя тактику выжидания — «стоять с оружием у ноги», за которой скрывалась реакционная идея «двух врагов». Смысл этой тактики состоял в том, чтобы копить силы для восстановления былой буржуазно–помещичьей Польши с включением в неё, как и прежде, западных областей Украины и Белоруссии. Не следует, говорили польские буржуазные националисты, расходовать силы на борьбу с таким врагом, как фашистская Германия. Пусть её разгромит Красная Армия. Свои же силы надо беречь для борьбьг с другим «врагом» — с Советским Союзом. Их призыв «готовить силы» инспирировался находившимся в Лондоне польским эмигрантским «правительством» и империалистическими кругами США, Англии и Франции. На практике это означало: во–первых, борьбу против Советского Союза, ставившего одной из задач в войне восстановление своей территориальной целостности, включая восстановление Украинской ССР и Белорусской ССР вместе с их западными областями; во–вторых, противодействие борьбе трудящихся западных областей Украины и Белоруссии против фашистских захватчиков, поскольку эта борьба велась не только за изгнание оккупантов, но и за восстановление в этих областях Советской власти, за закрепление происшедшего накануне войны воссоединения их с УССР и БССР. В–третьих, оно означало борьбу против прогрессивных сил польского народа, стремившихся к созданию самостоятельного, демократического польского государства трудящихся. Польские буржуазные националисты не без оснований полагали, что Советский Союз поможет польскому народу осуществить эти его чаяния.

Таким образом, польские буржуазные националисты являлись врагами не только Советского Союза, трудящихся западных областей Украины и Белоруссии, но и прежде всего лютыми врагами польского народа.

В духе своей антинародной политики польские буржуазные националисты вели среди польского населения антисоветскую пропаганду под лозунгом «двух врагов», стремились поссорить польских трудящихся с украинским и белорусским народами, преследовали стоявших на антиимпериалистических позициях польских антифашистов, и прежде всего польских коммунистов. Когда же стало очевидным неминуемое поражение гитлеровской Германии, польские буржуазные националисты стали активно помогать оккупантам. Одновременно польские буржуазные

националисты развернули подготовку практических мероприятий по восстановлению польской буржуазно–помещичьей власти в западных областях Украины и Белоруссии. В частности, вс Львове и в ряде других западноукраинских городов они организовали вооружённые отряды, ставя перед ними задачу создать в освобождённых Красной Армией западноукраинских городах польское буржуазное управление, полицию и т. д.[265].

Всей своей политической работой в массах «Народная гвардия» стремилась объединить украинских и польских трудящихся, направить их силы против общего врага — фашистских оккупантов, против буржуазных националистов, как украинских, так и польских. В газетах и листовках «Народной гвардии», выходивших на украинском и польском языках, главное внимание уделялось созданию общего фронта борьбы против фашизма, интернациональному воспитанию трудящихся. Почти в каждом номере газет помещались статьи, освещавшие совместные действия украинских и польских трудящихся против оккупантов, благородную освободительную миссию великого русского народа, призывавшие к объединению усилий всех славянских народов для победы над фашизмом. В них решительно разоблачалась политика польского эмигрантского «правительства» и местных польских буржуазных националистов. Печать «Народной гвардии» много внимания уделяла вопросам будущего Польши. Например, в издававшейся на польском языке газете «Новости дня» только в № 10 за 21 марта 1944 года были опубликованы статьи «Дела польские», «Польская армия в СССР», «В борьбе за демократическую Польшу».

Следует особо подчеркнуть, что основная масса украинцев и поляков не шла на провокации буржуазных националистов. Она активно поддерживала «Народную гвардию», партизан, части Красной Армии. В этом немалая заслуга принадлежала «Народной гвардии», которая и по характеру своей деятельности, и по составу была конкретным выражением принципов пролетарского интернационализма.

Политическая работа «Народной гвардии» в массах сочеталась с активной боевой деятельностью: диверсиями, террором против оккупантов и их прислужников, прямыми вооружёнными столкновениями с гитлеровскими и националистическими бандами.

Организаторами боевой деятельности «Народной гвардии» были отважные комсомольцы И. Вовк, А. Гапа, И. Дубас, Ф. Гаевский и другие. И. Вовк был известен в организации по подпольной кличке Искра. Он родился в семье крестьянина–бедняка в селе Гаи под Львовом. После воссоединения западных

областей с УССР трудящиеся Железнодорожного района Львова избрали Вовка депутатом районного Совета депутатов трудящихся. В 1940 году Вовк вступил в комсомол. С самого начала вражеской оккупации Львова комсомолец включился в борьбу с врагом. Он был одним из инициаторов создания «Народной гвардии», руководил её боевыми группами во Львове.

А. Гапа —уроженец Львовской области. До войны он возглавлял комсомольскую организацию в селе Ситихов. В 1940 году Гапа поступил в Торгово–экономический институт. Война прервала учёбу. Гапа вернулся в родное село, где развернул работу по организации молодёжи на борьбу с оккупантами. Ему удалось установить связь с «Народной гвардией». Вскоре он стал одним из её активных членов и переехал во Львов, где ему была поручена работа по налаживанию выпуска газет и листовок. Кроме того, Гапа часто выезжал в районы, принимал участие во многих диверсиях.

И. Дубас родился в селе Стинки Львовской области. Будучи солдатом польской армии, он попал в немецкий плен, оттуда вскоре бежал. На оккупированной гитлеровцами Львовщине Дубас сразу же начал борьбу с захватчиками. Однажды фашисты попытались арестовать патриота, окружив дом, где он находился у своих родственников. Дубас смело вступил в неравный бой. Убив гитлеровца и полицая, он вместе с женой Стефанией сумел скрыться. Позже он установил связь с «Народной гвардией». Вскоре Дубас был назначен командиром отряда имени Ивана Франко.

Боевыми делами прославился народногвардеец В. Вангровский. Уроженец далёкого Бодайбо, он с первых дней войны сражался в рядах Красной Армии и, будучи тяжело раненным, попал в плен. При помоши львовских подпольщиков Вангровскому удалось бежать и включиться в активную борьбу с захватчиками. Он стал одним из бесстрашных боевиков «Народной гвардии». За его голову гитлеровцы обещали 10 тысяч злотых.

С первых дней своей деятельности львовские подпольщики развернули работу по добыче оружия, уничтожению оккупантов и их прислужников. Так, боевая группа И. Вовка захватила склад оружия украинских националистов, находившийся в местечке Винники. Народногвардейцы посылали в адреса начальников фашистских учреждений и отдельных гитлеровцев почтовые пакеты, которые при распечатывании взрывались. Урон от этого был столь большим, что начальник канцелярии дистрикта Галичина вынужден был 19 марта 1943 года разослать всем учреждениям специальный циркуляр, в котором объявлялось, как

нужно обращаться с подобными пакетами.

Вскоре народногвардейцы перешли к крупным диверсиям. В начале 1943 года они сожгли во Львове склад пшеницы на улице Зеленой, склад солдатской обуви на улице Замарстынов, склад телеграфного оборудования на железнодорожной станции Львов–Главный и склад инструментов для ремонта железных дорог на станции Белогоща, уничтожили склад семян, привезённых из Германии для посева в имениях оккупантов.

В мае 1943 года Военный совет «Народной гвардии» принял решение уничтожить находившуюся на окраине Львова фабрику «Ойкос», выпускавшую полуфабрикаты для немецкой авиационной промышленности. Выполнение этого задания было поручено комсомольцам Ф. Гаевскому, В. Е. Цыбруху, П. Моравскому, В. Иваньо и другим во главе с И. Вовком. Фабрика сильно охранялась, но Вовк нашёл хитроумный способ поджечь её. Диверсия была проведена столь внезапно, что когда охрана открыла огонь, то стрелять было не в кого: подпольщики исчезли так же незаметно, как и появились. Фабрика была полностью уничтожена. Оккупанты понесли ущерб более чем на 10 миллионов марок.

В июле 1943 года боевая группа И. Дубаса уничтожила на железнодорожной станции Подборцы блокировку, в результате чего движение поездов было задержано на несколько часов. 5 июля на этой же станции был пущен под откос воинский эшелон. В этой операции отличились И. Вовк, И. Дубас и другие народногвардейцы. Подрывники «Народной гвардии» пустили под откос воинский эшелон на линии Львов — Борщовицы, под станцией Камянка–Бугская они совершили вооружённое нападение на другой воинский поезд. Диверсионная деятельность «Народной гвардии» приобретала всё более широкий и систематический характер. Вот один из сохранившихся в материалах «Народной гвардии» отчётов боевой группы народногвардейцев, действовавшей в окрестностях Львова:

«С 21. VIII. 1943 г. по 10. X. 1943 г. уничтожено или сожжено: 45 скирд хлеба, что равно 136 вагонам зерна. Сожжено совсем 4 фольварка. Сожжено 3 скирды сена, что равно 160 тоннам. Сожжено 25 скирд хлеба и 2 скирды соломы.

Уничтожен электрический мотор.

Уничтожено 7 тракторов и 1 молокопункт.

Уничтожено все оборудование молокопункта.

26. IX пущен под откос товарный поезд на линии Львов — Камянка–Бугская возле станции Руданцы с зерном.

29. IX пущен под откос поезд с солдатами на линии Львов — Самбор возле станции Конюшки. Перерыв в движении—3 дня.

30. IX повреждён железнодорожный мост на линии Львов — Красне.

1. X сожжён железнодорожный блок».

Уже в начальный период своей деятельности «Народная гвардия» придавала большое значение созданию партизанских формирований для действий в сельской местности. Если члены городских боевых групп, совершив диверсии, расходились по конспиративным квартирам, то сельские боевые группы, постепенно увеличиваясь, превращались в партизанские отряды, базируясь в лесах. Они росли за счёт подпольщиков, которым угрожал арест, местных жителей, рабочих Львова и других городов, бойцов и командиров Красной Армии — окруженцев. Важным пополнением партизанских отрядов были бежавшие при помощи народногвардейцев из лагерей советские военнопленные. Например, из бывших военнопленных был создан партизанский отряд «Патриоты славян». Народногвардейцы организовали побег 32 красноармейцев, среди которых был ставший одним из руководителей «Народной гвардии» В. Вангровский. Подпольщики организовали также побег советских военнопленных в одиночку и мелкими группами.

Наличие среди партизан большого количества бойцов и командиров Красной Армии позволило «Народной гвардии» в относительно небольшое время создать боеспособные партизанские отряды и группы, наносившие сильные удары по оккупантам. Только в феврале 1943 года львовские партизаны пустили под откос шесть воинских эшелонов противника[266].

Особенно активизировалось партизанское движение в западных областях Украины после исторической победы советских войск под Сталинградом. Сообщая населению об этой победе, газеты «Народной гвардии» писали, что Сталинград «стал могилой гитлеровской военной славы, стал поворотным пунктом этой войны», что окружение и уничтожение вражеских армий у стен города–героя «принадлежит к самым большим операциям в истории войн».

Победная поступь Красной Армии вызывала всеобщее ликование трудящихся западноукраинских областей. В одном из донесений оккупационных властей, датированном 14 мая 1943 года, прямо говорилось: «Одна часть населения открыто заявляет о своём большевистском настроении, другая часть пытается выказать своё дружелюбие по отношению к большевикам. Эти явления наблюдаются в широких масштабах в Западной Украине… В этих местах население в той или другой степени пропиталось большевистской пропагандой»[267].

Благоприятные изменения военно–политической обстановки

способствовали усилению деятельности «Народной гвардии» летом 1943 года. Если раньше она считала своей основной задачей политическую работу среди населения, то теперь наряду с продолжением этой работы на первый план выдвигалась боевая деятельность. Изменился и характер политической работы в массах. Упор теперь делался не на разоблачение преступных целей захватчиков (массы убедились в этом до конца), не на преодоление подавленности и растерянности (от них не осталось и следа), не на пропаганду силы Красной Армии (успехи советского оружия говорили сами за себя), а на усиление борьбы против захватчиков. Подпольщики призывали население срывать мероприятия оккупантов, пополнять партизанские отряды, всемерно содействовать их деятельности.

Положение «Народной гвардии» осложнялось тем, что она не имела связи с советским тылом. Ее деятельностью руководил ЦК Польской рабочей партии, а военно–политические условия на оккупированной советской территории имели свои особенности, отличные от обстановки в Польше. В связи с этим в 1943 году ЦК Польской рабочей партии информировал о деятельности «Народной гвардии» Исполком Коминтерна в телеграммах на имя Г. М. Димитрова, который в свою очередь информировал ЦК ВКП(б). 15 июня 1943 года секретарь ЦК Польской рабочей партии Павел Финдер в телеграмме на имя Г. М. Димитрова писал: «Дальнейшее продолжение такого положения (нынешнее руководство там) считаем ненормальным и нецелесообразным как для Львова, так и для нас. Поэтому полагаем, что ЦК КП(б)У должен послать сюда полномочных представителей, которым передадим руководство во Львовском (округе)». Через месяц он снова поставил перед Г. М. Димитровым вопрос о передаче руководства «Народной гвардией» ЦК КП(б)У. «Наши центральные газеты, лозунги и методы работы, — указывал Павел Финдер, — неподходящи для украинских советских территорий. Организация выросла и насчитывает свыше 600 членов, 75 процентов украинцы, издают две украинские газеты. Есть партизанские боевые отряды, которые на днях пустили под откос поезд ьа линии Ворщевице — Подборце, подожгли две нефтяные шахты в Устриках Дольних и т. д. Такую организацию стоит принять и руководить ею»[268]. Однако в то время ЦК КП(б)У не удалось установить связь с «Народной гвардией».

В 1943 году «Народная гвардия» расширила свой состав прежде всего за счёт рабочих промышленных предприятий. В частности, Военный совет «Народной гвардии» потребовал от командиров участков шире развернуть работу по вовлечению в организацию рабочих и служащих львовских предприятий.

25 июля 1943 года Военный совет принял постановление о реорганизации «Народной гвардии». Было решено максимально приблизить её структуру к задачам непосредственно боевой деятельности. К этому времени «Народная гвардия» накопила опыт, сумела поднять и организовать на вооружённую борьбу с захватчиками большие массы людей. Под её прямым руководством и влиянием действовали десятки партизанских отрядов и боевых групп. Это давало «Народной гвардии» возможность сосредоточить свои усилия на вооружённой борьбе с оккупантами и националистическими бандами.

В связи с реорганизацией «Народная гвардия» с июля 1943 г. принимает название: «Народная гвардия западных областей Украины», а с ноября того же года — «Организация партизанского движения в западных областях Украины», её орган газета «Боротьба» стала называться «Партизан». В своём первом номере, вышедшем в ноябре 1943 года, газета «Партизан» писала: «Отныне костяком движения являются партизанские отряды… Остальные члены организации выполняют задачи мобилизации граждан в отряды, организуют разведку, снабжают и обеспечивают отряды всем необходимым… Член нашей организации носит почётное звание партизана. Партизан — это человек, который, пламенно любя свою Родину, встаёт на вооружённую бескомпромиссную борьбу с немецкими оккупантами»[269].

Подъему боевой деятельности «Народной гвардии» в это время в значительной мере способствовал рейд партизанского соединения С. А. Ковпака в Карпаты. Вот что писала ещё 15 июля 1943 года о значении этого рейда для партизанского движения на западноукраинских землях газета народногвардейцев «Боротьба»: «Отряды геройских советских партизан перешли границы Галичины, партизаны генерала Ковпака занимали города: Збараж, Скалат, Трембовлю, Чорткив… Везде, где проходят партизаны, они уничтожают мосты, пути сообщения, линии связи. Прерван железнодорожный путь Тернополь — Подволочиск, который имеет большое значение для снабжения фронта. Партизаны уничтожают немцев, разоружают полицаев, распускают лагеря. Имущество немецких фольварков (так называемых лагеншафтов) раздают окрестным крестьянам, которые встречают партизан как своих братьев. Много народу вступило в ряды героев. Над Галичиной повеял свежий ветер — он выметает всяческую оккупантскую сволочь…

К борьбе за волю зовут всю Галичину героические дела советских партизан.

Крестьяне, рабочие и интеллигенция, украинцы города и

деревни, вступайте в ряды «Народной гвардии!»[270].

Другая подпольная газета — «Новини дня» 18 июля 1943 года писала, что отряды С. А. Ковпака во время карпатского рейда выросли с двух до нескольких тысяч бойцов. Это подтверждает и С. А. Ковпак, который впоследствии писал, что за время карпатского рейда многие трудящиеся Львовщины влились в его соединение.

Население Львовщины, как и вообще всех западных областей Украины, несмотря на бешеную антисоветскую и националистическую агитацию оккупантов и националистов, встречало ковпаковцев как самых желанных людей, всячески выказывало им свою приверженность Советской власти и Коммунистической партии.

Ковпаковцы провели большую массово–политическую работу среди населения Галичины, разгромили и разложили несколько крупных националистических отрядов.

Все это оказало огромную помощь местным подпольщикам и партизанам. К сожалению, попытки руководства «Народной гвардии» установить связь с соединением С. А. Ковпака не удались. Но пример и опыт ковпаковцев вдохновили народногвардейцев на усиление борьбы, воочию показали, что и партизаны могут осуществлять крупные боевые операции.

Удары «Народной гвардии» по оккупантам нарастали с каждым днём. 17 октября 1943 года народногвардейцы пустили под откос воинский эшелон между станциями Скварява — Княже. В ноябре и декабре они подорвали два эшелона с живой силой и техникой противника на линии Потутары — Ходоров и Брюховичи — Зашков, уничтожили телефонную связь на линии Львов — Камянка–Бугская и Львов—Желква. Отряд «Народной гвардии», действовавший в районе Рава–Русской, 24 ноября сжёг немецкий фольварк, в селе Верлоково вывел из строя спиртозавод. В январе и феврале 1944 года во Львове подпольщики уничтожили несколько нефтяных цистерн и автомашин. В это же время один из отрядов «Народной гвардии» уничтожил три локомотива, подземный кабель и телефонные столбы, взорвал вражеский эшелон.

Важным в боевой деятельности народногвардейцев была организация побегов советских воинов из лагерей военнопленных. Военный совет «Народной гвардии» разработал специальную инструкцию, которой вменял своим организациям в обязанность вести активную работу среди советских военнопленных, организовывать их побеги, создавать из них боевые группы и партизанские отряды.

Дело это было чрезвычайно трудным. Вот один из примеров.

Осенью 1943 года комсомольцы Ф. Гаевский и И. Дубас по заданию руководства «Народной гвардии» были направлены во главе боевой группы на освобождение военнопленных из лагеря в районе Золочева. Здесь им на помощь должна была прийти золочевская боевая группа «Народной гвардии». Операция началась успешно. Выстрелы, которыми партизаны уничтожили часовых, одновременно были сигналом к бегству заранее предупреждённых военнопленных. Гитлеровцы начали преследовать бежавших, но с ними вступила в бой другая группа партизан. Тем временем вырвавшиеся из плена советские воины стали отходить в лес. Вскоре к фашистам прибыло подкрепление. Начался тяжёлый неравный бой. Ф. Гаевский приказал Дубасу и другим народногвардейцам уходить вслед за военнопленными, а сам с партизаном В. Федасом остался прикрывать отход товарищей. Несколько раз враги поднимались в атаку, и каждый раз Гаевский пулемётным огнём вынуждал их ложиться. Только когда Федас был убит, а Гаевский, получив тяжёлое ранение, потерял сознание, фашисты смогли схватить отважного подпольщика. Но приказ Военного совета был выполнен: 75 советским воинам удалось бежать из плена. Фашисты увезли Гаевского в Золочев. Там его, истекавшего кровью, зверски истязали. Не проронив ни слова, мужественный комсомолец, один из основателей «Народной гвардии», умер.

20 марта 1944 года народногвардейцы совершили дерзкую и сложную операцию — организовали побег 300 пленных советских воинов из лагеря «Цитадель», находившегося в бывшей крепости в центре Львова[271]. К сожалению, подробности этой операции пока неизвестны.

Организацией побегов пленных советских воинов «Народная гвардия» занималась до тех пор, пока на территории Львовщины существовали лагеря для военнопленных. Освобождавшиеся из плена советские бойцы и командиры в большинстве случаев пополняли ряды партизан. Из них было создано несколько партизанских отрядов, действовавших на территории Львовской области и в других западных областях Украины. В начале 1944 года по поручению руководства «Народной гвардии» партизанский отряд из бывших военнопленных создал И. Вовк. Один из отрядов, организованный из бежавших из плена, был назван «Партизанский отряд западных областей Украины Х-3».

Наряду с операциями в городах и на вражеских путях сообщения боевые группы и партизанские отряды «Народной гвардии» вели активные боевые действия в сельской местности. Летом 1943 года народногвардейцы совершили налёты на немецкие фольварки в сёлах Великие Очи и Свидница на

Яворовщине, где конфисковали продукты питания и скот, на мельницу в Тростянце, захватив там зерно и деньги. 26 июля 1943 года Военный совет «Народной гвардни» издал специальное обращение к крестьянам, призывавшее их не сдавать оккупантам сельскохозяйственные продукты. Обращение заканчивалось словами: «Зерно и хлеб — народу западных областей Украины. Ни единого зёрнышка оккупантам!» Это был конкретный призыв к срыву вражеских заготовок продовольствия. Крестьяне всячески уклонялись от выполнения сельскохозяйственных поставок. Дело дошло до массовых репрессий. Но они не дали оккупантам желаемых результатов.

Массовый срыв сельскохозяйственных поставок активно подкреплялся боевыми действиями партизан, уничтоживших большое количество сельскохозяйственных продуктов, предназначенных для отправки в Германию и для снабжения гитлеровских войск. Только на железнодорожном участке Львов — Тернополь в сентябре — октябре 1943 года народногвардейцами было сожжено около 176 железнодорожных вагонов с зерном, уничтожено много расположенных вблизи железной дороги фольварков немецких колонистов[272].

Партизанские отряды «Народной гвардии» становились всё более грозной для врага силой. «Немного времени прошло, — писала газета «Боротьба», — с того момента, когда были созданы первые отряды «Народной гвардии», но деятельность их чувствует уже на своей шкуре оккупант и на Дрогобычине, и на Покутте, в Зборовщнне, Жолковщине, во Львове и окрестностях»[273].

В начале 1944 года в западные области Украины вновь были направлены рейдирующие партизанские соединения: 1–я Украинская партизанская дивизия имени С. А. Ковпака под командованием П. П. Вершигоры, соединение партизанских кавалерийских отрядов под командованием М. И. Наумова, партизанские соединения под командованием М. И. Шукаева, партизанский отряд имени Чкалова под командованием Б. Д. Кореневского и другие. Они с боями прошли значительную часть западноукраинской территории. Только соединение М. И. Наумова провело 72 боя с оккупантами, уничтожило тысячи гитлеровцев, пустило под откос 26 вражеских эшелонов, что вынудило захватчиков прекратить ночное движение поездов по линиям Львов — Варшава, Львов — Самбор — Чоп, Львов — Киев, Львов — Брест и на всех других линиях Львовского, Самборского, Рава–Русского и Ярославского транспортных узлов и на всех шоссейных дорогах. Соединение М. И. Наумова много сделало для активизации партизанского движения на Львовщине. Были созданы и влились в это соединение Бродовский и Рава–Русский

партизанские отряды.

Рейдирующие партизанские соединения провели огромную политическую работу среди населения. Только партизанами дивизии имени С. А. Ковпака было проведено 75 общих собраний жителей деревень и сел, 143 доклада и 1600 политических бесед с населением, выпущены листовки на различные темы общим тиражом 15 тысяч экземпляров[274].

Военный совет «Народной гвардии» для установления связи с рейдирующими партизанскими соединениями, а через них с ЦК КП(б)У и УШПД выслал в район города Броды, где в феврале — марте 1944 года находились партизанский отряд имени Чкалова и соединение М. И. Наумова, боевую группу во главе с членом совета И. П. Куриловичем. 7 марта И. П. Курилович связался с партизанами соединения М. И. Наумова. В этот же день М. И. Наумов радиограммой сообщил об этом в ЦК КП(б) У и УШПД. В радиограмме указывалось, что Военный совет «Организации партизанского движения западных областей Украины» («Народной гвардии») имеет широкие связи во Львове, Станиславе, Дрогобыче, Самборе и через него можно организовать ряд новых партизанских отрядов. М. И. Наумов сообщал также о мерах к установлению непосредственной связи с Военным советом этой организации.

Представитель М. И. Наумова был послан во Львов, где 11 марта присутствовал на заседании Военного совета. На заседании был утверждён приказ совета, в котором говорилось: «Все внимание и силы всей нашей организации направить исключительно на усиление борьбы на всех участках как боевой, так и пропагандистско-агитационной работы против немецких оккупантов. Стимулом для улучшения нашей работы следует считать то, что руководству нашей организации удалось установить связь с командованием партизанских соединений в западных областях Украины под руководством генерал–майора Наумова». Таким образом долгожданная связь «Народной гвардии» с Большой землёй наконец была установлена. О деятельности «Народной гвардии» теперь знали ЦК КП(б) У и УШПД.

М. И. Наумов продолжал информировать ЦК КП(б) У о «Народной гвардии». В ответной радиограмме ЦК КП(б)У говорилось: «Установленные Вами связи с польскими коммунистами и Львовским советом по партизанскому движению заслуживают внимания. Оказывайте Львовскому штабу всяческое содействие по организации и развёртыванию партизанского движения во Львовской, Станиславской, Дрогобычской областях, а также на территории Польши…»[275].

17 марта 1944 года М. И. Наумову, П. П. Вершигоре и А. Ф. Федорову была направлена радиограмма ЦК КП(б)У с просьбой сообщить, в каких именно местах действуют отряды «Народной гвардии», какими вооружёнными силами располагает каждый из них и можно ли с ними установить связь. «Если что-либо из этого Вам известно, — говорилось в радиограмме, — то приложите все усилия, чтобы через своих надёжных и проверенных людей добыть необходимые сведения и срочно передать их в ЦК КП(б)У»[276]. В своём ответе М. И. Наумов 19 марта сообщил, что имеет связи с подпольными организациями во Львове, Дрогобыче, Самборе, Перемышле.

Для получения более полной и систематической информации о положении в западных областях Украины, и особенно на Львовщине и во Львове, ЦК КП(б)У направил М. И. Наумову, П. П. Вершигоре и А. Ф. Федорову указание о создании специальных отрядов для военно–политической разведки во Львове и его окрестностях. Такие отряды были сформированы и направлены 17–19 марта в район Львова[277]. М. И. Наумов выделил специальный разведывательный отряд под командованием С. И. Ксензова (комиссар П. А. Величко) в составе 55 кавалеристов. Для разведки во Львове в состав отряда вошли четыре представителя Военного совета «Народной гвардии», прибывшие вместе с И. П. Куриловичем. После соединения отрядов М. И. Наумова с частями Красной Армии И. П. Курилович поступил в распоряжение командования 1–го Украинского фронта и 17 июня 1944 года вновь был направлен с парашютным десантом для работы во Львов. Как член Военного совета «Народной гвардии», он привлёк многих членов организации к выполнению поставленных перед ним задач.

Особенно благотворно сказалось установление связи с рейдировавшими партизанскими соединениями на деятельности партизанских отрядов «Народной гвардии». Нередко они проводили и совместные боевые выступления.

В апреле 1944 года гестапо удалось выследить и арестовать В. А. Грушина, И. П. Вовка, А. П. Полубяка, П. П. Перчинского и других руководителей и активных работников «Народной гвардии» — всего около 50 человек. Арестованные были подвергнуты жестоким истязаниям. В апреле — мае 1944 года многие из них были расстреляны, а остальные отправлены в концентрационные лагеря в Германию и там замучены.

Основная масса членов организации уцелела. Из членов Военного совета на свободе остался Н. Д. Березин. «Народная гвардия» продолжала борьбу. Был восстановлен Военный совет. Вновь стали выходить подпольные газеты. Продолжали свою

деятельность и районные отделы. Так, 12 апреля 1944 года комендант Железнодорожного района города Львова докладывал Военному совету, что районная организация, состоящая из 10 членов и 35 «симпатиков», ведёт активную политическую и боевую деятельность. В другом районе работала боевая группа П. Моравского. В ряды «Народной гвардии» вступали новые патриоты.

Чем ближе приближался фронт, тем активнее становились действия партизан и подпольщиков. В судорожных попытках сдержать наступление Красной Армии оккупанты лихорадочно проводили разного рода «экстренные мероприятия». Была объявлена мобилизация мужского населения дистрикта. Часть мужчин фашисты планировали вывезти в Германию, а другую использовать на сооружении оборонительных рубежей. Во Львове, например, все мужчины с 14 лет были мобилизованы на строительство укреплений и работу на предприятиях, выполнявших заказы гитлеровской армии. Для мобилизованных был установлен 14–часовой рабочий день. Население обрекалось на голодную смерть: взрослым выдавалось по 1,5 килограмма, подросткам — по 500 граммов хлеба в неделю. Во Львов были согнаны десятки тысяч советских людей, насильно эвакуированных из других областей Украины, для которых оккупанты создали специальные лагеря. Им вообще не выдавалось продовольствие. С января 1944 года оккупанты начали массовый вывоз оборудования львовских предприятий. Полностью было вывезено оборудование резиновой и текстильной фабрик, часть оборудования железнодорожного депо[278].

В городах и сёлах происходил массовый грабёж народного добра. У крестьян отбирались последний скот, все скудные остатки продуктов питания.

Захватчики готовили разрушение Львова и других западноукраинских городов. «Народная гвардия» развернула энергичную борьбу по срыву этих варварских мероприятий. Партизаны и подпольщики уничтожали вражеских минёров, в деревнях по призыву «Народной гвардии» создавались отряды самообороны для борьбы с фашистскими «заготовителями» продовольствия, общественное имущество распределялось на сохранение между колхозниками.

Широкий размах приобрели в это время террористические действия народногвардейцев. Дело дошло до того, что гитлеровский военный комендант Львова 5 мая отдал приказ, запрещавший немецким солдатам и офицерам посещать Стрийский и Лычаковский парки, парк «Высокий замок» и Погулянку[279]. Террористические акции подпольщиков

отличались смелостью и дерзостью. 12 июня они убили гитлеровского подполковника, 20 июня — ротенфюрера СС. 24 мая на главном вокзале Львова один из народногвардейцев бросил ручную гранату в большую группу полицейских. 29 июня военный комендант Львова вновь издал приказ о предупредительных мерах в связи с активизацией боевой деятельности подпольщиков и партизан. В приказе, в частности, говорилось: «Случаи, которые очень часто повторяются, доказывают, что когда партизаны нападают на легковые и грузовые автомашины, то немецких солдат, которые находятся на них, убивают и ранят раньше, чем те успевают оказать какое-либо сопротивление. Легкомысленное и несерьёзное отношение к поездкам, особенно через местность, заражённую партизанами, есть причина этих жертв». Далее комендант излагал различные меры предосторожности. Но ничто не помогало. Народногвардейцы создали буквально невыносимые условия для захватчиков.

Одновременно народногвардейцы наносили удары по транспорту противника В мае они взорвали мост на железнодорожной магистрали Самбор — Львов, в результате чего движение на этой линии было прекращено более чем на сутки. 2 июня отряд «Народной гвардии» обстрелял три вражеских легковых автомобиля и два из них вывел из строя. Золочевский отряд «Народной гвардии» совершил нападение на автоколонну и вывел из строя 56 автомобилей[280].

В дни боев Красной Армии за освобождение Львова народногвардейцы действовали главным образом по заданиям советского командования. Большую боевую работу в это время провёл, например, Золочевский партизанский отряд под командованием А. К. Кундиуса. Он переправил за линию фронта 600 советских патриотов, пустил под откос 11 вражеских эшелонов, сжёг эшелон с нефтью, 37 раз повреждал телефонно–телеграфную линию и два раза телефонный подземный кабель гитлеровских войск, уничтожил 7 паровозов, 32 вагона, 9 автомашин, взорвал 13 железнодорожных и шоссейных мостов, взял в плен и передал частям Красной Армии 92 фашистских солдата и офицера с двумя танками «тигр», вывел из строя в городе Золочеве ряд небольших предприятий, 5 немецких фольварков, ликвидировал 536 гитлеровцев и украинских националистов[281].

«Народная гвардия» просуществовала до освобождения Львовщины Красной Армией. С сознанием исполненного долга могли рапортовать народногвардейцы народу и Коммунистической партии о результатах своей героической

деятельности. А результаты эти были весьма значительными. Отрядами и боевыми группами «Народной гвардии» было пущено под откос более 30 эшелонов противника с живой силой, техникой и горючим, взорвано или повреждено около 20 железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожено более 10 работавших на оккупантов промышленных предприятий, 6 крупных складов воинского имущества, 6 самолётов, приведено в негодность или повреждено 20 танков, несколько десятков автомобилей, большое количество сельскохозяйственных машин, сожжено около 30 фольварков немецких колонистов, уничтожено и роздано населению много предназначенных для отправки в Германию и для снабжения вражеских войск сельскохозяйственных продуктов, особенно хлеба. Народногвардейцы вывели из строя или взяли в плен около 1500 гитлеровцев и украинских националистов[282]. И конечно, никакому учёту не поддаётся та огромная массово–политическая работа среди населения, которую вели народногвардейцы.

Подавляющее большинство подпольщиков и партизан Львовщины — это уроженцы Львова и западных областей Украины, простые труженики: рабочие, крестьяне, интеллигенты. Именно на них, на людей, живших менее двух лет при Советской власти, и рассчитывали захватчики и их прихвостни — украинские буржуазные националисты. Но народные массы сумели понять, что подлинными выразителями их интересов являются коммунисты. И хотя коммунистов среди партизан и подпольщиков Львовщины было мало, с ними был весь народ. Именно народ, в течение всего периода вражеской оккупации кормил и одевал подпольщиков и партизан. Население собирало для них оружие, вело разведку, укрывало и выхаживало раненых, было неиссякаемым источником пополнения подполья и партизанских отрядов. И в этом ярчайшее проявление подлинно всенародного характера партизанской борьбы трудящихся западных областей Украины против фашистских оккупантов. Коммунисты и их верные помощники — комсомольцы придали этой борьбе политическую целеустремлённость, организованность, высокую эффективность.

Героическая деятельность «Народной гвардии» получила высокую оценку партии и правительства. Среди славных подпольщиков и партизан, награждённых орденами СССР, имеются и имена руководителей «Народной гвардии»: В. А. Грушина, А. И. Путько, И. П. Вовка, И. В. Дубаса, И. П. Куриловича, П. П. Перчинского, Ф. Гаевского и многих других.

Бывшие члены «Народной гвардии» после освобождения Львовщины активно включились в восстановление народного

хозяйства. Многим из них пришлось с оружием в руках добивать националистические банды. Народногвардейцы В. Вангровский, С. Сидоренко, С. Ходжаева и другие во главе с коммунистом П. Якубовичем в составе партизанского отряда «Львовцы» помогали братскому словацкому народу.

Прошли годы, но подвиг народногвардейцев и сейчас служит благородным примером беззаветной преданности Советской власти, делу и идеям Коммунистической партии. Он вдохновляет трудящихся Львовщины на трудовые подвиги во имя великой цели — коммунизма, ради которого боролись, не щадя своей жизни, герои–народногвардейцы.

СТРАНИЧКИ ТЕХ ЛЕТ

В. А. Бегма, *бывший секретарь Ровенского подпольного обкома КП(б)У и начальник областного штаба партизанского движения*

Много воды утекло с той грозной поры, когда решалась судьба нашего Отечества, будущее наших детей, проверялась жизненность наших идеалов на фронтах, в советском тылу, в тылу фашистских захватчиков. Мы никогда не сомневались, что наш советский строй выстоит, какие бы трудности нам ни пришлось преодолеть. Так и произошло — мы победили! В жестокой борьбе с жестоким, до зубов вооружённым, коварным врагом победили руководимые великой партией Ленина наша армия, наш народ, его дух, коммунистическая идеология.

Многое из тех незабываемых лет навсегда останется в памяти нашего народа, всего человечества. Обращаясь к этому прошлому, я хотел бы перелистать несколько страничек из партизанской борьбы на Ровенщине против гитлеровских захватчиков, борьбы, в которой мне пришлось участвовать как секретарю подпольного обкома партии и начальнику областного штаба партизанского движения.

У МИХАИЛА ИВАНОВИЧА КАЛИНИНА

В конце 1942 года меня отозвали с Кавказского фронта в Москву. Телеграмма была из ЦК ВКП(б). Прибыв в Москву, я узнал, что в Центральном Комитете партии и в штабе партизанского движения было решено, что я полечу в Ровенскую область, где до войны я почти два года работал первым секретарём обкома партии. Я был доволен таким решением, потому что хорошо знал местность и многих тамошних людей. К тому же в начале войны по заданию ЦК КП(б)У я участвовал в подборе группы товарищей для подпольной работы в тылу врага.

За день перед вылетом во вражеский тыл меня, как депутата Верховного Совета СССР, принял Михаил Иванович Калинин. Я не знал, о чём будет разговор, и потому вошёл в кабинет Председателя Президиума Верховного Совета с особенным волнением.

— А! Товарищ Бегма! — улыбнулся Михаил Иванович. — Знаю, знаю. Летите, в тыл врага. Что ж, нужно. Передайте от меня привет партизанам. Молодцы они! Вам, товарищ Бегма, есть

поручение, важное и ответственное. От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР вы вручите ордена и медали нашим славным партизанам и партизанкам из соединения Ковпака и Сабурова. Вот мандат.

Михаил Иванович взял со стола напечатанный на машинке документ, подписанный им, товарищем Горкиным и скреплённый круглой печатью.

Мне не раз приходилось встречаться с Михаилом Ивановичем в Кремле. Но в этот день, как никогда раньше, я увидел в его глазах, в его улыбке так много отцовского тепла! Особенно когда он говорил о подпольщиках и партизанах.

Какую-то минуту Михаил Иванович сидел, опершись на спинку кресла, неподвижный, задумчивый.

— Разрешите идти? — спросил я.

Михаил Иванович оживился.

— Посидите в мягком кресле. Вы ещё насидитесь в тылу врага на пнях, поваленных деревьях. Теперь мы не так скоро увидимся с вами. Дорога выпала вам далёкая, трудная. Да! — Он потрогал рукой бородку и пристально посмотрел мне в глаза. — А себя вы всё-таки берегите… Людей берегите, товарищ Бегма! Люди у нас чудесные. Таких нет в мире, потому что они социализма люди…

Михаил Иванович спросил, встретился ли я с женой, с сыном. Товарищи из Центрального Комитета ВКП(б) разыскали жену и сына, чтобы я увидел их перед вылетом за линию фронта.

— Да, — ответили. — Спасибо.

Не раз потом вспоминал я слова Михаила Ивановича: «Люди у нас чудесные. Берегите их».

Летчики из полка Героя Советского Союза Валентины Гризодубовой доставили меня, моего помощника Степана Качуру, с которым я работал до войны и на фронте, а также радистов Т. Романенко и А. Повторенко на партизанский аэродром соединения Сидора Артемьевича Ковпака. Посадочной площадкой служило Князь–озеро, затерянное в болотах южной части Белоруссии.

Самолет уже коснулся колёсами заснеженного льда. Все переживания, обстрел самолёта немецкими зенитками — позади.

— Здравствуй, земля партизанская!

Мы подошли к костру, вокруг которого сидели С. В. Руднев, П. П. Вершигора, представитель ЦК КП(б)У И. К. Сыромолотный и, в длинном кожухе, сам С. А. Ковпак. Дымя самокруткой, он палочкой выкатывал из огня печёную картошку.

— Мы тебя третий день ожидаем, Василий Андреевич. Строкач передал, что везёшь нам ценный груз. Где же твои

патрончики?

Патрончиков мы не привезли. Зато как радостно были удивлены Сидор Артемьевич, все партизанские командиры и бойцы, узнав, что ценным грузом являются 539 орденов и медалей, которыми награждены партизаны!

На следующий день в большом селе Пуховичи, вблизи Красного озера, был настоящий праздник. Всюду красные флаги. Все, от мала до велика, высыпали на улицу — встречать партизан. Вот первыми из лесу вышли кавалеристы. Ветер развевает боевые знамёна. Вслед за ними чётким шагом отряд за отрядом идут партизаны-пехотинцы. Взвивается песня «По долинам и по взгорьям». Отряды выстраиваются на площади.

— Видите орлов! — сказал Сидор Артемьевич, обращаясь ко мне и товарищу Сыромолотному. — Почти регулярная армия. Таких бойцов в украинских партизанских соединениях не меньше двухсот тысяч. Второй фронт…

Да, в те дни второго фронта на Западе ещё и в помине не было. Единственное облегчение Красной Армии, сражавшейся под Сталинградом, Ржевом, Ленинградом, на Кавказе, приносили действия партизан и подпольщиков в тылу врага. Они оттягивали многие вражеские дивизии на себя, разрушали коммуникации в тылу противника, уничтожали его технику и живую силу.

С необычным интересом рассматривали меня крестьяне. И не только потому, что я был в военной форме, а главным образом как человека, прибывшего из Москвы. Люди переговаривались.

— Слыхали? Из самой Москвы.

— А немцы кричали — капут Москве.

— Слушай брехунов, сам дураком станешь.

Вскоре состоялся митинг. С. В. Руднев представил меня:

— Товарищи партизаны! Товарищи крестьяне! Слово предоставляется депутату Верховного Совета СССР товарищу Бегме!

Говорил я недолго, всё время смотрел на лица людей. А их глаза говорили: «Жива Советская власть! Действует наш советский парламент, если в глубоком тылу врага депутат выступает с докладом о внутреннем и международном положении страны, вручает награды партизанам за боевые подвиги во имя Родины и народа!»

Эта встреча была волнующей демонстрацией непоколебимой веры оставшихся на оккупированной врагом территории советских людей в Коммунистическую партию, в родную Советскую власть.

«Надо как можно скорее добраться до места назначения и приступить к расширению подполья, формированию новых

партизанских отрядов и соединений», — думал я.

Правда, задача облегчалась тем, что многое уже было сделано. Сразу же после вторжения фашистских орд на территорию Ровенской области здесь начало активно действовать подполье. Создано оно было товарищами, оставленными обкомом партии.

РОВЕНСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Уже в первые дни вероломного нападения на нашу страну гитлеровское командование бросило в направлении Луцка, Ровно, Кременца, Дубно танковую армию под командованием генерала Клейста. Перед ней была поставлена задача молниеносно захватить эти города и выйти на оперативный простор Северо–Подольского плато, оттуда развить наступление на юг — на Тернополь, на восток — на Киев, пройти по советским тылам к Днепру, захватить переправы и окружить большую группировку советских войск. На эту операцию Гитлер давал своим войскам две недели.

Быстрое продвижение вражеских войск чрезвычайно осложнило работу обкома партии по созданию подполья. В области, разумеется, было много прекрасных коммунистов. Но ведь подпольная работа особенная. Она требует не только преданности делу, мужества, стойкости, но и хорошего знания местных условий, людей, умения соблюдать строжайшую конспирацию.

Десятки коммунистов — членов обкома, работников райкомов партии — перебирали тогда мы, работники обкома, в своей памяти. Это были стойкие люди, активные участники строительства новой жизни. Они вели большую работу по реконструкции и развитию народного хозяйства области, коллективизации деревень, культурному строительству. Но мало кто из них участвовал в гражданской войне, не многие имели опыт подпольной борьбы.

В июне 1941 года состоялось заседание бюро обкома партии.

В напряжённых думах и спорах мы решили, что в подполье должны остаться главным образом местные коммунисты. Я внёс предложение утвердить руководителем ровенского подполья Терентия Федоровича Новака. Правда, коммунист он был молодой, но опыт подпольной работы имел основательный. До установления Советской власти в западных областях Украины и Белоруссии он был активным членом Коммунистической партии Западной Украины, сидел в Люблинской крепости, куда польская дефензива заточила его за политическую деятельность на 30 лет.

Словом, это человек серьёзной закалки, прошедший большую школу революционной борьбы. Немаловажным обстоятельством было и то, что Новак, кроме украинского и русского языков, хорошо владел польским и немецким.

Кандидатуру Новака поддержали все члены бюро обкома. Решено было также оставить в подполье, по их личной просьбе, секретаря Клесовского райкома партии В. А. Сонина и заведующего промышленным отделом обкома партии Чепурного. Но с Чепурным мы допустили большую ошибку. Он проявил трусость, граничащую с предательством, не выполнив возложенной на него задачи.

Прежде чем рассказывать о деятельности ровенских подпольщиков, остановлюсь на обстановке, которая сложилась на Ровенщине после оккупации её фашистскими войсками. А она была очень сложной. Наряду с жесточайшим террором оккупанты всячески стремились разжечь национальную рознь между украинцами и поляками, украинцами и евреями, натравливали местных жителей на «восточников» — людей, приехавших из восточных областей Украины и из РСФСР после освобождения в 1939 году Западной Украины. 6 ноября 1941 года гитлеровцы расстреляли в Ровно 15 тысяч евреев. В городах и населённых пунктах систематически производились облавы и расстрелы коммунистов, комсомольцев, советских активистов. В трёх лагерях для военнопленных под Ровно фашистские палачи уничтожили 80 тысяч советских воинов. Была внедрена гнусная система заложничества. Фашисты объявили, что за каждого убитого гитлеровца будут расстреливать десятки и сотни местных жителей.

Деятельность подпольщиков значительно осложнялась и особым положением Ровно, превращённым Гитлером в центр оккупационных властей на Украине. Здесь размещались рейхскомиссариат Украины во главе с палачом Э. Кохом и верховный суд Украины с его сенатс–президентом Функом. Здесь же были расквартированы ставка главнокомандующего немецкими вооружёнными силами на Украине во главе с генералом авиации Киценгером, ставка командующего особой армией генерала фон Ингеля. В Ровно также находилось центральное управление гестапо и полиции во главе с людоедом генералом Бахом. Город буквально кишел агентами гестапо и полиции. Систематически проводились облавы, расстреливались целые семьи, в чьих квартирах были выявлены посторонние люди. На каждом шагу проверялись документы, жителям даже запрещалось ходить по улицам с засунутыми в карманы руками.

В Ровно подвизались и провокаторы из украинских

буржуазных националистов во главе с оуновцами[283] Власом Самчуком и Степаном Скрипником. Через свою грязную газетёнку «Волинь», редактором которой был Самчук, а также через националистическую организацию «Просвіта» оуновцы призывали население всемерно помогать гитлеровцам в борьбе против Красной Армии, поддерживать оккупационный режим, выявлять и выдавать «восточников», коммунистов, комсомольцев и беспартийных советских патриотов. Подлинные наёмники немецких фашистов призывали украинцев бить поляков и русских во имя «соборной Украины».

Но, несмотря на все трудности, подпольная организация, созданная Терентием Новаком, жила, действовала и росла. Весной 1942 года она насчитывала более 100 бойцов подполья. Особое внимание было уделено конспирации. Строилась организация по принципу троек. Связь между ними осуществлялась только через одного члена тройки. Подпольщикам удалось глубоко внедриться во вражеский оккупационный аппарат и на работавшие предприятия. Они имели свои группы при гебитскомиссариате, центральном бюро промышленности, комендатуре, на станции Ровно, на чугунолитейном заводе. Эти группы собирали сведения о противнике, распространяли среди населения листовки с сообщениями Советского информбюро, вели работу по срыву отправки советских людей на каторжные работы в Германию, похищали бланки разных документов и печати оккупационных властей.

В сентябре 1942 года был создан центр ровенской подпольной организации. В его состав вошли Т. Новак, его друг и товарищ по КПЗУ и Люблинской тюрьме И. Луц, Н. Поцелуев, М. Анохин, А. Гуц. Центр координировал действия отделов. Их было образовано пять: организационный, агитационно–пропагандистский, военный, разведывательный и хозяйственный.

Организационным отделом руководил Т. Новак. В функции отдела входило руководство и контроль за работой отделов, подпольных троек, создание новых подпольных групп. Члены военного отдела, реорганизованного потом в диверсионно–боевой отдел, занимались подготовкой диверсий, добычей оружия и боеприпасов, готовили пополнение для партизанских отрядов. Большую работу вёл разведывательный отдел. Он собирал сведения о противнике, добывал секретные документы оккупантов, обеспечивал подпольщиков необходимой документацией. В обязанности хозяйственного отдела входило: добыча медикаментов, продовольствия и одежды, укрытие раненых и больных подпольщиков и партизан, оказание им

медицинской помощи.

Агитационно–пропагандистский отдел принимал по радио передачи радиостанций Москвы, имени Тараса Шевченко, «Радянська Україна», «Дніпро». На основе этих материалов составлялись листовки. Кроме того, подпольщики сами составляли тексты листовок. Систематически распространялись такие, например, листовки: «До селян!», «До молоді!», «Хочеш жити —не їдь в Німеччину» и другие, в которых разоблачались фашистская и буржуазно–националистическая ложь, зверства и провокации врага. Подпольная организация призывала население саботировать мероприятия оккупантов, включаться в партизанскую борьбу. Так, например, когда оккупанты огласили и стали проводить в жизнь так называемый новый земельный закон, агитационно–пропагандистский отдел выпустил по этому поводу специальную листовку, разоблачавшую коварную затею гитлеровцев. Крестьянам разъяснялось, что этот закон прямо направлен на их порабощение: колхозы и индивидуальное землепользование крестьян ликвидируются, создаются так называемые экономии и общественные хозяйства во главе с гитлеровцами. Сельские труженики, таким образом, превращаются в батраков — в рабов немецких помещиков. Под влиянием массово–политической работы подпольщиков крестьяне сел Ставки, Грушвицы, Городок Ровенского района, сел Курозваны, Синьково Гощанского района, несмотря на предпринятые оккупантами карательные меры, не пошли работать в экономии оккупантов. Их примеру последовали многие жители других районов. Объектом злой, острой сатиры подпольщиков стал изданный оккупантами в январе 1942 года закон о налоге на собак.

Ровенская подпольная организация распространяла своё влияние на близлежащие к Ровно районы. С её помощью организовались и действовали подпольные группы в Ровенском, Гощанском, Клеванском, Здолбуновском, Тучинском, Корецком районах. Создан был партизанский отряд из советских военнопленных под командованием С. Носенко. Все же деятельность организации могла в тот период быть более широкой и целеустремлённой, если бы она имела связь с Большой землёй и действовала в контакте с другими подпольными организациями там же, в Ровно.

К активным боевым операциям ровенские подпольщики приступили после того, как Новак установил связь с партизанским отрядом, которым командовал И. Шитов, и с отрядом специальнррр : назначения под командованием полковника Д. Н. Медведева.

Высадившись летом 1942 года с самолётов в районе железнодорожной станции Толстый Лес, отряд Д. Н. Медведева в составе 85 человек избрал местом своей дислокации и боевых действий треугольник железных дорог Ровно — Сарны, Сарны — Рокитно — Олевск. Враг очень скоро почувствовал разящие удары «медведей», как любовно называли крестьяне и партизаны других отрядов бойцов спецотряда.

С боевой жизнью этого отряда связаны поразительные по смелости и отваге диверсионно–разведывательные операции Николая Ивановича Кузнецова. Это он, героический советский разведчик, при помощи бойцов отряда Д. Медведева Николая Струтинского, Яна Каминского, Николая Гнидюка и подпольщиков из ровенской подпольной организации Николая Астафова, Павла Мирющенко отправил на тот свет главного фашистского судью на Украине А. Функа, гитлеровского руководителя финансовым отделом доктора Билля, первого и второго заместителей Коха •— П. Дергеля и Г. Кнута. Это он, Н. И. Кузнецов, с помощью членов подпольной организации Новака похитил командующего карательными войсками на Украине гитлеровского генерала фон Ильгена прямо из особняка, который он занимал в Ровно. К сожалению, в настоящем очерке нет возможности подробно рассказать, как были выполнены эти и ряд других смелых операций.

Установив связь с партизанами и спецотрядом Д. Н. Медведева, ровенские подпольщики развернули активную боевую деятельность. Вот лишь некоторые факты. В январе 1943 года диверсионная группа во главе с Николаем Поцелуевым сожгла деревообделочную фабрику, уничтожила её охрану и вооружила захваченным оружием большую группу советских военнопленных, переправив их в партизанский отряд. Примерно в это же время другая диверсионная группа взорвала склад с азотной кислотой на станции Ровно. В июле группа Николая Гнидюка подорвала мост через реку Горынь и пустила под откос воинский эшелон с танками и артиллерийскими орудиями. Эта же группа взорвала эшелон с гитлеровскими солдатами, осуществила диверсию в депо станции Здолбунов, в результате которой железнодорожная ветка Здолбунов — Шепетовка не работала две недели.

Осенью 1943 года подпольщики Ровно в ответ на зверства украинских буржуазных националистов уничтожили 19 активных оуновцев и 7 гитлеровских офицеров. В канун 25–й годовщины Великого Октября подпольщики вместе с Николаем Кузнецовым устроили взрыв на станции Ровно с большими потерями для врага, 27 ноября Новак и Яремчук гранатой взорвали автомашину

с радирставдщрц, а на следующий день бросили гранату в один из блоков воинской казармы на ДубенскЬй улице.

Страх и бешенство вызывали у гитлеровцев диверсии подпольщиков, Кузнецова, боевых групп отряда Медведева, других партизанских отрядов. С каждым днём враг усиливал репрессии. Всюду шныряли гитлеровские ищейки. Тяжелые потери понесла организация Новака. Были схвачены гестаповцами Иван Луц, Мария Жарская, Николай Поцелуев, Николай Самойлов, Федор Шкурко и после долгих издевательств повешены на глазах согнанных для устрашения местных жителей.

Сидевший в тюрьме житель города Ровно Валерий Маевский видел, как пытали Федора Шкурко. «Во время допросов, — вспоминал он, — фашисты избивали Федора до полусмерти. Два месяца он не поднимался с пола камеры». Очевидцы рассказывают, как мужественно, гордо приняли смерть герои–подпольщики.

…Фашисты вошли в камеру и объявили об очередной «чистке», то есть об очередной расправе с советскими патриотами.

— Мария Жарская! — прочёл гитлеровец в списке.

— Я.

Сжав кулаки, Жарская сделала несколько шагов вперёд. Из головы все ещё сочилась кровь после очередного допроса, ноги были искусаны овчарками.

— Убивайте, но вас ждёт расплата! — крикнула она и плюнула в лицо гитлеровцу. — Мы ненавидим вас!

На месте казни Жарская обратилась к согнанной толпе:

— Люди! Уничтожайте гадов! Смерть фашистским палачам!

Когда палач набрасывал петлю на шею Ивана Луца, патриот крикнул:

— Прощайте, друзья! Победа будет за нами. Наши идут!

И все выведенные на казнь подпольщики прокричали:

— Смерть фашистским катам! Хай живе коммунізм!

И снова голос Жарской:

— Не забудьте, люди, моих детей!

Ее детей приютила пожилая женщина Любовь Комаровская, которая, как и сотни других советских патриотов, всем, чем могла, помогала подпольщикам и партизанам.

Не ушли от заслуженной кары фашистские палачи, казнившие героев–подпольщиков. 5 января 1944 года Новак и Афонин с помощью комсомолоК. подпольщиц Лизы Гельфонд, Гали Гниденко и Иры Соколовской подвесили под крышей офицерской столовой две мины. Во время обеда раздался взрыв, и немецким санитарным машинам хватило работы на много часов.

Взрывом были уничтожены 2 Генерала, 8 высших офицеров, многие офицеры рангом пониже. Еще больше было раненых. В ту же ночь Новак и Афонин подорвали шедший на запад эшелон с гитлеровцами. Прямо на улице выстрелом из пистолета отважный подпольщик Василий Серов покончил с начальником штаба особой группы фашистских войск генералом КацеНРооом фон Клуке.

Оценивая деятельность подпольной организации Терентия Новака, можно с уверенностью сказать: это была самая мощная, самая деятельная из всех подпольных организаций, созданных коммунистами и комсомольцами Ровенщины в тылу фашистских захватчиков.

Несмотря на очень сложные условия, отсутствие непосрйственной связи с подпольным обкомом партии, она всегда находила правильную политическую линию и непрерывно действовала с августа 1941 года до освобождения области Красной Армией.

За выдающиеся заслуги в организации и руководстве ровенской подпольной организацией, мужество и героизм, проявленные в борьбе против фашистских захватчиков, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1965 года Новаку Терентию Федоровичу присвоено звание Героя Советского Союза. Близкий друг и боевой помощник Т. Ф. Новака Иван Иванович Луц посмертно награждён орденом Ленина.

В Ровно действовали ещё две подпольные организации. Одной из них руководил бывший секретарь Ленинского райкома комсомола города Львова Павел Михайлович Мирющенко. На подпольной работе он был оставлен Центральным Комитетом КП(б)У. Устроившись заместителем директора созданной оккупантами электромеханической школы, Мирющенко вместе с преподавателем физики коммунистом Г. Ф. Калашниковым организовал группу из учителей и учеников школы. Сначала в организацию входило 17 человек, а осенью 1943 года она насчитывала уже около 200 патриотов—жителей Ровно и сел Грушвицы и Дядьковичи Ровенского района. В течение всей своей деятельности подпольщики вывели из строя 60 автомобилей и бронетранспортёров, телеграфно–телефонную линию Ровно — Здолбунов, Ровно — Сарны, нефтедвигатель на Бабинском сахарном заводе, организовали побег в лес к партизанам 120 юношей, которым угрожала отправка в Германию.

Члены этой организации установили связь с подпольной группой в Красном Кресте, с подпольщиками — врачами Тютьковпцкой больницы В. Убийко, М. Воробьевым и С. Афониным. Последние оказали большую помощь подпольщикам

и партизанам медикаментами, во время массовых облав прятали в больнице десятки людей под видом тифознобольных. В декабре 1943 года гестаповцам удалось раскрыть подпольную организацию П. М. Мирющенко. Много людей было арестовано. После зверских пыток гестаповцы расстреляли П. М. Мирющенко и его боевых соратников Павлика, Годжия, Бидыка и Поплавского.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1965 года Павел Михайлович Мирющенко посмертно награждён орденом Ленина.

Третьей подпольной организацией в Ровно была группа бывшего секретаря Железнодорожного райкома партии города Киева Николая Максимовича Астафова, аспиранта Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко. По решению ЦК КП(б)У Астафов был оставлен на подпольной работе в Киевской области, но попал в руки гитлеровцев и был помещён ими в Ровенский лагерь военнопленных. Здесь он создал подпольную группу из коммунистов и комсомольцев. Вскоре группе удалось связаться с организацией П. М. Мирющенко, которая помогла осуществить побег из лагеря нескольких десятков пленных. С помощью Мирющенко Н. М. Астафов организовал позже побег ещё 50 советских военнопленных.

Очутившись на свободе, Астафов создал подпольную группу из семи коммунистов и комсомольцев, которая вскоре переросла в сильную подпольную организацию.

Она вела большую массово–политическую работу в Ровно, на Шпаневском и Бабинском сахарных заводах, в лагере военнопленных. Устроившись на работу в учреждениях и на предприятиях оккупантов, подпольщики собирали по заданиям спецотряда Д. Н. Медведева сведения о противнике, осуществляли диверсии.

В мае 1942 года организация Н. М. Астафова выпустила листовку «К молодёжи Ровно». В этот период фашисты начали массовый угон советских юношей и девушек в Германию. Листовка призывала молодёжь всячески уклоняться от посылки в Германию, пополнять ряды партизан. «Бейте немцев, их помощников всюду и чем только можете! — говорилось в листовке. — Уничтожайте оккупантов и их технику!»[284].

В сентябре 1943 года Н. М. Астафов по заданию спецотряда Д. Н. Медведева отправил большую часть подпольщиков своей организации в партизанский отряд. В декабре 1943 года гестаповцам удалось арестовать ядро организации, в том числе и Н. М. Астафова. Подпольщики были зверски замучены в фашистских застенках.

ПОДПОЛЬЕ В РАЙОННЫХ ЦЕНТРАХ И СЕЛАХ

Еще раз вернёмся к тому июньскому дню 1941 года, когда происходило заседание бюро Ровенского обкома партии, на котором отбирались и утверждались руководители подполья.

После ряда выступлений взял слово секретарь Клесовского райкома партии Валерьян Алексеевич Сонин.

— Оставьте меня на подпольной работе, Василий Андреевич. Жизни не пожалею, а задание партии выполню.

— А вы знакомы с правилами конспирации?

— Специально, конечно, не изучал. Но из книг знаю. Думаю, что это дело наживное, не святые горшки лепят. Запишите, Василий Андреевич. Справлюсь.

Пришлось просьбу В. А. Сонина уважить. Вернувшись в Клесовский район, В. А. Сонин стал работать в каменных карьерах. Вскоре ему удалось создать подпольную группу. Начинать работу было решено с массовой агитации. Поэтому подпольщики тщательно изучали обстановку, следили за вражеской прессой, особенно за газетёнкамˆ «Волинь» и «Гайдамаки», которые издавались украинскими националистами.

Материала для агитации, то есть разного рода фактов из практики хозяйничанья гитлеровцев на Ровенщине, было много. — ˆуццо было дать правильную оценку этому материалу, вскрыть передщнаселением суть так называемого «нового порядка», разоблачить предательство украинских буржуазных националистов. А в лагере украинских буржуазных националистов шла грызня. Оуновцы раскололись на две волчьи стаи — бандеровцев и мельниковцев. На Полесье возникла ещё одна националистическая банда — бульбовцы. Сколотил её матёрый бандит и прислужник фашистов Тарас Боровец, присвоивший себе имя Тараса Бульбы. Еще до прихода гитлеровской армии он был высажен на парашюте с немецкого самолёта в Сарненских лесах. Он объявил, что не подчиняется ни Бандере, ни Мельнику, а будет сам строить «Полесскую сечь». Фашисты, разогнавшие так называемое правительство Бандеры, охотно поддержали затею Боровца. Перед ним была поставлена конкретная задача: руками его «сечевиков» уничтожать подпольщиков, партизан и советских парашютистов.

Каждая из этих националистических свор стремилась воздействовать на население, отравить сознание трудящихся ядом националистических идей. «Плевали мы на всех, — похвалялись сторонники «Полесской сечи». — Мы отстоим вільну Украіну, и первым её министром будет Тарас Боровец!»

— Грызутся, как псы за кость, — говорил Сонин своим

товарищам по подполью. — Надо нам смелее идти к людям, завоёвывать их сердца, разоблачать врагов народа, фашистских служак.

И подпольщики начали действовать. Однако В. А. Сонин подчас пренебрегал правилами конспирации и вскоре поплатился за это. В среду подпольщиков затесался предатель, который навёл В. А. Сонина на засаду. Шесть человек бросились на подпольщика, но его железные кулаки работали умело. Лишь когда к врагам подоспело ещё несколько гестаповцев, им удалось схватить В. А. Сонина. Две недели фашисты мучили подпольщика. Полуживого, они казнили его на площади. Ночью тело В. А. Сонина исчезло: его унесли и похоронили подпольщики.

В Высоцком районе организацию подпольных групп возглавили председатель райисполкома товарищ Кабак и заведующий районным отделом народного образования товарищ Храпко. Базой для развёртывания борьбы они избрали село Сварицевичи. Но Кабак и Храпко, как и Сонин, недооценили важности конспирации и вскоре пали смертью храбрых в неравном бою.

Большую активность проявляла подпольная организация в Дубровицком районе. Создал её ветеран антифашистской войны в Испании 1936–1939 годов, бывший боец Интернациональной бригады Алексей Крынько. Спустившись на парашюте осенью 1941 года на землю родного района, коммунист Крынько вскоре создал из местных жителей подпольную организацию в составе 12 человек. Развер нув широкую агитацию среди населения, организация быстро добилась значительного роста своих рядов. Вот одна из листовок организации, обращённая к населению: «Мы делаем все, чтобы освободить Украину от оккупантов. Боритесь, братья и сестры, за светлую, Советскую Украину! Уничтожайте немецких псов! Да здравствует Советская Украина!» Листовки распространяли подпольщики Василий Главинский, Зоя Гладка, Михаил и Лена Петрушко, Иван Янковский, сестра Крынько Марина и другие. Организация собирала для партизан разведывательные данные, оружие, боеприпасы, медикаменты.

Уже в ноябре 1941 года организация насчитывала около 60 членов. Она расширила своё влияние на села и хутора Дубровицкого района. Стали действовать подпольные группы в сёлах Колки, Хлевцы, Селец, Залужье, Бересты, Ясинец, Золотое, на железнодорожных станциях Удрицк, Колесов, Сарны. Крыньковцы поддерживали тесную связь с подпольными группами Сарненского железнодорожного узла, сел Сварицевичи и Серники Высоцкого района. Они создали в ряде сел группы

самообороны, которые оказывали сопротивление администрации оккупантов, являлись боевым резервом партизан.

К концу 1942 года на базе дубровицкой подпольной организации и сельских групп самообороны был сформирован партизанский отряд имени Т. Г. Шевченко. Дубровичане сумели распропагандировать 65 «казаков» из изменнического формирования украинских буржуазных националистов. Они с оружием в руках перешли к партизанам отряда имени Т. Г. Шевченко.

В январе 1943 года дубровицкие подпольщики вывезли со станции Дубровицы и передали партизанам 20 тонн хлеба, угнали и возвратили крестьянам много голов награбленного оккупантами скота.

Деятельность подпольщиков пользовалась большой поддержкой населения, которое по их призывам активно саботировало мероприятия оккупационных властей. Вот всего лишь один пример. Весной 1943 года подпольщики выпустили листовку, в которой призвали население не выходить на ремонт железнодорожного пути и на погрузку отправлявшегося в Германию леса. И почти никто не вышел на работы, многие мужчины и женщины ушли в лес, к партизанам.

В июле 1943 года организации был нанесён тяжёлый удар: от руки убийцы из логова украинских буржуазных националистов пал А. Крынько.

Неопытность, отсутствие должной бдительности, а порой и благодушие погубили пламенных советских патриотов — коммунистов Сонина, Кабака, Крынько. Смерть их была подвигом. Но партия посылала в тыл врага своих лучших сынов не для того, чтобы они жертвовали собой, а для организации народных масс на беспощадную борьбу с врагом.

На смену павшим приходили новые бойцы — коммунисты, комсомольцы, беспартийные патриоты. Весной 1942 года в Высоцком районе снова начала действовать подпольная группа под руководством бывшего участкового милиционера коммуниста Максима Мисюры, на Дольских хуторах — группа сержанта Красной Армии Дмитрия Попова, на Симаковичских хуторах — политрука Михаила Корчева. В Рафаловском районе возникла подпольная группа под руководством Юзефа Себесяка — Макса, бывшего директора Ковельской МТС, поляка по национальности.

В конце лета 1942 года на Ровенщине начали действовать боевые группы старшего лейтенанта Картухина и политрука Насекина. Спустя некоторое время руководство этими группами взял на себя батальонный комиссар Герой Советского Союза А. П. Брянский, штаб которого был расположен в Езерецком лесу

Рафаловского района. До создания Ровенского подпольного обкома партии и областного штаба партизанского движения Бринский руководил разрозненными партизанскими группами, действовавшими в северо–западных районах Ровенщины. Много славных дел на счету этих групп. Не один чувствительный удар нанёс врагу созданный Бринским отряд под командованием М. С. Корчева, а также боевые группы Сидельникова, Латышева, Бужинского, Гудованого и другие. Впоследствии на базе некоторых из этих групп выросла партизанская бригада майора Ивана Каплуна, особенно отличившаяся своими смелыми диверсионными операциями на железнодорожной линии Сарны — Лунинец.

Активно действовала подпольная организация в городе Гоща. Один из её создателей — Терентий Новак осенью 1941 года установил связь с Иваном Кутковцом, работавшим агрономом и переводчиком у крейсляндвирта в Гоще. В июне 1942 года Кутковец через В. Ф. Соловьева связался с группой бежавших советских военнопленных. Вскоре была создана крепкая подпольная организация, одна из самых крупных и активных в области. Под её контролем находились почти все села района. Так как Кутковец всё время разъезжал с крейсляндвиртом, то руководителем организации был избран В. Ф. Соловьев.

Члены гощанской подпольной организации проводили большую агитационно–массовую работу среди населения, распространяли газеты, листовки, сообщения Совинформбюро. Смело проводил агитацию сам Кутковец. Крейсляндвирт Кригер, с которым он ездил, не знал ни одного украинского слова. Собирая крестьян, Кригер произносил пышные речи, восхвалял на все лады Гитлера, Коха, гебитскомиссара. Кутковец переводил эти речи по–своему. Кригер улавливал слова «Гитлер», «Кох» и считал перевод вполне удовлетворительным.

Имея большие связи с лагерем военнопленных, гощанские подпольщики организовывали побеги пленных советских воинов и переправляли их в партизанский отряд Медведева. Подпольщики установили круглосуточное наблюдение за важным в стратегическом отношении шоссе Ровно — Киев и систематически обеспечивали отряд Медведева сведениями о движении немецких воинских частей. Организация имела своих людей в ортскомендатуре и вовремя предупреждала население и партизан о готовящихся карательных мероприятиях. Свои люди были во всех главнейших учреждениях района, что давало возможность доставать необходимые документы (бланки паспортов, пропусков, чистые бланки разных учреждений) с печатями и т. д. для ровенских подпольщиков и партизанских

отрядов. Особенно часто и смело осуществляли операции по изъятию вражеских документов подпольщики Соловьев, Кутковец, Сить. Ветеринарный врач Матвей Куцинь систематически и в довольно большом количестве доставал медикаменты, которые переправлялись в Ровно, а оттуда к партизанам. Под руководством Кутковца действовала группа из семи агрономов, которая делала все, чтобы захватчики не получили ни скота, ни хлеба.

Гощанская организация существовала до освобождения района Красной Армией и не имела ни одного случая провала. Это ещё раз доказывает, как важно для подполья иметь свои «глаза и уши» в оккупационных учреждениях, уметь следить за каждым шагом врага. Всему этому учили подпольщиков их руководители Новак, Кутковец и Соловьев.

До поздней осени 1943 года действовала подпольная организация в городе Тучин, возглавлявшаяся комсомольцем Виталием Захарьевым. В городе Корце действовала группа во главе с бежавшим из плена советским военнослужащим Захлебным. В селе Грушвица подпольную организацию создали комсомольцы. Ею руководил бывший член КПЗУ Федор Кравчук (Черный). Организация вела наблюдение за немецким аэродромом, собирала оружие, вела пропагандистскую работу среди населения. Оккупанты расправились с подпольщиками руками националистов. Сентябрьской ночью 1943 года гнусные запроданцы ворвались в село и перекололи всех подпольщиков ножами. Руководителя организации Федора Кравчука бандиты зверски убили и выкололи ему глаза.

Отважно боролась с фашистами подпольная организация Клевани и села Деревяное, которой руководил Олександр Гуц, коммунист, осуждённый ещё судом панской Польши на 12 лет заключения. Гуц был послан на север области, на связь со мной, секретарём подпольного обкома партии. Однако мне не пришлось встретиться с этим мужественным патриотом. Возле местечка Деражно Гуц был задержан украинскими буржуазными националистами и убит. Но его боевые товарищи в Клеване продолжали действовать до освобождения Ровенской области.

Небольшую, но активную подпольную организацию в селе Рясники возглавлял бывший член КПЗУ Прохор Кулебенко. Подпольщики собирали оружие, вели агитационную работу среди своих земляков. Весной 1943 года Кулебенко погиб в неравной схватке с фашистами. В селе Городок существовал подпольный маяк. В домике бывшего члена Компартии Польши Федора Чиберака прятались военнопленные, находился склад оружия. Чиберак много сделал для снабжения оружием партизанского

отряда.

Еще во время панской Польши село Синив называли «красным». 42 жителя этого села за революционную деятельность сидели в тюрьме. Подпольщиков во времена власти панов возглавляла секретарь райкома комсомола Ольга Солимчук. С первого же дня фашистской оккупации она создала подпольную группу. Позже Ольга Солимчук была отозвана Новаком в Ровно, где работала в отделе агитации.

Одной из основных задач подпольных организаций в районных центрах и в сёлах был срыв сельскохозяйственных заготовок захватчиков.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1954 года орденом Красной Звезды награждены члены созданной ровенскими подпольщиками подпольной группы на Шпановском сахарном заводе Сергей Лукич Зиненко и Виталий Иванович Захаров. Вот что рассказывает о деятельности этой группы её руководитель Сергей Зиненко: «На законтрактованной посевной площади в количестве 1900 гектаров минимальный урожай свёклы 1943 года был равен примерно 380 тысячам центнеров, на завод же поступило всего около 150 тысяч центнеров. Остальное осело во дворах крестьян, так как, бывая у каждого из плантаторов, мы давали им понять, что никакого контроля, как это делали раньше, никто у них в этом году делать не будет. Из переработанных на заводе 110 тысяч центнеров свёклы немцы вывезли со склада завода всего 6700 мешков сахара, остальной сахар — около 10 тысяч центнеров—частью был уничтожен ещё в период хранения свёклы, частью выпущен в дефекационную грязь и воду, а примерно 2 тысячи мешков было взято рабочими завода за время производства. Конфискация сахара с завода была поставлена на широкую ногу. Сахар мешками шёл через жомовый шнек на жомовую яму, а оттуда крестьяне на санях и возах увозили его в села».

И так было всюду. Срыв сельскохозяйственных заготовок приобретал всё более широкий размах. В этой борьбе не было ни выстрелов, ни взрывов гранат. Но ущерб от неё оккупанты несли очень большой. Подпольщики и партизаны направляли эту борьбу, а вели её, отвечая на призыв партии, тысячи и тысячи трудящихся. Захватчики вынуждены были признать высокую эффективность массового срыва их мероприятий. Фашистская газета «Гамбурген фремденблат» удручённо писала, что на Украине «пришлось поплатиться жизнью не одному сельскохозяйственному руководителю», а «Кракаур цейтунг» прямо заявила: «Поведение украинского народа нас разочаровало». Другие газеты ещё с лета и осени 1942 года хором

выли: «Украинское сельское хозяйство не может сейчас выделить излишки продовольствия», «Германия вовсе не смотрит на Украину как на «чудесный край»», «Надежды на Украину не оправдались».

Да, надежды фашистской Германии превратить Украину в свою экономическую базу не оправдались. Эти надежды были сорваны подпольщиками и партизанами, миллионами оставшихся на оккупированной территории советских патриотов, главным оружием которых была пламенная любовь к Советской социалистической Родине, непоколебимая ненависть к фашистским поработителям.

ПОДПОЛЬНЫЙ ОБКОМ ДЕЙСТВУЕТ

15 января 1943 года из соединения А. Н. Сабурова был выделен в распоряжение создаваемого Ровенского обкома партии партизанский отряд «За Родину», командиром которого был И. Ф. Федоров и комиссаром Л. Е. Кизя. Этот отряд сформировался в начале войны в Сумской области и имел уже солидную боевую биографию. Бойцы его были закалены в тяжких боевых испытаниях, хорошо знали своё дело. Я был рад, что в наше распоряжение дают такой отряд, и был благодарен за это Украинскому штабу партизанского движения, командованию соединения, которое создавало и выковывало все новые и новые отряды отважных бойцов и замечательные кадры партизанских командиров.

17 февраля в селе Озерск Высоцкого района был образован областной штаб по руководству партизанским движением. В составе штаба кроме меня были И. Федоров и Л. Кизя. В этот же день был создан обком партии. В него вошли я, Л. Кизя и А. Повторенко (секретари обкома), И. Федоров, В. Кудояр и позже И. Бескромный (член обкома). Секретарями обкома комсомола были утверждены Т. И. Беляков и Л. В. Смирнов.

Обком партии и штаб партизанского движения сразу же развернули работу по формированию новых партизанских отрядов, групп местной самообороны, созданию надёжных, скрытых от врага резервов, налаживанию политической работы среди партизан и населения. Одним из важнейших мероприятий было создание в отрядах института политических комиссаров и по уставу оформленных партийных и комсомольских организаций. Уже за первые две недели деятельности обкома партии отряд «За Родину» настолько пополнился за счёт местного населения, что на его базе было создано четыре новых отряда. Партизанские группы Высоцкого района, действовавшие под

руководством М. Мисюры, были сформированы в отряд имени Ворошилова под командованием того же Мисюры. Комиссаром этого отряда был утверждён старший лейтенант С. М. Плужников. В течение месяца отряд Мисюры провёл 10 боевых и диверсионных операций. Вскоре количество бойцов в отряде возросло до 300 человек.

20 февраля 1943 года приказом по областному штабу партизанского движения на базе инициативной группы Владимировецкого района был организован партизанский отряд имени Кармелюка. Командиром его стал лейтенант А. Шитов, основатель этой группы; комиссаром и секретарём Владимировецкого райкома партии — Н. Вельский. Вскоре отряд пустил под откос на железнодорожной лити Сарны — Ковель несколько эшелонов противника с живой силой и техникой, провёл ряд других боевых операций и за два месяца утроил свои ряды.

В Заречнянском районе был сформирован партизанский отряд имени Богдана Хмельницкого. Его командиром стал лейтенант С. Шмат, комиссаром и секретарём райкома партии — К. Шинкар.

5 марта был оформлен в боевую единицу Дубровицкий партизанский отряд имени Тараса Шевченко. Его ядро составила подпольная группа А. Крынько, которая продолжала борьбу и после смерти своего вожака. Во главе отряда встал соратник А. Крынько Ф. Маслюк. Комиссаром отряда и секретарём Дубровицкого райкома партии был утверждён Д. Пономарев.

Подпольщики Старой Рафаловки, узнав о деятельности обкома партии, связались с ним и вступили в отряд имени Богуна, который начал бioевьie действия в Рафаловском районе. Секретарем Рафаловского райкома партии был утверждён И. Конча.

Таким образом, за короткое время обкомом партии и областным штабом партизанского движения были созданы внушительные партизанские силы. Партизанские отряды рождались и росли количественно за счёт групп местной самообороны, подпольщиков, других патриотов, которые только и ждали случая, чтобы уйти к партизанам. Подпольщики и партизаны вели большую работу по разложению формирований, созданных оккупантами из местной молодёжи, а также так называемых «казаков» — советских военнопленных, привлечённых гитлеровцами к службе в командах по охране мостов, железнодорожных путей и других объектов.

Во многих случаях это были люди, испугавшиеся ужасов фашистских лагерей для военнопленных, но они легко

поддавались агитации подпольщиков и впоследствии активным участием в партизанской борьбе смыли с себя позор службы на захватчиков.

Приведу такой пример. КаК. то в мартовские дни 1943 года областному штабу партизанского движения стало известно, что отряд щуцполицаев в составе свыше 80 человек во время похода против высоцких партизан убил 9 немцев, своих шефов, и ушёл в лес. Разведка отряда Мисюры установила, что к беглецам уже наведывались националисты, чтобы привлечь их на свою сторону, но удалились ни с чем. Бывшие полицаи, по–видимому, собрались действовать самостоятельно, не подчиняясь ни «сечевикам», ни советским партизанам. Большинство из них были белорусы и поляки. Обком партии заинтересовался этой вооружённой группой, оказавшейся на политическом распутье. Решено было послать на переговоры с бывшими полицаями секретаря обкома комсомола Т. Белякова и разведчика В. Кабанова. Правда, прежде чем прийти к такому решению, у нас было немало разговоров. Некоторые товарищи считали, что не стоит связываться с этими людьми. Но большинство стояло на том, что, раз эти люди сами расправились с гитлеровцами, разговаривать с ними надо. Тем более мы знали, что нередко в полицию шли по принуждению совсем ещё молодые хлопцы. Как не пытаться привлечь их на нашу сторону?

Беляков и Кабанов настигли отряд бывших полицейских на берегу реки Стыр. Сначала их встретили враждебно.

— Добрый день! Кто тут командир? — спросил Беляков.

— Пан Паевский командир.

— А вы кто будете? — спросил пан Паевский.

— А вы кто такие? — спросили наши посланцы.

— Мы независимые воины.

— Фашистов побили, а нас боитесь, — сказал Кабанов.

— Чего бояться? И вас убьём. Много здесь всяких…

— Мы знаем, вы уже говорили с «сечевиками». А мы не всякие. Мы советские партизаны.

— Чем докажете, что не бандеровцы вы, не бульбовцы?

— Вот доказательство, — сказал Беляков. — Я принёс вам пачку листовок со свежими сообщениями Советского информбюро. Мы имеем связь с Москвой. Пойдемте с нами. О том, что вы стали советскими партизанами, завтра же будет знать Москва.

Услышав это, подошли ещё несколько хлопцев.

— Нас немцы хотели повесить, но потом сказали: если пойдём в полицию, нас не уничтожат. Мы комсомольцы.

— Кто «мы»?

— Я, Сашка Вовк, Крац, Веремей, Антонович, Мацкевский, Прокопчук. У нас выхода не было: смерть или в полицаи идти. А при первой возможности ушли.

— Они местные, — сказал Паевский. — А мы пойдём в Польшу. Там нам тоже надо воевать с фрицами.

— Это верно. Придет время, советские партизаны тоже пойдут помогать польскому народу в его борьбе. Но сейчас здесь важнее. Здесь главные силы фашистов. Пойдемте с нами, товарищи поляки! — обратился Беляков к группе бойцов.

— Кто как хочет, а я пойду с советскими партизанами, — сказал поляк Куницкий. — Кто со мной — стройся!

И вдруг раздались звуки «Интернационала». Это заиграл Куницкий на аккордеоне. Он уже стоял во главе 70 человек. Только несколько человек остались возле пана Паевского.

— Товарищ секретарь обкома комсомола! (Беляков сказал, кто он.) Отряд идёт под вашу команду! — отрапортовал Куницкий.

Через несколько дней этот отряд с красным знаменем, под звуки «Варшавянки» вступил в село, где находился областной штаб партизанского движения. Командиром нового отряда, названного именем Чапаева, был назначен В. Кабанов, его заместителем — Н. Куницкий. В отряд было включено несколько лучших бойцов. А вскоре состоялось его боевое крещение. В обкоме, в областном штабе, конечно, волновались. Но новички не подвели. Впоследствии Н. Куницкий стал командиром крупного польского соединения, воевал не только на Ровенщине, но и в родной Польше. Покрыли себя славой в боях за Советскую Родину и многие другие бойцы отряда имени Чапаева.

Многочисленные факты перехода к партизанам людей, силой, угрозами или обманом втянутых оккупантами к себе на службу, вынуждены были признавать и сами гитлеровцы. Вот что писал, например, в начале апреля 1943 года в секретном донесении в Берлин начальник окружной полиции и службы безопасности: «Участились случаи массового перехода полицейских и казачьих подразделений в банды (в партизаны. — *В. Б.)*. Перебежчики принимают участие в нападениях»[285].

ПАРТИЗАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Пламя партизанской борьбы на Ровенщине разгоралось. Чтобы обеспечить более оперативное руководство движением и координацию действий подпольных организаций и партизанских отрядов, подпольный обком партии решил созвать областную партизанскую конференцию с представительством от всех

отрядов, оперировавших в северных и средних районах области.

Мы понимали, что это мероприятие в условиях оккупации будет нелёгким, и сразу же поручили нашей разведке, которую возглавлял капитан В. Тимофеев, принять все меры по обеспечению безопасности конференции.

Одновременно подпольный обком партии послал в ЦК КП(б)У радиограмму с сообщением о своём намерении провести конференцию. Вскоре секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко прислал специальную радиограмму, в которой писал: «Уполномоченному ЦК КП(б)У товарищу Бегме. Продумайте и сообщите более подробно о целях созыва конференции… Окончательное ваше решение сообщите»[286]. Но к моменту получения радиограммы в село Дубровск уже начали прибывать делегаты из отрядов, дислоцировавшихся в радиусе до 100 километров. Партизанской разведке пришлось много потрудиться, чтобы о конференции не узнали оккупанты и агенты банд Боровца.

26 марта 1943 года, в годовщину создания партизанского отряда «За Родину», ставшего ядром развёртывания партизанского движения на Ровенщине, в селе Дубровск началась эта необычная конференция. На ней было 120 делегатов, в том числе представители партизанских отрядов и бригад, имевших непосредственную связь с Центральным штабом партизанского движения, — Брянского, Каплуна и других.

Я сделал доклад о задачах партизанских отрядов, командир соединения Федоров — об опыте боевой деятельности отряда «За Родину». Были отчёты также командиров и комиссаров ряда других отрядов. Конференция определила задачи и наметила меры для обеспечения реализации плана весенне-летних боевых операций. Принято было обращение к населению Ровенской области, в котором, в частности, говорилось:

«Вредите немцам во всём и всеми средствами. Прячьте от них скот и продовольствие. Обманывайте немцев, давайте им неверные сведения. Прячьте людей, которых разыскивают немцы, помогайте партизанам. Сообщайте им о намерениях врага. Уничтожайте связь — телеграфные и телефонные провода. В одиночку и группами разрушайте железные дороги, уничтожайте вагоны, портите паровозы, уничтожайте военное имущество немцев. Поджигайте немецкие склады. Если увидите, что вам угрожает опасность от гитлеровцев, прячьтесь вместе с семьями в других сёлах. Добывайте у врага оружие, организуйте партизанские группы и разрушайте тылы врага. Уничтожайте фашистских разбойников!»[287]

В день работы конференции советские лётчики полковника В.

Гризодубовой сбросили в село Дубровск на парашюте типографию, которую сопровождала наборщица М. Почкаева.

На следующее утро принятое конференцией обращение уже было напечатано в сотнях экземпляров и разослано. Обращение распространялось среди населения Ровенской и Волынской областей, а также Пинской — в Белоруссии.

Конференция способствовала дальнейшему развитию и усилению партизанской и подпольной борьбы против гитлеровских захватчиков не только на Ровенщине, но и в прилегающих районах Волыни и Белоруссии. Она положила начало созданию на севере области и в части южных районов Белоруссии партизанского края.

Враг узнал о конференции и бросил на Дубровск крупные карательные силы, когда делегаты уже разъехались по местам. Весть о конференции быстро разнеслась по области. Народ с ещё большей надеждой смотрел в будущее: партийные организации, Советская власть живут и действуют! Даже в тылу врага! Под самым носом гитлеровского наместника Э. Коха! Это радовало, вдохновляло, поднимало людей, укрепляло уверенность в конечной победе над ненавистными фашистскими поработителями.

Сразу после конференции подпольный обком энергично взялся за создание подпольных райкомов партии и комсомола. Этого настойчиво требовала необходимость решительного усиления организаторской и политической работы в массах. К августу 1943 года в области уже действовали 9 райкомов партии и 12 райкомов комсомола, которые объединяли 165 подпольных организаций с общим количеством коммунистов, комсомольцев и группировавшихся вокруг них беспартийных патриотов в 1600 человек.

Райкомы партии возглавляли деятельность подпольных организаций и партизан на местах. Их секретари одновременно были и комиссарами партизанских отрядов, действовавших в зоне каждого данного района. Обком партии поставил перед райкомами задачу развернуть политическую работу среди населения по разоблачению зверств и провокационных действий врага и его прислужников, по усилению массового срыва мероприятий оккупационных властей, созданию диверсионных групп и групп самообороны.

Все эти мероприятия значительно укрепили взаимодействие подпольщиков и партизан. Большую работу вёл, например, Сарненский райком партии, секретарём которого был комиссар партизанского отряда имени Ворошилова С. М. Плужников. Под руководством райкома сарненские подпольщики совместно с

высоцкими помогли отряду имени Ворошилова разгромить вражеский гарнизон в городе Городня. Под влиянием подпольщиков большой урон врагу стали наносить рабочие Сарненского железнодорожного узла. Они то и дело срывали работу депо, отправку поездов. Участились диверсии, порча железнодорожных стрелок, вывод из строя паровозов. Действовавшими на Сарненском железнодорожном узле подпольщиками совместно с партизанами было пущено под откос 8 воинских эшелонов, сожжено 142 вагона, уничтожено свыше 130 гитлеровских солдат и офицеров.

Яркими эпизодами в боевой деятельности Рафаловского и Владимировецкого райкомов партии стали организованные силами подпольщиков и партизан–подрывников взрывы в зданиях местных органов гестапо, полиции и комендатуры. Подпольщики взорвали также электростанцию, маслозавод и квартиру коменданта. Нетрудно себе представить, какой переполох это вызвало среди гитлеровцев. Ведь, помимо всего, взрывы были произведены в ночь под 1 Мая! В эту же ночь на многих зданиях подпольщики вывесили красные флаги.

Особенно чувствительный удар нанесли врагу подпольщики, действовавшие под руководством Рафаловского райкома партии, в ноябре 1943 года, когда Красная Армия после освобождения Житомирской области стала подходить к границам Ровенской области. Совместно с партизанами отряда имени Богуна они пустили под откос 10 вражеских военных эшелонов, взорвали 3 моста на железнодорожной линии Сарны — Рафаловка.

Горела земля под ногами фашистов и от диверсий подпольщиков, возглавляемых Морочнянским, Рокитновским, Дубровицким, Степанским и другими райкомами партии.

Главной опорой райкомов партии и комсомола были подпольные группы и организации. Уже в апреле 1943 года в Морочнянском, Высоцком, Владимировецком, Сарненском и Рафаловском районах были созданы 15 подпольных групп и организаций с общим числом 250 коммунистов, комсомольцев и беспартийных советских патриотов. Летом того же года подпольные организации 9 райкомов партии и комсомола насчитывали свыше 600 человек. Только за август — сентябрь Высоцкий райком партии создал 9 новых подпольных групп в сёлах Бутово, Пузня, Вилюнь, Жалкино, а также в Пинском районе Белоруссии. Степанский райком партии организовал в эти же месяцы 6 новых подпольных групп. Всего в подполье к концу 1943 года в 15 районах действовало 224 коммуниста. Подпольщики провели десятки многолюдных митингов в деревнях и сёлах, множество групповых и индивидуальных бесед, распространили

большое количество центральных газет («Правда», «За Радянську Україну»), а также листовок, газет, издававшихся обкомом и рядом райкомов партии.

Повсеместно райкомы партии, местные подпольные организации встречали всё более активную поддержку населения. Отвечая на призывы подпольщиков, крестьяне прекращали сдачу хлеба оккупантам, прятали скот, всеми способами уклонялись от работы на захватчиков, создавали группы самообороны, нередко по собственной инициативе совершали диверсионные акты, многие уходили к партизанам. За короткий срок райкомы партии и комсомола создали большой резерв — свыше 7 тысяч человек — для пополнения партизанских отрядов. Более 2 тысяч человек из этого резерва были переправлены через линию фронта, в ряды приближавшейся с боями Красной Армии.

Высокая действенность политической и организаторской работы партийных органов, подполья и партизанских отрядов вызывала всё большую тревогу в стане врага. «Настроение в Западной Украине, — говорится в одном из сообщений из оккупированных восточных областей, — по–прежнему в сильной степени зависит от деятельности банд… (то есть партизан и подпольщиков. — *В. Б.)*. Деятельность банд приобрела такие размеры, что многие области всё больше и больше попадают под контроль и господство банд»[288].

НАША ПОДПОЛЬНАЯ ПРЕССА

Неоценимую роль в многогранной деятельности подполья играло боевое печатное слово большевистской правды. Газеты и листовки, которые издавались обкомом, а также некоторыми райкомами партии, были острейшим оружием в разоблачении провокационных затей врага и его буржуазно–националистической агентуры, важнейшим средством широкого ознакомления населения с действительным положением на фронтах и в советском тылу, средством укрепления дружбы между украинскими и польскими трудящимися, мобилизации их на совместную борьбу с фашистскими поработителями.

В апреле 1943 года обком партии начал издание своего печатного органа. Редактором газеты обком утвердил М. Зубашева — журналиста, смелого бойца, ставшего впоследствии комиссаром нового партизанского отряда — имени Чапаева.

С выпуском первого номера газеты получилась некоторая задержка. Дело в том, что с Большой земли был доставлен клишированный заголовок газеты «Син України». Мы же считали, что газета должна называться так, как и до войны, — «Червоний

прапор». В этом был большой политический смысл: значит, действует не только обком партии — живёт и его газета «Червоний прапор», читателями которой до войны были многие тысячи жителей городов и сел области. Тогда Зубашев сам нарисовал заголовок, а один партизан сделал клише из дерева.

Наконец первый номер газеты был подготовлен. Мы все волновались. Еще бы, первый номер газеты в тылу врага. М. Зубашев обратился ко мне:

— Василий Андреевич, «Червоний прапор» продолжает жить. Не годится, по–моему, начинать счёт с номера один.

— Ты прав, — говорю я. — Надо поставить следующий за тем номером, на котором оборвался выход газеты после вторжения врага на Ровенщину.

— Но у нас ведь нет подшивки довоенных номеров газеты.

— Ничего, подсчитаем и без подшивки. Сколько раз вышел «Червоний прапор» начиная с сентября 1939 года?

Подсчитали. 574 раза. Значит, следующий за ним — 575–й. Так и набрали: «575. Год издания четвёртый».

Делалась газета преимущественно на местном материале. Кроме сводок Советского информбюро и приказов Верховного главнокомандующего в каждом номере печаталось 7–8 корреспонденций авторов — партизан и жителей тех населённых пунктов, где мы останавливались. Число корреспондентов «Червоного прапора» доходило до сотни. Часто писал боец–пулемётчик Фалин, врач Цыганков, начальник политотдела Кудояр. Интересные корреспонденции приносил крестьянин села Храпунь Морочнянского района Горячко. Постоянным корреспондентом «Червоного прапора» был наш партизанский поэт Н. Ф. Ражев. Без его материалов не выходил почти ни один номер газеты.

«Червоний прапор» разоблачал зверства и провокации фашистов и их наёмников — украинских буржуазных националистов, призывал население оказывать оккупантам организованное сопротивление, срывать их мероприятия, прятать хлеб, скот, не платить налогов, совершать диверсии, уничтожать живую силу и технику врага, всеми силами и средствами помогать подпольщикам и партизанам, самим идти в их ряды.

Действенный отклик среди населения получило и моё обращение через «Червоний прапор» и через многочисленные листовки к избирателям как депутата Верховного Совета СССР. Выступить с таким обращением решил обком партии, учитывая глубокое уважение народа к своему советскому парламенту.

В обращении были приведены интересные примеры из жизни Ровенщины. До 1939 года, при панской Польше, в Ровенской

области было 18 тысяч безработных, огромное число безземельных крестьян. Большинство украинского населения — 78 процентов — было неграмотно. Один врач приходился на десятки тысяч сельских жителей, одна больница — на населённые пункты в окружности 100 километров. Гнет, нищета, бесправие, темнота душили украинское население.

Какие огромные перемены произошли в области при Советской власти! Было национализировано свыше 540 тысяч гектаров пахотной земли, лугов, лесов, которые до того держали в своих руках польские помещики, осадники, немецкие колонисты, церкви и костёлы. 25 тысяч — прежних батраков получили земельные наделы. Каждое крестьянское хозяйство имело в 1940 году от 2 до 5 гектаров земли. Начала бурно развиваться промышленность. Не стало безработицы. На освобождённую и воссоединённую с Советской Украиной землю пришла целая армия учителей и врачей. Открылись сотни школ, клубов, кинотеатров. В Ровно раскрыли для трудящихся свои двери учительский институт, театр, филармония. За два года люди с полной силой ощутили первые результаты великих преобразований, осуществлённых Советской властью, властью народа.

А что принесли на своих штыках фашистские оккупанты? Рабство и разорение. Землю всё больше прибирали к рукам немецкие помещики и колонисты. Промышленные предприятия разрушались. Школы и другие очаги культуры были закрыты. Всюду пожарища и руины. Десятки сел стёрты с лица земли. Тысячи людей замучены, расстреляны, повешены. Десятки тысяч взрослых и детей угнаны на каторгу в фашистскую Германию.

Обо всём этом говорилось, напоминалось в обращении. Заканчивалось оно призывом: «Беритесь за оружие! Помогайте Красной Армии громить фашистских разбойников!»

Обращение было распространено подпольщиками, разведчиками-партизанами в городах и сёлах Ровенской, Волынской, Пинской и Брестской областей. Очень часто в партизанские отряды приходили люди с газетами и листовками, в которых было напечатано это обращение. Оно служило как бы паролем, пропуском в партизанские отряды.

«Червоний прапор» благодаря активности подпольщиков и партизан проникал всюду: на предприятия, в села, хутора, на базары и даже… в немецкие комендатуры. А одна подпольщица изловчилась каК. то положить «Червоний прапор» прямо на стол гебитскомиссару в Сарнах.

Люди приходили в редакцию, в лес, за многие десятки километров. Рискуя жизнью, они шли, чтобы получить свежую

газету или листовку с сообщением Советского информбюро. Эти самоотверженные патриоты — распространители большевистской печати — на обратном пути нередко заходили в населённые пункты, чтобы там познакомить родных и друзей с полученными в редакции материалами.

Высокую оценку газете дал и секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко. Будучи вместе с товарищем Строкачем в белорусском селе Шугали, он каК. то пригласил к себе М. Зубашева.

— Вы редактор «Червоного прапора»?

— Я.

— Хорошая у вас газета. Много местного материала печатает. Я видел газеты в некоторых других соединениях, они больше на тассовской информации живут.

Ознакомившись с работой редакции и типографии, Д. С. Коротченко сказал нашему редактору:

— Пишите только правду. Глубокая правдивость — это основа нашей большевистской печати, созданной Лениным. Держите тесную связь с массами. Чем больше будет корреспондентов из отрядов и сел, тем лучше и действеннее станет ваша газета.

Чтобы заимствовать лучший опыт других, издававшихся в тылу врага газет, обком партии командировал М. Зубашева в соединение черниговцев, которым командовал дважды Герой Советского Союза Алексей Федорович Федоров. Там в это время работала выездная редакция газеты «Радянська Україна», редактором которой был И. Н. Сербии. Черниговцы очень хорошо приняли нашего посланца. А. Ф. Федоров приказал выдать для ровенской газеты хорошие клише, немного шрифта, пробельного материала, разные заставки.

В июне 1943 года к нам из Москвы прибыли И. И. Бескромный и В. Евсеева. Они привезли много шрифтов и оборудования для типографии. К тому времени у нас произошла реорганизация. На базе разросшегося отряда «За Родину» было создано два партизанских соединения. В связи с этим газета «Червоний прапор» стала выходить в нервом соединении. Редактором газеты был назначен И. И. Бескромный. Во втором соединении, которым командовал И. Ф. Федоров, мы стали выпускать ежедневный бюллетень «Червоного прапора». М. Зубашев, оставшийся во втором соединении, был назначен комиссаром отряда имени Чапаева.

Большую работу вёл и второй печатный орган подпольного обкома партии и областного штаба партизанского движения — газета «Червоний штандарт» на польском языке. Необходимость

издания газеты вызвали чрезвычайно сложные взаимоотношения, которые сложились между местным украинским и польским населением в результате провокационных действий гитлеровцев и их националистических наймитов.

Например, в апреле 1943 года банды украинских буржуазных националистов напали на несколько польских сел и перебили много народу. Это немедленно использовали оккупанты. Они выступили в роли «защитников» польского населения. Стали вооружать поляков и посылать их на расправу с населением украинских сел. В то же время оккупанты помогали бандам украинских националистов. Выдавая себя за «покровителей» и «защитников» то поляков, то украинцев, захватчики, таким образом, разжигали братоубийственную бойню. Этим они пытались отвлечь их от главного — от борьбы с фашизмом.

Остро, гневно, убедительными фактами разоблачала подпольная газета провокации врага и его пособников. Она призывала украинцев и поляков к братскому единству в борьбе против общего врага — фашистских палачей и их националистических подручных — польских и украинских. Ощутимый результат дало, в частности, напечатанное в «Червоном штандарте» обращение подпольщиков и партизан из отряда имени Тадеуша Костюшко к польскому населению: «Точно так же, как украинцев, белорусов, русских, — писали они, — гитлеровцы уничтожают поляков, грабят нажитое ими тяжёлым трудом добро… Настал решительный час! Измену против своего народа, против человечества совершает тот, кто не берет в руки оружие, чтобы громить врага своей Родины, кто стоит в стороне и выжидает»[289].

Во многих случаях поляки после опубликования этого обращения стали отказываться от «помощи» оккупантов. Целыми сёлами они начали уходить в леса и организовывать там партизанские отряды. Движение это настолько разрослось, что в феврале 1944 года против оккупантов уже действовала целая бригада польских партизан— бригада имени Ванды Василевской.

Кроме газет, обком партии выпускал также много листовок. Одна из них, например «Кто такие украинские националисты», рассказывала о том, как подлые предатели украинского народа сожгли село Грени Владимировецкого района, как они бросали в огонь женщин и детей. В листовке рассказывалось также о том, что эти палачи замучили депутата Верховного Совета УССР Акулину Хомич, её дочь, брата и мать, проживавших в селе Пузня Высоцкого района.

Несколько листовок было обращено специально к власовцам. В Сарнах дислоцировался так называемый 2–й Донской лейб–

гвардии полк под командованием бывшего белогвардейского офицера Яковлева. В составе полка наряду с разными отщепенцами были и советские военнопленные, не выдержавшие жестокого режима в фашистских лагерях. К ним, собственно, и были обращены листовки. Подпольщики и партизаны установили с ними связь, и вскоре целая группа «казаков» перешла на сторону партизан.

По решению обкома партии было возобновлено издание ряда районных газет — теперь органов подпольных райкомов партии: Морочнянского — «Червона зірка», Рокитновского — «Більшовицька правда», Сарненского — «Червоний шлях», Владимировецкого — «Кармелюк», Рафаловского — «Богунец», Высоцкого — «Ворошиловец».

Об авторитете этих газет свидетельствует такой хотя бы факт. После выступления газеты «Богунец» с призывом оказывать всемерную помощь Красной Армии и партизанам в сёлах района состоялись многолюдные митинги и население собрало в фонд помощи Красной Армии и партизанам тысячу центнеров хлеба и картофеля, много белья, обувь и денег. Группы самообороны ряда сел района влились в эти дни в партизанский отряд.

Обком партии издавал ежемесячный журнал «Народный мститель» (печатался на машинке). Редактировал его Л. Кизя. В редакционную коллегию входили В. Дондуков, Ф. Цыганков, К. Оголь и М. Зубашев. Журнал был интересным. Каждый его номер люди ждали с большим нетерпением. В журнале печатались статьи, очерки, корреспонденции, стихи, фельетоны, поэмы и даже ребусы и кроссворды. Наши художники иллюстрировали его рисунками, шаржами и карикатурами. В создании журнала принимал участие большой авторский коллектив.

В заключение рассказа о нашей подпольной печати хотелось бы на одном–двух примерах показать, в каких трудных условиях приходилось её создавать.

Первую четырехполоску «Червоного прапора» мы выпустили 1 Мая 1943 года. Располагался тогда наш штаб в селе Боровое Морочнянского района. Не успели газетчики сверстать две полосы газеты, как вдруг раздался сигнал тревоги. Загремела артиллерия. В селе стали рваться немецкие мины. Оказалось, что на Боровое наступает крупный карательный отряд гитлеровцев.

Редакция получила приказ передислоцироваться на хутора. Но работа была в самом разгаре. С минуты на минуту ожидалась передача по радио приказа Верховного главнокомандования. И вот впервые наши журналисты не выполнили приказ. Уже из села выехала санчасть с ранеными бойцами. Ушел хозяйственный обоз. Остались только боевые подразделения и… редакция.

Бой был жаркий. Поручив М. Почкаевой и Долинко продолжать набор, М. Зубашев помчался на передовую линию — в бой и за материалами.

Ночью редакции все же пришлось переехать на хутор Любин, потому что бой уже шёл в селе. Основной удар главных сил врага приняли на себя отряд Мисюры и автоматчики спецроты И. Гришина. Они измотали противника и вынудили его прекратить преследование партизан. Праздничный номер «Червоного прапора» вышел без опоздания.

Были в издании газеты и трудности чисто технические. Радиоприемник редакция имела, но питание к нему доставалось с трудом. На выручку пришёл местный радиолюбитель Л. Семенюк. КаК. то в одной боевой операции партизаны добыли небольшую динамомашину. Сдали её в редакцию. Нужно сказать, что редакция пользовалась у партизан и населения большим вниманием. Носили туда бумагу, а также всякие гайки, ключи. Считали, что газетчикам все пригодится. Так и динамомашина попала туда. Два дня Семенюк пытался заставить её работать. А тут ещё, как на грех, стал приёмник бастовать. Надо было во что бы то ни стало зарядить аккумулятор. И Семенюк придумал. На обыкновенной крестьянской повозке он приспособил велосипед вверх колёсами. Заднее колесо соединил ремнём со шкивом динамомашины, а к ней подключил аккумулятор. На повозке сидели два бойца и поочерёдно крутили колеса. Это приводило в движение весь агрегат. Так наши радисты стали заряжать аккумулятор, и приёмник с тех пор прекратил хандрить.

Позже это изобретение было усовершенствовано. Аккумулятор стали заряжать при помощи конного привода для обыкновенной крупорушки.

ПУЗНЕНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В одном из номеров журнала «Народный мститель» был напечатан акт, подписанный десятками людей.

«В ночь с 10 на 11 июля 1943 года, — писали составители этого документа, — в селе Пузня Высоцкого района Ровенской области люди, именующие себя украинскими националистами, совершили кровавую расправу над своими земляками, братьями и сёстрами — украинцами.

1. Эта банда немецких наёмников, предателей народа зарубила депутата Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики Акулину Панасовну Хомич, её дочь, брата и мать.

2. В эту кровавую ночь бандиты, которых люди знают как

бандеровцев, мельниковцев, бульбовцев, зарезали 5 мужчин, 7 женщин, двух девушек и 13 детей села Пузня Высоцкого района.

3. Готовилась расправа над 70 жителями села. И только внезапное наступление партизанского отряда в ночь на 11 июля спасло остальных людей от иудиных рук так называемых националистов».

Бандиты, подчёркивалось далее в акте, совершили расправу с жителями Пузни за то, что они отправили к советским партизанам 40 бойцов и сами всегда выступают на стороне партизан в борьбе с немецкими фашистами.

Как ни прикрываются националисты фразами о независимой, самостоятельной Украине, писали составители акта, люди знают, что настоящими борцами за действительно свободную Украину, против фашистских захватчиков являются Красная Армия, советские партизаны.

Акт заканчивался призывом: «Смерть немецким захватчикам! Позор и смерть продажным людишкам из националистических банд, которые подняли руку на своих братьев и сестёр, толкают народ на братоубийственную войну!»

Похороны жертв фашистов состоялись 11 июля. На кладбище собрались не только жители Пузни, но и Людыпя, Золотого, Заморочни, Ясенця, Лютинска и других сел Высоцкого и Дубровского районов. Гневом, жаждой отомстить подлым убийцам — слугам гитлеровцев кипел народ. В этот день десятки мужчин вступили в партизанский отряд.

Банды националистов, которые притихли было перед началом великой Курской битвы, словно ожидая, что же будет с фашистами, снова зашевелились летом 1943 года. На их совести не только резня в Пузне. Их руками было сожжено несколько сел. Около тысячи семей украинцев и поляков остались без крова.

Через несколько дней после резни в Пузне командир партизанского отряда М. Мисюра настиг в селе Людынь атамана банды, свирепствовавшей в Пузне, Антона Соловья. Тут же, в Людыне, на глазах у крестьян Мисюра от имени украинского народа расстрелял бандита.

Наша подпольная печать, наши агитаторы, бойцы вели большую разъяснительную работу среди населения. На конкретных фактах они показывали людям, что украинские буржуазные националисты всегда были наёмниками империалистов. Бандеровцы, мельниковцы, боровцы, как и их «идеолог» — гитлеровский холоп Е. Коновалец, разъясняли подпольщики и партизаны, никогда не имели поддрргкки в народе, всегда опирались в своей грязной работе на чужеземные штыки. В зависимости от времени и обстоятельств, эти предатели

интересов украинского народа готовы служить то одному, то другому — какому угодно хозяину. Сознание своего бессилия, безнадёжности своих потуг совместно со своими хозяевами — гитлеровцами снова натянуть ярмо гнёта и эксплуатации на трудовой народ порождает у них ненависть и злобу к трудящимся, которая на этот раз вылилась в пузенскую расправу.

Разоблачительная агитация подпольщиков и партизан давала хорошие результаты. Все чаще стали приходить к партизанам из националистических банд люди, обманом втянутые в преступные действия против своего народа.

Вот один из многих случаев. Наши разведчики привели в штаб группу вооружённых «секирников», как партизаны называли участников банды Боровца. У одного из «секирников» на узеньких погонах блестели вырезанные из алюминия трезубцы.

— Сопротивления не оказывали, — доложил наш автоматчик.

— Откуда? — спросил я «секирника».

— Из «Полесской сечи».

— Фамилия?

— Терещенко.

Отвечая на мой вопрос, он то и дело поглядывал в сторону, где партизаны с большими усилиями разряжали бомбу. В то время наши бойцы выплавляли тротил из неразорвавшихся снарядов и бомб, чтобы делать мины. Терещенко, заметив, что партизаны с трудом справляются с этим делом, сказал:

— Я могу разрядить бомбу. Только не убивайте меня.

— А мы и не расстреливаем всех, кто был в банде.

— Вот это справедливо. Среди нас там много тёмного люда.

Терещенко со своим напарником вычистил «кендюх», как он назвал бомбу. Потом они снова подошли ко мне.

— Как же вы попали в банду?

— А мы не в банду шли. Нам сказали, что будем в «партизанке». А «партизанка» якобы против немцев. Так и Бандера и Боровец говорят. Еще мы видели, что ваши партизаны из отрядов Медведева и дяди Пети на переговоры к «сечевикам» ходили. Вот мы и думали, будем вместе гитлеровцев бить. А вышло, что нас посылают против красных партизан.

— Сволочь эта немчура! — вмешался в разговор второй пленный. — Надевают шинели с трезубом и идут в села, сжигают. Так было в Гуте–Сепанской, где поляки живут. Переодетых немцев было человек двести пятьдесят. Детей бросали в огонь. Забрали скот. Потом сказали, что мы это сделали.

— Ну и ваши бульбовские дела знаем, — сказал я, —Что же вам обещал Боровец после победы? Сам-то ведь в первые министры метит.

— Министром я не собирался стать, —ответил Терещенко, — а полицейским служил бы.

Его признание вызвало взрыв хохота среди партизан.

— Если ты уж такой любитель порядка, мог бы при Советской власти милиционером, быть, — сказал кто-то из бойцов. — Вот как твой земляк, наш командир Максим Мисюра.

— Я слыхал о нём. Неуловимый, вездесущий!

— Верно, — сказал я. — Он бьёт гитлеровцев, бьёт и запроданцев народа. А неуловимый он потому, что люди его поддерживают, народ с ним. А народ с ним потому, что Мисюра за правду стоит, за Советскую власть!

— Вы примете меня и моих товарищей в настоящие партизаны? — спросил Терещенко.

— Примем. А тебе должность дадим. Будешь инструктором по обезвреживанию неразорвавшихся немецких бомб. Научишь этому делу нескольких бойцов.

— Спасибо, что поверили. Всё сделаю, чтобы как можно скорее фашистов в могилу загнать!

Терещенко стал партизаном, хорошим специалистом по обезвреживанию неразорвавшихся бомб и снарядов. Вступили в отряд и те, кто с ним пришёл.

ПОМОЩЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КП(б)У

Все мы, подпольщики и партизаны Украины, ощущали большую помощь ЦК КП(б)У. Лично мне много раз приходилось говорить по вопросам подпольной и партизанской борьбы с секретарями ЦК. Они разъясняли обстановку, учили нас подбирать людей для работы во вражеском тылу. ЦК систематически посылал уполномоченных для организации борьбы на временно оккупированной фашистами украинской земле.

Помню, как в начале войны секретарь ЦК КП(б) Украины М. А. Бурмистенко созвал совещание секретарей обкомов партии и ответственных партийных работников. Он ознакомил нас с методами и тактикой партизанской войны. Кабинет М. А. Бурмистенко напоминал своеобразную лабораторию. Чего только там не было! Ящики со взрывчатыми веществами, гранаты разных систем, чертежи железнодорожных мостов, стеклянные банки с какими-то составами, бутылки с сероватой жидкостью.

Для нас, людей, совсем недавно поглощённых заботами об урожае на полях, о строительстве дорог и благоустройстве городов, все это было ново и, чего греха таить, неожиданно и немного странно. Только позже, когда многие из нас оказались на

оккупированной врагом территории и столкнулись лицом к лицу с коварным врагом, мы по–настоящему оценили преподанный нам урок в ЦК КП(б) Украины.

Центральный Комитет партии был тем боевым штабом, который обеспечивал жизнедеятельность подпольных организаций, партизанских отрядов и соединений, возникавших как по разработанному плану, так и стихийно.

Для оказания практической помощи отрядам, действовавшим на Правобережье Украины, в тыл врага прилетали секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко и начальник Украинского штаба партизанского движения Т. А. Строкач с группой партийных и оперативных работников, а также лекторов. Важнейшую роль во всей дальнейшей работе партизанских отрядов и подпольных организаций сыграло проведённое Д. С. Коротченко весной 1943 года совещание командиров и комиссаров (они же секретари подпольных обкомов партии) партизанских соединений Черниговской, Житомирской и Ровенской областей. Совещание состоялось в расположении штаба соединения А. Н. Сабурова. Оно обобщило опыт боевой и политической работы, вскрыло её недостатки, разработало мероприятия для осуществления плана боевых действий в течение весенне–летнего периода. Дважды Д. С. Коротченко и Т. А. Строкач побывали в партизанских соединениях Ровенской области. Здесь, на месте, были конкретизированы боевые задачи соединений и отрядов, был дан обстоятельный инструктаж партийным и комсомольским работникам, разработаны меры по координации деятельности подполья и партизанских отрядов. Большой политический подъем среди бойцов вызвали выступления Д. С. Коротченко в отрядах с докладами о международном положении, о состоянии дел на фронтах, о жизни родной страны.

Выводы, сделанные Д. С. Коротченко в результате изучения жизни и деятельности соединений и отрядов, состояния подполья и политической работы среди населения, легли в основу решения ЦК КП(б)У от 15 июля 1943 года «О состоянии и дальнейшем развитии партизанского движения на Украине».

Отмечая достижения Ровенского подпольного обкома партии и областного штаба партизанского движения в работе по росту партизанских отрядов, созданию подпольных организаций, подготовке скрытых резервов, развитию политической работы среди населения, разложению войск противника, ЦК КП(б)У в этом решении вскрыл и серьёзные недостатки в нашей работе. Было отмечено, что некоторые партизанские отряды проявляют слабую активность, подпольным обкомом и подпольными райкомами партии не всегда в должной мере оценивается

значение подпольных форм борьбы. Решение потребовало значительного усиления политической работы в массах;

Реализуя это решение, подпольный обком и подпольные райкомы партии добились заметных сдвигов в росте и активизации боевых действий партизанских отрядов, в укреплении и расширении подполья, его политического влияния на население, подъёма всей борьбы за дезорганизацию вражеского тыла.

ЦК КП(б) Украины внёс ясность в отношении тактики партизан и подпольщиков к украинским буржуазным националистам. Это было крайне необходимо, так как некоторые командиры партизанских отрядов допускали ошибки; кое-кто из них вместо решительного разоблачения украинских националистических банд становился на путь переговоров с их главарями и даже заключали с ними договоры о нейтралитете. Другие же командиры партизанских отрядов, наоборот, сосредоточивали силы партизан на боях с украинскими националистическими бандами, отвлекая от основной задачи — борьбы против немецко–фашистских захватчиков.

В радиограмме Ковпаку и Рудневу (в копиях всем партизанским отрядам Украины) ЦК КП(б)У указал на эти серьёзные ошибки. «В нашем отношении к украинским националистическим «партизанским» отрядам, — говорилось в радиограмме, — мы всегда должны помнить и различать: первое — что руководители украинских буржуазных националистов — это немецкие агенты, враги украинского народа; второе — что некоторая часть рядовых участников этих отрядов искренне желает бороться с немецкими оккупантами, но она обманута буржуазными националистами, пролезшими к руководству этими формированиями».

Исходя из этого, ЦК КП(б)У поставил перед партизанскими отрядами Украины следующие задачи:

всеми способами разоблачать руководителей националистических формирований — буржуазных националистов как врагов украинского народа, как фашистских агентов;

не вступать в контакт с руководителями этих отрядов; не предпринимать вооружённых боевых операций, если эти националистические формирования сами не нападают на советские отряды.

Сейчас, разъяснялось в радиограмме, нашей главной задачей является разгром фашистской Германии и изгнание немецких оккупантов с советской территории.

«Нашу работу, — подчёркивалось в радиограмме, — среди

всех слоёв украинского народа необходимо проводить с разъяснением того, что только последовательная и непримиримая борьба Красной Армии, наших партизан и всего советского народа против немецких оккупантов приведёт к разгрому фашистской Германии и обеспечит украинскому народу свободу в воссоединённом Украинском Советском государстве, что немцы шли и идут с целью завоевания Украины и превращения её в немецкую колонию; доказывать это убедительными фактами из деятельности немцев сейчас на Украине. Разъяснять массам, что только большевистская партия приведёт к окончательному разгрому немецких оккупантов, что только она создаёт условия для расцвета Украинского Советского государства и украинской культуры»[290].

Огромное значение эти указания имели для подпольщиков и партизан западных областей Украины, в частности Ровенщины. Ведь здесь на протяжении десятилетий орудовало всякое националистическое отребье, стремясь обмануть и использовать в своих гнусных целях темноту и забитость местного украинского населения, стонавшего под ярмом помещиков и капиталистов.

Руководствуясь указаниями ЦК КП(б)У, Ровенский подпольный обком партии принял меры к преодолению допущенных ошибок, к усилению связи с населением.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА

В настоящей статье нет возможности подробно рассказать даже о главных боевых и диверсионных операциях, осуществлённых подпольщиками и соединениями ровенских партизан против фашистских захватчиков. А итоги этих операций весьма внушительны. Соединения И. Федорова, автора этой статьи, бригады полкового комиссара А. Бринского, майора Каплуна, польские бригады Макса — Собесяка и Н. Куницкого, другие отряды и подпольные организации только с мая 1943 года до начала февраля 1944 года уничтожили, ранили и взяли в плен около 30 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, пустили под откос 600 эшелонов противника, разобрали и взорвали свыше 70 километров железнодорожных путей, уничтожили 60 железнодорожных мостов и 100 мостов на шоссейных и грунтовых дорогах. К фронту и на ремонт в свой тыл фашисты не довезли уничтоженные подпольщиками и партизанами Ровенщины 100 танков, несколько сот автомашин, 60 бронемашин и 200 орудий.

Много внимания подпольному обкому партии приходилось уделять и хозяйственным вопросам. Ведь надо было кормить,

одевать и обувать партизан, всеми средствами добиваться, чтобы оккупанты не сумели вывезти хлеб, скот и другое народное добро, награбленное ими на оккупированной советской территории. Нужно было помогать крестьянам сеять, убирать, обмолачивать и прятать хлеб. Своими силами партизаны собрали урожай в 15 немецких экономиях и на полях общей площадью 10 тысяч гектаров, которыми пользовались полицаи, старосты и другие пособники фашистов. Собранный урожай партизаны и крестьяне обмолачивали на 115 токах цепами и конными молотилками. Часть хлеба была роздана населению партизанского края, в который входило 15 северных районов Ровенщины. Здесь партизаны и подпольщики были полными хозяевами. Вместе с населением они не дали оккупантам вывезти отсюда 30 тысяч тонн хлеба, 60 тысяч тонн картофеля, 12 тысяч голов скота. Население партизанского края не уплатило немецким оккупационным властям 60 миллионов марок разных налогов.

При партизанских соединениях работали десятки мастерских бытового обслуживания, кузницы, маслобойки. Была налажена стирка белья. Во время рейдов при длительных остановках на отдых, как правило, организовывалась баня. Это тоже была война. Война против вшей, тифа, война за жизнь и здоровье людей.

Медицинские работники — партизаны вылечили сотни бойцов и командиров, спасли от тифа и разных других заболеваний десятки тысяч местных жителей. Во всей этой большой работе настоящий подвиг совершали врачи Стукей, Цыганков, Б. Эрлих, В. Попова, Аверьянова, большой отряд медицинских сестёр, санитаров. На курсах медсестёр, работавших при нашем соединении, под руководством врачей Эрлиха и Поповой было подготовлено 50 медицинских сестёр.

Все это тоже была борьба за выполнение главной задачи— уничтожение фашистских захватчиков. Ведь люди решали успех. И, занимаясь всеми этими вопросами, которые порой казались не боевыми, я всегда вспоминал доброго, с ласковыми глазами Михаила Ивановича Калинина, его напутствие перед моим вылетом в тыл: «Берегите людей!»

Люди! Наши замечательные советские люди! Днем и ночью, в холод и зной, в слякоть и ведро, с опасностью для жизни ковали они победу над врагом. Тяжелая, опасная работа выпала на долю наших бойцов — подрывников, разведчиков, подпольщиков, действовавших в городах и сёлах, на железнодорожных станциях, в фашистских учреждениях!

И они с честью выполняли эту работу. Особенно активно действовали подпольщики и партизаны на железнодорожных линиях. «Деятельность бандитов (подпольщиков и партизан. — *В.*

Б.) в районе железных дорог всюду усилилась, — писал в своём отчёте после инспекционной поездки фашистский генерал–майор Ноймаер. — Уже на расстоянии 5–7 километров от железной дороги господствуют бандиты… Только под охраной сильных истребительных отрядов можно доставить скот и зерно»[291].

Организатор подпольной группы А. Асоскало из села Хочин, соратник М. Мисюры, к концу 1943 года имел на своём счету 20 пущенных под откос фашистских эшелонов, а всего отряд Мисюры уничтожил 35 вражеских поездов. Подрывники отряда П. Т. Талаха сожгли 11 воинских эшелонов, убили 900 гитлеровцев. От них не отставали подрывники Чеченя, Сидоренко, Радько, Егоров, Бричевский. Между подрывниками шло соревнование за большее количество уничтоженных вражеских эшелонов.

Работа подрывников была настолько интенсивной, что порой не хватало доставлявшейся с Большой земли взрывчатки и приходилось выплавлять тол из неразорвавшихся бомб противника.

С большим трудом продвигались вражеские эшелоны по железным дорогам. Многие летели под откос тут же, в Ровенской области. Огромную работу проделали и славные подрывники соединений Ковпака, Сабурова, Федорова, Бринского, Каплуна, оперировавших на востоке и западе от Ровенщины. Фактически коммуникации гитлеровцев в районе действий партизанских соединений были парализованы.

Надо ещё учесть, что каждая диверсионная операция — это не только взрыв, а ожесточённый бой с вражеской охраной. Приходилось уничтожать вражеские дзоты, проволочные заграждения, пробиваться через минные поля.

И здесь было бы невозможно перечислить имена героев этих диверсий. А были они не только среди партизан и подпольщиков. Не один местный житель, как на обычную работу, выезжал со своей повозкой на железную дорогу и под огнём врага вместе с партизанами разбирал рельсы, если не хватало взрывчатки.

ГЕРОИ СЛАВНОЙ ЭПОПЕИ

Герой не только тот, кому присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Бесстрашных, самоотверженных людей среди подпольщиков и партизан Ровенщины были сотни, тысячи. В этом была наша сила. И если бы меня спросили, кто проявил наибольший героизм, я бы ответил одним словом: комсомол!

Читатель уже встречался в этой статье с Т. Беляковым, секретарём подпольного обкома комсомола, который вместе с

партизанским разведчиком Кабановым вёл переговоры с группой бывших полицаев. Месяц спустя после этого Беляков стал проситься, чтобы его послали комиссаром группы разведчиков, получивших задание пройти на юг области и связаться там с местными партизанами и подпольщиками.

— На твоей, Тихон, ответственности обком комсомола, десятки таких групп и отрядов, — возразил было я.

— Путь далёкий и опасный. С этой группой мне и идти. А в обкоме и без меня справятся, — говорил настойчивый комсомольский вожак.

Пришлось согласиться с его доводами. Беляков взял пачку свежих газет, листовок и вместе с командиром Санковым повёл взвод разведчиков выполнять задание. В пути взвод наткнулся на численно превосходящий отряд фашистов. Разгорелся жаркий, ожесточённый, неравный бой. Санков дал команду беречь патроны, бить только по цели, наверняка. Несколько часов отбивались разведчики от врагов, окруживших их. Во время одной из атак Беляков был ранен в правую руку. Тогда он левой рукой взял гранату и бросил её в напиравших фашистов. Но в то же мгновение очередь из немецкого автомата пробила ему левую руку. Тихон присел, застонал. Руки висели у него, как подрубленные ветки, из них сочилась кровь. Какой из него боец без обеих рук? Но у Тихона есть ещё голос. И он крикнул:

— Хлопцы! Держитесь крепко! Скоро вечер. Мы выстоим! Вы слышите меня, товарищи?

— Слышим! — последовал ответ.

И новая атака фашистов захлебнулась. В это время с фланга ґїв гитлеровцам неожиданно ударили бойцы Героя Советского Союза Брянского — дяди Пети. Они также шли на задание, но, увидев, в какую беду попал отряд Санкова, поспешили на помощь. Враг бежал. Группа Санкова могла продолжать путь.

— Тихон, — обратился Санков к раненому комиссару, — тебя положат на плащ–палатку и понесут.

— Нет! Плащ–палатку должны нести самое малое два человека. А ведь каждый боец на учёте. Несите тех, кто от ран на ногах не стоит. А я сам пойду.

Наутро он умер.

А вот подвиг десятиклассницы из Сумской области М. Плющик. Была она пулемётчицей. Во время одного из боев она стреляла до последней возможности. Но врагов было много, и партизанская рота отошла в лес.

— Где Маруся? — спросил командир.

— Она стреляла рядом со мной, — ответил один из бойцов.

— Но ведь там уже каратели.

И вдруг голос:

— Где вы, чертяки?

Это была Маруся. Она на плечах тащила пулемёт «максим», и, когда подошла ближе, все увидели, что идёт она по снегу в одних носках, без сапог.

— Чтобы легче было, сбросила я сапоги. Не то пришлось бы бросать станкач. Без сапог быстро бежала. Не сумели меня догнать фашисты.

…Однажды, когда закладывать мины на железнодорожных путях стало особенно сложно, потому что гитлеровцы усилили охрану, белорусский паренёк Ваня Пикулик решил взорвать поезд, не маскируя мины. Через подпольщиков было установлено, что на рассвете должен пойти поезд с важным грузом. Враг предпринял особые меры предосторожности. Сначала на железнодорожном пути появились шесть патрульных солдат с собаками. Следом за патрулём по полотну прогнали толпу крестьян. Затем пронеслась сторожевая Дрезина, за ней медленно прошёл контрольный паровоз, толкая впереди себя платформу, гружённую песком. Все как будто в порядке, мин нет.

И только после всего этого со станции наконец вышел военный состав, тот самый, которого с таким нетерпением ожидали подрывники.

В. Пикулик поднялся и просто сказал товарищам:

— Я пошёл.

Низко пригибаясь к траве, перебегая от пня к пню, от бугорка к бугорку, он быстро подобрался к железнодорожному полотну. Поезд тем временем набирал скорость. Ваня выбегает на полотно и быстрым, натренированным движением ставит мину. Немецкая охрана Ьткрывает стрельбу. Но поздно! Поезда уже не остановить. Он неудержимо мчится навстречу своей гибели на глазах у охраны. Взрыв — и обломки вагонов, вдребезги разбитые, летят во все стороны. Стукнуло чем-то и в убегавшего Ваню. Но он своё дело сделал. Товарищи подхватили его, раненого, и унесли в лес.

Можно без конца продолжать рассказ о мужестве и самоотверженности молодых героев — подпольщиков и партизан. Вот комсомолец В. Цыганок. Во время перехода его группы через железнодорожное полотно около станции Белая он остался один на прикрытии. Фашисты его ранили, пытались взять в плен. Когда они приблизились. Цыганок выдернул кольцо лимонки и взорвал себя вместе с вражескими солдатами.

Еще один пример. Владимировецкие подпольщицы В. Лесникович и Г. Поплавская вдвоём пошли на диверсию. Они подложили под вагон с толом маломагнитную мину, и вагон взорвался по прибытии на станцию Сарны. Враг получил

чувствительный удар: 60 солдат было убито, 100 ранено, 7 вагонов уничтожено.

А сколько героизма проявили комсомольцы–партизаны из отряда «За Родину», которым руководил И. Ф. Федоров! Комсомолец Е. Ермаков со своими разведчиками встретил каК. то на лесной дороге карательный отряд в несколько сот человек. Евгений послал своих товарищей предупредить командира партизанского отряда об опасности, а сам вступил в бой. Сначала дал очередь из автомата по офицерам, сидевшим на санях, потом стал бить по голове колонны.

Гитлеровцы не знали, сколько бойцов действует против них, и заняли оборону.

Неравный бой продолжался, пока у Ермакова были патроны и он не был ранен в ногу, руку и живот. Евгений упал на снег. К нему подошёл немецкий офицер. Гитлеровец опешил, увидев одного, истекающего кровью советского солдата. Он несколько раз недоуменно повторял:

— Один и тысяча… Один и тысяча…

Но вот взгляды Евгения и офицера встретились. Гитлеровец навёл на раненого пистолет. Выстрелил. Но в сердце не попал.

Брошенный в лесу, Евгений нашёл в себе силы доползти до стога сена. Там он пролежал три дня, утоляя жажду снегом. Полуживого, его нашли крестьяне и привезли в партизанскую санчасть. Ермакова вылечили и отправили на Большую землю. Однако он долго в тылу не задержался и вскоре ушёл на фронт. Евгений снова был ранен под Берлином. Вот какая сила духа была у молодого подпольщика, комсомольца из Перми Е. Ермакова!

Говоря о подвигах бесстрашных людей — подпольщиках и партизанах, нельзя не сказать о легендарном герое, отважном разведчике Н. Кузнецове, чьи боевые дела обессмертили его имя. Образ Николая Ивановича навсегда запечатлён в бронзе на главной улице Ровно как символ подвига, беззаветной преданности Родине. Украинский народ полюбил его как родного сына. Он свято чтит память русского разведчика, отдавшего свою жизнь за свободу и счастье Советской Украины, всей нашей Советской страны.

С Н. Кузнецовым (мы его называли во вражеском тылу Грачевым) я встретился летом 1943 года, когда прибыл с товарищами из подпольного обкома партии в отряд специального назначения, которым командовал Д. Н. Медведев. Это было возле села Большие Цепчевичи Владимировецкого района. К тому времени Кузнецов совместно с подпольной организацией Т. Новака уже провёл ряд смелых операций против верхушки рейхскомиссариата в Ровно, о чём рассказывалось выше.

…Страх и панику среди больших и малых чинов из немецкой оккупационной администрации наводили своими смелыми диверсиями Н. Кузнецов, Я. Каминский, Т. Новак, М. Шевчук, В. Довгер, И. Луц, Н. Гнидгок — отважные советские подпольщики–разведчики.

— Да, — сказал я Кузнецову, оторвавшись от нахлынувших воспоминаний, — слава о наших разведчиках гремит по всей области и далеко за её пределами.

Кузнецов улыбнулся и смущённо ответил:

— Работаем. Но до главного ещё не добрались…

— Вы имеете в виду уничтожение Э. Коха? — спросил я.

— И Коха и добычу таких разведывательных данных, которые бы особенно пригодились нашему командованию, Ставке.

Мы тогда ещё не знали, что Кузнецов «подружился» с фашистским контрразведчиком, который готовился ехать в Тегеран со специальным заданием Гитлера. Займы, которыми советский разведчик щедро наделял гитлеровца, дали свои плоды. Будучи под градусом, он раскрылся П. Зиберту, как «верному другу, умеющему хранить тайну». А вот что получилось из этой «дружбы». Вскоре в центральных газетах была опубликована информация: «ЗАЯВЛЕНИЕ РУЗВЕЛЬТА НА ПРЕСС–КОНФЕРЕНЦИИ. Лондон, 17 декабря (ТАСС). По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс–конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре.

Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве, с тем чтобы избежать необходимости поездок по городу. Черчилль находился в британском посольстве, примыкающем к советскому посольству.

Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, когда мы проезжали бы по улицам Тегерана. Советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием примерно в полкилометра…»

И одним из тех, кто разрушил планы гитлеровцев в Тегеране, был Н. И. Кузнецов.

Кузнецов был приятным собеседником. Говорил он не торопясь, спокойно. Время от времени повторял:

— А мы ещё мало сделали, Василий Андреевич!

И тогда его задумчивые серые глаза смотрели куда-то вдаль. О чём он думал в эти минуты? О той большой, не сделанной ещё работе? Или, может, о семье, о родных, о жизни после войны?..

Мы все любовались Кузнецовым. Высокий, стройный, в Каждом движении его чувствовалась большая энергия, сила.

— Когда вы так прекрасно изучили немецкий язык? — поинтересовались мы.

— Еще в детстве. По соседству с нашим селом жили немецкие колонисты. Я часто бывал среди них и научился не только языку, а хорошо узнал их обычаи, быт, характер и нравы. Школа, затем институт помогли мне совершенствовать знание языка. Я вообще люблю изучать языки. Вот уже неплохо владею украинским, пою украинские песни. В сёлах и хуторах считают меня своим, украинцем.

— И они не ошибаются, — говорили мы. — Вы действительно свой и русским, и украинцам, всем народам нашей страны.

— Да, все мы за одно дело. Среди моих побратимов–разведчиков больше всего украинцев, есть и поляк. Крепко дружат у нас люди. С такими не пропадёшь!..

…Не стало Н. Кузнецова. Пал он от пули украинских буржуазных националистов.

В письме–завещании, которое он оставил Д. Н. Медведеву на случай своей гибели, Кузнецов писал:

«Пусть знает весь мир, на что способен советский патриот и большевик! Пусть запомнят фашистские главари, что невозможно покорить наш народ, как нельзя погасить солнце».

Николаю Ивановичу Кузнецову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

КОНЕЦ ВРАЖЕСКОЙ ОККУПАЦИИ

Нашим партизанским соединениям выпало счастье участвовать в освободительных боях за Ровно, совместно с Красной Армией завершать разгром волынско–ровенской группировки противника.

В конце 1943 — начале 1944 года создалась благоприятная обстановка для координирования наших боевых действий с действиями наступавших частей Красной Армии. К тому времени подпольный обком партии и областной штаб руководили тремя соединениями из 25 партизанских отрядов. Каждое соединение имело свой район действия и свои задачи по оказанию помощи советским частям.

6 декабря 1943 года наше соединение внезапно напало на железнодорожную станцию Ракитно. После шестичасового боя мы

заняли станцию и большую часть города. Разрушив железнодорожное полотно и водокачку, мы отошли. Станция не работала три дня.

Фашистское командование стянуло силы, чтобы нанести уничтожающий удар по областному штабу партизанских отрядов. Очень туго пришлось нам под селом Кидры. И если бы не удар отряда «Смерть фашизму», которым командовал С. Сайков, гитлеровцы сильно потрепали бы наш штаб. В этих боях они потеряли 327 человек. Все же в течение всего января мы испытывали большие трудности, так как враг стремился во что бы то ни стало обезопасить свой тыл и бросал против нас крупные силы.

Но дело близилось к неизбежному краху фашистского хозяйничанья на советской земле. 6 января 1944 года части Красной Армии вступили в Ракитно. В тот же день Ровенский подпольный обком партии и областной штаб партизанского движения обратились к населению с радостным сообщением:

«Красная Армия на Ровенщине! Дорогие товарищи! Настал большой праздник на нашей земле, Освобождается родная Украина от фашистской погани. Сотни городов, тысячи сел легко вздохнули. Красная Армия освободила столицу Советской Украины — Киев, города Житомир, Коростень, Олевск, Новоград–Волынск, Белую Церковь, Бердичев. Сегодня войска доблестной Красной Армии вступили на территорию нашей Ровенской области, освободили районный центр и железнодорожную станцию Ракитно.

Дорогие братья и сестры! Будьте осторожны. Не поддавайтесь на фашистские провокации. До вашего освобождения остались считанные дни. Прячьте от врага, который убегает, своё добро, хлеб, скот. Идите в партизаны, помогайте Красной Армии до конца освободить нашу землю от гитлеровской нечисти. Да здравствует наша Славная Красная Армия—освободительница! Проклятие и смерть немецким захватчикам!»[292]

Наши соединения удерживали все северные и часть центральных районов области. Мы вели боевые операции по освобождению новых населённых пунктов. С нетерпением ждали бойцы приказа идти в наступление на Ровно.

И такой приказ мы получили. Начальник Украинского штаба партизанского движения Т. А. Строкач в приказе–радиограмме 004 предложил всем партизанским отрядам Ровенщины под моим Общим командованием выйти на исходные рубежи в районе Цуманских лесов и ударом с тыла вместе с частями Красной Армии овладеть городом Ровно.

Это была ответственная и очень трудная задача. Советское

командование планировало осуществить Луцко–Ровенскую наступательную операцию силами 13–й и 60–й армий, находившихся на правом крыле частей 1–го Украинского фронта. На этом участке силы гитлеровцев намного превышали силы этих двух советских армий. Шла ещё Корсунь–Шевченковская битва, где было занято много советских воинских частей. Кроме того, Гитлер подбросил на Ровенщину и Волынь несколько дивизий из резерва, стремясь не пустить Красную Армию в Польшу.

Несмотря на поражение под Курском и на Левобережье Украины, враг был ещё силён. Все же количественный перевес фашистских войск под Ровно наше Главное командование не считало серьёзным препятствием для наступления 13–й армии генерала Пухова на Ровно. Ведь в тылу фашистских дивизий действовали сильные партизанские соединения. И вот незабываемый день 3 февраля 1944 года. Подвижные подразделения партизанских отрядов вступают с западной стороны в Ровно. По улицам многострадального города шагает отряд ветерана подпольной и партизанской борьбы, бесстрашного командира М. Мисюры. В его отряде украинцы, русские, поляки и около 100 бойцов–евреев, спасённых партизанами из гетто. За отрядом Мисюры идут бойцы отряда С. И. Диковецкого; его сыновья — комиссар отряда Николай и начальник штаба Андрей. Эта замечательная семья крестьян–белорусов организовала отряд имени Александра Невского и успешно командовала им. Отряд за отрядом… Реют над ними боевые красные знамёна. Сколько замечательных командиров, комиссаров выросло из бойцов! Санков, Гришин, Чечетин, Новиков, Геращенко, Егоров, десятки других! В этом росте неодолимая сила, правда и мудрость великой партии Ленина. Это она выковала из людей мирного творческого труда таких бесстрашных бойцов, одухотворённых великой идеей!

И снова и снова такие знакомые, дорогие лица. Подрывники Герой Советского Союза Н. Орлов, Асоскало, Талах Максимов, Попов, комиссары Плужников, Грицун, Пономарев, Вельский, Усанов, Коваленко, Шинкар, Крупин…

Около 30 тысяч гитлеровцев сковывали вокруг себя наши партизанские соединения. Шесть дивизий врага так и не добрались до фронта. Они были заняты карательными операциями против советских партизан, несли охрану объектов от подрывных действий подпольщиков. Да, партизаны и подпольщики составляли настоящий второй фронт!

…В коридорах и кабинетах рейскомиссариата валяется битый саксонский фарфор, разбросаны гитлеровские ордена, кучи бумаг, столы, стулья перевернуты… На каждом шагу следы

паники и трусливого бегства. Словно ветром унесло всю ораву коховской администрации. По всему видно: не ждали гитлеровский наместник и его псарня такого скорого и позорного конца.

Во дворе я встретил невысокого человека в коротком тулупчике. Его голубые глаза сияли радостью и гордостью. Мы бросились друг другу в объятия.

— Товарищ секретарь обкома… Василий Андреевич… — дрожащим от волнения голосом произнёс Т. Новак. Это был он. — Задание партии выполнено. Подпольная организация в Ровно была создана и действовала до дня освобождения. Есть много жертв. Но победа легко не дается…

— Да, Терентий Федорович! Победа легко не даётся. За неё платят кровью лучшие сыны партии и народа… Куда же теперь? Поработаем вместе? Надо поднимать область из руин и двигаться вперёд.

— Надо, Василий Андреевич! Но война ещё не закончена. Нашей помощи ждут поляки, чехи, другие народы Европы. Мы, коммунисты, интернационалисты. Я решил: парашют за спину и с группой бойцов в Польшу,, Создадим целую бригаду и будем крошить врага.

Так и произошло. Украинец–коммунист Т. Новак полетел в Польшу/ братьям на помощь. Там он стал командиром крупного боевого соединения, получил воинское звание полковника и самые высокие награды польского правительства. Новак и сейчас поддерживает связь со своими боевыми побратимами — поляками.

Не сложили оружия и мы. В те зимние и весенние дни 1944 года, выполняя указания ЦК КП(б) У, Ровенский обком партии и Украинский штаб партизанского движения подбирали лучшие кадры партизанских командиров и комиссаров, формировали новые боевые отряды из испытанных, опалённых в боях партизан и подпольщиков. Эти части пошли на помощь братским народам Польши и Чехословакии. Три ровенских партизанских отряда в составе 500 человек влились в польское соединение, которым командовал Р. Сатановский. Комиссаром этого соединения была боевая подруга командира— С. Сатановская. На территорию Польши вышел трёхсотенный отряд «Грюнвальд» под командованием нашего побратима Макса — Ю. Собесяка. 120 партизан провёл на свою родную польскую землю Н. Куницкий. Туда же, а потом в Чехословакию пошла бригада имени Щорса во главе с боевым командиром Потемкиным-Мацневым. Этому отважному бойцу присвоили в Польше имя почётного гражданина города Закопане. На запад ушли с боями и наши отряды

Александра Наделина и С. Санкова.

Отгремели боевые годы. Вдохновенным созидательным трудом живёт наша страна. Все зримее становятся вершины коммунистического завтра. Но и сейчас, в радостном гуле величественной стройки, мне слышится песня бойцов отряда «Смерть фашизму», отряда, который водили в бой с врагом С. Санков, комиссар Махотько и начштаба наш партизанский поэт Николай Ражев:

В рейд и путь далёкий —
Был приказ таков!
Вел нас сероокий
Командир Санков.
Бьются за Отчизну
С ним сто смельчаков
Отряда «Смерть фашизму».
Командир Санков.
Устали не зная,
Ко всему готов,
Впереди шагает
Командир Санков…

Да, наши доблестные партизаны и подпольщики не знали устали в борьбе с фашистскими захватчиками, потому что они бились за счастье своей страны, своего народа и всего человечества, за победу Свободы, Труда, Братства и Равенства, за торжество коммунизма на родной советской земле.

В ОДЕССКИХ КАТАКОМБАХ
С. А. Вольский, *профессор*

Героическая оборона Одессы в годы Великой Отечественной войны навсегда сохранится в народной памяти как пример беззаветного мужества, стойкости советских людей в борьбе за честь и независимость своей социалистической Отчизны.

Плечом к плечу с войсками Красной Армии и моряками Черноморского флота Одессу обороняло все её население, возглавлявшееся коммунистами. В рядах защитников города сражались 14 тысяч членов одесской партийной организации, более 30 тысяч народных ополченцев. 100 тысяч одесситов под непрерывным артиллерийским обстрелом и бомбардировками с воздуха строили оборонительные сооружения, 18 тысяч стали донорами, отдавая свою кровь для спасения раненых воинов.

Преодолевая неимоверные трудности, связанные с непосредственной близостью фронта, недостатком сырья и топлива, промышленные предприятия города производили 134 вида военной продукции, в том числе танки, бронепоезда, миномёты, огнемёты, взрывчатку. С исключительным мужеством работали одесские портовики, разгружая суда с боеприпасами и продовольствием в условиях постоянных воздушных и артиллерийских налётов противника.

Несмотря на пятикратное превосходство в живой силе и технике, трёхсоттысячная армия врага вынуждена была в течение 73 дней топтаться у стен города, что сорвало многие планы «молниеносных» операций гитлеровского командования. Около 160 тысяч захватчиков нашли гибель на полях сражений под Одессой. Город–герой стоял насмерть. Врагу так и не удалось овладеть им. Только в связи с изменением общей обстановки Советское Верховное Главнокомандование 30 сентября 1941 года отдало приказ об эвакуации войск из Одессы. Тщательно организованная эвакуация была завершена на рассвете 16 октября.

Перед оставлением города обком партии и облисполком выпустили воззвание «Ко всем гражданам Одессы и Одесской области». В нём говорилось: «Областной комитет партии и исполком областного Совета депутатов трудящихся призывают вас не складывать–ни на минуту оружия в борьбе против немецких оккупантов. Беспощадно расправляйтесь с немецко–фашистскими захватчиками, бейте их на каждом шагу, преследуйте по пятам, уничтожайте их как подлых псов. Пусть в

каждом доме, на каждом дворе и улице, на больших и малых дорогах врага подстерегает смерть… Будем биться до тех пор, пока враг не будет окончательно уничтожен и стёрт с лица земли. Вперед за нашу победу! За Родину!»[293]

После отхода советских войск гитлеровцы не сразу решились вступить в Одессу, боясь встречи с населением, которое с таким мужеством защищало город. Только к вечеру 16 октября первые вражеские подразделения появились на одесских улицах.

Вместе с территорией между Южным Бугом и Днестром Одесса была отдана Гитлером на разграбление румынским захватчикам. Оккупанты образовали на этой территории губернаторство Транснистрия (Заднестровье) с центром в Одессе. Губернатором Транснистрии был назначен фашистский палач Алексяну. Определяя программу своей деятельности, Алексяну, прибыв в Одессу, заявил: «Мы будем действовать с особенной жестокостью»[294]. И действительно, оккупанты установили в городе режим разнузданного террора и насилия над советскими людьми. Озлобленные героической обороной города, они на следующий же день после вступления в Одессу учинили дикую расправу над её населением. Врываясь в квартиры, они грабили и убивали жителей, не щадя стариков, женщин и детей. На площадях и улицах были расставлены виселицы. Трупы повешенных для устрашения населения не снимались по нескольку дней. Только в течение последней декады октября 1941 года захватчики уничтожили около 25 тысяч жителей города[295].

Выместив свою ярость на беззащитном населении, оккупанты затем стали вводить террор в «законные» рамки. Изданный ими приказ запрещал «всякого рода собрания, процессии, группировки политического характера и всякие другие ассоциации». Этим приказом воспрещалось хождение и остановка на улицах частных лиц в количестве свыше трёх человек, появление населения на улицах позже 10 часов вечера. Кара за нарушение какого-либо из этих правил одна — расстрел. Было объявлено также, что за каждый случай нападения на немецких или румынских солдат будет расстреливаться 500 жителей.

С первых же дней вражеской оккупации в Одессе появились органы румынской тайной полиции — сигуранцы и немецкого гестапо. Они повсеместно насаждали свою агентуру, установили слежку за всеми казавшимися им подозрительными людьми.

В этой чрезвычайно тяжёлой обстановке разнузданного фашистского террора трудящиеся Одессы во главе с коммунистами развернули борьбу против оккупантов и их прислужников. Еще в ходе обороны города областной и городской комитеты партии, выполняя указание ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У,

приступили к организации партийного подполья. Для подпольной работы в Одессе и её окрестностях было отобрано 118 коммунистов, которые объединялись 29 первичными организациями и далее, по территориальному принципу, шестью подпольными райкомами партии: Ленинским, Воднотранспортным, Ильичевским, Приморским, Центральным и Пригородным. Подпольный горком партии не был создан, так как руководство деятельностью партийного подполья в городе и области возлагалось на подпольный обком партии. Обком партии был утверждён в составе двух секретарей и пяти связных[296].

Деятельность подполья началась с изучения условий работы и разъяснения населению сущности оккупационного режима. Областной и районные комитеты партии распространяли в городе листовки, разоблачавшие фашистских захватчиков, призывали трудящихся срывать все мероприятия оккупантов, создавать для врагов невыносимые условия.

Подпольные организации не успели ещё должным образом сориентироваться в новой обстановке, расставить свои силы, как на них стали обрушиваться удары фашистской охранки. В конце октября 1941 года был арестован первый секретарь подпольного обкома партии А. П. Петровский.

Тогда же сигуранца разгромила Ленинский и Приморский райкомы партии. В начале 1942 года было арестовано большинство членов Подпольной партийной организации Ильичевского, а через некоторое время и Центрального районов[297].

Следует отметить, что отдельные подпольщики попадали в расставленные вражеской контрразведкой сети не только в результате доносов полицейских агентов, но и по своей неопытности, из-за неумения вести конспиративную работу.

Подпольный обком партии после первых провалов принимал меры к воссозданию райкомов и подбору новых бойцов подполья. Однако эта важная работа была прервана новыми арестами. Агенты сигуранцы выследили и начали преследование второго секретаря обкома партии С. С. Сухарева. Стремясь избежать провала, в феврале 1942 года он выехал в Тилигуло–Березанский район Николаевской области, откуда вплоть до ареста поддерживал связь с отдельными подпольными группами в Одессе.

В результате массовых облав и арестов в фашистские застенки попало большинство оставшихся в городе коммунистов. Уцелевшие от провала организации и отдельные коммунисты утратили связи с партийными органами и друг с другом. Все это очень усложнило деятельность подпольщиков. Однако

оставшиеся на свободе коммунисты не пали духом. Борьбу с врагом в городе и его окрестностях возглавили Пригородный райком, разведывательно–диверсионный отряд В. А. Молодцова (подпольный псевдоним Бадаев), избежавшие ареста коммунисты и беспартийные активисты.

В отличие от северных районов страны, где имеются значительные лесные массивы и где при необходимости могли укрываться подпольщики и партизаны, вокруг степного города Одессы не было таких укрытий. Но одесские подпольщики нашли выход. Главной базой развёртывания их деятельности стали знаменитые одесские катакомбы.

Известно, что Одесса в основном построена из мягкого, пористого камня — ракушечника. Этот строительный материал добывался из множества шахт и каменоломен в окрестностях и под самым городом. Постепенно в районе Одессы под землёй образовались пустоты — целые лабиринты, расположенные совершенно бессистемно. Это и есть прославленные одесские катакомбы, ставшие традиционным местом пребывания подпольщиков. Еще в дни революции 1905 года в катакомбах собирались рабочие и здесь хранилось оружие. В 1918–1919 годах, отражая австро–немецкое, а затем англофранцузское нашествие, одесские большевики использовали катакомбы как базу для формирования партизанских отрядов и накапливания оружия. И теперь в 1941 году, когда Одесса оказалась в руках фашистских оккупантов, катакомбы вновь стали боевым лагерем. Немецко–румынские власти сразу же поняли огромную опасность катакомб. 5 ноября 1941 года был опубликован приказ командующего оккупационными войсками Одессы, в котором населению предлагалось в течение 24 часов сообщить обо всех известных ему выходах из катакомб. В приказе говорилось: «Караются смертной казнью жители тех домов, где по истечении указанного срока будут обнаружены входы и выходы из катакомб, о которых не было сообщено властям»[298].

Однако угрозы фашистов оказались тщетными. Им так и не удалось собрать необходимые сведения. В одесских катакомбах возник единственный в своём роде подземный партизанский край. Здесь обосновался подпольный Пригородный райком партии в составе 13 коммунистов. Возглавил его Семен Федорович Лазарев — член партии с 1919 года. Он прошёл суровую школу гражданской войны, накопил солидный опыт руководящей партийной и советской работы, в 1939 году был избран первым секретарём Пригородного райкома партии. Как секретарь райкома, Семен Федорович принимал деятельное участие в организации обороны Одессы и, несмотря на плохое

здоровье, остался для продолжения борьбы во вражеском тылу. «Так подумал: я старый член партии, участник гражданской войны, если я не останусь, кому могу сказать, чтобы он остался на подпольной работе, — пишет в своих воспоминаниях С. Ф. Лазарев. — Решил остаться и подобрать товарищей, которых я знаю–и с которыми можно вести подпольную работу»[299].

В числе таких людей были Н. А. Крылевскин и Л. Ф. Горбель, которые вошли в состав подпольного райкома и впоследствии стали его секретарями. 14 октября, за два дня до эвакуации Одессы, семь коммунистов из состава райкома во главе с С. Ф. Лазаревым вошли в Усатовские катакомбы (в районе села Усатово). Оставшиеся на поверхности шесть коммунистов выполняли обязанности связных райкома. Вместе с Пригородным райкомом в катакомбы спустились первый секретарь Овидиопольского райкома И. Г. Илюхин и три члена этого райкома, которые не смогли пробраться на территорию своего района.

К этому времени было доставлено в подземный лагерь 10 винтовок, 5 тысяч патронов, 200 гранат, 50 килограммов взрывчатки, шанцевый инструмент, керосинки, примусы, годовой запас продуктов питания и горючего, одежда, радиоприёмник, пишущая машинка, бумага для печатания листовок[300].

Райком партии сразу же развернул широкую политическую работу среди населения города и окрестных сел. Главным средством её проведения был выпуск и распространение листовок. В них опровергалась ложь фашистской пропаганды о разгроме Красной Армии, давалась информация о действительном положении на фронте, разъяснялась сущность фашистского режима. В одной из листовок говорилось: «Рабочие, крестьяне и служащие! Кровавый Гитлер и его холуй Антонеску продолжают топтать грязными фашистскими сапогами нашу священную землю… Что же фашисты принесли в оккупированные области Украины? Виселицу, расстрелы, шомполы, нагайки, мордобой и в каждом уезде организовали тюрьмы»[301].

Листовки призывали население всеми способами срывать мероприятия оккупантов, вступать в ряды партизан, уничтожать фашистских извергов и их наймитов — украинских буржуазных националистов.

Райком обращался со специальными воззваниями к различным слоям трудящихся. Такие листовки–обращения адресовались к агрономам, врачам, учителям, железнодорожникам. Так, листовка, распространённая среди железнодорожников, призывала: «Саботируйте приказы немецких вампиров, срывайте перевозки, уничтожайте паровозы, вагоны,

пускайте составы под откос. Не мазутом, а песком засыпайте буксы, поджигайте эшелоны, цистерны с бензином, создавайте пробки на станциях, всеми средствами срывайте транспорт ненавистных оккупантов»[302].

Особенно много внимания райком уделял информации о битве под Москвой. Его листовки сообщили населению радостную весть о разгроме фашистских войск на полях Подмосковья, вдохновившую патриотов на усиление борьбы с оккупантами.

Листовки выпускались почти ежедневно. Только в течение первых трёх месяцев вражеской оккупации подпольщиками было напечатано и распространено среди населения свыше 7 тысяч листовок и призывов.

Большую работу проводил райком по установлению связей с беспартийными патриотами и привлечению их к активной подпольной деятельности. Вскоре вокруг него сплотилось 25 беспартийных активистов[303]. Они распространяли листовки, были связными, собирали разведывательные данные. Среди них бесстрашно действовала замечательная советская патриотка, мать пяти коммунистов П. Я. Горбель. Двое её сыновей сражались на фронте, а сын Леонид, дочери Анна и Клавдия стали активными участниками одесского подполья. Несмотря на шестидесятипятилетний возраст, Горбель аккуратно выполняла задания райкома партии. В течение двух с половиной лет, умело маскируясь, она заготовляла и доставляла в катакомбы продукты питания, выносила оттуда листовки, распространяла их в городе, собирала сведения о противнике.

С такой же самоотверженностью помогали подпольщикам беспартийная работница Л. А. Крылевская — сестра второго секретаря подпольного райкома партии, колхозница села Алтестово А. П. Щерба и многие другие.

Первостепенное значение, особенно в начале вражеской оккупации, подпольщики придавали политической работе среди населения. Она не только укрепляла веру населения в победу над немецко–румынскими захватчиками, но и поднимала его на активную борьбу против оккупантов, помогала патриотам находить своё место в общей борьбе. Трудящиеся Одессы живо откликались на призывы подпольщиков. Вскоре в документах оккупантов наряду со словом «партизан» появилось не менее страшное для них слово «саботаж». Так называли захватчики борьбу населения за срыв их мероприятий. Одесские портовики, рабочие заводов имени Дзержинского, «Красной гвардии», Январского восстания, Октябрьской революции и других предприятий срывали восстановление порта, заводов и фабрик. Колхозники пригородных сел резко сократили посев озимых

культур, уничтожили скот, прятали продукты, уклонялись от внесения налогов. Срыв мероприятий оккупантов стал одной из важнейших форм борьбы населения Одессы и её пригородов.

Политическая работа Пригородного райкома партии сливалась с ударами по оккупантам отряда под командованием В. А. Молодцова. Это был человек исключительной смелости и непоколебимой верности Коммунистической партии. Еще в юношеские годы В. А. Молодцов записал в своём дневнике: «Борьба — вот основа жизни. Как хорошо бороться и побеждать!! Это что-то высокое!»[304] Он всегда был верен этому девизу: и в забое подмосковных шахт, и на руководящей комсомольской работе, и на боевом посту в органах государственной безопасности.

Осенью 1941 года по заданию НКВД СССР и решению Одесского обкома партии коммунист В. А. Молодцов возглавил разведывательно–диверсионный отряд, состоявший из 28 человек, выросший затем до 65 бойцов. Большинство из них были жителями Одессы и её окрестностей. Среди бойцов отряда были старые коммунисты — участники партийного подполья в Одессе в годы гражданской войны И. Н. Клименко и И. А. Кужель, комсомольцы Яков Гордиенко и Иван Неизвестный, семидесятидвухлетний рабочий–горняк И. Г. Гаркуша и тринадцатилетний пионер Коля Медерер, колхозник К Н. Зелинский и работник совхоза Я. Ф. Васин, моряК. механик торгового флота И. И. Иванов и военнослужащий И. Н. Петренко, партийный работник Т. У. Межегурская и учительница Т. Г. Шестакова, председатель сельсовета И. Н. Медерер и домохозяйка Г. П. Марцишек. Это были люди разных возрастов и профессий. Всех их объединяла священная ненависть к врагу и неудержимое стремление отстоять свободу и независимость своей социалистической Родины.

Отряд В. А. Молодцова размещался в катакомбах на глубине 25–30 метров под пригородными сёлами Куяльницкого лимана. Подземный лагерь имел вид буквы «Т», соединённой обводными дорогами — штреками с главной штольней Нерубайское — Усатово. Здесь были оборудованы помещения для штаба и отдыха бойцов, кухня, склады оружия и продовольствия. Между штабом отряда и постами у выходов из катакомб подпольщики установили телефонную связь. В лагерь было доставлено 60 винтовок, 4 пулемёта, 40 тысяч патронов, 300 гранат, около тонны тола, различный шанцевый инструмент и полугодовой запас муки, крупы, сахара, картофеля и других продуктов[305].

Условия жизни в лагере были тяжёлыми. Циркуляция воздуха была плохой, сырость пронизывала людей, вещи и продукты

быстро покрывались плесенью. Подпольщикам нужно было экономить горючее. Поэтому им приходилось жить в полутьме, а иногда и вовсе отказываться от пользования керосиновыми лампами и примитивными светильниками. Все эти трудности они переносили мужественно. Ведь находясь в катакомбах, патриоты имели возможность вести борьбу с ненавистным врагом. А это было главным.

Перед оставлением советскими войсками Одессы, в ночь с 15 на 16 октября, под землёй состоялось собрание бойцов отряда. В. А. Молодцов в своём выступлении сказал: «Наша задача — уничтожать фашистов, срывать их мероприятия, тем самым помогать Красной Армии, советскому народу в его борьбе против захватчиков». Со страстным обращением к товарищам по борьбе обратился секретарь партийной организации К. Н. Зелинский, закончивший своё выступление словами: «Мы должны выполнить призыв партии и Родины: бить врага на каждом шагу… Я уверен, что в этой борьбе коммунисты нашего отряда будут, как всегда, в авангарде». В конце собрания у развёрнутого знамени подпольщики дали клятву, не щадя жизни, защищать свою Родину до полной победы над врагом.

Цементирующим ядром отряда была партийная организация, состоящая из девяти коммунистов. Ее возглавлял бывший председатель пригородного колхоза, активный участник обороны Одессы К. Н. Зелинский. В отряде регулярно проводились партийные собрания, на которых обсуждались формы и методы борьбы с оккупантами, подводились итоги диверсий. Большое внимание уделяла партийная организация отряда политической работе среди населения, разоблачению лживых выступлений в прессе изменников Родины и хвастливых заявлений оккупантов о разгроме Красной Армии.

Смелостью, мужеством, боевой инициативой отличалась комсомольская организация отряда во главе с комсоргом И. Неизвестным. Она объединяла более 20 юношей и девушек.

Отряд В. А. Молодцова делился на подземную и наземную группы. Примерно две трети бойцов находилось в катакомбах, совершая оттуда боевые вылазки на поверхность. Остальные бойцы действовали в городе и его окрестностях, вели разведку и готовили операции основных сил отряда. В задачу отряда входило: сбор и передача по радио в Москву сведений разведывательного характера, проведение диверсионных актов, разоблачение фашистского режима, распространение среди населения Одессы сводок Совинформбюро.

В результате эвакуации советских войск Одесса сразу же оказалась в относительно глубоком тылу противника.

Наводнившие её фашисты тешили себя надеждой спокойно отсидеться в «тыловом» городе. Но они жестоко просчитались.

Уже 16 октября, в первый день вражеской оккупации Одессы, бойцы подземной группы обстреляли крупный отряд неприятельских войск в районе села Нерубайское. Были убиты румынский офицер и несколько автоматчиков. Эта вылазка имела большое моральное значение. Население увидело, что борьба продолжается, что врага можно бить и в условиях оккупации.

Огромную энергию, волю и мужество в борьбе с врагом проявлял командир отряда В. А. Молодцов. Его связная Г. П. Марцишек, имевшая возможность часто наблюдать за работой командира, в своих воспоминаниях писала, что в отряде мало кто мог видеть В. А. Молодцова спящим или отдыхающим. Он всё время разрабатывал планы диверсий, руководил боевыми операциями, выходил в город для связи с подпольщиками, шифровал радиограммы в Москву. Дни и ночи В. А. Молодцов вместе со своим заместителем Я. Ф. Васиным и секретарём парторганизации К. Н. Зелинским изучали тактику врага, блокировавшего катакомбы. Под его руководством бойцы прокладывали новые ходы в город, разбирали завалы, пилами прорезывали щели из одной выработки в другую[306].

Личный пример руководителей воодушевлял бойцов отряда. Они с готовностью выполняли самые опасные и самые ответственные задания. Смело и дерзко действовал связной В. А. Молодцова Комсомолец Я. Гордиенко. Он распространял среди населения листовки, презирая опасность, собирал сведения о планах и действиях фашистов. В середине ноября 1941 года, то есть к исходу первого месяца оккупации города, он разведал о готовящейся встрече поезда специального назначения, следовавшего из Бухареста в Одессу. Подпольщики решили, как выразился В. А. Молодцов, «поздравить» фашистов.

На боевое задание в район станции Застава, где должен был проходить поезд, вышли подпольщики Д. Г. Митников, Т. У. Межегурская, Т. Г. Шестакова, Х. А. Лебенсон. Сильный штормовой ветер сбивал их с ног, на каждом шагу подстерегала смертельная опасность. Но патриоты пришли к намеченной цели, и специальный поезд оккупантов полетел под откос. Как выяснилось на другой день, в нём ехали в Одессу 300 крупных фашистских чиновников — проводников «нового порядка», назначенных на различные должности в учреждениях оккупантов на Одесщине[307].

Я. Гордиенко не только собирал разведывательные сведения, но и уничтожал провокаторов и изменников Родины, выводил из строя телефонную и телеграфную связь противника,

неоднократно участвовал в подрывах железнодорожного полотна, в налётах на вражеские автомашины.

Однажды поздней осенью 1941 года два конвоира вели группу измученных и избитых советских военнопленных. Я. Гордиенко находился в это время по заданию в городе. Выждав удобный момент, он камнем убил одного конвоира, а на другого набросились пленные, обезоружили его и скрылись в развалинах домов. Спаслось около 50 советских воинов, обречённых на смерть[308].

В конце декабря 1941 года разведчики отряда В. А. Молодцова установили, что в Одессу должен прибыть эшелон с солдатами и офицерами, направлявшимися под Севастополь. Темной ненастной ночью К. Н. Зелинский, И. И. Иванов и П. А. Пустомельников скрытно подошли к железнодорожному полотну на перегоне станции Дачная—Застава. Перегон усиленно охранялся конными патрулями. Все же И. И. Иванов сумел заложить под рельсы мину. Она разорвалась под четвёртым вагоном поезда. А в пятом оказались снаряды, взрывы которых усилили катастрофу. Охваченные пламенем, один за другим вагоны свалились с насыпи. Под их обломками нашли смерть фашистские солдаты и офицеры. Подпольщики без потерь вернулись в катакомбы.

Широкую диверсионную деятельность развернул отряд В. А. Молодцова против автомобильного транспорта противника. Я. Ф. Васин, И. Н. Петренко, И. А. Гринченко и другие бойцы расставляли на дорогах мины и шипы, которые вывели из строя сотни вражеских автомашин. Во время крушения вместе с автомашинами было уничтожено большое количество военных грузов противника. И. Н. Петренко к тому же был отличным снайпером. В дни обороны Одессы он уничтожил несколько десятков гитлеровцев, в подполье этот счёт увеличился ещё на 30 убитых фашистов.

Отважно действовала и наземная группа отряда. Она систематически собирала сведения о концентрации и переброске вражеских войск под Севастополь, положении в Одессе, мероприятиях и намерениях оккупационных властей. Добываемые группой сведения поступали к В. А. Молодцову, который передавал их в Москву. Он предусмотрел различные каналы передачи материалов разведчиками в катакомбы. Кроме связных, для передачи собранных разведкой сведений использовались тайники в колодцах, сообщавшихся с катакомбами. Например, в условленное время хозяин одного из колодцев — разведчик И. С. Поминуковский — опускал туда ведро, якобы за водой. Внизу подпольщики перехватывали его, вынимали донесение,

наливали в ведро воду и, дёргая канат, давали сигнал тянуть наверх. Когда было нужно, в ведро с водой клались пробирки с записками о новых заданиях для наземной группы.

Выполняя разведывательные задания, уничтожая оккупантов и их боевую технику, каждый подпольщик в то же время был и политическим бойцом, проводившим большую агитационную работу среди населения. Как и подпольные райкомы, отряд В. А. Молодцова вёл эту работу в основном путём распространения листовок.

В своих листовках подпольщики поздравили одесситов с 24–й годовщиной Великого Октября, сообщили им о параде советских войск на Красной площади столицы, призвали население города усилить сопротивление врагу, срывать его мероприятия. Только в день 24–й годовщины Октябрьской революции отрядом В. А. Молодцова было распространено 500 листовок[309].

Так с первых месяцев вражеской оккупации население Одессы развернуло массовую партизанскую борьбу в городе. Оккупанты не знали покоя ни днём, ни ночью. Они всё более убеждались, что хотя Одесса и занята ими, но она не покорена. За каждым углом, у каждого выхода из катакомб фашистов и их прислужников ожидала смерть. Это вынуждены признать и буржуазные военные историки. Бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх впоследствии писал: «Оставляя осенью 1941 года Одессу, русские создали в городе надёжное, преисполненное величайшего фанатизма партизанское ядро.

Партизаны обосновались в катакомбах, разветвлённая сеть которых, общей длиной около 100 километров, не имеет себе равных в Европе… Партизаны совершали ночные нападения на отдельных солдат и плохо охраняемые военные объекты…»[310]

Эффективность действий подпольщиков была велика. В специфических условиях Одессы она измерялась не только числом уничтоженных врагов и произведённых диверсий, но и, главным образом, количеством неприятельских войск, которых оттягивали на себя подпольщики. В настоящее время документально установлено, что в районе пригородных сел с целью блокировки катакомб, где в 1941 году находилось всего — 76–80 подпольщиков, оккупанты сосредоточили около 16 тысяч своих войск[311].

Захватчики чрезвычайно переоценивали реальные силы подполья. Они полагали, что в катакомбах сосредоточены крупные части регулярной Красной Армии, в распоряжении которых якобы имелись даже тыловые учреждения всех видов. Совсем по народной поговорке: у страха глаза велики! Основанием для такого страха явилась активная борьба горстки

героев–подпольщиков, их политическая работа среди населения, всенародная поддержка их благородной деятельности. Подпольщики всячески старались поддерживать это заблуждение оккупантов. В. А. Молодцов говорил своим товарищам по борьбе: «Они думают, что здесь войска. И наша задача — поддерживать их заблуждение. Это будет хоть маленькая, но помощь севастопольцам»[312].

В лютой злобе фашисты стали предпринимать энергичные меры к тому, чтобы уничтожить очаг народной борьбы в катакомбах. К местам расположения катакомб были подтянуты новые части вражеских войск. Вся местность, под которой находились катакомбы, занимаемые отрядом В. А. Молодцова, усиленно патрулировалась, у всех выходов из-под земли, у всяких подозрительных щелей были расставлены усиленные посты. Фашисты пытались замуровать выходы из катакомб, пускали в них хлорный газ, отравляли воду в колодцах. Но всё было тщетным. Патриоты стойко переносили лишения, находили другие выходы и продолжали наносить по врагу ощутимые удары.

Однако вскоре подпольщикам был нанесён тяжёлый урон. В феврале 1942 года по доносу провокатора фашистам удалось арестовать В. А. Молодцова и Я. Гордиенко, пришедших в город на явочную квартиру, и вместе с ними наземную группу отряда в составе 16 человек.

Арестованные были подвергнуты изощрённым пыткам и издевательствам. Но все они держались с достоинством. Перенося неимоверные мучения, В. А. Молодцов за всё время допросов не проронил ни слона. Он не назвал даже своей настоящей фамилии и был судим как Бадаев Павел Владимирович. Только после вынесения смертного приговора, когда ему было предложено просить о помиловании, мужественный коммунист впервые заговорил, заявив своим палачам — «Я — русский и на своей земле просить пощады у врага не собираюсь!»

Так же героически вёл себя его юный друг Я. Гордиенко. От зверских истязаний юноша оглох. Однако пытки не сломили волю комсомольца. Последнее письмо к родным, написанное Я. Гордиенко в камере смертников, было проникнуто непоколебимой верой в победу над фашизмом. «Наше дело всё равно победит, — писал юный герой, — Советы этой зимой стряхнут с нашей земли немцев… За кровь партизан… они ответят в тысячу раз больше. Мне только больно, что в такую минуту я не могу помочь моим друзьям по духу»[313].

В конце июля 1942 года В. А. Молодцов, Я. Гордиенко и 11 их боевых товарищей были расстреляны, а остальные отправлены на каторгу.

Подвиг мужественных патриотов — коммуниста и комсомольца — получил высокую оценку. Капитану Владимиру Александровичу Молодцову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Яков Гордиенко посмертно награждён орденом Отечественной войны 1–й степени.

После гибели В. А. Молодцова и всей наземной группы его отряда фашисты усилили блокаду катакомб. Подпольщики оказались в тяжёлом положении. Отряд бадаевцев (по подпольному псевдониму В. А. Молодцова), командование которым принял заместитель В. А. Молодцова Я. Ф. Васин, израсходовал все продукты питания и оказался перед угрозой голодной смерти. Несколько десятков пудов муки, собранной жителями Нерубайска для подпольщиков, доставить в катакомбы оказалось невозможным. Начались усиленные поиски выхода из катакомб. Однажды в одном из бесчисленных Лабиринтов произошла неожиданная и радостная встреча бадаевцев с членами Пригородного райкома партии. Помог им незначительный случай: на одном из поворотов разведчики обнаружили кошку и предположили, что она должна обитать вблизи выхода. Однако бадаевцы были так сильно изнурены, что, написав на песке «кот» (чтобы запомнить место), вернулись на свою базу, с тем чтобы продолжать поиски после отдыха.

Дежурные из Пригородного райкома обнаружили надпись и доложили С. Ф. Лазареву. «Пришли ребята, — писал впоследствии С. Ф. Лазарев, — посоветовались, что делать. Решили выставить засаду и проследить, кто там ходит. Может быть, румыны пробрались и прочищают шахту? Если румыны, то надо дать отпор. А может быть, свои люди ходят?»[314] Для выяснения райкомовцы решили сделать надпись: «А вы кто?» Через сутки последовал ответ: «Кажется, мы те же, кто и вы». Затем появилась новая надпись: «Если это так, то можем встретиться 16 марта в 10 часов утра». Соблюдая осторожность, бадаевцы и райкомовцы встретились в назначенный срок. После этого некоторое время их боевая деятельность проходила совместно. В исключительно трудных условиях подпольщики продолжали наносить удары по оккупантам. А главное, население видело, что катакомбы живут, борются. И это вселяло новые силы в сердца патриотов.

Взбешенные фашисты решили во что бы то ни стало заставить замолчать катакомбы. Они поймали двенадцатилетнего сына партизана Митникова Юру и, избив мальчика, направили его в катакомбы с ультиматумом. В нём говорилось: «…возврата Советской власти и Красной Армии нет… Ваша борьба бесцельна. Нам известно, что вы терпите лишения, болезни, голод. Вы

должны понять, что вы не повернёте колеса военной истории назад. Сдавайтесь. Мы вам гарантируем жизнь в концлагерях на правах военнопленных. Срок ультиматума 24 часа. В случае непринятия нашего ультиматума мы располагаем такими средствами, что вы будете уничтожены в одно мгновение»[315].

Высокомерное требование фашистов было с негодованием отвергнуто. Подпольщики решили ответить на него новыми боевыми выступлениями. Они понимали, что в тревожной обстановке лета 1942 года каждое такое выступление, оттягивание на себя вражеских сил, внесение смятения и неуверенности в стан врага были помощью советским воинам, героически сражавшимся против рвавшихся к Сталинграду и на Кавказ фашистских войск.

Началась тщательная подготовка к вооружённым вылазкам. Подпольщики изучили тактику врага, разведали слабые места в его расположении, установили численность противника в населённых пунктах, разработали планы боевых операций.

Для боевых действий на поверхности было выделено 26 бойцов из подпольщиков Пригородного райкома и бадаевского отряда. С 9 по 22 мая 1942 года они совершили пять дерзких вылазок. В одной из них подпольщики напали на карательный отряд фашистов в курортном районе города — Куяльнике. В открытом бою каратели были разбиты наголову. С места боя они вывезли три машины трупов.

Большим мужеством в этих вылазках отличились члены Пригородного и Овидиопольского райкомов партии Н. А. Крылевский, И. Г. Илюхин, Л. Ф. Горбель, А. Н. Щерба, командир бадаевского отряда Я. Ф. Васин, секретарь партийной организации этого отряда К. Н. Зелинский, его заместитель П. А. Пустомельников, боец И. Н. Петренко и другие. Никто не мог, конечно, подсчитать, какие потери понесли оккупанты. Но, несомненно, они были весьма существенны. Только вблизи катакомб каратели потеряли 45 убитых и 60 раненых солдат и офицеров[316]. Одесса была переполнена слухами о дерзких операциях подпольщиков — радостных для населения, тревожных для захватчиков.

Оккупанты неистовствовали. Для того чтобы изолировать подпольщиков от поддерживавшего их населения, они снесли все дома вблизи катакомб, установили сложную систему пропусков, убивали на месте всякого, кто появлялся в районе пещер. Фашисты бросили огромные силы на розыск и бетонирование входов и даже мельчайших щелей, ведущих в катакомбы. Им удалось найти двух предателей, проходивших по документам оккупантов под прозвищами Король и Кот. Они хорошо знали

катакомбы и указали карателям места, где ещё остались незабетонированные ходы. С их помощью фашисты заминировали, завалили и забетонировали около 400 входов и выходов[317]. Колодцы, стволы которых проходили через катакомбы, были отравлены мышьяком или залиты нефтью.

В результате подпольщики оказались закупоренными под землёй, без притока свежего воздуха, без достаточного количества воды. К тому же к концу июня 1942 года у них кончились почти все запасы продовольствия. На каждого человека в день выдавалось по одной столовой ложке пшена и по две чайные ложки кофе.

Учитывая сложившуюся обстановку, объединённое заседание Пригородного и Овидиопольского райкомов партии совместно с отрядом бадаевцев приняло решение: членам Овидиопольского райкома и подавляющему большинству бадаевского отряда выйти из катакомб и перебазироваться на север Одесской области, в Савранские леса, где создать партизанский отряд, а Пригородному райкому и части бадаевцев перейти на конспиративные квартиры и вести подпольную работу в городе.

Но для осуществления этого решения нужно было найти новый, неизвестный оккупантам выход из катакомб. «Выход, — писал С. Ф. Лазарев, — это спасение, жизнь, дальнейшая борьба». На поиски была направлена группа подпольщиков во главе с секретарём райкома Л. Ф. Горбелем. Свыше двух суток она кружилась в лабиринте, наобум переходя из одной штольни в другую, пока наконец не обнаружила небольшую щель примерно на расстоянии 20 километров от подземного лагеря.

Очистив её, подпольщики вышли на поверхность в степи примерно в 15 километрах от Усатова.

Соблюдая осторожность, изнурённые и голодные, первыми вышли из катакомб небольшими группами, по два–три человека, бойцы бадаевского отряда. Им предстояло уйти в Савранские леса и связаться с партизанами. Но этому плану не удалось сбыться. В разное время в пути большая часть подпольщиков была схвачена фашистами. Патриотов подвергли жестоким пыткам. Не добившись признаний, фашисты расстреляли их. Нельзя без волнения читать последние строки письма–завещания коммуниста И. Н. Петренко, обращённые к своему сыну: «Вовочка, — писал он, — к тебе папкина просьба, последняя просьба: будь непримирим и безжалостен к тем, кто против Советской власти и партии. Это враги твоего папки, а следовательно, и твои… Будь верным партии, своему народу и Родине»[318].

Только немногим подпольщикам, среди них И. Г. Илюхину и Я. Ф. Васину, удалось избежать ареста. Спасаясь от

преследователей, Я. Ф. Васин, перейдя линию фронта, работал в советском тылу, а И. Г. Илюхин пробрался в леса Винницкой области, вступил в партизанский отряд и до конца войны лично уничтожил около 50 фашистов[319].

Члены Пригородного райкома партии оставили катакомбы позже бадаевцев—17 июня 1942 года. Им удалось незаметно пробраться в Одессу и обосноваться на конспиративных квартирах. Райком сразу же развернул активную деятельность. Многое пришлось начинать сначала. Вследствие массовых облав и арестов большая часть людей, с которыми ранее райком имел связи, оказалась в фашистских застенках. Но райком находил надёжных людей, устанавливал новые связи.

В конце 1941—начале 1942 года после тяжёлых ударов стал собираться с силами Одесский подпольный обком партии. Первый секретарь обкома А. П. Петровский пошёл на смелый обман фашистских тюремщиков, сумел вырваться на свободу, уйти в глубокое подполье и приступить к налаживанию политической и организаторской работы. Он воссоздал Воднотранспортный райком партии, превратившийся в основную базу развёртывания деятельности подпольного обкома.

Первоначально подпольный Воднотранспортный райком партии возглавил парторг ЦК ВКП(б) на судоремонтном заводе № 1 И. Н. Веденьев, а в последующем — член партии с 1924 года М. Г. Решетников. В центре деятельности подпольного обкома была политическая работа среди населения. Временные успехи фашистских войск, рвавшихся к Сталинграду и Кавказу, вражеская пропаганда использовала для того, чтобы расшатать среди населения веру в Красную Армию, подорвать его моральный дух, ослабить сопротивление «новому порядку». На страницах грязных фашистских листков «Молва» и «Одесская газета» ежедневно публиковались провокационные сообщения о гибели Красной Армии, радио днём и ночью кричало о «предстоящем разгроме большевистского режима».

Необходимо было обеспечить население правдивой информацией, противопоставить её фашистской клевете. Учитывая это, подпольный обком партии совместно с Воднотранспортным райкомом партии наладили печатание и распространение среди населения листовок. В 1942 году стала издаваться газета «Голос народа» — орган подпольного обкома партии (вышло пять номеров этой газеты) и информационный листок «За Советскую Родину!», выходивший два раза в неделю тиражом 60–100 экземпляров. Подпольные группы Воднотранспортного райкома партии своими средствами перепечатывали его и различными путями распространяли среди

советских людей.

В этих подпольных изданиях помещались приказы Советского Верховного главнокомандования, выступления руководителей партии и правительства, информационные сообщения о положении на фронте, действиях партизан, успехах тружеников советского тыла, борьбе трудящихся зарубежных стран против фашистских захватчиков.

Одновременно обком партии подобрал и направил в городские районы организаторов подполья: в Ильичевский район — В. П. Добровольского, Ленинский — Л. К. Ковальского, Центральный — А. И. Третьяка. Они оказывали помощь возникавшим на предприятиях, в учреждениях и жилых кварталах подпольным группам и организациям, руководили их деятельностью.

Партизанская борьба в городе неуклонно усиливалась. Она нарастала снизу, из толщи народной, приобретала самые разнообразные формы, начиная от уничтожения фашистов и кончая массовым срывом мероприятий оккупантов. В этом с особой силой сказались результаты всей предшествовавшей работы Коммунистической партии по воспитанию советских людей в духе пламенного советского патриотизма.

В декабре 1941 года на территории промышленного Ильичевского района Одессы возникла подпольная группа, организатором которой был инженер–монтажник С. И. Дроздов. В её состав входили коммунисты и беспартийные активисты А. М. Калашников, И. И. Карпов, И. С. Кирсанов, Ю. С. Кравченко, П. П. Москалев, А. М. Николаенко, Ф. Н. Майко, С. Н. Жиганов, Г. Д. Харламов. На квартире А. М. Николаенко подпольщики установили радиоприёмник. Принимавшиеся по радио сводки Совинформбюро и другие важные сообщения перепечатывались на двух пишущих машинках и распространялись среди рабочих.

Летом 1942 года группа С. И. Дроздова объединилась с подпольной группой коммунистов А. И. Шалягина и П. Н. Прокопенко. Общее количество членов объединённой подпольной организации составило 50 человек[320]. Она развернула активную деятельность по установлению связи со стремившимися к активной борьбе патриотами, вела агитационную работу среди населения.

Созданные патриотами подпольные группы на заводах имени Красной гвардии, имени Дзержинского, на мясокомбинате, в пригородном селе Кривая Балка (под руководством коммуниста К. А. Тимофеева) объединились в единую организацию в составе 30 человек. Организация базировалась в катакомбах в районе Кривой Балки. Наряду со срывом работ по восстановлению

предприятий подпольщики совершили ряд смелых диверсий. Члены организации А. Г. Атанасов, А. А. Прудников, В. А. Полянский на заводе имени Красной гвардии разукомплектовали 80–тонный кран. Фашистам пришлось затратить несколько месяцев на его восстановление. На этом же предприятии было приведено в негодность 10 электромоторов, 6 токарных и радиально–сверлильных станков.

Для добычи оружия и нападений на оккупантов организация создала специальную группу из 10 человек. Группа действовала в районе села Кривая Балка. Она уничтожала небольшие отряды, убивала отдельных солдат и офицеров противника, полицейских и других предателей Родины. Уже в первые месяцы борьбы группа добыла 8 винтовок, 1500 патронов, 20 гранат и уничтожила 37 фашистов и их пособников[321].

Среди организаторов подпольной партизанской борьбы в Одессе следует назвать члена партии с 1922 года М. А. Лыткину. До войны и в период обороны Одессы она работала народным судьёй Ленинского района города, была избрана членом райкома партии, вела большую партийно–политическую работу среди населения. При оставлении Одессы советскими войсками М. А. Лыткиной была предоставлена возможность эвакуироваться в тыл, но она отказалась от этого. В райкоме партии коммунистка заявила: «Страна находится в большой опасности. Для работы в тылу найдутся другие. Я военной подготовки не имею и поэтому не могу идти на фронт, а останусь здесь, в городе, на передовой линии. Нас, коммунистов, для этого призывает Коммунистическая партия, и я не могу не откликнуться на этот призыв». Райком партии удовлетворил просьбу М. А. Лыткиной. Она была оставлена на подпольной работе в качестве связной райкома под псевдонимом Лидии Костровой.

После провала райкома М. А. Лыткина приложила большие усилия к поискам связей с подпольным обкомом партии. Не установив их, она самостоятельно в ноябре 1941 года приступила к созданию подпольной организации. Первоначально в эту организацию входили бывший преподаватель Одесского кредитно–экономического института коммунист Б. В. Сорочинский, бежавший из фашистского плена офицер Г. С. Синяков (П. Бурденюк), комсомолка Т. Пономаренко. Впоследствии подпольная группа выросла до 18 человек.

Подпольщики ставили целью создать крупную, разветвлённую по предприятиям организацию. В их планы входило осуществление диверсий, организация срыва мероприятий захватчиков, разоблачение фашистского «нового порядка». М. А. Лыткина и Б. В. Сорочинский составляли и

печатали на пишущей машинке листовки, краткие обзоры военных и политических событий за неделю, размножали сводки Совинформбюро. Эти материалы распространялись на предприятиях, на рынках, в кинотеатрах и в других местах скопления людей.

С целью выявления и уничтожения провокаторов подпольщики заслали своих людей в сигуранцу. Ими был казнён провокатор Чернышев. подпольщики готовили освобождение заключённых из центральной тюрьмы, а также крупные диверсии на судостроительном заводе.

Вместе с отцами и старшими братьями активно боролась с захватчиками молодёжь Одессы. Юноши и девушки действовали в составе всех подпольных организаций, а в отдельных случаях создавали самостоятельные комсомольско–молодёжные группы.

С осени 1941 года вокруг комсомольцев Леонида и Людмилы Бачинских стали группироваться юноши и девушки, знавшие друг друга по совместной учёбе в 59–й одесской школе. Под видом встречи Нового, 1942 года на квартире Бачинских собрались бывшие одноклассники: Леонид и Людмила Бачинские, Лидия и Григорий Антониус, А. Белинский, У. Боровский, Ж. Касьянова, О. Конощенко, П. Филатов и другие — всего 17 человек. Каждый думал: кругом война, все сражаются с врагом, а нам что делать, как нам бороться? И как бы за всех ответил на этот вопрос Л. Бачинский: «Нам нужно создать организацию и бить оккупантов. Здесь, в родном городе». Он зачитал обращение обкома партии к населению с призывом всеми средствами вести борьбу. Собрание решило создать подпольную организацию, назвав её «За Родину». Командиром организации молодых подпольщиков единодушно был избран Л. Бачинский. Девушки—члены организации вышили Красное знамя. Сверху на знамени были слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В марте 1942 года молодые подпольщики перед развёрнутым знаменем приняли присягу (по тексту военной) на верность партии, народу, Родине.

Вскоре в организацию вошло ещё 7 человек, в том числе бежавший из плена советский офицер комсомолец В. Скульский. Число подпольщиков увеличилось до 24 человек. Организация делилась на четыре звена по 5–7 человек в каждом. Была введена чёткая военная дисциплина. Командирами звеньев юношей были избраны А. Белинский, У. Боровский, Г. Черногорюк, а звена девушек — Л. Бачинская. Командиром организации остался Л. Бачинский, его заместителем подпольщики избрали Е. Масюкова, начальником штаба — В. Скульского.

Под руководством В. Скульского юноши изучали оружие, а девушки — медико–санитарное дело.

В мае 1942 года была создана комсомольская организация. Секретарем её стала Л. Бачинская, работавшая до войны секретарём комсомольского комитета станции ОдессаТлавная, а членами бюро — Л. Бачинский и П. Куренков. На комсомольских собраниях обсуждались вопросы боевой подготовки подпольщиков, о методах политической работы среди населения, производился приём в комсомол. Во второй половине 1942 года число комсомольцев в подпольной организации «За Родину» выросло с 14 до 22 человек, и она стала почти полностью комсомольской[322].

Юные подпольщики раздобыли радиоприёмник и установили его на чердаке дома № 3 по улице Пироговской, где жили Бакинские. Принимавшиеся по радио сводки Совинформбюро они переписывали от руки и распространяли среди населения.

Весной 1942 года организация установила связь с подпольной группой бежавшего из плена советского офицера коммуниста И. С. Соловьева и подпольной группой, возглавлявшейся коммунистами М. А. Лыткиной и Б. В. Сорочинским. Коммунисты горячо одобрили деятельность молодёжной организации, но обратили внимание на слабую конспирацию. Они оказали решающее влияние на дальнейшую работу молодых подпольщиков, став, по существу, их идейно–политическими руководителями. И. С. Соловьев помогал организовывать диверсии, М. А. Лыткина учила, как проводить политическую информацию среди населения, помогала составлять листовки. По её совету Л. Антониус, Ж. Касьянова, О. Конощенко брали пачки липкой бумаги против мух, перекладывали их листовками, сводками Совинформбюро и, проходя по Октябрьскому рынку, по улицам города и дворам, монотонно кричали: «Кому липкая бумага?», «Покупайте липкую бумагу!», «Хорошая липкая бумага!». Оккупантам и их прислужникам и в голову не приходило, что эти худенькие, одетые в лохмотья девушки и распространяют листовки.

Вот одна из этих листовок:

«…гибель врага приближается, и никакая ложь и клевета на нашу Родину не переубедят нас и не отвергнут от неё наши сердца. Патриот, помни, что ты олицетворяешь Родину. Спроси себя в этот день, что ты сделал для Родины, и найдёшь достойный ответ»[323].

Молодежная подпольная организация проявила важную инициативу, развернув агитационную работу в войсках противника. Подпольщики составляли специальные листовки, обращённые к вражеским солдатам. Е. Масюков переводил эти листовки на немецкий язык, а девушки специально ходили на

танцы, где незаметно вкладывали их в карманы немецких и румынских военнослужащих. Под предлогом обмена вещей на продукты Бачинская Л. выезжала на станции Раздельная, Котовск, Рудница. В залах ожидания она оставляла листовки.

Смело и изобретательно вели подпольщики диверсионную работу. Л. Бачинский, Г. Антониус, В. Новицкий и У. Боровский в различных районах города резали телефонные провода, выводили из строя электросеть. По заданию организации они устраивались грузчиками на военном авиаскладе. Во время транспортировки грузов подпольщики незаметно подрезали осколками лезвий для бритья стропы парашютов, при погрузке авиационных радиоприёмников толкали ящики на твёрдые предметы с таким расчётом, чтобы хрупкие детали приёмников разбивались, а ящики оставались невредимыми. Подпольщики нашли способ подрезать внутреннюю часть резиновых покрышек для колёс самолётов и автомашин. С фронта часто поступали сигналы о гибели лётчиков из-за порчи строп парашютов, об авариях автомашин и самолётов. Фашистская агентура сбивалась с ног в поисках виновников аварий, но тщетно. Диверсии продолжались.

Другая группа юношей —А. Белинский, П. Гуменный, А. Ливень, — работая на станции Одесса–Главная, засыпала песок в буксы железнодорожных вагонов, резала пневматические соединения, выводила из строя станционные сооружения.

Юные подпольщики усиленно готовились к встрече Красной Армии. Они ожидали морской, десант. Желая помочь десантникам, *Л.* Бачинский, П. Скульский, Е. Масюков, П. Куренков и другие вели разведку на черноморском побережье от Аркадии до порта. Собранные сведения о расположении военных объектов заносились на специальную карту, предназначенную для передачи десантникам.

Чтобы принять непосредственное участие в операциях десантников, молодёжная организация различными путями приобретала оружие.

Только из помещения Института глазных болезней имени В. П. Филатова, превращённого оккупантами в военный склад, подпольщики похитили 3 полуавтомата, 2 карабина и 3 винтовки. Особую изобретательность в этом проявил двенадцатилетний пионер В. Бачинский.

Многое из намеченного одесскими подпольщиками не удалось осуществить. Фашистская агентура проникла в подпольные организации. С 13 марта 1943 года начались повальные аресты, длившиеся почти до конца месяца. Начальник тайной полиции (сигуранцы) доносил в Бухарест об аресте в это время 124 руководителей и членов подпольных организаций, 171

подпольщика, действовавших самостоятельно[324]. Среди арестованных были секретари подпольного обкома партии А. П. Петровский и С. С. Сухарев, почти весь состав Воднотранспортного райкома партии, группа М. А. Лыткиной и молодёжной организации «За Родину».

Палачи подвергли патриотов жесточайшим пыткам. Об ужасах фашистских застенков рассказывал впоследствии М. Г. Решетников: «Так как я всё время не сознавался, то жандарм Георгину взял палку и начал бить меня… я упал на пол, он начал топтать меня ногами, бить носками сапог в бока и грудь. Тогда у меня из ушей и рта полилась кровь. Он все же этим не успокоился и продолжал бить… Я потерял сознание»[325]. Подпольщиков истязали самыми изощрёнными и садистскими методами, вплоть до применения электротока, так называемого «самолёта» и выламывания рук, но никто из них не выдал оставшихся на свободе товарищей.

В августе 1943 года состоялся судебный процесс, получивший в фашистской прессе громкое название: «процесс обкома партии».

Были осуждены 107 советских патриотов[326]. С. С. Сухарев, М. А. Лыткина, Л. Бачинский, В. Скульский были расстреляны, другие угнаны на каторжные работы. Что касается А. П. Петровского, то он без суда был отправлен в Бухарестскую тюрьму. В 1945 году он трагически погиб.

Оккупанты ликовали, надеясь, что с одесским подпольем наконец-то покончено. Но они вновь просчитались. Несмотря на серьёзный урон, подпольные организации действовали, росли численно. Этот рост стал особенно значительным после великой победы Красной Армии под Сталинградом. Подпольщики все чаще стали прибегать к активным методам партизанской борьбы.

Подпольный Пригородный райком партии, воспользовавшись тем, что фашисты несколько ослабили блокаду катакомб, 14 апреля 1943 года вновь возвратился на свою подземную базу. С помощью активистов райкома М. И. Бовтуженко, И. П. Гринченко, Г. Ф. Терещенко, В. И. Иванова, С. А. Хохлова, А. И. Вдовиченко и других были созданы и доставлены в катакомбы необходимые запасы продовольствия и горючего.

Вновь одесские катакомбы стали центром подполья. Здесь Пригородный райком приступил к формированию двух партизанских отрядов, командирами которых были утверждены секретари райкома Л. Ф. Горбель и Н. А. Крылевский. Вступая в отряды, патриоты давали боевую клятву. Ее текст гласил: «…даю партизанскую клятву, что буду решительным и беспощадным к врагам, не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей советской земле не будет уничтожен. Не щадя крови

и своей жизни, за сожжённые города и села, смерть детей наших, за пытки, издевательства и насилия над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно, неустанно. Кровь за кровь, смерть за смерть!»[327].

К концу 1943 года в партизанские отряды Пригородного райкома вступили 119 человек[328].

Огромным ликованием встретили подпольщики и население Одессы радостную весть об освобождении Красной Армией Киева. Райком партии принял по радио и распространил среди населения обращение ПК КП(б) У, Президиума Верховного Совета и правительства УССР к украинскому народу в связи с освобождением столицы республики.

«На той части украинских земель, где ещё свирепствует немецкий угнетатель, — говорилось в обращении, — все на борьбу! Настал час последнего сокрушительного удара по немецким ордам. Будем бить немца в тылу. Поможем Красной Армии бить его на фронте!»[329]

Население Одессы делом откликнулось на этот призыв. Повсеместно усилился саботаж мероприятий оккупантов, росли ряды подпольщиков и партизан.

В подземном лагере жизнь била ключом. Лучших партизан и подпольщиков райком принял в ряды партии, среди них рабочего И. П. Гринченко, колхозника А. Н. Щербу, тракториста В. И. Иванова и многих других.

Коммунисты–подпольщики, вспоминает Л. Ф. Горбель, повышали свой идейно–теоретический уровень, читали произведения Маркса, Энгельса, Ленина. С особым вниманием они изучали статьи, речи и обращения В. И. Ленина периода гражданской войны, выступления и приказы И. В. Сталина, в которых находили ответы на самые животрепещущие вопросы борьбы с врагом в период Отечественной войны.

В подземелье подпольщикам приходилось много работать физически. Они рыли колодцы, искали новые ходы и укрепляли старые, проводили занятия по стрельбе, часто чистили оружие, которое от сырости сильно ржавело, и вместе с тем находили время, чтобы читать А. С. Пушкина, А. Н. Толстого, А. М. Горького, В. П. Катаева. Руководитель подполья С. Ф. Лазарев писал стихи и песни, выражавшие ту неодолимую душевную силу бойцов «подземной крепости», которая делала их непобедимыми. В трудные дни подпольщики пели написанную С. Ф. Лазаревым песню:

В сырых катакомбах глубоких,

Где воздуха мало порой,
Где много обвалов широких,
Живем мы родною семьёй.
Жизнь наша —борьба роковая:
В тылу у врага остались.
В борьбе, ни на что не взирая,
Мы тяжесть нести поклялись.
Нам вера надежду рождает,
Нам вера и бодрость даёт.
Кто верит — всегда побеждает,
Позиций своих не сдаёт.

Активную работу развернула подпольная организация Ильичевского района. К октябрю 1943 года она выросла до 232 человек, в числе которых были 52 коммуниста и 34 комсомольца, возглавлявшиеся Д. И. Овчаренко[330]. Подпольщики располагали 20–ю конспиративными квартирами и базой в катакомбах по улице Головковской, имели 6 радиоприёмников, 3 пишущие машинки, примитивную типографию. Это позволило организации регулярно принимать сводки Совинформбюро, передовые статьи газеты «Правда», печатать листовки, воззвания, лозунги и эпиграммы на фашистских руководителей, издавать типографским путём боевые листки «За счастье Родины».

В канун 26–й годовщины Великого Октября, в ночь на 7 ноября 1943 года, члены молодёжной группы М. Ф. Винницкой установили на шпиле самой высокой в городе Успенской церкви красный флаг. На следующий день оккупанты оцепили церковь, но, боясь, что она заминирована, не решились лезть на её купол. Несколько часов красный флаг реял над городом, как предвестник скорой победы над врагом.

Ильичевская подпольная организация вела активную агитационную работу среди оккупационных войск. Было написано несколько обращений к румынским солдатам и офицерам, родина которых стонала под двойным гнётом: немецких и румынских фашистов. В одном из обращений говорилось: «Солдаты и офицеры — румыны!.. Фашистские изверги бросают вашу страну во всеистребляющий пожар войны, готовят вашим матерям и жёнам ужасную смерть среди огня и развалин. В ваших силах не допустить этого. Спасайте, пока не поздно, свою родину! Следуйте примеру ваших товарищей, которые, не желая больше воевать за неправое дело, уже сложили оружие и добровольно перешли на сторону победоносной Красной Армии! Уничтожайте,

где и как можете, подлых гитлеровских псов!»[331]

Члены ильичевской организации развернули широкую диверсионную деятельность. Они громили небольшие подразделения противника, уничтожали фашистов и их прислужников, захватывали их оружие, выводили из строя оборудование предприятий. Так, группа И. С. Кирсанова подожгла на Ближних Мельницах (окраина Одессы) склад с боеприпасами и 210 бочек с горючим. Другая группа, под руководством коммуниста Г. М. Мартынюка, на станции Одесса–Товарная устроила столкновение четырёх паровозов, предназначенных для воинских эшелонов, а один паровоз полным ходом направила в тупик. Все пять паровозов были разбиты. В связи с этим фашисты арестовали 70 человек — всю смену депо. Многие из них пробыли в тюрьме около месяца, но никто не выдал организаторов диверсии.

На джутовой фабрике женщины–работницы во главе с женой военнослужащего О. Т. Зарембовской уничтожили 7 тысяч мешков, бросили в пруд оборудование 12 ткацких станков, подготовленных для вывоза в Румынию[332]. Члены группы В. А. Молотова на суперфосфатном заводе спрятали предназначенные для отправки в Румынию основные детали оборудования цеха по производству серной кислоты, электромоторы, шарикоподшипники.

Так же действовали подпольщики и других групп, входивших в организацию, которая в документах сигуранцы значилась как «подпольный Ильичевский райком».

В Одессе не было почти ни одного предприятия, где бы в той или иной форме не велась диверсионная и агитационная деятельность подпольщиков.

Значительно окрепла подпольная организация Ленинского района Одессы, на территории которого были расположены многие крупные предприятия. Ее состав увеличился во второй половине 1943 года до 65 человек. С целью конспирации и обеспечения связей с подподьными группами по заданию организации К. А. Тимофеев открыл в доме № 4 по Софиевскому переулку кустарное предприятие по производству и продаже фруктовых и газированных вод. Сюда под предлогом покупки воды приходили руководители подпольных групп для отчётов и получения новых заданий. Выручавшиеся от продажи воды деньги шли на покупку оружия у вражеских солдат.

В условиях всеобщего наступления Красной Армии подпольные группы на заводах имени Красной гвардии, имени Дзержинского, имени Октябрьской революции, мясокомбинате под руководством А. Г. Атанасова, В. М. Мишенина, А. Г. Аносова

изменили характер диверсионной работы. Если раньше они старались надолго вывести из строя машины и механизмы, то теперь снимали и прятали отдельные детали и части, что давало возможность с приходом Красной Армии быстро вводить предприятие в строй. Оккупанты же таким образом лишались возможности использовать промышленное оборудование. В селе Кривая Балка Ленинского района по указанию М. И. Барденова колхозники разобрали трактор, спрятали детали, а также 5 тонн посевного зерна, скот и продовольствие.

Важное место в деятельности подпольщиков занимало спасение советских людей от истребления и угона в фашистскую каторгу. Так, группа Ф. М. Дробота, входившая в организацию Ленинского района, провела большую работу по подготовке катакомб в Кривой Балке для укрытия беженцев. Она отыскала девять неизвестных оккупантам ходов в катакомбы и три хода разминировала. Было вырыто и отремонтировано в подземелье четыре колодца с питьевой водой. В декабре 1943 года подпольщик П. Е. Пирогов организовал нападение на гитлеровцев, увозивших на трёх грузовых машинах в Германию советских юношей и девушек. Охрана была перебита, а юноши и девушки освобождены. В районе Пересыпи подпольщики рассеяли конвой, сопровождавший 200 жителей Одессы в фашистскую каторгу. Все обречённые были освобождены.

Руководителям подпольной организации Ленинского района стало известно от населения, что вечером 27 октября 1943 года на станцию Одесса–Товарная прибывает поезд с советскими детьми. Фашисты задумали гнуснейшее преступление — брать кровь у детей для излечения своих раненых солдат и офицеров.

В. Н. Иванов и девять его боевых товарищей решили пойти на смелую операцию. Они переоделись в немецкую форму, проникли к поезду и перебили фашистскую охрану. Сотни детей были спасены от верной смерти. Их разобрали жители города[333].

Изо дня в день расширялась политическая работа подпольщиков среди населения. По заданию организации В. Н. Басалаев и О. И Андриевский, работавшие в типографии газеты оккупантов «Молва», с октября 1943 года стали тайно выносить шрифт. К началу 1944 года на квартире В. А. Бульбаха они оборудовали подпольную типографию. В ней было отпечатано значительное количество сводок Совинформбюро и листовок. В одной из них, обращённой к женщинам города, подпольщики призывали: «Помогайте уничтожать фашистских извергов, мстите за пролитую русскую кровь, мстите за ваших родных и близких, помогайте всем, чем можете, Красной Армии и партизанам в борьбе за дело освобождения Родины. Не давайте

уводить в Германию мужчин и нашу молодёжь, скрывайте их у себя, давайте им пищу и отдых! Не давайте уничтожать наши заводы и фабрики, наши жилища, тушите пожары, следите, где закладываются мины, и обезвреживайте их. Наблюдайте за продвижением вражеских войск и транспортов, помогайте Красной Армии добивать издыхающий фашизм, помогайте освободить наш родной город!»[334]

В 1943 году в Одессе возник ряд новых подпольных групп и организаций.

Член КПСС с 1917 года, один из руководителей одесского партийного подполья в годы гражданской войны, Б. В. Гумперт (Громов) осенью 1943 года нелегально вернулся в Одессу. Через старого члена партии И. П. Калабина он установил связи и организовал подпольную группу в количестве 20 человек. Подпольщица В. Н. Петен с помощью своей родственницы Г. И. Мадрицы, работавшей в фашистской «Одесской газете», добыла шрифт и валик, а её отец, рабочий–слесарь, соорудил примитивный печатный станок. Подпольная группа напечатала и распространила текст декларации союзных держав об ответственности фашистов за совершенные ими зверства, ряд сообщений Совинформбюро и 17 листовок. Группа Гумперта сумела укрыть ценное оборудование стоматологического института, которое сразу же после освобождения Одессы было использовано для лечения советских воинов.

Энергично действовала подпольная группа, созданная М. Г. Чернышевым. Состоявшая всего из 10 человек, она организовала побеги более 100 советских военнопленных из фашистских тюрем и лагерей, укрыла их, обеспечила документами, питанием и одеждой. Особенно отличилась в этой деятельности домохозяйка М. И. Заволока. Освобожденные подпольщиками советские воины признательно называли её матерью. Вот одно из многих писем М. И. Заволоке, написанных бежавшими из одесских лагерей советскими военнослужащими: «Честь и слава нашей матери, которая, рискуя собой и жизнью семьи, сохранила и помогла возвращению в РККА 28 её членов, которая своей помощью смягчила страдания раненых и больных, попавших в лагерь пленных, в лагерь зверств и физического уничтожения людей»[335].

Одним из основных объектов деятельности одесских ПОДПОЛЬЩИКОВ был порт, имевший большое значение для вражеских перевозок. В порту действовало несколько подпольных групп. По заданию родпольного обкома партии их деятельность координировал М. Н. Евстратенко. Наиболее распространённой формой диверсий в порту было внесение путаницы во взаимные

операции судов и железнодорожных составов. Грузы, предназначавшиеся для срочной погрузки на суда, портовые железнодорожники разгружали из вагонов в Дальние склады, а суда тем временем простаивали. Бригада грузчиков В. Найденова на пароходе «Царь Фердинанд» сделала так называемый «зонтик», то есть оставила в середине заполненного доверху зерном трюма пустое пространство, что вызвало аварию судна. Такие факты не были единичными. Всеми средствами саботируя отправку судов в Румынию, грузчики и железнодорожники Одесского порта сохранили на складах до прихода советских войск свыше 10 тысяч тонн зерна[336]. Железнодорожники станции Одесса–Порт систематически засоряли буксы вагонов песком, срывали резьбу на сливных приборах цистерн с бензином и моторином, в результате десятки тонн горючего, предназначавшегося для отправки на фронт, сливались в море.

Оккупанты неистовствовали. Они зверски замучили подпольщика–портовика И. Г. Павлюкевича, десятки советских патриотов заключили в концентрационные лагеря. Но все эти меры были тщетными. Еще в апреле 1942 года директор порта потребовал введения военной охраны. Он писал губернатору: «… мы также не можем отвечать за охрану оборудования и материалов, находящихся на обширной территории, если не будем иметь в своём распоряжении органов румынской военной охраны в достаточном количестве и специально для этого предназначенной. О местных сторожах из числа гражданского населения не может быть и речи»[337]. Военная охрана была введена, повсюду рыскали шпики. Но срыв работ и диверсии в порту неуклонно возрастали, ибо портовики, начиная от уборщицы и кончая инженером, стремились сделать все возможное для нанесения ущерба захватчикам.

Чем ближе подходили советские войска к Одессе, тем важнее становились для советского командования сведения о вражеских силах на море, военных объектах, в частности о состоянии порта. С целью сбора и передачи информации о противнике летом 1943 года в Одессу был направлен замечательный советский патриот, бесстрашный разведчик Н. А. Гефт. Он хорошо знал Одессу, так как здесь прошли годы его юности и учёбы в Институте инженеров водного транспорта. Воспользовавшись принадлежностью к немецкой национальности и своими связями, Н. А. Гефт легализовался и устроился на должность главного инженера судоремонтного завода. Он, обеспечив быстрый и высококачественный ремонт некоторых судов, вошёл в большое доверие немецкой администрации завода. В то же время Н. А. Гефт собирал для передачи советскому командованию

сведения о численности вражеских войск и сооружении фашистами военных объектов в Одессе.

Н. А. Гефт с помощью начальника механического цеха И. А. Рябошапченко создал подпольную группу в количестве девяти человек, развернувшую энергичную диверсионную работу. В четырёх судах они залили подшипники баббитом с большей, чем положено, примесью свинца, в результате чего суда вышли из строя. В двух буксирах были установлены неправильно смонтированные муфты сцепления, и они снова были поставлены на ремонт. Под различными предлогами затягивались ремонтные работы. Пароходы «Антрехт», «Амур» так и не были введены в строй до конца оккупации. Подпольщики сохранили от вывоза часть оборудования и предотвратили взрыв зданий двух цехов завода.

После выполнения боевого задания в Одессе Н. А. Гефт был переброшен в тыл врага — на территорию Польши. Попав в окружение, он погиб смертью героя.

С большой выдержкой и самообладанием вели свою опасную работу в порту подпольщицы комсомолки Е. М. Бутенко и Н. М. Зайцева. «Мы рисковали жизнью во имя интересов нашей Родины, — вспоминает Е. М. Бутенко, — и поэтому не бежали от опасности, а смело шли ей навстречу»[338]. С помощью других подпольщиков девушки собирали сведения о прибывающих в порт грузах, о количестве и типах боевых кораблей противника, о времени выхода в море и маршрутах их следования. Основываясь на получаемых от разведчиц по радио данных, советская авиация топила в море десятки вражеских судов.

При приближении советских войск к Одессе оккупанты заминировали порт. Перед подпольщиками встала задача предотвратить злодеяние. Рабочие порта О. М. Кицук и П. И. Лопушанекий проследили, где фашисты установили мины, и в ночь на 7 апреля 1944 года, искусно обойдя охрану, во многих местах перерезали провода подрывных механизмов. И когда фашистские подрывники включили ток, многие из заминированных объектов не взорвались. Была спасена от разрушения часть причалов, складов и зданий Одесского порта.

Самоотверженно боролись с оккупантами подпольные группы коммунистов П. В. Кудрина, Н. Д. Голубенко, К. Н. Сербула, комсомольцев В. И. Зотова, Г. И. Калитченко и А. Г. Пеницына, участника гражданской войны С. Я. Лозинского, бежавшего из плена офицера Красной Армии С. З. Тимошкова и многих других. По неполным данным, в Одессе активно боролись с оккупантами более 45 подпольных организаций и групп, объединявших 1010 человек. Кроме того, большую работу по подрыву вражеского

тыла вели тысячи советских патриотов, формально не входивших в какую-либо Организацию. Естественно, в одной статье невозможно осветить работу всех этих групп и подпольщиков–одиночек. Успех их деятельности обеспечивался активной поддержкой населения. Оккупационные власти в панике доносили: «Как только вражеские радиостанции передают какое-либо специальное сообщение, оно сейчас же становится известно всему городу… Также особо следует отметить, что большая часть населения ждёт возвращения Советской власти»[339].

Крупным успехом подпольных организаций Ленинского и Ильичевского районов Одессы явилось то, что они распропагандировали и йривлекли на свою сторону многих солдат и офицеров словацкого Запасного полка, находившегося в Одессе в составе оккупационных войск с октября 1943 года. Установив связи со словацкими антифашистами, подпольщики распространили в подразделениях полка текст договора между СССР и Чехословакией о дружбе и взаимопомощи, заключённого 12 декабря 1943 года. Договор произвёл на словаков огромное впечатление. Кроме того, подпольщики напечатали для солдат полка специальную листовку, в которой говорилось: «Дорогие братья словаки! Мы, защитники Одессы — партизаны, обращаемся к вам с призывом примкнуть к нам для совместной борьбы со злейшим врагом всего человечества — кровавым фашизмом»[340]. На этот призыв откликнулись многие словацкие солдаты и младшие офицеры. В конце 1943 и начале 1944 года к подпольщикам перешло около 180 вооружённых словаков во главе с сержантом Михалом Кончитой, солдатами Павлом Гайдучкой, Йозефом Кишем, Людвитом Лаучиком и Яном Крошлаком. Они принесли с собой в катакомбы 2 миномёта, 2 пулемёта, 150 винтовок, 40 пистолетов, 300 гранат, 630 килограммов взрывчатки, много патронов[341]. Гитлеровцы поспешили вывести из Одессы личный состав полка словаков, не успевший перейти к партизанам.

Вместе с советскими подпольщиками словацкие патриоты делали смелые вылазки из катакомб, громили небольшие группы неприятельских войск. Только в одной из таких вылазок, где под командованием А. М. Терзимана и Л. Лаучика участвовали 16 советских и 20 словацких партизан, был захвачен врасплох, окружён и ликвидирован фашистский специальный полицейский отряд, состоявший из 62 человек. Этот отряд занимался угоном советских граждан из пригорода Одессы — Кривой Балки в фашистскую каторгу[342].

Наряду с серьёзными успехами одесское подполье имело и некоторые недостатки. Главным из них было отсутствие единого

руководства в рамках всего города. Подпольные организации и группы часто действовали разрозненно, не согласовывая друг с другом свои мероприятия, что снижало их эффективность. Вместе с тем приближение Красной Армии требовало усиления ударов по вражескому тылу.

В начале 1944 года ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У оказали одесскому подполью большую помощь: 16 января 1944 года в районе станции Затишье Одесской области была сброшена парашютнодесантная группа в количестве 10 человек во главе с членом партии с 1917 года В. Д. Авдеевым (подпольный псевдоним Черноморский), имевшим большой опыт организации партизанского подполья в Ростове и Сталино.

27 января 1944 года В. Д. Авдеев вместе со своими товарищами пробрался в Одессу и развернул кипучую деятельность по объединению разрозненных подпольных организаций и групп. Ежедневно в самых различных концах города он имел по 10–12 встреч. 3 февраля В. Д. Авдеев провёл совещание руководителей подпольных организаций и групп, на котором было принято решение о создании объединённого партизанского отряда. В его состав вошли почти все подпольщики, способные носить оружие, общим числом свыше 470 бойцов[343].

Применительно к административному делению города оккупантами на восемь районов совещание решило в каждом из этих районов сосредоточить силы партизан численностью до одной роты. Базировались они в катакомбах Головковской и Картамышевской улиц, Кривой Балки и Ленинского посёлка.

В распоряжении подпольщиков было 487 винтовок, 17 автоматов, 2 пулемёта, около 500 гранат, 183 мины, 582 килограмма тола, около 50 тысяч патронов[344]. Проникнув на склады дирекции медико–санитарной службы оккупантов, подпольщики захватили большое количество лекарств, медицинских инструментов и перевязочный материал на 10 тысяч человек. Это позволило оборудовать в катакомбах несколько медпунктов и даже операционную, где оперировал раненых партизанский врач А. А. Поль[345].

Все руководство партизанской борьбой в городе было возложено на В Д. Авдеева. Человек большой силы воли и незаурядных организаторских способностей, В. Д. Авдеев сделал все возможное для усиления деятельности одесских подпольщиков. Он разработал план общего вооружённого выступления населения Одессы. Определяя цели вооружённого восстания, В. Д. Авдеев говорил: «Мы должны освободить Одессу за одну–две недели до прихода Красной Армии, с тем чтобы

сохранить население, исторические памятники и оказать действенную помощь Красной Армии»[346].

Всячески расширяя и организационно укрепляя подполье, В. Д. Авдеев в то же время много внимания уделял усилению агитационной работы среди населения. Он лично инструктировал комиссаров партизанских подразделений и районов, писал и редактировал листовки. По указанию В. Д. Авдеева типография подпольной организации Ленинского района была переведена в катакомбы Кривой Балки. Здесь начала издаваться газета «За Родину». С 20 февраля по 10 апреля 1944 года вышло семь номеров газеты. Тираж газеты составлял 250 экземпляров. Через газету подпольщики обращались к населению с боевыми призывами. «Настало время, — писала газета, — когда каждый советский гражданин должен активно действовать против оккупантов. Каждый, способный носить оружие, должен взять в руки винтовку и всеми способами и средствами помогать Красной Армии»[347].

Под руководством В. Д. Авдеева борьба одесских подпольщиков достигла особенно большого размаха. Но врагу удалось нанести им серьёзный удар. 2 марта 1944 года агенты–сигуранцы выследили В. Д. Авдеева на улице. Долго отстреливаясь, он последним патроном решил покончить с собой, но неудачно. В хирургической клинике В. Д. Авдееву сделали операцию. Придя в сознание и не желая живым попасть в руки фашистов, он сорвал с раненой головы повязку и сильно ударился о кровать. Смерть наступила мгновенно.

Гибель В. Д. Авдеева не внесла смятения в ряды подпольщиков. Руководство их деятельностью возглавили прибывшие в составе десантной группы В. Д. Авдеева его боевые соратники Е. П. Баркалов и Д. С. Гавшин.

Подпольщики усиленно готовились к тому, чтобы ударить по врагу с тыла и помочь наступавшей Красной Армии освободить Одессу. Одновременно подпольщики Пригородного, Ленинского и Ильичевского районов выполняли весьма важную работу по созданию укрытий в катакомбах для населения Одессы и беженцев из Херсона и Николаева, спасавшихся от угона в Германию. Они разминировали многие входы в лабиринты, установили вооружённую охрану их, создали в катакомбах некоторые запасы продовольствия и осветительных средств. В середине марта 1944 года начался массовый уход населения города в катакомбы.

Оккупанты предприняли яростные попытки проникнуть в катакомбы и расправиться с их обитателями. Но все они кончились провалом. Однажды в районе Ленинского посёлка

фашисты взяли в качестве заложников детей, а их матерей послали к главному входу в катакомбы, ультимативно заявив, что если подпольщики не выйдут из катакомб, то дети и женщины будут расстреляны. В ответ на эту гнусную провокацию подпольщики совершили смелый маневр. Через Другой, запасной ход они вышли на поверхность, обошли фашистов с тыла и стремительной атакой разгромили их. На поле боя осталось более 100 трупов гитлеровцев. Дети и их матери были освобождены[348].

Между тем советские войска, ломая упорное сопротивление противника, приближались к Одессе. Вражеское командование стремилось любой ценой удержать за собой город, с тем чтобы прикрыть пути к Центральной Румынии. К Одессе были стянуты крупные силы 6–й немецкой и 3–й румынской армий. В марте 1944 года гитлеровцы отстранили румынскую администрацию, и город всецело перешёл в их распоряжение. Гитлеровцы довершали разграбление Одессы и вместе с тем готовили новое чудовищное преступление. Они заминировали лучшие жилые дома, здания школ, больниц, театров, промышленных учреждений, городской вокзал и порт. В случае поражения фашисты намерены были взорвать город.

Только стремительное наступление советских войск и боевые действия подпольщиков в городе могли спасти Одессу от полного разрушения, а её население от гибели. Зная это, воины 3–го Украинского фронта, не щадя сил и жизней, упорно крушили вражескую оборону, стремительно продвигались к Одессе. 9 апреля 1944 года ожесточённые бои завязались непосредственно в окрестностях города. В этих боях большую помощь советским войскам оказали одесские подпольщики, наносившие противнику ощутимые удары с тыла. Партизанские подразделения, которыми командовали подпольщики Е. П. Баркалов, А. И. Лощенко, С. И. Дроздов, И. С. Кирсанов, Д. С. Гавшин, А. П. Шалягин, Г. П. Кисов в уличных сражениях отрезали пути отступления противника через Одессу на Тирасполь. Они подбивали вражеские машины и устраивали на улицах пробки, обстреливали отступавшие неприятельские войска, внося в их ряды панику и смятение. Патриоты беспощадно уничтожали фашистских подрывников и факельщиков, устанавливали вооружённую охрану промышленных предприятий и памятников культуры. В этих боевых операциях отличались ранее перешедшие на сторону подпольщиков словацкие солдаты и офицеры, принявшие под командованием сержанта М. Кончиты активное участие в освобождении Одессы. На захваченных у врага автомашинах они перебрасывали боевые группы подпольщиков к объектам,

предназначенным фашистами к разрушению. Вместе с подпольщиками словаки спасли от разрушения железнодорожную станцию Одесса–Товарная и находившиеся там железнодорожные составы, а также завод имени Старостина и много жилых помещений. В одном из боев был тяжело ранен славный сын чехословацкого народа М. Кончита.

Свыше 20 боевых операций провели подпольщики Пригородного района. Наиболее важной из них была схватка с фашистскими подрывниками в районе Хаджибеевской дамбы. Стремясь преградить путь советским войскам в Одессу, фашисты заминировали дамбу, с тем чтобы в нужный для них момент взорвать её и затопить водами лимана рабочую окраину города — Пересыпь. Но этот замысел был сорван подпольщиками. Под командованием секретаря райкома *д. Ф.* Горбеля они уничтожили в бою около 50 подрывников и предотвратили взрыв.

10 апреля 1944 года войска 3–го Украинского фронта под командованием Р. Я. Малиновского сломили яростное сопротивление вражеских войск и вошли в Одессу.

К радостному дню освобождения своего родного города одесские подпольщики, все патриоты пришли с сознанием достойно исполненного долга. 907 дней в условиях разнузданного фашистского террора, подвергаясь смертельной опасности, они самоотверженно боролись с врагом, совершали диверсии, уничтожали оккупантов и их прислужников, срывали мероприятия захватчиков. Более 3 тысяч оккупантов нашли свою смерть от карающей руки одесских подпольщиков. Только в ходе освобождения города они уничтожили, ранили и взяли в плен 1214 солдат и офицеров противника. В течение всего периода вражеской оккупации города подпольщики отвлекали на себя до двух вражеских дивизий. Они укрыли в катакомбах и спасли от расстрела и угона в Германию около 18 тысяч советских людей, сохранили от разрушения много важных объектов в городе, представлявших большую историческую, культурную и народно–хозяйственную ценность. Таковы далеко не полные итоги партизанской борьбы в Одессе. Дались они дорогой ценой. Сотни подпольщиков — замечательных коммунистов, комсомольцев и беспартийных патриотов отдали свои жизни за свободу и счастье советского народа.

Трудящиеся Одессы свято чтят их память. Многие улицы города, школы, пионерские дружины носят имена героев обороны и героев подполья. Широко представлены их патриотические подвиги в экспозиционных залах Одесского историко–краеведческого музея. В Центральном парке культуры и отдыха учреждена аллея Славы, где вместе с погибшими выдающимися

защитниками города захоронены прославленные подпольщики В. А. Молодцов (Бадаев), В. Д. Авдеев (Черноморский), Я. Гордиенко.

Подвиги подпольщиков Одессы получили высокую оценку — многие из них награждены орденами и медалями Советского Союза. И сейчас, когда среди городов–героев упоминается Одесса, советские люди с признательностью вспоминают участников её героической обороны и тех, кто в суровые годы вражеской оккупации своей самоотверженной борьбой с захватчиками стяжал ей славу непокорённого города.

СОЛДАТЫ КИЕВСКОГО ПОДПОЛЬЯ

П. Т. Тронько, ***доктор исторических наук***
П. М. Овчаренко, ***кандидат исторических наук***

Всему миру известен подвиг столицы Советской Украины Киева в Великой Отечественной войне. 73 дня и ночи на подступах к древнему городу не утихали громы ожесточённых сражений. Своей стойкостью и отвагой советские воины и трудящиеся Киева остановили у Днепра отборные гитлеровские полчища. На поле брани противник потерял свыше 100 тысяч солдат и офицеров. Врагу не удалось молниеносным ударом овладеть Киевом. Только после того, как советские войска по приказу Ставки оставили оборонительные рубежи, гитлеровцы вошли в город. Но киевляне не склонили голову перед оккупантами. Девизом их, как и в дни героической обороны города, были замечательные слова известной песни: «Ніколи, ніколи не буде Вкраїна рабою німецьких катів».

778 дней, с 21 сентября 1941 года по 6 ноября 1943 года, фашистская гадина терзала Киев. Захватчики жгли, разрушали и грабили жилые кварталы, глумились над советскими людьми. Полиция, жандармерия, СС и СД, воинские гарнизоны и карательные отряды — весь этот огромный аппарат насилия и грабежа с «арийской» методичностью насаждал в городе «новый порядок».

Руководители третьего рейха старательно воспитывали в своей грабьармии разбойничью психологию. «Эта страна, полная сметаны, яблок и белого хлеба, будет нас кормить по–царски…» — так расписывал рейхсмаршал Геринг немецким солдатам перспективы завоевания Украины. Вдохновленные такого рода напутствиями, гитлеровцы сразу же после захвата Киева начали поголовный грабёж народного добра и тащили всё, что попадало под руку: обувь, одежду, белье, посуду, продукты, детские игрушки. Нередко разбой принимал организованные формы. 21 сентября 1941 года гитлеровское командование издало приказ населению о сдаче всех излишков продовольствия. Разрешалось оставить только двадцатичетырёхчасовой запас продуктов. За невыполнение приказа оккупанты угрожали расстрелом[349].

Захватчики взорвали и сожгли все дома на центральной магистрали города — Крещатике и прилегающих к нему улицах. От площади Калинина до Бессарабки на месте многоэтажных

сооружений остались груды железа и кирпича. Убытки, причинённые хозяйству и промышленности города, исчисляются в 10 миллиардов рублей[350].

С особым остервенением оккупанты стремились уничтожить культуру украинского народа. Фашистские вандалы взорвали исторический памятник мирового значения — Успенский собор Киево–Печерской лавры, построенный ещё в XI веке, сожгли Киевский университет и городскую публичную библиотеку, в первые же дни после вступления в город ликвидировали высшие учебные заведения, средние и начальные школы.

Промышленность Киева была передана в собственность немецких монополий. На работы сгонялось все гражданское население в возрасте от 11 до 60 лет, без различия профессий, пола, состояния здоровья. Больные, которые были не в состоянии держаться на ногах, за пропущенные дни работы штрафовались.

На предприятиях был установлен 14–16 часовой каторжный труд. Рабочие получали по 200–300 рублей в месяц, в то время как в 1942 году пуд муки в городе стоил 2 тысячи рублей, килограмм сала — 800 рублей. Сами гитлеровцы вынуждены были признать, что в Киеве начался «голод большого масштаба»[351].

Вот что в декабре 1941 года писал председатель киевской городской управы гитлеровскому начальству о голоде в Киеве: «Население гор. Киева на сегодняшний день по распоряжению комиссариата получает по 200 гр. хлеба на неделю, кроме того, работающие рабочие получают от своих учреждений ещё по 600 г. хлеба на неделю…

Сейчас население города совсем не получает таких продуктов, как жиры, мясо, сахар и другие, в городе начинают учащаться случаи опухания от голода»[352].

Бесчеловечные условия труда усугублялись систематическими издевательствами над рабочими. На заводе «Большевик», например, немецкий мастер зверски избил работницу Серафиму Павловскую, ставшую после этого инвалидом. Подростка Петра Вильховского мастер–немец избил металлическим прутом до смерти. На заводе «Ленинская кузница» хозяйничал бежавший в гражданскую войну в Германию бывший волынский помещик барон Рентель. Он ввёл на предприятии крепостнические, унизительные порядки. Почти ежедневно после гудка рабочих выстраивали во дворе и подвергали обыску. Если у рабочего находили хотя бы бутылку для молока, его обвиняли в попытке украсть бензин и дико расправлялись, натравливая на него собак. Так было со слесарем Багатюком и многими другими. Больного рабочего Иванова

фашисты силой подняли с постели, привезли в цех, привязали к станку и заставили работать. Такие расправы в «назидание» другим устраивались публично.

Захватчики всячески глумились над достоинством советских людей. Пользоваться трамваем могли только гитлеровцы и их прислужники. Лучшие кварталы города были заселены немцами. У входов в магазины, кино и т. д. висели надписи: «Только для немцев», «Украинцам вход воспрещён».

Весь режим «нового порядка» был направлен на физическое уничтожение населения Киева. На состоявшемся в 1946 году в Киеве судебном процессе генерал–лейтенант Шеер, бывший в 1942–1943 годах начальником полиции и жандармерии Киевской области, показал: «…после оккупации Украины перед всеми немецкими войсками, следовательно, и перед нами, была поставлена задача беспощадно уничтожать украинское население». Гиммлер на совещании вблизи Житомира говорил, что задача немецких органов власти состоит в том, чтобы освободить территорию Украины для будущего переселения сюда немцев. С этой целью проводилось массовое уничтожение украинцев. Гиммлер заявил, что «население, оставшееся живым, должно быть изгнано в Центральную Россию»[353]. Установка Гиммлера была направлена на реализацию письма Гитлера о расселении на Украине после уничтожения значительной части её населения «25 миллионов колонистов–немцев и родственных им народов, которые могут не бояться тягот, так как тяжёлые чёрные работы будут выполнять украинцы»[354].

Захватчики усердно выполняли кровавый замысел своего бесноватого фюрера. В Киеве было совершено одно из крупнейших преступлений фашистов — массовое истребление советских людей в Бабьем Яру. 28 сентября 1941 года фельдкомендатура Киева издала приказ, согласно которому большое количество мирного населения, включая женщин и детей, было согнано в урочище Бабьего Яра. Перед расстрелом всех обречённых раздевали донага и избивали. Расстреливали крупными партиями. Первую партию заставляли ложиться на дно рва вниз лицом. Затем её расстреливали из автоматов. Слегка засыпав трупы землёй, палачи укладывали на них второй ярус людей, за ним третий и т. д. Два года не утихала стрельба в Бабьем Яру. Здесь были расстреляны моряки Днепровской флотилии, железнодорожники Киевского узла, рабочие, служащие, представители интеллигенции и их семьи. Свыше 100 тысяч киевлян погибло в Бабьем Яру. Немало горожан было умерщвлено в автомашинах–душегубках. Всего за время оккупации фашисты уничтожили в Киеве около 200 тысяч

советских граждан[355].

Сейчас кое-кто на Западе пытается преуменьшить зверства гитлеровцев на советской земле. Находятся и такие, которые утверждают, что фашисты уничтожали только тех, кто прямо боролся с оккупантами. Что ответить на это? Вот свидетельства самих участников преступлений против советского народа — немецких военнопленных, привлечённых к раскопкам в Бабьем Яру, Сырецком лагере, Дарнице и в других местах массовых казней в Киеве: «22 и 23 ноября (1943 года. — *Ред.)* нам, 850 немецким военнопленным в лагере военнопленных г. Киева, советскими властями была предоставлена возможность убедиться в зверствах, учинённых над русским населением во время оккупации Киева немцами. 160 избранных нами доверенных лиц произвели раскапывание пяти из многочисленных ям. Только в двух местах извлекли около 150 трупов убитых русских граждан». В других местах они натолкнулись на остатки множества сожжённых трупов, на остатки предметов одежды и человеческих костей.

«Мы, таким образом, устанавливаем: здесь, в Киеве, было произведено ужасающее по своим масштабам истребление русского населения, во время которого… пали жертвами десятки тысяч женщин и детей»[356].

На состоявшемся в январе 1946 года в Киеве судебном процессе бывший начальник охранной полиции на территории Киевской области гитлеровский генерал Пауль Шеер цинично заявил: «Нужно было под видом борьбы с партизанами уничтожить большую часть украинского народа, а оставшуюся часть переселить на север. Вообще нужно было проводить драконовские меры против населения Украины»[357]. Комментарии здесь, как говорится, излишни.

Всенародной трагедией был насильственный вывоз советских людей на каторжные работы в Германию. Свыше 100 тысяч киевлян было отправлено в «проклятую неметчину», где они находились на положении рабов. Новоявленные рабовладельцы всячески издевались над советскими людьми, лишали их даже собственных имён, заменив их номерами. В Германии были созданы невольничьи рынки, где за 10–15 марок немецкий заводчик, помещик или кулак мог приобрести себе раба. Иногда из фашистской неволи проникали в Киев письма обречённых. «Сегодня, 29 августа, мне исполнилось 19 лет, — писала своей подруге Надежда Дидковская. — Как тяжело переживать в Германии такие молодые годы. Жить или существовать на свете, как собака, — в этом ничего хорошего нет. Пишу тебе, милая подруга, от всего измученного сердца всю правду о тяжёлой

неволе»[358].

Несколько месяцев непосильного труда в фашистской Германии делали людей инвалидами. Они теряли зрение, становились калеками, заболевали туберкулёзом и массами гибли. Чтобы избежать отправки в Германию, многие киевляне прятались в канализационных трубах, подвалах, заражались болезнями[359].

Прямыми соучастниками злодеяний гитлеровских захватчиков, их подручными были украинские буржуазные националисты. Эти предатели украинского народа надеялись найти поддержку среди населения. Но киевляне, как и весь украинский народ, с презрением и ненавистью относились к фашистским агентам и, когда представлялась возможность, беспощадно расправлялись с ними. Бывший петлюровский министр Огиенко, прожив несколько месяцев в Киеве, писал своему приятелю во Францию, что население смотрит на украинских националистов «так, как когда-то, наверное, смотрели киевляне на татар–завоевателей. Никакой пощады нам. Вокруг нас одна жестокость. Всех приезжих украинцев, то есть нас, называют фашистами, шпиками, сообщниками Гитлера… Это правда, друг… Немцы действительно поручают нам с человеческой точки зрения самые мерзкие дела»[360].

Оккупантам не удалось парализовать киевлян террором. Как и на всей захваченной ими советской земле, фашисты с первых же дней своего хозяйничанья в Киеве встретили активное сопротивление населения. Срыв всех их мероприятий сразу же стал массовым, приобретая всё более активные формы, вплоть до диверсии. Уже 2 ноября 1941 года комендант Киева генерал–майор Эбергардт издал приказ: «Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам.

Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева»[361]. 29 ноября 1941 года последовал новый приказ Эбергардта. В нём говорилось: «В Киеве злонамеренно повреждены средства связи (телефон, телеграф, кабель). Потому что вредителей дальше терпеть нельзя, в городе было расстреляно 400 мужчин, что должно быть предостережением для населения»[362].

Но население следовало другим призывам — призывам оставленных в городе подпольных партийных и комсомольских организаций.

ЦК КП(б)У, Киевский обком и горком партии ещё в июле 1941 года провели заблаговременную подготовку подполья в Киеве и

Киевской области. Непосредственное участие в его организации принимал секретарь ЦК КП(б)У М. А. Бурмистенко. В состав подпольщиков на добровольных началах были отобраны наиболее стойкие и мужественные коммунисты. Они были тщательно проинструктированы, ознакомлены с принципами организации подполья, конспиративной техникой. В течение июля — августа 1941 года был образован подпольный областной комитет партии. В Киеве наряду с основными подпольным горкомом и девятью райкомами были созданы запасной, дублирующий горком партии, а также 9 подпольных райкомов комсомола, 37 подпольных партийных и комсомольских организаций и диверсионных групп. Все они были обеспечены необходимой материально–технической базой[363]. Подпольный горком партии подобрал 40 конспиративных и явочных квартир, организовал несколько небольших типографий. В разных местах города было установлено 10 радиоприёмников.

В конце сентября 1941 года подпольный горком партии провёл первое своё заседание. В нём участвовали представители всех девяти райкомов. Заседание утвердило план работы, подчеркнув, что в начальном периоде вражеской оккупации важнейшей задачей подпольных организаций является развёртывание политико–массовой работы среди населения, и прежде всего разоблачение фашистской демагогии о «разгроме» Красной Армии. Было также признано необходимым расширить связи с населением, вовлекая как можно больше киевлян в борьбу против оккупантов. На этом же заседании горком партии создал штаб диверсионно–подрывной деятельности. Возглавил его член подпольного горкома начальник паровозо–колёсного цеха Киевского паровозоремонтного завода имени Январского восстания В. И. Кудряшов. В состав штаба вошли Г. И. Левицкий, И. М. Сикорский — члены Железнодорожного подпольного райкома партии и комсомолка Т. Маркус. В октябре 1941 года в него были дополнительно введены коммунисты С. А. Пащенко, Ф. Ф. Ревуцкий и комсомолец А. И. Горобец[364].

Штаб развернул широкую работу в Киеве, создавал боевые группы в районах Киевской, Житомирской и Черниговской областей. В самом городе, кроме подпольных райкомов, в этот период было создано шесть общегородских организаций. Например, одна из них, называвшаяся «Смерть немецким оккупантам», охватывала влиянием предприятия, работавшие на нужды гитлеровской армии. На каждом из таких предприятий организация имела подпольные группы, главная задача которых состояла в том, чтобы не дать возможности использовать производственные мощности для обслуживания вражеских войск.

Деятельность подпольщиков активно поддерживалась рабочими и была весьма эффективна. Уже в конце сентября 1941 года на заводах стали в большом количестве выходить из строя станки, сварочные и вулканизационные аппараты, электрооборудование и электросеть.

В конце сентября 1941 года подпольщики вывели из строя пассажирскую и товарную станции Киева, разрушили водокачку, отдельные цехи киевских железнодорожных мастерских и депо. В начале октября были надолго выведены из строя швейная фабрика имени Горького и трикотажная фабрика имени Розы Люксембург. Направляемые подпольщиками рабочие активно срывали попытки восстановить предприятия, в частности возобновить работу заводов «Большевик» и «Ленинская кузница»[365]

Гестапо сбивалось с ног в поисках подпольных организаций. В результате предательства проходимца Романченко, знавшего в лицо многих подпольщиков, в октябре 1941 года гитлеровцы провели в городе массовые облавы и аресты. Были схвачены почти все члены горкома и райкомов партии. Из девяти членов основного подпольного горкома партии избежали ареста В. И. Хохлов, В. И. Кудряшов и М. П. Пятак. В связи с массовыми репрессиями прекратили деятельность подпольные райкомы комсомола, за исключением Советского, возглавлявшегося студентом Киевского гидромелиоративного института Г. Я. Синициным. Были нарушены многие связи, провалилась часть конспиративных квартир.

Но подпольщики продолжали борьбу. Особенно оживилась деятельность подпольного горкома с возвращением 6 октября 1941 года в Киев секретаря Киевского горкома партии по кадрам К. П. Ивкина, попавшего во вражеское окружение и не вышедшего в расположение советских войск. В конце октября состоялось совещание оставшихся на свободе подпольщиков. Оно ввело в состав основного горкома партии К. П. Ивкина, Ф. Ф. Ревуцкого, Ф. Д. Зубкова, С. А. Пащенко и Г. И. Кулика[366]. Секретарем горкома был утверждён К. П. Ивкин. В результате напряжённой организаторской работы заново были созданы подпольные райкомы партии в Печерском, Ленинском, Дарницком и других районах с довольно широкой сетью подпольных организаций и групп. Начал также действовать запасной подпольный горком партии. В декабре 1941 года секретарь запасного горкома С. Г. Бруз через подпольщицу М. С. Васильеву установил связь с основным горкомом. Координируя свою деятельность, оба горкома КП(б)У добились усиления подпольной работы в городе.

Основной горком создал две типографии: в доме № 9 по

Татарскому переулку и в доме № 3 по Песчаной улице. Своя типография была и у запасного горкома, находившаяся в доме № 2 по Большой Шияновской улице.

Киевские подпольщики систематически принимали передачи радиостанций «Радянська Україна», «Дніпро», имени Т. Г. Шевченко, которые по решению ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У были созданы в Луганске и Саратове. Специальные радиопередачи для населения оккупированных районов Украины велись и из Москвы. Материалы этих радиопередач использовались подпольщиками для составления листовок и обращений, которые размножались в типографиях, на пишущих машинках, от руки и распространялись среди киевлян и населения пригородных районов. Всего за период вражеской оккупации подпольщики Киева выпустили свыше миллиона экземпляров листовок, распространили среди населения свыше 173 тысяч экземпляров газет, доставленных через партизан из советского тыла, и большое количество разной политической литературы[367].

Выпускавшиеся подпольными организациями листовки и брошюры рассказывали правду о Советском Союзе, о героической борьбе Красной Армии и партизан, разоблачали фашистскую пропаганду и «новый порядок» в Киеве. Так, в листовке, посвящённой годовщине Великой Отечественной войны, киевские подпольщики писали: «Прошел год с того времени, как мы находимся под гнётом гитлеровских бандитов. Что принесли немцы Украине? Голод, рабский труд, бесчеловечные издевательства, ограбление украинской земли и украинского народа, концлагеря, нагайки и виселицы. Они превратили школы и институты в конюшни и казармы, отняли детей у матерей, замучили голодом и холодом сотни тысяч пленных, а также истязают тех, кого вывезли насильно в «прекрасную» Германию. Год господствуют немцы на Украине, год льются кровь и слезы украинского народа. Гитлеровцам помогают уничтожать и угнетать украинский народ предатели и изменники, «самостійники» и кулаки. Эта погань засела в управах и полиции и радуется расстрелам и крови. Этим негодяям кара и смерть! Дрожи, вся сволочь фашистская, дрожите, ублюдки мерзкие! Час расплаты близок! Верные сыны социалистической Родины! Знайте, что Гитлер мечтал одолеть Советский Союз за несколько месяцев, а война уже тянется второй год. В 1942 г. немцы имеют успехи на Южном фронте, но эти успехи стоят им слишком дорого… Обо всём этом свидетельствуют наблюдаемые нами факты — ежедневно идут десятки эшелонов с ранеными. Гитлер бросил на фронт стариков, мобилизовал изменников–полицаев… Знайте, что немцы не в состоянии задержать наступление

Красной Армии. Помогайте славной Красной Армии разгромить и уничтожить оккупантов. Бейте врага в тылу!»[368]

В каждой листовке и брошюре подпольщики призывали горожан к борьбе с ненавистным врагом. Так, в одной из брошюр, изданной подпольной организацией Чоколовского лесозавода тиражом 250 экземпляров, говорилось: «Верные сыны социалистической Родины, не ждите, так как ожиданием победы не ускорите, готовьте оружие. Идите в ряды народных мстителей. Вредите врагу! Разъясняйте народу правду об озверевшем фашизме. Не уезжайте в проклятую Германию, ваше место в рядах народных мстителей. На немецкие репрессии отвечайте репрессиями, этим вы поможете славной Красной Армии разгромить и уничтожить врага!»[369]

Листовки были не только средством политической информации населения, но и важнейшим средством связи законспирированных подпольных организаций с широкими народными массами. Через листовки подпольщики сплачивали патриотов, направляли их борьбу.

В Киеве и в окружающих его областях было много людей, стремившихся с оружием в руках бороться с захватчиками. Их нужно было выявить, организовать, связать с партизанами. Горком партии придавал этой работе очень большое значение. По его заданию штаб диверсионно–подрывной деятельности интенсивно готовил резервы для партизанских формирований. Сохранился протокол заседания подпольного горкома от 28 апреля 1942 года за № 5. В нём говорилось:

«I. Слушали: об организации действующего партизанского отряда из актива городской партийной и комсомольской организаций. (Докладывает Ивкин).

В обсуждении приняли участие товарищи: Кулик, Ревуцкий, Зубков, Кудряшов, Ивкин.

Учитывая всю политическую важность партизанского движения в условиях наступающей весны, горком КП(б) У постановляет:

1. Организовать действующий партизанский отряд в количестве 100 человек.

2. Подбор производить преимущественно из числа партийного и комсомольского актива города Киева и военных товарищей, преданных патриотов своей Родины, верных сынов Коммунистической партии большевиков.

3. Срок отправки партизанского отряда в районы действия (Киевская, Житомирская области и Западная Белоруссия) установить 12 мая 1942 года.

4. Придавая исключительно важное политическое значение

по существу первому действующему городскому партийно–комсомольскому партизанскому отряду — утвердить командиром данного отряда члена горкома КП(б) У тов. Кудряшова В. И.

5. Всю работу по отбору людей в отряд возложить на райкомы КП(б) У и райкомы комсомола города Киева.

Персональную ответственность за количественный отбор несут секретари райкомов КП(б)У.

6. Ответственность от горкома КП(б) У за подбор, отправку, переброску оружия, а также за материальное обеспечение отряда возложить на члена горкома и командира отряда тов. Кудряшова и ответственного организатора партизанских отрядов от фронта тов. Боровицкого.

II. Слушали: о выступлении сформированных партизанских отрядов левого и правого Днепра. (Докладывает тов. Боровицкий.)

В обсуждении приняли участие товарищи Шевченко, Кудряшов, Кулик, Зубков, Ивкин.

Постановили: принять к сведению заявление ответственного организатора партизанских отрядов от фронта тов. Боровицкого о том, что окончательные сроки для выступления отрядов установлены 10 мая 1942 г.

Секретарь Киевского подпольного горкома КП(б) У ИВКИН»[370] В апреле 1942 года подпольный горком партии создал из партийно–комсомольского актива, оставшегося на оккупированной территории, Киевский партизанский отряд в 100 человек. Однако в связи с начавшимися арестами подпольщиков отряд к боевой деятельности не успел приступить. Часть партизан во главе с членами подпольного горкома партии Г. И. Куликом направилась в Черниговские леса, где продолжала вооружённую борьбу против оккупантов.

Члены городского штаба В. И. Кудряшов, С. А. Пащенко и по их поручению подпольщик Н. А. Сорока и другие систематически выезжали в села Киевской, Житомирской и Черниговской областей для организации боевых партизанских групп и оказания им помощи.

Большую работу по вербовке патриотов в партизанские отряды Киева проводила подпольная организация, действовавшая на строительстве Наводницкого железнодорожного моста, куда гитлеровцы согнали большое количество рабочих и военнопленных. В организацию входили коммунисты Н. А. Сорока, устроившийся на строительство бригадиром плотников, участник гражданской войны Ф. А. Клопотовский, военнопленный советский офицер К, М. Дивонин, работавшие чернорабочими, и Н. Ю. Ширмовская — член подпольной

организации Дарницкого района. Подпольная группа организовывала побеги рабочих и военнопленных. Из них готовились кадры для создания боевых групп и партизанских отрядов в Киевской и Житомирской областях.

При помощи руководителя группы Н. А. Сороки бежал из лагеря К. М. Дивонин. По заданию подпольного горкома партии он обосновался в районном центре Житомирской области — Андрушевке, где по планам киевских подпольщиков был создан один из пунктов сосредоточения резервов для партизан. Устроившись сторожем на Андрушевском сахарном заводе, К. М. Дивонин принимал бежавших военнопленных и рабочих, которых направлял ему Н. А. Сорока. Он создал из них боевые партизанские группы в Торопах, Быстровке, Макаровке, Шпичинцах и других сёлах Житомирской области. Подпольная группа Н. А. Сороки доставала и переправляла в боевые группы К. М. Дивонина оружие, боеприпасы и взрывчатку. Осенью 1942 года в этих группах насчитывалось около 180 человек, из которых 80 были хорошо вооружены[371].

Из созданных К. М. Дивониным боевых групп вышло много способных организаторов партизанских формирований, а руководитель боевой группы С. Л. Лишевский в апреле 1943 года был назначен С. А. Ковпаком, соединение которого совершало рейд по территории Киевской области, командиром Розважевского партизанского отряда. На базе этого и других отрядов, дислоцировавшихся на территории Киевской и Житомирской областей, в мае 1943 года было создано партизанское соединение, действовавшее на Киевщине до полного изгнания захватчиков с территории области.

Большее внимание горком партии уделял обеспечению оперативности и конспирации в работе подпольных организаций. Члены каждой организации были объединены в отдельные группы (тройки, пятёрки). Их руководители через связных поддерживали связь с одним из членов горкома, получали от него задания. Как правило, подпольщики не знали даже всех членов своей группы и имели дело только с её руководителем. Эти меры значительно уменьшили возможности провала.

К началу 1942 года подпольные организации Киева приобрели значительный опыт борьбы и конспирации. Эффективность их деятельности росла. Так, на заводе «Большевик» под непосредственным руководством заместителя секретаря Киевского подпольного горкома партии В. И. Хохлова подпольщики систематически проводили хорошо подготовленные диверсии на самых важных производственных участках. В феврале 1942 года в ознаменование 24–й годовщины Красной

Армии они вывели из строя всю службу заводского электрохозяйства.

Усилила свои удары по оккупантам подпольная организация «Смерть немецким оккупантам». Ее возглавил Г. С. Кочубей, бывший секретарь партбюро Наркомфина УССР. Организация проводила агитационную и диверсионную работу в городе. Ряды её быстро росли. Вначале организация состояла из 16 человек, к маю 1942 года в ней было уже 28, а к началу 1943 года — 121 человек[372].

В её рядах были рабочие, колхозники, интеллигенция.

Организация «Смерть немецким оккупантам» сумела создать хорошо законспирированную подпольную типографию в подземном помещении у подножия Черной горы. Это помещение, вырытое Г. С. Кочубеем, В. И. Ананьевым и В. В. Черепановым из коридора дома В. А. Ананьевой (Железнодорожное шоссе, 5а), представляло собой пещеру–комнату в рост человека, площадью 2,5 метра на 1,2 метра. Вход в пещеру был настолько мал, что в неё можно было попасть только ползком. Здесь собирались руководители организации, скрывались подпольщики во время облав, а с февраля 1942 года начала работать типография. Станок для неё собрали братья Б. А. и П. А. Загорные, а шрифт доставил из местечка Бровары И. Е. Поживилов.

Эта организация имела пять радиоприёмников. Широко используя принимаемые по радио материалы, Г. С. Кочубей, В. И. Ананьев, В. В. Черепанов и другие подпольщики составляли тексты листовок. Они ежедневно печатались в типографии в количестве 200–300 экземпляров. Та же типография изготовляла бланки различных документов, воспроизведённых с немецких образцов. В частности, здесь готовились документы на право проживания в Киеве и других местах.

В декабре 1942 года в типографии был перепечатан номер газеты «Радянська Україна». Для его распространения подпольщики прибегали к дерзкому приёму: «Радянська Україна» Продавалась как вкладыш к выходившей в Киеве фашистской газетёнке.

Кроме Киева подпольная организация «Смерть немецким оккупантам» развернула активную деятельность в Макаровском, Броварском, Ржищевском, Фастовском, Васильковском районах Киевской области, в Бобровицком, Носовском и Комарницком районах Черниговской области; в Попельнянском и Корнинском районах Житомирской области и на шести железнодорожных узлах — Киевском, Фастовском, Нежинском, Прилукском, Бахмачском и Конотопском[373].

Крупной боевой ячейкой была подпольная организация на

заводе «Арсенал», славном своими замечательными революционными традициями. Еще в ноябре 1941 года кадровые рабочие завода — участники Январского восстания арсенальцев против белогвардейцев в 1918 году Д. Я. Нестеровский и Н. И. Гайцан по заданию горкома партии создали подпольную партийную организацию «Арсеналец». Вначале она состояла из 3 человек, в феврале 1942 года насчитывала 8, а к середине 1943 года — 38 человек. Она распространила своё влияние во многих учреждениях оккупантов в Киеве, а также среди населения Дымерского, Иванковского, Чернобыльского районов Киевской области и Носовского района Черниговской области. С декабря 1941 года под руководством «Арсенальца» действовали четыре подпольные группы в Лоснновской МТС Носовского района Черниговской области, на строительстве моста через реку Ирпень в селе Демидово Дымерского района, на строительстве моста через реку Тетерев в селе Грини Чернобыльского района Киевской области и в Мануильском лесничестве Дымерского района. В строительную фирму «Карл Берле» по заданию организации устроился подпольщик инженер–строитель В. С. Гуреев. Под его руководством на строительстве указанных мостов проводились диверсии, разными способами срывались работы.

Стремясь поставить себе на службу промышленность города и обеспечить предприятия в Германии квалифицированной и бесплатной рабочей силой, оккупанты обязывали все трудоспособное население регистрироваться на бирже труда. Отказ от регистрации и работы грозил расстрелом. Комендант охранной полиции Киева вызывал каждого рабочего повесткой, в которой указывалось: «Вам надлежит явиться с собственными инструментами в Богдановский район полиции (Пушкинская, 38) в понедельник 1 декабря в 7 часов утра. В случае неявки будете наказаны». И все же в результате работы подпольщиков, в частности арсенальцев, регистрация на бирже труда срывалась. Сотни людей, в том числе учителя, врачи, инженеры, ушли в села, уклоняясь от отправки на каторгу в Германию. Многие из них по заданию «Арсенальца» вели политическую работу среди колхозников.

Арсенальцы имели радиоприёмник, пишущую машинку и стеклограф, что дало возможность организовать широкий выпуск листовок. За полтора года подпольщики–арсенальцы выпустили и распространили в Киеве и Киевской области несколько тысяч листовок «Советский голос» и сводок Совинформбюро.

В октябре 1941 года по инициативе инженеров–железнодорожников Р. И. Синегубова и В. М. Запорожца была создана подпольная организация из работников

железнодорожного транспорта. Вначале в её составе было 17 человек. Развернув борьбу, она довольно быстро объединила вокруг себя многих патриотов и увеличилась в январе 1942 года до 32, а к началу 1943 года —до 67 человек[374].

Для проведения агитационной и диверсионной работы многие члены организации устроились на предприятия и учреждения оккупантов: Г. А. Тоичкин—в депо Киев–Московский электриком, Г. А. Шубин — агентом снабжения в трамвайный трест, П. А. Остроушко—шофёром в автогараж дезинфекционной фирмы, М. И. Солох— заведующим складом в корчеватском «Газгольдстрое». Подпольщики имели своих людей на строительстве железнодорожной ветки Пуща Водица — Буча — Попельня, где всячески срывали работы. Вскоре там, куда определились «работать» члены организации, — среди ремонтных железнодорожных рабочих, в трамвайном тресте, в «Газгольдстрое», в автогараже дезинфекционной фирмы — и на других объектах возникли подпольные группы. Раздобыв пять радиоприёмников и четыре пишущие машинки, подпольная организация ежедневно выпускала около 100 экземпляров листовок и сводок Совинформбюро. Организация вела широкую политическую работу среди населения Киевской области. Так, врач С. А. Белоновский, устроившись агентом артели «Фотопортретист», систематически бывал в Мотовиловке, Лубянке, Гавриловне, Пархомовке, Володарке, Озерном и в других сёлах области, где распространял листовки, сводки Совинформбюро и, когда позволяли условия, проводил беседы с колхозниками.

Сильную подпольную организацию создал в Киеве коммунист А. Н. Тимощук. Во время комплектования подполья он был утверждён членом Дарницкого подпольного райкома. Однако А. Н. Тимощук вынужден был выехать в село Журавка Яготинского района, где при его непосредственном участии была создана подпольная организация во главе с коммунистом И. Остропыкиным. В январе 1942 года Тимощук возвратился в Киев и устроился на работу не в Дарницком, а в Московском районе, где его не знали. Вскоре под его руководством возникла подпольная организация в депо Киев-Московский. Через некоторое время коммунисту удалось связаться с подпольным горкомом партии.

Подпольная организация А. Н. Тимощука использовала материально–техническую базу, оставленную для Дарницкого подпольного райкома партии: два радиоприёмника, пишущую машинку и шапирограф, оружие и взрывчатку. В начале 1942 года организация выпустила свою первую листовку «Обращение к

железнодорожникам», в которой призывала работников транспорта срывать перевозки противника. В дальнейшем подпольщики–железнодорожники ежедневно выпускали около 200 экземпляров листовок и сводок Совинформбюро. Листовки распространялись среди киевлян и населения Яготинского района Киевской области. К началу 1943 года подпольная организация депо Киев–Московский выросла до 31 человека. В её составе было четыре подпольные группы: две — в депо Киев-Московский, одна — в депо Станции Дарница и одна — в селе Журавка Яготинского района Полтавской области (ныне Киевская область).

В начале 1942 года коммунист А. Н. Воробьев при помощи А. Н. Тимощука создал на Дарницком вагоноремонтном заводе подпольную партийную организацию из шести человек. К концу года она увеличилась до 39 человек, объединённых в семь подпольных групп, и действовала в тесном контакте с подпольной организацией депо Киев–Московский.

Весной 1942 года Киевский горком партии установил связь с самостоятельно возникшей подпольной организацией под руководством Н. С. Короля. В руководящее ядро её, называвшееся пятёркой, были введены представитель подпольного горкома КП(б)У Д. И. Лисовец, руководитель боевой группы С. П. Маленко и другие. Эта организация, выросшая со временем до 34 человек, имела своих уполномоченных в Дымере, Борисполе, Шполе. Она создала ряд боевых групп на территории Житомирской области.

Совершая смелые диверсии и развёртывая активную агитационную работу, подпольщики в то же самое время заботились о подготовке резерва для партизанских отрядов, действующих близ Киева. Ими были направлены в партизанские отряды Розважевского, Макаровского и Дымерского районов около 100 человек, 180 винтовок, 30 гранат, 10 тысяч патронов.

Особенно большую работу по созданию подпольных организаций провёл Железнодорожный подпольный райком партии во главе с А. С. Пироговским. Бывший рабочий лесозавода имени Первого мая А. С. Пироговский был избран секретарём заводской партийной организации, а накануне войны стал директором завода. Он принимал активное участие в обороне Киева. В самый тяжёлый, начальный период фашистской оккупации Железнодорожный райком партии был правой рукой подпольного горкома в создании новых организаций и развёртывании политической работы среди населения Киева. Так, в начале 1942 года по заданию Железнодорожного райкома партии коммунист Н. Ф. Грищенко, работавший до войны инструктором Дрогобычского обкома партии, создал подпольную организацию на Чоколовском лесозаводе. Организация издавала

листовки и антифашистские брошюры, написанные учителем истории Н. Е. Могильным.

В течение 1942 года было выпущено 16 брошюр по 250 экземпляров каждая. Брошюры и листовки печатались на шапирографе и На пишущей машинке. Активно помогал А. С. Пироговскому старый большевик В. Д. Шишкин. За всё время оккупации члены его семьи (жена Любовь Власовна, дочь комсомолка Вита и сын пионер Игорь) выполняли обязанности связных Железнодорожного райкома партии и подпольных партийных организаций.

По поручению Железнодорожного райкома партии В. Д. Шишкин в конце 1941 года создал на Чоколовке подпольную организацию «Киевский рабочий», которую. позже возглавил кандидат в члены партии С. Г. Самовольский. Организация систематически выпускала массовым тиражом листовку «Советская Украина». Ответственным за выпуск листовок являлся комсомолец В. Е. Токарев. Он был инвалид (потерял обе ноги), но стойко переносил лишения. Мужественному подпольщику активно помогал его отец Е. П. Токарев, работавший до войны истопником в Киевском институте пищевой промышленности.

Подпольная организация «Киевский рабочий» выпустила тысячи экземпляров листовок и сводок Совинформбюро. В подпольные группы они часто доставлялись одиннадцатилетним пионером–связным Е. Вихровичем. Подпольщики распространяли листовки на заводах «Большевик» и «Ленинская кузница», в сёлах Княжичи, Жуляны, на железнодорожных станциях Тарасовка, Ворзель, Боярка, Белая Церковь, Мироновка, Городище, Попельня, Казатин.

Большую помощь Железнодорожному райкому оказала хозяйка конспиративной квартиры Е. Н. Ярая. Скромная беспартийная труженица, она взяла в аренду дом № 7 по Садовой улице, на Чоколовке, который стал штабом подпольщиков. Здесь был установлен радиоприёмник, пряталось оружие. В доме имелся подвал с тайным выходом в сад.

Продолжая работу по расширению подпольной сети, Железнодорожный райком создал две подпольные группы на станции Киев-Товарный, три —на станции Киев–Пассажирский, три — в депо и подпольную партийную организацию во главе с П. И. Щербаковым в Печерском районе. Райком находил и брал под своё руководство самостоятельно возникшие подпольные организации, имел свои подпольные группы на Днепровской спасательной станции (руководитель Е. И. Тимченко), в Киевской конторе центрального отопления (руководитель А. М. Борисов), в управлении зерновых предприятий (руководитель Н. К. Шайдюк).

Верными помощниками коммунистов были комсомольцы. .После того как в октябре 1941 года в результате массовых арестов прекратили свою деятельность подпольные райкомы комсомола, Киевский горком партии создал восемь новых райкомов ЛКСМУ, которые развернули большую работу по созданию подпольных комсомольско–молодёжных организаций. Нередко такие организации возникали по инициативе самих комсомольцев. Особенно успешно работал Советский райком ЛКСМУ во главе с Г. Я. Синициным. К февралю 1942 года он создал подпольные молодёжные группы в городском управлении водопроводной сети из 5 человек, на полиграфической фабрике — из 7 человек, на теплоэлектроцентрали —-из 11 человек. Подпольная группа на полиграфической фабрике занималась изготовлением подложных документов для бежавших из плена советских воинов, обеспечивала бланками паспортов подпольщиков. Группа на теплоэлектроцентрали распространяла листовки, организовывалˆ диверсии.

Особое внимание уделял Советский райком комсомола созданию подпольных молодёжных групп в учебных заведениях.

Закрыв большую часть вузов, оккупанты вместе с тем, заигрывая с населением, некоторые из них оставили. Райком комсомола создал подпольные группы в медицинском институте (в составе 3 человек) и в гидромелиоративном (из 8 человек). По заданию райкома комсомола руководитель подпольной группы в мединституте З. Почтарь создала из студентов дружину, члены которой впрыскивали молодым людям разные сыворотки, вызывавшие видимость болезни, составляли фиктивные справки о нетрудоспособности, заверявшиеся печатью, изготовленной И. Стегней. Подпольщики мединститута спасли от угона в Германию около тысячи юношей и девушек.

Группа студентов в количестве 40 человек собирала в городе медикаменты и через А. В. Подласова — второго секретаря Советского подпольного райкома комсомола — передавала их в партизанский отряд имени Ленина.

В суровой борьбе закалялось и росло киевское подполье. К лету 1942 года в Киеве вели работу 40 подпольных организаций, объединявших в своих рядах 250 коммунистов, 119 комсомольцев и 377 беспартийных патриотов. Они значительно усилили срыв мероприятий оккупационных властей, диверсионную и разведывательную деятельность. Так, ещё в январе 1942 года группа рабочих во главе с подпольщиками В. В. Удовиченко, М. А. Козыревичем, П. М. Романенко, В. В. Балышевым совершила диверсию на подготовленном гитлеровцами к пуску хлебозаводе № 3. В результате завод не работал в течение всей оккупации.

Подпольная группа при конторе лесосплава под руководством К. Д. Станиславова скрепила около 38 тысяч кубометров древесины так, что вся она была унесена весенним паводком. Эта древесина предназначалась оккупантами для строительства переправ через Днепр. Значительную диверсионную работу проводили киевские железнодорожники. Подпольщики Н. А. Тацков, А. И. Лебедев и Б. Г. Лукьянов с помощью рабочих уничтожили построенное захватчиками и подготовленное к пуску в эксплуатацию деревянное депо на станции Дарница. При этом сгорели два исправных паровоза. В начале ноября 1942 года подпольщик Г. А. Тоичкин пустил паровоз на разведённый поворотный круг депо Киев–Московский, в результате чего депо было выведено из строя на несколько месяцев. Подпольная группа во главе с Д. К. Бурковым организовала ремонтников–железнодорожников на массовый срыв работ. Больше половины рабочих систематически не выходили на работу, умышленно простаивали, портили или прятали инструмент и материалы. На участке Караваевы Дачи бригада ремонтников под руководством Г. М. Петрова так «отремонтировала» железнодорожный путь, что по нему прекратилось движение поездов. Гитлеровцы вынуждены были перебросить батальон солдат для восстановления пути.

Широкую работу по организации массового срыва мероприятий оккупантов вели подпольщики Киева в деревнях и сел ах,,,Киевской области. Они организовали колхозное крестьянство на срыв заготовок сырья для предприятий и продовольствия для вражеской армии. Гитлеровские служаки вынуждены были признавать, что население срывает их мероприятия. Так, шеф Дымерского района Блюшке в своём распоряжении старостам сельских управ от 12 мая 1942 года указывал на наличие «большого саботажа сдачи государству (то есть оккупантам *—Ред.)* картофеля, в то время как во многих сёлах картофель есть в большом количестве». Он отмечал также, что срываются поставки молока, яиц и других продуктов. Фашистский бандит требовал жестоко карать тех, кто не выполняет заданий по сдаче сельскохозяйственной продукции[375].

Значительное место в деятельности киевских подпольщиков занимала разведывательная работа. Они следили за расположением вражеских войск, передвижением воинских эшелонов, собирали сведения о военных объектах противника. Важно было не только собрать данные о враге, но и своевременно передать их советскому командованию. Вскоре эта трудность в значительной мере была преодолена. В начале 1942 года секретарь Печерского подпольного райкома партии Б. А. Байда

установил связь с действовавшей в Киеве разведчицей М. Стешиной. При помощи райкома она создала разведывательную группу, в которую вошли подпольщики Л. И. Высочанский, Г. Е. Иорейко, П. А. Болутенко, М. И. Крикуненко, Г. С. Леончук. Кроме разведывательной работы в Киеве эта группа поддерживала связи с подпольщиками Кировограда и Днепродзержинска. Данные, ею добывавшиеся до марта 1943 года, регулярно передавались по радио командованию частей Красной Армии[376].

Еще в начале августа 1941 года в Киеве была создана для разведывательно–диверсионной работы в тылу противника группа патриотов под руководством И. Д. Кудри, имевшего подпольную кличку Максим. Для неё заблаговременно были подготовлены помощники, радисты, курьеры, заложены радиостанции, тайники с оружием, бланки различных документов, шифры и т. д. Максиму надлежало скрываться на конспиративной квартире М. И. Груздовой. Но случилось непоправимое, 24 сентября был взорван дом, в подвале которого хранились предназначенные для группы Максима бланки паспортов и других документов, деньги, оружие, шифры, адреса нужных людей. Погибло все, без чего, казалось, почти невозможно было вести подпольную работу. Пришлось все начинать заново. Опираясь на своих помощников, Максим стал искать возможности для развёртывания диверсионной и разведывательной деятельности. Чтобы легализоваться, он стал студентом медицинского института.

Однажды Максим встретил человека, который мог его разоблачить. Им оказался бывший петлюровец, который хорошо знал Максима перед войной. Теперь он работал в гестапо. Но Максим сумел построить с ним отношения так, что петлюровец стал «нашим человеком. От него Максим узнал о строительстве особого секретного военногЬ объекта в районе Винницы и другие данные. В ноябре 1941 года Максиму посчастливилось установить связь с группой чекистов, которая, выполнив задание, попала в окружение. Руководитель группы Елизаров помог Максиму установить связь с замечательными патриотками Евгенией Бремер и Раисой Окипной. Они познакомили Максима с другими патриотами. К их числу принадлежала М. В. Сушко, хранившая впоследствии у себя наиболее секретные документы Максима.

Так стала складываться новая диверсионно–разведывательная группа Максима. Она имела своих людей в железнодорожных мастерских и в гараже оккупационных властей, что давало ей возможность собирать некоторые данные о вражеских перевозках. Окипной удалось войти в доверие к высшим чинам полиции и офицерам армии, а Бремер — к офицерам железнодорожного управления. Группа стала получать важную информацию.

Фактический заместитель Максима Дмитрий Соболев (он же Сухоруков) по заданию Максима выезжал для сбора сведений в Ровно, где находилась резиденция рейхскомиссара Украины Коха. Способной разведчицей проявила себя М. И. Груздова. Ей удалось войти в доверие к начальнику фашистского разведывательного пункта майору Майеру (он же Мильевский Антон Иванович). Подпольщица получила близ этого пункта квартиру, что давало возможность выявлять агентуру Майера, готовившуюся для заброски в тыл Красной Армии, а также используемую в Киеве. Отдельные участники группы Максима вели активную террористическую деятельность. Среди них особо выделялся неуловимый и бесстрашный Дудкин.

Группа Максима вела и политическую работу среди населения, наладив регулярный выпуск листовок. Бремер записывала передаваемые по радио материалы. На их основе Максим составлял листовки, Тристан их размножала.

Со временем группа Максима собрала значительные сведения о противнике, но передать их по назначению оказалось делом очень сложным. Радиосвязь с Большой землёй установить не удалось. Максим решил перейти линию фронта, с тем чтобы передать собранные сведения и возвратиться в Киев. В начале апреля он вместе с Г. Дудкиным благополучно перешёл Днепр по льду. А через несколько дней к М. И. Груздовой пришёл мальчик с запиской: «Я задержан. Ты, как жена, можешь меня выручить». Мальчик сообщил, что Максим был задержан гитлеровцами где-то в 80 километрах от Киева и помещён в Дарницкий лагерь военнопленных в специальном отделении полевого гестапо. Раздобыв характеристики на Максима от знакомых ей пособников оккупантов, подпольщица отправилась в лагерь. Характеристики, а главное, вовремя предложенная гестаповцу «на память» золотая монета сделали своё дело — «муж» был освобождён. Таким же путём Е. Бремер освободила Г. Дудкина, задержанного полевой жандармерией.

Наконец в начале 1942 года к Максиму прибыли из Діосквьі курьеры А. Трусов и Л. Росновская. Через них Максим отправил в Москву важные сведения о противнике и отчёт о своей деятельности. В отчёте указывалось, что группой Максима создано семь диверсионных групп, одна из которых 1 Мая совершила крушение вражеского воинского эшелона с боеприпасами и войсками на линии Киев — Жмеринка, вторая — крупное железнодорожное крушение в Дарнице, третья — спустила под уклон с большой скоростью трамвайные вагоны, переполненные фашистскими офицерами. Максим сообщил также об организованном подпольщиками учёте фашистской агентуры и

предателей, представил данные об оккупационном аппарате, штабах и политико–экономическом положении в оккупированных районах Украины, доложил о политической работе его групп среди населения.

Группа Максима действовала активно, но осторожно. Тем не менее гестапо все же удалось заслать в неё своего агента Н. Грюнвальд. В июле 1942 года Максим, Р. Окипная, Е. Бремер и её мать были арестованы.

После ареста Максима и его ближайших помощников группу возглавил Д. Соболев. Но 4 февраля 1943 года во время проведения одной из боевых операций он погиб.

Собранные Максимом сведения, в том числе о провокаторах и изменниках, хранила М. В. Сушко. Когда был освобождён Киев, тетрадь с этими сведениями попала в органы государственной безопасности. На первой её странице рукой Максима было написано: «Прошу советских патриотов хранить эти записи и, в случае моей гибели от рук врагов моей Родины — немецких фашистов, с приходом Красной Армии передать эти записи соответствующим органам, за что я и наша Родина будут вам благодарны».

После гибели Д. Соболева группу Максима возглавил А. Печенєв. По разработанному ещё до ареста Максима плану он поступил на работу в гараж штадткомиссариата. Вскоре он сжёг гараж с 30 автомашинами. Под его руководством был совершён взрыв в депо станции Киев–I. Во время подготовки диверсии на Киевской теплоэлектроцентрали Печенев и возглавляемая им группа попали в засаду: многие подпольщики были убиты, а сам Печенев после тяжёлого ранения скрывался на одной из конспиративных квартир. Здесь его пытались захватить гестаповцы. Подпольщик долго отстреливался. Последней пулей он застрелил себя.

Активный член группы Максима М. И. Груздова в декабре 1942 года добралась до соединения черниговских партизан Н. Н. Попудренко, а оттуда была доставлена в Москву. Сейчас она и некоторые другие члены группы — Е. М. Линкевич, К. В. Ритво, А. Трусов — живут в Киеве.

Достоверно неизвестны обстоятельства казни И. И. Кудри (Максима), Р. Окипной и Е. Бремер. Но оставшиеся в живых патриоты, содержавшиеся с ними в застенках гестапо, свидетельствуют об исключительном мужестве бесстрашных подпольщиков. «…Меня посадили в 53–ю камеру тюрьмы гестапо, — пишет в своих воспоминаниях В. И. Самойленко, —В десятых числах августа гестаповец в гражданской одежде втолкнул к нам в камеру ещё одну заключённую. Сначала новенькая молчала. Но

вскоре не было во всей камере, да, наверное, и во всём гестаповском аду человека жизнерадостнее Жени Бремер. Для каждого из нас она находила тёплое, задушевное слово, подбадривала унывающих… Узнав о причинах моего заключения, Женя уверила меня, что беда у меня не очень страшная, и я обязательно попаду на волю. «Если выйдешь отсюда, а это так и будет, — говорила она, — обязательно передай нашим, кто нас предал». И она назвала фамилию и имя предательницы.

…С допроса Женя возвращалась всё более измученной. А однажды её буквально приволокли и бросили на пол камеры. После одного из таких допросов она стала просить нас разрешить ей покончить с собой. Но это не было проявлением слабости. Она боялась, чтобы во время допросов в беспамятстве не проговориться. Держалась Женя героически. Мы никогда не видели её слез.

Рая–артистка[377] была брошена в 55–ю камеру, где сидела моя мать. Как родная дочь, отнеслась она к матери, уговаривала её не волноваться…

К сожалению, я не была до конца с Женей Бремер. В конце августа меня после допроса избили, посадили в одиночную камеру — «мешок» и оттуда отправили в Германию. В дороге я бежала…»

А вот что рассказала бывшая узница киевского гестапо К. А. Бурдеина: «Ввели в здание и на втором этаже открыли камеру № 53, сильно толкнули в спину и с грохотом закрыли. И вот я стою у порога в камере, не знаю, что со мною творится. В камере — пять заключённых женщин, и одна из них, высокая, светловолосая, средних лет женщина, сразу же обратилась ко мне. «Ну, так расскажите нам, за что вы сюда попали? Садитесь на койку и рассказывайте…» Заключенной, говорившей со мной, была Евгения Бремер. Рядом, недалеко от нашей камеры, в камере № 47, находилась в одиночном заключении Раиса Окипная.

Раису Окипную гестаповцы почему-то особенно истязали, брали часто на допросы и страшно избивали…

…На расстрел выводил из камеры только начальник гестапо. Он был какой-то дикий и свирепый. Три раза в неделю брал заключённых на расстрел: в понедельник, среду и пятницу. Он с грохотом открывал дверь и, выпучив глаза, диким голосом кричал: «Шнель!»

…И вот Бремер и Окипную вызывают на очную ставку. Она продолжалась очень долго. Когда Бремер вернулась в камеру, то была очень измучена. «Посмотрите, товарищи, на моё тело», — сказала она и открыла платье. Нам было страшно смотреть на те

побои, все её тело было в черно–синих подтёках. Она всё время ходила по камере, не могла ни сидеть, ни лежать. Через несколько дней, вечером в пятницу, числа не знаю, в ноябре 1942 года начальник гестапо с грохотом открыл нашу камеру и, обращаясь к Бремер, звериным голосом закричал: «Шнель!» Бремер в чём стояла вышла из камеры. Затем мы услышали стук в камере Раисы Окипной.

И так не стало ещё двух молодых замечательных женщин, которые самоотверженно отдали свою жизнь за нашу Родину»[378].

За выдающиеся заслуги в создании подпольной разведывательной организации в Киеве и руководстве ею Ивану Даниловичу Кудре посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Высокими правительственными наградами отмечен героизм членов этой подпольной организации, в том числе Окипной, Бремер, Груздовой, Дудкина, Соболева и других.

Репрессии не испугали подпольщиков. Когда фашисты повесили в Первомайском парке нескольких патриотов и прикрепили к трупам надпись: «Партизаны», подпольщики Печерского района ночью заменили её надписью: «Жертвы фашистского террора». На следующую ночь гитлеровцы выставили у виселицы охрану. Подпольщики захватили охрану, сняли трупы патриотов и вместо них повесили вражеских часовых, написав: «Вот кто достоин виселицы!» В другой раз гитлеровцы повесили на каштанах на площади около Верховного Совета УССР трёх рабочих завода «Арсенал». В следующую ночь на этих каштанах раскачивались трупы полицаев.

Деятельность киевского подполья усилилась после того, как подпольному горкому партии удалось установить живую связь с ЦК КП(б)У. Начиная с декабря 1941 года в Киеве четырежды побывали связные ЦК КП(б) У М. Ф. Малиновская, А. Ф. Левченко, Ф. К. Майоров, Н. Т. Шийко, З. В. Сыромятникова, М. С. Родина, И. И. Миронов. Первыщданные о работе киевского партийного подполья были доставлены в ЦК КП(б)У в марте — апреле 1942 года комсомольцами–связными А. Козаком и М. Гурской.

В июне 1942 года по указанию Центрального Комитета ВКП(б) был создан Украинский штаб партизанского движения во главе с Т. А. Строкачем. С июня 1942 года по август 1943 года только в Киевскую область УШПД перебросил самолётами 11 организаторских групп, насчитывавших 85 человек[379].

Мероприятия ЦК КП(б)У, его установки, переданные связными, активность переброшенных организаторских групп имели большое значение для усиления деятельности подпольных организаций Киева. Она становилась целеустремлённее,

эффективнее.

Разъяренные действиями подпольщиков, фашисты мобилизовали все свои силы на поиски подпольных организаций. В начале июля 1942 года им удалось заслать в ряд организаций провокаторов. Наступила тяжёлая пора в деятельности киевского подполья. 2 июля погиб секретарь запасного горкома партии С. Г. Бруз. Окруженный гестаповцами, он выстрелил в провокатора, а вторым выстрелом смертельно ранил себя в грудь. С. Г. Бруз посмертно награждён орденом Ленина.

Гестапо удалось выследить и арестовать хозяина явочной квартиры Д. Ф. Якименко, его жену и дочь Марию — связных запасного горкома партии. Подвергнув их пыткам и не добившись никаких сведений о подпольщиках, гестаповцы расстреляли патриотов. Вскоре были арестованы член запасного горкома партии Г. С. Подшивалова и связная М. С. Васильева.

7 июня 1942 года был арестован секретарь основного горкома партии К. П. Ивкин и его связная Т. О. Рогозинская. Во время перестрелки К. П. Ивкин был ранен и в тяжёлом состоянии доставлен в гестапо, где вскоре умер. Через несколько дней гестаповцы арестовали членов основного горкома партии С. А. Пащенко, В. И. Кудряшова, Ф. Ф. Ревуцкого, связную горкома А. И. Хохлову и других подпольщиков. Из членов основного подпольного горкома партии избежали ареста только К. И. Кулик, Ф. В. Зубков и П. Т. Громыко.

В это же время были арестованы секретарь Шевченковского райкома партии Н. С. Ухо и его жена, секретарь Октябрьского райкома И. Ф. Дудинов, секретарь Московского райкома В. И. Артамонов и многие другие работники подпольных партийных и комсомольских органов.

38 дней непрерывно издевались гестаповцы над арестованными руководителями киевского подполья. С особенным изуверством они пытали начальника штаба диверсионно–подрывной деятельности В. И. Кудряшова. Гордо, с непоколебимой верой в победу перенесли герои–коммунисты неимоверные истязания. Гитлеровцам так и не удалось выпытать у них что-либо об оставшихся на свободе подпольщиках. В бессильной злобе они казнили отважных патриотов. Накануне казни В. И. Кудряшову удалось передать письмо своим родным и товарищам по подполью. Подпольщики переписали его на полотно, а связная З. В. Сыромятникова, зашив полотно в воротник платья, доставила его летом 1942 года в ЦК КП(б)У. В. И. Кудряшов писал: «В казематах гестапо я держал себя как подобает коммунисту. Я умру с непоколебимой верой, что освобождение от ненавистного фашизма наступит скоро и что

советский народ будет торжествовать победу. Привет всем, кто с нами работал, помогал и жил надеждой на освобождение в священной борьбе против фашизма. Передайте моему сыну Саше, чтобы он рос честным для народа, мужественным и смелым и чтобы врагов ненавидел так, как его отец»[380]. Партия и правительство высоко оценили подвиг В. И. Кудряшова. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Зверская расправа фашистов над руководителями киевского подполья не поколебала оставшихся на свободе подпольщиков. Во время массовых арестов в июне 1942 года сохранили свои кадры подпольные райкомы партии и организации Железнодорожного, Подольского и Печерского районов, подпольные комсомольские организации Советского района и общегородские подпольные организации, созданные в конце 1941 года — начале 1942 года. Совершенствуя конспирацию, они продолжали беспощадную борьбу с немецкими оккупантами.

В июле 1942 года ЦК КП(б)У через своего связного дал указание Железнодорожному подпольному райкому взять на себя функции подпольного горкома партии. Выполняя это указание, Железнодорожный райком партии в составе А. С. Пироговского (секретарь райкома), Г. П. Мироничева и Б. И. Петрушко направил все свои силы на дальнейшее развёртывание подпольной борьбы. Его деятельность приобрела особенно активный и целеустремлённый характер после получения в начале сентября 1942 года директив ЦК КП(б)У, которые доставил в Киев связной подпольного горкома партии шестнадцатилетний комсомолец Александр Козак и передал через руководителя подпольной организации Н. С. Короля.

В связи с развернувшимся грандиозным сражением под Сталинградом ЦК КП(б)У поставил перед киевскими подпольщиками задачу усилить диверсионно–подрывную работу, особенно на железнодорожных линиях Киев — Коростень, Киев — Нежин, Киев — Фастов, обслуживающих южную группировку вражеских войск. ЦК КП(б)У требовал усилить работу по укреплению существующих и созданию новых подпольных организаций, создавать боевые резервы для партизан, оказывать им помощь вооружением, боеприпасами и медикаментами, всей деятельностью подполья поднимать народ на активную помощь Красной Армии.

Железнодорожный райком партии оперативно организовал подпольщиков на выполнение указаний ЦК КП(б)У. К концу 1942 года были созданы црвые подпольные группы и организации на заводах и фабриках, железнодорожном и водном транспорте. Если в середине 1942 года в городе было 40 подпольных

организаций, то в начале 1943 года действовало уже 66 организаций[381].

Население Киева, выполняя призывы подпольщиков, усилило борьбу за срыв мероприятий оккупантов: восстановление и введение в эксплуатацию предприятий, диверсии на железнодорожном и водном транспорте.

В конце 1942—начале 1943 года под руководством Железнодорожного райкома партии на железнодорожном транспорте в Киеве и предприятиях районов действовали 23 подпольные организации, в рядах которых было 267 патриотов. Подпольщики развернули диверсионно–подрывную деятельность и в тяжёлые дни оборонительных боев Красной Армии под Сталинградом нанесли врагу ряд серьёзных ударов. В октябре 1942 года они заминировали железнодорожное полотно на перегоне Дарница — Бровары и пустили под откос воинский эшелон. Было убито и ранено свыше 800 эсэсовцев. Ремонтные бригады депо Киев–Московский и депо Дарница во главе с подпольщиками А. Н. Ковалевским и И. Т. Мироненко под видом ремонта организовали массовую порчу паровозов. Особенно распространён был такой способ «ремонта»: в депо заводили на промывку горячие паровозы, из них умышленно выпускалась вода и открывались дверцы топок — создавались сквозняки; от переохлаждения деформировались котельные трубки, что на длительное время выводило паровозы из строя. Широко использовался и другой способ: в цилиндры забрасывалась стальная стружка, в результате портились поршневые кольца, зеркало цилиндров. За короткое время был выведен из строя 31 паровоз, а количество «больных» машин стало по депо Дарница до 38–40 процентов (обычно не превышало 7–8 процентов). Деятельность подпольщиков дополнялась массовым вредительством железнодорожников. Паровозные машинисты и их помощники умышленно выводили из строя паровозы, выпускали воду из котлов, останавливали эшелоны на перегонах, создавали пробки на линиях.

Подпольщики без колебаний шли на самые опасные задания, чтобы помочь Красной Армии. Машинист А. И. Лебедев, зная заминированные партизанами участки железной дороги, развивал в этих местах большую скорость, с тем чтобы их успел проскочить паровоз. Сзади начинались взрывы, летели под откос направлявшиеся на фронт вагоны с солдатами, техникой и продовольствием.

В начале 1943 года подпольщики решили вывести из строя Яготинский и Дарницкий железнодорожные мосты на Днепре. С этой целью они сняли в аренду, якобы для рыбной ловли,

прилегающее к Днепру и Дарницкому мосту Выдубецкое озеро. «Рыболовом» был подпольщик П. Ф. Антонов, работавший до войны начальником станции Дарница. Весной 1943 года «рыболов» подорвал ящиком динамита железобетонный стояк Дарницкого моста. В результате движение по мосту прекратилось на четыре дня. В марте 1943 года подпольщики взорвали Яготинский железнодорожный мост.

В связи с тем что операция по выводу из строя Дарницкого железнодорожного моста полностью не удалась, подпольщики разработали план одновременного взрыва Дарницкого и Петровского железнодорожных мостов. Минировать железобетонные стояки мостов, как это делалось раньше, было невозможно: гитлеровцы усилили охрану. Поэтому решено было взорвать мосты с помощью заранее изготовленного заряда взрывчатки, сброшенного на мост на ходу поезда. В течение месяца подпольщики тренировались, сбрасывая с идущего поезда металлические предметы, отмечая места падения и рассчитывая так, чтобы ящик со взрывчаткой упал на середину моста — на железобетонный стояк.

14 мая 1943 года на диверсию одновременно вышли две группы, одна — на Дарницкий мост, другая — на Петровский. Хорошо знавший немецкий язык, подпольщик, старший лейтенант госбезопасности Г. Н. Дудкин в фашистской офицерской форме, с чемоданом с 50 килограммами тола, сел в последний вагон пассажирского поезда Харьков — Львов. В 3 часа дня он взорвал верхнюю часть опоры Дарницкого моста. Движение по мосту прекратилось на 10 дней. Отважный подпольщик был схвачен гестаповцами и расстрелян.

Успешно вела диверсионно–подрывную работу подпольная организация на Дарницком вагоноремонтном заводе. В ноябре 1942 года рабочие подожгли котельную и вывели завод из строя на длительный срок. Инженеры С. В. Сорочинский, И. С. Бородай, И. Т. Струский по поручению подпольной организации повредили на весь период оккупации два колёсотокарных станка, привезённых гитлеровцами из Германии. Группа рабочих под руководством инженера И. С. Бородая вывела из строя пятитонный подъёмный кран, пресс для распрессовки колёсных пар. Рабочие систематически уничтожали электрооборудование, моторы, электропроводку, оставляя завод без электроэнергии. В результате диверсионных актов ночные смены завода, как правило, не работали. Подпольная организация добилась массового невыхода рабочих на работу. Это прикрывалось медицинскими справками, которые выдавали врачи–подпольщики заводской поликлиники. Так, в конце 1942 года ежедневно не

выходило на работу около 400, а в начале 1943 года — свыше 1000 человек. К 1943 году активная деятельность подпольщиков и массовое вредительство рабочих полностью парализовали работу завода.

Под руководством подпольной организации рабочие мостостроительной фирмы «Ганибек» систематически срывали восстановление и пуск в эксплуатацию необходимых для вражеских перевозок железнодорожных мостов. Однажды эта фирма получила срочный заказ. Ее шеф, гитлеровец, выписал в блокнот все размеры болтов и оставил его на столе. Воспользовавшись этим, руководитель подпольной организации А. В. Агашков сделал в записках некоторые изменения. С этими исправленными данными шеф дал производственное задание бригадиру. Оно выполнялось около пяти месяцев. Когда готовые болты были отправлены монтажникам, обнаружилась их непригодность; монтаж был задержан на несколько месяцев. Такую же операцию провёл и подпольщик инженер К. А. Емельянов при изготовлении балок для моста Пост–Волынский — Петровка. В июне 1943 года член этой подпольной организации Г. Т. Воронкин с помощью доставленной от партизан мины замедленного действия уничтожил эшелон с горючим на перегоне Фастов — Попельня.

Рабочие фирмы «Ганибек» активно срывали мероприятия администрации. Заказы военного значения, как правило, выполнялись медленно и недоброкачественно, умышленно портился и растаскивался инструмент, на объекты отправлялись раскомплектованные детали мостовых сооружений, систематически выводились из строя электросварочные агрегаты, уничтожалась электропроводка. В августе 1943 года, когда гитлеровцы готовились вывезти в Германию оборудование депо, подпольщики вывели из строя все подъёмные краны, что дало возможность сохранить мощные электромоторы, котлы, мостовые сооружения и многие механизмы.

На заводе «Большевик» рабочие неоднократно на длительное время выводили из строя основные цехи. Слесарь завода В. Н. Стрелковский систематически портил автомашины, поджёг и уничтожил бензозаправщик и дизельный двигатель для подъёма артиллерийских орудий.

Активно саботировали мероприятия оккупантов рабочие завода «Ленинская кузница». В связи с разрушением Петровского железнодорожного моста, что тормозило переброску вражеских войск на Левобережную Украину, гитлеровское командование решило в срочном порядке сделать на заводе копёр. На изготовление одного копра нужно было не более четырёх смен.

Рабочие свыше двух недель в литейном цехе возились с изготовлением деталей. Гитлеровцы пытались наладить на заводе производство головок для газогенераторных машин. Литейщик Ф. Конюшевский вместе с другими рабочими делали недоброкачественную формовку. Продукция получалась бракованная. Рабочие завода во главе со сталеваром Секретаревым помешали оккупантам организовать выпуск стального литья. Электромонтер Мостицкий вывел из строя заводскую подстанцию, сорвав этим срочный ремонт автомашин для вражеской воинской части. Рабочие завода во главе с подпольщиком В. С. Новиковым повредили 80 отремонтированных пушек.

В широких масштабах срыв работ и диверсионно–подрывная деятельность проводились на водном транспорте. В конце 1942 года мастерские лесосплава должны были отремонтировать катера, предназначенные для перевозки военных грузов по Днепру на южный фронт. Рабочие мастерских во главе с руководителем подпольной организации А. А. Петровым сорвали выполнение этого задания. Из 38 буксирных катеров, поставленных на зимний ремонт, до весны 1943 года было отремонтировано только четыре. Так же действовали судоремонтные рабочие Киевского порта. Под руководством члена подпольной организации прораба П. А. Карпенко они всячески сры вали график ремонта судов; «ремонтировали» их так, что они вскоре вновь выходили из строя.

Активно велась подпольная работа в Киевском порту, где действиями подпольщиков непосредственно руководил секретарь Подольского подпольного райкома партии Т. Ф. Подий. Подпольщики капитан парохода «Арсеналец» А. В. Островянский и направленный райкомом на этот пароход кочегаром В. В. Трандофилов систематически получали от райкома партии листовки и сводки Совинформбюро и во время рейсов распространяли их среди колхозников Киевской и Черниговской областей.

Летом 1942 года подпольщики, работавшие на водном транспорте, с помощью связного Подольского райкома партии С. Д. Иванчи. установили связи с партизанским отрядом «Победа», действовавшим в Выше–Дубечанском районе Киевской области. Они систематически снабжали отряд оружием и медикаментами, вооружали и переправляли к партизанам бежавших из лагерей советских военнопленных.

В целях усиления партизанского отряда «Победа» и обеспечение его оружием Подольский райком партии поставил перед А. В. Островянским и В. В. Трандофиловым задачу:

уничтожить гитлеровскую охрану на пароходах «Арсеналец», «Ванда Василевская» и судоподъёмной базе «Каменское», захватить судовое вооружение и оружие охраны силами партизан. Подпольщики путём порчи механизмов добились того, что суда зазимовали у пристани Печки, расположенной в районе действия отряда «Победа». В марте 1943 года команды судов и партизан перебили охрану, сняли судовое вооружение и около тонны взрывчатки. После этого суда были затоплены, а команды влились в партизанский отряд[382].

Боевая деятельность киевских подпольщиков приняла столь широкий размах, что фашистские власти со второй половины 1942 года вынуждены были перейти к чрезвычайным мерам. Под угрозой смертной казни гражданскому населению было запрещено пользоваться железными дорогами и даже приближаться к ним. Для проезда по железной дороге требовалось специальное разрешение и два пропуска — управления железной дороги и военной транспортной комендатуры. На железнодорожных линиях в районе Киева была установлена круглосуточная вооружённая охрана. Фашисты блокировали все дороги, запретили свободный вход и выход из Киева и ввели специальные пропуска для прибывающих и выбывающих из города лиц. На борьбу с подпольщиками была брошена огромная свора агентов и провокаторов.

И только накануне освобождения Киева Красной Армией гестаповцам удалось напасть на след Железнодорожного подпольного райкома партии. 20 октября 1943 года они арестовали секретаря райкома А. С. Пироговского и 5 ноября, за день до освобождения Киева, после зверских мучений убили его. Бесстрашному руководителю киевских подпольщиков А. С. Пироговскому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Как уже отмечалось, киевские подпольщики большое внимание уделяли созданию и усилению действий партизанских формирований в Киевской области и смежных с ней областях. Они отбирали и направляли в сельские районы будущих партизан, добывали для них оружие, боеприпасы, взрывчатку, медикаменты. Организаторами партизанских групп, из которых затем вырастали партизанские отряды, в районах Киевской и Житомирской областей (Руженском, Андрушевском, Вчерайшанском, Сквирском, Великополовецком, Фастовском, Белоцерковском) были члены киевской городской подпольной организации К. М. Дивонин, С. П. Маленко, Ф. А. Клопотовский, Т. А. Ильченко, П. М. Буйко и другие.

В октябре 1942 года Киевский подпольный горком партии

создал штаб партизанского движения в составе К. М. Дивонина, С. П. Маленко, Ф. А. Клонотовского. Начальником штаба был утверждён С. П. Маленко, комиссаром — К. М. Дивонин. Они установили связи с подпольными партийными организациями многих сельских районов и поставили перед ними задачу создать районные штабы, объединить разрозненные подпольные группы, организовать боевые партизанские отряды и на этой основе ещё шире развернуть вооружённую борьбу в тылу врага.

В конце 1942 года штаб партизанского движения охватил своим влиянием 19 районов Киевской и Житомирской областей. Там действовали районные партизанские штабы. Было создано 40 партизанских отрядов. В лих сражалось 6606 патриотов[383], пользовавшихся активной поддержкой всего населения. «Глубокий тыл Украины, —сообщала связная Железнодорожного подпольного райкома партии Д. И. Волевач, — …активно, с большой энергией помогает Красной Армии в борьбе против немецких оккупантов»[384].

Боевые группы под руководством С. П. Маленко развернули диверсионно–подрывную работу на железнодорожном транспорте, уничтожали заготовительные пункты и продовольственные склады на территории Житомирской области. Они создавали партизанские отряды, добывали оружие, боеприпасы, обмундирование путём разгрома полицейских участков и разоружения полиции в сёлах Киевской и Житомирской областей.

Киевские подпольные организации установили тесные связи с соединениями С. А. Ковпака и А. Н. Сабурова, а также со многими партизанскими отрядами, действовавшими в Киевской, Черниговской и Житомирской областях, помогали нм людьми, вооружением, боеприпасами, медикаментами, собирали для них разведывательные данные.

В последнее время выявлены новые интересные документы о деятельности Киевского подпольного обкома партии, располагавшегося в Кагарлыкском районе.

Душой и организатором подпольного обкома был член партии с 1939 года, учитель–историк, участник боев с белофиннами, политрук Красной Армии И. В. Сергиенко. Продолжительное время он работал директором школы в селе Ханев Розважевского района. А когда началась война, партия дала ему ответственное поручение, утвердив секретарём Розважевского подпольного райкома КП(б)У.

Обстановка сложилась так, что И. В. Сергиенко, создав сеть партийных подпольных ячеек в своём районе, вынужден был искать убежище от преследования гестаповцев в Кагарлыкском

районе. В селе Ставы подпольщика приютил и создал условия для работы его дядя П. У. Чернобай. Вскоре «весовщик» спиртзавода И. В. Сергиенко установил связь с местными коммунистами–подпольщиками и возглавил кагарлыкскую подпольную партийную организацию. В сентябре 1942 года И. В. Сергиенко и его боевые помощники И. А. Ковальчук и В. Г. Бердников пришли к выводу о необходимости создания подпольной партийной организации областного масштаба во главе с подпольным обкомом. В своей первоначальной деятельности подпольщики опирались на людей и явки Кагарлыкского подпольного райкома партии. Объединив вокруг себя группу инициативных коммунистов, они создали Киевский подпольный обком партии во главе с И. В. Сергиенко. В дальнейшем структура обкома была усовершенствована, в частности, образованы отделы: организационный, кадров, пропаганды, информации.

Обком наметил развёрнутую программу борьбы с оккупантами. Прежде всего, ставилась задача воссоздать подпольные райкомы партии на территории всей Киевской области и осуществлять конкретное руководство ими. Обком ориентировал подпольщиков на проведение широкой политической работы среди населения и подготовку вооружённого восстания в Киевской и прилегающих к ней областях. Свои планы обком подкреплял организаторской работой. Коммунисты–связные отправлялись из Кагарлыка во все концы области, устанавливали контакты с подпольщиками, создавали новые подпольные организации. Почти на каждом заседании подпольного обкома утверждались секретари райкомов партии. Уже в январе 1943 года почти в половине районов области были воссозданы подпольные райкомы КП(б) У — Мироновский, Чернобыльский, Дымерский, Обуховский, Шполянский и другие.

В Кагарлыкской типографии подпольщики Н. И. Артемчук (работавший заведующим типографией) и Л. Ф. Гура (наборщица) организовали печатание листовок и бланков документов, необходимых для конспирации. Дело это было организовано с большим риском, но продуманно. Обычно после набора материала Л. Ф. Гура подавала условный сигнал своим помощникам, и помещение типографии закрывалось на замок. Одновременно подпольщики выставляли на пост из числа своих людей «полицая». Когда печатная продукция была готова, её переправляли на школьный чердак, откуда связные разносили её в районы области. Информацию для листовок подпольщики получали по радио. Радиоприемники имелись на конспиративных квартирах в Кагарлыке, Липовцах и Ставах.

В Кагарлыкской типографии были отпечатаны важнейшие приказы Верховного главнокомандования, сводки Совинформбюро, воззвание к немецким солдатам, воззвание к народу оккупированной Киевщины и другие документы.

Обком разработал план вооружённого восстания и довёл его до подпольных райкомов КП(б)У. В этот период обком пытался запастись оружием, создать необходимый фонд денежных средств, установить связь с подпольщиками Киева и другими обкомами республики. Были предприняты шаги по созданию руководящих партийных органов в соседних областях, в частности в Житомирской. Предполагалось, что в дальнейшем обком перебазируется из Кагарлыка в Киев.

28 мая 1963 года, через много лет после окончания войны, в нише чердачного перекрытия здания Кагарлыкской восьмилетней школы были найдены документы, принадлежавшие Киевскому подпольному обкому КП(б)У. Материалы были спрятаны М. Л. Витыщеико — братом члена обкома В. Л. Витыщеико — на случай провала. Среди найденных документов сохранился подлинник проекта плана подготовки к вооружённому восстанию в 1943 году в Киевской области, утверждённый на заседании обкома 7 ноября 1942 года. Этот документ настолько интересен, что его следует передать в полном объёме. Вот он:

«Проект подготовки к вооружённому восстанию в 1943 г. в Киевской области.

1- й этап работы обкома:

1. Организация райкомов в групповых центрах Иванков, Обухов, Б. Церковь, Макаров, Корсунь, Смела, Звенигородка, Шпола, Умань, Тараща, Сквира, Березань, В. Дубечня, Малин, горкомов Житомира, Киева, Днепропетровска, Чернигова, Овруча, Мозыря, Гомеля, Полтавы.

2. Подбор и подготовка КПС (командно–политического состава. — *Ред.)* для назначения на должности командиров полков, дивизий, на основе полученных сведений о наличии последних в групповых центрах и городах.

3. Разработка исчерпывающих указаний райкомам по оргвопросам и по организации от отделения до батальона и об их подготовке к вооружённому восстанию применительно к условиям того или иного района.

1- й этап:

1. Организация штаба вооружённого восстания. Обком реорганизуется в шт(аб) восст(ания).

2. Назначение командиров полков на группы районов (исходя из предварительных данных о вероятном количестве людского состава восстания, полученных от секретарей райкомов

в групповых центрах).

3. Назначение командиров дивизий и командиров армии восстания.

4. Установление связи со штабами вооружённого восстания соседних областей или групповых центров соседних областей.

5. Организация агентурной разведки шт(аба) восст(ания).

1- й этап работы штаба восстания:

1. Изучение штабом вооружённого восстания обстановки на основе донесений секретарей райкомов, командиров полков и дивизий.

2. Внесение соответствующих изменений в оперативный план в(ооруженного) восстания в соответствии с обстановкой к тому времени.

3. Проверка готовности райкомов, полков, дивизий к вооружённому восстанию.

4. Решение вопросов о мобилизации людей, машин, обозов, о их распределении между полками и дивизиями.

5. Решение вопросов о распределении оружия между полками и дивизиями.

6. Решение вопросов о тактических действиях отдельных полков, батальонов и дивизий по уничтожению очагов сопротивления, захвату важных складов, мостов, заводов и т. д.

7. Координация времени в(ооруженного) восстания и планов с соседними областями.

8. Назначение времени восстания, условных сигналов и т. д. (время восстания назначается в строгом соответствии с положением на фронте).

9. Выработка воззвания к народу на основе обстановки момента и издание его типографским путём, к моменту восстания воззвание уже должно быть на руках во всех инстанциях вплоть до секретарей райкомов.

10. Связь с Москвой и фронтом по радио и передача о необходимой помощи армии восстания.

4- й этап:

Вооруженное восстание проводится по особому оперативному плану:

дополнение:

а) органы Советской власти на местах,

б) об организации питания восст(авших) и насел (ения),

в) о тех (нике) связи»[385].

Появление такого документа в условиях жесточайшего оккупационного режима свидетельствует о том, что трудящиеся многих городов и сел Киевской и других областей республики уже во второй половине 1942 года морально–политически были

готовы к выступлению с оружием в руках против фашистских поработителей и их пособников. К этому времени значительный опыт накопили созданные обкомом подпольные райкомы партии, что позволяло им поднять народ на вооружённую борьбу и руководить им.

Однако отсутствие связи с Большой землёй, недостаточная конспирация обкомовцев не позволили осуществить этот смелый план. В состав обкома проникли провокаторы. В ночь на 18 января 1943 года гестапо и полиция произвели повальные аресты в Кагарлыке и близлежащих сёлах. Жертвами предательства стали мужественный руководитель подпольщиков И. В. Сергиенко и многие его боевые соратники. Разъяренные фашисты сожгли в Кагарлыкском районе около тысячи крестьянских дворов.

За выдающиеся заслуги в организации и руководстве Киевским подпольным обкомом партии, личное мужество и героизм, проявленные в борьбе с гитлеровскими захватчиками, секретарю Киевского подпольного обкома Ивану Васильевичу Сергиенко 8 мая 1965 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Но никакие репрессии не могли укротить нарастающий гнев народа. К середине 1943 года вся Киевская область была охвачена могучим партизанским движением. В нём активное участие принимали посланцы киевских городских подпольных организаций. Еще в 1941 —1942 годах Киевский подпольный горком партии направил в сельские районы области свыше 50 подпольщиков–организаторов, которые провели значительную работу по созданию подполья и партизанских отрядов[386]. Так, в восстановлении подпольных организаций в Фастовском районе принимали активное участие профессор Киевского медицинского института П. М. Буйко, секретарь Ленинского райкома ЛКСМУ Ф. Г. Павлов, директор 78–й средней школы В. И. Гатти. Прибыв в Фастовский район, П. М. Буйко с помощью подпольщиков–киевлян создал четыре организации, которые охватили своим влиянием села Фастовского, Васильковского и Бышевского районов. У фастовских подпольщиков в начале 1943 года было уже на счету 10 пущенных под откос вражеских железнодорожных эшелонов. Мобилизованный гитлеровцами в медицинскую комиссию, профессор П. М. Буйко, несмотря на строгий контроль гестапо, рискуя жизнью, освободил от отправки в Германию свыше 1000 человек. Он создал широкую сеть подпольных групп, спас от расстрела советский актив, организовывал подпольное лечение воинов Красной Армии и партизан.

Одного месяца не дожил П. М. Буйко до прихода советских

войск. В октябре 1943 года во время оказания скорой помощи тяжело раненным партизанам он был схвачен гитлеровцами, облит бензином и сожжён. Мужественному патриоту посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Партизанские отряды сельских районов получали действенную помощь от трудящихся Киева. Например, подпольная организация Дарницкого вагоноремонтного завода помогала партизанским отрядам Черниговской области людьми, вооружением и медикаментами. В ноябре 1942 года она установила связь с партизанским отрядом «За Родину». Подпольщики похищали на вражеских складах оружие и боеприпасы, которые сначала прятали в специально оборудованных тайниках на явочных квартирах, а затем через связных, с помощью машинистов — членов подпольной организации вывозили в партизанские отряды. Иногда оружие переправлялось и автомашинами, для чего подпольщица А. А. Денисенко, работавшая посыльной на резино–регенераторном заводе, добывала в конторе предприятия бланки с немецкими штампами и печатями, а также путёвки для автомашин. Подпольная организация отправила в партизанские отряды 213 рабочих с предприятий Дарницкого района. Многие из них показали образцы мужества и отваги в борьбе с оккупантами и выросли из рядовых бойцов до командиров партизанских отрядов.

Подпольная организация Киева «Смерть немецким оккупантам» в ноябре 1942 года установила связи с партизанскими отрядами Черниговской области под командованием М. М. Таранущенко, а позже — с соединением под командованием М. И. Наумова и другими партизанскими бригадами. С ноября 1942 года по апрель 1943 года эта организация отправила в партизанские отряды 224 человека, значительное количество оружия. В марте 1943 года по решению подпольной организации партизанскому соединению «За Родину» была передана типография. В партизанские отряды вошло руководящее ядро подпольной организации в количестве 26 человек во главе с Г. С. Кочубеем, В. В. Черепановым и К. А. Ткачевым.

С апреля 1943 года руководство многими подпольными группами в Киеве осуществлялось из партизанских отрядов соединения «За Родину» под командованием М. М. Таранущенко. Подпольщики получали из партизанских отрядов в большом количестве листовки, сводки Совинформбюро, вели разведывательную работу в интересах партизан, направляли к ним людей, боеприпасы и медикаменты. За период с ноября 1942

года по июнь 1943 года киевские подпольные организации отправили в партизанские отряды 1870 бойцов, 25 пулемётов, 550 автоматов, свыше 1000 винтовок, 133 тысячи патронов, около 2,5 тысячи гранат, 214 пистолетов, свыше 500 килограммов взрывчатки и на 130 тысяч рублей медикаментов[387].

В начале лета 1943 года в Киеве и на территории Киевской области действовали 169 подпольных организаций и групп, 54 партизанских отряда и 30 диверсионно–подрывных групп, в рядах которых вели самоотверженную борьбу с захватчиками 33 687 советских патриотов[388]. Среди них были верные сыны и дочери многих народов Советского Союза: 16 958 украинцев, 15 203 русских и 1526 представителей других народов.

Своей борьбой подпольщики и партизаны Киевщины внесли достойный вклад в дело разгрома фашистских захватчиков. С конца 1941 года по март 1944 года они уничтожили 30 716 гитлеровцев и их наёмников — украинских буржуазных националистов, пустили под откос 259 железнодорожных эшелонов и 3 бронепоезда, вывели из строя 301 паровоз и 2812 вагонов, разрушили 63 железнодорожных моста, уничтожили 333 вражеских склада, разгромили 103 вражеских гарнизона, 249 полицейских комендатур, 282 районные и сельские управы[389].

Мужество киевлян по достоинству оценено народом. Столица Советской Украины Киев за подвиг в Великой Отечественной войне удостоена звания города–героя, награждена орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда». Значительное место в подвиге принадлежит славным солдатам киевского подполья, всем участникам партизанской борьбы в городе. Их героизм стяжал Киеву славу непокорённого города.

НА ПОДСТУПАХ К ГОРОДУ ЛЕНИНА

П. Р. Шевердалкин[390], *доктор исторических наук, профессор*

Яркую страницу в историю всенародной партизанской борьбы в тылу фашистских захватчиков вписали народные массы оккупированных врагом районов Ленинградской области[391].

Захват Ленинграда, как известно, входил в число первоочередных задач бандитского нападения фашистской Германии на СССР. Для её достижения гитлеровское командование создало специальную группу армий «Север», состоявшую из 16–й и 18–й армий, насчитывавших 26 пехотных, три моторизованные и три охранные дивизии. Эта огромная масса вражеских войск имела 1200 самолётов, 1500 танков и 12 тысяч артиллерийских орудий. Кроме того, на Ленинград наступали две финские армии, состоявшие из 21 дивизии и пяти бригад, имевших 900 самолётов и 3200 орудий. Сухопутные войска противника поддерживались значительными силами германского военно–морского флота.

Таким образом, одна из особенностей партизанской борьбы на территории Ленинградской области состояла в том, что она велась в условиях большой концентрации вражеских войск, интенсивной деятельности его контрразведывательных и карательных органов.

Положение усугублялось тем, что Ленинградская областная партийная организация в связи с быстрым продвижением противника на северо–западном направлении имела крайне мало времени для заблаговременной подготовки к борьбе в тылу врага. Уже 3 июля 1941 года гитлеровские войска вторглись в пределы Ленинградской области, к 20 сентября они вплотную подошли к Ленинграду и окружили его. Выражая лютую ненависть империалистов к городу Ленина — колыбели Великой Октябрьской социалистической революции, Гитлер отдал приказ: «…Ленинград, как крепость большевизма, стереть с лица земли, а население его уничтожить».

Со свойственным фашистам цинизмом гитлеровское командование в деталях разработало план этого чудовищного злодеяния. Излагая суть плана, начальник штаба германских военно–морских сил в секретной директиве от 29 сентября 1941 года писал: «Предполагается окружить город тесным кольцом и путём обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбёжки с воздуха сровнять его с землёй.

Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения»[392].

К осени 1941 года из 72 районов Ленинградской области 51 район был оккупирован врагом полностью и 12 районов частично. В руках фашистов оказались города Псков, Новгород, Луга, Выборг, Гдов, Старая Русса, Порхов, Остров, Кингисепп, Гатчина, пригороды Ленинграда Пушкин, Павловск, Петродворец и другие.

В исключительно сложной обстановке, в условиях, когда бои шли уже на территории Ленинградской области, обком, горкомы и райкомы партии проделали большую работу по развёртыванию партизанской борьбы против фашистских оккупантов.

В начале июля 1941 года обком партии создал специальную оперативную группу по организации партийных органов в тылу врага, партизанских формирований, а также подполья в населённых пунктах. Возглавлял её секретарь обкома Г. Х. Бумагин. Горкомам и райкомам партии было предложено немедленно приступить к созданию партизанских отрядов, баз с запасами оружия и боеприпасов и продовольствия, оборудованию лесных типографий, организации в населённых пунктах боевых подпольных групп, подбору явочных и конспиративных квартир.

Особое внимание было уделено обеспечению партийного руководства партизанской борьбой непосредственно на местах. Согласно указанию обкома ВКП(б) горкомы и райкомы партии с вторжением вражеских войск в пределы области должны были покинуть города и районные центры, перейти вместе с партизанскими отрядами в леса и оттуда направлять деятельность партизанских формирований, боевых партизанских групп в населённых пунктах, борьбу населения за срыв мероприятий оккупантов.

3 июля после речи И. В. Сталина обком партии провёл кустовые совещания секретарей сельских райкомов партии и командиров истребительных батальонов и отрядов. Совещания были проведены в Смольном и в городах Пскове, Кингисеппе, Дно и Лодейном Поле.

Участники совещаний получили указания об организации партийного и комсомольское подполья, партизанских отрядов и групп, создании партизанских баз и подпольных типографий. Командирам истребительных батальонов было приказано в случае оккупации их районов противником остаться в своих районах и начать вооружённую борьбу в тылу врага, превратив батальоны в

партизанские отряды.

Для оказания помощи местным партийным органам в подготовке к борьбе в тылу врага с 4 по 21 июля было подобрано и отправлено в города и районы области 68 коммунистов–организаторов — партийных и советских работников, преподавателей вузов, руководителей хозяйственных организаций. Среди них были инструктор Дзержинского райкома партии Ленинграда А. М. Азин, секретарь Осьминского райкома партии Е. Г. Рачеев, секретарь Шимского райкома партии М. Ф. Алябушев, преподаватель сельскохозяйственного института В. И. Кушннков, учителя коммунисты М. С. Воробьев, А. Ф. Дмитриев, Н. Н. Темнухин, агрономы коммунисты К. А. Андреев, А. Н. Лебедев, Л. В. Смирнова, А. П. Дмитриев, советские работники И. А. Васькин, П. Н. Мамыкин, С. А. Рыжов, И. В. Смирнов и другие.

Уполномоченные обкома проделали большую работу по подготовке к партизанской борьбе. С их помощью в оккупированных врагом районах были созданы крупные подпольные организации в Пскове, Дно, Луге, Порхове, Псковском, Гдовском, Полновском, Сланцевском и других районах области.

Одновременно повсеместно шло создание партизанских формирований. Важная роль в этом принадлежала Ленинграду. Срочно комплектуя дивизии народного ополчения для непосредственной защиты своего родного города, трудящиеся Ленинграда под руководством партийных органов создавали отряды и полки для партизанских действий в тылу врага. Так, из добровольцев Куйбышевского, Дзержинского и других районов города были образованы партизанские полки. 13 июля в Смольном состоялось совещание командиров и комиссаров этих полков. На нём выступили К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов. Они ознакомили собравшихся с положением на фронте и поставили перед партизанскими формированиями конкретные боевые задачи. Уже на второй день после совещания два полка численностью по 1200 человек каждый отправились в районы Пскова, Гдова и Сланцев.

15 июля были готовы к выступлению ещё пять партизанских полков из добровольцев Петроградского, Свердловского и других районов Ленинграда. Вечером в Доме культуры имени С. М. Кирова перед командирами и бойцами полков выступили секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов и секретарь горсовета Л. М. Антнфеев. От имени партизан с клятвой верности Родине выступил командир 5–го партизанского полка инженер коммунист К. Н. Волович. Ночью полки были

отправлены в районы Новгорода и Пскова.

Большая работа проводилась на местах. Когда в половине июля юго–западные районы Ленинградской области были оккупированы вражескими войсками, обком партии направил в Старую Руссу, Новгород, Лугу и Кингисепп ещё одну группу своих представителей. В Лугу, например, выехал секретарь обкома И. И. Баскаков, в Старую Руссу —А. Н. Шинкарев, в Шимск — заведующий отделом обкома С. Т. Коротков, в Кингисепп — директор Политехнического института П. А. Тюркин.

В двадцатых числах июля в Луге, Новгороде, Старой Руссе и Кингисеппе представители обкома партии провели кустовые совещания руководящих работников оккупированных и прифронтовых районов области. Участники совещания были ознакомлены с постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск». Особое внимание при этом, было обращено на ту часть постановления, где речь шла о персональной ответственности партийных руководителей за организацию партизанского движения в районах, где они работали до вражеской оккупации. После совещаний руководящие работники Псковщины А. В. Гущин, И. Г. Киселев, В. Ф. Михайлов, В. А. Акатов, В. И. Челноков и другие переправились за линию фронта в свои районы. В это же время из Старой Руссы в тыл противника перешли секретари райкомов партии и другие руководящие работники Порховского, Дновского и Новосельского районов С. А. Орлов, А. К. Тимм, И. В. Курсаков, М. И. Тимохин, П. В. Селецкий и другие. Из Кингисеппа в свой район переправились секретари и другие партийные работники Сланцевского района.

Всего к концу июля в оккупированных врагом юго–западных районах области осталось 639 руководящих партийных, комсомольских и советских работников. Среди них было 88 секретарей, 51 заведующий отделом, 46 инструкторов и пропагандистов райкомов и горкомов партии, 29 председателей райисполкомов, 58 других районных работников[393].

Уже в июле активную работу в тылу врага развернули Полновский, Псковский, Дедовичский, Дновский, Поддорский, Лядский, Гдовский, Оредежский, Осьминский, Уторгошский и другие райкомы партии. Так, Полновский райком партии в начале июля, ещё до оккупации противником района, создал из добровольцев, главным образом из партийного, комсомольского и советского актива, три партизанских отряда. Каждому из них был определён район боевой деятельности. В лесах с помощью колхозного актива райком создал партизанские базы, куда своевременно были завезены оружие, боеприпасы, взрывчатка,

одежда, обувь, продовольствие и т. д.

Наряду с организацией партизанских отрядов секретарь Полновского райкома партии П. В. Пушков и уполномоченный обкома партии В. И. Кушников большое значение придавали подготовке к подпольной борьбе в населённых пунктах. Они лично подбирали людей в подполье, инструктировали их, устанавливали пароли, договаривались о средствах связи.

Ведущей силой в подполье и в партизанских отрядах были коммунисты. Для борьбы в тылу врага здесь остался весь районный партийный актив — работники райкома партии и райисполкома, более 100 коммунистов из парторганизаций сельсоветов, колхозов, совхозов и МТС[394].

Райком партии видел свою задачу в распространении среди населения большевистской правды, в разоблачении злодеяний и пропаганды захватчиков. В августе 1941 года на партизанской базе у хутора Блянская мельница была оборудована типография. Дело это было исключительно трудным. Готовясь к вражеской оккупации, коммунисты районной газеты разобрали печатную машину и вместе с другим оборудованием, красками и бумагой зарыли под зданием типографии в райцентре — в посёлке Полна, где фашисты потом разместили большой гарнизон. Достать из тайника типографское оборудование и переправить его из посёлка в лес было сопряжено с риском для жизни… Темной августовской ночью группа работников райкома пробралась в районный центр и с помощью работницы типографии Н. Карповой извлекла из ямы типографское оборудование и в течение нескольких ночей частями перенесла его в лес.

Издание газеты райком партии поручил её довоенному редактору П. Ф. Соловьеву. 15 сентября 1941 года полновская газета «Колхозная трибуна» вышла. Это была первая советская газета, изданная на оккупированной гитлеровцами территории Ленинградской области.

Примерно так же начинали свою работу и другие оставшиеся в тылу врага партийные органы. Из работников Псковского горкома и райкома был создан единый партийный центр. В его состав вошли секретари горкома А. В. Гущин, В. Ф. Михайлов, председатель горсовета Д. А. Богланов, секретари райкома И. Г. Киселев и В. А. Акатов, председатель райисполкома В. И. Челноков, уполномоченный обкома партии агроном К. А. Андреев[395]. Из коммунистов, советских работников и беспартийных активистов было сформировано три партизанских отряда, подобраны и утверждены их командиры и комиссары. В лесах Сорокового бора с помощью колхозников были оборудованы партизанские базы.

В Пскове вначале были созданы небольшие подпольные группы и подобраны для них явочные квартиры. В дальнейшем, в августе и сентябре 1941 года, под руководством А. В. Гущина и И. Г. Киселева в городе и прилегающих районах была проделана большая работа по созданию широкой сети подполья, в состав которого вошли и беспартийные патриоты.

В августе подпольщики разыскали припрятанные радиоприёмники, установили их на конспиративных квартирах в городе и районе, принимали сводки Совинформбюро, составляли на их основе листовки и распространяли их среди населения.

В Гдовском районе к 15 июля было сформировано три партизанских отряда и пять диверсионных групп. Почти во всех сельсоветах имелись подпольные группы. В подполье и партизанских отрядах было более 260 коммунистов и комсомольцев[396]. Для руководства подпольной борьбой и партизанскими отрядами в тылу врага остался почти весь состав Гдовского районного комитета партии. В него вошли секретари райкома Т. Я. Печатников, М. С. Алексеев, председатель райисполкома И. Н. Гаврилов, начальник районного отдела НКВД В. А. Пашкин, заведующий отделом пропаганды райкома В. С. Зайцев, секретарь райкома комсомола И. Н. Никитин, редактор районной газеты В. Д. Сажин и уполномоченный обкома партии С. А. Рыжов.

Уходя в лес, редактор гдовской районной газеты В. Д. Сажин захватил с собой мешок шрифта. Это дало возможность оборудовать в партизанском лагере типографию и начать издание листовок и районной газеты «Гдовский колхозник»[397]. Политическая работа Гдовского райкома партии сразу же приобрела широкий размах. Она велась среди населения Гдовского, Сланцевского и Лядского районов.

Во второй половине августа к активной деятельности в тылу врага перешли райкомы партии южных районов Ленинградской области: ПодДорский, Лычковский, Старорусский, Полавский, Молвотивицкий, Пожеревицкий, Бслебелковский, Дедовичский и другие.

Они имели некоторое время для подготовки к борьбе в условиях фашистской оккупации. Коммунисты, советские работники и беспартийные активисты Поддорского района были объединены в два крупных партизанских отряда. Одним из них командовали председатель райсовета К. М. Мирошниченко (командир) и секретарь райкома партии Г. Б. Ермаков (комиссар), вторым — заведующий топливным отделом Леноблисполкома, партизан гражданской войны А. П. Невский (командир) и секретарь райкома партии П. А. Ступаков (комиссар). В отрядах

было 120 человек. В обширных поддорских лесах были созданы для партизан базы.

Одновременно во всех сельсоветах райком партии создал подпольные партийные и комсомольские организации. В 30 населённых пунктах были сформированы из населения группы самообороны. В нужный момент они могли быть включены в партизанские отряды.

С подходом вражеских войск к районному центру райком партии вместе с отрядами ушёл на партизанскую базу. Созданная заранее подпольная сеть позволяла райкому партии сохранять прочные связи со всеми населёнными пунктами района, направлять в них борьбу с захватчиками.

Райком заблаговременно обеспечил переправку в лес печатного станка, шрифтов, наборных касс и других типографских принадлежностей, запасов бумаги и краски. В составе райкома был опытный редактор М. Г. Абрамов. Большую помощь ему в налаживании работы лесной типографии оказал старый член партии, опытный латышский подпольщик Э. К. Озолинь. Первый номер районной газеты «Большевистское знамя» в условиях вражеской оккупации вышел в начале ноября 1941 года тиражом 200 экземпляров и был быстро распространён среди населения Поддорского, Молотовицкого, Залученого и Белебелковского районов[398].

В конце августа к действиям в тылу врага перешли райкомы партии районов, расположенных непосредственно у Ленинграда: Лужский, Осьминский, Волосовский, Оредежский, Тосненский, Чудовский и другие. Эти райкомы имели относительно большой резерв времени для подготовки к партизанской борьбе — до двух месяцев.

Лужский райком партии до вторжения в район гитлеровских войск сформировал 17 партизанских отрядов и групп, общей численностью около 400 человек[399], заблаговременно создал в лесах базы продовольствия, одежды, оружия и боеприпасов. В самой Луге и других населённых пунктах района были подобраны конспиративные и явочные квартиры. Горком и райком партии объединились в районный штаб во главе с секретарём райкома партии И. Д. Дмитриевым. 25 августа штаб вместе с партизанскими отрядами ушёл на партизанскую базу.

И так было всюду. В каждом оккупированном врагом районе во главе народной партизанской борьбы оставались секретари райкомов партии, председатели райисполкомов, другие руководящие партийные, советские и комсомольские работники. Они хорошо знали население, условия его жизни и быта, пользовались в народе большим авторитетом. Все это

плодотворно сказывалось на организации и развёртывании партизанского движения в захваченных врагом районах.

Большую помощь партийным органам оказывали Ленинградский областной и городской комитеты комсомола. Их секретари В. Н. Иванов, О. Н. Сехчин, А. Ф. Вуколов и работники аппарата областного комитета комсомола с первых дней войны непосредственно на местах руководили работой райкомов ВЛКСМ по организации подполья и комплектованию партизанских отрядов. Уже осенью 1941 года в тылу вражеской армии действовали десятки комсомольско–молодёжных отрядов и более ста подпольных молодёжных групп. В их составе было более 300 руководящих комсомольских работников[400]. Вожаками партизан стали многие секретари райкомов комсомола: Гдовского района — И. Н. Никитин, Оредежского — А. И. Голицин, Лужского — Ф. Милош, Дедовичского — А. И. Лосева, Осьминского — А. Ф. Юдин, Красносельского— Н. В. Колосов, Новгородского — А. Устинов, Карамышевского — В. Г. Утина и другие.

В итоге проделанной партийными органами работы партизанское движение в Ленинградской области получило широкий размах уже в начале войны.

Огромная заслуга в этом принадлежит Ленинградскому обкому партии. Его секретари А. А. Жданов, Т. Ф. Штыков, Г. Х. Бумагин, М. Н. Никитин постоянно проявляли большое внимание организации партизанской борьбы в оккупированных противником районах. Областные работники помогали оперативно решать вопросы обеспечения партизанских формирований и подпольных организаций оружием, боеприпасами, одеждой, обувью, продовольствием — всем необходимым для борьбы с оккупантами. По указанию партийных органов военкоматы и торгующие организации обеспечивали партизан оружием и продовольствием. Только в июле и августе 1941 года на партизанские базы было завезено 4229 винтовок, 32 пулемёта, десятки тысяч ручных гранат, тысячи килограммов взрывчатки, бутылки с горючей смесью, специальные спички для поджога складов, приспособления для проколов автомобильных шин на шоссейных дорогах, финские ножи и т. д.[401] Это вооружение для партизан и подпольщиков было изготовлено рабочими заводов Ленинграда имени С. М. Кирова, имени К. Маркса, «Красногвардеец» и других предприятий города.

В начале сентября, когда Ленинград оказался в кольце вражеской блокады, в городе из добровольцев был создан 191 партизанский отряд. Каждый район Ленинграда сформировал от 10 до 18 отрядов по 35–70 человек в каждом.

Для связи с оставшимися в тылу врага партийными органами

и партизанскими формированиями на специальных учебных пунктах была развёрнута подготовка радистов из молодых патриотов, стремившихся к борьбе в тылу врага.

К осени 1941 года в тылу вражеских войск, действовавших на территории Ленинградской области, активно работали 392 подпольные организации и группы, вели боевые операции 287 партизанских отрядов по 35–50 человек, четыре партизанских батальона по 200— 250 человек, шесть партизанских полков по 1000–1200 человек, четыре партизанские бригады по 400–1200 человек[402]. Всего в партизанских формированиях и подпольных организациях было около 18 тысяч партизан и партизанок[403]. Это был незримый фронт осаждённого Ленинграда, внёсший значительный вклад в его героическую оборону.

Цементирующей силой партизанских формирований и подполья являлись коммунисты и комсомольцы. Только в составе партизанских формирований было 40 процентов коммунистов и 15 процентов комсомольцев[404]. В каждом партизанском соединении имелись партийные и комсомольские организации.

Непосредственно на местах руководство подпольными организациями и партизанскими формированиями осуществляли 26 райкомов и 2 районных партийных центра[405] (Псковский и Лужский). Кроме того, в оккупированных врагом районах в тесном контакте с партийными органами работали уполномоченные обкома партии[406].

Укрепляя руководящие партийные органы на местах, обком партии одновременно принимал меры по организации руководства партизанским движением в масштабе всех оккупированных врагом районов области, координации его с задачами, решавшимися советскими войсками.

На территории Ленинградской области к концу 1941 года вели борьбу с врагом Ленинградский, Волховский и Северо–Западный фронты. Для обеспечения взаимодействия партизанских формирований и подпольных организаций с регулярными войсками и оперативного руководства деятельностью подполья и партизанских формирований обком партии в сентябре 1941 года образовал свой специальный военный орган — Ленинградский областной штаб партизанского движения (ЛШПД) во главе с секретарём обкома М. Н. Никитиным.

По сути ЛШПД представлял собой своеобразный расширенный военный отдел обкома партии и полностью был ему подотчётен. Это был один из первых в истории Великой Отечественной войны областных штабов партизанского движения. Позже, как известно, такие штабы были созданы в союзных

республиках и большинстве других областей, подвергшихся фашистской оккупации.

Для помощи партийным и комсомольским органам, действовавшим в тылу врага, в составе ЛШПД был создан специальный сектор. В него входили заведующий сектором партийных кадров обкома партии М. А. Старшинов и инструктор обкома комсомола А. П. Шапошникова.

Для связи с советским командованием при штабах Ленинградского и Волховского фронтов были оперативные группы ЛШПД во главе с А. А. Гузеевым и В. П. Гординым, а И. Н. Поликарпов и автор этой статьи являлись уполномоченными обкома партии по организации и руководству деятельностью подполья и партийных организаций партизанских соединений.

Таким образом, уже к концу 1941 года сложилась гибкая система партийного и военного руководства партизанской борьбой на территории захваченных врагом районов Ленинградской области. Она отличалась многими поучительными особенностями. Во–первых, Ленинградскому обкому партии удалось почти повсеместно создать в тылу врага партийные органы, являвшиеся боевыми штабами боровшегося с захватчиками народа. Во–вторых, Ленинградский обком партии, создав областной штаб партизанского движения и его представительства на фронтах, а также институт своих уполномоченных в оккупированных районах, получил возможность оперативно направлять партизанскую войну в масштабе всех оккупированных районов, координировать деятельность партизанских сил с задачами, решавшимися Красной Армией.

В дальнейшем эта система укреплялась и совершенствовалась вплоть до полного разгрома вражеских войск под Ленинградом.

* * *

В течение двух с половиной лет почти вся территория Ленинградской области была оккупирована гитлеровскими войсками. Они не только вели боевые действия. Почти все захваченные районы Ленинградской области административно входили в зону тыла группы армий «Север». Власть здесь целиком принадлежала армейскому командованию. И об этой власти следует сказать особо.

Сейчас многие западные буржуазные историки усиленно пропагандируют выдвинутый ими тезис о непричастности

фашистского вермахта к преступлениям, чинившимся гитлеровцами на оккупированных ими территориях. Схема этого тезиса проста: вермахт был слепым орудием в руках гитлеровской клики и вёл лишь боевые операции па фронте, его генералы, «далёкие от политики», выполняли только свои «профессиональные функции» — руководили боевой деятельностью войск. Что же касается зверств по отношению к населению, всего кровавого оккупационного режима на захваченных территориях, то это дело специального карательного аппарата нацистской партии и фашистского государства. Отсюда делается вывод: вермахт не повинен в этих злодеяниях, в осуществлении преступной оккупационной политики гитлеровской клики.

Но, повторяем, в большинстве оккупированных районов Ленинградской области вся полнота власти принадлежала армейскому командованию — «далёким от политики» «профессиональным военным». Как же они осуществляли «управление» подведомственными им районами и их населением?

Вот лишь отдельные факты. За два с половиной года вражеской оккупации города Пушкина здесь было расстреляно и повешено 18 368 человек, угнано в Германию 17 968 юношей и девушек, в Петродворце было уничтожено 4265 и угнано на фашистскую каторгу 30 783 советских гражданина. Почти полностью было истреблено не успевшее эвакуироваться население Гатчины, Павловска, Стрельни, Лигово и многих других городов и рабочих посёлков.

Замечательные парки Пушкина, Гатчины, Павловска и Петродворца, где до войны отдыхали миллионы людей, были превращены в места массовых казней.

Непременными принадлежностями каждого города и районного центра были тюрьмы и помосты с виселицами, где устраивались публичные казни советских патриотов.

И каждый раз расправы с населением, с партизанами и подпольщиками производились с потрясающим садизмом. Вот как описал бесчинства гитлеровской армии в своём письме товарищам командир Тосненского партизанского отряда И. К. Алексеенко:

«Друзья мои, родные собратья по оружию. Может, вам не в новинку будет то, что я сейчас скажу. Сами вы видели много такого, от чего холодеет кровь, ранней сединой покрываются головы. Говорить об этом — бередить раны. И все-таки я не могу молчать, я должен рассказать вам о том, что видел совсем недавно в тылу у немцев.

Я помню кровавый разгул фашистского зверя в деревне

Красные Горки. Дети — всегда дети. Они собрались у здания школы, играли. Веселая группа детей привлекла внимание двуногих фашистских зверей. Людоеды решили превратить детей в мишень для своих упражнений в стрельбе. Прошло несколько мгновений. У школы, в пыли, в луже крови, остались лежать девять детских трупиков.

Я видел это, товарищи. Можно ли позабыть! Закроешь на миг глаза — встаёт перед взором всё это, и нечеловеческой силой наливается каждый мускул…

Я знаю, как зверски пытали семью партизана Николая Глухова. Мучили всех членов семьи на глазах друг друга. Мучили старых и малых, выпытывали, куда ушёл сын, где скрываются партизаны. Молчали советские люди, никто ничего не сказал врагу. Тогда разъярённые звери схватили старую мать, связали и бросили её в топящуюся печь, сожгли заживо. Этого тоже, товарищи, никогда не забыть. И о том не забыть, как зверски замучили фашистские звери всю семью партизана Люшкова. Двух девочек — двенадцати и четырнадцати лет — похотливые скоты изнасиловали, а потом расстреляли…

Сегодня жить с пользой — значит убивать фашистских бешеных волков. День, когда мы ничего не сделали, чтобы уничтожить врага, погубленный день»[407].

Средством массового уничтожения советских людей был голод. Население городов фактически не снабжалось продовольствием, ходить в деревни за продуктами ему запрещалось. Уже осенью 1941 года в оккупированных гитлеровцами городах Ленинградской области начался массовый голод, а осенью и зимой он принял огромные размеры. Голодной смертью погибли сотни тысяч жителей.

Оккупанты систематически проводили разрушение городов. В Пушкине, Павловске, Гатчине, Петродворце после изгнания захватчиков не осталось ни одного уцелевшего здания. Дворцы–музеи были разграблены, предприятия, школы и жилые дома разрушены. В Новгороде оккупанты разрушили и сожгли 2346 домов. К моменту освобождения этот древний русский город, где до войны жило 100 тысяч человек, представлял собой сплошные руины, среди которых чудом уцелело 25 жителей и 15 зданий[408]. В другом древнем русском городе — Старой Руссе сохранилось лишь одно неразрушенное здание.

Так же поступили захватчики с городами и районными центрами Чудово, Демянском, Мгой и другими населёнными пунктами. В Чудово к моменту освобождения не осталось ни одного целого дома, Демянск был превращён в сплошные груды щебня и пепелища.

Дикие бесчинства творили оккупанты в сельской местности. Имущество колхозов, совхозов и МТС было объявлено трофеями гитлеровской армии. Многие совхозы и колхозы были переданы в собственность гитлеровским генералам и немцам–колонистам. В некоторые усадьбы возвратились их бывшие владельцы, изгнанные Октябрьской революцией. Для работы в поместьях передавались целые села. Так, в Порховском районе совхоз «Полонье» и земли прилегавших совхозов стали вотчиной порховского коменданта графа Хильмана. Для работы в его имении было прикреплено несколько сот крестьян[409]. Совхоз «Искра» был передан немецкому барону Шауэру. Работать в имении гитлеровцы обязали крестьян окрестных деревень. Рабочий день длился по 15–16 часов в сутки, за что крестьянам давали по 300 граммов овсяной муки. За невыполнение норм выработки применялись телесные наказания. Делалось это с присущим фашистам изуверством. Так, в начале мая 1942 года Шауэр согнал прикреплённых к нему крестьян и в их присутствии лично руководил поркой одиннадцати женщин. 55–летняя Е. Ф. Кузмина была запорота до смерти[410]. И это не единичные факты. Хозяйство бывшего совхоза «Большевичка» стало собственностью гитлеровца Леккерта, на землях колхозов Кенезерье, Люблино и Городец Лужского района было воссоздано имение бывшего местного помещика Бильдерлинга, земли колхозов Волосовского района составили имения немецкого барона Кельнера и гитлеровца Гутмана.

На землях совхозов Гари, Вишенка и Дновский массив Дновского района было создано обширное имение гитлеровца Бека. Сюда на работы сгонялись тысячи крестьян. Целая свора надсмотрщиков подгоняла их плётками и палками. Сам Бек выезжал в поле и стрелял из автомата по крестьянам с таким расчётом, чтобы они не разгибали спин[411].

Повсеместно была установлена грабительская система налогов, поставок и всевозможных поборов. Так, на Псковщине с каждого крестьянского двора взимался подворный налог по 240 рублей в год, с каждого трудоспособного мужчины — по 120 рублей, за рабочую лошадь — от 800 до 1200 рублей. Не забыты были даже собаки и кошки. За собаку нужно было платить 60 рублей в год, за кошку — 30. И уж прямым издевательством над населением были налоги на содержание прислужников оккупантов — старшин, старост, полицейских.

Кроме того, взимались натуральные поставки: с гектара посева зерновых — 2 центнера зерна (при среднем урожае в 3–4 центнера), 8 пудов сена и до тонны картофеля с хозяйства, 360 литров молока с коровы, 30–50 яиц с курицы и т. д.[412].

Однако эти грабительские нормы существовали только на бумаге. На деле гитлеровцы забирали все под метёлку. Только в течение первого месяца своего хозяйничанья в Гдовском районе гитлеровцы отобрали у населения более 3 тысяч голов крупного рогатого скота и за сопротивление грабежу убили 133 колхозника[413]. В деревне Закрапивно Полновского района за отказ отдать имеющиеся продукты гитлеровские солдаты учинили коллективную порку её населения.

Осенью 1942 года началась массовая насильственная отправка трудоспособного населения в Германию. Специальные воинские команды совершали внезапные налёты на населённые пункты, оцепляли их и всех захваченных мужчин, женщин и молодёжь отправляли на сборные пункты. В деревне Палицы Порховского района за отказ «добровольно» поехать в Германию гитлеровцы загнали 90 крестьян в сарай и всех сожгли живыми[414].

Так действовали обычные полевые части вермахта, возглавляемые «далёкими от политики» генералами. Так же действовали и части СС, возглавлявшиеся головорезами Гиммлера. И те и другие рука об руку совершали самые чудовищные преступления из всех, какие знала история.

Помимо всех других задач установленный гитлеровцами кровавый террористический режим имел целью подавить народную борьбу с захватчиками. Но советский народ не из пугливых. Он поднялся на смертный бой с захватчиками. И никакие репрессии не могли остановить его.

Наличие крупных лесных массивов в Ленинградской области позволило обкому партии сделать упор на преимущественное развитие действий партизанских формирований — отрядов, бригад и т. д. Однако и другие формы партизанского движения— деятельность подпольных организаций и групп в населённых пунктах и массовая борьба населения за срыв мероприятий оккупантов — играли здесь большую роль в борьбе с фашистскими захватчиками.

Причем ленинградским подпольщикам приходилось работать в особо сложных условиях. С одной стороны, как указывалось выше, гитлеровцы уничтожали, морили голодом и угоняли в Германию население городов и районных центров. Оно быстро сокращалось. Многие горожане бежали в леса. В результате в городах, имевших до войны десятки тысяч населения, к моменту их освобождения оставалось по нескольку сотен и даже десятков человек. Во–вторых, во всех городах, районных центрах, рабочих посёлках, станциях и крупных сёлах области размещались гарнизоны почти 700–тысячной группы армий «Север», а под

Ленинградом и в прифронтовых районах гитлеровцами были заняты абсолютно все селения, даже лесные хутора.

Во всех населённых пунктах был установлен строжайший полицейский режим. Пребывание жителей вне своих домов разрешалось только в определённое время, которое систематически менялось. «С наступлением темноты, — говорилось в многочисленных приказах гитлеровцев, — все должны сидеть дома». Для посещения соседней деревни требовался пропуск старосты, для поездки в другой район — пропуск военной комендатуры. Под угрозой расстрела запрещалось без пропуска ходить в лес.

В начале 1942 года всю прифронтовую полосу гитлеровцы поделили на две зоны: «запретную» и «закрытую». В запретной зоне (отсюда жители были выселены) каждый гражданский человек, появлявшийся без сопровождения немецкого солдата, расстреливался на месте. В закрытой зоне жители могли (при наличии пропусков) передвигаться между населёнными пунктами, но только в дневное время и в сопровождении немецких солдат.

В оккупированных врагом населённых пунктах Ленинградской области располагались многочисленные разведывательные, контрразведывательные и карательные органы противника. Они установили строгий учёт жителей и слежку за ними.

И тем не менее подполье в занятых врагом населённых пунктах начало действовать с первых дней вражеской оккупации.

Под руководством райкомов партии с начала вражеской оккупации крупные подпольные организации работали в Пскове и Псковском районе, Порхове и Порховском районе, в Дно и Дновском районе, Луге и Лужском районе, в Полновском, Гдовском, Сланцевском, Осьминском, Серединском и других занятых врагом районах.

В Пскове и Псковском районе действовало 29 подпольных организаций и групп, насчитывавших более 100 коммунистов, комсомольцев и беспартийных патриотов[415]. Численно они были небольшими — ог 3 до 25 человек. Такие группы были в деревнях Новое Поле, Великополье, Тупицы, Большая Дуга, Русиново, Дубровка, Сабежп, Калядуха, Шушпаново, на острове Зелите и других. Подпольщики распространяли листовки, проводили политические беседы с населением, организовывали его на срыв мероприятий оккупантов, оказание всемерной помощи партизанским отрядам.

В Пскове действовало более десятка подпольных групп. На Псковской ТЭЦ подпольной группой руководил секретарь

горсовета С. Г. Никифоров, на Октябрьской улице — П. Губина, на улице Гоголя— А. М. Яковлева, на Школьной улице — А. И. Иванова, на Печерском подворье — Рубцова. Деятельность этих групп непосредственно направлял секретарь Псковского райкома партии И. Г. Киселев. По его заданиям подпольщики распространяли листовки, собирали сведения о вражеском гарнизоне Пскова, совершали диверсии на железной дороге и предприятиях города.

В конце 1941 года в Пскове была создана ещё одна подпольная группа. Руководил ею коммунист И. А. Екимов. В группу входили Б. Петров, Е. Петрова, М. Матвеев и жена Екимова — А. Туханова. Вскоре М. Матвеев привлёк к подпольной работе надёжную молодёжь и создал из неё комсомольско–молодёжную группу. Екимов и Туханова писали листовки, а размножали и распространяли их юноши и девушки из группы Матвеева. К осени подпольщики собрали радиоприёмник, что дало им возможность распространять в городе посредством листовок сводки Совинформбюро. Кроме того, Екимов организовал из надёжных людей города и окрестных деревень кружок для прослушивания радиопередач. Члены кружка устно распространяли содержание передач московского радио среди населения. Вскоре из слушателей радиопередач была создана подпольная группа в деревне Дулова Гора. В неё вошли колхозники братья Павловы, Максимовы, Гуров, Балуев и другие. Группе было поручено распространять листовки, газеты и проводить беседы с крестьянами, организовывать их на срыв мероприятий захватчиков, подбирать надёжных людей в партизанский отряд.

В Псковском депо отважно действовала диверсионная группа коммуниста Л. С. Акулова. Многие поезда, проходившие через Псковский узел, минировались подпольщиками и взрывались в пути. Группой был сожжён псковский вокзал и Дом офицеров, в котором размещались гитлеровцы. На железной дороге, в 25 километрах от Пскова, члены группы устроили столкновение двух поездов.

Псковский партийный центр придавал большое значение проникновению подпольщиков в учреждения оккупантов. Как правило, гитлеровцы назначали начальниками районов, бургомистрами городов, волостными старшинами и старостами сынов изгнанных помещиков, белогвардейцев, кулаков и просто уголовных преступников. Но иногда проводились инсценировки «выборов». Этим умело пользовались псковские подпольщики. Им удалось устроить старостами и старшинами, а также заслать в комендатуру, земельное управление, полицию и другие органы

захватчиков 32 патриота. Это дало возможность партийному центру своевременно получать необходимую информацию, узнавать о грозящей подпольщикам и партизанам опасности, помогало обеспечивать партизан продовольствием, одеждой, оружием и боеприпасами. Так, старшина Тямшанской волости Егоров срывал заготовки продовольствия для оккупантов, организовал из местной молодёжи подпольную группу, передал на её вооружение 34 винтовки, три станковых и семь ручных пулемётов, более 5 тысяч патронов. Староста Логозевской волости Козлов собирал в волостное управление на совещания подчинённых ему доверенных людей и по–своему «разъяснял» распоряжения оккупантов — инструктировал, как их срывать. Подпольщиками были старшины Верхне-Галковской и Ляховской волостей. Заведующий продовольственным складом в посёлке Красные Пруды Иванов переправил партизанам 60 мешков муки.

В Полновском районе активно работала подпольная группа учителя коммуниста Д. И. Певцова, созданная уполномоченным обкома партии В. И. Кушниковым. В её состав входили коммунисты, комсомольцы и беспартийные активисты. Вскоре группа превратилась в крупную организацию, насчитывавшую более 60 человек[416]. Во многих деревнях Полновского и Середкинского районов она создала действовавшие под её руководством подпольные группы.

Организация развернула широкую политическую работу среди населения. Одновременно велась активная боевая деятельность. Подпольные группы громили использовавшиеся гитлеровцами маслозаводы в деревнях Островцы, Низовцы, Спицыно и других, сожгли лесопильный завод в деревне Подлипье, разрушили рыбный завод и два катера на Чудском озере, сожгли 30 мостов на шоссе Псков — Гдов, сорвали 18 километров телефонно–телеграфных проводов и т. д.[417]

Боевые группы полновской подпольной организации состояли из 3–5—7 человек. Они отличались от партизанских отрядов тем, что их участники не уходили в леса, а жили среди населения и, как все крестьяне, днём выполняли полевые и домашние работы, а ночью брали оружие и выходили на боевые операции. Совершив их, подпольщики прятали оружие и расходились по своим домам. Гитлеровцы искали виновников диверсий в окраинных лесах и, естественно, не находили их.

Наряду с организацией Д. И. Певцова в Полновском районе работала организация коммуниста А. Е. Балудина и десятки подпольных групп в деревнях Залохтовье, Усадище, Спицыно и других.

Эффективность подпольной деятельности повышалась тем,

что райкому партии удалось заслать надёжных людей на должности старост и старшин в ряд учреждений оккупантов. Старосты деревень Новая Зубовщина — Теретьев и Старая Зубовщина — Лукин систематически информировали райком партии о положении в районе, знакомили с административно–хозяйственными мероприятиями фашистских властей, оказывали помощь партизанским отрядам. Особенно активно работали на партизан и подпольщиков старосты деревеиь Вязово — Андреев, Дубяги — Бобылев, Зимовцы — Семенов, Шмелеве — Иванов. С их помощью были созданы запасы продовольствия для партизан. Они скрывали попавших в окружение советских воинов, помогали семьям партизан и красноармейцев.

В Гдовском районе уже летом 1941 года работали пять партийных и три комсомольские группы. Особенно активно начала свою деятельность партийная группа, состоявшая из коммунистов А. Н. Мининой, М. А. Тимофеева, Ф. Я. Седанова, А. Я. Сайкина, комсомольские группы под руководством И. Зимарова, Г. А. Кузьминой и М: В. Степановой. По заданию райкома партии они вели агитационную работу среди рабочих сланцевых рудников, мобилизовывали их на срыв работ. Одновременно подпольщики проводили диверсии на шахтах. А. Я. Сайкин и члены группы, в которую он входил, вывели из строя 28 моторов на рудниках.

Большую работу по организации патриотических сил в Луге и Лужском районе проделала подпольная организация, руководимая учителем истории коммунистом Н. Н. Теплухиным. В неё входили А. М. Бабаев, А. Иванов, Н. Семенов, К. Никитин, Л. Быстров и другие.

Уполномоченный обкома партии Н. Н. Теплухин установил связь с учителями местной средней школы и вовлёк в созданную им подпольную организацию учителей Антонину и Валентину Лениных, А. Михайлову и М. Шибанову, делопроизводителя школы А. Войцкевича. Затем Н. Н. Теплухин познакомился с медицинской сестрой городской больницы Котовой и через неё с врачами А. Н. Румянцевым, Ф. К. Флоренцовым и И. П. Цветковым. Вскоре в больнице была образована подпольная группа медицинских работников. Она вела агитационную работу среди больных, оказывала медицинскую помощь партизанам.

Осенью 1941 года Н. Н. Теплухин установил связь с рабочим шерстоваляльного завода В. В. Гуделем. Радиотехник по профессии, Гудель по заданию Н. Н. Теплухина устроился работать в радиомастерскую оккупантов. Из разрозненных частей он собрал радиоприёмник и установил его у себя па квартире. С этого времени подпольщики ежедневно переписывали от руки и

распространяли по городу и району сводки Совинформбюро.

Гитлеровцы усиленно искали подпольную организацию, устраивали облавы и повальные обыски в городе. Несколько раз обыску подвергалась комната, где жил Н. И. Теплухин, но каждый раз безрезультатно. Н. Н. Теплухин осторожно вёл дело, тщательно подбирал новых людей в подполье и умело руководил ими. Осенью 1941 года он познакомился с военнопленным лейтенантом П. А. Ермилиным и его сестрой В. А. Ермилиной, работавшей кладовщицей в вещевом складе лужского лагеря военнопленных. Через Ермилиных подпольная организация засылала в лагерь листовки, организовывала побеги военнопленных. Вскоре П. А. Ермилин создал боевую группу из вызволенных из плена советских воинов, а затем партизанский отряд.

В подполье были вовлечены рабочие типографии и немецкой хозяйственной комендатуры А. Н. Шутов, В. В. Быков и Иванов. Из них была создана специальная группа. Она доставала продовольственные карточки и пропуска для выхода из города.

В это время население Луги голодало. Подпольщики обеспечивали наиболее остронуждающихся продовольственными карточками и пропусками для приобретения продуктов в деревнях. Многие жители города Луги таким путём были спасены от голодной смерти.

Так была создана в Луге большая подпольная организация. В ней было до 40 человек. Еще в начале октября 1941 года организация установила связь с подпольными группами Ветчинского, Красногородского, Толмачевского, Сабицкого, Бутковского, Раковенского, Лесновского, Островенского и других сельсоветов. Все эти группы возглавляли коммунисты. Объединенная организация состояла из 5 городских и 12 сельских подпольных групп, насчитывавших 130 коммунистов, комсомольцев и беспартийных патриотов[418].

Подпольщики распространяли газеты и листовки, вели беседы среди крестьян, собирали продовольствие и одежду для партизанских отрядов В. М. Романова, П. Г. Лукина, С. И. Полейко и других, вели для них разведку. Через лужскую подпольную организацию райком партии организовывал население на срыв мероприятий оккупантов. В частности, по призывам подпольщиков население района уклонялось от дорожных работ, не выходило на торфоразработки и лесозаготовки. Подпольщики сорвали отправку молодёжи в Германию, провели ряд диверсий на заводах, складах, в типографии, сожгли две казармы гитлеровцев в Луге[419].

В лужской подпольной организации была замошская

комсомольская группа. Действовала она с первых дней оккупации района до марта 1942 года. Руководил ею инструктор Лужского райкома комсомола Анатолий Ваулин. В состав группы входили Александр Парфеев и Антонина Бардистова. Работала эта маленькая группа исключительно энергично. Александр Парфеев устроился писарем к старосте деревни. Малограмотный староста редко был трезвым. Этим пользовался Парфеев. Он прибрал к рукам всю документацию, бланки, удостоверения, печать. Имея подлинные документы, члены группы беспрепятственно ходили по району, собирали сведения о вражеских гарнизонах в Луге, Толмачеве, Долговке, Пелкове и других населённых пунктах. Информацию они передавали в Лужский подпольный райком партии и Толмачевский партизанский отряд. Комсомольцы–подпольщики собирали среди населения для партизан продовольствие, одежду, убирали предателей и изменников родины. В конце февраля 1942 года гитлеровцам удалось арестовать членов группы. После зверских пыток комсомольцы были расстреляны. Ночью жители деревни Пелково подобрали истерзанные трупы патриотов и тайно похоронили их.

Большая хорошо законспирированная подпольная организация работала в Осьминскоуі районе. В её составе было 27 групп, насчитывавших 177 коммунистов, комсомольцев и беспартийных патриотов. Руководил организацией Осьминский райком партии во главе с А. Я. Цветковым. Активное участие в руководстве подпольной работой, всей партизанской борьбой в районе принимали уполномоченный обкома партии «Е. Г. Рачеев, председатель райисполкома Д. В. Филиппов, секретарь райкома комсомола А. Ф. Юдин, бывший районный уполномоченный Наркомата заготовок И. В. Скурдинский.

Осенью 1941 года райком партии был разгромлен, его секретарь А. Я. Цветков убит. Решающая роль в руководстве борьбой с захватчиками в районе перешла к И. В. Скурдинскому.

До полного освобождения области от оккупантов И. В. Скурдинский руководил подпольем и всей партизанской борьбой в Осьминском районе. Его ближайшим помощником был И. В. Ковалев. Местный житель, он хорошо знал район и его население, отличался смелостью и решительностью.

Оставшиеся на свободе коммунисты объединились в районную партийную группу в составе 12 человек. После многократных тяжёлых боев она обосновалась в лесу недалеко от деревни Псоедь. С помощью населения были построены землянки, созданы продовольственные запасы. Отсюда партийная группа, заменившая райком партии, продолжала руководить партизанской борьбой.

К весне 1942 года под руководством осьминской районной партийной группы работало 16 подпольных групп в деревнях Псоедь, Сватково, Рудница, Поречье, Старополье, Кологриво, Переволок, Доложск, Ставотино, Накол и других. Их возглавили коммунисты М. С. Круглов, Б. И. Сивков, И. В. Федоров, Т. И. Пятков, В. П. Волкова, комсомольцы Л. П. Ильина, В. П. Шитикова и другие. Численно небольшие (по 6–7—9 человек), группы пользовались активной поддержкой населения всего района.

Большую роль в организации подпольной борьбы в Осьминском районе сыграли учителя коммунисты В. П. Волкова, Б. И. Сивков, Е. В. Кузнецова, Т. И. Пятков и другие.

В. П. Волкова до войны работала директором школы в пригородном посёлке Юки. В начале июня она приехала в деревню Куреши Осьминского района на летний отпуск в семью родителей. Здесь её н застала вражеская оккупация. Все попытки пробраться в Ленинград оказались безуспешными, и В. П. Волкова решила бороться с захватчиками в родной деревне. Первыми её помощниками стали учитель деревни Старополье кандидат в члены партии Н. Ф. Аксенов и его жена, учительница деревни Закленье комсомолка Т. А. Сорокина. Так было положено начало подпольной партийно–комсомольской организации. Руководителем её стала В. П. Волкова.

На первом собрании подпольщики разработали план действий, который включал агитационно–пропагандистскую работу и подрывную деятельность. К концу 1941 года группа обзавелась радиоприёмником, установила его в подвале дома Волковых. На основе сводок Совинформбюро учителя писали листовки и размножали их от руки. Из этих листовок население узнало о разгроме гитлеровцев иод Москвой, Ростовом–на–Дону, Тихвином и Малой Вишерой. Крестьяне окрестных деревень находили листовки у колодцев, во дворах, в копнах сена, снопах ржи, на подоконниках своих домов. Каждая листовка, как правило, заканчивалась словами: «Перепиши в 10 экземплярах и передай соседям». Через несколько дней количество листовок увеличивалось во много раз, и почти каждая из них имела свой почерк и цвет чернил, а некоторые листовки дополнялись призывами: «Бейте фашистских гадов!», «Не давайте гитлеровцам хлеба!» и т. д. Разнообразие почерков и чернил было так велико, что все попытки оккупантов найти авторов листовок оказались тщетными.

Группа росла. В неё вошли кандидат в члены партии М. П. Емельянова, беспартийные учительница О. А. Алексеева, колхозники Г. Волков, М. А. Теплухина и другие. Весной 1942 года подпольщики установили связь с руководителем районной

партийной группы И. В. Скурдинским. С этого момента они стали работать организованнее и целенаправленнее. Появились печатные листовки, сатирические стихи и карикатуры на тех, кто сотрудничал с оккупантами.

Массово–политическая работа нередко прикрывалась легальными возможностями. Подпольщики организовывали вечера художественной самодеятельности, ставили спектакли по пьесам А. П. Чехова и под видом постановки спектакля ездили в деревни Рудница, Столбово и другие, устанавливали там связи с патриотами, создавали подпольные группы, срывали вербовку молодёжи для отправки в Германию, подбирали людей в партизанский отряд.

Чтобы показать прочность своего положения под Ленинградом, оккупанты осенью 1942 года решили открыть начальные школы и стали подбирать учителей. Посоветовавшись с районной партийной группой, В. П. Волкова дала указание своим товарищам учителям–подпольщикам пойти работать в школы. Это расширяло возможности для идейного влияния на население и установления связей с учителями района.

Важно было и другое. Открывая школы в оккупированных районах области, захватчики требовали: «Из всех пор детской души надо вытравлять большевистский дух»[420]. Как правило, учителя–патриоты шли на смертный риск, но учили детей по советским учебникам. Гитлеровцы жестоко расправлялись за это. Учителя Воробьева из Тосненской деревни за воспитание детей в советском духе фашисты закопали живым вниз головой, оставив на поверхности его ноги, а затем отрубили их[421].

Нужно было помочь учителям в их благородном и опасном деле, указать им правильные пути борьбы. В. П. Волкова и её товарищи, участвуя в районных методических совещаниях, вовлекли в подпольную работу учителей И. А. Григорьева, Н. Ф. Лисенко, В. С. Фомину, Н. Н. Трошкову, О. М. Ряк и других. Многие учителя создали в своих деревнях подпольные группы.

Так же активно разворачивалась подпольная борьба в Оредежском, Сланцевском, Лядском, Волосовском и других районах.

В оккупированных врагом городах и районах Ленинградской области под руководством партийных органов отважно действовали сотни подпольных комсомольско–молодёжных организаций и групп. Об одной из них — комсомольско–молодёжной организации в городе Острове — следует рассказать особо.

Ее организатором и руководителем была смелая, энергичная комсомолка К. Назарова, работавшая до войны старшей

пионервожатой Островской средней школы имени В. И. Ленина. Ее активными помощниками были комсомольцы Л. Филиппова, О. Серебренников, Л. Судаков, И. А. Митрофанов. Кроме них в организацию входили комсомольцы К. Дмитриев, Н. Михайлов, А. Козловский, И. Панфилов, П. Каркашеев, Н. Морозов, А. Иванова, А. Алексеева и другие. К работе подпольщиков были привлечены их родители, многие юноши и девушки Острова и окружающих селений.

Свою работу молодые подпольщики начали в сентябре 1941 года со сбора оружия, намереваясь создать свой партизанский отряд. На местах прошедших боев они собирали винтовки, гранаты и патроны, очищали их от грязи и прятали в подвале дома Назаровых. О складе оружия знала мать К. Назаровой Евдокия Федоровна, которая во всём помогала дочери. Осенью 1941 года организация установила связь с командованием 2–й Ленинградской партизанской бригады. Подпольщики получали от партизан боевые задания, газеты и листовки. Умело распространявшиеся С. Козловским, К. Михайловым, О. Серебрянниковым и В. Алферовым, листовки постоянно появлялись на улицах, во дворах, в почтовых ящиках, на стенах домов и заборах, даже на досках объявлений рядом с приказами и распоряжениями оккупантов.

По рекомендации командования партизанской бригады часть членов организации устроилась на важные объекты врага. Л. Судаков стал работать в немецком военном городке электромонтёром. Это давало ему возможность наблюдать за островским гарнизоном противника, его составом и вооружением. Н. Михайлов определился рабочим на железную дорогу, Л. Филиппова устроилась официанткой в столовую офицерского состава гарнизона. Сама К. Назарова поступила в частную швейную мастерскую, которая была удобным местом явки подпольщиков. Сюда к руководителям организации подпольщики приносили собранные ими данные о противнике. С. Козловский переправлял эти сведения командованию партизанской бригады, а оно — командованию советских войск. Нередко сведения подпольщиков были очень важными: о движении на железной дороге и шоссе Псков — Остров, составе островского гарнизона, расположенин военных объектов в городе и его окрестностях. Много успешных боевых операций провела 2–я партизанская бригада, пользуясь данными подпольщиков. По сведениям островских подпольщиков, советские лётчики в апреле 1942 года разбомбили нефтебазу вблизи станции Остров. Члены организации добывали секретные документы противника, неоднократно составляли планы военных объектов Острова,

списки предателей и передавали все это в партизанские соединения.

Осенью 1941 года подпольщики помогли бежать из госпиталя двум тяжело раненным советским командирам — лётчику И. С. Балкову и медицинскому работнику А. Т. Александрову. В дальнейшем такие побеги организовывались часто. Вызволенных из плена подпольщики переправляли в партизанские формирования и за линию фронта.

Активной была и диверсионная деятельность организации. О. Серебренников взорвал трансформаторную будку электростанции лесопильного завода. В результате вражеский гарнизон, получавший электроэнергию от этой электростанции, пять суток был без света. Комсомолец Панфилов сжёг лесопильный завод, снабжавший оккупантов древесиной. Подпольщики неоднократно выводили из строя вражескую радиостанцию.

Организация проделала большую работу по срыву угона молодёжи на фашистскую каторгу в Германию. Она неоднократно устраивала массовые побеги юношей и девушек, намеченных гитлеровцами для отправки в Германию. С. Козловский и С. Митрофанов организовали побег советских людей с Грызавинских торфоразработок и из Симанского лагеря. Л. Филиппова обеспечила бежавших необходимыми документами.

Целый год островские подпольщики не имели провалов. Это было обусловлено тем, что они осторожно вели дело, строго конспирировались. Собирались члены организации небольшими группами у Назаровой, Судакова и у Козловского. Каждый раз была легальная причина: отмечался чей-нибудь день рождения, устраивалась вечеринка с гармоникой. Собрания были кратковременными, без длинных речей. Задание давали Назарова или её помощники Филиппова и Судаков. Контроль за выполнением заданий выполняли они же.

Беда нагрянула осенью 1942 года. Подпольщики освободили из лагеря военнопленных солдат Овчинникова и Воронова. За линию фронта их должен был переправить С. Козловский, неоднократно выполнявший подобные поручения. Перед отправкой группа собралась в деревне Кочино в доме С. Козловского. Провожали друга Назарова, Михайлов, Дмитриев и Иванова. Почти у линии фронта под городом Демянском группа наткнулась на вражескую засаду. В схватке с фашистами С. Козловский, не желая попасть в плен, подорвал себя гранатой. Овчинникова и Воронова фашисты взяли живыми и привезли в островскую тюрьму. На допросах военнопленных фашисты узнали имена тех, кто провожал Козловского. 6 ноября были арестованы К. Назарова, её мать Евдокия Федоровна, родители С.

Козловского—Николай Семенович и Надежда Дмитриевна, Н. Михайлов, К. Дмитриев, Н. Иванов и А. Алферова.

Более месяца продолжались допросы и пытки, но фашистские палачи ничего не добились. Начальник гитлеровской полевой комендатуры отдал приказ о публичной казни комсомольцев. Утром 12 декабря 1942 года на базарной площади Острова, при большом стечении народа, фашисты совершили своё гнусное дело: повесили К. Назарову и А. Иванову. Девушки держали себя мужественно, е достоинством. К. Назарова, перед тем как на её шее затянулась петля, обратилась к собравшимся жителям города со страстным призывом к борьбе с оккупантами.

В этот же день гитлеровцы повесили Н. Михайлова и К. Дмитриева. К их телам фашисты прикрепили фанерные листы с надписью: «За содействие шайке бандитов и шпионаж». В деревне Кочино были повешены отец и мать А. Козловского.

Только через три дня фашисты разрешили похоронить казнённых комсомольцев. Они рассчитывали, что на похороны придут только друзья казнённых и тем самым выдадут себя. Но проститься с юными героями пришли тысячи людей. Похороны превратились в мощную демонстрацию верности делу, ради торжества которого отдали свои жизни комсомольцы–подпольщики.

Гибель боевых друзей не сломила воли оставшихся в живых членов организации. Они продолжали действовать, о чём фашисты узнали на второй день после казни по расклеенным в городе листовкам. Во главе организации стала подруга К. Назаровой комсомолка Л. Филиппова.

Как указывалось выше, природные условия Ленинградской области позволяли широко развивать здесь действия партизанских формирований. И партийные органы прилагали все усилия, чтобы максимально реализовать эту возможность. Поэтому они направляли деятельность подпольных организаций и групп на оказание всемерной помощи партизанским формированиям. Подпольщики вели в их интересах разведку, собирали для них оружие, боеприпасы и медикаменты, подбирали для них пополнение, организовывали побеги к партизанам советских военнослужащих из лагерей военнопленных.

Помощь подполья наряду с другими мерами партийных органов сыграла большую роль в росте партизанских отрядов, усилении эффективности боевой деятельности.

В южных районах области к осени 1941 года партизанские отряды были объединены в три партизанские бригады; 2–я бригада под командованием Н. Г. Васильева и секретаря Порховского райкома партии С. А. Орлова (комиссар) в течение

октября — ноября при активной помощи населения и местных подпольных организаций очистила от врага значительную часть Поддорского, Белебелковского и Дедовичского районов. На освобождённой территории были восстановлены 30 сельских Советов, все колхозы, открыты школы, больницы, клубы. Власть в районах осуществлялась тройками, в которые, как правило, входили председатели райисполкомов и секретари райкомов партии.

Так в глубоком тылу противника образовался обширный партизанский край, население которого жило по советским законам. Подпольные организации здесь, естественно, прекратили своё существование, а их участники влились в партизанские отряды или работали в местных советских и хозяйственных органах.

Однако образование партизанского края не являлось самоцелью. Задача состояла в том, чтобы использовать его как базу для пополнения партизанских формирований, их отдыха, лечения раненых и больных, обеспечения нужд отрядов и бригад в продовольствии и одежде. Кроме того, на территории партизанского края гитлеровцы не могли производить реквизиции продовольствия, угонять отсюда население в Германию и т. д.

Партийные органы направляли деятельность партизанских формирований с таким расчётом, чтобы они не замыкались на обороне партизанского края, а использовали его в качестве плацдарма для активизации своей боевой деятельности. Партизаны 2–й бригады в январе и феврале 1942 года провели четыре крупные боевые операции: уничтожили большие гарнизоны захватчиков в сёлах Яски, Тюриково, районном центре Дедовичи и городе Холм. Только в бою за Холм в ночь на 18 января 1942 года было истреблено около 600 солдат и офицеров противника, взорван склад с боеприпасами, уничтожено 99 автомашин, разгромлены комендатура и радиоузел[422].

В феврале и марте по инициативе коммунистов партизанского края был организован сбор продовольствия для блокированного Ленинграда. За короткий срок было собрано 223 подводы с хлебом, крупой и мясом[423]. Ленинград никогда не забудет волнующего события, когда он, голодный, но преисполненный решимости к победе, встречал «Партизанский обоз».

Несмотря на определённые успехи, становление партизанского движения в Ленинградской области было сопряжено с большими трудностями. Особенно тяжёлой была первая военная зима. Не хватало тёплой одежды, продовольствия,

оружия и боеприпасов. Оставшиеся в тылу врага партийные органы, партизанские формирования, подпольные организации и группы не имели опыта, не выработали ещё приёмов и методов борьбы. Опыт приобретался ценой больших потерь. В тяжёлых боях пали тысячи партизан и подпольщиков, среди них секретари райкомов партии Голышев А. А., Демин М. М., Кашерин В. Т., Климчук Н. С., Крючин С. А., Цветков Я. А. и десятки других партийных руководителей.

Фашистам удалось разгромить многие райкомы партии. Проведенными осенью и зимой карательными экспедициями были разгромлены или значительно ослаблены десятки партизанских отрядов. К весне 1942 года в тылу врага работали Псковский, Гдовскин, Дедовичский, Лядский, Дновский, Залучений, Осьминский и Полновский райкомы партии. Боевую деятельность продолжали вести две бригады, два батальона и 30 партизанских отрядов, насчитывавших около 2 тысяч бойцов[424] — в 9 раз меньше, чем осенью 1941 года. Значительно сократились количество и численность подпольных организаций и групп.

Оккупанты торжествовали. Они широко оповестили о разгроме партийных органов, подполья и партизанских отрядов в области. Но фашистам не удалось сломить или ослабить волю советских людей к борьбе. Весной 1942 года партизанское движение в Ленинградской области развернулось с новой силой. Ленинградский обком партии, областной штаб партизанского движения и его фронтовые оперативные группы проделали большую работу по укреплению действовавших в тылу врага партийных органов, подполья и партизанских соединений.

Взамен разгромленных партийных органов на оккупированную территорию были переправлены 34 районные партийные группы, состоявшие из 228 руководящих партийных и комсомольских работников. Их возглавляли ответственные работники: секретарь Лужского райкома И. Д. Дмитриев, Оредежского — Ф. И. Сазанов, Кингисеппского— Г. И. Мосин, Полновского — В. А. Разыграев, Шимского — А. В. Степанова, Лядского — В. Ф. Ожегов, председатель Гдовского райсовета — И. Н. Гаврнлин, Новгородского горсовета — М. В. Юдин, Павловского горсовета — И. П. Тарасов и другие. Группы были снабжены радиостанциями и печатной техникой[425].

Ленинградский штаб партизанского движения подготовил и переправил в тыл врага 136 командиров и комиссаров партизанских отрядов, 206 командиров диверсионных групп, 208 радистов, 48 разведчиков, 80 медсестёр и более 3 тысяч рядовых партизан[426]. Кроме того, было вновь сформировано и

направлено в оккупированные районы области три бригады, пять батальонов и 107 партизанских отрядов, а также 97 диверсионных групп[427].

Для усиления идеологической работы среди партизан и населения оккупированных районов в феврале и марте 1942 года на партизанских базах в Малой Вишере и Валдае было налажено издание двух фронтовых партизанских и 34 районных газет. Так, во второй половине марта в Малой Вишере начала выходить предназначенная для партизан, действовавших в полосе Волховского и Ленинградского фронтов, газета «Советский партизан». Здесь же на конкретных материалах, собранных партизанами и подпольщиками в тылу противника, издавались районные газеты: ТосненСкая — «Ленинское знамя», Оредежская — «Заря коммуны», Лужская — «Крестьянская правда», Новгородская — «Звезда», Батецкая — «Красное знамя», Осьминская — «За колхозы», Красногвардейская (Гатчинская) — «Красногвардейская правда», Слуцкая (Павловская)— «Большевистская трибуна», Кингисеппская — «Кингисеппский колхозник» и другие. Всего на партизанской базе в Малой Вишере издавались одна партизанская и 18 районных газет, десятки наименований листовок. Газеты выходили по мере поступления материалов с оккупированной врагом территории, один–два раза в месяц, тиражом 200–500 экземпляров.

Для юго–западных районов области на партизанской базе на Валдае издавалось 16 районных газет и десятки наименований листовок. Здесь печатались: «Псковский рабочий», «Псковский колхозник», «Порховская правда», дедовичская «Коммуна», «Дновец», «Славковский льновод», плюсская газета «За большевистские колхозы», полновская «Колхозная трибуна» и другие[428]. В партизанском крае с 25 февраля 1942 года начали издаваться газеты «Народный мститель» (редактор И. В. Виноградов), «Коммуна» (редактор К. П. Обжигалин) и «Дновец» (редактор И. А. Шматов).

Принятые обкомом партии меры весьма положительно сказались на развитии партизанского движения в оккупированных районах области. Весной и летом 1942 года райкомы партии и посланные им в помощь районные партийные группы провели большую работу по укреплению ослабленных и созданию новых подпольных организаций и групп.

Главной задачей партийных органов по–прежнему оставалось всемерное повышение боевой активности партизанских формирований. Этой задаче была посвящена вся массово–политическая работа партийных органов, деятельность подполья в населённых пунктах. Так, Оредежская районная группа в

составе секретарей райкома партии Ф. И. Сазанова, А. А. Бухова, И. И. Исакова, работников райкома А. Г. Важнова, И. А. Михеева и секретаря райкома комсомола А. И. Голицина начала свою работу с налаживания связей с подпольными группами и подпольщиками–одиночками. В мае она разослала по деревням обращение к населению района с призывом вооружаться чем попало, объединяться в партизанские отряды, уходить в леса и наносить удары по врагу. Обращение встретило живейший отклик среди населения.

Для проведения систематической массово–политической работы была создана специальная группа агитаторов. В неё вошли коммунисты, комсомольцы и беспартийные активисты. Районная группа провела совещание агитаторов. Секретарь райкома А. Н. Бухов рассказал агитаторам о положении на фронте, героическом труде населения Ленинграда, обрисовал обстановку в районе, определил конкретные задачи по усилению партизанской борьбы.

После совещания агитаторы разошлись по району. Весной и летом они распространили 1260 экземпляров районной газеты, 300 экземпляров обращения райкома партии, 50 экземпляров газеты «Правда» и сотни листовок, провели в деревнях и рабочих посёлках более 100 собраний, групповых бесед и читок.

Деятельность агитаторов была сопряжена с огромным риском. Ведь кругом были оккупанты и полицейские. Враг насадил в населённых пунктах тайную агентуру. Особенно смело и находчиво действовали Н. Горчакова, Т. Дмитриев, Т. Иванов, Т. Яковлева и А. Семенова. Они умели, не вызывая подозрений у блюстителей «нового порядка», раздать листовки и газеты, прочитать и разъяснить их.

Массово–политическая работа районной партийной группы отличалась высокой действенностью. И это естественно. Она велась среди советских людей, рвавшихся к борьбе с захватчиками. Оредежский районный партизанский отряд, который возглавил секретарь райкома партии И. И. Исаков, за лето вырос в несколько раз и развернул активную боевую деятельность. Энергично работали подпольные группы, созданные в деревнях Теребуни, Красные Холмы, Кашино, Курско, Трепьково, в посёлке Тарковичи. Они мобилизовывали население на срыв заготовок сельскохозяйственной продукции и леса, отправки молодёжи в Германию, вели разведку, отбирали патриотов для пополнения партизанского отряда.

Столь же плодотворно работали Лужская, Осьминская, Кингисеппская, Плюсская, Гдовская, Полновская, Новгородская, Шимская и другие районные партийные группы. Вокруг них

сплотилось более 220 подпольных организаций и групп.

По мере развёртывания массово–политической работы партийных органов бурно росли партизанские формирования, усиливалась их боевая деятельность. Если в январе 1942 года партизанскими формированиями было уничтожено 1646 гитлеровских солдат и офицеров, то в феврале — 1923, в марте — 2783, в апреле — 2792, в мае — 2929, в июне — 3836. На железных дорогах в январе было подорвано 4 воинских эшелона, в феврале —5, в мае— 13, в июне— 16, в июле — 27, в августе — 54, в сентябре — 64[429].

Начальник управления полевой полиции при главном командовании гитлеровских сухопутных войск в своём докладе от 31 июля 1942 года вынужден был признать, что «на конец июля 1942 года партизаны особенно угрожают коммуникациям немецкой армии в районе болот к юго–востоку от станции Дно, южнее станции Опочка, дорогам Опочка — Новоржец, на железных и шоссейных дорогах к востоку от Гдова, особенно к востоку от реки Плюсса, в лесных районах к востоку от Пскова и т. д.»[430].

Размах партизанского движения в оккупированных районах Ленинградской области в течение весны и лета 1942 года неуклонно увеличивался. Население активно срывало мероприятия оккупантов, значительно усилилась деятельность подпольных организаций и групп в населённых пунктах, во всех районах оперировали партизанские отряды.

18 июня 1942 года в партизанском крае состоялась межрайонная партийная конференция. В её работе приняли участие 36 делегатов партийных организаций партизанских соединений и подпольщики Дедовичского, Белебелковского, Ашевского и других районов юго-запада области. Она сыграла большую роль в подъёме народной партизанской войны. Сразу после конференции из партизанского края пошли на запад и юго–запад области, к границам Латвии и Литвы, 1–я и 3–я партизанские бригады. С ними к границам своей Родины уходил полк латышских партизан «За советскую Латвию». В составе 2–й партизанской бригады было создано более 260 боевых диверсионных групп, которые развернули боевую деятельность на коммуникациях врага.

Росту партизанского движения способствовала неуклонно усиливавшаяся помощь со стороны обкома партии и ЛШПД. Осенью 1942 года Ленинградскому штабу партизанского движения был придан полк гражданской авиации. Он сыграл очень важную роль в развитии партизанской борьбы в области. Крылатые друзья партизан бесстрашные лётчики А. А. Гриценко,

С. Н. Рыбаков, Д. А. Жителев, Г. Я. Жигалев, В. М. Александров, В. П. Рапаев, Н. В. Алексеев, В. В. Сиротин, А. Передерий и другие в любое время года, при любой погоде откликались на просьбы партизан, поднимали самолёты под огнём вражеской зенитной артиллерии, по еле заметным сигнальным кострам находили партизанские аэродромы и посадочные площадки. Они доставляли партизанам и подпольщикам оружие, боеприпасы, питание для раций, медикаменты, продовольствие, одежду и обувь, газеты и письма, перебросили в тыл противника большое количество обученных партизанскому делу командиров и политработников, подрывников, радистов и медицинских работников, работников ЛШПД и фронтовых оперативных групп, вывезли на лечение тысячи тяжело раненных и больных бойцов партизанских отрядов и подпольных организаций.

Обком партии постоянно держал в центре своего внимания вопросы, связанные с укреплением партийных органов, работавших в тылу врага. Районные партийные группы были малочисленны и уже не обеспечивали руководство всё более усиливавшимся партизанским движением. Необходимы были обладавшие большими полномочиями партийные органы, способные наиболее полно обеспечить руководство всеми формами партизанской борьбы, всемерно развивать их. В связи с этим 8 октября 1942 года обком партии принял решение создать межрайонные партийные центры. Формирование их было поручено секретарю обкома партии М. Н. Никитину и уполномоченным обкома по руководству подпольной партийной работой при фронтовых оперативных группах ЛШПД. В состав центров, на добровольных началах, включались энергичные, смелые, проверенные на партийной работе в тылу врага коммунисты. Руководителями центров, как правило, утверждались секретари и заведующие отделами райкомов и горкомов партии, председатели райисполкомов. Для работы с молодёжью в состав центров были включены инструкторы обкома и секретари райкомов комсомола. Каждый центр имел радиоузел и портативную типографию для печатания газеты и листовок. Редакторы газет были членами центров.

Перед межрайонными партийными центрами была поставлена задача: возглавить работу районных парторганизаций, направлять деятельность подпольных групп и партизанских отрядов, создавать новые группы и отряды, всемерно усиливать борьбу населения за срыв мероприятий оккупантов.

Первым за линию фронта был переброшен Псковский межрайонный подпольный партийный центр, предназначенный для работы в Псковском, Карамышевском, Середкинском и

Новосельском районах. В его состав входили 13 человек. Руководителем центра обком партии утвердил секретаря Псковского горкома ВКП(б) В. Ф. Михайлова.

В начале января 1943 года работники центра у озера Черное Середкинского района оборудовали лагерь и приступили к работе. Для конкретного руководства районами, входившими в сферу действия центра, его работники разделились на три группы. Работа в Пскове и Псковском районе была поручена В. Ф. Михайлову, В. А. Акатову и В. В. Громовой, в Карамышевский район был послан А. П. Дмитриев, в Середкинский район — А. М. Дианов н А. К. Косенков[431].

В течение января — марта центр собирал силы, активизировал деятельность сохранившегося подполья, создавал новые подпольные организации и группы.

В начале марта на базе центра была издана псковская районная газета «Псковский колхозник». В помещённом в ней обращении к населению Пскова и Псковского района рассказывалось о великой победе Красной Армии под Сталинградом, прорыве блокады Ленинграда, разгроме вражеских войск под Великими Луками и Демянском.

С 6 марта 1943 года газета стала выходить каждую неделю. Кроме неё центр издавал листовки, из которых население узнало о наступлении Красной Армии на Северном Кавказе, под Воронежем, Харьковом, Курском. Специальные листовки были обращены к рабочим, колхозникам и интеллигенции. Там, где позволяли условия, члены партийного центра проводили с населением устные беседы.

Под руководством партийного центра значительно усилилась подпольная борьба в населённых пунктах. В Пскове активно работала подпольная организация во главе с И. А. Екимовым. Однако вскоре она оказалась под ударом. Один из её членов, арестованный гитлеровцами, под пытками выдал явочную квартиру. Оккупанты подготовились к массовой облаве на подпольщиков. Но об этом узнал работавший в полиции подпольщик. Все, кто был под подозрением, во главе с И. А. Екимовым ушли в лес, где организовали партизанский отряд. В городе осталась группа Петрова, которая продолжала распространять газеты и листовки, собирать сведения для партизан[432].

Постепенно в районе деятельности Псковского межрайонного центра были восстановлены все прежние (разгромленные врагом) и созданы новые подпольные организации. Кроме псковской городской организации, активно работали подпольные группы в Будиховском и Вельском сельсоветах Середкинского района, в

Павловском, Степановском и Маложанском сельсоветах Новосельского района, в Сторонском сельсовете, в совхозе «Большевичка» и в посёлке Карамышево Карамышевского района, в Тупицком сельсовете Полновского района и другие.

В Острове продолжала действовать комсомольско–молодёжная организация под руководством Л. Филипповой. Тесно связанная с партизанами, она сосредоточила свои усилия на выполнении их заданий. Между подпольщиками были чётко распределены обязанности. Л. Филиппова помимо руководства организацией занималась сбором сведений о работе военно–хозяйственных частей противника и добыванием для партизан бланков паспортов и других документов. Другие члены организации занимались распространением листовок, готовили пополнение для партизанских отрядов, следили за движением вражеского транспорта на железнодорожной линии Остров — Псков и на шоссе Остров — Опочка.

Подпольщики строго соблюдали конспирацию. Однако на одну из явок пришла неопытная партизанка, не заметившая за собой слежки. Арестовав партизанскую связную, гитлеровцы выследили встречавшегося с нею подпольщика Л. Судакова. При его аресте они обнаружили некоторые документы членов подполья. Сразу же были схвачены члены центральной группы Митрофанов, Серебренников, Морозов, Архипова и руководитель всей организации Филиппова. Еще раньше в островскую тюрьму была брошена работавшая вместе с комсомольско–молодёжным подпольем Острова армейская разведчица ленинградка З. Г. Круглова.

Арестованных подвергли жесточайшим пыткам. Но моральная победа осталась за подпольщиками. Палачи так и не смогли добиться от них показаний. Сохранились отдельные предсмертные документы Л. Филипповой и З. Г. Кругловой. Они раскрывают образы молодых советских людей, которые перед лицом смертельной опасности для Родины стали героями.

Молодая мать трёхлетней девочки Л. Филиппова написала на обороте своей фотокарточки: «Милая моя крошка, храни эту карточку, ибо она тебе напомнит мать, будешь большая, вспомнишь ее… Расти, моя милая, будь счастлива».

«Милые мои, — писала родным З. Круглова, — вы гордитесь тем, что я не запятнала вашей фамилии и своей чести. Умру, но знаю, за что.

Мамочка, ты особенно не убивайся, не плачь. Я бы рада тебя утешить, но я очень далеко и за решёткой железной и крепкой стеной. В тюрьме я часто ною, а тюрьма вся слушает. Эта песня о моей жизни и печальной кончине:

Ты не плачь, не плачь, родная,
Не грусти, старушка мать.
Разобьем фашистов–гадов
И придём домой опять.
И погибла, не вернулась
Из островской из тюрьмы.
Ее ночью расстреляли
У тюремной у стены.

Милые мои, обо мне вам расскажут другие девушки, если они будут живы… Еще раз прошу — только не плачьте, не тоскуйте…»[433]

9 сентября 1943 года юные подпольщики Острова были расстреляны.

Стойкостью на допросах они спасли товарищей. Оставшиеся па свободе члены организации продолжали борьбу с ненавистным врагом.

С июля 1943 года Псковский межрайонный партийный центр значительно усилил работу по развёртыванию действий вооружённых партизанских соединений. Доминирующая прежде, эта форма партизанской борьбы стала теперь основной. В связи с этим перестроена была и деятельность подпольных организаций и групп. Они сосредоточивались на подборе людей в партизанские отряды, сборе для них оружия, боеприпасов и одежды. Только в Моложанском сельсовете Новосельского района подпольщики вооружили и отправили к партизанам сотни колхозников и колхозниц[434].

Многие подпольные организации и группы реорганизовывались в партизанские отряды. Так, из членов псковской городской подпольной организации был создан партизанский отряд под командованием И. А. Екимова. За короткий срок его численность достигла 300 человек. Быстро росла и превратилась в партизанский отряд диверсионная группа псковских железнодорожников, возглавлявшаяся коммунистом Л. С. Акуловым. Небольшая партийная группа, руководимая начальником Новосельского районного отдела НКВД Н. П. Дурыгиным, также выросла в большой партизанский отряд. Летом в районе деятельности Псковского межрайонного подпольного партийного центра действовало девять крупных партизанских отрядов. Во всех отрядах были созданы партийные и комсомольские организации, в которых было 35 коммунистов и

62 комсомольца[435].

Количество и численность партизанских отрядов могло расти ещё быстрее, но не хватало оружия и боеприпасов.

* * *

С мая партизанские отряды Псковщины развернули активную боевую деятельность. Псковскими и новосельскими отрядами в течение лета и осени было разгромлено шесть волостных правлений, сожжено и уничтожено более 300 мостов на шоссейных и просёлочных дорогах, пущено под откос 10 воинских эшелонов, взорвано 114 рельсов. Участок Варшавской железной дороги между станциями Новоселье и Торошино подвергался систематическим ударам партизан. Гитлеровцы назвали этот перегон «дорогой смерти»[436]. Огромный Сороковой бор на Псковщине был буквально переполнен партизанами. Здесь действовали партизанские отряды 2–й и вновь созданной 7-й партизанских бригад; северо–восточнее, между Порховом и Лугой, вели боевую деятельность отряды и полки 5-й партизанской бригады, а юго–восточнее Пскова — партизаны 3–й бригады.

Рост партизанских соединений продолжался. Этому во многом содействовала деятельность подполья. К осени 1943 года Псковский межрайонный партийный центр имел почти во всех населённых пунктах подпольные организации и группы. За лето подпольщики провели 2238 собраний и бесед среди населения, выпустили 58 номеров районных газет, 71 листовку тиражом 22 400 экземпляров. Они вовлекли в партизанские отряды 2310 человек, из которых была создана 8-я партизанская бригада. В целом в подполье Псковского, Новосельского, Середкинского и Карамышевского районов к осени 1943 года работало более 220 коммунистов, до 300 комсомольцев[437] и большое количество беспартийных активистов.

В юго–западных и южных районах Ленинградской области успешно действовали Порховский, Струго–Красненский, Островский и Дедовичский межрайонные партийные центры.

Под руководством Порховского центра работало семь подпольных организаций и групп. Крупная подпольная организация была создана в Порхове. Возглавлял её бывший агрОном райзо Б. П. Калачев. По рекомендации партийного центра он устроился садоводом в порховскую управу и, используя своё знание немецкого языка, устанавливал связи с гитлеровцами, выявлял секреты оккупантов. В составе

организации были учителя, врачи, служащие, специалисты сельского хозяйства: учительница В. Ерова, агроном А. Тимофеева, бывший заведующий горпланом Л. М. Попучко, учительница Е. Ермолаева, врач районной больницы В. Федорова и многие другие. В ряде сельсоветов района имелись группы, работавшие под руководством порховской организации.

С помощью партийного центра Б. П. Калачев умело расставил членов организации. Они были в городской управе, налоговом и земельном отделах, полиции, в волостных управлениях. Всего в административных органах захватчиков работало 19 подпольщиков. Они собирали сведения о состоянии вражеского гарнизона, о планах комендатуры и полицейского управления. Это давало возможность конкретно направлять борьбу населения на срыв мероприятий оккупантов, обеспечивать партизанские формирования важными данными, необходимыми для их боевой деятельности. Так, агроном А. Тимофеева давала в земельное управление неправильные сведения о посевных площадях и урожайности, учила крестьян, как лучше срывать вражеские заготовки, организовала продовольственную помощь партизанам. Писарь волостного управления П. Мамыкин снабжал партизан документами, собирал для них сведения о передвижении вражеских войск по железной дороге и шоссе, информировал партийный центр о настроениях оккупантов.

Подпольщики, работавшие в оккупационных органах, пользуясь правом беспрепятственного хождения по городу и району, распространяли газеты и листовки.

Нередко (когда позволяли условия) проводились собрания и беседы среди крестьян. Только за лето 1943 года подпольщики провели более ста таких собраний и бесед, в которых участвовало более 10 тысяч человек[438]. Население Порхова и района по призыву подпольщиков собрало более 30 тысяч рублей и много ценностей на строительство танковой колонны. Крестьяне собрали и передали партизанам 3- й, 7–й и 8–й партизанских бригад более 60 тонн зерна и муки[439].

Большую работу вела порховская организация по пополнению партизанских бригад. Только одна Е. Ермолаева, обходя деревни района, в течение лета и осени направила в партизанские отряды сотни человек. Такие же задания выполняли и многие другие подпольщики.

Весьма ценным пополнением для партизанских отрядов были бежавшие из плена советские воины. Подпольщики (особенно отличалась в этом В. Ерова) проникали в лагерь военнопленных, создавали там группы по организации побегов. С помощью подпольщиков в течение лета и осени 1943 года из лагеря бежало

к партизанам более 300 бойцов и командиров.

По заданиям командования партизанских бригад подпольщики совершали диверсии. Например, входившая в организацию группа военнопленных, возглавляемая К. А. Чеховичем, под руководством бойцов 7–й партизанской бригады произвела взрыв кинотеатра в Порхове. В это время в здании кинотеатра проходило собрание офицерского состава порховского гарнизона. Под грудами развалин были погребены сотни гитлеровских офицеров[440].

Большую работу проделали Гдовский, Дедовичский и Кингисеппский партийные центры, возглавлявшиеся И. Н. Гавриловым, А. Г. Поруценко, А. А. Ингиневым. Члены этих центров и руководимые ими подпольные организации объединили вокруг себя все население, создали крупные партизанские соединения: 9–ю, 12–ю и 13–ю партизанские бригады.

Всего за весну и осень 1943 года в оккупированных районах области было образовано девять новых партизанских бригад. К осени в составе ленинградских партизанских бригад насчитывалось около 15 тысяч партизан и партизанок[441], в их числе было 3600 коммунистов и более 4 тысяч комсомольцев[442].

Однако старых опытных бойцов в партизанских бригадах осталось не более 3 тысяч. Большинство (70–80 процентов) составляла молодёжь. В этих условиях остро встал вопрос об усилении идеологической работы среди личного состава партизанских формирований, воспитании его в духе высокой коммунистической сознательности и строжайшей дисциплины.

Учитывая всё это, обком партии принял решение включить межрайонные подпольные партийные центры в партизанские бригады, использовать их членов на партийно–политической работе среди партизан и населения. Руководство подпольными организациями и группами, а также работу среди населения обком возложил на комиссаров и политотделы бригад. Комиссарами и начальниками политотделов бригад в большинстве случаев стали руководители и члены партийных центров.

* * *

Во второй половине 1943 года партизанское движение в Ленинградской области приобрело широкий размах, стало всенародным. Действующим партизанским соединениям помогали советские люди. Они пополняли партизанские отряды и

бригады, снабжали партизан продовольствием, одеждой и обувью, лечили раненых, ходили в разведку и на боевые задания, срывали поставки продовольствия, не выходили на работы, уклонялись от поездки в Германию.

К сожалению, в некоторых работах по истории советского партизанского движения эти формы борьбы не учитываются и недооцениваются, что принижает народный характер партизанского движения. Между тем, эти формы массовой борьбы прямо отвечали задаче, поставленной партией перед партизанским движением: срывать все мероприятия оккупантов. Они делали партизанское движение несокрушимым. За срыв своих мероприятий оккупанты карали так же, как и за участие в деятельности партизанских отрядов и подполья. Например, в Дедовичском районе за невыполнение распоряжений властей гитлеровцы сожгли и разграбили 259 сел, расстреляли, замучили и угнали в Германию 16 тысяч крестьян. Так же поступили оккупанты с населением Поддорского, Белебелковского, Славсковского, Уторгошского и других районов. Срывая работу предприятий, вражеские заготовки сельскохозяйственной продукции и т. д., советские люди сознательцо шли на смертельный риск. Так же как и бойцы партизанских отрядов и подполья, они по праву должны рассматриваться как участники активной партизанской борьбы с захватчиками.

Под руководством коммунистов массовая борьба населения за срыв мероприятий оккупантов при определённых условиях перерастала во всенародное вооружённое восстание против захватчиков.

Именно такие условия сложились в сентябре и октябре 1943 года в оккупированных районах Ленинградской области. Всеми формами партизанской борьбы народ значительно ослабил оккупационный режим захватчиков, а главное, убедился, что и партизанскими методами можно успешно помогать Красной Армии громить фашистских захватчиков, приближать день победы, день освобождения от фашистского рабства. Осенью 1943 года в оккупированных районах Ленинградской области назревали условия для народного вооружённого восстания.

Учитывая всё это, обком партии взял курс. на решительное усиление всех форм партизанского движения, с тем чтобы оно переросло во всенародное восстание.

Враг понимал, какую опасность для его ближайшего тыла представляет могучее партизанское движение в оккупированных районах Ленинградской области. Поэтому, предвидя наступление Красной Армии под Ленинградом, фашистское командование отдало приказ о поголовной эвакуации населения этих районов в

Германию.

Этой гнусной мерой гитлеровцы хотели, с одной стороны, обезопасить тыл своей армии, превратить оккупированные районы Ленинградской области в «зону пустыни», а с другой стороны, обеспечить немецких заводчиков и помещиков даровой рабочей силой.

Эвакуация началась с присущей гитлеровцам жестокостью. Для её осуществления на места прибыли специальные команды эвакуаторов и факельщиков, которые минировали и взрывали города, выжигали села, уничтожали противившихся эвакуации людей. Осенью во всех оккупированных врагом районах области пылали деревни.

Приказ немецкого командования об эвакуации населения в Германию послужил непосредственным поводом к всенародному вооружённому восстанию на занятой противником территории области.

Обком партии обратился к населению оккупированных районов с воззванием «К рабочим, крестьянам и интеллигенции временно оккупированных немецко–фашистскими захватчиками сел и городов Ленинградской области». В нём говорилось:

> «Дорогие товарищи, братья и сестры!
>
> Наступает время вашего освобождения из-под страшного кровавого ига немецко–фашистских захватчиков. Героическая Красная Армия, победоносно развивая наступление, беспощадно громит врага, область за областью очищает советскую землю от фашистской мрази…
>
> Ваша священная обязанность, долг советских граждан помочь Красной Армии, не давать фашистам опомниться от ударов, не давать им закрепиться на новых рубежах, бить врага без передышки… Поднимайтесь все на беспощадную истребительную войну против немецких оккупантов…. Смерть немецким захватчикам!
>
> Ленинградский областной комитет ВКП(б) 24 сентября 1943 года»[443].

В изданном в конце сентября обращении обкома партии содержались конкретные установки о проведении всенародного восстания. В нём рекомендовалось прятать имущество и уходить к партизанам, уничтожать вражеские гарнизоны и администрацию, брать власть в свои руки. На основе обращения

обкома партии газеты «Ленинградский партизан», «За Советскую Родину», газеты партизанских бригад «Народный мститель», «Партизанская месть», «Патриот Родины» и другие выступили со статьями; «Громите немецкий аппарат управления!», «Раздуем пламя вооружённого народного восстания», «Организовать и возглавить народную власть», «Враг не уйдёт от расплаты» и т. д.

Отвечая на призыв партийных органов, население поднималось на вооружённую борьбу с врагом целыми селениями. Организаторами восстания были партийные органы и командование партизанских бригад, подпольные организации и группы в населённых пунктах.

Приток в партизанские отряды был настолько велик, что многих нечем было вооружать. Оружие для восставшего народа брали в созданных подпольщиками складах–тайниках, доставали в бою. ЛШПД самолётами забросил в повстанческие районы 14 266 винтовок, 7013 автоматов, 1179 пулемётов, 123 противотанковых ружья, 112 миномётов, 10 730 мин, 80 тысяч гранат, 114 тонн взрывчатых веществ, 17 миллионов патронов[444].

Начавшееся в сентябре в Уторгошском и Осьминском районах всенародное восстание к ноябрю охватило все юго–западные и западные районы области. Во всех этих районах были уничтожены вражеские гарнизоны и оккупационная администрация, восстановлен советский образ жизни. В районах были созданы чрезвычайные органы народной власти — районные тройки, восстановлены сельские Советы, в деревнях назначены уполномоченные сельсоветов.

Районные тройки, представлявшие собой объединённые органы партийной и Советской власти, возглавили секретари райкомов, председатели райисполкомов, члены партийных центров, политработники партизанских соединений. Членами троек были районные работники, партизаны и бывшие подпольщики.

При районных тройках были созданы партийные с комсомольские организации. Для установления революционного порядка и борьбы с вражеской агентурой при многих тройках имелись отряды милиции и народные суды. Для защиты населения от оккупантов почти при всех тройках были созданы партизанские отряды в 30 — 50 человек. Командирами этих отрядов, как правило, были председатели троек. Сельские Советы состояли из председателей и нескольких членов. В их подчинении были отряды и группы самообороны.

Органы народной власти развернули активную деятельность по дальнейшему развёртыванию всенародного вооружённого

восстания: создавали партизанские резервы и пополняли действующие партизанские соединения, обеспечивали их продовольствием, обувью и одеждой. Для этой цели в повстанческих районах создавались продовольственные базы и мастерские по ремонту оружия, изготовлению обуви, одежды, лыж, маскировочных халатов и другие.

Особенно активно работали Осьминская, Уторгошская, Стругокрасненская и Солецкая районные тройки.

В Осьминском районе районная тройка состояла из руководителя районной партийной группы И. В. Скурдинского, командира партизанского отряда И. В. Ковалева, руководителя подпольной организации учительницы В. П. Волковой. Все деревни района были объединены в 12 кустов (по 10–12 деревень в каждом). Во главе куста был кустовой уполномоченный районной тройки и его помощник по политико–массовой работе. Кустовыми уполномоченными были назначены опытные партийные и советские работники, партизаны и бывшие подпольщики. Уполномоченные тройки, также в большинстве своём состоявшие из партизан и бывших подпольщиков, были и в каждом селении.

Для борьбы с профашистскими элементами и нарушителями общественного порядка в каждом кустовом объединении имелись группы общественных милиционеров. При тройке был создан районный партизанский отряд и народный суд. Во всей своей работе районная тройка руководствовалась советскими законами.

Осьминская районная тройка и её уполномоченные по кустовым объединениям и деревням взяли в свои руки дело снабжения партизан, семей красноармейцев и беженцев из-под Ленинграда и смежных районов продовольствием, фуражом, одеждой и обувью, заботу о детях, больных, престарелых.

Эта небольшая группа коммунистов, опираясь на местный актив, оперативно решала все вопросы по руководству районом.

Районная тройка издала ряд обязательных постановлений, которые определяли порядок в повстанческом районе. В постановлении о внутреннем режиме говорилось, что в районе установлена народная власть, главной задачей которой является оказание всемерной помощи Красной Армии и партизанам в окончательном разгроме и изгнании захватчиков с ленинградской земли. Постановление подчёркивало, что район находится в фашистском окружении, и требовало от населения высокой бдительности и дисциплины.

По решению тройки были взяты на учёт все военнообязанные, не состоящие в партизанских отрядах. Все они были направлены на строительство лесных лагерей для населения сожжённых

гитлеровцами деревень, устройство завалов на дорогах и другие работы.

Такую же разностороннюю работу вели и другие районные тройки.

В условиях всенародного восстания необходим был полномочный партийный орган непосредственно в освобождённых районах. В связи с этим обком ВКП(б) создал в районе действия 5–й партизанской бригады окружной комитет партии, утвердив его секретарём начальника политотдела бригады секретаря Оредежского райкома партии И. И. Исакова. В состав окружкома вошли секретари райкомов партии районов деятельности 5–й партизанской бригады, её командир К. Д. Карицкий и комиссар И. И. Сергунин. Был создан и печатный орган окружкома — газета «За Ленинград» (редактор — член Лужского подпольного партийного центра М. Г. Абрамов).

Окружком партии проделал большую работу по укреплению районных троек и сельсоветов. Для руководства группами самозащиты при окружкоме был создан штаб самообороны.

Окружком партии проводил большую работу по пополнению партизанских отрядов. Желающих пойти в партизаны было много, но их надо было вооружить и обучить военному делу. Зимой 1943 года повсеместно в лесных лагерях и населённых пунктах проводилось массовое обучение военному делу партизанских резервов, которые шли затем на формирование новых и пополнение действующих партизанских отрядов.

Решениями окружкома партии был установлен определённый порядок в заготовках и распределении продовольствия, определены нормы снабжения партизан.

Получив указания обкома партии и приказ ЛШПД об активизации боевых действии партизан в связи с предстоящим наступлением войск Ленинградского и Волховского фронтов, окружком принял решение: поднять на борьбу с врагом все население, способное носить оружие. Для этого личный состав отрядов и групп самозащиты включался в полки 5–й партизанской бригады, а вместо него в систему самозащиты были вовлечены старики, женщины и подростки. Эта мера была проведена с согласия населения: на проведённых во всех населённых пунктах собраниях народ горячо одобрил её. Все трудоспособное население было направлено на железные и шоссейные дороги для разбора рельсов и шпал, устройства завалов и т. д.[445]

В результате деятельности партийных органов, районных троек и их местного аппарата ленинградские партизанские бригады выросли в мощные боевые соединения, насчитывающие

более 35 тысяч бойцов. Они располагали огромными резервами в лице восставшего народа.

За полтора месяца, когда Красная Армия, развивая наступление, громила вражеские войска на подступах к городу–герою, ленинградские партизаны взорвали 59 563 рельсов, 300 мостов, пустили под откос 133 вражеских эшелона с живой силой и боевой техникой, разгромили десятки гарнизонов, освободили и удержали до подхода частей Красной Армии сотни населённых пунктов, в том числе города Гдов, Сланцы, районные центры Осьмино, Ляды, Дедовичи, Славковнчи, Карамышево, Пожеревицы[446]. Большую роль играла партизанская разведка. Около сотни радиостанций партизан ежедневно передавали советскому командованию сведения о противнике.

Совместно с войсками Красной Армии партизаны громили вражеские войска в Луге, на станции Плюсса, в районном центре Уторгошь, в селениях Малая Уторгошь, Оклюжье, на дорогах Стругокрасненского и Лядского районов. Во время налётов на гарнизоны и транспорты врага и в открытых боях ленинградские партизаны уничтожили тысячи гитлеровских солдат и офицеров.

Так завершили свой славный боевой путь ленинградские партизаны и подпольщики. Их героическая деятельность получила высокую оценку. Около 7000 бойцов ленинградских партизанских формирований и подполья награждены орденами и медалями Советского Союза. Девятнадцати отважнейшим из отважных присвоено звание Героя Советского Союза.

В веках не померкнет слава защитников Ленинграда, не угаснет память о героях, не иссякнет к ним благодарность народа.

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

Н. И. Макаров, *кандидат исторических наук*

Одним из крупных очагов всенародной партизанской борьбы в тылу фашистских захватчиков были оккупированные врагом районы Калининской области. Как и на всей временно захваченной фашистами советской земле, здесь наряду с партизанскими отрядами активно действовали и подпольные организации. Они стали формироваться в первые дни войны в соответствии с директивой ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР от 29 июня 1941 года и постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск».

Руководствуясь этими и другими документами партии и правительства, Калининский обком партии провёл большую работу по созданию подполья. 3 июля 1941 года он направил письмо секретарям райкомов и горкомов партии, в котором говорилось: «В соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) обком ВКП(б) предлагает ускорить организацию подпольных конспиративных ячеек ВКП(б) из проверенных коммунистов, подготовку явочных квартир. Коммунисты, которые будут оставлены на подпольную работу, должны быть первым секретарём ГК и РК ВКП(б) каждый в отдельности (персонально) проинструктированы о их задачах»[447].

В первую очередь подполье создавалось в районах, которым непосредственно угрожало вражеское вторжение. Для этой цели в западные районы области были командированы секретари обкома ВКД(б) И. П. Бойцов, П. С. Воронцов, А. А. Абрамов, заведующие отделами и инструкторы обкома. Вместе с местными райкомами партии они создавали довольно развёрнутую сеть подпольных организаций. В одном из своих отчётов обком сообщал: «Деятельность обкома ВКП(б) была направлена на создание подпольных бюро райкомов ВКП(б), на подготовку партизанских отрядов к действиям в условиях вражеского тыла».

В октябре 1941 года, когда противник занял Калинин, оккупировал полностью или частично 38 районов области, в его тылу действовало 22 подпольных' горкома и райкома партии, 24 подпольных райкома комсомола, руководивших сетью низовых подпольных организаций[448].

Правда, далеко не все созданные до оккупации области подпольные организации приступили к действиям. Многие из них вскоре были разгромлены. Сказались отсутствие опыта, не всегда тщательный отбор людей для работы в подполье. Сохранившиеся

подпольные организации развернули энергичную деятельность.

Калининская область не была полностью оккупирована врагом, поэтому обком партии не переходил на нелегальное положение. Занимаясь вопросами, связанными с жизнью неоккупированных районов, он в то же время большое внимание уделял организации партизанской борьбы на занятой врагом территории.

Обком партии имел регулярную связь с подпольными райкомами партии и партизанскими бригадами. В тыл врага неоднократно выезжали инструкторы обкома ВКП(б) А. Д. Хрусталев, И. И. Капустников, А. В. Колосов и З. П. Балусов. При обкоме имелась группа специальных связных, доставлявших в партизанские формирования и подпольные организации указания обкома ВКП(б). Налажена была также радиосвязь с секретарями подпольных райкомов и командованием партизанских бригад. Когда было нужно, секретари подпольных райкомов вылетали в обком партии для доклада и получения новых установок.

Подпольные райкомы партии на местах руководили всеми формами партизанской борьбы. Поэтому обком партии уделял большое внимание подбору кадров для этих органов. В 1941 году в составе подпольных партийных органов в оккупированных врагом районах области работало 48 секретарей РК и ГК ВКП(б), многие председатели исполкомов райсоветов, секретари райкомов комсомола и другие партийные, советские и комсомольские работники.

Перед подпольными райкомами партии стояли большие и ответственные задачи. Вот как их определил секретарь Ашевского подпольного райкома партии М. А. Куприянов, выступая на партийном собрании партизанского отряда «За Родину»: «Отныне мы воины и будем ими, пока фашистских гадов не прогоним с нашей земли. Мы должны создать невыносимые условия для врага, поднимать народ района на вооружённую борьбу, руководить этой борьбой.

Перед нами стоит и вторая большая задача. Взгляните на наш коллектив. Вы увидите здесь представителей райкома партии, райисполкома, наших сельских Советов. В районе осталось население, много народного добра. Понятно, что нельзя за такой короткий срок увезти всё, что создавалось десятками лет. Кто должен руководить людьми? К чьему голосу они должны прислушиваться? Кто должен поддерживать у них веру в скорое освобождение? Мы, партийные работники, мы, руководители района. Ответственная и в то же время почётная задача лежит на нас. И по тому, как наш народ будет вести себя, будут оценивать нас, нашу работу».

Подпольные райкомы партии, как правило, находились при партизанских отрядах и бригадах. Причем секретари райкомов одновременно являлись комиссарами этих отрядов и бригад. В Калининской области, как, впрочем, и во многих других областях, где природные условия позволяли действовать крупным партизанским формированиям, такое базирование подпольных партийных органов было наиболее целесообразным. Подполье в Калининской области состояло из численно небольших организаций и главным образом из рассредоточенных по области подпольных групп и даже подпольщиков–одиночек. Нахождение подпольных райкомов партии в занятых врагом населённых пунктах в этих условиях не было бы оправдано. Из-за особенностей оккупационного режима оно не давало бы подпольным партийным органам руководить партизанским движением в масштабе их районов, затрудняло бы их связи с массами, с партизанскими формированиями и подпольем.

Больше того, как показал опыт, нахождение подпольных партийных органов при партизанских формированиях давало ряд весьма ценных преимуществ. Во–первых, партийные органы могли конкретно руководить партизанскими формированиями. Во–вторых, из партизанских формирований партийные органы могли оперативнее направлять деятельность подполья, чем из какого-либо занятого врагом населённого пункта. В–третьих, вооружённая защита партизанских формирований обеспечивала в гораздо большей степени сохранность партийных органов, чем самая тщательная их конспирация в оккупированном врагом населённом пункте. А это имело чрезвычайно важное значение.

История партизанского движения в минувшей войне знает немало примеров, когда гибель партийного органа вела к снижению эффективности партизанской борьбы: обрывались связи, нарушалась координация и единство руководства партизанскими действиями и т. д. И, напротив, там, где сохранились партийные органы, гибель отдельных партизанских отрядов или подпольных организаций не влекла за собой дезорганизацию партизанского движения.

Активно начал действовать Ашевский подпольный райком партии. Его возглавлял М. А. Куприянов, бывший одновременно комиссаром партизанского отряда «За Родину». Уже в первые месяцы оккупации района значительная часть его вошла в состав партизанского края, образованного ленинградскими и калининскими партизанами. Поэтому подпольный райком партии, помимо руководства отрядом и политической работой среди населения, занимался вопросами воссозданных сельских Советов, входивших в состав партизанского края. Советская

власть была восстановлена в четырёх из 13 сельских Советов района: Ручьинском, Ухошинском, Дорборском и Соколовском. На территории этих сельских Советов, возглавляемых председателями Советов, до декабря 1941 года (до крупной карательной экспедиции, предпринятой гитлеровцами против партизан) работало 35 колхозов, и 8 школ, в которых обучалось 160 детей[449]. Восстановленные колхозы закончили уборку урожая и обмолот хлебов, провели сев озимых и оказали большую помощь партизанскому отряду. Под руководством райкома партии партизаны и население Ашевского района организовали сбор и отправку из глубокого тыла врага 300 центнеров сельскохозяйственных продуктов для осаждённого врагом Ленинграда.

Райком партии вёл большую политическую работу среди населения. Только за последние два с половиной месяца 1941 года было проведено 52 собрания колхозников, на которых присутствовало около 2 тысяч человек. Собрания были посвящены 24–й годовщине Октябрьской революции, разгрому гитлеровских войск под Москвой и Тихвином, освобождению областного центра — Калинина и другим важнейшим событиям. В день годовщины Великого Октября во многих сёлах и деревнях района (Иссурьево, Гнездино, Ухошино, Ручьи и других) были вывешены красные флаги. Райком партии усиленно занимался укреплением партизанского отряда, создавал в занятых врагом населённых пунктах подпольные организации и группы.

В других оккупированных районах области в 1941 году освобождённых территорий не было. Вся деятельность подпольных райкомов партии была сосредоточена на руководстве боевой деятельностью партизан и подпольщиков, на политической работе среди населения. Широкую массово–политическую работу проводил Ленинский подпольный райком партии (секретарь райкома И. С. Борисов). Второй секретарь райкома партии П. И. Кочанов возглавлял пропагандистскую группу в составе семи коммунистов, которая получила название лекторской Группа проводила в населённых пунктах доклады, беседы, громкие читки газет. Эта работа, особенно в начале вражеской оккупации, имела большое значение. Отдельные люди, ошеломлённые первоначальными успехами фашистских войск, впадали в уныние, выражали сомнение в возможности победы над врагом. Проводимая среди населения политическая работа, сообщал секретарь Ленинского райкома партии И. С. Борисов, «поднимает дух и настроение колхозников и колхозниц, вселяет твёрдую уверенность в нашу победу. В отдельных деревнях района (Жилинского, Быстрянского сельских Советов), где нам

недавно пришлось побывать, столкнулись с таким настроением ряда крестьян: «Советской власти, видимо, не бывать, т. к. Россия почти вся занята немцами». После беседы с ними настроение менялось, просили чаще их посещать и держать в курсе событий»[450].

В одном из донесений Ленинского райкома партии дано краткое описание собрания колхозников: «В д. Ключевое приехал отряд. Позавчера здесь ночевали немцы. С часу на час они снова могли сюда нагрянуть, но решено было провести с жителями деревни собрание. По большаку установили пулемёты, выставили усиленную охрануˆ вокруг деревни партизаны заняли оборону. В просторном доме сельской учительницы Линус быстро начали собираться жители. С большим вниманием слушали они доклад, живо интересовались сообщением о жизни в советском тылу, о положении на фронтах, о международных отношениях. После собрания женщины и старики благодарили партизан за новости, приглашали к себе покушать, давали на дорогу хлеб, мясо и просили чаще приезжать к ним.

— А то ничего не знаем, мои сынки, — говорила пожилая женщина, обращаясь к партизанам. —Немцы у нас в районе говорили, что Ленинград и Москва заняты, ну, а откуда нам знать, правда это или нет. Вот только теперь мы узнали.

На прощанье многие говорили: бейте их, сволочей, но берегите себя, будьте осторожны»[451].

Подобные собрания и беседы, проводимые с населением в глубоком тылу врага, придавали силы людям, поднимали трудящихся на борьбу.

Ленинский подпольный райком партии широко использовал в своей работе с населением листовки, призывы, обращения. Так, например, в ответ на попытку оккупантов привлечь население Балбекинского и Величковского сельских Советов для расчистки дорог райком партии выпустил листовку: «Товарищи! Немцы отступают. Создавайте невыносимые для них условия. Не выходите чистить дороги, ломайте мосты. Не давайте грабить себя — прячьте тёплые вещи, хлеб и мясо». Колхозники дружно ответили на призыв —намеченные оккупантами работы были сорваны.

Партизанам оказывали помощь многие назначенные оккупантами старосты деревень. Они вели разведку, укрывали раненых, снабжали партизан продовольствием. Так, староста деревни Гречишниково Зуев обеспечивал явки колхозников на собрания, снабжал партизан хлебом и мясом. Во время поисков карателями партизанского отряда, совершившего операцию около деревни Гречишниково, он тщательно замаскировал следы

партизан и, собрав население, рассказал, что нужно говорить карателям. Нагрянув в деревню, фашисты ничего не узнали о партизанах. Зуев сообщил партизанам много ценных сведений об оккупантах.

Широко был связан с населением Плоскошинский подпольный райком партии во главе с секретарём В. Д. Кузьминым. Успешные действия районного партизанского отряда помогли крестьянам в восьми из одиннадцати сельсоветов сохранить колхозы во главе с прежними руководителями. И только в трёх сельсоветах гитлеровцы смогли назначить старост деревень и сел. По рекомендации райкома колхозники прятали колхозный хлеб, картофель и другие продукты, а затем тайно распределяли их по трудодням. Была оказана также помощь продовольствием семьям красноармейцев и учителей. Под руководством. подпольного райкома партии в 82–х колхозах района были проведены общеколхозные собрания, на которых присутствовало около 4 тысяч чеЛовек. На собраниях колхозники знакомились с положением в стране и на фронте, обсуждали хозяйственные вопросы.

Подпольные партийные органы были подлинными боевыми штабами всенародной партизанской борьбы с оккупантами. Авторитет их в народе был очень высок. Любой призыв, каждая рекомендация подпольных партийных органов неизменно находили активную поддержку населения. Так, например, по указанию Куньинского подпольного райкома партии (секретарь П. Б. Борисов) население сорвало объявленную гитлеровцами перерегистрацию военнообязанных по Ямищенскому, Коськовскому, Плюхновскому, Писчевицкому сельсоветам. Под руководством Сережинского подпольного райкома партии (секретарь П. В. Голубков) население совместно с партизанами уничтожило на территории района все волостные управы и создало для оккупантов и их пособников столь невыносимые условия, что фашистский ставленник Смирнов — бывший адъютант царского генерала Куропаткина—вынужден был срочно запросить военной помощи. «Ввиду весьма тревожного у нас состояния, которое создали в последние дни свирепые безумцы–партизаны, —в панике писал он в торопецкую военную комендатуру, — прошу убедительно вас прислать в наш Сережинский район немецкий карательный отряд для уничтожения этих разбойничьих партизанских гнёзд»[452].

Под руководством подпольных райкомов партии активно работали подпольные райкомы комсомола. В период с июля по декабрь 1941 года они имелись в 24 районах области. Так же как и райкомы партии, они находились при партизанских отрядах и

занимались в основном политической работой среди населения, и прежде всего среди молодёжи.

Активную борьбу с захватчиками вели подпольные организации, действовавшие непосредственно в занятых врагом населённых пунктах.

В августе 1941 года Новосокольнический райком партии создал пять подпольных партийных организаций, в которых насчитывалось более 30 коммунистов[453]. Но вскоре райком вместе с партизанским отрядом вышел в советский тыл. Подпольным организациям пришлось работать самостоятельно. Три из них были сразу же разгромлены. Две другие — в Лисичанском сельсовете (руководитель А. М. Романов) и в Руновском сельсовете (руководитель А. К. Логинов) — были тесно связаны между собой и, по существу, действовали совместно. Они насчитывали в своём составе 15 коммунистов, 12 комсомольцев и 30 беспартийных патриотов[454].

Под руководством подпольщиков руновские и лисичанские колхозники убрали урожай, обмолотили хлеб и тайно распределили продукты между собой. Хлеб скирдовался в скрытых местах. Распоряжения о поставках хлеба и других продуктов для фашистской армии были сорваны. Вместо 550 центнеров ржи, которые было приказано сдать руновскому колхозу, оккупанты получили только 33 центнера. Жоговский колхоз должен был сдать гитлеровцам 305 центнеров ржи, а сдал 18 центнеров, 21 центнер ржи вместо 410 центнеров сдал курочкиновский колхоз. Колхозники Руновского и Лисичанского сельсоветов не сдали оккупантам ни одной коровы.

Захватчики установили для Лисичанского сельсовета план лесозаготовок: 1200 кубометров дров и 800 кубометров лесоматериалов. В лес вышло всего 18 человек, которые за день напилили лишь 2,5 кубометра дров. На третий день колхозники ушли из леса. По совету бригадира Садибова они сказали старостам, что из лесу их прогнали партизаны. Впоследствии Садибов за связь с партизанами был расстрелян.

Руновские и лисичанские подпольщики собрали и спрятали 45 винтовок, 3 автомата, 5 карабинов, 17 пистолетов и другое оружие. Когда Красная Армия стала приближаться к Новосокольническому району, на базе руновской и лисичанской подпольных организаций в январе 1942 года возник партизанский отряд, развернувший активные боевые действия против оккупантов.

Вечно будут жить в сердцах советских людей славные дела подпольной организации, действовавшей в городе Ржеве. И хотя эта организация существовала недолго, она много сделала для

освобождения родного города от фашистских захватчиков. Когда части Красной Армии покинули Ржев, в городе остался на подпольной работе К. Латышев, работник аэропорта и секретарь комсомольской организации. Его товарищем по борьбе стал А. Жильцов, страстно мечтавший стать лётчиком и отдававший все свободное время занятиям в аэроклубе. Вскоре к ним присоединился советский офицер, младший воентехник А. Телешов, пришедший в город после того, как часть, в которой он служил, попала в окружение. Имеющего военный опыт А. Телешова товарищи избрали своим руководителем. Так было положено начало подпольной организации. Она быстро пополнялась новыми патриотами. Из лагеря военнопленных подпольщикам удалось освободить коммуниста К. Дмитриева. Из плена бежал житель Ржева старший сержант В. Некрасов. После неудачных попыток выйти из окружения пришёл в город и вступил в организацию комсомолец А. Беляков. Активными подпольщиками стали М. Персиянцев, В. Никольский, Василий, Нина и другие, фамилии и имена которых остались неизвестны. Подпольщики приняли присягу на верность Родине. Листки с текстом присяги и подписями под ней патриоты положили в бутылку, залили её горлышко гудроном и спрятали в укромном месте.

Боевые действия подпольщики начали с нападений на вражеских часовых. Так они вооружались винтовками и автоматами.

Вскоре подпольщики напали на склад оружия, находившийся на улице Урицкого. Трофеи были солидными: несколько пулемётов и автоматов, много патронов.

В ноябре 1941 года подпольщики установили связь с советским командованием. Разведчик одной из частей Красной Армии комсомолец В. Новоженов стал командиром ударной группы и начальником разведки подпольной организации. Эффективность деятельности организации резко повысилась. Подпольщики сожгли крупный продовольственный склад оккупантов на улице Декабристов. В. Новоженову и А. Телешову удалось похитить в немецкой комендатуре большое количество паспортов. После этого подпольщики организовали дерзкую операцию по освобождению из лагеря значительной группы советских военнопленных. Снабженные паспортами, советские воины сумели укрыться. Многих из них подпольщикам удалось переправить за линию фронта.

Подпольная организация широко развернула разведывательную деятельность. Командование советских частей стало регулярно получать от них ценные сведения о противнике.

Большую помощь оказали подпольщики советской авиации, бомбившей вражеские объекты. По их сигналам была уничтожена колонна автомашин со снарядами. В канун Нового года подпольщики навели советские самолёты на дом, в котором пьянствовали гитлеровские солдаты и офицеры. Рухнуло от разрывов бомб и здание школы, похоронив под своими обломками немало гитлеровцев. Сигналы подпольщиков дали возможность советским лётчикам уничтожить более десятка вражеских дальнобойных артиллерийских установок.

Когда части Красной Армии завязали бои за Ржев, подпольщики разместились в домах Захолынского проезда, на улицах Союзной и Красной Звезды. И как только здесь скопилось большое количество вражеского транспорта, подпольщики открыли по нему ураганный огонь. Этот смелый бой был расценён противником как действие десантной части Красной Армии. Врагов охватила паника. Начальник гарнизона спешно потребовал подкрепления.

Однако героическая борьба ржевских подпольщиков была прервана гнусным предательством. Их выдал отчим А. Телешова — Еремеев. Узнав о существовании подпольной организации, он потребовал от юноши прекратить борьбу и порвать связь со своими товарищами. Комсомолец с гневом отверг это требование. Тогда Еремеев сообщил гестаповцам о том, что А. Телешов является руководителем подпольной организации, передал им его фотокарточку, сообщил фамилии и адреса остальных участников организации. Было арестовано 15 подпольщиков. Гестаповцы зверски пытали их: избивали до полусмерти, загоняли под ногти иголки, жгли их раскалённым железом, вырезали куски кожи. Но ничто не сломило волю патриотов На стене камеры А. Беляков написал: «Я вынесу все нечеловеческие пытки, у меня хватит на это силы. Клянусь вам комсомольским словом, мои дорогие товарищи, что буду молчать до конца, молчите и вы. Начатое нами большое дело закончат наши товарищи».. А. Жильцову удалось, передать письмо отцу. Он писал: «Дорогой мой отец. Не плачь. Будь уверен, что сын твой никого не подведёт. Останешься жив — расскажи о нас другим. Не хочется умирать, ещё мы мало сделали»[455].

После мучительных пыток и истязаний фашисты расправились с патриотами, 31 марта 1942 года они публично повесили в городе Ржеве руководителей подпольной организации —А, Телешова, В. Новоженова и А. Белякова, а остальных подпольщиков расстреляли. Посмертно А. Телешов награждён орденом Отечественной войны 1–й степени, В. Новоженов и А. Беляков — орденами Отечественной войны 2–й степени.

Спасаясь от возмездия, Еремеев незадолго до вступления советских частей в Ржев бежал в Германию. Появившись на советской земле, он тщательно скрывал своё прошлое. Но славные чекисты разоблачили предателя. По приговору военного трибунала Еремеев был расстрелян.

Энергично действовали комсомольско–молодёжные подпольные организации в областном центре Калинине. В одну из них, руководимую Н. Нефедовым, входили Б. Полев, В. Пылаев, Ф. Хохлов, Е. Шиленкина, Т. Гусева и В. Макарова. В другую, руководимую К. Елисеевым, —С. Оспельников, Е. Елисеева, Н. Курков, С. Васильев и другие. Подпольщики имели связь с действующим в. окрестностях города партизанским отрядом и с частями Красной Армии, доставляя им денные сведения о противнике. По ночам молодые подпольщики выводили из строя вражескую технику, нарушали связь. Особенно активно они развернули террористическую деятельность. Не проходило суток, чтобы на улицах города не находили трупы убитых фашистов. Было взорвано несколько военных объектов.

Накануне годовщины Октябрьской революции, когда юные патриоты обсуждали вопрос, как лучше встретить знаменательную дату, Пылаев, Хохлов и Полев были арестованы гестапо. Тяжелые пытки комсомольцы перенесли стойко, ничего не сказав фашистам и не выдав своих товарищей. А в день 7 Ноября, когда трое молодых членов подпольной организации томились в фашистских застенках, их боевые друзья подняли на крыше лыжной базы красный флаг. В связи с этим гестаповцы решили, что Пылаев и Хохлов непричастны к подполью, и освободили их. О судьбе Б. Полева товарищи ничего не знали. Комсомольцы–подпольщики продолжали борьбу. Они уничтожали вражеских солдат, выводили из строя боевую технику врага. И только когда Калинин был освобождён, среди изуродованных трупов, обнаруженных в яме на улице Софьи Перовской, был найден труп Б. Полева. Руки его были скручены верёвкой, лицо носило следы страшных побоев, тело изрезано ножом и прострелено в нескольких местах.

Его боевые друзья продолжали борьбу в рядах Красной Армии и партизанских отрядах.

Вскоре после захвата Великих Лук фашистскими оккупантами в городе начало действовать несколько подпольных организаций и Групп, созданных Великолукским горкомом партии.

Наиболее крупная организация была на паровозо–вагоноремонтном заводе имени Макса Гельца. Подпольщики осуществляли диверсии, выводили из строя технику противника, уничтожали на улицах города вражеских солдат и офицеров,

подрывали автомашины, а когда нечем было взрывать, подкладывали на их пути доски с гвоздями, вспарывали автомобильные шины.

Вот несколько примеров из деятельности этой организации. Однажды А. Макаров заметил, как немецкие солдаты разгружают автомашины со снарядами. Об этом он рассказал своим товарищам В. Никифорову и И. Иванову. Было решено взорвать склад. Темной ночью они направились на выполнение задания. Долго не удавалось им выбрать подходящий момент для осуществления своего плана. Склад бдительно охранялся часовым. Когда перевалило за полночь, а небо заволокло тучами, молодые патриоты бесшумно подползли к складу, подложили взрывчатку под его стену, подожгли бикфордов шнур, а сами укрылись в безопасном месте. Ночную тишину потряс огромной силы взрыв. Артиллерийский склад был уничтожен.

Подпольщики узнали, что против партизан, находившихся недалеко от Великих Лук, снаряжается карательный отряд. Помешать фашистам осуществить чёрное дело — таково было решение подпольщиков. У дороги, по которой должны были следовать каратели, залегли в засаду В. Никифоров, Н. Восман и А. Овчинников. И как только головная машина, в которой ехал командир карательного отряда, приблизилась к месту засады, в неё полетели гранаты, загремели ружейные выстрелы. Палач был убит, выезд карателей сорвался.

Гордостью великолучан был паровозо–вагоноремонтный завод. Оккупанты решили восстановить завод. Они мобилизовали на работы население города и готовились к торжественному пуску. Но планам врага не суждено было сбыться. Работавшие на восстановлении завода подпольщики перекрыли краны доступа воды в котельную, и несколько котлов взорвалось. Понадобилось немало времени для устранения «аварии». Однако немцам недолго пришлось ремонтировать паровозы, вагоны, боевую технику. Однажды ночью на заводе возник пожар, в результате которого сгорело три цеха. Об этом факте стало известно даже начальнику генштаба сухопутных войск Германии генералу Гальдеру, который в своём служебном дневнике отметил, что 14 декабря в Великих Луках партизаны сожгли паровозо- и вагоноремонтные мастерские.

В Великих Луках находился лагерь военнопленных. Подпольщики помогали советским воинам совершать побеги, укрывали их в своих домах, собирали одежду и продукты питания, переправляли через линию фронта, проходившую недалеко от города. Особенно много сделали для освобождения военнопленных В. Давыдов и Д. Минина, проживавшие на

окраине города вблизи лагеря.

Активно действовали подпольщики, работавшие на станции Великие Луки. Машинист паровозного депо Н. Николаев вместе со своими боевыми друзьями выводил из строя паровозы и другой подвижной состав, срывал график движения воинских эшелонов врага.

Успешно действовала подпольная организация и в типографии. Руководил ею В. И. Цветков, до войны работавший директором типографии окружной газеты «Великолукская правда». В состав группы входили наборщик А. В. Гусева, печатники Е. Колпаков и Р. Богданов, корректор Н. Нечаева. Когда стало известно, что захватчики собираются организовать типографию, оставшиеся в городе по заданию горкома партии типографские работники пришли в немецкую комендатуру и попросили принять их на работу по специальности. Цель была одна — использовать типографию в интересах подпольщиков. Вскоре в городе стали появляться небольшие листовки, призывавшие к борьбе.

«Товарищи рабочие, служащие и все трудовое население города Великие Луки! —говорилось в одной из листовок. — Настал час нашего освобождения от фашистских захватчиков. Приложим все силы, чтобы ни одного гитлеровского ставленника не осталось как в городе, так и на всей советской земле. Сплотимся воедино и поможем нашей доблестной Красной Армии»[456].

Нелегко было в типографии, где постоянно дежурили гитлеровцы, печатать листовки и обращения. Здесь требовалась не только величайшая осторожность, но и исключительная находчивость, смекалка.

В потайном месте подпольщики имели кассы со шрифтом и радиоприёмник. Вечером они слушали последние известия, составляли тексты листовок, делали набор, а утром А. В. Гусева вместе с едой приносила в типографию подготовленный набор. Когда дежурный солдат отвлекался или уходил из типографии, печатники Колпаков и Богданов быстро заключали набор листовки в машину и печатали.

Трудно было вынести листовки из типографии. Приходилось прибегать к различного рода ухищрениям. Был и такой случай. Богданов обратился к гитлеровскому офицеру с просьбой разрешить постирать халаты и половики. Офицер разрешил. Вскоре Богданов вынес из помещения типографии свёрток, перенёс его через дорогу и положил в сарай, где хранился типографский инвентарь. Утром А. В. Гусева взяла с собой на работу своих дочерей Зою и Женю и попросила их отвезти

половики и халаты, куда были завёрнуты пачки листовок, жене Колпакова, Марии Афанасьевне.

Много выдумки проявляли подпольщики в распространении листовок: незаметно вкладывали их в корзины и сетки покупателей па рынке, завёртывали в них различные товары, которые затем продавали, опускали в почтовые ящики.

Много беспокойства причинила врагу подпольная организация, действовавшая на электростанции. Ее задачей была подготовка к выводу электростанции из строя.

В январе 1942 года части Красной Армии, ведя наступательные бои, приближались к Великим Лукам. Руководители подпольных организаций и групп разработали план, согласно которому предполагалось 22 января поднять в городе восстание и удержать город до подхода советских частей. Однако врагу стало известно об этом плане. С 19 января начались аресты. Не ожидавшие крупного провала, подпольщики не спешили покинуть город. Скрыться удалось лишь немногим. Большинство членов организации были схвачены гестаповцами. Среди них были: А. Косачев, Н. Восман, Н. Смирнов, В. Цветков, Е. Колпаков, Н. Нечаева, А. Гусева, Р. Богданов и многие другие.

Арестованных содержали в подвале бывшей гостиницы «Москва», превращённой в тюрьму. Страшные пытки перенесли подпольщики. Их били резиновыми дубинками и свинцовым кабелем, морили голодом и холодом. После допросов никто не мог самостоятельно передвигаться. А. Токарева палачи насмерть засекли на допросе, а В. Никифорова убили, Н. Пошивалова бросили в топку котельной электростанции и заживо сожгли.

Стойкость молодых патриотов бесила гитлеровских палачей. Для устрашения оставшихся на воле подпольщиков они расклеили по городу листовки, в которых грозили кровавой расправой с арестованными. И она вскоре наступила.

19 марта 1942 года более 30 подпольщиков были расстреляны на Коломенском кладбище. Г. Киселев (В. И. Кочкин), стоя на краю могилы, гневно заявил фашистам:

— Вы, немцы, говорите, что несёте культуру человечеству. Нет! Вы только уничтожаете людей и разрушаете города. История не знала, чтобы на русской земле чужеземцы когда-либо оставались властвовать. Русский народ непобедим…

После дикой расправы над арестованными подпольщиками начались преследования остальных членов подпольной организации, усиленная слежка за всеми подозрительными жителями города. Но, несмотря на тяжёлый удар, обрушившийся на организацию, и усилившийся террор, оставшиеся на свободе подпольщики продолжали действовать. Вновь на улицах стали

находить убитых фашистов и их прислужников, по городу распространялись листовки. Главными объектами подрывных действий организации стали электростанция и городская водокачка. Подпольщики портили на этих объектах трансформаторы, аккумуляторы машин, генераторы. В течение сентября— ноября 1942 года была выведена из строя водокачка, подававшая воду для котлов электростанции.

Подпольная организация активно боролась с оккупантами до момента освобождения города Красной Армией.

К сожалению, о многих подпольных организациях, действовавших в условиях вражеской оккупации, сохранилось очень мало сведений. Известно, например, что в 1941 году в Бежаницком районе подпольным райкомом партии было создано две подпольные организации. Одна из них действовала на заводе «Красный луч», имея целью сорвать пуск захватчиками этого завода. В Новосокольническом районе в 1941 году существовало две подпольные комсомольские организации, возглавлявшиеся секретарём подпольного райкома комсомола Кудрец. В Пеновском районе работала подпольная комсомольская организация, в состав которой входили П. Михайлов, П. Ласточкина, И. Кузнецов. В Ашевском районе подпольную комсомольскую организацию возглавлял Иванов. Подпольные организации имелись и в других городах и населённых пунктах области.

Немеркнущей славой покрыли себя патриоты–подпольщики. Их имена навсегда останутся в сердцах советских людей, как пример беззаветной преданности Родине, мужества и героизма. В числе первых мы по праву называем имя Е. Чайкиной, секретаря Пеновского подпольного райкома комсомола. Товарищи по борьбе любили её за смелость, отвагу, бесстрашие. Она была замечательным бойцом, смелой разведчицей. Много раз Чайкина участвовала в боях и засадах, в налётах на вражеские гарнизоны и диверсиях. Приветливо встречали Чайкину колхозники, молодёжь. Всюду у неё были друзья и товарищи. Под руководством Чайкиной комсомольцы вели большую пропагандистскую работу в районе.

Гитлеровцам удалось поймать патриотку. Оповестив народ, что будут расстреливать партизанку, они привели измученную и обезображенную продолжительными пытками, но по–прежнему гордую девушку к водонапорной башне на станции Пено.

Был морозный ясный день. Плотным кольцом окружили Чайкину вражеские солдаты и, словно боясь, что и отсюда эта бесстрашная патриотка может незаметно ускользнуть, как она уже не раз искусно выходила из, казалось бы, безвыходных

положений, наставили на неё автоматы. Позади солдат стояли десятки жителей посёлка, насильно пригнанные к месту казни.

Все присутствующие отлично знали Чайкину. Ведь она долгое время работала в райцентре: в конторе по распространению печати, в редакции районной газеты, а с 1939 — секретарём райкома комсомола. Но никто не промолвил ни слова. Офицер несколько раз сердито требовал опознания девушки, но жители молчали.

Но туї вперёд протискалась растрёпанная женщина с пьяными красными глазами и сиплым голосом закричала:

— Это и есть партизанка, первая комсомолка района.

Толпа вздрогнула. Глухой ропот пронёсся по рядам, послышалось несколько выкриков по адресу предательницы, но грозный вид фашистских солдат заставил людей замолчать, затаить жгучую ненависть против предательницы и гитлеровских извергов.

Офицер предложил Чайкиной сознатьсяш рассказать о партизанах, обещая жизнь и свободу, в противном же случае грозил расстрелом:

— Пятнадцать минут даю тебе подумать, — сказал он.

Простившись взглядом со своими друзьями и знакомыми, через 16 минут Лиза сказала:

— Я готова, стреляйте. Я погибаю за нашу Родину!

Загремели выстрелы. Лиза упала.

— За Родину, за народ… — донёсся слабеющий голос патриотки.

Палач выстрелил ей в висок, и навсегда перестало биться пламенное, полное любви к Родине и ненависти к врагу сердце Е. Чайкиной. Много дней лежало тело у водокачки. Фашисты не разрешали хоронить труп. И только когда они уехали, тёмной ночью сестра Е. И. Чайкиной Мария и старик пенсионер С. Н. Котов похоронили тело отважной патриотки за посёлком у дороги под высокими старыми соснами.

6 марта 1942 года Елизавете Ивановне Чайкиной посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В первые дни войны в райвоенкомат посёлка Луковниково пришла двадцатидвухлетняя девушка П. Зиматова и попросила направить её добровольцем в ряды Красной Армии. В просьбе было отказано. Но девушка не успокоилась, и, когда враг стал приближаться к границам Луковниковского района, Зиматова обратилась в райком партии с просьбой направить её в партизанский отряд. Она стала разведчицей и связной райкома партии с подпольщиками, оставшимися на оккупированной территории района.

В холодные осенние ночи не раз пробиралась П. Зиматова в райцентр Луковниково, разведывала вражеские укрепления, численность гарнизона, устанавливала связи с оставшимися подпольщиками, передавала им указания подпольного райкома партии. Много раз она была в сёлах и деревнях Илигорского, Вайгоровского и Луковниковского сельских Советов, распространяла листовки, проводила беседы, добывала сведения о противнике.

В ноябре 1941 года небольшая группа партизан в числе которой была и П. Зиматова, попала во вражескую засаду. Умело маскируясь, группе удалось выйти из окружения. Однако вскоре она наткнулась на другое подразделение карателей и приняла бой. В этом бою П. Зиматова была ранена и попала в плен. Начались допросы. Фашисты рассчитывали, что им легко удастся получить интересующие их сведения от молодой девушки. Но ни уговоры, ни пытки не дали им желаемых результатов. Патриотка упорно молчала. «Мы заставим тебя говорить!» — бесился переводчик, но так и не услышал от Зиматовой ни единого слова. Рассвирепевшие палачи вырвали у неё язык, а затем расстреляли. Посмертно П. А. Зиматова награждена орденом Ленина.

Ее светлой памяти поэт Семен Кирсанов посвятил стихотворение «Молчание»:

Это слово — о Пане Зиматовой,
Рыжий немец сидит перед ней.
Страшной пыткою как ни выматывай —
Губы сжаты сильней и сильней.

Немец мнёт протоколы в отчаянье,
Накурил полстола папирос.
Но — молчанье, молчанье, молчание —
Это Панин ответ на допрос.

С той поры, как грабьармия заняла
Городок по дороге лесной,
Паня в тёмном лесу партизанила,
Шла в разведку в посёлок родной.

Паня знает все тропы, все хижины,
Тайны леса, подпольных людей,
Но не выдаст мучителю рыжему
Строгой тайны, доверенной ей.

Немец чёрные клещи выхватывает:
— Не ответите — вырвем язык!
Но девический голос Зиматовой
Перед пыткой дрожать не привык.

Паня вспомнила зарево красное,
Мать родную и Родину–мать,
Посмотрела, сказала: —
Да здравствует Комсомол! — и замолкла опять.

II пытали, кровавили, вырвали…
Яму вырыли. Паня мертва.
Только слова другого не вырвали
Из её белозубого рта.

Штыковые, железные молнии,
Комсомольцы, несите в руках!
О её незабвенном безмолвии
Мы расскажем на всех языках.

Там, в деревне, врагами запятнанной,
Снова красное знамя горит.
II молчание Панн Зиматовой
О великой душе говорит[457].

Жизненный путь комсомолки В. Поршневой ничем не отличался от пути, пройденного её сверстниками. Ровесница Октября, она пользовалась всеми благами, завоёванными народом после победы революции. Много и упорно училась, рано начала работать — вначале библиотекарем, а затем литературным сотрудником районной газеты, принимала активное участие в общественной работе, увлекалась литературой, любила повеселиться.

Как и все советские люди, девушка тяжело переживала вторжение врага на территорию Родины. А когда линия фронта приблизилась к Молодотудскому району, где родилась и жила В. Поршнева, она с оружием в руках ушла сражаться с врагом. Окончив курсы пулемётчиц, Поршнева добилась направления её в партизанский отряд. Здесь она проявила себя храбрым бойцом, смелой разведчицей и пламенным пропагандистом.

Перед командованием партизанского отряда была поставлена задача — регулярно информировать штаб советской воинской

части о вражеском гарнизоне в районном центре Молодой Туд. Лучше всех с этой задачей могла справиться В. Поршнева. Она получила задание — устроиться на работу в немецкую комендатуру. Так В. Поршнева стала подпольщицей. Много ценных сведений получило командование части от юной героини, много больших дел совершила она за сравнительно короткий срок пребывания в подполье.

Но жизнь В. Поршневой рано и трагически оборвалась. Она была выдана предателем и попала в руки гестаповцев. 12 дней фашисты истязали девушку, глумились над ней, пытаясь получить сведения о партизанах. Ей загоняли раскалённые иглы под ногти, жгли грудь, выводили полуголую на мороз, не давали воды и еды. Перед казнью озверевшие фашисты выжгли на груди юной героини пятиконечную звезду. Нечеловеческие пытки не сломили мужества и стойкости патриотки. Она не просила о пощаде, не показывала своих мучений и умерла какгероиня.

Незадолго до смерти В. Поршнева написала записку матери: «Завтра я умру, мама. Ты прожила 50 лет, а я лишь 24. Мне хочется жить. Ведь я так мало сделала! Хочется жить, чтобы громить ненавистных фашистов. Они издевались надо мной, но я ничего не сказала. Я знаю: за мою смерть отомстят мои друзья–партизаны. Они уничтожат захватчиков.

Не плачь, мама. Я умираю, зная, что все отдала победе. За народ умереть не страшно. Передай девушкам: пусть идут партизанить, смело громить оккупантов.

Наша победа недалека!»[458]

Вера написала ещё одно письмо матери, но передать не сумела и зашила его под подкладку пальто. Она погибла 21 декабря. 1941 года. После освобождения Молодотудского района тело героини–подпольщицы было перенесено в братскую могилу. Товарищи по борьбе обнаружили в её пальто письмо. Вот его содержание:

«Милая мамочка!

Пишу письмо перед смертью. Ты его получишь, а меня уже не будет на сзете. Ты, мама, обо мне не плачь и не убивайся, я смерти не боюсь… Мамочка, ты у меня одна останешься, не знаю, как ты будешь жить. Я думаю, что Зоя тебя не бросит. Ладно, моя милая, доживай каК. нибудь свой век. Мама, я все же тебе немного завидую: ты хоть живёшь пятый десяток, а мне пришлось прожить 24 года, а как бы хотелось пожить и посмотреть, какая будет дальше жизнь. Ладно, отбрасываю мечты…

Писать кончаю, не могу больше писать: руки трясутся, ц голова не соображает ничего —я уже вторые сутки не кушаю, с голодным желудком умирать легче. Знаешь, мама, обидно

умирать.

Ну ладно, прощай, моя милая старушка. Как хотелось бы посмотреть на вас, на тебя, па Зою, милого Женечку, если сохраните его, расскажите ему, какая у него была тётя. Ну все. Целую вас всех и тебя, мою мамочку.

Твоя дочь Вера»[459].

* * *

Разгром гитлеровцев под Москвой положил начало освобождению оккупированной части Калининской области. К концу января 1942 года Красная Армия вышла, на рубеж Холм — Великие Луки — Усвяты, освободив частично или полностью 24 района области. В оставшихся 14 полностью оккупированных районах области продолжало действовать несколько подпольных райкомов партии, небольшое количество подпольных организаций и шесть партизанских отрядов.

Перед обкомом партии встала задача — создать во всех ещё оккупированных противником районах партизанские отряды, добиться дальнейшей активизации народных масс в борьбе с врагом. В решении этой задачи главную роль сыграли подпольные райкомы партии. Некоторые из них продолжали находиться в тылу врага, а большая часть была вновь скомплектована в советском тылу и в первой половине 1942 года переброшена через линию фронта. Всего было отобрано и направлено в тыл врага 280 руководящих партийных и советских работников, в том числе 22 человека для работы секретарями подпольных райкомов партии[460].

В марте в Невельский район был направлен подпольный райком партии во главе с первым секретарём С. И. Мусатовым. Райком укрепил действовавший до этого в районе отряд под командованием А. И. Логунова и создал два новых партизанских отряда под командованием Г П. Ахременкова и В. П. Карпенкова. В ряде сельсоветов (Кошелевском, Стайковском, Комшанском, Борисоглебском) по указанию райкома были созданы вооружённые группы.

Деятельность райкома происходила в условиях постоянных схваток с фашистами. 15 мая в одном из боев погибли С. И. Мусатов и другие руководящие работники района. Подпольный райком партии возглавил второй секретарь Ф. И. Федоров. В июле в районе была создана партизанская бригада. Ее комиссаром стал Ф. И. Федотов.

В мае 1942 года в Локнянский район была переправлена

группа местных коммунистов во главе с секретарями райкома партии С. И. Громовым и Г. В. Васильевым. Здесь же с 1941 года находился в подполье первый секретарь райкома Ф. М. Углов. Вскоре был создан партизанский отряд. На командные и политические должности были назначены секретари райкома Васильев, Громов и девять других руководящих районных работников. Отряд быстро рос. Появилось два новых отряда. В июле бюро подпольного райкома партии вынесло решение об объединении отрядов в партизанскую бригаду. На должности комиссара и начальника штаба бригады были утверждены секретари райкома партии Г. В. Васильев и С. И. Громов.

Весной 1942 года на территории трёх сельсоветов Локнянского района была восстановлена Советская власть, избраны председатели сельских Советов. На освобождённой территории работало 14 колхозов. Все лица призывного возраста с этой территории были выведены в советский тыл и направлены в ряды Красной Армии[461].

Большую работу по мобилизации населения на борьбу с захватчиками проводил Новосокольнический подпольный райком партии, возглавлявшийся М. А. Соловьевым. В течение трёх первых месяцев 1942 года на территории района существовала партизанская зона. В Руновском, Лисичанском, Раменском, Островском, Батрацком, части Луначарского, Плешовского и Горожанского сельских Советов была восстановлена Советская власть, начали работать колхозы. Быстро росли ряды партизанских формирований.

Активную работу продолжал проводить Ашевский подпольный райком партии, находившийся в тылу врага. После предпринятой гитлеровцами карательной экспедиции против партизанского края, в состав которого входил и Ашевский район, подпольный райком партии во главе с М. А. Куприяновым восстановил работу четырёх сельских Советов (Ухошинского, Ручьинского, Дорборского и Соколовского) и 35 колхозов. Весной 1942 года под руководством райкома партии на контролируемой партизанами территории района было засеяно 430 гектаров колхозных земель в дополнение к 837 гектарам засеянных здесь осенью озимых хлебов.

По инициативе райкома партии был организован среди населения сбор средств в фонд обороны страны и проведена подписка на заём. В короткий срок было собрано и отправлено в советский тыл 17 тысяч рублей денег.

Во второй половине 1942 и начале 1943 года подпольные райкомы партии стали действовать во всех остальных оккупированных врагом районах: Идрицком (секретарь

В. А. Дунаев), Пустошкинском (секретарь С. И. Ермоченков), Себежском (секретарь А. С. Кулеш), Опочецком (секретарь Н. В. Васильев), Красногородском (секретарь А, А, Козлов), Пушкиногорском (секретарь П. М. Киманов), Новоржевском (секретарь И. Т. Романов), Бежаницком (секретарь С. Т. Волков). Всего за время оккупации Калининской области в тылу врага действовало 2 горкома и 26 райкомов партии. По периодам это выглядит следующим образом: к началу 1942 года действовало 23 подпольных райкома и горкома ВКП(б), к середине 1942 года — 11, к концу 1942 года — 16, к середине 1943 года — 10, к середине 1944 года — 5[462].

Подпольные райкомы партии помимо организаторской развернули широкую политическую работу среди населения. Только в 1942 году через партизанские отряды и подпольные организации райкомами партии было распространено свыше 1 миллиона экземпляров листовок, брошюр и специальных номеров областной газеты «Пролетарская правда», полученных из советского тыла[463].

Многие подпольные райкомы партии издавали в тылу врага свои газеты, выпускали листовки, воззвания, обращения. Так, Локнянским райкомом партии издавалась газета «Коллективист», Новосокольническкм — газета «Колхозник». «Газета «Колхозник», —писала «Пролетарская правда» в номере за 27 декабря 1942 года, — помогает районной партийной организации сплачивать трудящихся, вовлекать их в активную борьбу с немецкими захватчиками. Она сообщает о проводимых в сёлах и деревнях собраниях, на которых колхозники клянутся всеми силами и средствами помогать партизанам. В газете приводятся заявления колхозников, вступающих в партизанские отряды, чтобы беспощадно мстить фашистскому зверю.

Из номера в номер крепнет голос районной советской газеты, усиливается её связь с населением. Газету ждут, и, хотя её читают тайно, с оглядкой, всё большее и большее число людей становятся её друзьями.

Советская печать в тылу врага — источник силы для людей, стонущих под фашистским сапогом, веры в близкое своё освобождение от гитлеровского рабства».

В типографиях газет «Колхозник» и «Коллективист» печатались листовки, обращённые к населению оккупированных районов, к лицам, работавшим у гитлеровцев (полицейским, старостам, железнодорожникам), сводки Совинформбюро и другая литература. Так в ноябре—декабре 1942 года Новосокольническим подпольным райкомом партии было отпечатано и распространено среди населения 20 тысяч

экземпляров сводок Совинформбюро, 500 экземпляров листовок к рабочим–железнодорожникам, 500 экземпляров обращений к полицейским, воззвание РК ВКП(б) к населению района и РК ВЛКСМ комсомолу района[464].

Летом 1943 года Пустошкинский райком партии типографским путём начал издавать бюллетени, обращения, листовки, сводки Совинформбюро. Все материалы подписывались Пустошкинским райкомом партии, и местом издания значился город Пустошка, в котором всё время стоял крупный немецкий гарнизон.

Под руководством подпольных райкомов партии партизанские отряды широко использовали и устные формы массово–политической работы: читки газет, беседы, лекции и доклады, собрания и митинги. «Я много лет работал в этом районе, — писал секретарь Пустошкинского подпольного райкома партии С. И. Ермоченков, — но никогда не было, чтобы население испытывало такую тягу к тому, что делается в нашей стране и вообще на фронтах Отечественной войны. Когда появляются наши люди — партизаны и объявляют о сборе собрания, так собрание собирается буквально в несколько минут».

На бюро подпольных райкомов партии вопросы массово–политической работы среди населения и партизан были предметом частого обсуждения. Так, на бюро Себежского подпольного райкома партии 8 февраля 1943 года обсуждался вопрос о работе с местным населением, 19 февраля — об обращении к населению, 10 апреля — о массово–политической работе в отряде № 1 и среди местного населения и т. д.

В числе вопросов, обсуждавшихся на заседаниях Опочецкого подпольного райкома партии в период с сентября 1942 года по март 1943 года, были вопросы о состоянии агитационной работы в отрядах и среди населения, о сборе средств в фонд главного командования, утверждение агитаторов для работы среди населения и другие.

Проводимая подпольными райкомами партии организаторская и политическая работа среди населения способствовала быстрому росту партизанских формирований. Если на 1 сентября 1942 года в оккупированных районах Калининской области действовало 8 партизанских бригад, насчитывавших 2,5 тысячи партизан, то на 1 ноября стало уже 12 бригад с 5643 бойцами, а на 1 апреля 1943 года было 14 бригад, в рядах которых сражалось 7209 партизан. В июле 1943 года в партизанских отрядах и бригадах, действовавших на территории 10 полностью оккупированных районов области, насчитывалось уже 9310 человек[465]. Кроме того, были созданы значительные

резервы для пополнения действовавших и создания новых партизанских формирований, насчитывавшие 5–6 тысяч человек.

Возросшая мощь партизанских соединений, активное участие в партизанской борьбе с захватчиками подавляющей части населения оккупированных районов позволили подпольным райкомам партии развернуть операции по освобождению советской земли в тылу врага. В течение сентября — октября 1942 года был создан партизанский край. В последующие месяцы его территория расширялась, включая в себя все новые районы. Вместе с территорией, отвоёванной белорусскими партизанами в граничащих с Калининской областью районах БССР, партизанский край простирался с востока на запад на 100 километров и с севера на юг на 80–90 километров. Перед подпольными райкомами партии встали новые задачи, связанные с решением вопросов политической и хозяйственной жизни на освобождённой территории. Необходимо было прежде всего восстановить Советскую власть, найти её правильные формы, так как это была власть не мирного времени, а власть, по образному выражению М. И Калинина, «ощетинившаяся всеми доступными видами вооружения для борьбы с заклятым врагом»[466].

Наиболее успешно осуществлял эти задачи Себежский подпольный райком партии. Возглавлял его А. С. Кулеш. Андрей Семенович до войны работал секретарём Себежского райкома партии по кадрам. И когда фашистские захватчики заняли Себеж, а затем и всю территорию района, А. С. Кулеш остался в тылу противника в партизанском отряде. Он был не только бойцом, но и политическим руководителем, указания и советы которого в эти трудные дни для советских людей были особенно необходимы. Хорошо зная людей, Андрей Семенович быстро установил связи со многими оставшимися в тылу врага коммунистами, передавал им задания райкома партии и получал от них интересующие отряд сведения. Фашисты обещали большие деньги за поимку партизан, и особенно секретаря райкома партии.

Под напором карательных экспедиций врага партизанский отряд и подпольный райком партии вынуждены были покинуть пределы Себежского района. Но вскоре А. С. Кулеш снова в тылу врага, теперь уже на должности комиссара партизанского отряда, которым командовал В. И. Марго. Обком партии поручил отряду выйти в Себежский район, И вот отряд на территории Себежского района. В короткие сроки он пополнился за счёт местных жителей, превратившись в крупное партизанское подразделение. В начале октября на базе отряда была создана партизанская бригада, бессменным комиссаром которой и руководителем подпольного Себежского райкома партии до момента

освобождения района был А. С. Кулеш. В это время особенно ярко проявились организаторские способности А. С. Кулеша. Не было другого оккупированного врагом района Калининской области, где бы партизанское движение приняло такие широкие размеры, как в Себежском районе. Большинство населения района с оружием в руках сражалось против захватчиков. Другие помогали партизанам продуктами питания, одеждой, обувью, вели разведку. Справедлива оценка, данная позже секретарём Себежского райкома партии В. Е. Петровым положению дел в районе: «Редко можно найти дом, семью, где бы не было партизан, а деревень, где нет партизанских семей, в нашем районе нет»[467]. В этом большая заслуга принадлежит подпольному райкому партии и его руководителю А. С. Кулешу.

Для руководства освобождённой частью района было создано семь комендантских участков, объединявших по два–три сельских Совета. Комендантами были назначены местные партизаны из бывших советских и колхозных работников. Комендант и их помощники жили непосредственно в населённых пунктах и вели работу под руководством подпольного райкома партии. В обязанность комендантов входило: организация самообороны населённых пунктов, регулирование заготовок, разрешение жалоб населения, оказание помощи семьям, пострадавшим от оккупантов. В деревнях были назначены подчинённые комендантам старосты.

На заседаниях бюро райкома партии часто обсуждались вопросы далеко не военного характера. Например, 21 апреля 1943 года бюро Себежского райкома партии заслушало вопрос об оказании помощи населению района в проведении весеннего сева. В мае оно трижды обсуждало вопросы, связанные с работой комендантских партизанских участков, а немного позже — вопросы о работе Томсенской и Бродской мельниц, о ходе заготовок сельскохозяйственных продуктов и другие[468].

8 августа 1943 года бюро Себежского райкома партии провело расширенное заседание комендантов и их помощников, на котором были рассмотрены вопросы совершенствования деятельности местных органов власти. На этом же заседании был обсуждён вопрос о ходе уборки урожая и заготовки сельскохозяйственных продуктов[469].

Опыт показал, что управление освобождённой территорией посредством комендантских участков себя оправдало. В решении бюро Себежского подпольного райкома партии от 4 октября 1943 года говорится о том, «что с момента введения института комендантов участков установился соответствующий порядок в заготовках сельскохозяйственных продуктов для питания

партизан, улучшилась также массово–политическая работа среди населения, проведена большая работа по оказанию помощи населению, пострадавшему от немецко-фашистских экспедиций»[470].

В Идрицком районе подпольный райком партии восстановил восемь сельсоветов. Во главе сельсоветов были назначены коменданты и их помощники, в населённых пунктах — старосты. В других районах подпольные райкомы партии осуществляли руководство освобождёнными населёнными пунктами непосредственно через старост. Но и здесь, в освобождённых районах, связи между подпольными райкомами партии и комсомола с местными партийными и комсомольскими организациями осуществлялись конспиративно. Делалось это для того, чтобы в случае захвата противником освобождённых районов не раскрывать подпольщиков и их связи с руководящими партийными и советскими органами.

Для оказания помощи освобождённым деревням и сёлам подпольные райкомы партии привлекли партизан. Каждое село и деревня были закреплены за определёнными отрядами. Партизаны помогали колхозникам в поле. Вели среди них политическую работу.

Летом 1943 года разгорелась жестокая борьба между оккупантами и колхозниками за урожай. В результате активных действий партизан и советской авиации на коммуникациях противнику становилось все труднее обеспечивать свои войска продовольствием. Не дать хлеба захватчикам, сорвать их продовольственные заготовки означало нанести серьёзный ущерб их армии. Что же касается партизанского края, то здесь, наоборот, гитлеровцы стремились не допустить снабжения продовольствием партизан. Еще до начала уборки противник предпринимал интенсивную бомбардировку и обстрел с самолётов населённых пунктов партизанских краёв. Кроме того, сбрасывал большое количество зажигательных шашек на поля спелого хлеба. Колхозников, работавших на полях или пытавшихся ликвидировать пожары, фашисты расстреливали с самолётов. В расположенные вблизи партизанского края населённые пункты гитлеровцы врывались крупными силами, пытаясь убрать урожай или помешать это сделать партизанам.

Подпольные райкомы партии мобилизовали все силы для охраны урожая и ликвидации пожаров на полях. Вблизи границ партизанского края уборка проходила под охраной партизан и с их помощью. В свою очередь, партизанские отряды нападали на места, расположенные вблизи вражеских гарнизонов, с боем производили уборку урожая и увозили намолоченный хлеб в

партизанские края. Иногда бои принимали крупный характер. Вот несколько примеров. 29 августа 1943 года противник силою свыше 300 человек пытался проникнуть в глубь партизанского края и провести уборку урожая у деревни Дроздово. Но его встретила сильная группа партизан. Враг был рассеян и отошёл. Перегруппировав силы, он снова повёл наступление. Партизаны отбили все атаки гитлеровцев. После пятичасового боя, потеряв 23 человека убитыми и 25 ранеными, враг отошёл[471]. В деревне Рыково было посеяно 62 гектара ржи. Гитлеровцы готовились снять урожай. Идрицкий подпольный райком партии мобилизовал в партизанском крае до 700 человек женщин и подростков. 150 лошадей. Под прикрытием партизанских сил весь урожай на этой площади был снят за одни сутки и увезён в глубь партизанской территории[472]. В целом уборка урожая по Идрицкому району прошла успешно. Врагу не достался колхозный хлеб.

В Себежском районе борьба за урожай проходила в ещё более острых столкновениях с противником. Партизанам приходилось вести почти непрерывные и довольно крупные бои с гитлеровцами и полицейскими, пытавшимися захватить собранный колхозниками хлеб. Особенно жестокая борьба развернулась на полях деревень Черново, Кузьмина, Руданы. Оккупантам в первые дни удалось убрать и вывезти часть хлеба. Однако под непрерывными ударами партизан захватчики вынуждены были уйти, не закончив уборку и оставив 53 воза сжатой ржи. Под защитой партизан население деревень приступило к уборке. Тогда противник стал ежедневно обстреливать работавших на полях крестьян, а позднее бросил сюда до 600 карателей с миномётами, пушками и танками. В северной части Себежского района населению под прикрытием партизан полностью удалось собрать урожай.

Столь же остро проходила борьба за урожай в Пустошкинском, Невельском, Опочецком и других районах. Снятого урожая на территории партизанского края и в значительной мере за его пределами хватило и для населения, и для партизан.

Оккупанты с тревогой доносили в Берлин: «…уборка урожая, для охраны которой были приняты все меры, находится под угрозой»[473].

Большую помощь райкомам партии во всех проводимых ими мероприятиях оказывали подпольные райкомы комсомола. Наиболее активно действовали Ашевский (секретарь А. И. Егоренкова), Невельский (секретарь З. И. Баринова), Идрицкий (секретарь А. Г. Урцева), Себежский (секретарь

И. И. Малиновский), Опочецкий (секретарь И. Е. Куликов). О деятельности комсомольцев Ашевского района свидетельствует письмо, принятое ими на районном собрании, проходившем 12 июля 1942 года: «Исполняется год, как мы живём и проводим работу в тылу фашистских извергов, которые вероломно напали на нашу Родину и нарушили нам молодую цветущую жизнь. Немецкие изверги расстреляли 25 чел. юношей и девушек, а одну комсомолку, Казакову Нюру, закопали живой в землю за отказ работать на фрицев. Они сожгли 1015 колхозных дворов, чем хотят обречь наше население на голод, холод и нищету. До 100 девушек гитлеровские каратели отправили в Германию. Но пусть знает подлый враг, что ни расстрелы и виселицы, ни плети не поставят нас перед ними на колени, не сделают нас рабами и не приостановят нашу работу… Начиная с марта месяца 1942 года в партизанские отряды вступило свыше 300 чел. молодёжи, из них 95 членов комсомола.

…За всё время своей работы мы, комсомольцы, приготовили свыше 750 подарков для наших партизан и Красной Армии, сшили 250 рубашек, выстирали 1500 пар белья, ухаживали за ранеными бойцами, помогали в сборе продуктов и в доставлении их в партизанские отряды через непроходимые мхи, болота и леса. Провели только за июль месяц 45 читок с нашим населением газет, листовок. Силами комсомольцев собрали в фонд обороны 4575 руб. Теперь для нас предстоит большая работа—это уборка урожая на наших колхозных полях. Мы, комсомольцы, клянёмся справиться и с этой работой так, чтобы ни одного зерна, ни одной сенины не досталось заклятому врагу»[474]. И эту клятву они сдержали.

Комсомольцы Идрицкого района только за март — май 1943 года провели в 67 деревнях свыше 250 бесед, собраний и докладов, на которых присутствовало более 1000 человек. Комсомольцы распространяли листовки, обращения, воззвания. Только в апреле — мае 1943 года более 100 юношей и девушек, проживавших на территории Идрицкого района, вступили в партизанские отряды[475].

Столь же активно действовали и другие подпольные райкомы комсомола.

* * *

Наряду с развёртыванием деятельности партизанских формирований подпольные райкомы партии большое внимание уделили созданию и руководству подпольными организациями и

группами непосредственно в занятых врагом городах, на железнодорожных станциях и в других крупных населённых пунктах.

Документально подтверждено, что в годы войны на оккупированной врагом территории Калининской области действовало свыше 100 подпольных организаций, в которых насчитывалось около 900 коммунистов, комсомольцев и беспартийных. Есть все основания полагать, что сеть подпольных организаций была значительно шире.

Подпольные организации подразделялись на партийные, комсомольские и смешанные. Партийные и комсомольские организации создавались ещё до занятия территории врагом. В ходе борьбы они пополнялись новыми людьми, в том числе за счёт беспартийных патриотов.

Большинство же подпольных организаций возникало в городах и сёлах уже после их оккупации врагом. В таких организациях коммунисты и комсомольцы не создавали своих особых ячеек или групп. Возглавлялись эти организации в большинстве случаев коммунистами и комсомольцами.

Подпольные организации занимались диверсиями в гарнизонах противника, вели разведку, распространяли листовки, выявляли людей, стремившихся с оружием в руках бороться с врагом, и переправляли их к партизанам.

Активно действовала подпольная организация в городе Невеле. Она возникла в конце января 1942 года под руководством С. Ф. Типтей. Первоначально в неё входили А. Х. Лапенков, А. Н. Крякин, Т. И. Гордин, Д. А. Андреев, Е. А. Дзэнь, М. Ф. Типтей, Ф. А. Типтей. Затем в организацию вступили Крылов Н. С., Волков Ф. М., Цыганков Ф. Д., Островский Т. И., Кравцова Н. Ф., Титенко Б. П., Тюльков Н. И. и другие. К октябрю 1943 года подпольная организация выросла уже до 50 человек[476]. Руководитель организации С. Ф. Типтей выполнял задания Полоцкого подпольного райкома партии (секретарь Г. С. Петров), находившегося при белорусской партизанской бригаде, которой командовал Н. Е. Фалалеев.

По характеру выполняемой работы организация делилась на несколько групп. Члены каждой группы знали только своего руководителя.

Диверсионно–разведывательной группой руководил коммунист Т. И. Гордин. Помимо диверсий и разведки группа вела агитационную работу среди советских военнопленных, устраивала им побеги к партизанам. Так, в июле 1943 года со станции Невель при содействии подпольщиков бежало 7 военнопленных на автомашине со станковым пулемётом,

винтовками и ящиком ручных гранат. Всего подпольщики переправили к партизанам до 50 советских военнопленных.

Группа вела агитацию за несдачу налогов, распространила до 20 тысяч экземпляров листовок и газет, в том числе листовки с обращением к немецким солдатам. Под постоянным наблюдением группы находились железные дороги, проходившие через Невель: Невель–I — Опухлики, Невель-1 — Горушки, Невель–II — Изоча, Невель–II—Езерище, а также шоссейные дороги на этих участках. Сведения о движении по железным и шоссейным дорогам ежедневно передавались руководителю подпольной организации, а последний через связных направлял их подпольному райкому партии. Члены группы составили две карты Невеля и две карты Невельского района с указанием размещения вражеских войск и военных объектов, до 30 схем и чертежей оборонительных сооружений и военных укреплений противника.

В конце ноября 1942 года из штаба гитлеровской части, находившейся на станции Невель-1, подпольщикам удалось выкрасть план–схему расположения зенитных батарей в районе станций Невель–I и Невель–II. Сведения были своевременно переданы в партизанскую бригаду. 16 декабря 1942 года советские самолёты подвергли бомбардировке эти батареи. Несколько орудий и большое число вражеских зенитчиков было выведено из строя.

Группа систематически совершала диверсии. Подпольщик Гордин на пути следования воинского эшелона в районе станции Невель-1 заложил обрубок рельса во входную стрелку. Поезд сошёл с рельсов. В результате крушения разбилось 3 вагона, было убито 7, ранено 68 вражеских солдат. Эшелон задержался на станции почти на 20 часов, Подпольщик Дзэнь на пути следования вражеского эшелона с продовольствием перевёл стрелку и направил состав в тупик. Паровоз и 4 вагона слетели с рельсов и разбились. Отправка продовольствия на фронт была задержана на сутки. Подпольщиком А. Х. Лапенковым было сожжено помещение жандармерии, где сгорели документы на юношей и девушек, которых хотели отправить в Германию, а Н. С. Крылов поджёг помещение поздноевского волостного правления, в котором находились документы на поставку крестьянами волости хлеба, картофеля, мяса и других продуктов гитлеровской армии.

Подпольная организация получила задание командования партизанской бригады уничтожить в Невеле мастерские, в которых ремонтировались танки и автомашины. Выполнение задания было поручено Е. Дзэню и Б. Титенко. Наблюдение за

мастерскими показало, что во время налётов советской авиации ремонтные рабочие и охрана укрывались в бомбоубежище — в 70–80 метрах от мастерских. Было решено диверсию совершить во время воздушной тревоги. Дзэнь и Титенко разрядили до двух десятков винтовочных патронов, сделав «папиросы», начинкой которых был порох. В нижней части такой «папиросы» находился табак, в верхней — вата. Несколько дней отважные патриоты ожидали очередного налёта советской авиации. И вот накануне 1 Мая над городом вновь появились советские самолёты. Прозвучала сирена воздушной тревоги. Ремонтные рабочие и охрана покинули мастерские и укрылись в убежище. В открытую дверь мастерской вбежал с горящей «папиросой» во рту Е. Дзэнь, что-то поискав возле машин, он незаметно обронил «папиросу» в разлитое на полу машинное масло и мазут и ушёл за рабочими в бомбоубежище. Титенко наблюдал за товарищем, готовый в любую минуту прийти на помощь. Через несколько минут языки пламени стали вырываться из окна и двери мастерской. Советские самолёты заметили пожар и сбросили на горящее строение несколько зажигательных бомб. Мастерские были уничтожены. От 10 танков, готовых через несколько дней уйти на фронт, остались лишь железные скелеты. Сгорело 30 автомашин и мотоциклов. Пламя перебросилось на склад с боеприпасами. Взорвалось до 1000 артиллерийских снарядов.

Близ Невеля находился крупный склад с зерном, подготовленным к отправке в Германию. Гитлеровцы приказали старшине Козловской волости выделить 60 подвод для перевозки зерна на станцию Невель–II. Об этом стало известно подпольщикам. Агроному Козловской волости М. Харькову, не раз до этого выполнявшему задания подпольной организации, было поручено во что бы то ни стало задержать отправку в город подвод. Харьков предложил свои услуги старшине волости — подготовить требуемое количество подвод. Однако поручение не выполнил. Под видом «дня своего рождения» Харьков созвал гостей и основательно «напился». Не дождавшись подвод, гитлеровцы направили в волость заместителя шефа района. Приехав на место и застав агронома «пьяным», он избил Харькова и приказал за «недисциплинированность» отправить его в невельскую тюрьму. А в это время члены подпольной организации Б. Титенко и Н. Тюльков подожгли склад. В пламени огня погибли сотни тонн зерна. С помощью шефа района, являвшегося членом подпольной организации, Харьков был освобождён. Вскоре было уничтожено большое количество заготовленного оккупантами картофеля. Ф. Д. Цыганков, работавший кладовщиком в хранилище овощей, засыпал

картофель солью, и через несколько дней он пришёл в негодность.

Подпольщики З. Давыденко и В. Жернова во время налёта советских самолётов на Невель 16 января 1943 года подожгли строение вблизи склада с горючим, чем привлекли внимание лётчиков. Склад был уничтожен. Члены группы совершили свыше 20 террористических актов против гитлеровцев и чиновников из числа изменников, особенно рьяно зверствовавших в районе.

Другая группа подпольной организации собирала средства для закупки продуктов и товаров, необходимых для партизан. На собранные деньги было закуплено и отправлено партизанам: соли — до 2 тысяч килограммов, табаку — до 1000 пачек, тёплых носков— 75 пар, пишущая машинка, спички, мыло, зажигалки и другие предметы обихода, а также два ящика различных медикаментов.

Под непосредственным руководством С. Ф. Типтей работала группа, которая составляла чертежи, схемы, карты с указанием на них оборонительных укреплений, штабов, складов, огневых точек противника. Все это через связных передавалось в партизанскую бригаду.

Большинство членов подпольной организации сумело устроиться в различные учреждения, созданные оккупантами. Это давало им возможность не только легально проживать, но и использовать своё положение для успешного выполнения заданий. Подпольщики–зоотехники Лапенков и Андреев выдавали в большом количестве крестьянам фиктивные справки, чтобы сохранить скот, уменьшали данные о фактически засеянной площади, составляли акты на якобы погибшие посевы.

Чтобы скрыть невыполнение заданий по сдаче хлеба и других продуктов, члены подпольной организации В. Ф. Антошевский и И. А. Новиков запутали бухгалтерский учёт. Произведенная ревизия не смогла выяснить действительной картины. Оба подпольщика «за халатное ведение учёта» были арестованы. В целях стимулирования поставок продовольствия гитлеровцы решили за их выполнение выдавать премии. По заданию подпольной организации составлялись фиктивные ведомости, по которым кладовщик С. И. Новиков выдавал соль, спички, табак и другие остро дефицитные товары «отличившимся» в поставках деревням и сёлам. Эти товары затем переправлялись партизанам.

Невельская подпольная организация не имела больших провалов. Хотя некоторые её члены были расстреляны, а другие подверглись арестам и репрессиям, их мужество уберегло организацию от разгрома. Страшные муки перенесли, попав в застенки гестапо, подпольщики И. Т. Мельников, А. Т.

Григорович, В. В. Васильев. Все они держались с исключительной стойкостью. Погибли при выполнении боевых заданий подпольщики В. Жернова, Н. Жернова, З. Давыденко и М. Типтей.

Подпольная организация в Невеле существовала до освобождения города от захватчиков (7 октября 1943 года). Ее энергичный руководитель С. Ф. Типтей, действовавший под кличкой Железный, награждён орденом Красного Знамени.

На территории Пустошкинского района летом 1943 года действовало шесть подпольных организаций, руководимых райкомом партии. Одна из них, состоявшая из 12 человек, работала под руководством учителя Е. П. Пузыня в деревне Сергейцево. Подпольщики вели агитационную работу в окружающих сёлах и деревнях, распространяли листовки, обращения и газеты, организовывали население на саботаж мероприятий оккупантов. У населённых пунктов Сергейцево, Колпино и Печенево подпольщики сожгли мосты на шоссейной дороге. В селе Линец подпольную организацию возглавлял И. М. Жгун. Ему удалось устроиться старшим лесничим районной управы, что давало возможность оперативно собирать ценные сведения о противнике и своевременно предупреждать партизан о готовящихся карательных экспедициях и других намерениях врага. Однажды гитлеровцы подготовили широкую операцию по реквизиции всех коров у крестьян Тимоновского, Шелоховского и Денисовского сельсоветов. Жгун своевременно предупредил партизан о предполагаемом массовом грабеже, и скот был спасён.

В Себеже при авторемонтных мастерских 263–й немецкой дивизии работала подпольная организация под руководством А. Н. Аноненко, куда входили А. М. Опарин, В. М. Лобанов, Ф. П. Кисленко, В. Н. Мартынюк и другие.

Активно действовала молодёжная подпольная организация в городе Новоржеве. Ее возглавляла комсомолка З. Брелауск. В организацию входили К. Гринченкова, братья А. Острогорский и И. Острогорский, Д. Гусаров, З. Евдокимова и другие. Подпольщики имели связь с бригадой ленинградских партизан, которой командовал А. В. Герман. От партизан юные патриоты получали листовки и газеты, которые распространяли среди жителей Новоржева и близлежащих деревень. Подпольщики установили связь с большой группой советских граждан, которых оккупанты силой заставили выполнять различные строительные работы. От них подпольщики получали и передавали партизанам сведения о движении вражеских войск через Новоржев, о расположении гарнизона и огневых точек, об оборонительных сооружениях, возводимых врагом. В свою очередь подпольщики обеспечивали группу сводками Совинформбюро, газетами и

листовками. Улучив момент, они организовали её переход в партизанскую бригаду.

Гитлеровцам удалось раскрыть организацию. Все её члены были расстреляны.

В районном центре Красногородское под руководством подпольного райкома партии работали партийная организация во главе с учительницей З. Тимофеевой и пять подпольных комсомольских организаций. Одна из них работала в пригороде Красном под руководством А. С. Степанова. Организация собирала оружие и отправляла партизанам. Члены организации Вишняков, Севостьянов и другие добыли 1500 патронов, 2 винтовки, 7 запалов к гранатам, бинокль. Руководитель организации Степанов под видом возчика молока перевёз собранное оружие из Красного в деревню Мехово/ а оттуда к партизанам. Подпольная организация совершила несколько диверсий в гарнизоне врага, вела разведку, распространяла листовки. Под влиянием подпольщиков многие местные жители, привлечённые на работу в оккупационном аппарате, ушли к партизанам.

Ряд подпольных организаций действовал на территории Новосокольнического, Ашевского, Пушкиногорского и других районов.

Наряду с существованием подпольных организаций в оккупированных районах области имелась широкая сеть подпольных групп и особенно подпольщиков–одиночек. Опыт учит, что крупные организации больше имели провалов, чаще терпели неудачи. Учитывая это, райкомы партии и командование партизанских формирований создавали небольшие подпольные группы и широко практиковали установление непосредственных связей с отдельными лицами, давая им конкретные задания. Многие патриоты активно включились в борьбу с врагом. По сведениям Себежского подпольного райкома партии, в городах и сёлах района в феврале 1943 года проживало 60 коммунистов. К июлю 1943 года в партизанские отряды вступило 35 человек, 12 коммунистов работали по заданию райкома партии[477]. В Идрицком районе из 15 коммунистов, которые не состояли летом 1943 года в партизанских отрядах, 8 были привлечены к подпольной работе.

По заданию подпольных райкомов ВЛКСМ в сентябре 1943 года в оккупированных районах области работало 57 комсомольцев-подпольщиков, объединённых в небольшие группы[478].

Большая часть членов подпольных групп и подпольщиков–одиночек состояла из беспартийных патриотов. Это были люди

самых различных возрастов и профессий. Все они, как правило, работали в оккупационных учреждениях врага.

Так, в числе подпольщиков, работавших по заданию Пустошкинского райкома партии, были: полицейский под кличкой Акулин, ветврач— Сергеенко, учитель — Шарепко, мельник — Кушилов, лесник— Савченко, беженка из Ленинградской области—Абрамова, бургомистр волости — Васильев, переводчик лагеря военнопленных города Опочка — Моряк, официантка столовой гарнизона Нища— Аня, сапожник из Опочки — Сорока, главбух заготзерно города Опочка — Хрым, следователь полиции Красногородское — Герман и другие[479].

Уборщица помещения гестапо в городе Опочка по заданию партизан поступила в негласную тайную полицию, туда же устроился и инспектор биржи труда. Все они, рискуя жизнью, помогали партизанам, приближая день победы.

Подпольщики, как правило, друг друга не знали, имели псевдонимы и ими подписывали донесения. В местах, где было несколько подпольщиков, их работу возглавлял руководитель группы, получая необходимые указания и задания от райкома партии или командования партизанских формирований. Большинство же подпольщиков-одиночек были непосредственно связаны с партизанскими отрядами или райкомами партии.

Летом 1943 года не было, пожалуй, сколь-либо крупного гарнизона противника, железнодорожной станции или иного объекта врага на территории оккупированных районов Калининской области, где бы не было подпольных групп или отдельных подпольщиков, выполнявших различные задания райкомов партии и командования партизанских отрядов. В отдельные периоды только в Себеже на предприятиях и учреждениях работало до 200 человек подпольщиков. Ни одно сколь-либо крупное начинание врага, изменение в дислокации воинских частей, строительство оборонительных сооружений не оставалось не замеченным подпольщиками. Партизанам было известно, когда готовится карательная экспедиция, так как в комендатуре, городской управе, полицейских участках они имели своих людей. Добываемые сведения быстро через партизан переправлялись советскому командованию.

На 1 июня 1943 года задания подпольных райкомов и партизанских подразделений выполняли 397 членов подпольных групп и отдельных лиц, из которых работников железных дорог — 21 человек, бургомистров и волостных старшин — 47 человек, служащих оккупационных учреждений — 60 человек, ремесленников — 26, полицейских— 6, крестьян — 212[480]. К моменту полного освобождения Калининской области от

оккупантов (июль 1944 года) на значительно меньшей территории, остававшейся ещё занятой врагом, работало уже 826 членов подпольных групп[481]. Всего в оккупированных районах Калининской области, по неполным данным, действовало 1054 подпольщика–одиночки[482].

Деятельность подпольных групп и подпольщиков–одиночек была весьма эффективной. Они проводили главным образом разведку тыла врага. Это были глаза и уши партизан. Только за последние два года подпольщиками было установлено на территории оккупированных районов Калининской области наличие 41 немецкой дивизии, трёх бригад, 27 отдельных полков, 79 отдельных батальонов, 14 аэродромов, 132 различных склада, 35 предприятий стационарного и полевого типа, обслуживающих немецкую армию, выявлено 8 оборонительных рубежей и нанесено на схему. Все это было передано через партизанские бригады в штаб Калининского фронта.

На основании данных, полученных от подпольщиков, был произведён налёт нашей авиации на склады противника в Зеленом городке близ Полоцка, которые были уничтожены в ночь на 1 июня 1943 года.

Разгрому партизанами вражеских гарнизонов предшествовала тщательная разведка, которая также проводилась, как правило, через подпольщиков, проживавших в населённых пунктах, где находились эти гарнизоны.

Подпольные группы и подпольщики–одиночки совершали также диверсии в гарнизонах врага. Вот некоторые примеры. 2 января 1943 года подпольщиками И. П. Елисеевым и З. Ф. Сенчонок в Себеже был сожжён обслуживавший оккупантов скотный двор. Сгорели лошади, свиньи, коровы, овцы. 23 января 1943 года в Себеже было совершено покушение на гитлеровского генерала и его свиту. 28 января 1943 года был сожжён гараж себежской военной комендатуры. Сгорели грузовики, легковые автомашины и весь инструмент. 5 февраля в Себеже был уничтожен другой гараж. На станции Себеж была совершена диверсия, в результате которой разбились паровоз и четыре вагона. На станции Идрица была заложена магнитная мина в котёл паровоза. На пути к городу Пустошка поезд подорвался. На этой же станции подпольщики взорвали 13 бочек с бензином. 7 июня 1943 года в Идрице было сожжено помещение биржи труда с находившимися там документами. 2 ноября 1942 года близ станции Пустошка подпольщик Портнов, работавший стрелочником, пустил два поезда по одной колее. В результате крушения были разбиты паровозы, 7 вагонов, 3 платформы, повреждены паровоз и 3 танка, убито 100 и ранено 180

гитлеровцев[483]. В ночь на 4 октября 1943 года под руководством подпольщика И. Д. Семенова была совершена диверсия в гарнизоне противника Усть–Долыссы, в результате которой был уничтожен склад с боеприпасами и 2 автомашины. При выполнении боевого задания И. Д. Семенов погиб.

Подпольные группы и отдельные лица выполняли задания партизан по распространению листовок, обращений, призывов, персональных писем. «Ваши листовки развешены на здании комендатуры, райуправы, а одну подсунули в карман бургомистру», — сообщал подпольщик под кличкой Надежный. Подпольщица Белка докладывала: «Поручение ваше выполнила. Две листовки расклеены на доске, где вывешивали объявления, три на телефонных столбах и одну на доске с надписью «Хождение посторонним лицам воспрещается»».

На здании себежской военной комендатуры подпольщики вывесили портрет Гитлера с надписью: «Обер–Бандит с большой дороги», а военному коменданту в карман положили записку командира бригады В. И. Марго, в которой гитлеровцу предлагалось прекратить бесчинства в Себеже и напоминалось об ответственности за его злодеяния.

Через подпольщиков партизаны посылали предателям письма с «благодарностью за помощь», с таким расчётом, чтобы эти письма попали гитлеровцам; и было немало случаев, когда от неугодных людей партизаны избавлялись таким способом.

Во всей полноте проявил своё антисоветское нутро бургомистр Невеля Васильев. Много зла причинил он жителям города. Подпольный райком партии направил в Невель Е. А. Кильдешеву — бывшую преподавательницу Невельского педагогического училища. Она имела задание — заставить бургомистра отказаться от службы на оккупантов. Однако эти попытки не дали желаемых результатов. Подпольщица была арестована. Но она не сложила оружия и решила во что бы то ни стало отплатить бургомистру. На клочке бумаги Е. А. Кильдешева написала письмо, из которого следовало, что Васильев связан с советской разведкой. Чтобы придать правдивость версии о «помощи» бургомистра Красной Армии, письмо предварительно было измято и разорвано на части. Когда Е. А. Кильдешеву вели на очередной допрос, она «обронила» компрометирующие бургомистра материалы с таким расчётом, чтобы их заметили охранники. Так оно и произошло. На сложенных кусках письма гестаповцы прочитали, что податель сегО письма Кильдешева Е. А. направлена и уполномочена советской разведкой получить от Васильева П. П. сведения о невельском гарнизоне, системе обороны вокруг города, о движении поездов

через станцию Невель, собранные им в последнее время.

Е. А. Кильдешева была расстреляна, казнили гитлеровцы и бургомистра города.

Большую работу подпольщики проводили по разложению изменнических формирований, переводу на сторону партизан служащих и чиновников оккупационного аппарата, организации побегов советских военнопленных.

Летом 1943 года на границах партизанского края и вообще в тылу у захватчиков для борьбы с партизанами и охраны коммуникаций были размещены части так называемой «русской освободительной армии», во главе которой гитлеровцы поставили изменника Родины Власова. В ней наряду с враждебными элементами было немало советских военнопленных. Многие из них стремились вырваться из лагерей, чтобы при первом удобном случае перейти на сторону партизан. Эта часть солдат «РОА» особенно легко поддавалась агитации и охотно переходила на сторону партизан.

По заданиям подпольных райкомов партии и командования партизанских отрядов подпольщики изучали настроения солдат «РОА», проводили с ними соответствующую работу и организовывали их переход на сторону партизан.

Пустошкинский подпольный райком партии и командование партизанской бригады Н. В. Шаповалова поручили подпольщице Ф. М. Федотовой установить связь с гарнизоном, расположенным в селе Гужово, и добиться перехода его на сторону партизан. Подпольщица изучала настроения незнакомых ей людей, искала тех, на кого можно было опереться. Вначале отдельные солдаты, а затем и группы солдат высказали желание перейти на сторону партизан. Ф. М. Федотова устроила встречу представителей солдат «РОА» с заместителем командира бригады по разведке А. П. Константиновым. Было решено в ночь на 27 мая 1943 года увести всех желающих солдат в расположение партизанского отряда. В ночь на 27 мая партизаны скрытно подошли к селу. Здесь их встретили организаторы перехода и тихо провели в село. Разбившись на несколько групп, партизаны окружили дома и обезоружили находившихся там гитлеровцев и их прислужников, взяли в плен командира роты и его помощника. Солдаты «РОА» были увезены в расположение бригады. Через два дня перед строем был зачитан приказ командования бригады. В одном из пунктов приказа говорилось: «Отмечаю как верную дочь своего народа гражданку деревни Росляки Себежского района Федотову Ф. М., которая, не щадя своей жизни, ходила со спецзаданиями во вражеский гарнизон и обеспечила отряду связь с последним».

В августе 1943 года подпольщица М. Литвинова установила связь с вражеским гарнизоном в населённом пункте Слободка. Ей удалось сколотить из солдат «РОА» инициативную группу, которая быстро росла. Вскоре группа подняла восстание в гарнизоне, уничтожила 34 гитлеровца и изменника Родины, подорвала 7 автомашин, 3 склада, 46 солдат с вооружением и имуществом перешли на сторону бригады партизан, которой командовал А. М. Гаврилов. Одновременно восстали солдаты «РОА» в деревне Заверняка. Они перебили гитлеровцев–командиров. 67 солдат перешли в бригаду, которой командовал Ф. Т. Бойдин.

Еще в конце 1942 года на территорию Ашевского района, где действовала партизанская бригада А. Е. Сидоренко, прибыл батальон, скомплектованный гитлеровцами из бывших советских военнопленных. Одна рота этого батальона расположилась в селе Пезово Ашевского района. Через подпольщиц Е. И. Анисимову, Е. В. Боровикову и А. П. Федотову, работавших в этом гарнизоне, партизанам удалось установить связь с солдатами и младшими командирами. Вначале связь поддерживалась письменно, а затем состоялось несколько личных встреч представителей партизан и солдат «РОА». К октябрю 1943 года во всех ротах и штабе батальона были созданы инициативные группы. На 5 октября 1943 года было назначено восстание. Однако осуществить его удалось только в первой роте. 93 солдата, уничтожив 29 гитлеровских солдат и офицеров, с полным вооружением (2 батальонных и 4 ротных миномёта, 6 пулемётов, 62 винтовки, 6 пистолетов) перешли в партизанский отряд. В других же ротах накануне восстания участники заговора были арестованы, а солдаты разоружены, погружены в эшелоны и направлены в сторону Пскова. По пути следования эшелона многие солдаты разбежались, 80 человек присоединились к партизанам[484].

Кроме отдельных гарнизонов к партизанам в большом количестве переходили мелкие группы и одиночные солдаты «РОА». Всего на сторону партизан Калининской области, по неполным данным, перешло 1687 солдат «РОА»[485].

Много смелости и героизма проявили и другие советские патриоты, работавшие в подпольных группах. В течение двух лет был тесно связан с партизанами бригад В. И. Марго и Ф. Т. Бойдина, подпольщик П. И. Виперс — фельдшер Томсинского медпункта Себежского района. Он лечил раненых и больных партизан, снабжал их медикаментами, собирал сведения о противнике.

Активно работала подпольщица колхозница артели «Пролетарий» Локнянского района К. Д. Макарова. Она собирала

для партизан продукты питания, одежду, обувь, скрывала их от карателей, сохранила и передала партизанскому отряду радиоприёмник, срывала немецкие воззвания и приказы, вела агитацию среди населения. С помощью К. Д. Макаровой весь колхозный скот был переправлен партизанам и частям Красной Армии. По заданию партизан она ходила в разведку во вражеский гарнизон Локня. По её разведывательным данным, советские самолёты дважды бомбили военные объекты врага. В 1942 году патриотка трижды проводила в глубокий тыл врага партизанские отряды и войсковые группы. В июле и августе 1941 года она вывела из окружения более 300 советских воинов.

Ценные сведения о противнике регулярно передавал партизанам колхозник Лепповского сельсовета Невельского района И. В. Паршенко. Он собрал и доставил в партизанский отряд 15 винтовок, 6 ручных пулемётов, 3 станковых пулемёта, 7 ящиков патронов, 65 ручных гранат и 68 килограммов взрывчатки. И. В. Паршенко вёл активную политическую работу: распространял листовки, собрал у местных жителей 1565 рублей на танковую колонну. Узнав, что гестаповцы готовятся его арестовать, он вместе с семьёй ушёл в партизанский отряд и сражался против оккупантов до освобождения района частями Красной Армии.

Колхозница–подпольщица А. С. Семенова из Опочецкого района предоставила свою квартиру радистке Фроловой, которая до июля 1944 года передавала по рации в штаб фронта сведения о противнике. В течение этих долгих месяцев Семенова обеспечивала радистку одеждой и питанием, принимала на квартире связных от штаба фронта, укрывала их от гитлеровцев, ходила в Опочку к подпольщикам и приносила от них сведения для передачи по рации.

Комсомолец П. Плотников жил в деревне Ульясово Новосокольнического района. Ночью, в ненастную погоду к нему приходили люди из партизанского отряда, получали сведения о противнике, давали новые задания. Плотников узнавал о численности и вооружении вражеских гарнизонов, расклеивал на домах и заборах листовки, читал односельчанам газеты, подбрасывал в дома, где жили немецкие солдаты, призывы и обращения. По его данным, партизанский отряд провёл несколько удачных боевых операций.

Гитлеровцам удалось схватить патриота. Его жестоко пытали. Но мужественный подпольщик не выдал своих друзей. Когда П. Плотникова вели на расстрел, партизаны устроили засаду, перебили конвой и освободили боевого товарища. Взбешенные гитлеровцы сожгли деревню и повесили отца Плотникова[486].

* * *

Насмерть бились с врагами бойцы подполья. И, когда надо было, геройски умирали. Недолгую, но яркую жизнь прожила замечательная советская патриотка партизанка–разведчица, секретарь Себежского подпольного райкома комсомола М. С. Пынто. Рискуя жизнью, она неоднократно проникала во вражеские гарнизоны, осуществляла связь с подпольщиками, распространяла среди жителей района газеты, листовки, обращения. Летом 1943 года она перевела к партизанам большую группу солдат «РОА». О мужестве и героизме Пынто свидетельствует следующий эпизод, рассказанный её боевыми товарищами: «Это было в конце июля 1943 года. Мария Пынто неожиданно для гитлеровского коменданта зашла в его кабинет.

— Что вам нужно? —спросил он.

— Я послана из штаба партизанской бригады, чтобы договориться с вами…

Комендант настолько перепугался, что не мог произнести отчётливо ни слова.

— Вы уйдите отсюда, пожалуйста…

— Нет, господин комендант, вы обязаны немедленно написать письмо партизанам, что будете давать нам необходимые сведения. Или вы будете работать с нами, или… — разведчица наставила пистолет. — Я должна взять это письмо сейчас…

Такое письмо Мария принесла партизанам»[487].

Весной 1944 года каратели схватили больную тифом М. С. Пынто в землянке её сестры. Подпольщицу подвергли чудовищным пыткам: выбили у неё зубы, отрезали язык, левое ухо, грудь, в нескольких местах пробили череп, нанесли девять глубоких ножевых ран[488].

С большим трудом труп героини был найден её боевыми товарищами. У гроба комсомольского вожака партизаны поклялись отомстить фашистским извергам. Через несколько дней отряды бригады Ф. Т. Бойдина окружили гарнизон, в котором пытали подпольщицу, перебили охрану и подожгли казармы. Не выдержав натиска партизан, фашисты бежали и по пути были уничтожены.

В Указе Президиума Верховного Совета Союза ССР от 8 мая 1965 года говорится: «За особые заслуги, мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко–фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., присвоить звание Героя Советского Союза Кузьмину Матвею Кузьмичу — колхознику колхоза «Рассвет» Великолукского района Псковской области (посмертно)»[489].

Гитлеровский офицер приказал 80–летнему колхознику М. К. Кузьмину провести скрытыми путями многочисленную группу солдат и офицеров в тыл советской части. Собираясь в дорогу, Кузьмин послал своего внука Васю предупредить советских воинов о готовящейся опасности, а сам долго водил оккупантов по оврагам, кустарникам, перелескам. Продрогшие и усталые солдаты неожиданно для себя оказались под пулемётным огнём советских воинов, которые, будучи предупреждены Васей, в упор расстреливали оккупантов. Гитлеровцы зверски расправились с патриотом, повторившим бессмертный подвиг Ивана Сусанина.

Сложна и опасна была борьба подпольщиков. Действуя в стане врага с большим риском, они были дерзко смелыми, находчивыми, мужественными. Многие из них не дожили до радостного дня победы. В боях с врагом погибли секретари подпольных райкомов партии А. М. Суетинов, П. В. Голубков, С. И. Мусатов, М. М. Шатухо, И. А. Семенов, В. Е. Елисеев, И. И. Рыбаков, М. А. Евменов, К. Т. Ломтев, О. Г. Григорьев, А. Н. Теплов, В. Е. Петров, С. М. Мазур и другие. Комсомолку–подпольщицу М. Д. Натунич фашисты живой закопали в землю. Умер от пыток подпольщик Я. Ф. Смилков. Повешен гитлеровцами в Себеже подпольщик В. И. Соловьев. Оккупанты расстреляли Н. И. Зайцеву, Е. И. Андрееву, В. Д. Артюшенко, В. П. Федосевич, Д. С. Руденко и многих других славных патриотов.

Но герои не умирают. Они живут в нашей победе, в замечательных делах советского народа, строящего коммунизм.

ЭТО БЫЛО В ОРЛЕ
М. М. Мартынов

3 октября 1941 года бронированные чудовища с чёрными крестами, сея вокруг смерть и разрушения, ворвались в Орел. Вслед за танками в город нагрянули гестапо, ГФП[490], фельджандармерия и прочие банды фашистских карателей. Объявился бывший орловский купец —садист и убийца Букин. Гитлеровцы поставили его во главе сыскного отделения городской полиции, действовавшего под непосредственным руководством шефа СД. Нашлись и другие презренные выродки (правда, их было немного), которые, предав Родину и свой народ, пошли в услужение к оккупантам. От имени учреждённой оккупантами городской управы 9 октября было обнародовано распоряжение:

> «Все жители города Орла подчиняются немецким военным властям и их солдатам».

Город захлестнула коричневая чума. Грабежи и насилия, массовые убийства жителей, уничтожение культурных ценностей — таков был «новый порядок». Для «устрашения непокорных» публично на площадях, в скверах, в городском парке было повешено свыше 400 человек. На груди застывшего в петле автомеханика К. Хилкова фашисты прикрепили доску с надписью: «Коммунист». В Первомайском сквере (ныне сквер Танкистов) несколько дней на деревьях висели тела трёх молодых парней. Фашистская газетёнка «Речь» 16 января 1942 года по этому поводу сообщала: «За невыполнение приказа местного коменданта по ежедневной явке на работу, что является саботажем, безработные Матвеев Алексей, Кочергин Иван и Ключников Дмитрий повешены… как саботажники».

По вторникам и пятницам со стороны городской тюрьмы доносились автоматные и пистолетные выстрелы, — это фашисты расстреливали патриотов. По ночам распахивались железные ворота двора бывшего Государственного банка и оттуда выезжали закрытые грузовики с советскими людьми, которых палачи вывозили на расстрел из залитых водой подвалов ГФП. Постоянно была в ходу душегубка, которую загружали палачи гестапо и сыскное отделение Букина.

Оккупанты торопились, спешили «очистить, дезинфицировать город от коммунистической заразы». Они были уверены, что Орлу нанесён сокрушительный удар, что он парализован, не способен к

борьбе с захватчиками…

* * *

В начале ноября 1941 года в самом центре города раздался колоссальный взрыв. В ночное небо взметнулся столб пламени и, словно огромный факел, долго освещал дома и улицы. А 11 ноября Совинформбюро сообщило, что в Орле патриоты взорвали и сожгли городскую гостиницу «Коммуналь», уничтожив там до 150 фашистских офицеров. Это был первый довольно чувствительный удар орловских подпольщиков по оккупантам. А через несколько дней было взорвано и сгорело многоэтажное здание на углу Комсомольской и Посадской улиц, в котором размещался штаб вражеской части. Затем вспыхнул склад горючего во дворе школы на Кромской площади, в воздух взлетело 300 бочек с бензином. Загорелись гружённые винтовками, гранатами и патронами автомашины в одном из дворов по 2–й Курской улице. Запылали гаражи, забитые автомашинами с военными грузами, в Рабочем городке, на Пятницкой и 3–й Курской улицах. У гитлеровских солдат и офицеров бесследно пропадали автоматы, пистолеты, гранаты. А в одной из казарм гарнизона кто-то «позаботился» о 17 карабинах — смочил их серной кислотой и вывел из строя. Потом стали исчезать жандармские посты.

Гитлеровцы заметались. Комендант города генерал–майор Узерен объявил одно за другим несколько устрашающих распоряжений, обращённых к населению. Репрессиями он пытался запугать патриотов, а посулами — привлечь на свою сторону предателей. Так, 26 ноября 1941 года в газете «Орловские известия»[491] был опубликован приказ полевой комендатуры:

> «Все жители, знающие о замыслах и о преступлениях, направленных против германской армии, против германских распоряжений и против имущества всякого рода, в особенности о фактах саботажа или же о заговорах враждебного германским властям характера и не известившие об этом непременно ближайшую военную часть, будут наказаны смертью. Дома этих жителей подвергаются уничтожению. Своевременные извещения об этом будут вознаграждены наградой до 5000 рублей».

СД, ГФП и сыскное отделение Букина сбивались с ног в

поисках подпольщиков, удары которых постоянно нарастали.

Организаторами подполья были коммунисты, их боевые помощники — комсомольцы, беспартийные активисты. Подготовка к борьбе в условиях вражеской оккупации началась в Орле заблаговременно. Партийные органы отобрали для работы в подполье стойких коммунистов, комсомольцев и беспартийных патриотов. Многие из них прошли подготовку в специально созданной для этого школе, начальником которой был секретарь горкома партии И. Н. Ларичев. Будущие подпольщики изучали здесь военное дело, знакомились с различными способами конспирации, связи. В конце сентября для подпольщиков в городе были заложены тайные склады взрывчатки и другого оружия.

Но завершить начатую работу не удалось. Танки гитлеровского генерала Гудериана внезапно ворвались в город. Партийные работники, даже многие из тех, кто должен был остаться в подполье, ушли из города, присоединившись к частям Красной Армии или к уже действовавшим на Орловщине партизанским отрядам. На фронт, в частности, ушли все секретари и другие ответственные работники городского и районных комитетов партии.

Обком партии в это время проводил огромную работу по организации партизанских формирований в западных и южных районах области, в Брянских лесах[492].

Поэтому патриоты, которые были отобраны и подготовлены для подпольной борьбы в Орле, не успели получить конкретного инструктажа, явок и связей. Тем не менее они сразу же развернули активную деятельность.

Нанесенные подпольщиками в первые же дни вражеской оккупации довольно чувствительные удары по захватчикам показали орловчанам, что в городе действуют активные патриотические силы. В результате создавшейся обстановки многие оставшиеся в городе коммунисты, комсомольцы и беспартийные активисты искали связь с подпольщиками, включались в активную организованную борьбу. А если им не удавалось находить этой связи, действовали самостоятельно, как могли, доступными им средствами. Устраивали диверсии, проникали в административные органы оккупантов, срывали их мероприятия, вели политическую работу среди населения.

Вблизи Орла нет больших лесных массивов, в которых могли бы базироваться крупные партизанские отряды. Это лишало орловских подпольщиков возможности укрываться в случае опасности. По этой же причине орловские подпольщики не имели оперативной связи с партизанскими формированиями и находившимися в их расположении партийными органами,

которые координировали бы деятельность подполья. Поэтому орловское подполье представляло собой большое количество не связанных друг с другом мелких групп и подпольщиков–одиночек. Во многих случаях, как, например, на железнодорожном узле, их действия носили массовый характер, что причиняло большой ущерб оккупантам.

Наиболее сильной и активно действовавшей с самого начала вражеской оккупации Орла была подпольная группа Жореса. Ее руководитель коммунист А. Н. Комаров до войны работал директором орловской средней школы № 26. Это был замечательный коммунист. Трудовую деятельность он начал на Сормовском заводе в Нижнем Новгороде (ныне Горький). В 1918 году добровольно пошёл воевать за Советскую власть, участвовал в штурме Перекопа, был тяжело ранен. В бурные годы гражданской войны, охваченный пафосом революционной борьбы, юноша Комаров взял себе фамилию знаменитого французского революционера, и с тех пор его знали как Жореса. Окончив Ленинградский коммунистический университет, А. Н. Комаров–Жорес находился на партийной работе в Сибири, затем учительствовал в Орле, от мобилизации в армию был освобождён по состоянию здоровья.

Гитлеровцы зачислили Жореса в созданную военной комендатурой бригаду, которая под конвоем полицейских работала на заготовке дров, очистке дорог от снежных заносов и уборке нечистот во дворах домов, где располагались немецкие солдаты. С весны 1942 года бригада использовалась на аэродроме на засыпке воронок и выравнивании лётного поля после налётов советской авиации, что происходило почти ежедневно.

Верным помощником Жореса был коммунист М. А. Суров, в прошлом комсомольский работник. В ядро подпольной группы входили также бывший заведующий типографией обкома партии коммунист А. И. Рябиков, бывший председатель областного комитета физкультуры и спорта Г. М. Огурцов, бывший инспектор облисполкома комсомолец А. Г. Евдокимов и другие.

Проживавшая во время войны в Орле А. А. Давыденко вспоминает, что её маленькая квартирка на улице Сакко и Ванцетти по указанию Жореса находилась в таком хаотическом состоянии, что немецкие солдаты не задерживались в ней. Здесь-то и была явочная квартира группы Жореса. А. А. Давыденко часто выходила на условный стук, встречала по паролю неизвестных людей и провожала их к Жоре[493]. Он принимал донесения и давал указания связным.

В конце зимы 1942 года на Полесской площади был взорван большой склад горючего, огонь поглотил автомастерскую и до 20

подготовленных к отправке на фронт автомашин. Совершили эту смелую операцию подпольщик Г. Огурцов и его мать Ф. Н. Огурцова. Она отвлекла часовых, предложив им купить яйца, а сын тем временем пристроил взрывчатку под цистерну с бензином и запалил шнур. Вскоре сгорел гараж на молочном рынке. На пожарище осталось 15 скелетов грузовых и двух легковых автомашин, много мотоциклов. Гитлеровцы извлекли из-под обломков несколько обуглившихся трупов своих солдат. Эта диверсия была делом рук активного члена группы Жореса — А. Евдокимова.

Активно работала подпольная группа Жореса в лазарете, где находились раненые и больные воины Красной Армии, которых советские госпитали не успели эвакуировать из города. А. А. Давыденко, её дочь Анна, а также Е. А. Сурова, до оккупации санитарка городской детской поликлиники, и коммунистка А. А. Завадская, до оккупации санитарка городской станции «Скорой помощи», и другие члены группы переправляли выздоравливавших советских бойцов и командиров из лазарета в город, укрывали их от гитлеровцев.

Летом 1942 года вблизи аэродрома был взорван большой склад авиабомб. Кто совершил эту диверсию, пока неизвестно. Но в городе ходили слухи, что это сделали советские военнопленные, которые общались с ранеными советскими воинами, выведенными группой Жореса из лазарета. В числе вырванных подпольщиками из лазарета были штурман Г. Е. Лосунов и радист самолёта А. Семененко. При содействии подпольщиков они устроились работать на аэродром. Однажды, «помогая» немецкому технику подготавливать самолёт к полёту, Лосунов и Семиненко оглушили его, сели в самолёт и улетели к своим[494].

В августе 1942 года с помощью подлого предателя — агента ГФП гитлеровцам удалось нащупать руководящее ядро группы Жореса. Были арестованы Жорес, Суров, Огурцов, Евдокимов, Иванов и другие—всего 19 человек. (А. Рябиков и Н. Федоров были схвачены гитлеровцами и расстреляны ещё в декабре 1941 года.) В течение двух недель арестованных подвергали жестоким истязаниям в застенках ГФП. 18 из них[495] отправили в городскую тюрьму, где ещё продержали дней десять, а затем ночью измученных и покалеченных побросали в машину, увезли за город и расстреляли.

Крупнейшим очагом подпольной борьбы в городе с первых дней вражеской оккупации был Орловский железнодорожный узел, имевший чрезвычайно важное значение в системе коммуникаций противника. Сюда поступали с запада эшелоны с живой силой и военной техникой, боеприпасами, горючим и

продовольствием. Отсюда эти грузы железнодорожными летучками, автомобильным и гужевым транспортом перебрасывались к линии фронта.

Угрожая смертной казнью, оккупанты приказали железнодорожникам приступить к работе. И они «работали». Отправлявшиеся из Орла вражеские эшелоны терпели крушения на перегонах, составы разрывались в пути, «неожиданно» возникали всевозможные технические неполадки в локомотивах и подвижном составе, в результате чего поезда останавливались, не достигая мест назначения. При сортировке эшелонов на станции машинисты, составители и стрелочники допускали «ошибки» и «оплошности», в результате которых разбивались вагоны, разрывались составы с военными грузами. Во время налётов советской авиации на железнодорожный узел машинисты умышленно затрудняли маневренность на путях, загоняли эшелоны в тупики, подавали световые сигналы лётчикам.

Патриоты шли на смертельный риск, лишь бы нанести ущерб врагу. Машинист локомотива В. К. Авдеев умышленно заморозил на перегонах два паровоза, третий разбил, врезавшись в состав, а затем, симулировав тяжёлое заболевание, совсем уклонился от работы на транспорте. Машинист Е. Т. Никулин долгое время искусственно создавал гнойники на теле, уклоняясь так от работы на врага. Когда же его хитрость была разгадана и под угрозой расстрела он поднялся на паровоз, то при первом же налёте советской авиации на станцию Стальной Конь (под Орлом) загнал гружённый боеприпасами состав в тупик, подставив его под бомбёжку, и сам погиб вместе с паровозом.

Орловские железнодорожники в своё время не смогли эвакуировать мощный паровоз ФД. В январе 1942 года машинист И. Н. Торубаров получил приказание на этом паровозе срочно доставить на станцию Мценск гитлеровского офицера из железнодорожной администрации. Когда они прибыли на станцию Мценск, то оказалось, что офицеру надо ехать до разъезда Бастыево. И. Н. Торубаров, зная, что недалеко за разъездом проходит линия фронта, решил с ходу проскочить разъезд и вырваться к своим. Он забросал топку углём и набрал предельную скорость, но за дымом и паром не заметил стоявший на главном пути состав. В результате столкновения восемь вагонов с разными военными грузами были разнесены в щепки. Боясь ответственности, офицер приказал машинисту дать задний ход и быстрее ехать назад. В Орле Торубаров бросил у депо паровоз и ушёл домой. Утром было обнаружено, что ФД разморожен и полностью вышел из строя.

Много хлопот доставляли гитлеровцам зимой 1941/42 года

снежные заносы. Фашисты решили использовать два снегоочистителя, захваченные ими на Орловском узле. В январе во время большого снегопада был пущен мощный роторный снегоочиститель на участок Орел — Золотухино. Бригаду рабочих возглавлял дорожный мастер коммунист М. П. Потанин. Во время первой же поездки снегоочиститель на полном ходу, не поднимая ножей, врезался в переезд около станции Куракино. Вскоре Потанин и слесарь П. Ф. Сечин таким же путём вывели из строя второй снегоочиститель при въезде на станцию Поныри. Гитлеровцам пришлось расчищать пути от снега ручным способом.

В феврале 1942 года машинисту И. Деменину было приказано вести в Курск состав, гружённый танками. На перегоне Еропкино — Змиевка паровоз отказал из-за «неожиданной» поломки золотниковых колец… Поломка, естественно, была не случайной. Машинистом — приёмщиком паровозов из ремонта работал подпольщик П. А. Сутырин. Он, как правило, принимал от ремонтников и выпускал паровозы на линию с дефектами. В январе 1942 года он был пойман с поличным: в принятом им паровозе при осмотре были обнаружены дефекты, грозившие аварией при первой же поездке. Начальник узла Майер, зверски избив патриота, сбросил его со второго этажа. 25 апреля 1942 года П. А. Сутырин скончался.

В феврале 1942 года около паровозного депо за одну ночь было заморожено сразу семь паровозов. Майер вызвал к себе дежурного кочегара В. М. Громова, избил его за «халатность» и пригрозил при повторении подобного случая повесить на деповских воротах. Но иногда выручала и спесь гитлеровцев. Как рассказывают машинисты–орловчане, гитлеровцы, наблюдая различные поломки и аварии на советских паровозах, пренебрежительно говорили, что русские локомотивы плохи, невыносливы в эксплуатации, а поэтому и отказывают в работе на каждом шагу. Советские машинисты в таких случаях охотно поддакивали.

В течение зимы 1941/42 года орловские железнодорожники разными путями вывели из строя почти все пригнанные оккупантами в Орел из Брянска и с других захваченных ими станций паровозы. Это была большая победа патриотов. Дело дошло до того, что весной 1942 года гитлеровцы вынуждены были пригнать в Орел паровозы из Германии.

Ощутимые удары по вражеским перевозкам наносили не только машинисты, но и работники других служб.

Коммунист А. Грачев работал стрелочником. Здесь он сблизился с солдатом немцем Эмилем Блеме, который назвался

коммунистом. Блеме был старшим стрелочником на пятом посту, а Грачев — его помощником. Эмиль немного говорил по–русски. Русский и немецкий коммунисты хорошо понимали друг друга и действовали заодно. Вместе они совершили несколько крупных диверсий. Однажды по договорённости с Блеме при маневрировании поезда, гружённого автомашинами, Грачев перевёл под составом стрелки на незаданный путь. Произошел разрез стрелки, состав сошёл с рельсов, было повреждено несколько платформ и разбито пять автомашин. В другой раз Грачев не подал сигнала остановки, в результате состав потерпел крушение, было смято несколько платформ и разбито 12 грузовых автомашин. В феврале 1943 года Грачев со своим шефом допустили «ошибку» — направили шедший для набора воды паровоз на занятый воинским составом путь. В результате паровоз врезался в хвост стоящего поезда—8 платформ с грузовыми автомашинами были раздавлены.

Каждый раз после диверсий над головою Грачева нависала смертельная опасность, но всегда Блеме ручался за благонадёжность своего помощника и объяснял аварии «объективными» причинами.

Много вреда нанесла оккупантам мобилизованная для очистки стрелок, уборки путей и на другие подсобные работы на узле молодёжь. А. Захаров, Н. Михайлов и другие подсыпали песок в буксы вагонов, затормаживали ручные тормоза, в результате чего получался на колёсной паре ползун, который бил рельсы. Такие вагоны гитлеровцам приходилось отцеплять в пути. Задерживалось движение поездов. А. Никулин придумал остроумную сигнализацию для советской авиации: во время авиационных налётов на узел он забирался на крыши вагонов и укладывал там включённые электрофонарики, и таким образом наводил советских лётчиков на воинские эшелоны. Фонари он и его друзья раздобывали у немецких солдат. Тот же Никулин, работая сцепщиком вагонов, удачно использовал тормозной башмак для сбрасывания с рельсов вагонов, гружённых боеприпасами и прочими военными материалами.

Рискуя жизнью, железнодорожники использовали для диверсий налёты советских самолётов на узел, когда немецкий персонал и охрана узла обычно прятались в убежищах. То, что не попадало под советские фугаски или зажигалки, загоралось от рук бесстрашных патриотов. Особенно активно проводили подобные операции комсомольцы Н. Зеленин, В. Иванов, А. Борзенков, Н. Мерцалов, И. Котович, С. Голофеев и Г. Шелевкин. Ими был сожжён склад на станции Орел-1, в котором хранилось большое количество парашютов и продовольствия. В другой раз

они сожгли несколько вагонов с военным обмундированием и снаряжением.

Гитлеровцы доставляли в Орел по железной дороге большое количество бензина и складировали его на Привокзальной площади. Отсюда бензин развозился на фронт, аэродромы и т. д. Тут же был устроен заправочный пункт для автомашин. В феврале 1942 года, когда на складе скопилось более 500 двухсотлитровых бочек с бензином и разгружался очередной, только что прибывший состав с горючим, вспыхнул пожар. Огонь охватил огромные штабеля бочек и перекинулся на стоявший рядом состав с горючим и находившийся за ним эшелон с артиллерийскими снарядами. Всю ночь бушевал огонь, уничтоживший полностью огромный склад бензина, состав с бочками для горючего и несколько вагонов с боеприпасами. В октябре 1942 года патриоты–железнодорожники подожгли склад нефти, на которой работала электростанция, питавшая энергией паровозное депо и другие службы узла. Несколько раз возникали пожары в паровозном депо.

Гитлеровцы сбивались с ног в поисках диверсантов, но безуспешно.

Молодые патриоты В. Шевлюга, И. Гончаров, Н. Яхонтов, В. Голомысов, П. Щекотихин и А. Агошков работали на станции связистами, обслуживая воздушные линии узла. Они всячески нарушали связь, а при восстановлении её путали провода, замыкали их, делали плохие пайки. Патриоты имели доступ к серной кислоте, которая была на сигнальных постах. Однажды Голомысов и Яхонтов наполнили кислотой 30 стеклянных бутылочек. Когда на станции остановился Состав с артиллерийскими орудиями на платформах, Голомысов и Агошков подобрались к ним, порезали чехлы и побросали бутылочки с кислотой в стволы орудий. В другой раз связисты из группы В. Шевлюги вывели из строя все станционные аккумуляторы, подсыпав металлические опилки в электролит. После этого случая русские электрики и связисты были сняты с ночных дежурств на станции.

Начальник узла Майер, не доверяя орловским железнодорожникам, назначил своих контролёров в каждую паровозную бригаду, приставил надсмотрщиков к составителям поездов, сцепщикам и стрелочникам, установил жёсткий контроль над путейцами, но патриоты–железнодорожники ухитрялись обманывать немецких контролёров. Некоторые из немецких контролёров, такие, как Эмиль Блеме, Ганц Якоби, солдаты Пауль, Вилли, Генрих (фамилии их не установлены), и другие, со временем нашли общий язык с советскими рабочими,

прониклись ненавистью к фашизму и, как могли, помогали подпольщикабд.

Одной из форм массовой борьбы орловских железнодорожников против оккупантов был невыход на работу «по болезни». Рабочие причиняли себе различные увечья, ожоги и т. д. Получив приказ вести воинский состав к фронту, машинист Ф. И. Сорокин растравил каустической содой коленный сустав, а когда этого оказалось мало, чтобы получить освобождение от работы, он ушиб себе левую руку. Машинист В. Лазарев избавился от работы на паровозе тем, что обжёг цианистой кислотой обе руки и постоянно поддерживал их в болезненном состоянии. Таким же путём освободились от работы машинист А. Дутов, слесари–паровозники А. Кузнецов, А. Докукин, М. Деменин и многие другие квалифицированные рабочие.

Врач Орловского узла С. В. Дмитров всемерно помогал железнодорожникам. Он давал заключения о «болезнях», советовал железнодорожникам, как симулировать то или иное заболевание. Через кабинет С. В. Дмитрова прошли тысячи (с повторными визитами) железнодорожников, «страдавших» затяжными «недугами».

Повальные «заболевания» железнодорожников значительно подрывали работу узла. Майер обвинял врача в плохой постановке лечебного дела. С. В. Дмитров умел доказывать ему, что болезни рабочих являются результатом голодания и антисанитарных условий на производстве.

Гитлеровцы предпринимали всевозможные меры, чтобы пресечь подрывную деятельность железнодорожников. Майер жестоко избивал рабочих, застрелил у паровозного депо пожилого машиниста П. Д. Скочеляса. На территории станции были зверски убиты комсомолец В. Рыжков и молодой рабочий А. Катагаров. 16 июля 1943 года гитлеровская военная комендатура опубликовала в газете «Речь» распоряжение:

«Повторно напоминается, что вход во всякого рода железнодорожные сооружения без специального пропуска гражданскому населению строжайше воспрещён. Часовым дано указание стрелять без предупреждения по всем лицам, приближающимся без пропуска к железнодорожным сооружениям. Кроме того, гражданскому населению напоминается, что всякая кража железнодорожного имущества карается смертью.

Гарнизонный комендант»[496].

Гитлеровцы пытались террором запугать железнодорожников. Были брошены в фашистские застенки 11 молодых рабочих, в том числе В. Иванов, А. Борзенков, Н. Зеленин и другие, а также их

немецкий друг Вилли и ещё несколько немецких солдат. Патриотов-подпольщиков осудили к различным срокам каторжных работ и отправили в концлагерь, а Вилли и его соотечественники бесследно исчезли. Затем была арестована вторая группа молодёжи в составе восьми человек, семеро из которых были приговорены к расстрелу.

Но репрессии не устрашили патриотов. До самого освобождения Орла на железнодорожном узле велась упорная борьба с оккупантами.

Активное участие в деятельности орловского подполья принимала молодёжь. В городе оставалось около 700 комсомольцев, в основном учащихся старших классов средних школ. Подавляющая масса их и большое количество несоюзной молодёжи без колебаний стали на путь активной борьбы с захватчиками. Среди молодёжи возникали подпольные группы, которые, как правило, искали связей с коммунистами.

Организатором одной из первых комсомольско–молодёжных подпольных групп в Орле был ученик 10–го класса В. Сечкин, секретарь комитета комсомола железнодорожной школы № 32. Группа возникла в конце 1941 года и окончательно оформилась в начале 1942 года. В неё входило более 20 человек, в том числе оставшаяся в городе по заданию обкома комсомола Н. Алексеева, разведчик штаба партизанского движения Брянского фронта А. Подделков, П. Маяцкий, М. Земская, фронтовики–окруженцы военфельдшер В. Булгаков, лейтенант–танкист А. Чечнев и его брат Николай, П. Цыганков и другие.

В декабре 1941 года В. Сечкин и Н. Алексеева попытались добраться до обкома комсомола, который находился в городе Ельце, чтобы получить там необходимые указания и связи. Но в районе станции Залегощь их задержали вражеские патрули. Подпольщики были доставлены в Орел и брошены в подвалы ГФП. На допросах они отрицали свою принадлежность к партизанам (чего от них добивались в ГФП), доказывая, что они шли из города в деревню обменять вещи на продукты, но заблудились. Не имея улик, гитлеровцы отпустили друзей, взяв с них подписку не выходить за пределы города без разрешения комендатуры. Для острастки на Н. Алексееву наложили денежный штраф, а В. Сечкина избили плетьми так, что он, придя домой, долго не мог ни сесть, ни лечь и даже спал стоя, прислонившись к комоду.

Вскоре Н. Алексеева вновь отправилась в путь. Ей предстояло преодолеть расстояние в 180 километров пешком, в зимнюю стужу. На этот раз комсомолка достигла цели. Она перешла линию фронта, побывала в обкоме комсомола, была

проинструктирована в штабе партизанского движения Брянского фронта и возвратилась в Орел.

Молодым подпольщикам удалось также установить связь с 1–й Курской партизанской бригадой. По заданию командования бригады группа В. Сечкина вела разведку военных объектов противника в городе и его окрестностях, распространяла среди населения газеты и листовки, которые получала от партизан. Подпольщики выпускали и свои листовки. Они имели радиоприёмник, записывали и распространяли сводки Совинформбюро.

По заданию командования партизанской бригады подпольщики похищали у гитлеровских солдат и офицеров оружие, боеприпасы, офицерские костюмы, доставали медикаменты и перевязочные средства. Все это через партизанскую связную М. А. Ушакову доставлялось партизанам. С помощью М. А. Ушаковой многие патриоты были переправлены подпольщиками из Орла в партизанские бригады.

В августе 1942 года у деревни Нижняя Калиновка в воздушном бою был подбит советский самолёт. Подпольщики спасли раненого лётчика старшего лейтенанта А. В. Шагинова, оказали ему необходимую медицинскую помощь. После выздоровления М. А. Ушакова привела лётчика к партизанам, которые переправили его на Большую землю[497].

Гитлеровцы готовились с большой помпой отметить годовщину «Освобождения Орла от большевиков». На 3 октября 1942 года они наметили торжественный вечер с банкетом в городском театре. Подпольщики решили подготовить свой сюрприз к этому «празднику». Под руководством командования партизанской бригады был разработан план взрыва театра в разгар торжеств. Осуществление плана возлагалось на Н. Алексееву, работавшую в театре танцовщицей, В. Сечкина и Е. Цыганкова, которые поступили в театр: первый — парикмахером, второй — музыкантом. Предполагалось заминировать здание доставленными от партизан минами. Руководство диверсией командование бригады поручило опытной разведчице коммунистке Е. Зуевой, которая прибыла в Орел вместе с М. Ушаковой.

Но подлый предатель донёс фашистам о замысле подпольщиков. Накануне «юбилея», 1 октября были арестованы В. Сечкин, Н. Алексеева, В. Булгаков, М. Земская, Е. Цыганков, А. Подделков, П. Маяцкий, а на другой день — Алексей и Николай Чеченевы, их двоюродная сестра разведчица Р. Чеченева, Е. Борзенков, Е. Беликов, М. Ушакова, Е. Зуева и другие — всего 26 человек.

Фашистские садисты подвергли молодых подпольщиков зверским истязаниям. За измену Родине им обещали сохранить жизнь, но комсомольцы до конца остались героями. На предложение гестаповца «чистосердечно рассказать все о своей организации, чтобы сохранить себе жизнь, отказаться от борьбы против германской армии и помогать ей успешно закончить войну с большевиками» Н. Алексеева с гневом бросила в лицо фашистскому следователю:

— Плохо вы нас знаете! Мы любим свою Родину, и даже смерть не заставит нас изменить ей. А вам, палачам, всё равно скоро придёт конец!

Фашисты расстреляли почти всех арестованных подпольщиков. М. Земская была расстреляна вместе со своей десятимесячной дочерью.

Активно действовала в Орле комсомольско–молодёжная группа, состоявшая в основном из бывших учащихся средней школы — В. Афанасьева, А. Сотникова, Н. Бархоленко, Н. Новикова, Г. Севастьянова, В. Ерохина, А. Новикова и других. Руководителем группы был старший по возрасту рабочий–железнодорожник Н. Авицук. Группа оперировала на железнодорожном узле, но основной зоной её действий была станция Орел-3.

Во время налётов советских бомбардировщиков на станцию подпольщики поджигали стоявшие на путях вагоны с военными грузами, спускали их с рельсов и разбивали. Имея ракетницу, Н. Бархоленко, Николай и Александр Новиковы указывали бомбардировщикам места скопления вражеских эшелонов на станционных путях. Однажды Авицук, Афанасьев, Сотников и Логвинов вскрыли вагон, в котором оказались большие стеклянные бутылки со спиртом. Комсомольцы перебили бутылки и скрылись. Вскоре они вернулись, чтобы осмотреть другие вагоны, но тут оказался часовой, который попытался их задержать. Афанасьев убил гитлеровца. В другой раз подпольщики намеревались похитить полевую почту. Вскрыв почтовый вагон, они столкнулись с направленным на них дулом автомата. Афанасьев и Логвинов опередили жандарма, выстрелив одновременно. Вагон вместе с почтой они подожгли.

Однажды Авицук, Афанасьев, Сотников и Логвинов после разгрома и уничтожения вагона с продовольствием возвращались со станции. Их остановил жандарм и потребовал документы. Логвинов выстрелил. Труп гитлеровца подпольщики спрятали в водосточную трубу, а сами благополучно разошлись по домам. Особенно удачно «охотился» на жандармов В. Афанасьев. К июню 1943 года на его счету было девять уничтоженных жандармов.

Крупную диверсию подпольщики совершили на станции Орел-3 в ночь на 26 декабря 1942 года, когда все железнодорожное начальство и офицеры охраны пышно праздновали рождество. Внимание подпольщиков давно привлекал огромный деревянный пакгауз, расположенный у Елецких прудов. В одной его половине находился продовольственный склад, в другой хранилась зимняя одежда, заготовленная для частей, действовавших на орловском участке фронта.

В рождественскую полночь Авицук с товарищами при содействии солдат из охраны немца Вилли и австрийца Вернера[498] проникли в пакгауз, расплескали там принесённые две канистры бензина. Вскоре пакгауз был объят пламенем. Перепившиеся офицеры не смогли ликвидировать пожара.

Нередко подпольщики после очередной операции в городе в целях безопасности уходили в пригородную деревню Прокуровку и укрывались в доме Н. Жилиной, где у них была конспиративная Квартира с хорошо замаскированным убежищем. Однажды, находясь у дома Н. Жилиной, они увидели несколько советских бомбардировщиков, круживших над немецким аэродромом, выискивая цель. Подпольщики послали в небо несколько ракет. Летчики сориентировались, и на головы гитлеровцев обрушились тяжёлые фугаски. Несколько крупных бомб угодило на взлётное поле аэродрома, где находились вражеские самолёты. В груды развалин превратились три барака, погибли многие гитлеровцы. Взлетел в воздух врытый в землю склад горючего, вместе с прислугой были уничтожены три зенитные установки.

Предатель выдал юных подпольщиков. В начале марта 1943 года Авицук, Афанасьев, Сотников, Бархоленко, Севастьянов, Ерохин и однофамильцы Новиковы были арестованы и заточены в подвалы ГФП. Военно–полевой суд семерых из них приговорил к расстрелу[499].

Находясь в камере смертников орловской тюрьмы, комсомольцы установили контакт с одним из полицаев, охранявших камеру. Воспользовавшись налётом советской авиации, он ночью помог им бежать.

Подпольщики решили пробраться через линию фронта на Большую землю или уйти в Брянские леса к партизанам. Несколько попыток вырваться из города окончились провалом. Около станции Становой Колодезь, под Орлом, был схвачен и расстрелян А. Новиков. Под городом Мценском агенты ГФП настигли и убили при попытке перейти через линию фронта Н. Новикова. Был убит младший брат Владимира Афанасьева — Василий.

Не оставляя надежды и попыток установить связи с партизанами, молодые подпольщики, которых теперь возглавили Владимир Афанасьев и Севастьянов, снова приступили к боевым делам на станции.

Побег приговорённых к смерти комсомольцев привёл в бешенство начальника ГФП Кукавку. Назначенный в июне 1942 года в Орел, в ответственную прифронтовую зону, для ликвидации подполья и пресечения деятельности советских военных разведчиков, гестаповец считал своим крупным успехом арест группы Авицука — Афанасьева. И вдруг — побег! Он бросил на розыски бежавших свору агентов ГФП. В конце апреля им удалось напасть на след Н. Бархоленко. Когда жандармы и полицейские стали окружать дом Н. Жилиной в Прокуровке, Н. Бархоленко незаметно выскользнул через двор в сад и бросился к перелеску, но у самой опушки леса ему прострелили ногу. Раненого комсомольца схватили, бросили в грузовую автомашину и снова отвезли в ГФП.

Была арестована и Н. Жилина. Несколько суток её держали в подвале, истязали во время допросов, но она так и не призналась, что была связана с подпольщиками. Н. Бархоленко заявил, что он вообще с ней не знаком, а около её дома оказался случайно.

Через несколько дней искалеченного, со связанными руками, Н. Бархоленко привезли на привокзальную площадь, где была сооружена виселица. Уже с петлёй на шее восемнадцатилетний комсомолец крикнул, обращаясь к собравшейся толпе железнодорожников и случайно оказавшихся на площади орловцев:

— Товарищи, запомните, что делают фашисты! Да здравствует Родина!..

На грудь и спину повешенного фашистские палачи прикрепили доски с надписью на русском и немецком языках: «Партизан. Так будет с каждым, кто посмеет вредить германской армии».

Обычно гитлеровцы для устрашения населения на много дней оставляли на виселицах тела своих жертв. Но когда они на Привокзальной площади расправлялись с Н. Бархоленко, на станцию прибыл эшелон с молодыми резервистами из Румынии. Румыны, увидев виселицу, на которой раскачивалось тело русского парня, стали возмущаться. Прибежали румынские офицеры и с трудом оттеснили солдат с площади. Об этом стало известно немецкой военной комендатуре. Румын срочно погрузили в эшелон и отправили из города. А тело Н. Бархоленко гитлеровцы тут же сняли.

После гибели Н. Бархоленко, Александра и Николая

Новиковых, Василия Афанасьева юные подпольщики не прекратили своей деятельности. Несмотря на усилия ГФП, активных членов этой боевой группы — Владимира Афанасьева, Г. Севастьянова, А. Сотникова и В. Ерохина — гитлеровцам поймать не удалось. Тогда рассвирепевший Кукавка приказал схватить и бросить в подвал в качестве заложников родителей подпольщиков. В застенке ГФП оказались мать В. Афанасьева — Харитина Павловна, мать А. Сотникова — Прасковья Григорьевна, мать Г. Севастьянова—Анна Акимовна и его сестры: восьмилетняя Маруся и десятилетняя Клава. Заложникам угрожала смерть в случае неявки «преступников» с повинной.

И «преступники» явились: в полдень 22 июня 1942 года В. Афанасьев, Г. Севастьянов и А. Сотников, вооружённые пистолетами, подошли к зданию ГФП, выждали, когда из подъезда вышел шеф ГФП Кукавка, и двумя выстрелами в упор уложили его наповал. Озверевшие фашисты тут же убили юных героев.

Лишь одному из семерых, бежавших из камеры смертников, подпольщику В. Ерохину, удалось в конце июля выбраться из города. Ночью он прорвался сквозь «кольцо безопасности», опоясывавшее Орел, ползком пробрался через расположение гитлеровских войск, явился в штаб части Красной Армии и через несколько дней во время боев за Орел привёл в город одну из первых групп советских разведчиков.

Мужественно боролась с оккупантами подпольная комсомольско-молодёжная группа В. Берзина, возникшая в начале 1942 года. В неё входили кроме Берзина А. Кочеров, Д. Утукин, Ю. Бондаренко, А. Голубев и девушка Тоня (фамилия её пока не установлена). Под видом вечеринок ребята собирались в доме деда В. Берзина — П. Е. Солодникова, иногда на Пороховой улице в доме Кочеровых, а чаще у Ю. Бондаренко на Пожарной улице. Обычно В. Берзин играл на скрипке, всегда был наготове патефон.

Во время встреч юные подпольщики знакомились с последними сводками Совинформбюро (у них был самодельный радиоприёмник), разрабатывали планы очередных операций.

Мать В. Берзина — Ф. П. Солодникова сохранила часть дневника сына, в котором скупо, иногда зашифрованно освещается боевая деятельность этой небольшой, но сплочённой подпольной группы. Так, в записи от 28 апреля 1942 года говорится: «Был подожжён склад автоматов по Комсомольской улице. Жертв нет. Сгорело всё, что нужно». А произошло вот что. В один из дворов по Комсомольской улице гитлеровцы завезли большое количество ящиков, сложили их в штабеля и поставили часового. Подпольщики разведали, что в ящиках автоматы. И вот

ночью В. Берзин, Д. Утукин, А. Голубев и Тоня, выждав, когда часовой зашёл в дом обогреться, облили ящики бензином и подожгли их. Новенькие, только что привезённые из Германии автоматы сгорели.

Работая в немецком военном госпитале слесарем, В. Берзин вместе со своим отчимом Д. Тикстоном (механиком госпиталя) взорвал двигатель, который давал электроэнергию и освещение всему сложному хозяйству большого госпиталя. Они сожгли и прачечную вместе со складом, где хранилось большое количество обмундирования.

Под руководством и при активном участии Д. Тикстона В. Берзин и его друзья научились делать «ежи» из стальной проволоки. Они имели три острых и прочных шипа, и, как ни брось такого «ежа» на дорогу, один из шипов обязательно торчит кверху. Наезжая на «ежа», вражеская машина останавливалась, её шины требовали ремонта.

Подпольщики вели активную агитационную работу среди населения. Они сами составляли листовки, переписывали их от руки и распространяли по городу. Ребята наклеивали листовки на дверях военной комендатуры и городской управы, на витрине против комендатуры, где вывешивались приказы военного коменданта.

Молодые подпольщики установили связь с пленными советскими лётчиками, находившимися в тифозном бараке лагеря военнопленных. Поправившись, лётчики решили с помощью подпольщиков бежать из плена и перейти линию фронта. В. Берзин и его друзья собрали для них гражданскую одежду. Д. Утукин, до войны окончивший школу чертёжников, стал большим мастером по изготовлению различных немецких печатей и подделке всевозможных пропусков. Он снабдил беглецов необходимыми документами. Переодетые лётчики благополучно бежали и выбрались из Орла.

Группа Берзина продолжала действовать до освобождения города. Все её участники, за исключением Ю. Бондаренко[500], в первый же день, как только части Красной Армии вступили в Орел, ушли на фронт.

В Орле активно боролось против оккупантов до двух десятков комсомольско–молодёжных подпольных групп. Много славных дел совершили юные патриоты.

К славным участникам орловского подполья по праву относятся работники так называемой «русской больницы», которая существовала в городе весь период оккупации.

Интересна история этой больницы. Когда 3 октября 1941 года Орел был внезапно захвачен гитлеровскими войсками, в

окружном военном госпитале осталось 550 тяжелораненых бойцов, командиров и политработников Красной Армии. Примерно такое же количество раненых советских воинов находилось в других, более мелких госпиталях Орла.

Вместе с ранеными в оккупированном Орле остались начальники отделений окружного военного госпиталя, военврачи второго ранга хирурги С. П. Протопопов, Б. Н. Гусев и врач А. А. Беляев. В Орле перед захватом его противником находилась армейская госпитальная база, начальником которой был бригвоенврач В. А. Смирнов. До самого последнего момента он принимал меры к тому, чтобы эвакуировать как можно больше раненых из госпиталей. Когда город был захвачен врагом, он сам не смог уйти и присоединился к оставшимся в окружном госпитале врачам.

Гитлеровцы выбросили из госпиталей всех советских раненых и заняли помещения под свои лазареты. Смирнов, Протопопов, Гусев и Беляев с помощью медицинских сестёр, санитарок и населения собрали раненых в областную больницу. Здесь в это время находилось небольшое количество больных горожан и колхозников, несколько врачей и младшего персонала. Медицинские работники госпиталя совместно с медперсоналом больницы на общем собрании по предложению группы военных врачей главным врачом избрали В. А. Смирнова, как старшего по званию и должности среди военных. А. А. Беляев взял на себя функции заместителя главного врача по лечебной части. С этого момента вновь созданное на базе остатков областной больницы и окружного военного госпиталя лечебное учреждение получило название «русская больница».

С огромным риском для жизни Смирнов и начхоз окружного госпиталя Петухов буквально из-под носа гитлеровцев сумели забрать со склада окружного госпиталя и доставить в «русскую больницу» большое количество медикаментов и перевязочных средств. Значительный запас медицинских средств находился на складе областной больницы как специальный резерв, созданный на случай войны и развёртывания госпиталя при областной больнице. Этот резерв до прихода гитлеровцев в Орел оставался неприкосновенным. Заведующая аптекой больницы М. А. Зайцева и её помощница П. В. Чикина под руководством В. А. Смирнова, пользуясь суматохой, с помощью санитарок сумели переправить из аптечного склада в расположение инфекционного отделения (за пределами больничного городка) почти весь запас медикаментов, спирта, перевязочных средств, медицинского инструмента, белья и мыла. Все это было спрятано.

Некоторое время оккупанты мало интересовались тем, что

происходит в стенах «русской больницы». Врачи, сестры, няни самоотверженно трудились, чтобы поставить на ноги раненых советских воинов. Причем они не только лечили, но и принимали меры к тому, чтобы укрывать бойцов и командиров от плена (все раненые по выздоровлении должны были поступать в лагерь военнопленных). Вставших на ноги воинов медсестры и санитарки уводили в город как своих мужей, братьев и других родственников, устраивали их у себя и своих знакомых под видом гражданских лиц. Многие поправившиеся воины при содействии медперсонала перебирались через линию фронта или уходили в Брянские леса к партизанам. Отдельные из них оставались в городе и принимали участие в подпольной борьбе.

Чтобы отчитаться перед гитлеровцами, врачи вылечившихся и ушедших из «русской больницы» советских воинов списывали как умерших. Бывали и такие, например, случаи. 7 июля 1942 года гитлеровцы привезли тяжело раненного лётчика А. Гомзикова со сбитого советского самолёта. Офицер военной разведки требовал привести лётчика в сознание, чтобы допросить его. Хирург Б. Н. Гусев сделал сложную операцию Гомзикову и, когда тот пришёл в сознание, объявил ему, где он находится, предупредил о предстоящем допросе и проинструктировал, как вести себя. В течение пяти суток Гомзиков беспробудно спал, так как врач Гусев делал ему соответствующие инъекции и искусственно поддерживал его в «бессознательном» состоянии. Убедившись, что лётчик «безнадёжен», гитлеровцы оставили его в покое[501].

Ни гитлеровское командование, ни городская управа не снабжали «русскую больницу» продовольствием. Врачи, медицинские сестры и няни привлекли к снабжению больницы население, которое само голодало, но весь период вражеской оккупации поддерживало раненых советских воинов продуктами питания. Некоторые орловцы брали шефство над отдельными ранеными. Так, семья И. С. Сергеева более года обеспечивала питанием и бельём лётчика Гомзикова, всё время, пока он находился в больнице, вплоть до освобождения Орла.

Смирнову, Гусеву, Протопопову и другим врачам удалось связаться с некоторыми подпольными группами. От них они получали сводки Совинформбюро, сведения о положении в советском тылу и сообщали их своим больным, поддерживая в них бодрость, уверенность в освобождении.

Деятельность врачей–патриотов постоянно была сопряжена со смертельным риском. Немецкие врачи придирчиво контролировали их работу, фашистская контрразведка засылала в «русскую больницу» свою агентуру. Длительное время там

работала палатной сестрой агент ГФП. Но «сестру» быстро «раскусили», и она не смогла полностью выполнить задание своего шефа — начальника ГФП Кукавка. Бдительность врачей, среднего и младшего медперсонала, а также самих больных, особенно офицеров, давала возможность избегать провалов. Однажды гестапо арестовало главного врача Смирнова, продержало его в застенке несколько суток, но из-за отсутствия улик отпустило.

Медицинскую помощь в «русской больнице» получало и гражданское население города. За период существования больницы в хирургическое отделение было доставлено 324 тяжело раненных местных жителя, 266 из них были спасены.

Когда захватчики стали угонять на каторжные работы в Германию орловских юношей и девушек, многих из них спасла «русская больница». Врачи Протопопов и Гусев делали им не вызывавшиеся необходимостью операции и длительное время держали в больнице, умышленно поддерживая раны незаживленными. Врач–рентгенолог М. Р. Девочкина выписывала подлежавшим угону в Германию фиктивные справки о заболевании туберкулёзом.

Оккупанты неоднократно, когда им нужно было помещение, выбрасывали раненых советских воинов на улицу. Но врачи–патриоты каждый раз с неимоверными трудностями находили пристанища для своих подопечных. В августе 1942 года все оставшиеся в «русской больнице» раненые были размещены в одном из зданий на Тургеневской улице, где было создано хирургическое отделение. Врачами-хирургами здесь продолжали работать Протопопов и Гусев.

Неподалеку от «русской больницы» на территории орловской тюрьмы располагался прифронтовой сборный лагерь военнопленных. Здесь находилось много раненых, обмороженных и больных советских воинов. Никакой медицинской помощи им не оказывали. Смертность среди них была ужасающей. Находившиеся в лагере советские врачи–военнопленные были бессильны что-либо сделать, так как никакими медицинскими средствами не располагали. Руководители «русской больницы» установили контакт с лагерными врачами, помогли им организовать в лагере лазарет, снабжали его медикаментами, перевязочным материалом и другими медицинскими средствами. Врачи–военнопленные добились разрешения немецких властей временно помещать тяжелораненых в «русскую больницу», а тифозных и дизентерийных больных — в её инфекционное отделение. Пользуясь этим, лагерные медработники создали из числа военнопленных специальную группу санитаров, которые

под руководством военфельдшера Г. Чмыхало доставляли в «русскую больницу» не только больных, но и под видом больных здоровых людей, а работники больницы помогали им бежать. Бежавших списывали как умерших.

В июле 1943 года работники хирургического отделения «русской больницы» и лазарета лагеря военнопленных буквально похитили из лагеря тяжелораненых, обречённых на смерть шестерых советских лётчиков, спасли им жизнь и дали возможность вернуться в ряды Красной Армии. Вот как об этом случае рассказывает один из шестёрки, и поныне находящийся в рядах Советской Армии полковник В. А. Некрасов:

«17 июля 1943 года во второй половине дня… группа наших истребителей, состоявшая из 12 самолётов «ЯК.1», сопровождала самолёты–штурмовики «ИЛ-2» в район города Волхова. При штурмовке шоссейной дороги Орел — Волхов в район действия наших «ИЛов» пришла группа немецких истребителей «Фокке–Вульф-190» численностью до 30 машин. В силу сложившейся обстановки мне пришлось таранить «ФВ-190». Мой самолёт потерял управление и загорелся. Я вынужден был выброситься на парашюте над территорией, оккупированной немцами… С тяжёлыми ожогами лица, рук, ног, части тела и раненой правой рукой я попал в плен.

В одну из камер, очень маленькую, поместили нас, шестерых лётчиков, с различными степенями ожогов. Наше положение было крайне трудным.

На второй или третий день, точно не помню, к нам прибыл мужчина с солидной бородой, с аккуратно зачёсанными волосами. Одет он был в гражданское платье. На первый раз сказал, что он русский врач, но как оказался в Орле, нам не было известно. Он внимательно нас осмотрел и сказал, что поможет. Впоследствии мы узнали, что это был врач С. П. Протопопов.

Через некоторое время к нам пришёл второй врач. Это был Б. Н. Гусев. Он оказал нам медицинскую помощь, сделал перевязки, протёр каким-то раствором обожжённые места, привёл в порядок глаза —сами мы этого сделать не могли, так как у большинства руки покрылись твёрдой и болезненной коркой, не сгибались, а глаза буквально заливались гноем…

В ночь на 25 или 26 июля 1943 года Орел бомбардировала наша авиация… К нам вошли мужчина и женщина и начали нас бинтовать. На расспросы не отвечали, предупредив: «Меньше разговаривать». На рассвете… под видом гражданских лиц, пострадавших при бомбардировке, вывели на улицу, и мы, с трудом передвигаясь, направились в город. Шли долго, и не столько из-за расстояния, сколько из-за плохо подчинявшихся

ног. Прибыли мы на улицу Тургенева, 27, где всех нас шестерых поместили в одной палате. Здесь мы поступили в распоряжение медсестёр М. Н. Шуметовой и Н. Н. Сырцевой.

…Ежедневно к нам приходили врачи Протопопов и Гусев, лечили нас и рассказывали о положении на фронтах. Где они добывали сведения, для нас было неизвестно, однако, как потом выяснилось, сведения были совершенно точными…

После освобождения г. Орла нас навестили военные врачи и командиры.

Перед нашим отъездом из больницы Протопопов и Гусев попрощались с нами, сказав, что «вы теперь свободны и мы свою задачу, как советские врачи, выполнили…»».

Когда советские войска развернули наступательные бои на орловском направлении, гитлеровцы, готовясь к бегству из Орла, через городскую управу приказали отправить в лагерь военнопленных всех находившихся на излечении в «русской больнице» солдат и офицеров Красной Армии. Врачи–патриоты не только не выполнили этого приказа, а, наоборот, воспользовавшись замешательством фашистов, при активном содействии врача–военнопленного коммуниста Л. Т. Гуры сумели вывести из лагеря и укрыть до подхода советских войск 135 человек.

Когда части Красной Армии вошли в освобождённый город, «русская больница» передала командованию свыше 200 солдат и офицеров, а прибывший сюда представитель воздушной армии принял 22 боевых лётчика.

Деятельность военных врачей В. А. Смирнова, С. П. Протопопова, Б. Н. Гусева и А. А. Беляева в оккупированном врагом городе получила высокую оценку главного хирурга Красной Армии Н. Н. Бурденко, который прибыл в город Орел вместе с передовыми советскими частями. Вместе с врачами подлинными патриотами проявили себя медицинские сестры Д. М. Лифинова, В. А. Алешина, Н. Н. Сырцева, М. Н. Шуметова, А. М. Давыденко–Бондаренко, аптечные работники М. А. Зайцева и П. В. Чикина, санитарки М. С. Емельянова, П. Д. Чистякова и многие другие.

Сейчас, когда удалось восстановить факты, говорящие о деятельности орловского подполья, о трагических событиях, разыгравшихся в городе, многое предстаёт в новом свете, совсем по–иному выглядят некоторые люди — участники этих событий.

Первым бургомистром Орла был А. А. Шалимов. В марте 1942 года он был арестован гестапо и расстрелян «за связь с партизанами». Первым полицмейстером Орла стал П. А. Ставицкий, который в начале 1942 года покончил жизнь

самоубийством в гестаповском застенке, чтобы избежать пыток и душегубки. Заместителем начальника сыскного отделения городской полиции работал Д. М. Языков. В феврале 1943 года он был застрелен гестаповцами в своей квартире на глазах у семьи.

Городским полицмейстером после Ставицкого был назначен В. И. Головко. В августе 1942 года он был замучен до смерти во время допросов начальником сыскного отделения Букиным и шефом гестапо Кохом. Орловской уездной полицией в начале оккупации руководил П. К. Мячин. После жестоких истязаний гитлеровцы расстреляли его в апреле 1942 года.

Все эти лица до сих пор считались предателями. Но теперь об их службе в органах оккупационных властей собраны данные, которые свидетельствуют о том, что они были советскими патриотами-подпольщиками. Об этом довольно убедительно говорит тот факт, что все они были уничтожены гестаповцами, которые постоянно следили за лицами, находившимися на ответственных постах в городской управе и городской полиции.

О многом говорят и назначения, производившиеся А. А. Шалимовым в аппарате городской управы. Например, А. А. Шалимов однажды вызвал к себе и назначил директором треста очистки старого коммуниста, поляка по национальности, А. М. Вильбика, до оккупации работавшего директором Орловского банно–прачечного треста. Вильбик — в прошлом путиловский рабочий, красногвардеец, активный участник гражданской войны. А. А. Шалимов не мог не знать прошлого А. М. Вильбика. Сквозь пальцы смотрел бургомистр и на действия своего назначенца. А. М. Вильбик набрал в коннотранспортный обоз треста очистки вдвое больше людей, чем требовалось по штату. Люди ничего не делали, а только укрывались в обозе от мобилизации на рытье окопов и строительство других военных сооружений. Конское поголовье обоза не было обеспечено кормами. Поэтому ни один наряд комендатуры на подвозку снарядов к фронту не был выполнен, так как лошади были не способны к работе. Часть лошадей пала от истощения, а остальных А. М. Вильбик распорядился забить на мясо и раздать рабочим.

Через технический отдел городской управы, то есть через А. А. Шалимова, военная комендатура потребовала срочно отремонтировать оставшиеся в тресте очистки несколько грузовых автомашин. А. М. Вильбик предложил механику Селихову ремонтировать машины, чтобы они были готовы лишь к приходу Красной Армии.

В марте 1942 года в городе прошла волна арестов «шалимовских назначенцев». Еще в феврале был арестован А. М. Вильбик. Его истязали при допросах, добивались признания

в принадлежности к Коммунистической партии, а также требовали рассказать, кем и при каких обстоятельствах он был назначен на работу в трест очистки. А. М. Вильбик прикинулся старым простаком, не способным правильно руководить «сложным хозяйством» треста, отрицал свою партийность и скрыл, что назначение его было произведено по указанию А. А. Шалимова. Ничего не добившись от Вильбика, гестаповцы освободили его.

Кровавым террором вражеских контрразведывательных органов не исчерпывались трудности орловских подпольщиков. Чрезвычайно тяжёлым обстоятельством было отсутствие регулярной связи с Большой землёй и партизанами. Гитлеровцы придавали Орлу большое стратегическое значение. Орловский железнодорожный узел играл важную роль во фронтовых перевозках оккупантов. В Орле обосновались центры военной разведки захватчиков с их многочисленным персоналом шпионов и провокаторов. Учитывалась и близость Орла к фронту. Поэтому гитлеровцы предпринимали особые меры против проникновения в Орел советских разведчиков, партизанских связных. Они превратили Орел в крепость, опоясав его двумя линиями оборонительных сооружений. Орловский укреплённый район охраняли 20 батальонов войск. Специальный батальон, так называемый восточный, нёс охрану мостов и ведущих в город шоссейных и железных дорог. В радиусе 20 километров оккупанты создали зону «внутренней безопасности», обложив город трёхъярусной сетью жандармских и полицейских постов. Отлучки жителей из города разрешались только по специальным пропускам, выдававшимся военной комендатурой после тщательной проверки ходатайствовавших об этом лиц. Все полевые комендатуры, жандармские посты, волостные старшины и урядники, сельские старосты и полицейские, а также расположенные в «зоне безопасности» карательные и охранные отряды имели строжайший приказ задерживать всех лиц без пропусков и доставлять их в ГФП.

Населению окрестных деревень под угрозой расстрела запрещалось без ведома властей пускать в свои жилища посторонних лиц. Ходить и ездить разрешалось только по большим просёлочным дорогам. Все застигнутые на тропинках и в поле расстреливались.

В 1943 году выход гражданских лиц из города вообще был запрещён. Опубликованное в газете «Речь» объявление военной комендатуры гласило: «Населению города Орла воспрещается покидать город. Виновные наказываются по законам военного времени»[502].

Серьезным препятствием была линия вражеской обороны на орловском участке фронта, представлявшая собой сплошную, глубоко эшелонированную сеть окопов, траншей, дотов и дзотов с несколькими рядами проволочных заграждений и хорошо организованной системой огня. Кроме того, как передовая линия противника, так и её ближайшие тылы находились под неусыпным наблюдением фашистской контрразведки.

Попытка преодолеть такую линию фронта, чтобы уйти на Большую землю, означала почти верную гибель. Пробраться в леса к партизанам, не имея связи и надёжной ориентировки, было почти невозможно.

Отсутствие необходимой связи с Большой землёй и партизанами ставило орловское подполье в тяжёлое положение. И тем не менее подпольщики продолжали свою героическую борьбу. Помимо боевой деятельности они вели активную массово–политическую работу среди населения, организуя его на срыв мероприятий оккупантов.

Отдельные группы целиком сосредоточивали свою работу на агитации. Наиболее активной из них была группа, которую возглавлял коммунист Я. Б. Едлин. До войны он был работником Осоавиахима на Украине, в 1941 году, будучи раненым, попал в плен и оказался в уманьском лагере военнопленных. Здесь Я. Б. Едлин познакомился с политруком Ю. В. Дмитриевым. С помощью местных подпольщиков Дмитриев 27 октября 1941 года бежал из лагеря, имея на руках документ на имя Гаркуши Бориса Филипповича. 4 января 1942 года он добрался до Орла. Несколько позже таким же путём из уманьского лагеря под именем Кабана Александра Михайловича выбрался Едлин и также прибыл в Орел. Об этом они договорились с Дмитриевым ещё в лагере. Устроившись на работу в транспортную контору городской управы в качестве переводчика, Едлин установил связь с подпольем, организовал и возглавил пропагандистскую группу, в которую вошли коммунист Ю. В. Дмитриев, бывший секретарь партийной организации управления промкооперации И. И. Сезоненко, комсомольцы А. Руднев и А. Богданчиков. В домике Руднева подпольщики установили радиоприёмник. А. Руднев записывал сводки Совинформбюро и другеє важные сообщения из Москвы. Затем он переписывал их в нескольких экземплярах и вручал членам группы, которые в свою очередь размножали сводки и передавали проверенным людям. Орловчане обнаруживали эти листовки на стенах домов, на водоразборных колонках и в старых книгах, которыми «торговал» на Ленинской улице комиссионный магазин. Нередко велась и устная агитация, в основном среди проверенных людей. Вот как о

работе подпольных агитаторов отзываются в письме в газету «Орловская правда» 5 ноября 1960 года супруги П. С. и В. П. Золотаревы: «Алексей Георгиевич Руднев в период временной оккупации города Орла заходил к нам в квартиру и приносил сводки Советского информбюро, написанные его рукой. Листки он прятал в сапоге… Особенно нас обрадовала сводка о разгроме фашистов под Сталинградом. Мы плакали от радости, обнимали отважного комсомольца, принёсшего эту весть».

В самом начале оккупации в деревне Овсянниково, которая примыкает к завокзальной части города и где почти все мужское население железнодорожники или рабочие орловских предприятий, по инициативе коммунистов Г. Н. Ерохина и Н. К. Некрасова возникла подпольная группа, в которой насчитывалось около 20 человек. Участники её запаслись оружием, которое собрали на поле боя ещё в октябре 1941 года. Однако воспользоваться им они не смогли. Подпольщики спрятали оружие и по предложению Ерохина занялись агитационной работой. Вначале использовали листовки, которые сбрасывали советские самолёты. А в мае 1942 года мастер орловского завода «Текмаш» Т. М. Хархардин вместе с Н. И. Котовым и Г. И. Прилепским смонтировали радиоприёмник и установили его в доме Хархардина. С этого времени жители деревни Овсянниково и железнодорожники были в курсе событий на фронтах и в советском тылу. Хархардин с Котовым регулярно принимали сообщения Совинформбюро, переписывали их и распространяли среди односельчан, а большую часть доставляли в город. Н. К. Некрасов, работавший слесарем электростанции на железнодорожном узле, каждое утро, приходя на работу, приносил с собой пачку листовок со свежей информацией из Москвы. Они быстро расходились по рабочим, а поездные бригады отвозили последние известия с Большой земли курским железнодорожникам.

Большую агитационную работу вели коммунисты, комсомольцы и беспартийные патриоты, которым не удалось связаться с подпольем. Эти агитаторы–одиночки особенно широко и активно использовали газеты «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Орловская правда», брошюры, листовки и воззвания, которые Орловский обком партии, политуправление Брянского фронта и обком комсомола при помощи авиации и через партизан забрасывали через линию фронта. Патриоты находили эту литературу на полях окрестных сел, приносили в город и умело использовали в агитационной работе среди населения… Орловский железнодорожник коммунист С. Н. Раевский остался в городе, будучи тяжело больным. А когда он немного поправился,

то с помощью своего старого друга слесаря–железнодорожника А. И. Исаева и комсомольца Владимира Логвинова стал собирать в окрестностях Орла листовки, газеты, брошюры и знакомил с их содержанием своих соседей. Деятельность С. Н. Раевского стала известна гестапо. Коммунист был расстрелян.

Молодая коммунистка Н. Балашова, работница станции Орел, когда в город нагрянули фашисты, ушла в деревню к родственникам. Потом, освоившись с обстановкой, она без пропуска, рискуя быть схваченной жандармерией, часто приходила в город к А. Т. Сысоевой, приносила подобранные в поле листовки и газеты. По вечерам здесь собирались друзья и соседи, читали вести из советского тыла и по карте следили за ходом событий на фронтах. Такой же своеобразный агитпункт был на квартире коммунистки А. И. Калабуховой. Тайком сюда сходились соседи, коллективно читали листовки и сводки Совинформбюро, которые приносила Е. Н. Некрасова от овсянниковских подпольщиков.

На квартире у коммунистки З. Г. Колобаевой жили гитлеровские офицеры, которые имели радиоприёмник. Когда они уходили, Колобаева и её сестра слушали радиопередачи Москвы и делились сведениями с соседями.

Постоянно принимал из Москвы сообщения Совинформбюро инженер–строитель В. И. Аверкин. Занимавшие его квартиру офицеры и не подозревали, что загнанный ими на кухню хозяин в их отсутствие по своему усмотрению пользуется их радиоприёмником. Полученные из Москвы сводки Совинформбюро Аверкин передавал врачу А. С. Свиридовой и медицинской сестре Андреевой. Те в свою очередь делились сведениями с друзьями и знакомыми.

Так вести из советского тыла доводились до сознания подавляющего большинства орловчан. Трудно было найти в Орле человека, который не был бы в той или иной мере осведомлён о положении на фронтах, о жизни на Большой земле.

Фашистская пропаганда изощрялась в стремлении одурманить советских людей, пытаясь заставить верить их в непобедимость гитлеровской армии. Город был наводнён фашистской литературой — разного рода брошюрами, плакатами и прочей стряпнёй, которую силой навязывали населению. Идеологическую обработку населения в городе и его окрестностях проводил отдел пропаганды штаба 2–й танковой армии, который действовал в непосредственном контакте с отделением гестапо.

Немалые надежды гитлеровцы возлагали на свой рупор в Орле — газетёнку «Речь». С её страниц грязным потоком лилась разнузданная клевета на Коммунистическую партию, Советское

правительство, на Красную Армию и партизан. Фашистские пропагандисты неоднократно сообщали о падении Ленинграда и Москвы, предсказывали «скорую полную победу непобедимой германской армии над большевиками».

Но население верило доходившему до него через подпольщиков правдивому большевистскому слову. Орловские подпольщики ставили фашистских пропагандистов и их газетёнку в такое положение, что «Речь» время от времени яростно обрушивалась на «вредную работу распространителей ложных слухов», заклинала население не верить им. А 16 июля 1943 года она обратилась к орловчанам с таким откровением в редакционной статье: «Распространители нелепых слухов стараются истолковать все по–своему…

…Иногда невинные события (речь идёт о победоносных боях Красной Армии под Курском и Белгородом. — М. *М.)* служат поводом для распространения слухов».

Но заклинания «Речи» вызывали лишь усмешку орловчан.

Агитационная деятельность подпольщиков немало способствовала усилению борьбы населения Орла против оккупантов. Главной формой этой борьбы был принимавший всё более активный характер срыв мероприятий захватчиков.

Под угрозой расстрела оккупанты принуждали трудоспособное население работать на них. В то же время они поощряли так называемую частную инициативу. Гитлеровцы освобождали от мобилизации на работы кустарей, взявших патенты в городской управе. И многие квалифицированные рабочие потянулись в финансовый отдел горуправы за патентами. 9 ноября 1941 года в «Орловских известиях» была опубликована восторженно–хвастливая заметка под заголовком «Жизнь в г. Орле входит в своё русло». В ней сообщалось: «Не прошло и двух недель с тех пор, как германские войска вступили в гор. Орел, как в городе началось оживление… Уже взято 115 патентов на право производства… заработали кустари, ремесленники, парикмахеры…»

По данным регистрации кустарей–одиночек в финансовом отделе горуправы можно было судить, что в Орле, как грибы после дождя, появлялись кустари–жестянщики, слесари, сапожники, портные, шапочники, мастера по изготовлению детских игрушек и другие. Но гитлеровцы лишь много времени спустя разобрались, в какое «русло входила жизнь в городе» при «начавшемся оживлении» кустарных промыслов: чтобы уклониться от работы на оккупантов, орловчане регистрировались как кустари–одиночки, но никакими ремёслами не занимались.

Оборудование промышленных предприятий города было эвакуировано в глубь страны. Но многое и осталось. Однако, как ни бились оккупанты, им не удалось восстановить и пустить в эксплуатацию ни одного сколько-нибудь крупного предприятия. Они смогли лишь организовать авторемонтную, две механические, литейно–механическую и машинно–тракторную мастерские, пивоваренный зрвод, тележно–санное производство, часовую мастерскую, гарнизонную прачечную. Этим и исчерпывается список действовавших в городе предприятий. Рабочие, загнанные на эти «предприятия» насилием и голодом, всячески тормозили их деятельность, при каждом удобном случае срывали распоряжения захватчиков. Так, в марте 1942 года в пустовавшие корпуса орловской межрайонной машинно–тракторной мастерской явился представитель хозяйственной комендатуры и провозгласил себя шефом предприятия. Через биржу труда были мобилизованы рабочие. Несколько месяцев ушло на очистку и ремонт помещений цехов. А когда дошло до оборудования, дело ещё более осложнилось. Станки собирали по всем предприятиям города. Причем на поиски их посылались рабочие, которые нередко, обнаружив пригодный для восстановления станок, доламывали его совсем или заваливали мусором, а шефу докладывали, что «ничего подходящего не нашли». Рабочие «трудились» под лозунгом: «Работай—-лишь бы день прошёл!» За всё время хозяйничанья оккупантов в Орле в мастерской было отремонтировано всего три–четыре трактора, да и те не ушли дальше заводских ворот. Тракторы собирали и разбирали, а готовой продукции не было.

Механическая и машинно–тракторная мастерские считались передовыми предприятиями Орла. Об этом свидетельствует список «лучших предприятий города», опубликованный 5 мая 1943 года в газете «Речь», где наряду с такими «предприятиями», как гарнизонная прачечная, инфекционное отделение полевого госпиталя, значились и названные выше мастерские. И если лучшими считались такие предприятия, где рабочие, рискуя своей жизнью, сводили к нулю усилия оккупантов наладить производство, то можно представить, насколько «эффективно» работали другие мастерские. Нет, не удалось захватчикам ни насилием, ни голодом, ни демагогической пропагандой заставить орловских рабочих сотрудничать с ними!

Особенно распространённым способом уклонения от работы были всевозможные «болезни». Восхищает мужество врачей–патриотов, которые помогали горожанам уклоняться от работы на ненавистных оккупантов. При городской поликлинике по указанию гитлеровцев была создана специальная врачебно–

консультационная комиссия, которая имела право освобождать больных от работы на два месяца с последующим продлением этого срока. Через эту комиссию только за один 1942 год прошло 8384 человека, получивших освобождение от работы на длительные сроки. Освобождение приняло настолько массовый характер, что председатель врачебной комиссии был вызван в комендатуру, где ему заявили: «В городе Орле все больные. Некому работать. Если так будет продолжаться, то в городском парке хватит деревьев и для врачей».

Но угрозы не испугали патриотов–медиков. У некоторых орловчан до сих пор сохранились справки об освобождении от работы «по состоянию здоровья», полученные от врачей Свиридовой, Дубровской, Ананьевского и других.

Как и на всей захваченной ими советской земле, оккупанты насильно угоняли на каторгу в Германию молодёжь. Медицинский отбор молодёжи производили сами гитлеровцы. При орловской бирже труда существовала специальная комиссия из врачей–немцев, которая отбирала здоровых и крепких юношей и девушек, способных к длительной и тяжёлой физической работе. Орловские подпольщики распространили по городу листовку: «Матери! Как вы можете отдавать своих детей в неволю?! Находите связь с партизанами, ищите сами пути, спасайте своих детей!» Следуя призывам подпольщиков, юноши и девушки искали способы уклонения от угона в Германию. Одни прятались в потайных подвалах, другие производили себе всевозможные увечья, ожоги кислотой, ошпаривались кипятком. Врач по кожным болезням Н. И. Дубровская давала девушкам рецепты, как вызвать искусственное заболевание кожи и длительное время поддерживать это заболевание. Когда стало известно, что в Германию не берут больных чесоткой и пиадермией, количество «страдающих» этими болезнями резко увеличилось.

Летом 1942 года орловские подпольщики предприняли попытку создать массовую подпольную организацию с централизованным руководством. Ее ядром стали коммунисты: работник пожарной охраны П. А. Оралов, инженер завода имени Медведева В. К. Баха рёв, инженер котлонадзора В. М. Кирпичев, помощник мастера вагонного депо станции Орел С. А. Якунин, Л. Ковалев, беспартийная бывшая работница городского отделения Госбанка А. И. Гаврута.

15 сентября 1942 года на одном из собраний подпольщиков был создан руководящий центр организации, получивший название «Ревком». В него вошли Оралов, Бахарев, Кирпичев, Якунин, Гаврута и Ковалев. Председателем «Ревкома» был избран

Оралов, начальником штаба — Г аврута.

«Ревком» поставил перед собой задачу создать массовую вооружённую организацию и при наступлении Красной Армии поднять в городе восстание, захватить железнодорожный узел и воспрепятствовать выводу гитлеровцами подвижного железнодорожного состава, не дать им возможности вывезти из города ценное имущество, не допустить угона оккупантами населения, помешать разрушению города.

Осенью 1942 года «Ревком» объединился с овсянниковской подпольной группой. В организации к этому времени насчитывалось около 180 человек, главным образом коммунистов и комсомольцев. Вся организация была разбита на четыре боевые дружины по 30— 50 человек. Дружиной железнодорожников командовал Е. Якунин, овсянниковской — Г. Ерохин (он был введён в состав «Ревкома»), первой городской дружиной — Л. Ковалев, второй — В. Бахарев.

1 февраля 1943 года части Красной Армии прорвали оборону немецких войск и, развернув наступление, освободили Колпнянский, Дросковский, Покровский, Должанский, Русско–Бродский, Ливенский и Верховский районы области. «Ревком» внимательно следил за успехами Красной Армии, наблюдал за поведением гитлеровцев в городе. В ночь на 6 февраля на квартире у Гаврута состоялось заседание «Ревкома» (пятое по счету), на котором был обсуждён вопрос о вооружённом восстании, разработан и утверждён его план.

Однако этому плану не суждено было осуществиться. В ночь на 7 февраля гестапо арестовало П. Оралова, А. Гаврута и других членов «Ревкома», за исключением Г. Ерохина, которому удалось скрыться. При аресте Оралова и Гаврута гестаповцами были изъяты из тайника списки организации, протоколы заседаний «Ревкома» и план восстания, а также письменные присяги–клятвы подпольщиков. В течение последующих нескольких дней были схвачены многие из членов боевых дружин. Почти все члены «Ревкома», командиры боевых дружин и большинство наиболее активных бойцов дружин были расстреляны, а остальные сосланы в концлагеря.

Провалил организацию сибирский кулак Арсенов. Он был призван в Армию, сдался в плен и содержался в орловском лагере военнопленных. Здесь Арсенов стал агентом фашистской контрразведки. Под фамилией Шестакова он подвизался на Орловском железнодорожном узле. Сумев втереться в доверие к членам «Ревкома», он вошёл в его состав, присутствовал на заседаниях, знал место нахождения тайника, где хранились документы «Ревкома». Сразу же после заседания «Ревкома», на

котором был утверждён оперативный план восстания, предатель явился в гестапо. Этот выродок загубил многих патриотов, за что получил от своих хозяев звание обер–лейтенанта, должность начальника оперативно–следственного отдела карательного отряда особого назначения, действовавшего на Орловском железнодорожном узле[503].

Так погибла боевая организация орловских подпольщиков. Но орловчане до самой последней минуты хозяйничанья фашистов в городе продолжали героическую борьбу с оккупантами.

Когда советские войска, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, развили успешное наступление на Орел, военная комендатура опубликовала приказ:

> «Орел объявляется боевой зоной. Гражданское население должно немедленно покинуть город в западном направлении. Покиданию города в другом направлении будет воспрепятствовано силой оружия. Мужчины в возрасте от 15 до 55 лет, способные носить оружие, будут, как раньше, задерживаться. Они избегут задержания только тогда, если немедленно явятся в лагерь военнопленных на Казарменной улице. Каждое гражданское лицо, которое после наступления темноты будет встречено на улице, будет расстреляно.
>
> Военный комендант Гаманн, генерал–майор»[504].

Мужское население объявленных в приказе возрастов начало прятаться в ямах, погребах и других убежищах. Многие жители Орла скрывались в пещерах под крутым каменистым берегом Оки, рассекающей город надвое. Вот какие события разыгрались здесь 2 и 3 августа. В акте, составленном 17 августа 1943 года жителями Пятницкой слободы, рассказывается:

«…Жители Пятницкой слободы города Орла, не желая уходить в немецкую каторгу, спрятались в пещерах, образовавшихся в каменоломнях под обрывом правого берега реки Оки в районе Пятницкой слободы. Таких пещер здесь имеется 4. Длина каждой из них достигает 500 метров. В глубине этих пещер спасались мужчины, женщины и дети Пятницкой слободы и других улиц города Орла.

Пронюхав, где скрывается население, головорезы из фашистской жандармерии 2 августа 1943 года на автомашинах явились к пещерам и, боясь заходить в них, начали требовать, чтобы люди вышли из пещер, угрожая в противном случае взорвать эти пещеры. Женщины и дети после этого покинули

пещеры, но мужчины от 14 до 55 лет, за которыми больше всего охотились гитлеровцы, остались в пещерах. Тогда фашистские людоеды в каждую из четырёх пещер заложили взрывчатые вещества и произвели взрыв, рассчитывая завалить входы. Находившиеся в пещерах советские граждане задыхались от образовавшихся вследствие взрыва газов, но ни один из них не вышел, предпочитая лучше погибнуть, нежели сдаться в руки гитлеровским палачам.

Не добившись успеха, фашисты уехали, а на другой день, т. е. 3 августа 1943 года, приехали опять к пещерам на автомашинах, нагруженных взрывчатым веществом. С собой они привезли несколько советских военнопленных. Под угрозой расстрела фашистские звери заставили их снимать с машин авиабомбы и ящики с аммоналом и все это относить в каждую из четырёх пещер.

…В одну из пещер гитлеровские людоеды вложили 21 авиабомбу и 2 ящика аммонала и взорвали всё это, но благодаря каменистому грунту берега р. Оки вход в пещеру не был завален, а сделался ещё шире. Обозленные гитлеровцы произвели ещё один за другим два взрыва, но безуспешно. Подобные взрывы они произвели во всех пещерах. Находившийся в одной из пещер в то время Алексей Комов рассказывает, что люди задыхались в пещерах, но никто ни разу не обмолвился, чтобы выйти из пещер и сдаться на расправу трусливым гитлеровцам, которые храбрились среди женщин и детей, а в глубь пещер проникнуть боялись, опасаясь мести советских патриотов.

Не добившись успеха, боясь, чтобы их не застали наступающие части Красной Армии, гитлеровские головорезы быстро удалились.

Женщины и дети раскопали заваленные входы и выпустили из пещер измученных людей.

Не удалось гитлеровцам сломить волю патриотов Советской Родины…»[505]

Да, фашистам не удалось сломить волю орловчан–патриотов. Они остались в своём родном городе. И когда гитлеровцам пришлось удирать из Орла, начальник железнодорожного узла Майер не смог обеспечить их транспортом. На станции осталось около 50 паровозов, так как орловские железнодорожники заранее покинули работу, укрывшись в подземных убежищах.

На рассвете 5 августа 1943 года в Орел вошли части Красной Армии. Жители города ликовали и плакали от радости. Освобождение старинного русского города Родина приветствовала первым в истории Великой Отечественной войны артиллерийским салютом в Москве.

* * *

Много лет минуло с тех пор, как из Орла были изгнаны фашистские захватчики. Но героические дела орловских патриотов–подпольщиков навсегда останутся в народной памяти. В ознаменование двадцатилетия победы над фашистской Германией около 100 подпольщиков, наиболее отличившихся в борьбе с фашистскими захватчиками в Орле, удостоены боевых правительственных наград. Гордостью города являются заново воздвигнутые машине строительные заводы и фабрики, новые улицы и кварталы, десятки новых школ, больниц, театров и других культурно–бытовых учреждений. На том месте, где зимой 1942 года Г. Огурцов подорвал бензохранилище и автомастерские оккупантов, высятся светлые корпуса Орловского часового завода, на котором трудится молодёжный коллектив коммунистического труда. А там, где в апреле 1943 года был казнён юный патриот Н. Бархоленко, построен новый железнодорожный вокзал, который вместе с Дворцом железнодорожников и жилыми многоэтажными домами красиво обрамляет широкую, залитую асфальтом Привокзальную площадь — ту самую площадь, где гитлеровцы вешали патриотов.

В Орловской областной больнице продолжают трудиться медицинские сестры хирургического отделения бывшей «русской больницы» В. А. Алешина, Н. Н. Сырцева, А. П. Шевлякова, аптечные работники А. М. Зайцева и П. В. Чикина. Хирург С. П. Протопопов, которого до сих пор с теплотой и признательностью вспоминают в Орле, проживает в Москве. Теперь он доктор медицины, заслуженный деятель науки, заместитель директора по научной части Института хирургии Академии медицинских наук СССР имени А. В. Вишневского. Сергей Павлович часто бывает в Орле, оказывает большую практическую помощь своим орловским коллегам, выступает перед ними с научными докладами.

В Орле выросло и возмужало новое молодое поколение строителей коммунизма. И это знаменательно, когда лучшая на заводе тракторных запасных частей комсомольско–молодёжная бригада слесарей носит имя подпольщика Владимира Сечкина, а передовой комсомольско–молодёжной бригаде швей–мотористок на швейной фабрике № 1 присвоено имя комсомолки–подпольщицы Нины Алексеевой! Подвиги тех, кто боролся, проливал свою кровь и отдавал свои жизни в борьбе за честь и независимость Советской Родины, вдохновляют ныне советских людей на трудовые подвиги во имя построения коммунизма.

В ПРЕДГОРЬЯХ КАВКАЗА

Г. П. Иванов, ***кандидат исторических наук***

Ценою огромных потерь в начале сентября 1942 года фашистские войска заняли почти всю территорию Краснодарского края, за исключением расположенных на Черноморском побережье четырёх районов — Адлерского, Геленджикского, Лазаревского, Туапсинского, а также городов Сочи, Туапсе, Геленджик.

Гитлеровцы полагали, что им без особого труда удастся колонизировать Кубань, превратить её в житницу Германии. Они рассчитывали на выдуманную ими версию о том, будто кубанское казачество настроено оппозиционно к Советской власти и жаждет восстановления частнособственнических отношений. Поэтому в Краснодарском крае оккупанты начали своё хозяйничанье с «пряника», — пытаясь заигрывать с населением, рекламировали себя друзьями казаков, покровителями кавказских народов. Первоначально они даже не прибегали к массовой реквизиции продовольствия и скота у колхозников, не производили гласных обысков и арестов, а убийства советских людей осуществляли скрытно, маскируя свои злодеяния различными клеветническими измышлениями. Так, во второй половине августа 1942 года они уничтожили в Краснодаре группу советских патриотов. Чтобы вызвать у населения антисоветские настроения, фашисты сообщили в печати и по радио, что ими якобы обнаружены в канализационных трубах «жертвы НКВД». Более того, 25 августа 1942 года они организовали похороны этих «жертв» с привлечением армейского оркестра и пяти священников. Но краснодарцы хорошо поняли смысл этой гнусной провокации, и только жалкая кучка изменников с хоругвями в руках прошла под звуки немецкого оркестра по пустынным улицам города.

Захватчики обещали всяческие льготы тем, кто будет поддерживать их. В «Инструкции о новом порядке землепользования» говорилось: «Каждый местный землевладелец, который по своему поведению окажется достойным, может получить землю». Заигрывая с казачеством, оккупанты создавали видимость восстановления «былых казачьих вольностей»: ввели институт атаманов, старост и урядников, набиравшихся из «местных жителей». Как правило, «местными жителями» оказывались озлобленные на Советскую власть бывшие эксплуататоры и преступные элементы.

В станицах, хуторах и аулах появились изгнанные в своё

время помещики и кулаки. В Адыгею, например, вернулся бывший помещик, главарь адыгейской контрреволюции Султан Келеч–Гирей, бежавший в 1920 году за границу с остатками врангелевских банд.

На землях совхозов оккупанты создавали имения, где должны были хозяйничать новоиспечённые помещики из числа немецких генералов и офицеров. Некоторые колхозные и совхозные земли оккупанты передали бывшим помещикам и кулакам. Так, на хуторе Северин Тбилисского района стал хозяйничать в бывшем имении своего отца некий пан Терашкевич, прибывший на Кубань вместе с гитлеровцами.

Согласно земельному закону Розенберга колхозы были превращены в так называемые «общинные хозяйства», полностью подчинённые оккупантам. В «общинах» была установлена коллективная ответственность за выполнение работ и сдачу поставок. Кроме того, каждый крестьянский двор должен был ежемесячно сдать 50 литров молока с коровы, 5 яиц в неделю с курицы, 300 рублей с каждого подворья[506].

Таким образом, фашистский «пряник» оказался не чем иным, как восстановлением эксплуататорских, капиталистических порядков в самых отвратительных и гнусных формах.

Фашисты настолько верили в свои выдумки о неприязни кубанского казачества к Советской власти, что даже вынашивали планы создания специальных казачьих частей для борьбы с Красной Армией. Они прихватили с собой на Кубань бывших казачьих белогвардейских генералов Краснова и Шкуро, полагая, что эти политические мертвецы помогут им осуществить их затею.

Но то, что по мнению захватчиков (и некоторых нынешних буржуазных историков), было благом и должно было привлечь на сторону «нового порядка» кубанское казачество, явилось для него, как и для всего советского народа, величайшим бедствием. Ведь враг пришёл для того, чтобы отобрать у советского народа завоёванную им свободу, лишить его счастья жить без капиталистов и помещиков. Захватчики посягали на самое дорогое для советских людей — на Советскую власть, на социализм. И именно стремление защитить свою свободу, великие социалистические завоевания, свою родную Советскую власть стало тогда решающим источником огромного размаха всенародного партизанского движения на оккупированной фашистами советской территории, в том числе и на Кубани. Этого-то не могут, а точнее, не хотят понять современные буржуазные историки. Они не жалеют сил, чтобы доказать, будто основной причиной огромного размаха партизанской борьбы

была жестокость оккупационного режима. Но ведь на Кубани оккупанты начали с заигрывания с населением. А в результате произошло то же, что и на всей оккупированной ими советской земле: народ поднялся на партизанскую борьбу за свои социалистические завоевания, за свободу своей Советской Родины.

Убедившись в провале заигрывания с кубанским казачеством, захватчики переключились на массовый террор.

В Краснодаре они впервые применили душегубки — автомашины с герметически закрытыми кузовами, где люди отравлялись отработанными газами дизель–моторов. По нескольку раз в неделю, а иногда по два–три раза в день душегубки направлялись в места массовых облав, заполнялись арестованными и следовали в район завода измерительных приборов. Там умерщвлённые сбрасывались в противотанковый ров. Этими чудовищными машинами смерти фашисты удушили около 7 тысяч кубанцев. Гестаповский генерал Херман Юлиус Вальтер Рауфф Бауэрмайстер, ведавший душегубками и занимавшийся их «усовершенствованием», после войны нашёл приют в Чили.

За 186 дней оккупации Краснодара гитлеровцы расстреляли, повесили, умертвили в душегубках и заживо сожгли свыше 13 тысяч советских людей. Перед бегством из города они совершили новое чудовищное злодеяние — подожгли и взорвали здание гестапо с находившимися в нём 300 арестованными советскими гражданами. Фашисты уничтожили в Краснодаре 97 промышленных предприятий, 613 жилых и административных зданий, 18 школ, театры, 2 больницы, здания всех институтов, разрушили водопровод, разграбили ценности научных институтов и библиотек. Свыше 4 тысяч семей лишились крова и почти полностью потеряли своё имущество. Материальный ущерб, причинённый Краснодару, превысил 2 миллиарда рублей (в старых деньгах)[507].

Не изгладятся из памяти кубанцев мрачные картины хозяйничанья фашистских варваров в Новороссийске. До войны это был цветущий город. Из его порта уходили гружённые пшеницей, цементом, нефтью корабли многих стран. Гитлеровцы разрушили Новороссийск до основания, причинив его хозяйству ущерб в 2 миллиарда рублей (в старых деньгах)[508]. Десятки тысяч новороссийцев были зверски умерщвлены, угнаны на каторжные работы в Германию, умерли от голода. Многие, кому удалось спастись от рук фашистских палачей, находились в партизанских отрядах или укрывались в лесах. Из 95–тысячного населения в день изгнания захватчиков в городе осталась только

одна семья[509].

В Майкопе — областном центре Адыгеи — фашистские изверги за 6 месяцев расстреляли и замучили в застенках гестапо свыше 3 тысяч человек. В сельских районах края творил кровавые дела прославившийся своей жестокостью и в других оккупированных районах СССР особый батальон «Бергманн» («Горец»), которым командовал фашистский палач Оберлендер. После войны этот матёрый фашист, пользовавшийся расположением самого Гитлера, длительное время возглавлял в ФРГ так называемое «Федеральное министерство по делам перемещённых лиц».

Уничтожению подвергались не только те советские люди, которые боролись с оккупантами или могли влючиться в борьбу, но и престарелые, больные и дети. Гитлеровцы уничтожили в душегубках 380 больных Краснодарской городской больницы, 320 больных Березанской лечебной колонии, 42 больных ребёнка в больнице на хуторе Третья Речка Кочеты Усть–Лабинского района.

Изуверскую расправу учинили фашистские садисты над воспитанниками Ейского детского дома. Чудом спасшийся от смерти бывший воспитанник этого дома Л. Дворников рассказывает: *«Я* помню все хорошо. Детей тащили за ноги, за руки. Весь кузов душегубки снизу доверху был забит детскими телами…»[510] Всего во время этой «операции» было уничтожено 214 детей.

Это чудовищное преступление было совершено специально созданной для истребления советских людей зондеркомандой СС 10–а, которая впоследствии была переименована в «кавказскую роту». В её составе были и изменники советского народа. Как крысы, разбежались они в разные тёмные норы после войны, скрываясь от возмездия. Но славные чекисты разыскали извергов. В октябре 1963 года в Краснодаре состоялся суд над эсэсовцами–душегубами А. Вейхом, В. Скрипкиным, М. Еськовым, А. Суховым, В. Сургуладзе, Н. Жирухиным, Е. Буглаком, У. Дзампаевым и Н. Псаревым. Уничтожение воспитанников Ейского детского дома лишь звено в длинной цепи злодеяний этих гнусных изменников Родины. Страшная трагедия разыгралась в кубанской станице Анапской, где эсэсовцы расстреляли свыше 70 человек, в том числе и детей. «Я стрелял из пистолета, —цинично говорил на допросе Вейх. — У многих матерей на руках были дети. Они кричали: «Мама!» Мы стреляли также и в детей»[511].

Суд вынес справедливый приговор. Но остались на свободе и живут в ФРГ и в других капиталистических странах организаторы массового истребления советских людей: Курт Кристман—

оберштурмбанфюрер СС, глава зондеркоманды СС 10–а, Курт Тримборн — оберштурмфюрер СС, заместитель начальника зондеркоманды, Генрих Герц— «врач», один из «специалистов» и организаторов умерщвления советских людей в душегубках, Горг Фольмер — шарфюрер СС, следователь, Карл Раабе — начальник 4–го отдела зондеркоманды. Тот, кто прикрывает этих душегубов, является прямым преемником фашизма.

Гитлеровцы были неистощимы в своих злодеяниях. В станице Бриньковской Приморско–Ахтарского района они согнали около 50 женщин и детей в сарай и подожгли его. Тех, кому удалось выбраться из сарая через крышу и выбежать на улицу, настигла автоматная очередь. Чудовищных преступлений, совершенных фашистами на кубанской земле, не счесть.

Всего на территории Краснодарского края фашисты расстреляли, повесили, удушили газами и замучили в застенках гестапо 61 540 советских граждан, в том числе женщин, подростков и детей, свыше 30 тысяч молодых кубанцев угнали на каторжные работы в Германию.

Совершая злодеяния, захватчики одновременно использовали всевозможные средства обмана, чтобы деморализовать советских людей, лишить их воли к борьбе.

На какие только уловки и гнусные провокации не шли гитлеровские пропагандисты, чтобы обмануть советских людей, заставить служить себе! Однажды оккупанты объявили жителям Краснодара, что через город будет проведено несколько тысяч пленных красноармейцев и населению разрешено оказать им помощь продовольствием. Поверив этому объявлению, многие краснодарцы с продуктами вышли на улицы. Но вместо советских военнопленных они встретили автомашины с ранеными немецкими солдатами. Тут же была произведена киносъёмка, которая, по замыслу провокаторов, должна была иллюстрировать «тёплую встречу», якобы устроенную советскими людьми гитлеровским воякам.

Но ничто — ни заигрывание с населением, ни чудовищные зверства, ни лживая фашистская пропаганда — не могло сломить свободолюбивый дух советского казачества, поколебать его преданность Советской власти и Коммунистической партии, его веру в победу над врагом, его стремление внести свой вклад в обеспечение победы.

Борьба против оккупантов на Кубани началась сразу же, как только враг вторгся в пределы Краснодарского края. Принимая самые различные формы, она нарастала, как снежный ком, вынуждая захватчиков постоянно увеличивать силы для поддержания своей власти.

Наиболее массовой формой народной борьбы с захватчиками был активный срыв мероприятий оккупантов. В Майкопе, например, несмотря на категорические приказы и угрозы властей, поголовно все жители, не желая работать на оккупантов, уклонились от регистрации на бирже труда. Тогда гитлеровцы прибегли к насилию: стали проводить массовые облавы, врываться в квартиры местных жителей и под конвоем выгонять их на работу. Но, согнанные силой на предприятия, рабочие и инженерно–технические работники не смирились. Они скрывали свои профессии, объявляли себя чернорабочими, незнакомыми с техникой и производственными процессами.

В результате захватчики были вынуждены переключить предприятия города на производство малоценной продукции. Мобилизация трудоспособного населения была объявлена и в Армавире. Власти назначили место, день и час сбора. Но на биржу труда не явился ни один человек. Тогда фашисты произвели массовые облавы. Арестованные вывозились под станицу Ново–Кубанскую и там расстреливались. Всего гитлеровцы убили 6630 армавирцев[512].

«Нет», — заявили жители рабочего посёлка Михизеева Поляна на требование оккупантов выйти на лесоразработки. Они не дрогнули перед угрозой военного коменданта Г. Гофмана расстреливать за невыход на работу в назначенное время. Фашисты привели в исполнение свою угрозу со свойственной им патологической жестокостью. Они выгнали из посёлка всех рабочих вместе с их жёнами и детьми. Сорвав со своих жертв одежду, гитлеровцы открыли по ним огонь из пулемётов и автоматов. С неистовостью садистов они докалывали раненых штыками, достреливали их из пистолетов, а детей добивали ударами головой о деревья. Всего таким образом было растерзано 207 человек, из них 72 женщины и 105 детей. Разграбив посёлок, фашисты сожгли его[513].

Но и в тех случаях, когда оккупантам силой оружия удавалось принудить население к работе, желаемых результатов они не получали. Работы велись для виду, вхолостую. Например, в Апшеронском районе население, согнанное на заготовку леса, выполнило только полтора процента задания. Жителям станицы Мингрельской Абинского района было приказано убрать с поля кукурузу для отправки в Германию. Здесь, наоборот, работа велась весьма интенсивно. Кукуруза была убрана в течение дня, а ночью надёжно спрятана подальше от глаз врага.

Большие надежды возлагали оккупанты на получение кубанской нефти. Уже 9 августа 1942 года, в день вступления фашистских войск в Краснодар, берлинское радио объявило, что

«отныне майкопское «чёрное золото» будет служить рейху». Но ликование захватчиков вскоре сменилось разочарованием. Кубанские нефтяники в основном эвакуировали, а частично взорвали или зарыли оборудование предприятий, уничтожили скважины, а сами в большинстве своём ушли в партизанские отряды.

Население нефтяных районов края — Абинского, Апшеронского, Нефтегорского, Северского и других — решительно воспротивилось попыткам оккупантов наладить добычу нефти. Гитлеровцы несколько раз прочёсывали селение за селением, дом за домом, чтобы найти припрятанное нефтяное оборудование, выявить специалистов–нефтяников и заставить их работать. Но облавы не принесли им успеха. Тогда захватчики под угрозой расстрела стали выгонять на восстановление промыслов поголовно все население. Но советские люди, не страшась смерти, отказывались работать на врага. На Ильских нефтепромыслах за невыход на восстановительные работы гитлеровцы расстреляли более 200 патриотов.

В конце концов оккупантам пришлось выписывать специалистов и нефтяное оборудование из Германии. Однако наладить сколько-нибудь существенно добычу кубанской нефти им так и не удалось. Если в 1940 году на нефтепромыслах Краснодарского края было добыто 2241,6 тысячи тонн «чёрного золота»[514], то гитлеровцам не удалось извлечь из кубанской земли и десятка тысяч тонн нефти.

Кубанские нефтяники не только уклонялись от работы, но и делали все возможное, чтобы сорвать попытки оккупантов своими силами наладить добычу нефти. Например, в Нефтегорском районе фашисты приступили к восстановлению самой высокодебетной скважины № 40. Работы велись днём, а ночью нефтяники забрасывали её металлическим ломом и булыжником. Взбешенные фашисты выгнали всех жителей с территории промысла и установили усиленную охрану. Но и это не помогло. Меткие пули патриотов косили охранников. Оккупантам пришлось убедиться в бесполезности их усилий и прекратить начатые работы. Немало потрудились гитлеровцы над тем, чтобы пустить в эксплуатацию нефтяную скважину № 81 треста «Апшероннефть». Сюда прибыла большая группа немецких специалистов, доставившая разного рода нефтедобывающую технику. Но, как только были поставлены вышки и установлено буровое оборудование, группа нефтяников взорвала их. На Ильских промыслах немецкие специалисты поставили ряд вышек и начали качать нефть. Промыслы усиленно охранялись. Однако это не остановило патриотов. Группа комсомольцев станицы

Ахтырской в ночь на 1 ноября 1942 года, преодолев три ряда колючей проволоки и минные поля, взорвала склад с нефтепродуктами и забросала нефтяные вышки бутылками с горючей жидкостью. В течение трёх суток полыхало пламя пожара на Ильских нефтепромыслах. За эту смелую операцию комсомольцы Е. А. Медведюк, Б. Г. Рубайло и А. Х. Эфимиади были награждены орденами Красной Звезды. И так было всюду, где оккупанты зарились на кубанское «чёрное золото».

Активно сопротивлялось оккупантам и кубанское крестьянство. Жители станицы Анастасиевской Славянского района отказались грузить зерно для вывоза его в Германию. В ответ на непокорность гитлеровцы согнали около 100 колхозников в зерносушилку и заживо сожгли их. Крестьяне хутора Западного того же района отказались выходить на полевые работы. Тогда гитлеровцы ночью подожгли хутор. Сгорели все дома с их жителями. Таких фактов можно привести множество. Но захватчики так и не смогли заставить кубанских колхозников работать на гитлеровскую армию. Показателен такой факт: уборка урожая в крае обычно заканчивалась к 1 сентября, а во время оккупации до самой зимы остались необмолоченными свыше 300 тысяч гектаров хлебов, неубранными почти вся кукуруза и табак. Посевная площадь озимых культур до оккупации составляла по колхозному сектору края 1280 тысяч гектаров, а при фашистах осенью 1942 года было посеяно всего лишь 570 тысяч гектаров. Причем качество сева было очень плохим: большая часть земли была засеяна наволоком по стерне.

Во многих районах края гитлеровское командование прилагало большие усилия, чтобы организовать казачьи части «самообороны». Но затея эта сразу же провалилась. Не увенчались успехом и попытки захватчиков создать в Адыгее с помощью помещика Султана Гирея добровольческий черкесский легион. Дело остановилось на «малом»: не нашлось добровольцев. Как ни заигрывали захватчики с адыгейским народом, он непоколебимо хранил преданность Советской власти, верность братскому союзу советских народов.

Непримиримую ненависть советского казачества к захватчикам вынуждены были признать и оккупанты. Взятый в плен под хутором Чернышовом фашистский офицер Иоганн Эрле заявил на допросе: «Я вижу, что вы готовитесь к наступлению, и думаю о том, как жестоко мы ошиблись, надеясь на казачество. Ведь мы все рассчитывали на то, что казаки выступят против большевиков. Но теперь я вижу, что мы не поняли душу русского казака и не учли тех двадцати пяти лет, которые сформировали характер новых казаков…»[515]

А вот другое признание—письмо, обнаруженное у убитого гитлеровского офицера. Поверяя родным тяжесть своей участи, он писал 10 октября 1942 года из Новороссийска: «Сейчас мы у Кавказских берегов Черного моря. Море выглядит сурово и неприветливо. Словно выражает оно ту неприязнь, с которой относится к нам местное население. Нам много говорили, что казаки всегда настроены против большевиков и ждут нас с хлебом и солью. Но, к сожалению, это не так. В оценке казаков проявлена большая оптимистичность и политическая близорукость. Все от мала до велика смотрят на нас с недоверием и злостью. Среди казаков много партизан. Приходится всё время быть начеку, не снимать неделями верхней одежды, даже во время ночного сна. Взываю к богу, чтобы уцелеть»[516].

Да, гитлеровский офицер не ошибся. Захватчиков встретила на Кубани активная народная борьба, ядром которой были действия организованного подполья и партизанских формирований.

Первые мероприятия по созданию подполья и партизанских отрядов на Кубани были проведены ещё осенью 1941 года, когда фашистские войска прорвались на Дон и появилась угроза их вторжения на Северный Кавказ. Тогда были созданы подпольные центры, партизанские базы, подобраны конспиративные квартиры, места явок, изучены шифры и начато комплектование партизанских отрядов и подпольных организаций. Однако контрудары советских войск под Ростовом–на–Дону несколько отодвинули опасность вражеского вторжения на Кубань. В связи с этим работа по организации подполья и подготовке к партизанской борьбе временно была приостановлена и возобновилась лишь летом 1942 года.

В своей деятельности по развёртыванию партизанской борьбы с фашистскими оккупантами краевая партийная организация руководствовалась директивами и указаниями ЦК партии и ГКО и прежде всего постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу вражеских войск»[517]. Большим подспорьем в этом деле был также опыт партизанского движения на ранее оккупированных врагом советских территориях. По указанию крайкома В КП(б) райкомы и горкомы партии заблаговременно создали партизанские отряды и подпольные организации. В условленные места были завезены продовольствие, оружие и боеприпасы.

В районах и городах для руководства борьбой были созданы подпольные партийные органы, возглавлявшиеся первыми секретарями райкомов и горкомов партии. В Адыгейской автономной области с этой целью был создан областной

партийный центр. В его состав вошли секретарь обкома партии Н. Ц. Теучеж, председатель облисполкома А. Х. Чамоков, его заместитель П. Ц. Джасте, секретарь Майкопского горкома партии А. М. Семкин. Всего в партизанской борьбе на территории Краснодарского края участвовало более 150 секретарей райкомов и горкомов партии.

Как правило, партийные органы находились в партизанских отрядах.

Руководили работой оставшихся во вражеском тылу партийных органов, деятельностью партизанских формирований и подпольных организаций секретари крайкома партии П. И. Селезнев, И. И. Поздняк, А. А. Егоров, М. С. Попов, В. И. Хомяков, председатель крайисполкома П. Ф. Тюляев и многие другие руководящие работники края.

Всего в партизанских отрядах и в подполье, действовавших в занятых врагом районах края, было около 7 тысяч человек, из них более половины составляли коммунисты и свыше тысячи комсомольцев[518].

Непосредственно перед вражеской оккупацией крайком партии провёл совещание руководителей подполья, на котором были обсуждены конкретные задачи, формы и методы предстоящей подпольной борьбы, особенности боевых действий в населённых пунктах. Уже в конце сентября крайком партии путём посылки специальных связных провёл проверку состояния подполья. Было установлено, что некоторые райкомы и горкомы партии проявили медлительность в создании широкой сети подпольных организаций и групп, не наладили систематической массово–политической работы. По результатам проверки в начале октября 1942 года крайком направил через связных секретарям райкомов и горкомов партии письмо, в котором указал на необходимость активизации разведывательно–диверсионной деятельности в населённых пунктах и усиления политической работы среди населения.

По указанию крайкома, райкомы и горкомы партии, партийные организации партизанских отрядов направили в населённые пункты 173 организатора[519] в Краснодар, Армавир, Ейск, Майкоп, в Лабинский, Новопокровский, Новотитаровский и другие города и районы. На местах организаторы находили сотни активистов, из которых комплектовали подпольные организации и группы. Например, в Новотитаровский район для организации подпольной борьбы была послана группа коммунистов во главе с членом райкома партии председателем райисполкома И. К. Сероштаном. За короткий срок она создала четыре подпольные организации — в станицах Новотатаровской,

Старомышастовской, Нововеличковской и на хуторе Стринском. Члены группы особое внимание уделили изучению личных качеств подпольщиков, включили в организации наиболее стойких и способных к подпольной борьбе патриотов. Это сыграло немалую роль в том, что подпольные организации Новотитаровского района, несмотря на свою активную деятельность, не имели провалов.

Умело организовал подпольную работу Гражданский райком партии во главе с первым секретарём Ф. А. Усанковым. На случай провала основного райкома им было создано два резервных районных партийных органа. Еще до прихода вражеских войск райком партии сформировал из наиболее стойких коммунистов и беспартийных активистов подпольную организацию. Среди подпольщиков были все секретари и члены райкома партии, председатель и члены райисполкома, колхозники, учителя. Райком подобрал кустовых организаторов подполья, наметил конкретные задачи политической и боевой деятельности подпольщиков, установил явки, пароли и клички.

Непосредственно на местах подпольная работа направлялась кустовыми организаторами. Каждый из них подобрал себе надёжных помощников и через них осуществлял связь с населением, выполнял задания райкома партии. Например, кустовой организатор В. Ф. Андреева подобрала более 10 способных к подпольной работе патриотов в Новогражданской и Новомалороссийской станицах и на хуторе Бузинка. Они распространяли листовки, сообщения Совинформбюро, собирали сведения о противнике. Активно действовала сеть подпольных групп и подпольщиков–одиночек, созданная кустовым организатором Е. И. Гончаренко в станицах Новодонецкой, Александровоневской и в селе Бейсужек.

Контакты между подпольщиками и кустовыми организаторами поддерживались через связных. Последние не знали друг друга, да и общались они лишь с ограниченным кругом лиц, что предостерегало организацию от провала даже в случае обнаружения врагом какого-либо её звена. Вместе с тем такая структура позволяла гибко и оперативно реагировать на события, проводить мероприятия в масштабе всего района, иметь прочные связи в народе.

Подпольщики Гражданского района проводили активную политическую работу среди населения, мобилизуя его на срыв мероприятий захватчиков. Они регулярно слушали и распространяли радиопередачи из Москвы, издавали листовки. Широко, например, разошлась по району листовка, выпущенная подпольным райкомом партии в октябре 1942 года. «Граждане, —

говорилось в листовке, — гитлеровские жулики и прохвосты поместили в газете «Новое время» от 30 сентября 1942 года такой лозунг: «Кто не сеет, тот не убирает, кто не убирает, тот голодает». Но на деле получается наоборот: гитлеровцы не сеяли и не убирали, а забрали весь колхозный хлеб, скот, птицу и теперь начинают под видом «излишков» забирать у вас хлеб, а вам разрешают смолоть только ячмень, и тот по голодной норме.

Граждане! Фашистские мерзавцы обрекают вас на голод, постепенно они заберут у вас весь хлеб, скот и домашние вещи. Не давайте им ничего, прячьте хлеб в надёжные места, режьте скот и птицу себе для пищи, оказывайте материальную помощь многодетным красноармейским семьям. Не выходите на работу, объявляйте полный саботаж.

Ненавидьте и презирайте тех немецких холуёв, которые исправно служат оккупантам. Они являются изменниками Родины. Красная Армия скоро придёт. Час освобождения Кубани близок»[520].

Активно начал действовать в тылу врага Ладожский райком партии во главе с первым секретарём райкома В. С. Никандровым. Он имел связь с майкопским партизанским соединением, а через него с Краснодарским крайкомом ВКП(б).

В состав созданной райкомом партии подпольной организации вначале входило около 40 человек, в том числе 15 коммунистов. Организация охватывала своей деятельностью многие населённые пункты Ладожского, Роговского и Усть–Лабинского районов, создала в них подпольные группы. Подпольщики имели более десятка явочных квартир в станицах Восточной, Ладожской, Роговской, Усть-Лабинской и в селе Бологово. Усилиями подпольного райкома партии было создано три диверсионно–террористические группы (по пять человек в каждой) во главе с коммунистами Алферовым, Коншиным и Сапуновым.

Подпольщики вели политическую работу с населением, совершали диверсии. Так, 25 октября 1942 года они взорвали на станции Усть–Лабинской склад с зерном, предназначенным для вывоза в Германию. Во время отступления гитлеровцев подпольщики уберегли от уничтожения ряд сооружений, выловили многих оккупантов и их пособников.

Энергично действовал в тылу врага подпольный партийный центр Успенского района в составе шести человек. Его возглавлял старый коммунист, директор машинно–тракторной станции К. В. Тарасов. Члены центра проживали нелегально в станицах Успенской, Убеженской, хуторах Маломино, Трехсельский. Они создали шесть подпольных групп, составлявших единую

организацию, насчитывавшую 67 человек. В целях конспирации члены групп не знали о составе организации, а действовали по указанию своих непосредственных руководителей, получавших задания от центра через связных.

Подпольщики применяли самые разнообразные формы борьбы: писали и распространяли листовки, мобилизовывали население на срыв вражеских мероприятий, уничтожали полицейских, гитлеровских солдат и офицеров, нападали на обозы противника, совершали диверсии. Так, группа, которой руководил коммунист С. Вязонков, устраивала диверсии на железной дороге. Однажды она подорвала воинский эшелон: на перегоне станция Овечка — разъезд Кургоковский было пущено под откос более 60 вагонов с военным имуществом и снаряжением[521]. В результате крушения линия железной дороги вышла из строя на несколько суток. На перегоне остановились направлявшиеся на фронт составы с танками и боеприпасами. Под станицей Николаевской автоматчики группы Сазонова истребили два «продовольственных» отряда оккупантов[522]. Успенские подпольщики уничтожили 2 грузовые автомашины, 16 мотоциклов, 8 обозов противника, убили и взяли в плен 173 солдата и офицера противника[523]. Их смелые действия деморализовали местную полицию. В ней никто не хотел служить.

Краснодарский крайком партии и Адыгейский партийный центр постоянно были в курсе всех дел находившихся в тылу врага партийных органов, конкретно направляли их деятельность. Большое внимание они уделяли подполью. Связь с ним они осуществляли главным образом через партизанские отряды, с которыми имели более оперативные контакты. Вместе с тем это позволяло лучше координировать взаимодействие подполья и партизанских формирований.

Исключительно сложной, требовавшей не только большого мужества, но и выдержки, умения быстро находить решения в самых неожиданных положениях была работа связных. Майкопские подпольщики с благодарностью вспоминают связных Н. Служаву, М. Воронову, Л. Каютенко, П. Коба. Особенно умело работала Н. Служава. До войны она была инструктором Адыгейского обкома комсомола, а когда пришли фашисты, ушла в партизанский отряд, где стала разведчицей. Много раз она выполняла ответственные задания командования отряда: распространяла среди населения листовки, ходила в разведку. Часто Служава бывала в родном Майкопе, где встречалась с подпольщиками, договаривалась с ними о совместных с партизанами действиях, передавала им задания горкома партии.

Девушке не раз грозила смертельная опасность, но она всегда умело выходила из самых затруднительных положений. Успеху её работы во многом способствовали майкопские друзья. Часто ей помогала А. И. Третьякова, работавшая до войны бухгалтером электростанции. Служава много раз была у неё на квартире и под носом у гитлеровцев, живших в доме Третьяковой, переписывала листовки с сообщениями Совинформбюро. А по утрам с помощью подпольщиц Н. Васиной, Т. Куликовой, Н. Головко и других она распространяла листовки среди горожан. Служава умела находить и привлекать к подпольной работе рвавшихся к борьбе патриотов, помогла партизанскому отряду связаться с майкопским врачом Н. И. Клюевым и через него обеспечивала партизан и подпольщиков медикаментами.

В Теучежском районе связь партизан с подпольщиками осуществлялась через М. Теучежа. Вместе с оставленным на подпольной работе в районе коммунистом П. Чесебиевым он проводил политическую работу в ауле Теучежхабль, в хуторах Шевченко и Ново-Чесебиев. Жители этих селений, адыги и русские, горячо любили молодого стройного джигита за смелость и отвагу, за правдивое слово партии, которое он неизменно приносил им. Однажды во время выполнения боевого задания Теучежа схватили гитлеровцы. В гестапо его подвергли пыткам, требуя выдачи партизанской базы и связей с подпольщиками. Но патриот стойко перенёс все муки. А когда палачи привели Теучежа вместе с другими арестованными на расстрел, он внезапно бросился на охранника, выхватил у него автомат и открыл огонь по врагам. Воспользовавшись растерянностью охраны, арестованные бежали. Отстреливаясь, скрылся в лесу и Теучеж. Узнав во время ареста в гестапо о намеченных гитлеровцами расстрелах, Теучеж предупредил многих патриотов об опасности и помог им уйти от расправы[524].

Жители станиц и хуторов, рискуя жизнью, укрывали партизан, приходивших на связь с подпольщиками, снабжали их продуктами питания, собирали необходимые для партизан и подпольщиков сведения, помогали им во всей их деятельности. Нередко дорогой ценой приходилось населению расплачиваться за помощь партизанам и подпольщикам. В хуторе Георгиевском гестаповцы арестовали шестнадцатилетнюю Д. Сорокину и потребовали, чтобы она выдала пришедшего на хутор для связи с подпольщиками своего отца, Д. Сорокина. Не добившись ничего от девушки, фашисты согнали на площадь всех жителей хутора и повторили своё требование, угрожая за неповиновение расправой. Но предателей не нашлось. Не выдали хуторяне и семью Сорокина, хотя жена и две другие дочери партизана стояли в

толпе. В отместку фашисты подожгли все дома хутора и жестоко расправились с Д. Сорокиной: вырезали ей нос, икры на обеих ногах, выбили зубы, выдавили глаза и бросили умирать в степи.

В Красногвардейском районе Адыгеи фашистам удалось схватить комсомольцев В. Калашникова, В. Бабенко и С. Рязанова, распространявших листовки. Юноши были подвергнуты страшным пыткам за отказ выдать партизанского связного, снабдившего их листовками. В. Бабенко плюнул в лицо пытавшему его офицеру и заявил: «Никого мы вам, гадам, не выдадим! Стреляйте, но помните, что наши придут и вы ответите за нашу кровь!» Юных патриотов раздели донага, в зимнюю стужу вывели в поле и расстреляли.

В станице Крымской фашисты повесили возле базара 16 колхозников за связь с партизанами и подпольщиками. Но и с петлями на шеях казаки не просили милости у врага. Один из них с залитым кровью лицом гордо поднял голову и крикнул палачам: «Родина за нас отомстит!»[525].

Мощным оружием подпольных организаций была печать. Находившийся в Сочи крайком партии издавал большим тиражом краевую газету «Большевик», выпускал различные листовки и воззвания к населению оккупированных районов края и со связными, а нередко с помощью фронтовой авиации, доставлял их в тыл врага. Адыгейский партийный центр выпустил несколько номеров газеты «За социалистическую Адыгею» на русском и адыгейском языках. Газеты и листовки выпускали многие райкомы и горкомы партии, подпольные организации и группы.

Крайком партии распространил среди населения брошюру, посвящённую 25–й годовщине Великого Октября, книгу «Кубань борется», в которой рассказывалось о хозяйничанье захватчиков в Краснодарском крае, о партизанской борьбе на Кубани.

Много дерзости и изобретательности проявляли подпольщики при распространении литературы. Они вкладывали листовки в почтовые ящики квартир, под видом торговцев носили их в корзинах с фруктами на рынки и там распространяли среди городского населения и жителей близлежащих станиц и аулов. Подпольщики Новотитаровского, Тульского и Успенского районов привязывали листовки к рогам пасшихся в лесу коров, которые приносили их своим хозяевам. Апшеронский райком партии создал для распространения листовок три группы молодёжи. Участники одной из этих групп комсомольцы Л. Найденов, В. Зеленский и Г. Есауленко ухитрялись помещать листовки даже на досках объявлений и радиосводок, висевших около немецкой комендатуры. При активном участии молодёжи среди населения Апшеронского и Нефтегорского районов было распространено

более 10 тысяч листовок и газет[526].

Так складывалась деятельность подпольных организаций на Кубани в начале фашистской оккупации. Нужно отметить, что она была сопряжена с чрезвычайными трудностями. В связи с быстрым продвижением вражеских войск партийным органам пришлось устанавливать связи с подпольщиками, создавать новые подпольные организации уже после прихода врага. В большинстве случаев подполье не располагало техническими средствами и достаточным количеством оружия. Подпольщики в основном не имели опыта конспирации и нередко в связи с этим терпели провалы и погибали.

Следует отметить, что и во время предварительной организации подполья были допущены серьёзные ошибки. Во многих городах и районах непродуманно был подобран состав подпольных организаций и групп. В них оказалось много военнообязанных, которые вскоре были призваны в Красную Армию. Кроме того, среди отобранных для подполья людей много было высококвалифицированных специалистов промышленности, которые перед отступлением советских войск эвакуировались со своими предприятиями в восточные районы страны. Все это ослабляло заранее созданную подпольную сеть. Имелись случаи, когда для подпольной работы были подобраны безвольные и малодушные люди, не выдержавшие в дальнейшем суровых испытаний, отошедшие от подпольной работы.

Деятельность подпольных организаций в Краснодарском крае имела свои специфические особенности. Они заключались в близости прифронтовой полосы. Это давало возможность многим подпольным организациям иметь тесные связи с частями Красной Армии, получать от них помощь оружием и выполнять их задания. Но с другой стороны, прифронтовая полоса была насыщена войсками, разведывательными и карательными органами противника, что требовало от подпольщиков особой бдительности, умения быстро ориентироваться, без промедления находить правильные решения.

Но, несмотря на все трудности, коммунисты, комсомольцы и беспартийные активисты сумели создать на занятой врагом территории Краснодарского края боеспособные подпольные организации, нанёсшие врагу серьёзный ущерб.

Активную деятельность развернули подпольщики краевого центра — Краснодара. Здесь не было единой общегородской подпольной организации. Но отдельных подпольных групп, подпольщиков-одиночек в нём было много, и они действовали весьма эффективно. Одни из них работали по заданиям партийных органов, другие — по заданиям партизанских отрядов.

Организатором одной из подпольных групп в Краснодаре была коммунистка К. Я. Дормороз, оставленная в тылу врага Красногвардейским (городским) райкомом партии. Вместе с другими патриотами она оказывала помощь семьям красноармейцев, укрывала коммунистов, организовывала срыв мероприятий оккупантов. Однажды ей удалось узнать, что фашисты готовят отправить на принудительные работы на военных объектах Германии более 60 краснодарцев. Люди были предупреждены, фашистская затея провалилась[527]. Подпольщица Н. А. Белянская, работавшая регистратором биржи труда, по заданию К. Я. Дормороз написала в учётных карточках многих краснодарцев «сведения о болезни», что освобождало их от принудительных работ и угона в Германию. Гитлеровцы часто проводили облавы на базарах. Забирая лиц, не имевших учётных карточек с очередной отметкой биржи труда о работе или болезни, они отправляли их в лагеря трудовой повинности, а чаще всего уничтожали в душегубках. Н. А. Белянская узнавала о времени предстоящих облав и через подпольщиков своевременно сообщала об этом людям, находившимся на базарах. Таким образом было сорвано шесть облав на краснодарских рынках.

Член подпольной группы В. В. Орел, участник подпольной борьбы с белогвардейцами во время гражданской войны, возглавлял при оккупантах артель глухонемых. По заданию К. Я. Дормороз он организовал пошив обуви и одежды для красноармейских семей, оказывал им продовольственную помощь, укрывал бежавших из плена советских воинов, выдавая им подложные документы, как членам артели.

Активно боролись с оккупантами коммунисты А. Н. Бондарева, К. А. Роговой, И. В. Слюсарев, Л. Т. Суржко, А. И. Яковлев, работавшие в подполье по заданию Краснодарского горкома партии. Они писали и распространяли листовки. С помощью беспартийных советских граждан, поступивших по их рекомендации на «службу» в полицию и в гражданские учреждения оккупантов, подпольщики спасали патриотов от арестов и угона в Германию, оказывали помощь продуктами членам семей воинов Красной Армии, собирали разведывательные данные о противнике.

По предложению А. Н. Бондаревой подпольщик Д. З. Школьный поступил в полицию. Он помогал участникам партизанской борьбы в городе избегать арестов, снабжал их паспортами, «улаживал» дела об их прописке в домовых книгах, добывал важные сведения о противнике.

В краевой конторе «Заготскот» подпольной группой руководил коммунист В. П. Саркисов. Подпольщики слушали

передачи московского радио и распространяли их содержание среди жителей Краснодара и ряда населённых пунктов края, срывали заготовку кормов для скота и его вывоз в Германию. Однажды они оставили без кормов и воды более 20 тысяч голов скота, предназначенного для отправки в фашистский рейх. В результате все животные погибли. Встревоженные гитлеровцы арестовали, а затем расстреляли управляющего конторой «Заготскот» В. П. Саркисова. Но его товарищи продолжали борьбу.

На краснодарском заводе «Главмаргарин» действовали две подпольные группы, созданные заводской парторганизацией ещё до оккупации города. Подпольщики приводили в негодность отправляемое в Германию масло, выводили из строя оборудование и станки.

Большая часть краснодарских подпольщиков выполняла поручения партизанской разведывательной группы «Кубанцы» (командир П. Е. Кривоносов, Комиссар И. Е. Винниченко). Группа оперировала вблизи Краснодара и была связана с командованием 30–й дивизии Красной Армии. Подпольщики собирали весьма ценную информацию о противнике. Много смелости и находчивости в получении и своевременной доставке этой информации командование разведывательной группы проявили связные Б. С. Курасов, С. П. Мариенец, Н. В. Поляруш, Т. Ф. Брухно, И. Г. Остапенко и другие.

Умело действовал под носом врага способный конспиратор профессор экономической географии М. С. Волобуев. По заданию группы «Кубанцы» он устроился корреспондентом издававшейся на русском языке фашистской газеты «Кубань». Разъезжая по заданиям редакции, Волобуев собирал ценные сведения о противник?, Малейшая неосторожность, растерянность или необдуманное действие могли стоить ему жизни. Вначале фашисты установили за Волобуевым слежку. Однажды Волобуев был задержан патрулём и доставлен в комендатуру, где был подвергнут провокационному допросу и обыску. Не раз в его квартире производились негласные обыски. Но враг так и не смог напасть на след подлинной деятельности патриота.

Сотрудничество в газете дало возможность Волобуеву беспрепятственно посещать многие учреждения и предприятия. Под предлогом сбора сведений для репортажей о жизни и впечатлениях гитлеровских солдат и офицеров подпольщик проникал в расположение войск и военных объектов врага, посещал ведомства оккупационных властей. Все это давало ему возможность добывать весьма важные сведения. По донесениям Волобуева советская авиация неоднократно проводила бомбардировку вражеских объектов в Краснодаре. Благодаря его

данным она вывела из строя аэродром, разрушила площадку с установками для управляемых снарядов «ФАУ–Ь и «ФАУ-2», уничтожила находившиеся в пригороде Краснодара склады с боеприпасами и другие объекты[528]. В настоящее время коммунист М. С. Волобуев — профессор Ростовского института народного хозяйства.

Самоотверженно выполняли задания разведывательной группы «Кубанцы» подпольщики коммунист И. И. Федоров и его дочь Галина. Кроме разведки они вели большую агитационную работу. Имея радиоприёмник, отец и дочь слушали сообщения Совинформбюро, размножали их и с помощью надёжных людей вкладывали листовки в почтовые ящики, расклеивали на заборах. Когда оккупанты сообщили в газете и по радио о том, что все кубанские партизаны уничтожены или погибли с голоду, И. И. Федоров немедленно выпустил листовку, в которой разоблачил эту ложь фашистов, сообщив о действиях партизан. И. И. Федоров нарисовал в нескольких экземплярах плакат с надписью–призывом: «Так бейте незваных гостей, чтобы не найти их костей!» Эти плакаты были вывешены у входа на городской рынок, на вокзале и в других людных местах.

И. И. Федорову удалось установить связь с одним из словацких офицеров (фамилия его, к сожалению, неизвестна) и солдатом Винцентом Рыбарь — убеждёнными антифашистами. Они доставляли в казармы словацких солдат листовки, выводили из строя автомашины, предназначенные для подвоза боеприпасов на передовые позиции.

Большую работу среди солдат расквартированной в Краснодаре 1–й словацкой моторизованной дивизии проводили коммунисты Н. И. Ефимов, А. И. Дергачева и комсомолка Т. Рыбка. А. И. Дергачева сумела вовлечь в борьбу словацкого офицера Карла Шустера и вместе с ним вела антифашистскую пропаганду среди словацких солдат, собрала ряд ценных сведений о численности, расположении и вооружении вражеских войск на Кубани.

В результате политической работы подпольщиков всё большее число словацких солдат сближалось с советскими людьми, проникалось уважением к ним, ненавистью к фашизму. Не желая воевать за грабительские интересы гитлеровской Германии, многие словаки дезертировали из армии и укрывались у советских людей в станицах, на полевых станах, в лесах. Частыми стали случаи перехода словаков через линию фронта для сдачи в плен советским войскам. Дело дошло до того, что гитлеровское командование стало опасаться восстания словаков. В связи с этим во время наступательных боев Красной Армии на

Северном Кавказе оно изъяло у словацкой дивизии всю артиллерию и автотранспорт. Некоторые её подразделения были полностью разоружены и переброшены самолётами в район Мариуполя, якобы для переформирования.

Посильный вклад в общее дело борьбы с гитлеровскими захватчиками вносили антифашисты из румынских военнослужащих. Одним из них был замечательный сын румынского народа Октав Костакел.

Восемнадцатилетним юношей Костакел вступил на путь революционной борьбы за освобождение своего народа из-под власти румынских бояр и капиталистов. Большое влияние на его формирование оказал активный участник антифашистского движения известный румынский учёный академик Василий Мырза. Он помог сыну рабочего получить высшее медицинское образование. Мырза познакомил Костакела с нелегально изданными в Румынии произведениями В. И. Ленина, А. М. Горького и В. В. Маяковского. Молодой антифашист активно выполнял задания румынских коммунистов; распространял листовки, был связным подпольных организаций. В феврале 1938 года компартия Румынии нелегально направила Костакела на состоявшийся в Праге антифашистский конгресс молодёжи Средней Европы. С начала второй мировой войны Костакел по заданию коммунистов вёл широкую антифашистскую пропаганду.

На пишущей машинке Мырзы он размножал листовки и вместе с другими антифашистами распространял их среди населения.

В ноябре 1941 года Костакел был призван в армию и отправлен на восточный фронт. С первых же дней пребывания на оккупированной фашистами советской земле он вступил в связь с советскими патриотами, оказывал им всяческую помощь. Так было в Кишиневе, Тирасполе, Мелитополе, Симферополе, Краснодаре — всюду, куда забрасывал Костакела водоворот войны.

В Краснодаре Костакел служил заведующим отделением радиологии и внутренних болезней 16–го военно–полевого госпиталя румынской армии. Владея русским языком, Костакел установил связи с советскими патриотами. Вспоминая о своём пребывании в Краснодаре, Костакел рассказывает: «В отношении моей подпольной деятельности в Краснодаре могу сообщить, что там я под видом посещения больных побывал во многих домах, где вёл беседы и разъяснял краснодарцам ход войны и реальное положение на фронтах. В результате этих собеседований я, к великому моему удовлетворению, констатировал единодушную и нерушимую веру всего гражданского советского населения в

конечную победу советского парода над гитлеровскими захватчиками. Несмотря на то, что я был представителем антонесковской армии, краснодарцы оказывали мне полное доверие в моей деятельности по оказанию помощи местному гражданскому населению, как по профессиональной линии (визиты к больным на дом, бесплатная раздача лекарств и др.), так и по политической линии»[529].

Костакел превратил свой рентгеновский кабинет в своеобразную явочную квартиру, где под видом больных собирались антифашисты, слушали радиопередачи из Москвы, рассказывая потом о них надёжным людям.

Костакел оказывал многим краснодарцам помощь продуктами питания и медикаментами, выдавал им справки о болезни, что освобождало их от посылки на работы и угона в Германию. К своей деятельности Костакел привлёк группу румынских военнослужащих. Медицинскую и материальную помощь советским людям оказывали врачи Траян Динкулеску, Аурел Нана, Базиль Перця, Георгий Токош, солдат Василий Жула и другие румынские антифашисты. Чтобы иметь доступ к продовольствию, врач Георгий Токош устроился на должность заведующего офицерской столовой. Многих краснодарцев он взял на негласное довольствие в столовую под видом подсобных рабочих. Через них он передавал продукты для детей и больных краснодарцев.

Нередко Костакел и его друзья направляли в хутора и станицы надёжных людей для заготовки продуктов семьям советских военнослужащих. Командируемым выдавались документы о том, что они якобы заготовляют продукты для румынского госпиталя.

Румынские антифашисты активно помогали советским людям, освобождая их от угона на фашистскую каторгу. Зачастую по их протекции на охрану железнодорожных составов с отправляемыми в Германию советскими людьми привлекались румынские солдаты, служившие при военном госпитале. Это давало возможность румынам–антифашистам организовывать побеги советских людей прямо из вагонов. Такие операции особенно активно проводились в январе 1943 года, во время массового вывоза краснодарцев в Германию. В момент отступления оккупантов из Краснодара Костакел и его друзья предотвратили уничтожение принадлежавшего 16–му румынскому госпиталю большого склада пищевых продуктов в расчёте на то, что продукты достанутся советским войскам.

В настоящее время Октав Костакел проживает в Бухаресте. Он член Румынской коммунистической партии. Посвятив себя науке,

он добился больших успехов в разработке проблем противораковой защиты.

Мужественно действовала в тылу врага подпольная молодёжная группа, состоявшая из учащихся десятого класса 42–й краснодарской средней школы. Ее создателем был секретарь школьной комсомольской организации Володя Головатый. В день вступления гитлеровцев в Краснодар он собрал своих одноклассников–комсомольцев и предложил им вести подпольную работу в тылу врага. Юные патриоты присягнули на верность Родине, поклялись до последней капли крови бороться с оккупантами. Помощником Головатого был избран его школьный друг Саша Зубашев.

Время выветрило из памяти очевидцев фамилии членов подпольной группы и многие факты их деятельности. Известны лишь имена некоторых подпольщиков: Леонид, Вера, Лида.

Однако и то немногое из их боевой деятельности, что удалось восстановить буквально по крупинкам, не может не волновать советских людей. Сразу же после оккупации гитлеровцами Краснодара юные патриоты смонтировали радиоприёмник. Слушая передачи московского радио, они писали листовки и сводки Совинформбюро, которые широко распространяли по городу. В листовках рассказывалось о зверствах фашистов в Краснодаре, о борьбе партизан. Из листовок молодых подпольщиков многие краснодарцы узнали о разгроме фашистских войск под Сталинградом.

Группа готовилась осуществить ряд диверсий. В первую очередь было решено уничтожить мастерские по ремонту танков и бензиновый склад, находившиеся в районе Сенного рынка. 27 января 1943 года, воспользовавшись суматохой среди гитлеровцев во время налёта советских бомбардировщиков, юные подпольщики осуществили свой замысел: бензиновый склад взлетел на воздух, а танки сгорели[530].

Однако на второй день после взрыва подпольщиков постигло несчатье: эсэсовцы арестовали В. Головатого и семерых его товарищей. Патриоты были подвергнуты страшным пыткам, но сломить волю комсомольцев фашистам не удалось. Не помогли им и провокаторы, которых под видом схваченных партизан гитлеровцы подсаживали в камеры. Вскоре после освобождения Краснодара один из них пришёл с покаянием к отцу Володи — Д. А. Головатому. «Я был полицаем, — признался он. — Меня подсаживали в камеру к вашему сыну. Мы спали с ним рядом, накрываясь вашим пальто. Владимир говорил: «Я знаю, что меня расстреляют. За мастерские… Нас выдала женщина, у которой мы собирались»».

После изгнания оккупантов были произведены раскопки противотанковых рвов, куда гитлеровцы вывозили умерщвлённых ими в душегубках советских людей. В одном из них был обнаружен труп В. Головатого. Жители Краснодара с почестями похоронили патриота на кладбище Героев Великой Отечественной войны и увековечили его подвиг памятником–обелиском. Именем В. Головатого названа одна из улиц Краснодара.

К числу подпольщиков по праву относятся хозяева многочисленных конспиративных квартир. Они делили с подпольщиками все тяготы и опасности. Одной из хозяек конспиративных квартир была А. И. Лозовик — жена погибшего на фронте воина Красной Армии. Нередко она вместе с подпольщиками ходила в разведку. Ее дети — двенадцатилетний Саша и девятилетний Леня — участвовали в распространении листовок.

Яркую страницу в историю подпольной борьбы на Кубани вписала новороссийская подпольная организация. Ее организовал и возглавил С. Г. Островерхов, в прошлом партизан гражданской войны. Трудовую жизнь Островерхов начал подростком, работая батраком у кубанских помещиков. Затем он сумел выучиться на железнодорожного машиниста. В 1918 году белогвардейские офицеры повесили его отца — Г. А. Островерхова, а мать избили до полусмерти за то, что её старшие сыновья служили в Красной Армии. Вскоре в ряды Красной Армии вступил и С. Г. Островерхов. Он был командиром первого бронепоезда новороссийских железнодорожников, совершавшего ошеломляющие налёты на белогвардейские части. Островерхов был тяжело ранен, когда в город вошли деникинцы. Новороссийские железнодорожники укрыли боевого командира от ищеек врага. Оправившись от ранения, он создал на железнодорожном узле подпольную организацию. Под его руководством подпольщики взрывали вражеские воинские поезда, топили пароходы белогвардейцев и интервентов в Новороссийском порту. При непосредственном участии С. Г. Островерхова был организован взрыв боеприпасов на военном корабле французских интервентов, в результате чего корабль затонул.

В апреле 1919 года С. Г. Островерхов был схвачен белогвардейской контрразведкой, избит и брошен в тюремный застенок. Военно-полевой суд приговорил его к расстрелу, который был заменён вечной каторгой. Но недолго был С. Г. Островерхов в тюрьме. Под его руководством политические заключённые сделали подкоп под зданием тюрьмы и бежали в

партизанский отряд. В марте 1920 года партизанский отряд, в котором сражался С. Г. Островерхое, присоединился к 16–й кавалерийской дивизии Красной Армии и принял участие в освобождении Новороссийска, Сухуми и Батуми. По окончании гражданской войны С. Г. Островерхое работал на ответственных должностях в местных органах Советской власти.

Когда грянула Великая Отечественная война, С. Г. Островерхов был назначен начальником штаба истребительного батальона Новороссийска. В июле 1941 года, по решению горкома партии, при батальоне был создан особый взвод для подрывной работы в тылу врага. Бойцы взвода изучали оружие, разведывательное и подрывное дело, топографию, знакомились с правилами конспирации, методами и содержанием агитационно–массовой работы в условиях вражеской оккупации.

С приближением фашистских войск к Новороссийску Островерхову, имевшему опыт подпольной работы, была поручена организация городского подполья. Его группа была заранее снабжена необходимыми документами, политической литературой, бумагой и оружием. Вскоре подпольщики очутились в тылу врага. Действовать было неимоверно трудно. Город всё время находился на линии фронта. Заняв 10 сентября 1942 года порт и центральную часть Новороссийска, противник, несмотря на отчаянные попытки, не смог продвинуться дальше ни на шаг. На узкой полосе Черноморского побережья между заводами «Пролетарий» и «Октябрь» протянулась линия фронта. Восточный берег Цемесской бухты остался в руках советских воинов, а сама бухта контролировалась огнём советской артиллерии, что не давало захватчикам возможности использовать Новороссийский порт для своих перевозок. Стремясь во что бы то ни стало прорвать оборону советских войск на северо–восточной окраине города, гитлеровцы наводнили Новороссийск отборными частями. Город превратился в сплошную казарму вражеских войск, был опутан паутиной карательных органов. Многие его кварталы были объявлены запретными зонами. Всюду рыскали шпионы и провокаторы. Как и в других оккупированных местах, гитлеровцы действовали в Новороссийске методами жесточайшего террора. «Германское командование, — говорилось в приказе военного коменданта, — доводит до сведения жителей города о нижеследующем: саботаж на производстве, злостный невыход на работу, хождение по улицам сверх установленного часа, хранение и ношение оружия, укрывательство партизан и командиров большевистской армии строго запрещаются. За нарушение настоящего приказа — расстрел. В случае убийства хотя бы одного немца в каком-либо квартале, весь квартал будет

выжжен, а население его арестовано»[531].

Надо было обладать беспримерным мужеством, чтобы в таких невероятно суровых условиях вести подпольную борьбу. Учитывая особую сложность и опасность работы в тылу врага в условиях фронтового города, новороссийские подпольщики действовали крайне осторожно, но активно. Строжайше соблюдалась конспирация. Каждый подпольщик имел кличку, знал только двух или трёх членов организации, вместе с которыми он выполнял задания. Некоторые подпольщики из числа вовлечённых в организацию позже даже не знали о её существовании. Была создана целая сеть наблюдателей–связных, которые в случае ареста кого-либо из подпольщиков должны были немедленно ставить об этом в известность С. Г. Островерхова или одного из двух его помощников. Островерховцы имели много явочных квартир, за которыми следили специально выделенные для этого члены организации. Когда в каком-либо доме происходил сбор подпольщиков, то вокруг него выставлялись дозоры.

Мужественно помогали подпольщикам жители. Они предоставляли свои квартиры для нелегальных встреч, хранили оружие, продовольствие и материалы подпольной организации. Особенно активно помогали островерховцам супруги Воднари — Василий Евстафьевич и Екатерина Петровна. Когда у них собирались подпольщики, супруги уходили в дозор и, если нависала опасность, немедленно подавали сигнал, по которому подпольщики тотчас уходили в укрытие. Однажды в момент встречи Островерхова с двумя членами подпольной организации к дому подошёл гитлеровский офицер с двумя солдатами.

«Документ!» — закричал офицер, стуча в калитку. Положение было критическим: фашистская комендатура под угрозой расстрела запрещала жителям города впускать в свои квартиры посторонних. Не теряя ни минуты, Василий Евстафьевич вернулся к себе в дом и укрыл подпольщиков в подвале. А Екатерина Петровна встретила фашистов «хлебом и солью». Она пригласила их к стоявшему во дворе столику, угостила водкой и, когда «гости» основательно захмелели, выпроводила их на улицу.

Подпольная организация имела своих людей почти во всех органах оккупационного аппарата: в комендатуре, в полиции, на бирже труда. По её заданию на «службу» в немецкую армию поступили в качестве «добровольцев» бывшие советские военнослужащие–окруженцы В. Юнашев (Завгородний), Г. Сечиокно, А. Стаценко, С. Карпов, П. Вдовиченко. Их зачислили в первую комендантскую роту 617–го охранного батальона СС. Пользуясь пропуском в запретные зоны, они посещали военные объекты и собирали данные о численности, размещении и

вооружении войск противника, расположении минных полей, огневых точек и оборонительных рубежей. Все эти сведения С. Г. Островерхов передавал командованию частей Красной Армии и партизанских отрядов. Ценные сведения добывал комсомолец В. В. Ерохин, «служивший» по заданию организации в полиции. Он сообщал Островерхову ночные пароли, доставал для подпольщиков продукты питания, табак, одежду, медикаменты и оружие.

Островерховцы деятельно готовились к вооружённому восстанию. Приурочить его они думали к моменту решительных боев советских войск за Новороссийск. Для подготовки восстания нужна была топографическая карта города. Достать её вызвался работавшим в немецкой комендатуре Г. Сечиокно. Во время дежурства в комендатуре он похитил и спрятал на время запасной ключ от сейфа с секретными документами. Пропажа не была обнаружена: о запасном ключе, видимо, забыли. Тогда подпольщик вскрыл сейф и похитил топографическую карту. Когда же фашисты заметили её исчезновение, ключи были на месте… Подпольщики отметили на карте минные поля, укрепления и огневые точки противника.

Активную разведывательную работу вёл подпольщик П. А. База ркин. По заданию организации он поступил парикмахером в одну из вражеских частей. Зная немецкий язык, подпольщик подслушивал разговоры офицеров. Иногда они выбалтывали военные секреты, делились своими впечатлениями о положении в городе и на фронте. П. А. Базаркин обратил внимание на одного обер–ефрейтора, который довольно откровенно выражал сомнение в победе Германии. Подпольщик сблизился с обер–ефрейтором и вскоре убедился, что он полон искренней неприязни к фашистам. Немец–антифашист (к сожалению, фамилия его не установлена) охотно согласился помогать П. А. Базаркину. Q^{T} него подпольщик узнавал сведения о расположении вражеских батарей, о новых назначениях в военных частях и их дислокации. Обер–ефрейтор сам участвовал в распространении листовок, которыми снабжал его П. А. Базаркин. Он приклеивал их поблизости от орудийных батарей, незаметно оставлял в солдатских казармах.

Смело действовали в подполье комсомолки Неонила и Майя Семикины — дочери партизана гражданской войны И. А. Семикина. Обе они умели говорить по–немецки. Прикидываясь легкомысленными девчонками, которых интересуют лишь танцы и наряды, сестры заводили знакомства с немецкими и румынскими офицерами и выведывали у них нужные подпольщикам данные. Познакомившись с офицером

военной комендатуры, Неонила Семикина заходила к нему «поболтать» и иногда узнавала важные сведения. КаК. то она увидела на столе офицера список неблагонадёжных лиц. «Арест, арест», — хвастал офицер. Девушка заглянула в список и увидела фамилии многих знакомых. Это были честные советские люди, не желавшие покориться «новому порядку». Неонила в тот же день сообщила об этом С. Г. Островерхову. Подпольщики немедленно предупредили всех, кому угрожала опасность ареста, снабдили их подложными документами и помогли скрыться. Сестры Семикины узнавали, кто из местных жителей служит у фашистов доносчиками и провокаторами. По указанию С. Г. Островерхова многие из них были арестованы Г. Сечиокно, П. Вдовиченко, В. Юнашевым и расстреляны как «большевистские агенты».

В конце ноября 1942 года из районов Северного Кавказа началась частичная переброска гитлеровских частей на помощь окружённой под Сталинградом группировке фашистских войск. Чтобы помешать этому, Краснодарский крайком партии призвал партизан и подпольщиков усилить разведывательную и диверсионную деятельность на коммуникациях. Такое задание получила и новороссийская подпольная организация. Неониле и Майе было поручено вести разведку на вражеских путях сообщения. Под видом проводов своих знакомых они стали появляться на железнодорожном вокзале. Вступая в разговоры с немецкими и румынскими военнослужащими, девушки осторожно выпытывали, какие части уезжают, куда и в каком количестве. Они попросили знакомого офицера съездить вместе с ними на машине в станицу Ахтырскую Абинского района под предлогом повидать места, где провели своё детство. Станица Ахтырская расположена на шоссейной и железнодорожной линиях, соединяющих Новороссийск с Краснодаром. По ним перебрасывали войска из Новороссийска, Анапы и Тамани под Сталинград. Подпольщицы многое увидели. Неподалеку от Новороссийска, около станиц Верхнебаканской и Нижнебаканской, гитлеровцы строили укреплённый район. Позже стало известно, что это была так называемая «Голубая линия». В районе станиц Крымской и Абинской девушки заметили маршевые колонны, направлявшиеся на автомашинах, мотоциклах и пешим ходом в сторону Краснодара. Офицер, сопровождавший девушек, выболтал номера этих частей и их численность. Собранные Семикиными сведения С. Г. Островерхов незамедлительно передал через партизан командованию советских войск, занимавших оборону в районе Новороссийска.

Однажды Неонила и Майя услышали разговор гитлеровских офицеров о том, что они собираются устроить в городском клубе

железнодорожников бал. Руководители подполья сообщили об этом советскому командованию. «Место расположения клуба осветить ракетой», — просили с Большой земли. В разгар бала над городом появились советские бомбардировщики. Подпольщик С. И. Карпов осветил клуб ракетой. Бомбы, сброшенные с самолётов, подожгли клуб, а фронтовая советская артиллерия окончательно разнесла его вместе с десятками вражеских офицеров[532]. Это не единственный случай тесного взаимодействия подпольщиков с частями Черноморской группы советских войск. По их данным, советские артиллеристы подвергли точному обстрелу береговые батареи и нефтяные баки, в которых находилось 8 тысяч тонн горючего[533]. От мощных залпов советских орудий взлетело на воздух здание бывшей мебельной фабрики, где оккупанты устроили склад бензина. Следовавшие одна за другой бомбардировки вызвали переполох среди гитлеровцев. Многие старшие офицеры, главным образом руководители карательных органов — комендатуры, гестапо, жандармерии, бежали из города.

Новороссийские подпольщики наладили связь с Анапским партизанским соединением, действовавшим в районе Верхнебаканской, Крымской и Анапы, передавали ему разведывательные данные, снабжали партизан продуктами питания, одеждой, табаком и медикаментами. По заданию С. Г. Островерхова на связь с партизанами ходили

* * *

Зинаида и Нина Студенкины, Е. Буракова, Т. Растригина, З. Шаповалова, Г. Карнаушко. «С января месяца 1943 года, — писал командир Анапского партизанского соединения А. А. Егоров, — нами была установлена связь с жителями Новороссийска, в частности с руководителем подпольной группы Степаном Островерховым. Связь продолжалась до июня 1943 г. Островерхое с помощью организованного им населения г. Новороссийска давал нам сведения о расположении немцев в городе, о настроении населения, оказывал материальную помощь»[534].

В свою очередь, подпольщики использовали связь с партизанами для спасения многих советских людей от угона на каторгу в Германию, от арестов попавших под подозрение гестапо членов организации. Так, например, в марте 1943 года во время насильственной эвакуации оккупантами мужского населения подпольщики переправили в район действия анапских партизан 50 мужчин, из которых был создан партизанский отряд[535].

Операции по выводу советских граждан из Новороссийска в горы, к партизанам, осуществлялись смело и оригинально. Умело использовалась «работа» подпольщиков в учреждениях оккупантов. Отобранных к выводу людей собирали на явочных квартирах, составляли на них на немецком языке списки, скреплённые немецкой печатью, и поздним вечером в рваной одежде под конвоем своих людей из полиции и комендантского батальона уводили колонной в сторону леса, якобы на расстрел. В условленном месте «смертников» встречали партизаны.

Большую работу вели новороссийские подпольщики по организации срыва мероприятий оккупантов. С помощью людей, посланных подпольной организацией в оккупационные учреждения, добывались бланки пропусков, больничных бюллетеней, удостоверений и справок о болезни и нетрудоспособности. У С. Г. Островерхова были печати и штампы немецкого образца, искусно изготовленные слесарем паровозного депо В. Д. Слезаком. Сотни фиктивных документов были выданы жителям города с целью освободить их от работы на оккупантов. К выдаче подобных справок и бюллетеней была привлечена врач железнодорожной больницы М. П. Петрова. Подпольщики подделывали паспорта, прибавляя или убавляя возраст их владельцев. Сын руководителя организации Б. Островерхов подделал 160 паспортов, чем помог многим людям избежать угона в Германию[536].

Интересным мероприятием новороссийских подпольщиков было создание сельской общины в Мефодиевке (предместье Новороссийска) якобы для снабжения гитлеровских войск овощами. Оккупантам понравилось такое выражение: «заботы об армии фюрера», и они охотно дали согласие на создание общины. Старостой общины был поставлен не знавший о подпольщиках, но надёжный человек—В. И. Чех, а секретарём — С. Г. Островерхов. По уставу, утверждённому фашистским начальством, члены общины освобождались от мобилизации на строительство оборонительных сооружений, от работы на промышленных предприятиях и угона в Германию. В общину вступили почти все семьи подпольщиков. Это позволило им в известной мере избавиться от преследований и отвести от себя подозрения врага. По уставу, в общине могло состоять не более 60 человек, а С. Г. Островерхов выдал свыше 300 членских справок, чем помог многим советским людям уклониться от мобилизационных мероприятий оккупантов.

Мефодиевская община превратилась в опорную базу подпольщиков. В ней велась большая работа по вовлечению наиболее стойких людей в подпольную организацию. Не столько

овощи росли в общине, сколько новороссийская подпольная организация: росли её боеспособность и активность в борьбе с оккупантами. Правда, для отвода глаз приходилось выращивать и овощи.

Деятельность новороссийских подпольщиков была чрезвычайно разнообразной. Так, например, с помощью надёжных людей, работавших в паровозном депо, подпольщик А. Н. Логинов организовал диверсии на транспорте. По его заданию железнодорожники И. Мозговой, С. Поляков, Н. Киптюхин и другие закладывали в золотниковые коробки металлические предметы и выводили из строя паровозы, задерживали отправку железнодорожных составов. Подпольщики взрывали автомашины на дороге, проложенной гитлеровцами через новороссийские плавни.

Островерховцы проводили большую массово–политическую работу. Раздобыв радиоприёмник и пишущую машинку, они принимали сообщения Совинформбюро, печатали и распространяли в городе листовки и воззвания. Например, листовки об окружении фашистских войск под Сталинградом были вывешены на вокзале, городском рынке, вложены в почтовые ящики многих квартир, пущены по рукам верующих во время богослужения в церквах. После этого подпольщики стали регулярно выпускать листовки «В последний час», в которых сообщали жителям города о победах Красной Армии.

Большую роль сыграли листовки, направленные против лживой пропаганды и провокаций оккупантов. Например, 25 и 26 апреля 1943 года во время пасхальной службы фашисты обстреляли городские церкви, сообщив по радио и в печати, что этот варварский акт якобы совершён советскими частями. В связи с этим островерховцы выпустили листовку, в которой разоблачили фашистскую провокацию. Как только оккупанты приступили к массовому угону жителей Новороссийска на Тамань и в Крым, подпольщики написали по этому поводу обращение:

«Товарищи! Немецко–фашистская армия доживает последние дни на Черноморье. Она решила окончательно уничтожить разорённое гражданское население, производя варварские акты: безудержный грабёж скота, продуктов, носильных вещей и даже домашней утвари.

Разорены и обобраны уцелевшие от бомбёжек и обстрелов дома и квартиры. Лучшая часть населения г. Новороссийска расстреляна в Широкой балке.

…Как последнее средство в уничтожении жителей Новороссийска гитлеровцы применяют свою излюбленную варварскую систему — эвакуацию населения с целью якобы его

спасения.

На самом же деле это им необходимо для окончательного уничтожения русских людей…

Не покидайте родной земли, убегайте в леса и горы навстречу своим мужьям и сыновьям — красноармейцам, идущим освободить вас от фашистского ига»[537].

Подпольщики широко распространяли также сбрасывавшиеся с самолётов листовки Краснодарского крайкома и Новороссийского горкома ВКП(б). Немало листовок они получили от анапских партизан. В распространении листовок активно участвовали П. А. Базаркин, дети Островерхова Борис и Аза, Д. П. Семикина, Н. И. Семикина, А. А. Студенкин и другие.

К лету 1943 года условия работы новороссийских подпольщиков усложнились. В связи с наступательными операциями советских войск гитлеровцы начали массовый угон населения города в свой тыл, стали взрывать дома, оставляя безлюдными и опустошёнными целые кварталы. В то же время в Новороссийск отступила значительная часть вражеских войск с других театров Северо–Кавказского фронта. В такой обстановке малейший неосторожный шаг мог закончиться для подпольщиков трагически. Так оно и случилось.

7 июня 1943 года командир 1–й роты 617–го охранного батальона СС объявил своим подчинённым, что часть личного состава охраны комендатуры 8 июня выезжает в Темрюк. В эту группу оказались включёнными члены подпольной организации Г. Сечиокно и А. Стаценко. Остальные охранники, в том числе подпольщики С. Карпов, В. Юнашев и П. Вдовиченко, должны были следовать в Темрюк 10 июня. С. Г. Островерхое дал указание Сечиокно и Стаценко сбежать по дороге и возвратиться в Новороссийск. Остальным членам организации, «служившим» в 617–м охранном батальоне, приказано было уйти из комендатуры и скрыться в условленном месте. В ночь на 10 июня 1943 года С. Г. Островерхов назначил сбор всех подпольщиков, чтобы вывести их из города на соединение с анапскими партизанами. Г. Сечиокно и А. Стаценко сбежали во время следования в Темрюк и возвратились в Новороссийск. Их укрыла в подвале своего дома Е. П. Боднарь. Ночью 10 июня С. Карпов, П. Вдовиченко и В. Юнашев бежали из охранного батальона, прихватив с собой ценные документы и повредив в комендатуре телефонную связь. Они укрылись в одном из пустых домов по улице Домбровского. Но гитлеровцы быстро обнаружили их и окруж, или дом. Подпольщики вступили в бой. Силы были, явно неравными. Фашисты предложили им сдаться, но получили достойный ответ: «Советские моряки не сдаются!» Фашисты забросали дом

гранатами и подожгли его. Бесстрашные патриоты погибли смертью храбрых. В ту же ночь по доносу предателя Свистунова, знавшего о сборе 10 июня, были арестованы С. Г. Островерхов и почти все активные члены организации, собравшиеся в квартире Д. П. Семикиной перед выходом в горы. Ареста избежали лишь Г. Сечиокно, А. Стаценко и Б. Островерхов, находившиеся в это время в другом месте. Узнав о провале, они скрылись, а потом вплавь через Цемесскую бухту добрались до расположения советских войск. Патриоты сообщили командованию 18–й армии ценные сведения, пригодившиеся при освобождении города в сентябре 1943 года.

С исключительным мужеством перенесли островерховцы изуверские пытки. Их били шомполами, резиновыми палками, плетьми из стальной проволоки. Многим из них сломали руки и ноги, выкололи глаза. Но патриоты остались стойкими до конца. Вот их последние слова, высеченные на стене фашистского каземата: «Прощайте, дорогие друзья! Умираем с гордо поднятой головой. Бейте беспощадно фашистов!» Островерховцев расстреляли около станицы Натухаевской Анапского района.

Останки замученных героев–подпольщиков после войны были перевезены в Новороссийск и похоронены в братской могиле, где установлен обелиск вечной славы их подвигу. Именем руководителя подпольной организации Степана Григорьевича Островерхова названа одна из улиц города портовиков.

В дни празднования 20–летия победы над фашистской Германией С. Г. Островерхов посмертно награждён орденом Отечественной войны 1–й степени.

Активно действовали анапские подпольщики. В большинстве своём это были учащиеся старших классов средней школы. В начале в подпольной организации было пять человек: О. Бондаренко, С. Дардарьян, Е. Макрушнна, Е. Соловьянова и С. Артамонова. Возглавляла организацию О. Бондаренко, в прошлом секретарь комсомольской организации Анапской ткацкой фабрики. Ее помощником был С. Дардарьян. В дальнейшем состав организации увеличился. Молодые подпольщики поддерживали связь с Анапским партизанским отрядом. Партизаны направляли их деятельность, давали им задания, поручали юношам и девушкам распространять листовки.

Вскоре юные подпольщики сами стали писать и распространять листовки. Они установили в подвале одного из домов радиоприёмник и по вечерам стали записывать радиопередачи из Москвы. Принятые сообщения подпольщики размножали от руки на листках ученических тетрадей и вывешивали их на рынке, у водоразборных колонок и в других

людных местах.

Kar–то в период боев под Сталинградом гитлеровцы сообщили о своей «полной» и «окончательной» победе над защитниками города-героя. Но комсомольцы по радио узнали настоящую правду и решили известить о ней жителей города. Скоро на стенах домов и на заборах появились листовки: «Не верьте оккупантам!» В листовках давался текст последнего сообщения Совинформбюро о действительном ходе Сталинградской битвы. В феврале 1943 года в самом центре города подпольщики вывесили большую листовку–молнию. В ней они с радостью рассказывали советским людям о великой победе Красной Армии. «Окруженная под Сталинградом Красной Армией трёхсоттысячная группировка Паулюса уничтожена! — сообщали подпольщики, —Уцелевшие фашисты в панике бегут к Ростову! Да здравствует Красная Армия! Да здравствует свобода нашей Родины!»

Именно в связи с этой листовкой гитлеровский комендант Анапы 16 февраля 1943 года издал следующий приказ: «Большевистские агитаторы распространяют ложные слухи и прокламации о поражениях немецкой армии на Восточном фронте. Учитывая то, что эта нелепая болтовня влияет на моральное состояние местного населения и возбуждает у него неверие в непобедимость немецкой армии, приказываю:

Все, кто распространяет большевистские слухи и прокламации или знает и скрывает их распространителей, будут подвергнуты расстрелу». Так действовала на фашистов правда, глашатаями которой были неустрашимые юные подпольщики.

В Анапе кроме немецких были и румынские воинские подразделения. Гитлеровские офицеры бесцеремонно и грубо обращались с румынами, и те платили им нередко откровенной враждебностью. Это видели и жители города. Анапские подпольщики решили использовать это обстоятельство и обратились к румынским солдатам со специальным воззванием, в котором призывали их сдаваться в плен Красной Армии. В румынскую казарму воззвание доставили Е. Соловьянова и С. Артамонова. Дело было так. Однажды вечером в белых халатах с медицинскими сумками в руках они подошли к казарме и заявили, что им поручено провести дезинфекцию по случаю якобы тифозного заболевания румынского солдата, недавно отправленного в госпиталь. Девушек провели в казарму, показали койку больного.

— Дезинфицируйте.

— Но в помещении не должно быть ни одного человека.

Румыны покорно освободили казарму. Подпольщицы быстро

рассовали под подушки листовки.

— Все в порядке, — сказали они на прощание дневальному и скрылись в темноте.

Появление листовок в казарме румынских солдат взбудоражило гестаповцев. Днем и ночью они метались по улицам и закоулкам города, врывались в дома жителей, арестовывали сотни людей по подозрению в распространении листовок. 6 февраля 1943 года гестаповцам удалось схватить подпольщицу Е. Макрушину, когда она вывешивала листовку на здании комендатуры. Фашисты ликовали: пойман язык. Комсомолку подвергли страшному истязанию. Но ни пытки, ни уговоры не сломили её. Девушка погибла, не проронив ни слова.

Несмотря на усилившиеся преследования, юные подпольщики продолжали политическую работу среди населения. Из их листовок жители города узнали о новых славных победах Красной Армии: о взятии Ростова, Краснодара, Ворошиловграда. Вскоре в руки гестаповцев попала Е. Соловьянова. Фашисты по своему обыкновению жестоко пытали её, требуя выдачи подпольщиков. Но опять они ничего не добились. Тогда гитлеровцы попытались подкупить девушку ценными подарками. И это не помогло. Взбешенные палачи решили нанести подпольщице особенно тяжёлый и гнусный удар: на глазах девушки они подвергли пыткам её мать. Дочь и мать стойко перенесли муки, но предателями не стали. «Мы тебя повесим!» — закричал гитлеровец в лицо комсомолке. «Вешайте! — не склонив головы, ответила юная патриотка. — А завтра листовки всё равно будут на стенах домов, в руках у наших советских людей. Будут до тех пор, пока вас не прикончим. Победа будет за нами!»[538].

Фашисты повесили патриоток.

В мае 1943 года гестаповцы арестовали руководителей организации— О. Бондаренко и С. Дардарьяна. Страшные пытки перенесла О. Бондаренко. Фашистские палачи жгли её тело раскалённым железом, выламывали ей руки, но так и не смогли сломить волю патриотки. Во время одного из допросов она сказала проклятым истязателям:

— Убирайтесь вон со всей нашей земли! Будьте прокляты!

Взбешенные непреклонностью комсомолки, гитлеровцы с ещё большим остервенением набросились на неё. Они проломили ей голову, израненную и истерзанную выволокли во двор. Гестаповец вонзил штык в её грудь. Затем фашистские садисты поочерёдно выстрелили в уже безжизненное тело девушки.

В таких же неимоверных муках закончил свою мужественную жизнь и С. Дардарьян. Перед казнью, собрав последние силы, он крикнул в лицо фашистам: «Меня убьёте, а народ наш — никогда!

Он раздавит вас!»

Гибель руководителей организации была тяжёлым ударом для оставшихся на воле подпольщиков. Но при поддержке коммунистов партизанского отряда они по–прежнему продолжали свою мужественную деятельность. Организация росла. Выпуск листовок продолжался. Большим событием для жителей города было появление 17 сентября 1943 года листовок с радостной вестью о взятии советскими войсками Новороссийска. «Товарищи! Новороссийск освобождён! — говорилось в одной из них. — Фашисты бегут. Укрывайтесь от эвакуации. Спасайте народное имущество. Бейте захватчиков!»[539]

Гестаповцам не удалось выявить подпольную комсомольско–молодёжную организацию. Патриоты действовали вплоть до освобождения города. Характеризуя деятельность анапских подпольщиков, газета «Правда» писала: «…целый год страдала Анапа под властью оккупантов. Свой приход в Анапу немцы ознаменовали массовыми расстрелами… Но советские люди не покорились. Они ждали часа своего освобождения и с жадностью ловили вести, долетавшие через линию фронта. По рукам ходили сводки Совинформбюро, принимавшиеся через подпольный радиоприёмник и тщательно переписанные во многих экземплярах членами конспиративной организации советских патриотов.

Маленький курортный городок героически сопротивлялся. За год своего владычества немцам так и не удалось сломить свободолюбивый дух советских людей…»[540].

Немало замечательных дел совершили подпольные организации и группы Новотитаровского района. Они были тесно связаны с партизанским отрядом «Отважный» и работали по его заданиям. Одна из таких организаций, действовавшая в станице Старомышастовской, состояла из 22 человек. Руководил ею коммунист В. Г. Рожнов. За каждым подпольщиком была закреплена определённая крестьянская семья, с которой он проводил политическую работу: рассказывал об успехах Красной Армии, разоблачал фашистскую пропаганду, мобилизовывал на срыв мероприятий оккупантов. Стоило, например, старосте станицы начать кампанию по сдаче тёплых вещей для фашистской армии, как подпольщики выпустили и распространили листовку–молнию с крупным заголовком: «Кто хочет жить под игом гитлеровских палачей и грабителей, тот сдаст тёплые вещи для фашистской армии», поговорили об этом с колхозниками. Станичники не сдали ни одной тёплой вещи.

Опираясь на поддержку населения, старомышастовские подпольщики успешно подготовились к вооружённому

выступлению. В момент подхода советских частей они уничтожили 14 гитлеровцев и 2 полицейских, в двух местах перерезали телефонные провода, связывающие районный центр Тимашевскую с Краснодаром, отбили у противника до 700 голов скота[541].

В станице Нововеличковской того же района подрывную работу вела группа во главе с коммунистом Н. Ф. Мысливским. Подпольщики сорвали насильственную эвакуацию фашистами жителей станицы. Незадолго до отступления гитлеровцев староста приказал взрослому населению явиться на сборный пункт. Подпольщики побывали в доме у каждого колхозника, рассказали о том, что оккупанты собираются вывезти их в Германию, прочитали присланные из фашистской каторги письма. Затем была выпущена листовка. «Не ходите на сборный пункт, — говорилось в ней. — Не верьте в райскую жизнь на чужбине. В Германии вас ждёт каторжный труд, голод, издевательства и смерть. Скоро вся наша родная земля будет очищена от фашистской нечисти»[542]. Ни один станичник на сборный пункт не явился. В одну из ночей подпольщики совершили налёт на охрану большого продовольственного склада. Они бесшумно сняли часовых и вывезли в условленное место до 50 тонн зерна. После изгнания оккупантов оно было передано колхозу «Социалистические темпы»[543].

Под руководством Абинского райкома партии большая подпольная организация действовала в станицах Абинскон, Ахтырской и на хуторе Бережном Абинского района. Подпольщики О. Мигун и Я. Монашев проводили агитационную работу среди абинских железнодорожников, организовывали срыв работ и диверсии на железнодорожном транспорте. В октябре 1942 года минами, подброшенными в паровозную топку, они вывели из строя два паровоза. Учительницы–подпольщицы Н. С. Кувачева и Н. Е. Попова переводили на румынский язык листовки, которые получали от партизан, распространяли их среди румынских солдат и офицеров. От советских патриоток румыны узнали о великой победе Красной Армии под Сталинградом, о начале наступления советских войск на Северном Кавказе.

Н. С. Кувачева и Н. Е. Попова агитировали румын сдаваться в плен, давали им пропуска для перехода на сторону Красной Армии. Они установили связь с командиром румынского полка. Во вреця февральских боев 1943 года на Кубани он приказал полку открыть огонь по гитлеровской части, следовавшей за румынами. В результате вооружённой схватки гитлеровцы были истреблены румынами с помощью огня советских миномётчиков.

Сдав свою часть в плен, командир румынского полка выступил по радио и призвал всех своих соотечественников отказываться воевать за фашистов и переходить на сторону советских войск.

В Тимашевском районе активную подпольную работу вела молодёжная группа, возглавлявшаяся комсомольцем Г. Громом. Молодые подпольщики похищали у фашистов оружие, распространяли листовки. В одной из них, выпущенной накануне 25–й годовщины Великого Октября, говорилось: «Отцы и матери, братья и сестры, прошло более трёх месяцев, как к нам пришли оккупанты — «освободители». Гитлер и его клика отняли у нас все права советского гражданина. Фашисты принесли с собой нищету, разруху, пустили в ход палки и плети. Они отправляют в Германию хлеб, скот, продовольствие, оставляя для нас голодную смерть.

Граждане! Сопротивляйтесь фашистам, не давайте им продукты, хлеб, вредите им, уничтожайте их, помогайте партизанам, тем самым ускорите победу Красной Армии.

Будьте действительными патриотами нашей Родины!

Да здравствует XXV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!»

В станице Ильинской действовала подпольная группа во главе с секретарём райкома партии П. В. Агаповым. Следуя советам подпольщиков, колхозники выводили из строя сельскохозяйственные машины и инвентарь, портили и уничтожали продукцию. В частности, они облили керосином и пбдожгли большой склад с зерном, подготовленным для вывоза в Германию. После длительной слежки гитлеровцам удалось схватить руководителя подполья П. В. Агапова. После ужасных пыток коммунист был расстрелян.

С первых дней оккупации края начала действовать подпольная группа в ауле Понежукай — районном центре Адыгейской автономной области. В группу входили А. Ашинов — заведующий учётом Теучежского райкома комсомола, В. Казбекова и Р. Попп — ученицы Понежукаевской средней школы, С. Яхутль — помощник начальника политотдела Понежукаевской МТС, Е. Климович и Л. Шелудько — учителя Понежукаевской средней школы. Они вели политические беседы с колхозниками, распространяли листовки, несколько раз перерезали телефонные провода на линии Понежукай — Майкоп, сожгли зернофуражный склад. Гитлеровцам удалось схватить подпольщиков, После мучительных пыток они были расстреляны на окраине аула.

Пашковский райком партии создал боеспособную подпольную группу в станице Пашковской, входящую ныне в черту города Краснодара. Подпольщики распространяли

листовки, перерезали телеграфно–телефонные провода, связывающие Пашковскую с Краснодаром, выводили из строя сельскохозяйственную технику, оказывали помощь семьям красноармейцев. С помощью подпольщиков партизаны сумели дезорганизовать движение вражеского транспорта в шести пунктах Пашковского района.

Главным связным райкома партии с подпольщиками была комсомолка Раиса Лихонос (Ищенко). С риском для жизни она проносила по охраняемому мосту через Кубань листовки, выпущенные Пашковскнм РК ВКП(б), снабжала подпольщиков взрывчаткой. Она привлекла к политической работе среди населения Н. Погорелову, А. Брызгунову, В. Давыденко и других патриотов. В анваре 1943 года подпольщики во главе с Лихонос вывесили в станице и разнесли по домам листовку Пашковского РК ВКП(б) и райисполкома о победах советских войск под Сталинградом и на Северном Кавказе. Листовка заканчивалась призывом:

«Дорогие товарищи!

В эти решающие дни не сидите сложа руки, всеми мерами помогайте Красной Армии. Наносите ущерб гитлеровцам любыми средствами. Убивайте фашистов и их прихлебателей. Не выполняйте приказов немецкого командования. Спасайте своё имущество и скот от грабежей.

Мы действуем вместе с вами и среди вас!»

Отвечая на призыв райкома партии, жители станицы под руководством подпольщиков выловили предателей Родины и передали их командованию советских войск, не допустили поджога и взрыва многих общественных построек, спасли тысячи голов скота от уничтожения, угнав его в степь.

Вспоминая о боевой работе в тылу врага, Раиса Лихонос рассказывает:

«В дни фашистской оккупации Кубани мне пришлось по заданию Пашковского райкома партии проводить политическую работу среди жителей станицы Пашковской. Это было трудное и опасное дело. В станице было немало осведомителей и провокаторов. При малейшей неосторожности можно было поплатиться жизнью. Чтобы не попасть в руки гестапо, я имела надёжных помощников из числа подруг, с которыми вместе училась в Пашковской школе. Во время проведения политических бесед с населением они выполняли роль дозорных. Приходилось часто менять места встреч с населением, менять свою одежду. Как правило, политические беседы маскировались вечеринками, игрой в карты, лото. С большим захватывающим интересом слушали советские люди о подвигах советских воинов и партизан,

об успешных боях Красной Армии с фашистскими войсками.

Каждая беседа была для них лучом света во мраке ночи»[544].

В хуторе Сладкий Лиман Каневского района подпольную группу возглавлял секретарь комсомольской организации И. Якименко. В неё входило девять комсомольцев: А. Тихонов, Г. Комаров, И. Рыбин, Н. Федунин, В. Литвинский, Е. Серов, В. Тарасов, В. Штепа, А. Парашев. Подпольщики действовали смело. Был случай, когда они прогнали с хутора гитлеровских прихвостней, пытавшихся вербовать молодёжь на работу в Германию. В другой раз они сорвали сбор хлеба для вражеской армии. Когда под ударами Красной Армии оккупанты вынуждены были бежать с территории края, группа И. Якименко оседлала дороги, идущие из Ейска и Каневской, и уничтожила семь полицейских, пять гитлеровских солдат и двух офицеров. Части Красной Армии ещё не успели войти в хутор, как И. Якименко водрузил над зданием правления колхоза красный флаг.

По заданию горкома партии в Армавире действовало несколько подпольных групп. Одну из них возглавил И. С. Лазарев. В неё входило пять человек. Имея радиоприёмник, подпольщики принимали радиопередачи из Москвы и на их основе писали и распространяли в городе листовки. В одной из них они писали: «Враг терпит поражение под Сталинградом. На его лучшее соединение— 6–ю армию — Красной Армией накинута петля, которая с каждым днём все туже и туже затягивается… Близится час разгрома фашистов и на Кавказе. Наш святой долг приблизить этот разгром…

Армавирцы! Саботируйте мероприятия оккупантов, вредите им на каждом шагу. Убивайте их огнём винтовки, топором, кинжалом, ножом. Не может быть пощады гитлеровским бандитам, грабителям и убийцам.

Смерть немецким оккупантам!»

Мужественный поступок совершили рабочие приборостроительного завода. Гитлеровцы сняли с пьедестала бронзовый памятник В. И. Ленину, перевезли его на завод и потребовали переплавить. Приборостроители, по предложению А. И. Лазарева, памятник вождю спрятали.

Ищейки карательной команды «Эйнзатцгруппы Д» напали на след подпольщиков И. С. Лазарева, А. И. Лазарева и Т. Н. Кузнецовой. В декабре 1942 года они были арестованы и после жестоких пыток расстреляны.

Но армавирские подпольщики продолжали активно действовать. Они распространяли листовки, резали телеграфно–телефонные провода, во время отступления фашистов из города рвали шнуры к минам, установленным гитлеровцами в подвалах

зданий.

Благородный подвиг совершила жительница Армавира П. М. Фунтикова. При оккупантах она работала во 2–й городской больнице, где содержались тяжелораненые военнопленные. В январе 1943 года, готовясь к отступлению из Армавира, гитлеровцы начали поспешно переводить военнопленных из госпиталя в тюрьму, а оттуда партиями вывозили их на расстрел. П. М. Фунтикова решила организовать побег военнопленных из тюрьмы. За две недели до отступления фашистов из Армавира она уговорила дежурившего ночью у тюремных ворот знакомого полицейского отдать ей ключи. Восемнадцать советских воинов, обречённых на верную гибель, были вызволены из тюремного каземата. Квартира П. М. Фунтиковой превратилась в своеобразный подпольный госпиталь. Соседки её — Е. Н. Аракелова, Е. М. Капланова, Н. В. Передерий, С. И. Сохина, Т. Г. Бороденко, В. С. Гриднева — обеспечили беглецов одеждой, продовольствием, ухаживали за ними. Работавший фельдшером в больнице С. Г. Аракелов доставал необходимые медикаменты и лечил раненых. С подходом частей Красной Армии все спасённые патриотами раненые бойцы закончили лечение в советском госпитале и вновь ушли бить врага.

Ряд подпольных организаций и групп создал Крыловский райком партии. В станице Екатериновской действовала подпольная организация во главе с Ф. Казминым, насчитывавшая 12 человек. Ф. Казмину удалось похитить в немецкой комендатуре пишущую машинку и большое количество бумаги. Подпольщики отпечатали около тысячи листозок и распространили их среди населения станицы. Много листовок было подготовлено подпольщицей Е. Максименко. Вместе с Н. Костенко Ф. Казмин похитил немецкую легковую автомашину. Он объехал на ней хутора района, где провёл беседы со многими колхозниками и оставил им листовки. Когда началось отступление фашистских войск, подпольщики мобилизовали население на охрану важнейших объектов станицы, не допустили уничтожения зданий школ, больницы, клуба, пекарни, предотвратили взрыв моста через реку Ея.

В станице Лабинской (ныне город Лабинск) по указанию райкома партии подпольную организацию создали коммунисты Е. П. Заикина и Т. И. Подыма. С помощью учительницы Л. А. Шитовой они отобрали для работы в подполье наиболее смелых и надёжных юношей и девушек. Для соблюдения конспирации все подпольщики были разделены на группы. Каждая из них имела свои явочные квартиры, выполняла определённые задания. Под влиянием агитации подпольщиков

многие жители прятали продовольствие, уклонялись от работы на захватчиков: притворялись больными или уходили в леса. О. Пушкарская и Н. Попова помогли бежать группе советских военнопленных, укрыв их у надёжных людей. Подпольщики организовали срыв работ на консервном и масложировом заводах, вывели из строя многие машины на этих предприятиях. В готовую продукцию они подливали керосин, в специальном цехе сожгли весь лук. Диверсии подпольщиков встревожили оккупантов. В полицию стали вызываться рабочие. Многие из них знали о подпольщиках, но уверяли полицейских, что все происходит по причине крайней изношенности оборудования.

Готовясь к вооружённому выступлению, подпольщики раздобыли оружие. Это было смелое предприятие. Группа комсомольцев — Н. Братчиков, В. Мартынюк, В. Кошелев, Н. Папреев и В. Кириленко— в ночь на 17 сентября 1942 года выследила немецкую автомашину с винтовками и боеприпасами. Уничтожив часового, подпольщики захватили восемь винтовок с патронами и десятка два гранат. Шесть винтовок в ту же ночь они отобрали у охраны масложирового завода.

Лабинские подпольщики были тесно связаны с разведчиками Красной Армии, по заданию которых собирали сведения о противнике. По просьбе разведчиков они поймали двух гитлеровцев и передали их советским воинам. Один из пленных — штабной работник — дал ценные сведения советскому командованию о фашистских войсках, расквартированных в Лабинском районе.

Вместе с разведчиками Красной Армии лабинские подпольщики совершили ряд боевых операций на дорогах Лабинского и Курганинского районов. Под руководством армейского разведчика старшего лейтенанта Бородина они захватили в районе хутора Вольного немецкую автомашину. В ней были радиоприёмник, винтовки и боеприпасы. В результате боевых операций лабинские подпольщики уничтожили и взяли в плен в общей сложности 16 гитлеровских солдат и офицеров, вывели из строя 3 автомашины, разгромили вражеский обоз. Несколько раз они нарушали телефонно–телеграфную связь между станицами Лабинской и Вознесенской. Во время отступления фашистов подпольщики много сделали для того, чтобы спасти промышленные предприятия, здания школ и другие объекты от разрушения и разграбления оккупантами.

Энергично действовала подпольная молодёжная группа в Ейске. Ее возглавлял комсомолец А. Ушаков. К ноябрю 1942 года группа насчитывала 18 человек.

Для борьбы необходимо было оружие. Однажды несколько

подпольщиков подкрались к гитлеровскому солдату и убили его. Теперь у них были винтовки и револьвер. Вооружившись, юные подпольщики стали нападать на одиночных солдат противника. Вскоре у них было 15 винтовбк, станковый пулемёт и 40 гранат. Совершая одну диверсию за другой, юные герои истребили многих гитлеровцев, шестерых полицейских, взорвали две грузовые автомашины, три мотоцикла. Только во время одной из ночных операций они вынесли •из склада противника 21 гранату.

Наряду с боевыми операциями ейскне подпольщики писали и распространяли по городу листовки. Когда они узнали о чудовищной расправе фашистов над воспитанниками Ейского детского дома, то немедленно выпустили в нескольких экземплярах листовку «Смерть гитлеровским палачам — мучителям и душителям советских детей».

В дни освобождения Ейска юные подпольщики с оружием в руках вышли на охрану промышленных и культурно–бытовых объектов, спасли многие из них от разрушения. Они не подпустили вражеских факельщиков к городской электростанции, заводу «Запчасть» и железнодорожному мосту.

Активно боролись с захватчиками трудящиеся Тамани, которая не раз была полем сражения патриотов нашей Родины против немецких захватчиков. Ожесточенные схватки с врагом происходили здесь в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Уже в ту пору трудящиеся Тамани прославились партизанской борьбой против белогвардейских войск и немецких захватчиков. На их земле и при их участии в 1918 году родилась легендарная Таманская армия, прошедшая трудный, но победный путь в боях за установление Советской власти на юге России. В грозные дни Отечественной войны здесь вновь развернулось активное партизанское движение.

В суровую пору оккупации Краснодарского края на Тамани действовало несколько подпольных организаций и групп. Одной из них была группа комсомольцев станицы Голубицкой Темрюкского района. В неё входили братья Николай и Григорий Штеба, Л. Карнаушко, Н. Голуб и другие юные патриоты. Вначале они раздобыли винтовки, несколько сот патронов и взрывчатку. Эта задача была решена без особого риска, так как в станице и на её окраинах после боев осталось много боеприпасов. Комсомольцы сами изготовили холодное оружие. Смонтировав радиоприёмник, они принимали из Москвы сводки Совинформбюро и на их основе составляли тексты листовок. Размножали их от руки, печатали самодельным шрифтом, сделанным из резины.

В начале 1943 года гитлеровцы начали массовую

мобилизацию населения на строительство оборонительных укреплений. Комсомольцы–подпольщики в листовках призывали жителей станицы уклоняться под всякими предлогами от работы на врага. Станичники всячески срывали мобилизацию. Когда же их силой выгоняли на работу, то они трудились по принципу «Больше слов — меньше дела».

Во время боев на Тамани в плен к гитлеровцам попали раненые советские воины. Фашисты согнали их в поспешно сооружённые под открытым небом лагеря. Был такой временный лагерь и на окраине станицы Голубицкой. Юные подпольщики передавали раненым советским бойцам продукты, табак, одежду, всё, что могли собрать у населения, помогли укрыться многим бежавшим из лагеря бойцам и командирам.

Располагая оружием и взрывчаткой, голубицкие подпольщики решили провести ряд диверсий. Они подготовили взрыв здания, где находился штаб гитлеровской части. Но фашистам удалось выследить патриотов. Гестаповцы подвергли их страшным пыткам. Терявших сознание обливали холодной водой, приводили в чувство и снова пытали, Так продолжалось несколько дней. Не сломив стойкости комсомольцев, фашисты расстреляли их на окраине станицы.

Смело действовали под руководством коммунистов и комсомольцев подпольные группы в Майкопе, Темрюке, в Курганинском, Крымском, Ладожском, Новопокровском, Усть–Лабинском, Черноерковском и во многих других оккупированных фашистами районах Краснодарского края.

Вместе с отцами, старшими братьями и сёстрами борьбу против оккупантов вели пионеры. Четырнадцатилетний пионер Л. Тараник из посёлка Ключевой был постоянным связным между тремя партизанскими отрядами и подпольными организациями станиц Горячеключевского района. Он успешно произвёл разведку расположения вражеских дальнобойных батарей и посадочных авиаплощадок. Ейские пионеры — пятнадцатилетняя Лиза Березина и её двенадцатилетний брат — сами составили и написали множество листовок и в разное время распространили их по городу. Вот что писали они в последней листовке, которую расклеили во многих местах города:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Братья и сестры, части Красной Армии близко, немцы бегут. Мы не должны допустить, чтобы фашисты — эти подлые зачинщики войны вывозили хлеб и скот. Мы должны предупредить подрыв тех предприятий, без которых нам придётся плохо.

Ведь это все наше кровное, мы сами наживали это добро».

В Краснодаре организатором одной из пионерских

подпольных групп был пятнадцатилетний пионер Женя Ванагас. КаК. то средь бела дня Женя проник через окно в комнату, где спал эсэсовец, и взял у него парабеллум. Удача воодушевила пионера. Действовали пионеры, особенно если учесть их возраст, исключительно смело. Однажды ночью они из самопалов убили задремавшего часового и унесли со склада полтора десятка винтовок. Во время массовой облавы на Сенном рынке подростки проломили дощатую стенку ограды, и люди разбежались через брешь, избежав отправки на каторжные работы в Германию.

На одном из городских скверов гитлеровцы разместили склад авиационного бензина. Здесь были сотни железных бочек и автоцистерн с горючим. Ребята несколько раз пробирались в ночное время на склад и выпускали бензин из бочек. Вскоре у них возникла идея уничтожить склад. Ребята достали ракетницу и установили посменное ночное дежурство в прилегающих к скверу дворах в ожидании очередного налёта советских бомбардировщиков. И как только самолёты появились над железнодорожным узлом, пионеры сумели подать сигнал ракетой. Склад был уничтожен. В феврале 1943 года, во время отступления гитлеровцев из Краснодара, группа Ванагаса, вооружённая винтовками, окружила отряд фашистов на территории городского кладбища и уничтожила его[545].

Ученица краснодарской школы Лида Воскресенская писала и распространяла в городе листовки, уничтожила пять гитлеровских офицеров, проживавших в доме её родственников. Гестаповцы зверски замучили девочку и повесили её на одной из центральных улиц города с надписью на дощечке: «За отравление немцев». Десятилетний пионер Женя Федерко проследил за установкой гитлеровцами минных полей в районе завода «Главмаргарин» и во время боев за Краснодар провёл по известным ему проходам в этих полях советскую воинскую часть. Тринадцатилетний майкопский пионер Женя Попов систематически резал провода телефонной связи противника, доставлял подпольщикам сведения о расположении вражеских частей. 19 декабря 1942 года он был схвачен фашистами при выполнении боевого задания. Его жестоко пытали, но пионер ни слова не сказал истязателям и погиб смертью героя. На боевом посту погибли от рук фашистских палачей пионеры–подпольщики Володя Козаченко из станицы Гиагинской, Шура Нетесова, Ваня Титаров и Ваня Близнец — ученики Сергиевской семилетней школы Крымского района, Тамара и Вера Огаревы из села Пантелеймоновское Успенского района.

Историческая победа Красной Армии под Сталинградом резко изменила обстановку на советско–германском фронте, и в

первую очередь на кавказском направлении. Началось массовое освобождение советской земли от фашистских захватчиков.

Перед отступлением фашисты попытались совершить новое чудовищное злодеяние — превратить кубанскую землю в зону пустыни. «Противник должен получить, — говорилось в директиве Гитлера группе армий «А» об отступлении немецких войск с Кубани, — совершенно негодную, на длительное время незаселённую, пустынную землю, где в течение месяцев будут происходить взрывы мин»[546].

Учитывая изменившуюся обстановку, крайком партии поставил перед подпольными организациями и партизанскими отрядами новые задачи, направленные на оказание помощи наступающим советским войскам. 3 января 1943 года он разослал райкомам и горкомам директиву, в которой потребовал создания в районах и городах новых подпольных организаций, партизанских отрядов и диверсионных групп. Перед подпольем и партизанскими формированиями была поставлена задача оседлать пути отступления фашистских грабителей, не допускать вывоза ими ценностей, спасать от уничтожения предприятия, уничтожать живую силу и технику противника.

Кроме того, директива требовала усилить меры для «серьёзного улучшения агитационной работы среди населения своих районов». Смысл этой работы состоял в том, чтобы наиболее массовую форму партизанской борьбы — срыв населением мероприятий захватчиков — поднять до уровня задач, поставленных перед подпольными организациями и партизанскими формированиями. Большое значение в этом отношении имело обращение крайкома партии и крайисполкома к населению оккупированных районов, опубликованное в специальном номере газеты «Большевик» и в листовке, изданной большим тиражом. В нём говорилось: «Наступил час расплаты с немецкими палачами и их наёмными прихвостнями за все кровавые злодеяния! Красная Армия перешла в наступление и на нашем участке фронта. Ей приказано освободить Кубань, освободить нашу землю от оккупантов, и она это сделает.

Гитлеровские мерзавцы чуют свою неизбежную и близкую гибель. Они поэтому поспешно вывозят с Кубани награбленное добро, вывозят хлеб, скот, народное имущество, угоняют на фашистскую каторгу советских людей, особенно молодёжь.

Славные сыны и дочери Кубани! Помогайте Красной Армии. Бейте фашистских оккупантов с тыла, отрезайте им пути к отступлению, всеми силами и способами препятствуйте им вывозить хлеб, скот и другие материальные ценности. Смело и решительно действуйте в тылу врага, наносите оккупантам

сокрушительные удары, уничтожайте живую силу и технику врага — как вам сподручнее будет, так и бейте проклятых фашистов: в лоб, из-за угла, в кварталах, ночью и днём. Бейте и уничтожайте их чем попало: топором, вилами, лопатами, ножом, дубиной.

Беспощадно истребляйте ненавистных извергов и кровопийц»[547].

Следуя указаниям крайкома партии, горкомы и райкомы направили в районы организаторов, которые создали во многих населённых пунктах новые подпольные организации и группы. Так, Тульский райком партии образовал две подпольные группы: в станице Абадзехской и на хуторе Шунтук. Перед ними была поставлена задача: всеми силами спасать народное добро, истреблять захватчиков и их пособников. Подпольщики станицы Абадзехской помогли уйти в лес и избежать угона в Германию 270 станичникам, спасли от уничтожения здания школ и больницы. На хуторе Шунтук подпольщики установили связь с румынскими солдатами, которые сообщили им план отступления гитлеровских частей, достали оружие. В результате подпольщики захватили у фашистов обоз с награбленным имуществом, отбили 150 голов скота, уберегли от уничтожения 20 тракторов[548]. Павловский райком партии создал три подпольные группы.

Во время отступления гитлеровцев подпольщики уничтожили ДО 40 фашистов, захватили 10 автоматов, 40 винтовок, отбили два гурта скота[549]. В Новопокровском районе подпольная группа, созданная коммунистом Пономаревым, уничтожила в январе 1943 года 12 гитлеровцев, спасла многие общественные строения от разрушения.

В Майкопе по заданию горкома партии в январе 1943 года был создан ряд новых подпольиых групп на промышленных предприятиях. Особенно активно действовали подпольщики на станкостроительном заводе имени Фрунзе, которых возглавил коммунист рабочий А. И. Москвин. 25 января на завод прибыл наряд гитлеровских солдат. Фашистский офицер объявил рабочим решение об уничтожении предприятия и приказал собрать все ценные инструменты в ящики и бросить их в горящую вагранку, разбить станки, а затем поджечь цехи. Но рабочие не были застигнуты врасплох. Подпольщики заранее разработали план спасения завода. Каждый из рабочих имел конкретное поручение.

Очень трудно было спасти уникальный токарный станок № 8. Рабочие, делая вид, что ломают его, развинтили, разобрали по частям и вынесли через окно цеха все детали. Кроме того, было спасено 27 моторов, много ремней, патронов от токарных станков, большое количество режущего инструмента. Все это

было спрятано в подвалах жилых домов и в свалочных ямах заводского двора.

Подпольщики узнали день поджога завода — 27 января. Накануне рабочие, обманув охрану, вылили из бочек привезённый для этого керосин. В результате фашистские факельщики ничего не смогли сделать.

Благодаря усилиям подпольщиков и населения в Майкопе были сохранены макаронная фабрика, кожевенный завод, авторемонтные мастерские, здание учительского института, многие школы. Подпольщики захватили в плен 50 вражеских факельщиков и подрывников.

И так было всюду, на всей кубанской земле. Справедлива сложившаяся в народе поговорка: «Фашистам много жарких бань дала советская Кубань».

Осенью 1943 года войска Красной Армии окончательно освободили Краснодарский край. На Кубань вернулось счастье свободной, радостной и созидательной жизни.

Партизанская борьба народных масс Кубани оказала существенную помощь Красной Армии, не позволила оккупантам поставить себе на службу промышленность и сельское хозяйство края, воспользоваться кубанской нефтью.

В суровые дни фашистской оккупации народные массы Кубани проявили себя стойкими защитниками Родины, беззаветно преданными делу Коммунистической партии.

ФОТОГРАФИИ

ГЕРОИ МИНСКОГО ПОДПОЛЬЯ

И. П. Казанец — Герой Советского Союза, организатор и боевой руководитель городского подпольного партийного центра в 1941–1942 годах.

С. И. Заяц — член подпольного партийного центра, активный участник многих дерзких операций.

В. С. Омельянюк — Герой Советского Союза, член горкома КП(б)Б, редактор подпольной газеты «Звязда», выходившей в оккупированном Минске.

Д. А. Короткевич—бывший член ЦК Компартии Белоруссии, в подполье руководитель разведчиков партийного центра.

И. К. Кабушкин — Герой Советского Союза, отважный разведчик и диверсант, один из самых активных участников боевых операций.

В. Ф. Рубец — медицинская сестра, помогла бежать из фашистского плена многим советским воинам, снабжала партизан и подпольщиков медикаментами, документами, одёждой.

И. Х. Козлов — художник, изготовлявший для подпольщиков паспорта, пропуска и другие документы. Участник многих боевых операций.

Е. В. Клумов — Герой Советского Союза, профессор, активный участник подполья. С его помощью было создано два партизанских госпиталя. Вместе с женой расстрелян гитлеровцами.

З. З. Гало — комсомолец, отважный разведчик, участник многих боевых операций.

ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ

Т. А. Морудов — один из организаторов витебского подполья, участник многих боевых операций.

Н. Ф. Лынченко — активная подпольщица, хозяйка конспиративной квартиры, связная подпольщиков с партизанами.

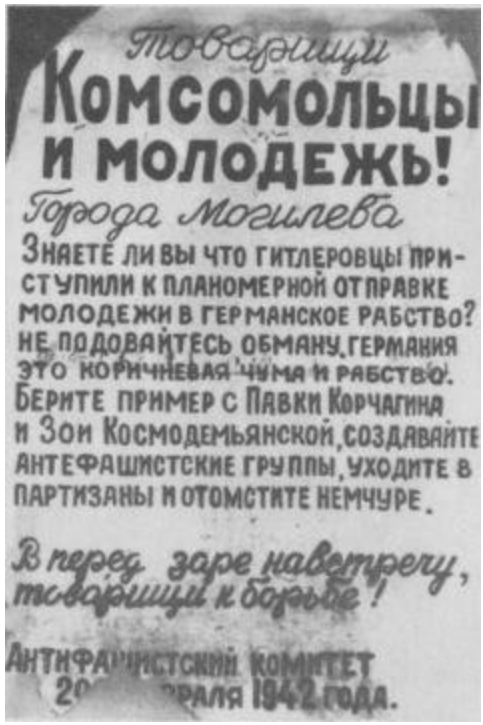
Г. Н. Озеров — советский военнослужащий, освобождённый подпольщиками из фашистского плена, разведчик, участник многих боевых операций в оккупированном Витебске.

К. Ю. Мэттэ — учитель. Один из организаторов и руководителей подполья в Могилеве.

П. И. Крисевич — преподаватель вуза, активный участник Могилевского подполья.

С. С. Соболевский — боевой организатор молодых подпольщиков, участник многих операций против оккупантов в Могилеве.

О. Н. Карпинская — учительница. Вместе с дочерью Таней размножала и распространяла листовки могилевских подпольщиков.


Товарищи
Комсомольцы и молодежь!
Города Могилева
Знаете ли вы что гитлеровцы приступили к планомерной отправке молодежи в германское рабство? Не подавайтесь обману. Германия это коричневая чума и рабство. Берите пример с Павки Корчагина и Зои Космодемьянской, создавайте антифашистские группы, уходите в партизаны и отомстите немчуре.
В перед заре навстречу, товарищи к борьбе!
Антифашистский комитет
20 [illegible] 1942 года.

Одна из листовок Могилевского подполья.

Руководители подпольщиков и партизан Тракайского уезда Литовской ССР. Слева направо: секретарь Тракайского подпольного укома КП(б) Литвы М. Афонин, член укома партии, командир партизанской бригады Т. Мончюнскас, начальник штаба бригады С. Сергеев (снимок 1944 года).

Памятник жертвам оккупантов в селе Пирчупис. У подножья памятника высечены слова: «Здесь 3 июня 1944 года гитлеровцы сожгли живыми 119 человек». Автору памятника скульптору Г. Иокубонису в 1963 году присуждена Ленинская премия.

«НАРОДНАЯ ГВАРДИЯ»

В. А. Грушин — один из организаторов и руководителей «Народной гвардии».

Н. Д. Березин — член боевого штаба «Народной гвардии», организатор печатных изданий подпольщиков Львовщины.

Ф. А. Гаевский — активный организатор молодых подпольщиков Львовщины, разведчик, диверсант, связной.

И. В. Дубас — командир отряда львовских подпольщиков, участник многих славных операций патриотов.

Станислава Полубяк—активный боец «Народной гвардии», связная подпольщиков и партизан Львовщины.

ПОДПОЛЬЕ РОВЕНЩИНЫ

Ровенский подпольный обком КП(б)У был организатором и вдохновителем партизанского движения. На снимке: обком партии за разработкой боевых операций. Слева направо: Л. Е. Кизя и А. Повторенко — территориальные секретари обкома, И. ф. Федоров — член подпольного обкома, командир партизанского соединения, В. А. Бегма — первый секретарь Ровенского подпольного обкома КП(б)У, начальник штаба партизанского движения области, В. Т. Тимофеев — член подпольного обкома, начальник разведки штаба партизанского движения.

Т. Ф. Новак — Герой Советского Союза, руководитель подпольной организации в Ровно, действовавшей весь период вражеской оккупации.

Н. М. Астафов — бывший секретарь райкома партии в Киеве. Во вражеском тылу возглавлял одну из подпольных организаций в Ровно.

П. М. Мирющенко — смелый диверсант и разведчик ровенского подполья, награждён орденом Ленина посмертно.

В ОДЕССКИХ КАТАКОМБАХ

В. А. Молодцов — Герой Советского Союза, чекист, руководитель подпольщиков Одессы.

В. Д. Авдеев — разведчик, организатор крупных диверсий в Донбассе и Одессе.

С. ф. Лазарев — секретарь Пригородного подпольного райкома КП(б)У, действовавшего весь период оккупации.

С. И. Дроздов — руководитель подпольщиков Ильичевского

района Одессы.

К. А. Тимофеев — организатор подпольщиков Ленинского района Одессы.

Колодец, через который подпольщики катакомб осуществляли письменную связь с патриотами города.

Заседание Пригородного подпольного райкома партии в одесских катакомбах под селом Усатово.

К. П. Ивкин — секретарь Киевского подпольного горкома КП(б)У.

А. С. Пироговский — Герой Советского Союза, секретарь подпольного железнодорожного райкома и Киевского горкома партии. Расстрелян гестаповцами за день до освобождения Киева.

В. И. Кудряшов — Герой Советского Союза, член подпольного горкома КП(б)У, отважный организатор разведки, диверсий и партизанских действий.

Г. С. Кочубей — руководитель подпольной организации «Смерть немецким оккупантам!».

П. М. Буйко — Герой Советского Союза, профессор, спасший от смерти многих партизан и подпольщиков. Был облит бензином и заживо сожжён гитлеровцами.

Н. И. Гайцан — рабочий, один из руководителей подпольной организации «Арсеналец».

В. П. Волкова — учительница, руководитель Старопольской подпольной организации.

И. В. Курсаков — секретарь Порховского райкома партии. Схваченный фашистами, он был подвергнут зверским истязаниям и повешен в городе Порхове.

Клава Назарова — до войны пионервожатая. Руководитель комсомольско — молодёжной подпольной организации в г. Острове. 12 декабря 1942 года повешена гитлеровцами.

Т. Я. Печатников — секретарь Гдовского райкома партии и комиссар партизанского отряда. В сентябре 1942 года погиб при выполнении боевого задания.

Н. А. Сергачев — один из организаторов народного восстания в оккупированных районах Ленинградской области, руководитель Белебелковской районной тройки.

В. Ф. Михайлов — руководитель псковского межрайонного партийного центра. Один из организаторов народного восстания на Псковщине.

БОЙЦЫ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

М. Л. Куприянов — секретарь Ашевского подпольного райкома партии Калининской области.

А. Телешов — руководитель подпольной молодёжной организации города Ржева.

Лиза Чайкина —Герой Советского Союза, секретарь Пеновского подпольного райкома комсомола.

Паня Зиматова — комсомолка, разведчица, награждена орденом Ленина.

Г. М. Огурцов — активный участник орловского подполья.

А. Н. Комаров-Жорес — руководитель одной из первых подпольных организаций в г. Орле.

Н. М. Алексеева — орловская подпольщица.

Б. Н. Гусев — врач. Вместе с другими медицинскими работниками он спас многих раненых военнопленных в г. Орле.

Вера Поршнева — комсомолка, отважная подпольщица, разведчица.

С. В. Дмитров — врач, подпольщик. Через его кабинет прошли сотни железнодорожников. Он учил их симулировать болезни, освобождаться от работы на оккупантов.

И. Д. Дмитриев — секретарь Лужского подпольного райкома, комиссар 9–й Ленинградской партизанской бригады.

И. В. Скурдинский — руководитель Осьминской подпольной партийной группы, один из организаторов народного восстания.

Комсомольцы-подпольщики станицы Голубицкой Краснодарского края.

М. С. Волобуев — профессор, разведчик краснодарского подполья.

«Вечная слава героям!» — памятник подпольщикам-островерховцам Новороссийска.

notes

Примечания

1

«Говорят погибшие герои». Политиздат, 1966, стр. 258.

2

Партархив Института истории партии при ЦК КГ1Б (в дальнейшем: ПА ИИП при ЦК КПБ), ф. 3500, оп. 1, д. 18, л. 71.

3

ПА ИИП при ЦК КПБ. ф. 4386, оп. 2, д. 19. л. 4.

4

«Преступления немецко–фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941— 1944 гг.». Минск, 1963, стр. 19.

5

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4683, оп. 3, д. 460, л. 79–80.

«Немецко–фашистский оккупационный режим». Политиздат, 1968, стр. 301.

«Немецко–фашистский оккупационный режим». Политиздат, 1965, стр. 308–309.

8

См. «Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко–фашистских захватчиков и их сообщников о злодеяниях немецко–фашистских захватчиков в г. Минске». Госполитиздат, 1944, стр. 12.

9

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 1, л. 21.

10

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 1, л. 21–27.

11

Там же, л. 22 и 4.

12

Здесь расшифровка кличек даётся по воспоминаниям члена ГПК К. Д. Григорьева.

13

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 11, л. 18.

14

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 10, л. 45–49; оп. 2; д. 1, л. 1.

15

«О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны». Минск, 1961, стр. 16.

16

ПА ПИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 5, л. 2, 3, 8.

17

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп, 1, д. 5, л, 2, 7.

18

Пятый член комитета впоследствии стал на путь предательства, после войны был судим и получил заслуженное наказание.

19

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 657, л. 6; д. 666, л. 10–13 ф. 4386, оп. 2, д. 118, л. 4–5.

20

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. — 2, д, 92, л. 1–3; ф. 4, оп. 33А, д. 659, л. 1–2.

21

Конспиративные квартиры минского партийного подполья находились также на улицах: Добролюбова, 44, кв. 1, где проживала семья коммунистки Н. М. Качан; 3–я линия, 26, — семья Ходасевичей; Некрасова, 4а, — семья коммунистки О. П. Барсук; Восточному переулку, 18, — М. М. Шпилевский и И. И. Обламский; Цнянская, 35, — комсомолка М. П. Рынкевич; Беломорская, 19, кв. 2, — семья Цветковых; на этой же улице, в доме 158, — коммунист И. Д. Будаев и В. А. Будай; Надеждинская, 14 (ныне 16), — Д. А. Драгун; Оранжерейная. 9, кв. 2, —Н. Ф. Герасимович; Комаровская (ныне имени Варвашени), 55, — коммунист И. Х. Козлов; Льва Толстого, 42, — Д. Ф. Харитончик; Московская, 29, — коммунистка А. И. Серова; Немигская, 11, кв. 2, — А. Я. Цитович; Пушкинский посёлок, 5, кв. 2, — М. П. Евдокимова; Розы Люксембург, 15, — А. М. Анисимова и другие.

22

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 74, л. 2, 3, 4, 8; ф. 3500, оп. 7, д. 113, л. 100а.

23

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д! 128, л. 4. 5, 7.

24

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп! 2, д. 25, л. 75–76.

25

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 93, л. 10–11.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 1, л. 33–36.

27

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 10, л. 49.

28

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 656, л. 260–267, 275–285

29

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 5, л. 13.

30

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 5, л. 21.

31

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4085, оп. 1, д. 1, л. 3.

32

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 24, л. 33–34.

33

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4085, оп. 1, д. 85, л. 41–42.

34

«О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны», стр. 48.

35

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 659, л. 36; ф. 3500, оп. 8, д. 34, л. 69.

36

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 86, л. 20.

37

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1283, л. 1, 12; ф. 4386, оп. 1, Д. 6, л. 61.

38

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 657, л. 70–71.

39

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 4, д. 137, л. 14.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4085, оп. 1, д. 10, л. 6, 7.

41

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3603, оп. 1, д. 2, л. 68.

42

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, Д. 62, л. 17–18.

43

«О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны», стр. 59.

44

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 1, л. 5.

45

Там же, л. 9.

46

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 12, л. 19, 23–24.

47

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 12, л. 20.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4085, оп. 1, д. 1, л. 5.

49

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 313, л. 1.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 1, л. 14–16, 18.

51

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1250, л. 18.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 11, л. 129.

53

И. Ковалев в начале октября 1942 года был арестован СД, не выдержал пыток и с января 1943 года ступил на путь сотрудничества с гитлеровцами.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 46, л. 56.

55

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 659, л. 56.

Там же, л. 63.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 11, л. 131.

К этому времени, а в особенности в 1943–1944 годах, многие партизанские отряды имели двустороннюю связь с советским тылом: по радио и при помощи авиации.

59

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 214, л. 137.

Там же, оп. 29, д. 12, л. 58, 60.

61

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 3, л. 1.

62

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3963, оп. 1, д. 13, л. 55.

63

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 750, оп. 1, д. 118, л. 110.

Там же, л. 109.

Там же, ф. 4386, оп. 2, д. 88, л. 21.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 9, л. 8.

Подсчитано автором по картотеке личного состава партизан Белоруссии.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4051, оп. 1, д. 21, л. 53–102.

69

Франтишек Липтак — бывший партизан бригад «Штурмовая» и «Народные мстители» имени Воронянского. Перешел к партизанам 28 октября 1943 года. Член КПЧ. Награжден чехословацким Военным крестом 1939 года, орденом Словацкого народного восстания, чехословацкой медалью «За храбрость», «Партизану Отечественной войны», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Дукельской памятной медалью.

«Огни партизанской дружбы». Минск, 1962, стр. 163–164.

71

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 1499, оп. 1, д. 115, л. 3.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 601, л. 119.

73

См. «Советская Беларусь», 10 апреля 1943 г.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 5, д. 97, л. 167.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4085, оп. 1, д. 117, л. 15, 17.

Там же, д. 18, л. 23–24.

Там же, оп. 1, д. 18, л. 38, 39, 40.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 4, д. 9, л. 2.

79

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 16, д. 2, л. 107.

Там же, л. 98.

81

Зондерфюрер был убит в конце декабря 1942 года участниками минского партийного подполья И. К. Кабушкиным, А. М. Левковым и Г. А. Евдокимовым.

82

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 11, л. 76.

83

По документам партизанских бригад и отрядов, хранящимся в ПА ИИП при ЦК КПБ.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 64, л. 428–429.

85

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 27, л. 7–8, 95, 96.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4058, оп. 1, д. 3, л. 123.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4053, оп. 1. д. 9, л. 12, 49.

88

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 4, д. 46, л. 508–509; оп. 2, д. 28, л. 34.

89

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 72, л. 6–8; ф. 4085, оп. 1, д. 117, л. 21, 321.

90

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 16, д. 2, л. 39, 106; оп. 5, д. 79, л. 3, ф. 4, оп. 33а, д. 277, л. 348–349.

91

См. С. *А. Вапшасов.* Партизанская хроника. Воениздат, 1959, стр. 373–378; ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 27, л. 10.

92

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 4, д. 175, л. 22–24; оп. 3, д. 74, л. 182–184.

93

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 27, л. 100.

«Сообщения Совинформбюро», т. 5. М., 1944, стр. 144.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 27, л. 100.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 7, д. 130, л. 3856.

Там же, оп. 4, д. 46, л. 508.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3963, оп. 1, д. 4, л. 34–35.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 25, л. 171–174.

100

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 16, д. 2, л. 107.

101

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 19, л. 5.

Э. И. Цитович — подпольщица Минска.

103

Б. Г. Бывалый — комиссар партизанской бригады «Старик», участник минского подполья.

104

В. С. Пыжиков — командир партизанской бригады «Старик».

105

Имеется в виду положение на фронтах Отечественной войны.

106

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 33, л. 34–35.

107

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 2, д. 9, л. 6.

«Непокоренная Белоруссия». Воениздат, 1963, стр. 373.

109

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 84, д. 273, л. 9–23.

110

ЦГАОР БССР, ф. 845, оп. 1, д. 7, л. 69.

111

Там же, л. 76.

112

ЦГАОР БССР, ф. 845, оп. 1, д. 7, л. 71.

113

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 1499, оп. 1, д. 9, л. 1.

114

ПА МИЛ при ЦК КПБ, ф. 3793, оп. 1, д. 29, л. 29.

115

Там же.

116

«В тылу врага. Листовки партийных организаций и партизан периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Госполитиздат, 1962, стр. 177–178. Дается с сокращением.

117

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3793, оп. 1, д. 29, л. 28.

118

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3793, оп. 1, д. 29, л. 28.

119

Там же.

120

Из беседы автора с Нагибовым. Отважный подпольщик живёт в настоящее время в Витебске.

121

«Славная дочь белорусского народа». Минск, 1962, стр. 214.

Там же, стр. 219–220.

123

Там же, стр. 223–224.

124

Госархив Витебской области, ф. 1, оп. 1, д. 586, л. 1–16.

125

Там же.

126

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3793, оп. 1, д. 201, л. 1–23.

127

См. «Советские партизаны». М., 1963, стр. 466.

128

См. «Преступления немецко–фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944 гг.». Минск, 1963, стр. 144–147.

129

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 11, л. 1.

В настоящее время К. Ю. Мэттэ работает заведующим учебной частью общеобразовательной школы в деревне Боровляны Минского района. Член КПСС с 1965 года.

131

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 1, л. 286.

132

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 13, л. 168–169.

133

«Солдатами были все». Сборник воспоминаний. Минск, 1969, стр. 241–242.

134

Предатель Н. Л. Степанов бежал на Запад, где нашёл новых хозяев. В настоящее время он находится в США.

135

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 11, л. 8 и 9.

136

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1264, л. 53.

137

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1264, л. 12.

138

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 6, л. 27.

139

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4201, оп. 1, д. 4, л. 201, 203.

140

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 1, л. 343.

141

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 283, л. 117.

142

Там же, л. 115.

143

Там же.

Там же, л. 121.

145

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 1, л. 116.

146

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 1, л. 343.

147

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 6, л. 25.

Там же, д. 1, л. 123.

149

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 1, л. 123; д. 4, л. 9.

150

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 283, л. 134а.

151

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 1, л. 240.

152

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4158, оп. 1, д. 2, л. 49.

153

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1303, л. 34–37.

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 1, л. 151.

155

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп, 1, д. 14, л. 17–18.

156

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 1, лл. 117, 118, 196, 197.

157

Там же, л. 177.

158

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1303, л. 158.

159

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1264, л. 26.

160

Журнал «Неман», 1965, № 3, стр. 134.

161

Лазаренко и Чернявский в 1964 году понесли заслуженную кару по решению советского правосудия.

162

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4158, оп. 1, д. 5, л. 39.

163

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 11, л. 46.

164

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 1, л. 30; д. 6, л. 15.

165

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 6, л. 14.

166

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 11, л. 6, 18

167

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1264, л. 37.

168

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 6, л. 22; д. 1, л. 199.

169

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 11, л. 7.

170

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4386, оп. 1, д. 11, л. 74.

171

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 213, л. 297.

172

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1303, л. 238.

173

ПА ИИП при ЦК КПБ. ф. 4289, оп. 1, д. 11, л. 10.

См. «МоПлеуская прауда», 31 декабря 1958 г.

175

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 11, л. 15–16.

176

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 13, л. 118–119.

177

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 7, л. 18.

178

«Преступления немецко–фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941 1944 гг.», стр. 141.

179

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4289, оп. 1, д. 11, л. 10, 13.

180

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4159, оп. 1, д. 1, л. 45.

181

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4159, оп. 1, д. 32, л. 18.

182

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4201, оп. 1, д. 16, л. 2.

183

ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33а, д. 280, л. 91.

Только в 1943 году, когда Красная Армия нанесла ряд сокрушительных ударов по гитлеровской военной машине, оккупанты для укрепления своего тыла вернули литовской буржуазии часть принадлежавшего ей ранее имущества.

185

«Преступные цели — преступные средства». М., 1963, стр. 75–76.

186

Шаулисты — члены действовавшей в Литве в годы буржуазной власти полувоенной фашистской организации «Шаулю саюнга» («Союз стрелков»).

187

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 16, д. 65, л. 3–4; ф. 4421, оп. 3, д. 32, л. 73.

188

ПА ИИП при ЦК КП Литвы. Коллекция документов № 389.

189

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 27.

190

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 237–238.

191

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 20.

192

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1770, д. 1, л. 33.

193

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 94, д. 2, л. 70.

194

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 16, д. 93, л. 18.

195

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 82, 95.

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 69, оп. 1, д. 6, л. 11.

197

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 16, д. 72, л. 10.

198

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 16, д. 69, л. 3, 5, 207.

199

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 96.

200

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 16, д. 95, л. 6.

201

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 16, д. 68, л. 25.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 114.

203

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 16, д. 69, л. 13.

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 5341, оп. 7, д. 1, л. 1–5.

205

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 4421, оп, 3, д. 34, л. 51.

206

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 4421, оп. 3, д. 32, л. 73.

207

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 5341, оп. 1, д. 1, л. 1–5.

208

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 43, д. 2, л. 10.

209

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 13, д. 30, л. 124–127.

210

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 13, д. 66, л. 39.

211

«В борьбе против гитлеровской оккупации. Воззвания КП(б) Литвы периода Великой Отечественной войны». Вильнюс, 1948, стр. 31.

212

ПА ИИП при ЦК Литвы, ф. 59, оп. 1, д. 1, л. 29–30.

213

Там же, л. 14.

«Коммунист», 1960, № 7, стр. 44.

215

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1, д. 7, л. 27.

216

«Преступные цели — преступные средства», стр. 209.

217

Там же, стр. 217.

218

ЦГА Лит. ССР, ф. 1173, оп. 3, д. 10, л. 12.

См. *Ю. Палецкис.* Советская Литва. М., 1949, стр. 85.

220

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 12.

221

М. Курганов. В лицо смерти. Политиздат, 1964, стр. 104.

222

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 16, д. 69, л. 43.

223

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 16, д. 69, л. 43.

Данные взяты из отчётов укомов КП(б) Литвы, хранящихся в ПА ИИП при ЦК КП Литвы.

225

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1, оп. 1, д. 40, л. 78.

226

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 3377, оп. 3377, д. 4, л. 18.

227

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 12, д. 19, л. 6.

228

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 16, д. 68, л. 29.

229

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 4421, оп. 3, д. 34, л. 25.

230

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 16, д, 69, л. 47.

231

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1, оп. 1, д. 40, л. 72–73.

232

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 16, д. 69, л. 43–44, 47–49, 51–52, 56, 58–59, 63.

233

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1, оп. 1, д. 410, л. 2 и 297.

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1, оп. 1, д. 61, л. 55.

235

ПА ИИП при ЦК КП Литвы, ф. 1, оп. 1, д. 2, л. 15–28.

См. «Львівська обласна партійна організація». Львів, 1961, стр. 105.

237

См. «Кровавые злодеяния Оберлендера. Отчет пресс–конференции для советских и иностранных журналистов, состоявшейся в Москве 5 апреля 1960 г.». М., 1960, стр. 5–7.

После войны Ландау нашёл приют в Западной Германии. Лишь недавно под давлением общественности власти ФРГ предали его суду.

239

См. «Звірства німців на Львівщині». Сборник статей и документов. Львів, 1945, стр. 13–30.

240

См. «Правда», 23 декабря 1944 г.

241

См. «Правда Украины», 19 января 1946 г.

242

Дистрикт — введённая оккупантами административно–территориальная единица, в которую входило несколько бывших областей. Во главе дистрикта стоял губернатор.

243

В состав генерал–губернаторства входили дистрикты Краков, Варшава, Радом, Люблин и Галичина.

См. «Боротьба трудящихся Львівщини проти німецько–фашистських загарбників». Збірник документів і матеріалів. Львів, 1949, стр. 75.

245

См. там же, стр. 6.

246

Партархив Львовского обкома КПУ (далее: ПАЛО КПУ), ф. 3, оп. 3–2—1, ед. хр. 9, л. 116.

247

ПАЛО КПУ, ф. 3, оп. 3–2—1, ед. хр. 33, л. 7.

248

См. *Станислав Оке́нцкий.* О некоторых вопросах советской военной историографии, посвящённой боевым действиям по освобождению Польши. «Вторая мировая война. Книга вторая. Военное искусство». М., 1966, стр. 385.

249

ПАЛО КПУ, ф. 3, оп. 3–2—1, ед. хр. 2, л. 16–19.

250

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 9, ед. хр. 77, л. 46–50.

251

В связи с этим «Народная гвардия» с лета 1943 года называла себя «Организацией партизанского движения в западных областях Украины».

252

ПАЛО КПУ, ф. 3, оп. 3–2—1, ед. хр. 9, л. 116–117.

253

«Боротьба трудящих Львівщини проти німецько–фашистських загарбників», стр. 155, 157.

ПАЛО КПУ, ф. 3, оп. 3–2—1, ед. хр. 9, л. 93.

255

ПАЛО КПУ, ф. 3, оп. 3–2—1, ед. хр. 10, л. 12–38.

Подсчитано автором на основе архивных материалов и свидетельств членов «Народной гвардии».

257

Тиражи газет автор установил из свидетельств членов «Народной гвардии», которые занимались печатанием и распространением газет.

258

ПАЛО КПУ, ф. 3, оп. 3–2—1, ед. хр. 9, л. 1.

259

См. «Звірства, німців на Львівщині». Сборник статей и документов. Львів, 1945, стр. 43.

260

ПАЛО КПУ, ф. 3, оп. 3–2—1, ед. хр. 9, л. 17.

261

Там же, л. 116.

262

ПАЛО КПУ, ф. 3, оп. 3–2—1, ед. хр. 9, л. 116.

263

Там же, л. 117 и 113.

«Боротьба трудящих Львівщини проти німецько–фашистських загарбників», стр. 104.

265

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 14, ед. хр. 830, л. 86.

266

См. «Сообщения Советского информбюро», т. IV. М., 1944, стр. 192.

267

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 14, ед. хр. 3091, л. 75.

268

«Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу. 1941 —1945 рр.», т. 2. Киев, Политиздат УССР, 1968, стр. 197.

269

ПАЛО КПУ, ф. 3, оп. 3–2—1, ед. хр. 9, л. 1.

ПАЛО КПУ, ф. 3, оп 3–2—1, ед. хр. 9, л. 118.

271

См. «Боротьба трудящих Львівщини проти німецько–фашистських загарбників», стр. 74.

ПАЛО КПУ, ф.:3, оп. 3–2—1, ед. хр. 9, л. 32.

Там же, л. 117.

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 3, л. 398.

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 62, оп. 10, ед. хр. ПО, л. 85.

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 14, ед. хр. 142, л. 156.

277

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 215, л. 60; ед. хр. 216, л. 651.

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 14, ед. хр. 1052, л. 4.

См. «Боротьба трудящих Львівщини проти німецько–фашистських загарбників», стр. 148.

См. *Степан Маківка.* Народна гвардія імені Івана Франка. Із спогадів підпільника, стр. 115.

281

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 9, ед. хр. 77, л. 113–114.

Эти общие данные автор вывел по архивным материалам, подпольным газетам, сообщениям Совинформбюро, отчётам руководителей львовских партизан и другим документам. Они расходятся с ранее опубликованными итогами деятельности «Народной гвардии». Автор считает, что ранее опубликованные данные менее точны.

283

Организация украинских националистов (ОУН) — объединение украинских буржуазных националистов, действовавшее на средства и по указке оккупантов.

284

Партархив Ровенского обкома КПУ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 504, л. 20.

285

См. Архив Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук УССР, ф. 434, оп. 1, д. 7.

286

Архив киевской выставки «Партизаны Украины», инв. № Г/1002.

287

Архив киевской выставки «Партизаны Украины», инв. № Г/1002.

Архив Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук УССР, ф. 7, оп. 1.

289

«Червоний штандарт», 20 июля 1943 г.

290

Архив киевской выставки «Партизаны Украины», инв. № Д/506.

Архив Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук УССР, ф. 1, оп. 1.

292

См. Фонд киевской выставки «Партизаны Украины», инв. № 7/1525.

293

«Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза». Сборник документов, т. 1, 1947, стр. 267–268.

294

Одесский облгосархив, ф. р. с/393, оп. 1, д. 677, л. 125 (в дальнейшем: ООГА).

295

См. «Известия», 14 июня 1944 г.

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 9а, д. 65, л. 174.

297

Партархив Одесского обкома КПУ, ф. 11, оп. 45, д. 1, л. 13 (далее: ПАОО КПУ).

298

«Одесская газета», 5 ноября 1941 г. (газета оккупационных властен; хранится в фондах Партийного архива Одесского обкома КПУ).

299

ПАОО КПУ. Мемуарный фонд. Воспоминания С. Ф. Лазарева, л. 1.

ПАОО КПУ, ф. 11, оп. 45, д. 3, л. 41.

301

«Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза». Сборник документов, т. 2, стр. 135–136.

302

Там же, стр. 137.

303

ПАОО КПУ, ф. 11, оп. 45, д. 3, л. 29.

«Комсомольская правда», 18 сентября 1960 г.

305

ПАОО КПУ, ф. И, оп. 45, д. 150, л. 25.

См. *Г. Марцишек.* Мы на своей земле, стр. 134.

307

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 9, д. 95, л. 13.

308

См. «Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза». Сборник документов, т. 2, стр. 207.

В. Клоков, И. Кулик, И. Слинько. Народная борьба на Украине в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1957, стр. 31.

К. Типпельских. История второй мировой войны. Перевод с немецкого. М., 1956, стр. 359.

311

Г. Марцишек. Мы на своей земле, стр. 7.

312

Там же, стр. 121.

«Говорят погибшие герои». М., 1963, стр. 153.

314

ПАОО КПУ. Мемуарный фонд. Воспоминания С. Ф. Лазарева, стр. 7.

«Героическая Одесса». Облиздат, 1945, стр. 87.

316

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 9, д. 85, л. 9.

317

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 9, д. 85, л. 13.

318

Одесский историко–краеведческий музей. Отдел Великой Отечественной войны. Экспозиция.

319

ПАОО КПУ, ф. 11, оп. 45, д. 4, л. 12.

320

ПАОО КПУ, ф. 11, оп. 45, д. 79, л. 15.

321

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 7, оп. 10, д. 90, л. 88.

322

ПАОО КПУ, ф. 11, оп. 45, д. 44, л. 34.

323

ПАОО КПУ, ф. 11, оп. 45, д. 44, л. 190.

ПА ИИП при ЦК КПУ, инв. 492, л. 154.

325

ПАОО КПУ, ф. 11, оп. 45, д. 133, л. 58.

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 9, д. 85, л. 7.

327

«Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза». Сборник документов, т. 2, стр. 135.

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 9, д. 85, л. 15.

329

«Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза». Сборник документов, т. 2, стр. 148.

ПА ИИП при НК КПУ, ф. 1, оп. 9, д. 85, л. 16.

331

«Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза». Сборник документов, т. 2, стр. 152–153.

332

См. там же, стр. 196–197.

333

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, он. 9, ед. хр. 85, л. 35–37.

334

«Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза». Сборник документов, т. 2, стр. 159.

335

ПАОО КПУ, ф. 11, оп. 45, д. 10, л. 80.

336

См. Я. *Штернштейн.* Морские ворота Украины. Одесса, 1958, стр. 171.

337

ООГА, ф. Р., 1820, оп. 1, д. 304, л. 10. Перевод с румынского.

338

«Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза». Сборник документов, т. 2, стр. 244.

339

ООГА, ф. Р., 2509, оп. 1, д. 314, л. 145–146. Перевод с румынского.

340

ПАОО КПУ, ф. 11, оп. 45, д. 39, л. 14.

341

Там же, д. 53, л. 2.

См. «Советские партизаны». М., 1961, стр. 503.

343

ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 9, д. 85, л. 19–20, 33, 38.

Там же, л. 19, 38.

345

См. «Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза». Сборник документов, т. 2, стр. 196.

346

ПАОО КПУ, ф. И, оп. 45, д. 36, л. 14.

347

ПАОО КПУ, ф. 11, оп. 45, д. 41, л. 45.

348

См. «Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза». Сборник документов, т. 2, стр. 191.

349

Партархив Киевского обкома КПУ (далее: ПАКО КПУ), ф. 1, оп. 1–2, д. 8, л. 151 — 152.

350

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 176, л. 94–101.

351

ПА НМЛ при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 1–14, ед. хр. 81, л. 88.

«Преступные цели — преступные средства», стр. 95.

353

ПА НМЛ при ЦК КПУ, ф. 1, оп. 1 — 14, л. 81, 88.

«Преступные цели — преступные средства», стр. 95.

355

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 176, л. 111–112.

«Німецько–фашистський, оккупаційний режим на Україні». Збірник документів і матеріалів, Київ, 1963, стр. 257.

357

«Правда Украины», 19, 21 января 1946 г.

358

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 176, л. 124.

359

Сборник «Київ–герой». Киевское областное книжно–газетное издательство, 1961, стр. 269–273.

«Сучасне майбутнє», 1948, № 4, стр. 10.

361

«Преступные цели — преступные средства», стр. 89.

362

См. *Д.* Ф. *Григорович.* Киев — город–герой. Воениздат, 1962, стр. 86.

363

ПАКО КПУ, ф. 1, оп. 1–2, д. 103, л. 1–18.

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 179.

365

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 176, л. 130–133.

Там же, л. 134.

367

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 179, л. 223.

Там же, д. 189, л. 28–32.

369

Там же, д. 176, л. 187–189.

ПАКО КПУ, ф. 1, оп. 1–2, д. I, л. 75–77.

371

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 176, л. 155–158.

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 179, л. 388 -395.

373

ПАКО КПУ, ф. 1, оп. 1–2, д. 58, л. 58; ф. 5, оп. 2–6, д. 190, л. 47–49.

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 179, л. 354–359.

375

Государственный архив Киевской области, ф. 60, д. 3, л. 24.

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 176, л. 262–263.

377

Раиса Окипная.

«Киевщина в годы Великой Отечественной войны». Сборник. Киев, стр. 215–227.

К. Дубина. 778 трагічньїх днів Киева. Киев, 1945, стр. 81.

ПАКО КПУ, ф. 5. оп. 2–6, д. 176, л. 159—163.

381

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 178, л. 225.

382

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 176, л. 280–286.

383

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 178а, л. 5.

ПАКО КПУ, ф. 1, оп. 1–2, д. 8, л. 100, 162.

Текущий архив Киевского обкома КПУ.

386

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 178, л. 226.

387

ПАКО КПУ, ф. 5, оп. 2–6, д. 179, л. 403–416.

Там же, л. 467.

389

Там же, д. 178, л. 243–245.

390

П. Р. Шевердалкин был уполномоченным Ленинградского обкома партии по организации партийного подполья и партизанских отрядов в полосе Волховского фронта.

391

Статья охватывает районы, входившие в состав Ленинградской области во время войны.

«Преступные цели — преступные средства», стр. 251.

393

Партийный архив Ленинградского обкома партии (далее: ЛПА), ф. 0–116, оп. 1, ед. хр. 1723, л. 11.

ЛПА, ф. О—116, оп. 4, ед, хр. 881, л. 107.

395

ЛПА, ф. 0–116, оп. 9, ед. хр. 177, л. 77–84.

396

ЛПА, ф. 0–116. оп. 1, ед. хр. 308, л. 1–65.

В. С. Зайцев. Непокоренная Гдовщина. Статья в сборнике «Горят костры партизанские». Л., 1966, стр. 75.

398

Сборник «Большевистские газеты в тылу врага». Ленниздат, 1946, стр. 18.

399

ЛПА, ф. 21, оп. 2, ед. хр. 5395, л. 13.

ЛПА, ф. К — 598, оп. 5, ед. хр. 34, л. 51.

401

ЛПА, ф. 0–116, оп. 1, ед. хр. 9, л. 1–7.

402

Там же, ед. хр. 17, л. 16–18.

403

ЛПА, ф. 24, оп. 2, ед. хр. 5310–а, л. 11 — 12.

ЛПА. ф. 0–116, оп. 1, ед. хр. 17, л. 20–21.

405

Там же.

406

ЛПА, ф. 0–116, оп. 8, ед. хр. 118, л. 26.

В. П. Саму хин. Волховские партизаны. Л., 19G9, стр. 98–99.

ЛПА, ф. 24, оп. 2, ед. хр. 5310а, л. 73.

«Листовки партизанской войны в Ленинградской области». Л., 1945, стр. 41.

Там же, стр. 62.

411

См. М. *Н. Никитин* и П. И. В*агин.* Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей. Л., 1943, стр. 53–54.

412

ЛПА, ф. О—116, оп. 9, ед. хр. 1739, л. 428–430.

413

ЛПА, ф. 0–116, оп. 1, ед. хр. 1723, л. 57.

См. М. *Н. Никитин* и П. И. В*агин.* Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей, стр. 59.

415

ЛПА, ф. 0–116, оп. 1, ед. хр. 1723, л. 45–46.

416

ЛПА, ф. 0–116, оп. 9, св. 640, ед. хр. 1729, л. 363.

417

ЛПА, ф. 0–116, оп. 9, ед. хр. 1729, л. 365.

418

ЛПА, ф. 0–116, оп. 9, св. 640, ед. хр. 1729, стр. 524.

419

ЛПА. ф. 0–116, оп. 16а, ед. хр. 1745, л. Г—16.

В. П. Самухин. Волховские партизаны, стр. 91.

421

Там же, стр. 96.

«Непокоренная земля Псковская». Л. 1969, стр. 99.

423

ЛПА, ф. 0–116, оп. 1, ед. хр. 449, л. 9–98.

424

ЛПА, ф. 25, оп. 2, ед. хр. 48876, л. 75.

425

ЛПА, ф. 0–116, оп. 9, ед. хр. 174, л. 48.

426

ЛПА, ф. 0–116, оп. 8, ед. хр. 72, л. 23.

427

ЛПА, ф. 0–116, оп. 8, ед. хр. 4887, л. 75.

428

ЛПА, ф. О—116, оп. 638, ед. хр. 1724, л. 39.

429

См. *М. Н. Никитин.* Партизанская война в Ленинградской области. Л., 1943, стр. 176–177.

Ч. О. Динсон, О. Гейльбрунн. Коммунистические партизанские действия. М., стр. 75–77.

431

ЛПА, ф. 0–116, оп. 9, ед. хр. 259, л. 4–5.

432

ЛПА, ф. 0–116, оп. 9, ед. хр. 1357, л. 185.

«Комсомольская правда», 11 октября 1945 г.

ЛПА, ф. 0–116, оп. 9, ед. хр. 722, л. 22–24.

435

Там же.

ЛПА, ф. 0–116, оп. 9, ед. хр. 722, л. 25–26.

437

Там же, ед. хр. 259, л. 71.

ЛПА, ф. 0–116, оп. 9, ед. хр. 722, л. 53–54.

439

Там же, л. 55.

См. «Советская Россия», 19, 20 и 21 декабря 1967 г. Очерк «Часы остановились в 20.00».

441

ЛПА, ф. 0–116, оп. 8, ед. хр. 117, л. 46.

442

ЛПА, ф. 25, оп. 2, ед. хр. 4887, л. 76–86.

443

«Листовки партизанской войны в Ленинградской области». Л., 1945, стр. 226–228.

444

ЛПА, ф. 24, оп. 2, ед. хр. 1083, л. 78.

445

ЛПА, ф. 0–116, оп. 9, ед. хр. 1378, л. 1–4.

446

Рапорт Ленинградского штаба партизанского движения. Газета «Ленинградский партизан» № 30, 15 апреля 1944 г.

447

Партархив Калининского обкома КПСС (далее: ПАКО КПСС), ф. 429, оп. 2, ед. хр. 32, л. 41.

448

ПАКО КПСС, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 36, л. 72.

449

ПАКО КПСС, ф. 147, оп. 10, ед. хр. 1001, л. 26.

450

Там же, ед. хр. 1032, л. 28–29.

451

ПАКО КПСС, ф. 147, оп. 10, ед. хр. 1032, л. 5.

452

ПАКО КПСС, ф. 147, оп. 10, ед. хр. 1063, л. 3.

453

Там же, ед. хр. 1040, л. 42.

Там же, л. 26.

«Советская Россия», 24 сентября 1958 г.

См. «Псковская правда», 15 апреля 1964 г.

457

«Вперед на врага», 15 марта 1942 г.

«Говорят погибшие герои». Политиздат, 1963, стр. 60.

459

«Говорят погибшие герои», стр. 61.

ПАКО КПСС, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 3, л. 25.

461

ПАКО КПСС, ф. 147, оп. 10, ед. хр. 1040, л. 16.

Там же, ед. хр. 37, л. 6; ф. 147, оп. 3, ед. хр. 174, л. 78, 88.

463

ЦПА НМЛ, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 129, л. 50.

ПАКО КПСС, ф. 147, оп. 10, ед. хр. 40, л. 5.

465

ПАКО КПСС, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 3, л. 10.

М. И. Калинин. О партизанской борьбе. «Партийное строительство», 1942, №9–10, стр. 38.

467

«Советские партизаны», стр. 103.

ПАКО КПСС, ф. 479, оп. 3, ед. хр. 11, л. 15, 34.

469

Там же, л. 40.

Там же.

471

ПАКО КПСС, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 365, л. 34.

Там же, л. 35.

473

«Документы о преступлениях Адольфа Хойзингера против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности». Политиздат, 1962, стр. 170.

ПАКО КПСС, ф. 434, оп. 2, ед. хр. 26, л. 221–224.

475

ПАКО КПСС, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 36, л. 77.

ПАКО КПСС, ф. 147, оп. 10, ед. хр. 1042, л. 27–39.

477

ПАКО КПСС, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 36, л. 97.

ПАКО КПСС, ф. 147, оп. 10, ед. хр. 1071, л. 119.

479

ПАКО КПСС, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 65, л. 194.

ПАКО КПСС, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 64, л. 150.

481

Там же, ед. хр. 35, л. 282.

Там же, ед. хр. 708–726.

483

ПАКО КПСС, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 47, л. 240.

ПАКО КПСС, ф. 147, оп. 10, ед. хр. 1001, л. 5.

485

ПАКО КПСС, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 35, л. 282.

ПАКО КПСС, ф. 434, оп. 2, ед. хр. 658, л. 9.

Г. Ф. Сарченко. В строю бессмертных. Псков, 1964, стр. 148.

ПАКО КПСС, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 712, л. 170.

«Правда», 9 мая 1965 г.

490

Гехайм фельдполицай — тайная полевая полиция, или военное гестапо.

491

Первые несколько недель фашистская газетёнка в Орле выходила под названием «Орловские известия», а затем стала называться «Речь».

492

К сентябрю 1943 года на территории Орловской области, включавшей тогда и Брянскую область, действовали десятки партизанских отрядов, в которых насчитывалось 42 тысячи бойцов (см. «Советские партизаны», стр. 224).

Жора — подпольная кличка Жореса. (Все примечания даются автором.)

Установлено, что штурман дальнебомбардировочной авиации гвардии старший лейтенант Лосунов, возвратившись из Орла на Большую землю, продолжал воевать. В 1943 году он погиб в бою и похоронен в Чугуєве, под Харьковом. Судьба Семиненко неизвестна.

С. Н. Иванов до такой степени был искалечен, что палачи, видя, что ему осталось жить несколько часов, «освободили» его. С помощью случайных прохожих он добрался до квартиры и вскоре скончался.

Государственный архив Орловской области. Коллекция № 1.

А. Шагинов продолжал воевать до полного разгрома гитлеровской Германии. За боевые подвиги он награждён тремя орденами Боевого Красного Знамени, орденами Александра Невского и Красной Звезды, многими медалями. В настоящее время он работает горным мастером на шахте «2–я Северная» в Краснодонском районе Луганской области.

К сожалению, более подробных сведений об этих антифашистах нет.

499

Руководитель группы Н. Авицук был приговрен к семи годам каторжных работ. «Мягкость» приговора объясняется следующими обстоятельствами: во время допроса гестаповец–следователь жестоко избивал Николая. Однажды, не выдержав истязаний, Николай схватил со стола пивную бутылку и с размаху ударил ею в подбородок следователя. Присутствовавший тут же жандарм дал автоматную очередь по Николаю и перебил ему обе ноги выше колен. В пропагандистских целях, чтобы показать «гуманность» своего «правосудия», гитлеровцы, «учитывая состояние здоровья подсудимого», решили «сохранить ему жизнь», будучи уверенными в том, что концлагерь за короткий срок быстро сведёт в могилу искалеченного комсомольца.

500

Юрий Бондаренко умер в декабре 1942 года, заразившись тифом при общении с больными военнопленными, находившимися в тифозном бараке.

501

В настоящее время А. Д. Гомзиков проживает в селе Теребеево Никольского района Вологодской области, работает в колхозе.

502

Государственный архив Орловской области. Коллекция № 1.

503

В 1952 году предатель Арсенов–Шестаков получил должное возмездие: он был осуждён как изменник Родины и расстрелян.

«Орловская область в годы Великой Отечественной войны». Сборник документов и материалов. Орел, 1960, стр. 128.

505

Государственный архив Орловской области, ф. 691, д. 8, л. 2–3.

506

Партийный архив Краснодарского крайкома КПСС (далее: ПАКК КПСС), ф. 4373, д. 10, л. 574.

507

См. «Советская Кубань», 12 февраля 1958 г.

508

Государственный архив Краснодарского края, ф. Р-897, оп. 1, ед. хр. 1, л. 218.

509

См. «Большевик» (орган Краснодарского крайкома и горкома ВКП(б) и краевого Совета депутатов трудящихся), 24 сентября 1943 г.

«Правда», 25 октября 1963 г.

511

Там же.

512

ПАКК КПСС, ф. 1774, д. 2278, ед. хр. 571, л. 11.

513

Там же, л. 12.

514

См. «Нефтяная промышленность Краснодарского края». Гостехиздат, 1957, стр. 31.

515

См. *Виталий Закруткин.* Кавказские записки. М., 1954, стр. 387.

516

ПАКК КПСС, ф. 1774, р. оп. 2, откр.

517

См. «Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 года— 1945 год)». Документы и материалы. М., 1961, стр. 537.

518

ПАКК КПСС, ф. 4372, д. 17а, л. 42; д. 12а, л. 43–44.

519

ПАКК КПСС, ф. 4372, д. 29, л. 158.

520

ПАКК КПСС, ф. 4372, д. 23, л. 134.

521

ПАКК КПСС, ф. 4372, оп. 1, д. 8, л. 100.

«Советская Кубань», 10 апреля 1965 г.

523

ПАКК КПСС, ф. 4372, д. 8, л. 100.

«Адыгейская автономная область». Адыгнациздат, 1947, стр. 196.

525

«Большевик» (Краснодар), 6 ноября 1943 г.

526

ПАКК КПСС, ф. 4372, д. 12а, л. 88.

527

ПАКК КПСС, ф. 4342, д. 23, св. 3, л. 41.

528

По данным комиссара разведывательной группы «Кубанцы» И. Е. Винниченко.

529

Из переписки автора с О. Костакелом.

«Комсомольская правда», 24 октября 1963 г.

531

ПАКК КПСС, ф. 4373, д. 12, л. 67.

532

ПАКК КПСС, ф. 4372, д. 38, л. 102

533

Там же, л. 111.

ПАКК КПСС, ф. 4372, д. 9, л. 129.

535

Там же, л. 25.

ПАКК КПСС, ф. 4372, оп. 1, д. 38, л. 92.

537

ПАКК КПСС, ф. 4372, д. 38, л. 188.

«Большевик», 24 октября 1943 г.

539

Там же.

«Правда», 25 сентября 1943 г.

541

ПАКК КПСС, ф. 4373, оп. 1, д. 11, л. 455.

542

Записано со слов одного из руководителей новотитаровского подполья — члена КПСС И. К. Сероштан.

543

ПАКК КПСС, ф. 4373, оп. 1, д. 11, л. 456.

Из беседы автора с Р. Г. Лихонос (Ищенко).

545

См. «Советская Кубань», 8 мая 1965 г. Вожак юных подпольщиков Е. Ванагас в настоящее время работает токарем Краснодарского ремонтномеханического завода Министерства строительства РСФСР.

«Преступные цели — преступные средства», стр. 270.

«Большевик», 16 января 1943 г.

ПАКК КПСС, ф. 4373, д. 11, л. 640.

549

ПАКК КПСС, ф. 4373, д. 11, л. 414.